

П. Н. КРАСНОВЪ

ВЪ ЖИТЕЙСКОМЪ
МОРЪ

РОМАНЪ

ПАРИЖЪ

Dopis

Brno

na naxie

18-20 srpna 1963r.

Prof. Kratoch.

o

П. Н. КРАСНОВЪ

ВЪ ЖИТЕЙСКОМЪ МОРЪ

СУДЬБА ТРЕХЪ ОФИЦЕРОВЪ

РОМАНЪ

ПАРИЖЪ

1 9 6 2

© by Fédération Mondiale des Invalides
et Mutilés de guerre, Russes - Paris 1962

—— 3, rue Adolphe-Cherieux ——
Issy-les-Moulineaux (Seine). Paris - France

Д. Краев

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ

Я вспоминаю мою первую встрѣчу съ покойнымъ писателемъ. Это было осенью 1913-го года. Былъ маневръ нашей бригады. 10-й Донской Казачій полкъ дѣйствовалъ изъ Замостья противъ 15-го, стоявшаго въ Томашовѣ, на границѣ съ Австріей.

Маневръ только-что кончился. «Враги» собрались на полянѣ. Впереди былъ вѣковой дремучій лѣсъ, сзади — широкая долина, за ней, синяя безконечная даль земли, а надъ всѣмъ просторомъ — голубое, бездонное небо.

По лѣсной дорогѣ выѣхалъ всадникъ, два офицера, нѣсколько ординарцевъ и вѣстовыхъ. Высокій, изящный, настоящій спортсменъ, красивый, съ молодымъ лицом. Въ немъ было что-то свое, особое, одухотворенное, замѣтно-отличавшее его въ средѣ другихъ людей. Ему было, вѣроятно, не болѣе 43 лѣтъ. По нынѣшнимъ понятіямъ, это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ. Первое впечатлѣніе отъ встрѣчи такъ и осталось на всю жизнь. Такимъ я увидѣлъ полковника П. Н. Краснова, незадолго передъ тѣмъ, принявшаго 10-й Донской Казачій полкъ.

Потомъ была война. Встрѣчаться приходилось чаще. Онъ блестяще командовалъ полкомъ, быстро поднимался по служебной лѣстницѣ и настойчиво продвигалъ къ наградамъ своихъ офицеровъ и казаковъ. Реляціи его были красочны, обстоятельны и детально передавали теченіе каждаго боя. Сказывался не только писательскій талантъ, но и то, что этотъ человѣкъ видѣлъ большой свѣтъ, зналъ многихъ выдающихся людей, зналъ себѣ цѣну и сознавалъ свою большую популярность.

Скоро онъ получилъ бригаду, затѣмъ дивизію и закончилъ войну, въ роковой 17-й годъ, командиромъ 3-го Коннаго корпуса, когда этотъ корпусъ шель на Петроградъ. Шель спасать Россію.

Великая война для насъ безславно кончилась. Священная, жертвенная кровь миллионовъ русскихъ людей была пролита зря. За то Россія стала упиваться всѣми «свободами»; воцарились экзаль-

тированная ненависть и злоба. Февральское возстаніе открыло цикл историческихъ и космическихъ катастрофъ и обваловъ.

Въ маѣ 1918-го года, послѣ освобожденія Новочеркасска, Войсковой Кругъ, избралъ генерала Краснова Донскимъ Атаманомъ. Произошло временное соглашеніе и объединеніе двухъ силъ, взаимно противоположныхъ, несходныхъ и разныхъ. Красновъ не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ демократическимъ учрежденіямъ. Опытъ предшественника, — благороднаго А. М. Каледина, былъ у него на глазахъ. Фронтное казачество, въ свою очередь, еще не изжило полностью демократическаго угара, еще смотрѣло подозрительно и косо на свое офицерство. Надо было спастись гибнущее Отечество и Красновъ согласился возглавить Войско.

Начался замѣчательный творческий періодъ работы Атамана. Въ короткій срокъ, онъ создалъ прекрасную молодую армию. Своей кипучей дѣятельностью онъ хотѣлъ заразить всѣхъ казаковъ. Къ сожалѣнію, сотрудничество продолжалось недолго. 2-го февраля 1919 года, П. Н. Красновъ положилъ свой Атаманскій «перначъ» на столъ Президіума Круга и удалился отъ руководства Войскомъ, а потомъ покинулъ родную землю.

Въ 1918-мъ году, въ станицѣ Константиновской, Красновъ началъ писать романъ: «Отъ Двуглаваго Орла — къ красному знамени». Въ 1930-мъ году, во Франціи, онъ закончилъ послѣдній 4-й томъ. Это огромное произведеніе (1734 страницы) принесло Краснову славу и дало широкую извѣстность среди читающей публики. Романъ выдержалъ нѣсколько изданій, былъ переведенъ на многіе языки (англійскій, болгарскій, голландскій, датскій, испанскій, итальянскій, нѣмецкій, финскій, французскій, хорватскій, чешскій и шведскій) и разошелся въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Потомъ, годъ за годомъ, онъ писалъ книги, ради хлѣба насущнаго. Къ 1938-му году было написано и издано 22 произведенія, изъ которыхъ 15-ть были переведены на иностранные языки. Эти книги читались, зачитывались, ихъ искали, ими интересовались...

Что же влекло человѣческія сердца къ Краснову-писателю? Чего они искали у него и что находили? Мнѣ выпало счастье написать отзывы о трехъ книгахъ Петра Николаевича, вышедшихъ въ издательствѣ Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ. Повторю тѣ мысли, что я высказывалъ раньше.

П. Н. Красновъ — пѣвецъ старой Россіи, въ особенности той, въ которой протекала его военная служба и карьера. Въ своей

жизни онъ исколесилъ полсвѣта, много видѣлъ и зналъ и все видѣнное, онъ красочно и интересно описалъ въ своихъ книгахъ.

Любовь его къ Россіи была пронизана мистикой и преклоненіемъ. На имперское, лучезарное величіе Державы Россійской онъ молился повсюду: въ царственномъ, блистательномъ Санктъ-Петербургѣ и на безконечно далекой отъ столицы Сибирской окраинѣ. Для каждаго мѣста онъ находилъ соотвѣтствующія краски, восторженные слова и подмѣчалъ повсюду великую правду жизни. Въ его книгахъ разлито сыновнее любованіе своей Родиной, ея мощью, разнообразіемъ и пространственной безпредѣльностью. Взору его повсюду представлялась наша великая, мало-знаемая Россія. Съ полнымъ основаніемъ и правомъ онъ могъ сказать Россіи: «Какъ я дорожу моею къ Тебѣ любовью и тѣмъ, что я Твой сынъ!»...

В 1943 году, въ разгаръ войны, П. Н. Красновъ предложилъ Главному Правленію Инвалидовъ рукописи двухъ своихъ послѣднихъ произведеній: романъ «Въ житейскомъ морѣ» и повѣсть «Погибельный Кавказъ». Несомнѣнно, это былъ самый безкорыстный, жертвенный даръ. Никакихъ авторскихъ гонораровъ Петръ Николаевичъ отъ насъ не потребовалъ и никакихъ условій намъ не поставилъ. Просто, по офицерски, сказалъ: «Знаю, что трагически и безусловно сложилась сейчасъ судьба инвалидовъ. Я не могу вамъ помочь матеріально. Примите это въ даръ. Если сумѣете издать, можетъ быть привлечете какія-то средства»... Отъ людей, близко соприкосавшихся къ генералу, мы знали, что самъ Красновъ въ это время жестоко бѣдствовалъ.

Увы, издать книги намъ не удалось. Былъ бумажный голодъ, были драконовскія ограниченія на отпускъ бумаги; была эпоха, когда изданіе книгъ, говорящихъ о временахъ мирныхъ и благоденственныхъ, должно было казаться дикой несуразностью.

Въ 1944-омъ году произошла высадка Союзниковъ и опредѣлилось пораженіе Германіи, съ которой генералъ Красновъ связалъ свою судьбу, ради борьбы съ врагами нашего Отечества. Шель шестой годъ войны. Нѣмецкій народъ напрягалъ нечеловѣческія усилія, чтобы задержать роковой конецъ. Германія и Россія горѣли въ огнѣ, рушились города, села, фабрики, заводы, дворцы и памятники. Налеты авіаціи оставляли груды развалинъ, дымъ, копоть, трупы и смерть. Думать въ это время объ изданіи книгъ мы не могли.

А затѣмъ, пришелъ неизбѣжный конецъ въ формѣ апока-

липсического разгрома Германіи. Судьба П. Н. Краснова, неожиданно для него и для всѣхъ, оказалась исключительно трагической. Никто не зналъ о согласіи просвѣщенныхъ, гуманныхъ союзниковъ на выдачу Сталину, людей, боровшихся за историческую Россію, за честь и свободу русскаго народа.

1-го іюня 1945 года, Красновъ вмѣстѣ съ генералами, офицерами и казаками былъ выданъ большевикамъ на кровавую расправу. Былъ выданъ обманнымъ и вѣроломнымъ образомъ. Лиенцъ, гдѣ произошла потрясающая драма, надолго останется свидѣтелемъ тупой жестокости, учиненной надъ безоружными людьми, памятникомъ лицемерія, пошлости и цинизма.

16-го января 1946 года, П. Н. Красновъ былъ повѣшенъ въ Московской тюрьмѣ. Что пережилъ онъ, — мы никогда не узнаемъ. Враги, несомнѣнно, упивались сладострастной мезтью. Палачъ набросилъ петлю на голову одного изъ самыхъ лучшихъ сыновъ Россіи. Перестало биться сердце, о которомъ можно сказать словами разстрѣляннаго Гумилева: «Золотое сердце Россіи мѣрно бьется въ груди моей»...

С. Поздышевъ

ОТЪ АВТОРА

Романъ «Въ житейскомъ морѣ» былъ написанъ лѣтомъ 1911 года для «Русскаго Инвалида» и шелъ въ этой военной газетѣ фельетонами. Въ 1915 году, В. А. Березовскій издалъ этотъ романъ отдѣльною книгою.

Въ эмиграціи неоднократно разные люди обращались ко мнѣ съ вопросомъ: «почему я не переиздамъ «Въ житейскомъ морѣ»? Романъ имѣлъ въ свое время успѣхъ».

Долгое время у меня не хватало духа перечитать романъ. Зимой 1939-1940 года, когда шла вторая Великая война и я былъ отрѣзанъ отъ библиотекъ и архивовъ, дававшихъ мнѣ матерьялы для историческихъ романовъ я рѣшился прочитать «Въ житейскомъ морѣ».

Я писалъ романъ когда я былъ Начальникомъ казачьяго отдѣла Офицерской кавалерійской школы, а потомъ, въ отпуску, въ Кисловодскѣ, передъ отправленіемъ въ Джаркентъ для принятія полка. Писалъ урывками, по воскресеньямъ, вставая для такой работы въ четыре часа утра. Я писалъ романъ для военной газеты, поэтому онъ былъ переполненъ сценами и разсужденіями, интересными для военныхъ и совсѣмъ ненужными для подлиннаго романа. Романъ написанъ тридцать лѣтъ тому назадъ, за это время военное дѣло такъ измѣнилось, мы пережили Великую войну, переживаемъ теперь новую войну — войну машинъ — такимъ образомъ и то — «военное» что было в романѣ оказалось устарѣлымъ и ненужнымъ. Разсужденія героевъ того романа теперь кажутся дѣтскими.

Переиздавать романъ не имѣло смысла. Его нужно было бросить и забыть.

Но, перечитывая романъ я нашелъ въ немъ интересную идею изображенія того, какъ протекала жизнь трехъ офицеровъ, одинаковаго образованія и воспитанія, сложившаяся такъ различно.

Эта мысль мнѣ показалась не только интересной, но — в ѣ ч н о й. Я рѣшилъ наново написать романъ.

Отъ прежняго «Въ житейскомъ морѣ» остались лишь немногія имена, нѣсколько сценъ, теперь впрочемъ по новому обработанныхъ и представленныхъ читателю. Вышелъ совершенно новый романъ. Вотъ почему я и не могъ поставить его, какъ второе издание «Въ житейскомъ морѣ».

Какъ и тогда, когда я писалъ — только гораздо еще сильнѣе волнуется и кипитъ «житейское море», бурей напастею воздвигаемое. Какъ и тогда люди ищутъ «тихое пристанище», только много рѣже находятъ таковое.

Можетъ быть, люди старые, помнящіе конецъ прошлаго вѣка прочтутъ романъ, какъ воспоминаніе своихъ молодыхъ лѣтъ, молодежь заинтересуется, чѣмъ и какъ жили въ тѣ времена, когда ломался вѣкъ, три товарища, три однокашника, три офицера Російской Императорской Арміи, три «Царскихъ» офицера. Какъ сложилась ихъ личная жизнь, какъ и кого они любили и какія сердечныя и душевныя драмы они пережили.

Пусть молодежь сравнитъ свое теперешнее — здѣсь, за границей и тамъ — въ союзѣ совѣтовъ — съ тогдашнимъ, съ жизнью отцовъ и дѣдовъ подъ Императорской державой. Все тоже — та-же любовь, страсть, ошибки молодости, ревность, доводящая до ненависти все это не зависимое отъ обстановки, службы, работы, искусства, тоже неравенство — ибо все это — вѣчное. Оно было, есть и будетъ.

Это сердце человѣческое, носимое волнами моря житейскаго..

Далевицъ. Октябрь 1940 года.

...«Кто имѣетъ, тому дано будетъ; а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что онъ думаетъ имѣть»...

Евангеліе отъ Луки. Гл. 8 ст. 18.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Юнкеръ Вадимъ Ламбинъ шель раннимъ майскимъ утромъ по песчаной дорожкѣ, вившейся по краю холма — дюны, поросшей сосновымъ и буковымъ лѣсомъ. Въ пролеты между деревьями внизу просвѣчивало и блистало, тихое спокойное синее море. Мягкія, покорныя волны съ тихимъ шопотомъ набѣгали на серебристый песокъ. Въ лѣсу — ни шороха, ни шума — одна нѣжная, робкая весенняя ласка. Море цѣловало землю, любовно прижимаясь къ низкому берегу. Тамъ, гдѣ лѣсъ отступалъ отъ края холма, была свѣтлая зелень ландышевой листвы. Бѣлыя метелочки узорныхъ колокольчиковъ, висѣвшихъ прелестными разнѣжными юбочками, торчали изъ свѣтло зеленыхъ острыхъ листьевъ. Въ воздухѣ былъ свѣжій запахъ ландышей — аромать весны.

Все это было ново для Ламбина. Первый разъ совсѣмъ на волѣ, одинъ, первый разъ видитъ Балтійское море во всей его голубой шири и красѣ, синее море, какъ пишутъ о моряхъ въ сказкахъ, романахъ и стихахъ. Первый разъ ночевалъ Ламбинъ не въ казармѣ корпуса, училища, не у матери въ имѣніи, но у товарища дѣтства, на дачѣ его родителей. Первый разъ — полная воля дѣйствіямъ, прогулкамъ, мыслямъ, поступкамъ.

Все — прекрасно: — солнечное утро, безъ вѣтра, синее небо, высокое, съ маленькимъ кружевнымъ узоромъ розовыхъ облачковъ на верху, точно вуалькой подъ солнцемъ, легкій воздухъ — не надышешься имъ — свѣжесть моря, прохлада, аромать ландышей, сосновый крѣпкій духъ лѣса, свободный шагъ юнаго тѣла и главное — ожиданіе свиданія съ дѣвушкой изъ особаго таинственнаго и прекраснаго недостижимаго міра... И лучше всего — молодость!

Молодость девятнадцати лѣтъ. Упругое сильное тѣло, гибкіе суставы, легкія кости, которыхъ не чувствуешь совсѣмъ; нѣтъ

никакихъ заботъ — все ясно впереди, все возможно, все доступно!

Сердце билось покойнымъ ровнымъ ритмомъ, сердце пѣло гдѣ-то внутри бодрый маршъ и, будто отвѣчая этому маршу, снизу, изъ глубины лѣсной, еще издалека раздавался чистый, ясный свѣжій и, должно быть, такой же молодой голосъ, пѣвшій о такой же молодой радости. Женщина... дѣвушка... пѣла... Она такъ же, какъ и Ламбинъ отдавалась счастьемъ молодости и весны и пѣла, ни о чемъ не думая, не подозрѣвая, что кто-нибудь можетъ ее услышать.

— Тра-та-та... тра-та-та... тамъ-тамъ-тамъ... Тра-та-та... тамъ-тамъ-тамъ.

Безъ словъ — одна музыка... Маршъ Радецкого. Штраусовскій, модный маршъ, любимый маршъ Ламбина неся изъ-подъ горы, быстро приближаясь. Во весь сильный голосъ пѣла дѣвушка, пѣла для себя, какъ поетъ поутру птица, привѣтствуя солнце. Она пѣла и шла подъ этотъ маршъ, шла въ гору, и подъемъ нисколько не мѣшалъ ея пѣнію. Ламбинъ бросился в молодой ельникъ и спрятался въ немъ.

Ближе и ближе раздавался бодрый маршъ. Пѣвшая искусно и музыкально передавала голосомъ всѣ его колѣна и переливы. Она вдругъ показалась на перегибѣ дюны, на узкой песчаной дорожкѣ.

Гимназистка съ дѣтски округлымъ лицомъ, съ неопредѣлившимся носомъ, съ дѣтскими пухлыми губами, съ темно-каштановыми волосами, причесанными на прямой проборъ и заплетенными въ тугую косу, съ большими свѣтлыми сѣро-голубыми глазами, быстро шла по дорожкѣ, распѣвая во весь голосъ.

Коричневая юбка колыхалась у колѣнъ, ноги въ черныхъ чулкахъ и башмачкахъ ступали легко въ ритмъ маршу. Поверхъ черной бархатки на шеѣ легла резинка и большая, круглая соломенная шляпа свѣтлымъ кругомъ висѣла на спинѣ, подъ покатыми, нѣжно округленными плечами.

Ламбинъ всталъ въ елкахъ, сталъ аплодировать и крикнуть — «браво»!

Маршъ Радецкого оборвался на полутактѣ. Гимназистка остановилась, мгновение — синесѣрые глаза съ испугомъ смотрѣли на Ламбина. Они потемнѣли, стали совсѣмъ синими. Короткое мгновение, но запомнившееся навсегда. Гимназистка повернулась и помчалась назадъ, внизъ подъ гору. Черные чулки мелькали изъ

подъ мотавшейся юбки, соломенная шляпка ерзала по спинѣ. Легче лѣсной газели неслась дѣвушка и скрылась изъ вида.

И опять — торжественная тишина утра, запахъ ландышей и сосны, чуть слышное движеніе мягкихъ волнъ внизу — поцѣлуи моря землѣ. Но почему-то радость ощущенія молодости, ожиданія предстоящаго свиданія стала еще сильнѣе и ярче. Точно этотъ маршъ, пропѣтый незнакомой дѣвочкой, эта встрѣча — были прелюдией къ чему-то необычайно прекрасному, точно сказали ему о томъ, что ожидаетъ его въ жизни нѣчто особенное такое, какого ни у кого не было и не будетъ...

II.

Наташа Травина стояла у борта, когда пароходъ причаливалъ къ рѣчной пристани. Пассажировъ было мало. Лѣтній, дачный сезонъ не начался.

Наташа показала Ламбину еще прелестнѣе, чѣмъ была она на сценѣ. Блѣдно-голубая юбка съ бѣлыми полосками, широкими складками спускалась къ ногамъ. Легкая кофточка свѣтло-синяго сукна была распахнута и открывала на груди бѣлую батистовую блузку. Маленькая соломенная шляпка въ синихъ незабудкахъ лежала на свѣтло-русыхъ волосахъ. Наташа увидала Ламбина. Въ голубыхъ глазахъ ея загорѣлись счастливые огни.

Ламбинъ поднесъ Наташѣ собранный имъ въ лѣсу большой букетъ ландышей.

— Какъ это мило, Ламбинъ... И неужели сами собирали?

Наташа опустила лицо въ цвѣты.

— И какъ пахнуть! Прелестъ!

Она подала руку въ длинной сиреневой перчаткѣ Ламбину, и тотъ все не могъ выпустить ея маленькиѣ пальчиковъ, дрожавшихъ въ его рукѣ. Чтобы скрыть охватившее ее волненіе, Наташа говорила, не умолкая:

— Вотъ, видите, пріѣхала... Рѣшилась... А какъ боялась. Думала — а вдругъ вы обманете? И я тутъ одна. Первый разъ такъ далеко. И было страшно. И вы тутъ!.. И съ цвѣтами! Ландышами. Какъ здѣсь и правда хорошо.

Наташа полною грудью вздохнула, посмотрѣла на сосны, на широкую песчаную улицу съ деревянными дачами, на море за лѣсомъ.

— Вос-хи-тительно!.. Я первый разъ вижу море... Балтійское море. Синее море. А говорятъ — есть моря, гдѣ вода еще синѣе. Черное море, Средиземное море, Атлантической океанъ. Неужели все это можно будетъ когда-нибудь повидать? Ламбинъ — вѣдь это просто таки сказка. Сказка жизни. Мы не знаем ее. Узнаемъ ли когда-нибудь?..

Ламбинъ стоялъ молча. Онъ былъ очарованъ. Все было въ Наташѣ обворожительно. И то, что называла его просто, по-товарищески, по фамиліи — Ламбининымъ и то, что маленькіе пальчики трепетали въ его сильной, загорѣлой рукѣ и то, что, наконецъ, они вдвоемъ, на цѣлый день одни и могутъ говорить, и онъ можетъ сказать все Наташѣ, все то, что онъ передумалъ за длинную зиму. Все это было такъ хорошо, что словъ не было и Ламбинъ молчалъ, не спуская влюбленнаго взгляда съ Наташи. Наташа покраснѣла.

— Ну, полноте, Ламбинъ, что вы такъ на меня смотрите. Что мы будемъ дѣлать? Что придумали вы?..

— Поѣдемте кататься. Потомъ въ Нарву, тамъ будемъ завтракать.

— Отлично, Ламбинъ. Поѣдемъ вдоль моря... Постоимъ, посидимъ у берега. На песку, у самыхъ, самыхъ волнъ. Хорошо?

Ламбинъ хотѣлъ помочь Наташѣ сѣсть въ высокую двухъ-колесную карафашку, но не успѣлъ коснуться и локтя, какъ Наташа легко поднялась по ступенькѣ и сѣла на пестрый изъ лоскутковъ коверъ, положенный на сѣно.

Какъ все было изумительно! И запахъ сѣна въ телѣжкѣ, и маленькая эстонская лошадка, сытенъкая и кругленькая, съ колокольцемъ подъ круглой дугой и спокойный, ко всему равнодушный эстонецъ, курившій трубку, и самый запахъ махорки и дегтя колесной мази, сливавшійся съ запахами лѣса — сосенъ и ландышей и берегъ моря съ его особымъ ароматомъ.

Наташа выпрыгнула изъ карафашки и пошла по серебристому бархату песка подлѣ волнъ.

— Господи! Какой тутъ воздухъ! И море. Тихое. Что-то шепчетъ оно намъ. О чемъ-то рассказываетъ. Что-то предсказываетъ. Ужели, Ламбинъ, можетъ быть такая счастливая тихая жизнь?.. Дремотно бѣгутъ волны... не то, что спать. Нѣтъ. Не спать. А хочется закрыть глаза и отдаться тишинѣ. И... Ни о чемъ не думать. Помните у Лермонтова:

«Чтобъ фонтанъ не умолкая
Въ залѣ мраморномъ журчалъ
И меня в мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая
Усыплялъ и пробуждалъ...»

Наташа быстро повернулась отъ моря и посмотрѣла голубовато-сѣрыми глазами прямо въ глаза Ламбину:

— Ламбинъ, вы думали о жизни? О будущемъ? О прекрасномъ?

Ламбинъ молча развелъ руками. Какія могли быть у него мысли о жизни?.. У него — красавца юнкера, съ золотою вахмистерскою нашившкой на аломъ погонѣ? Черезъ три мѣсяца онъ будетъ офицеромъ въ блестящемъ гвардейскомъ полку. Онъ влюбленъ въ эту дѣвушку, балетную артистку. Жизнь открывалась ему, какъ сплошной радостный праздникъ.

Наташа поняла его жестъ.

— Нѣтъ. А я думала, — тихо сказала она. — И, знаете, очень даже много думала. Вотъ сейчасъ. Ахъ, Боже мой, какъ хорошо это настоящее. Море, ласка теплаго дня... Солнце и то, что, — чуть слышно сказала она, — что мы тутъ съ вами... вдвоемъ. Никто, намъ не мѣшаетъ. Какъ больно смотрѣть на волны. Вонъ тамъ, далеко, глядите, какъ блеститъ... Золото, золото играетъ на волнахъ. Это настоящее, наше съ вами настоящее — золотая наша жизнь. Ну, а прошлое? А, нѣтъ, не люблю я вспоминать свое прошлое. Училище и такое ложное мое положеніе въ немъ. Ольга Юсифовна кричала на насъ, по пальцамъ насъ била. Больно. Не легкая была наша балетная школа. Ну, правда, за то товарищество у насъ было перво-клас-ное... Какъ у васъ въ кадетскихъ корпусахъ. Это — чтобы пожаловаться на подругу или выдать, — никогда того не бывало. И теперь, когда мы уже взрослые, на сценѣ — у оперныхъ то и дѣло слышишь интриги, зависть, подкопы... Нарочно не въ тонъ подадутъ... Или у драматическихъ... А у насъ? Знаете, намъ старшія артистки и теперь говорятъ «ты», какъ было въ училищѣ, а мы имъ «вы». Вотъ только пріѣзжихъ, гастролерокъ мы не любимъ. Иностранокъ. Мы видимъ — онѣ во всемъ хуже насъ. И не красивыя онѣ, а имъ всегда первое мѣсто и ухаживаютъ за ними, какъ за принцессами какими. А за что? Только за то, что итальянки. А будущее? Вотъ тутъ-то и думаешь. Вѣдь и море, Ламбинъ, не всегда такое тихое и ласковое. Бываютъ и на

немъ бури. Волны бухаютъ о скалы, разбиваютъ корабли. Какъ же! я читала. Вотъ и въ жизни бури... Мнѣ кажется, что жизнь, Ламбинъ, страшнѣ океана въ бурю. Какъ вы думаете? Нѣтъ, вы ничего не думаете. Вы — юнкеръ. Юнкерочекъ, какъ назвала васъ Муся. Какъ мнѣ было трудно скрыть отъ нея, куда я сегодня поѣхала. Нѣтъ, Ламбинъ, вы ни о чемъ не думаете. Ну, что же философствовать? Не стоитъ право, когда такъ хорошо кругомъ. Вы хотѣли завтракать. Такъ ѣдемъ.

Опять былъ ровный бѣгъ славной рыжей лошадки, звонъ колокольчика на дугѣ, тихій шопотъ сосноваго лѣса и запахи махорки, лошади, смолы и ландышей отъ букета, лежавшаго у Наташи на колѣняхъ.

*
**

Въ лѣтнемъ ресторанѣ они были одни. Не все еще было тамъ готово къ приему гостей. Въ большой столовой часть оконъ была закрыта зимними деревянными щитами — прозрачный сумракъ стоялъ въ столовой. Пахло весенней свѣжестью и сосновыми смолистыми досками. Накрыто было всего три стола и лакей былъ не во фракѣ, а въ легкомъ люстриновомъ пиджакѣ.

Это было такъ хорошо. Такъ пріятно было быть вдвоемъ и не стѣсняться посторонними. Для Ламбина, какъ для «нижняго чина» ресторанъ былъ запретный плодъ. Наташа тоже первый разъ была въ ресторанѣ. Все имъ казалось прекраснымъ. Нарвская, блѣднорозовая лососина подъ майонезомъ, маленькіе циплята, покрытые желтой хрустящей корочкой изъ промасленныхъ сухарей, Эриванскіе консервные персики, холодное шампанское въ прозрачномъ хрусталѣ бокаловъ — все было — «шикъ». Оба чувствовали себя на краю блаженства. И тогда Ламбинъ несмѣло, простиительно заговорилъ о томъ, о чемъ все время мечтавъ. Послѣ производства будетъ у него двадцати-восьми дневный отпускъ и Наташа въ это время еще не будетъ занята. Такъ было бы пріятно провести весь отпускъ вмѣстѣ на берегу теплаго, синяго моря... Въ Крыму ..

Наташа слушала и была, какъ въ легкомъ, прозрачномъ снѣ. Она тихо качала отрицательно головой. Отъ прогулки, отъ выпитаго ею шампанскаго, отъ волненія, ея щеки покрылись румянцемъ и глаза сіяли, юнымъ, не приглашеннымъ заботою огнемъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ, Ламбинъ. Я прошу васъ. Не надо намъ даже и думать объ этомъ. И зачѣмъ, зачѣмъ я право согласилась пріѣхать

сюда? Вотъ и пошли вы глупости говорить. Вы хотите связать свое будущее съ моимъ?..

— Да.

— Нѣтъ, Ламбинъ. Никогда вы въ мое будущее не входили.

— Какъ же я могъ входить въ ваше будущее, когда вы меня совсѣмъ вовсе не знали.

— Да вотъ... И знаете никогда, слышите, никогда я и знать то не хотѣла никакихъ Ламбининыхъ.

— Вотъ какъ! Прекрасно! но не скажете же вы мнѣ, что вы никогда и ни о комъ не мечтали?

— Не о комъ, а о чемъ. О, я мечтала о многомъ, о многомъ. Я мечтала о славѣ. Когда-нибудь, потомъ, я расскажу вамъ, почему мнѣ это нужно. Мнѣ нужно быть знаменитостью. Какъ Соколова, какъ Ваземъ, какъ Петипа. Нѣтъ — больше. Какъ Тальони, какъ Эльснеръ. Обѣхать весь свѣтъ. Тан-цов-щицей .. Танцовать въ Парижѣ, въ Большой Оперѣ, въ Миланской Ла-Скала, въ Берлинѣ, въ Нью-Йоркѣ. Ну я не знаю еще гдѣ. Въ Индіи, у какого-нибудь Раджи, въ сказочномъ дворцѣ, куда пріѣхать на бѣломъ слонѣ и тамъ быть осыпанной брилліантами, сафирами и рубинами. Словомъ, вы понимаете, стать такой, чтобы всѣ балетоманы млѣли передо мной.

— Чѣмъ же я вамъ въ этомъ помѣшаю?

— А, если я васъ люблю?

Наташа сказала это тихо и опустила голову, но сейчасъ же и подняла ее.

— Нѣтъ, что я — глупости Я вамъ помѣшаю. Вспомните, что итакъ только чудо спасло вамъ ваши вахмистерскія нашивки... Васъ могли выгнать изъ училища рядовымъ въ полкъ. О, знаю я васъ.

— Ахъ да.

И оба такъ весело, радостно засмѣялись воспоминанію, что даже хмурый лакей, дремавшій, стоя въ углу у буфета, встряхнулся и посмотрѣлъ на нихъ, привѣтливо улыбаясь.

III.

И правда — первое знакомство Ламбина съ Наташей произошло при не совсѣмъ обычной обстановкѣ и могло кончиться для обоихъ крупными неприятностями.

Оно произошло лѣтомъ минувшаго года. Стоялъ знойный июль, съ частыми грозами и короткими ливнями. Въ тотъ день, утромъ, былъ смотръ юнкерскаго эскадрона и послѣ него, юнкера были отпущены въ отпускъ до позднихъ часовъ. У Ламбина въ Петербургѣ не было знакомыхъ, ѣхать было некуда, но и скучно было оставаться въ полупустомъ баракѣ. Онъ отпросился попытаться счастье достать билетъ въ Красносельскій театръ. На касѣ онъ увидѣлъ объявленіе: «на сегодня всѣ билеты проданы».

Вечеръ былъ душный. Темныя тучи надвигались на Красное Село, за Петергофомъ блистали зарницы и чуть слышно очень далекіе ворковали громы.

Въ шинели въ накидку, раздосадованный и разочарованный стоялъ Ламбинъ на широкомъ деревянномъ подъѣздѣ и смотрѣлъ, какъ подкатывали къ театру извозчики и собственные экипажи, какъ нарядныя дамы, жены гвардейскихъ офицеровъ проходили въ подъѣздъ. Въ свѣтѣ большихъ круглыхъ фонарей, принаряженныхъ, завитыхъ, в модныхъ шляпкахъ, онъ казался Ламбину поразительно красивыми. Въ воздухѣ пахло духами, кожей ременной сбруи, дегтемъ, разгоряченными лошадыми. Колеса скрипѣли по гравію, насыпанному на шоссе. Нарядный «брэкъ», запряженный вороными конями съ куцыми хвостами вошелъ въ полосу свѣта.

- - Э-эпп — раздался сытый голосъ офицера въ бѣлой фуражкѣ, правившаго лошадыми.

Съ высокихъ сидѣній прыгивали молодые офицеры въ черныхъ вицъ-мундирахъ и помогли сойти дамамъ. Слышался разговоръ на англійскомъ языкѣ... Все это сейчасъ, пока Ламбинъ былъ юнкеромъ, еще недостижимое для него казалось ему прекраснымъ и заманчивымъ. Ламбинъ вытягивался, «отчетливо», какъ и подобаеть кавалерійскому юнкеру отдавалъ честь офицерамъ и, затаивъ дыханіе, слѣдилъ за дамами.

Что за чудесный міръ былъ тамъ, гдѣ хлопали входными дверьми. Передъ глазами Ламбина за проволочной сѣткой висѣла блѣдно розовая афиша, и на ней черными буквами написано: «Мѣсяцъ в деревнѣ», пьеса И. С. Тургенева... Играть будутъ: М. Г. Савина... Варламовъ... Давыдовъ, Петипа»... Все знаменитости! «Балетный дивертисментъ. Танцовать будутъ воспитанницы... Травина, Ленская»... Ламбинъ старался не смотрѣть на афишу, а она манила его, увеличивала досаду стоять подлѣ праздника, на который ему не хватило мѣста.

Савина, Давыдовъ... Воспитанницы... Танцовать будут, а онъ

стоитъ, одинокій, на деревянномъ подъѣздѣ. Прошли послѣдніе счастливыцы. Погасли фонари у театра. Голубые жандармы на сѣрыхъ лошадахъ уѣхали отдыхать. Ламбинъ остался одинъ.

Ужели итти «домой» — въ сырой баракъ, гдѣ кромѣ «наряда» никого и нѣтъ и коротать длинный вечеръ за книгой?

Медленно, въ глубокомъ раздумьи, Ламбинъ сошелъ съ крыльца и вошелъ въ тѣнистую аллею стараго дворцоваго парка. Узкая дорожка шла кругомъ высокаго деревяннаго зданія театра. Густые кусты сирени и жасмина росли вдоль стѣнъ, по другую сторону стояли огромные вѣковые дубы и липы. Они упирались толстыми сучьями въ театръ, лѣзли въ окна.

Темныя тучи низко спустились. Стало темно. Зловѣщая, передъ-грозовая тишина была въ саду. Налетитъ вѣтеръ, зашелеститъ дубовыми вѣтвями, зашумитъ въ березахъ и липахъ, уронитъ сорванную вѣтку и успокоится. Ни одна птица не ворохнется въ древесной чащѣ. Все затихло и замкнулось на узкой дорожкѣ.

И подумать! — тамъ за стѣнами: музыка, яркій свѣтъ огней, блестящее общество, красивыя женщины и игра! Савина!.. Ламбинъ точно слышалъ чуть носовой голосъ Савиной и ея несравненную читку, слышалъ заразительный смѣхъ Варламова. Тамъ весело, тамъ иной міръ, міръ виднѣй и красоты. Кругомъ Ламбина — темень, духота влажной ночи и грозные перебаты приближающейся грозы.

Ламбинъ дошелъ до конца дорожки. Валялись какія-то кадки, разбитые цвѣточные горшки. Огромная липа росла у самаго театра.

Внезапно и такъ, что Ламбинъ вздрогнулъ, надъ нимъ во второмъ этажѣ распахнулись ставни и открылось окно. Яркій четырехольникъ свѣта упалъ на древесную сѣнь, и свѣжій, молодой, грудной, прелестный женскій голосъ послышался у окна.

— Какая ночь! Гроза будетъ. Какъ низко нависли тучи. И какъ обворожительно пахнетъ липой и жасминомъ. Прелесть!.. Какой удивительный воздухъ.

Ламбинъ сталъ за деревомъ. Въ яркой рамѣ окна, на подоконникѣ сидѣла полуодѣтая дѣвушка. Она была въ корсетѣ и нижней юбкѣ. Свѣтлорусые волосы волнистымъ потокомъ ниспадали на спину. Она подняла голову къ небу. Освѣщенная снизу тонкая шейка и нѣжный овалъ лица казались неотразимо прекрасными.

Изъ глубины комнаты другая дѣвушка, невидная Ламбину сказала звонкимъ голосомъ:

— Наташа. Ты простудишься. Сойди съ окна.

— О, нѣтъ!.. Такъ тепло...

Нѣсколько блаженныхъ для Ламбина минутъ дѣвушка молча сидѣла на подоконникѣ и было слышно, какъ она вздыхала, упиваясь ароматами сада.

Ламбинъ не смѣлъ дышать. «Это воспитанницы, тѣ, кто будутъ танцовать въ дивертиссментѣ». Быстро, быстро билось сердце. Ламбинъ переживалъ прекраснѣйшія мгновенія. Онъ не сводилъ глазъ съ дѣвушки.

Она сошла съ подоконника и уже изнутри комнаты послышался ея спокойный голосъ:

— Что-же, Муся. Давай будемъ одѣваться. Только еще рано очень. Устанемъ сидѣть такъ въ тюникахъ, какъ кралечки на именинахъ.

Еще ближе надвинулась грозовая ночь. Вдругъ затрепетали, зашумѣли листья дубовъ, липъ и березъ. Грозный шумъ прошелъ по деревьямъ. Стало еще темнѣе.

Ламбинъ скинулъ съ себя шинель и шапку и, не думая ни о чемъ, ловко и легко полѣзъ на дерево и устроился на толстом суку, почти упирившемся въ окно.

Передъ нимъ — небольшая, ярко озаренная лампами со снятыми абажурами комната. Двѣ дѣвушки только что надѣли трико и помогали одна другой затянуть у пояса пышныя балетныя тюники.

Замеревъ отъ сладостнаго восторга, отъ сознанія недопустимости того, что онъ дѣлаеть, отъ страха за послѣдствія, если онъ попадется, Ламбинъ прочно усѣлся на древесномъ суку.

Двѣ, три капли дождя упали на него. Снова, — и уже грозно, — зашумѣли листья отъ налетѣвшаго вѣтра. Обаятельно нѣжно пахнуло липовымъ цвѣтомъ и сырымъ березовымъ листомъ и вдругъ яркая молнія зигзагомъ прорѣзала небо и загрохотала раскатыстый громовой ударъ.

Одна изъ дѣвушекъ бросилась къ окну.

-- Муся, — крикнула она, — въ ея голосѣ былъ ужасъ, --
Смотри! Человѣкъ на деревѣ.

Другая дѣвушка, тоже блондинка, подошла къ окну и, прищурившись, смотрѣла на Ламбина.

--- Не человѣкъ, — сказала она звонко. Юнкерь... Кавалеристъ... Молодой человѣкъ, какъ вамъ не стыдно подглядывать.

--- Муся! Голубчикъ. Да что же это такое! Какой это срамъ. Я со стыда умру!

— Онъ вымокнетъ. Какой дождь!..

— Его убьетъ громомъ. На деревѣ. Это такъ опасно.

— Слушайте, слѣзайте, — крикнула Муся. — Я сторожа позову.

— Оставь, Муся. Нельзя шумѣть. Его выгонять изъ училища.

— Какъ же быть! Онъ погибнетъ. Гляди — онъ лѣзетъ сюда. Какой отчаянный. Вы оборветесь!

Ламбинъ поползъ до конца вѣтки, качнулся на ней и бросивъ вѣтку, полетѣлъ къ окну.

Онъ впился пальцами въ подоконникъ и повисъ на стѣнѣ.

— Ну, уже лѣзьте сюда. Еще оборветесь. Вѣдь такъ и убиться можно. И дождь какой! Боже мой — его громомъ убьетъ.

Дѣвушки подхватили Ламбина подъ мышки и помогли ему влѣзть въ комнату. — Мусенька, закрывай скорѣе ставни, а то молнія влетитъ, — взволнованно сказала Наташа.

Въ маленькой театральнѣй уборнѣй было тѣсно. Большое зеркало, освѣщенное лампами, стояло у стѣны. Два кресла, крытыя старымъ кретономъ, ширмы, за которыми на полу лежали черныя кордонки и на нихъ валялись платья воспитанницъ заполняли ее всю. Пахло свѣжестью грозы и духами.

— Ну, что мы теперь будемъ съ вами дѣлать? — съ отчаяніемъ сказала Муся.

— Не выгнать же его на дождь? Смотри, Муся, онъ еще и мундиръ разорвалъ подъ мышками.

— Ой, какъ ему попадетъ! Сколько до выхода, Наташа?

— О! еще больше часа.

У Муси были свѣтлые, какъ аквамаринъ прозрачные, голубоватые глаза. Она съ милымъ участіемъ смотрѣла на Ламбина.

— Снимайте мундиръ, молодой человекъ. Наташа, давай иголку съ ниткой.

Товарищеская услуга — не больше! Даже и не зная другъ друга они были товарищами. И дѣвушки и юнкеръ одинаково знали, что такое училищная дисциплина, что такое отвѣтственность и какъ можетъ «влѣтѣть» милому, отчаянному юнкеру, если замѣтятъ, когда онъ будетъ являться изъ отпуска дежурному офицеру, что у него мундиръ разорванъ.

— Снимайте, снимайте мундиръ, нечего церемоніи разводить, — говорила Муся, принимая иголку отъ Наташи.

— И какъ разъ на правой рукѣ, — сказала, хмуря прелестные

глаза Наташа. — Вот поднимете руку, честь отдавать и замѣтять вашу неисправность. Это же будет ужась что такое!

Муся проворно водила рукою съ ниткой, быстро и ловко зашивая мундиръ.

— Хорошо, что по шву, — сказала она. — Совсѣмъ и замѣтно не будетъ.

Ламбинъ смущенно сидѣлъ въ низкомъ креслѣ. Онъ былъ въ чистой казенной рубашкѣ съ солдатскимъ галстукомъ чернаго сукна съ круглымъ языкомъ на груди. Наташа стояла у окна.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, молодой человекъ, — скусывая острыми бѣлыми зубами нитку, — сказала Муся, какъ васъ зовуть и кто вы такой, что осмѣлились прыгать къ намъ въ окно?

— Не бойтесь, — сказала Наташа, — мы на васъ жаловаться не будемъ.

— Я этого и не думаю, — хмуро сказалъ Ламбинъ и поднялся съ кресла. — Честь имѣю представиться: юнкеръ младшаго курса, 1-го взвода эскадрона Николаевского кавалерійскаго училища, Вадимъ Петровичъ Ламбинъ.

— А онъ хорошенькій, юнкерочекъ нашъ, — сказала Муся, внимательно разглядывая свою работу.

Двѣ юныя танцовщицы въ свѣжихъ балетныхъ тюникахъ, съ обнаженными до плечъ худыми дѣвичьими руками, съ тонкими шейками и еще не сформировавшеюся грудью стояли противъ Ламбина въ маленькой тѣсной уборной. Откуда-то издали — со сцены доносились едва слышные голоса играющихъ. За окномъ ровно шумѣлъ дождь. Ламбинъ надѣлъ мундиръ и подтянулъ его краснымъ съ черною полосою суконнымъ кавалерійскимъ кушакомъ.

— Талія-то у юнкерочка, Наташа, прямо — шикъ!.. Какъ у барышни, — играя лунными прозрачными глазами сказала Муся. — Скажите по совѣсти, вы знали, по крайней мѣрѣ, къ кому вы прыгаете такъ отчаянно въ окно? Знали вы насъ по сценѣ? Видѣли насъ? Думали о насъ?

— Н-нѣтъ. Ей-Богу, все это вышло совершенно случайно.

— Этакая прелесть!.. Случайно впрыгнулъ въ окно къ чужимъ, незнакомымъ дѣвушкамъ!

— Я объ этомъ, однако, не сожалѣю. Я счастливъ случайному обстоятельству и такъ хотѣлъ бы, чтобы оно завершилось прочнымъ знакомствомъ и дружбой.

— И дружбой! Нѣтъ, Наташа, каковъ моншеръ. Это прелестно!.. Это что-то въ родѣ объясненія. Перваго объясненія. Ну,

знакомство еще куда ни шло. Будемъ знакомы. Вы еще только на младшемъ курсѣ, а мы кончаемъ училище и осенью поступаемъ въ корь-де-балетъ... Понимаете — разница! Я — Марія Θεодоровна Ленская. Не вздумайте назвать меня — Мусей! О! до этого, молодой человекъ, вамъ еще очень далеко. Заслужить надо. А это моя лучшая подруга — Наталья Николаевна Травина. Все это прекрасно, но что мы будемъ дальше-то съ вами дѣлать? На ваше счастье, гроза отшумѣла такъ же быстро, какъ и налетѣла. Пьеса кончается, намъ скоро начинать. Куда мы васъ дѣнемъ?.. Пройти по коридору нельзя. Тамъ наши горничныя, могутъ выйти другія воспитанницы. Вы понимаете, Вадимъ Петровичъ, какъ вы насъ подведете, если васъ увидятъ выходящимъ отъ насъ. Отъ воспитанницъ. Мы еще воспитанницы. Намъ ставятъ баллы за поведение. Вы это то чувствуете.

— Я выпрыгну въ окно.

— Вы выпрыгнете въ окно?..

— Муся, онъ выпрыгнетъ въ окно!.. Онъ поломаетъ себѣ ноги. Мы не можемъ допустить этого.

— Связать вамъ лѣстницу изъ полотенецъ, какъ о томъ пишутъ въ романахъ мы не можемъ. Ни времени, ни полотенецъ нѣтъ.

— Муся, есть одно. Мы вдвоем удержимъ его.

Окно распахнулось въ душистую, напоенную ароматами прошедшей грозы ночь.

Наташа заглянула въ окно.

— У-уу!.. Какъ высоко!

— Ничего, Наталочка, юнкерочекъ ловкій гимнастъ! Съумѣлъ впрыгнуть въ окно, съумѣетъ и выпрыгнуть.

Муся сдѣлала два узла на полотенецѣ. За одинъ взялись тонкими маленькими ручками обѣ воспитанницы, другой прихватилъ Ламбинъ и полѣзъ въ окно.

— До свиданья, — сказала онъ, соскальзывая вдоль стѣны.

— Прощайте, Вадимъ Петровичъ, — сказала Муся, — и не вздумайте повторять ваши глупости.

— Забудьте про насъ, — сказала Наташа.

— Не попадитесь начальству.

Маленькія ручки напряглись. Вотъ, вотъ обломятся тоненькіе пальчики безъ колецъ, сломятся нѣжныя дѣтскія запястья безъ браслетокъ.

— Совѣмъ не тяжелый, — вдыхая, сказала Наташа.

— Вотъ и готово. Онъ спрыгнулъ, — весело сказала Муся.

Двѣ головки с красиво завитыми волосами высунулись въ окно.

— Ты не видишь, Муся, его? Гдѣ онъ? Онъ не упалъ?..

— Ничего со свѣта не видно. Такая темень. Нѣтъ, все благополучно. Онъ стоитъ подъ деревомъ.

— Ахъ. Вижу. Надѣваетъ шашку и шинель. Идетъ по дорожкѣ.

— adieux!..*)

— Муська, ты съ ума сошла. И его и насъ подведешь. Онъ не хромаетъ?

— Да нѣтъ же. Бодро такъ идетъ. Хорошенькій юнкерочекъ.

— Вотъ у насъ съ тобой для начала нашей карьеры и заключеніе.

Тихо и неслышно закрылись ставни. Въ маленькой уборной знойной горѣли лампы безъ абажуровъ. Обожженные щипцы для завивки волосъ лежали подлѣ зеркала. Пусто, скучно и неудобно показалось въ ярко освѣщенной душевной комнатѣ.

IV.

«Приключеніе» для Ламбина сошло благополучно. Ламбинъ во-время вернулся въ эскадронъ. Искусно зашитый Мусей рукавъ ничего не выдалъ. Казалось бы и забыть про него въ вихрѣ быстро и молодо несущейся жизни. Ученья, маневры, ѣзда на ординарцы къ высокому начальству — и такъ неожиданно — производство въ эскадронные вахмистры за отличное поведеніе, успѣхи въ наукахъ и прекрасную ѣзду — могли бы стереть изъ памяти этотъ часъ, проведенный въ маленькой уборной Красносельскаго театра въ обществѣ двухъ дѣвочекъ, будущихъ артистокъ. А вотъ не стерли. Когда Ламбинъ читалъ приказъ о своемъ производствѣ — «за отличное поведеніе». «Гмъ... гмъ», — подумалъ Ламбинъ, — «отличное?.. Прыгать въ окно уборной танцовщицъ — это и есть отличное поведеніе?» И чувствовалъ, что влюбился въ Наташу безумною, безудержною первою любовью. Грезилъ ею, мечталъ о ней. Въ отпуску, у матери, вдали отъ столичнаго шума зачитывался описаніями въ романахъ первой любви — у Тургенева. У гр. Л. Н. Толстого. Развѣ такъ любилъ Николай Ростовъ Соню, или Борисъ Друбецкой Наташу? Нѣтъ. Тамъ любовь была ком-

*) Прощайте!

натная какая-то. Тамъ была близость. Жили тамъ вмѣстѣ, дѣлились радостями и горестями. Тамъ была дѣтская любовь — лихости тамъ не было. Вахмистерской лихости. Вѣдь, если все это описать? Въ «трехъ мушкетерахъ» у Дюма, развѣ встрѣтишь такое. Тамъ видѣлись постоянно видѣлись, разговаривали... — У него Наташа сверкнула, какъ молнія въ ту грозовую ночь, ослѣпила, обожгла, поранила сердце и исчезла. Кто она?.. Гдѣ она?.. Какъ живетъ?.. Думаетъ ли о немъ? Вѣдь — это же была обворожительная прелесть именно такъ любить, любить недостижимую, недоступную, далекую, любить больше въ мечтахъ.

Онъ гулялъ и ѣздилъ съ матерью верхомъ по полямъ имѣнья, навѣстилъ сосѣдей, познакомился съ сосѣдскими барышнями — чернокосыми, большеглазыми, смѣшливыми, загорѣлыми, критически глядящими на него, столичнаго юнкера, и не увлекся ни на минуту ни одною изъ нихъ. А были и прелесть какія хорошенькія. Да не такія, какъ та. Наташа. На-та-ша!.. Онъ такъ и звалъ ее въ мечтахъ. Онъ соблюлъ даже и отъ матери тайну своей любви и принесъ ее неприкосновенною въ Петербургъ. И тамъ по средамъ и воскресеньямъ въ театрѣ изъ седьмого ряда кресель искалъ «свою» Наташу.

Вдругъ въ яркомъ свѣтѣ сцены, на тѣсной площади какого-то страннаго нѣмецкаго городка, гдѣ бродятъ докторъ Фаустъ и Мефистофель, гдѣ маршируютъ какіе-то старички, поющіе дребезжащими голосами появится она въ костюмѣ нѣмки горожанки, въ зашнурованномъ корсажѣ, въ короткой юбкѣ, въ бѣлыхъ чулочкахъ и черныхъ башмачкахъ... Съ нею Муся въ мужскомъ костюмѣ. Здѣсь Ламбинъ впервые ощутилъ власть женскихъ ножекъ. Что особеннаго было въ Мусиныхъ стройныхъ ногахъ?.. А смотрѣлъ на нихъ съ волненіемъ и ждалъ. Наташа положитъ руку на плечо Муси и вдругъ раздадутся звуки плѣнительнаго вальса, хоръ подѣваетъ оркестру, и Муся и Наташа отдѣлятся отъ пола, и, станутъ невѣсовыми и закружатся плавно и несказанно красиво. Ихъ — горожанъ и горожанокъ танцовало много — Ламбинъ видѣлъ одну Наташу!.. Онъ все забывалъ и чувствовалъ, что любить, безумно любить эту милую — Травину. Потомъ, когда тамъ что-то пѣли — Ламбинъ уже и не слушалъ этого, Наташа стояла за столомъ съ бочкой и смотрѣла въ зрительный залъ и, увидавъ Ламбина, дѣлала таинственный знакъ глазами и знакъ этотъ видѣлъ только одинъ Ламбинъ и знакъ этотъ былъ только для него одного для — «юнкерочка»...

Вдругъ въ балетномъ спектаклѣ появилась Наташа «охотницей», въ короткой юбкѣ, съ большимъ ружьемъ въ рукахъ. Ея свѣтлыя волосы были распущены и падали вьющимися прядями ниже спины... Голубые глаза какъ васильки... И какъ улыбалась она и какъ улыбались онѣ — всѣ эти очаровательныя охотницы!..

Но лучше, красивѣе, плѣнительнѣе всего бывала Наташа, когда появлялась въ бѣлоснѣжныхъ, воздушныхъ тюлевыхъ тюникахъ, женщина и не женщина. Оживленный цвѣтокъ. Бѣлая роза была опрокинута и изъ нея нѣжными длинными пестиками выходили стройныя ножки въ розовомъ трико. Въ тѣ минуты Ламбинъ забывалъ все. Эти вытянутые носочки въ особыхъ туфелькахъ, розовыхъ и тонкихъ, эти движенія полныя граціи, эти взмахи рукъ въ полномъ соотвѣтствіи съ музыкой — все создавало картину не земной красоты. Богиня, сошедшая съ Олимпа, Грація, Нимфа, Сильфида. Музыка чаровала, дополняла грацію движеній и сливалась съ нею...

Но особенная прелесть была въ недостижимости Наташи. Кончался спектакль и нужно было спѣшить въ эскадронъ. Тотъ міръ, гдѣ Ламбинъ провелъ эти два, три часа исчезалъ, какъ сонъ. Ламбинъ вступалъ въ строгій міръ эскадрона. Шумъ голосовъ возвращающихся изъ отпуска юнкеровъ, усталость послѣ напряженія въ театрѣ, раннее вставаніе, ѣзда въ манежѣ, лекціи, гимнастика, репетиціи. Вездѣ нужно быть первымъ... Вахмистръ!..

И такъ захотѣлось поймать Наташу, подстеречь ее, поговорить съ нею когда будутъ на Рождествѣ дневные спектакли и не нужно будетъ спѣшить въ Училище. Ламбинъ написалъ матери, что въ этомъ году не сможетъ, какъ обычно, пріѣхать на Рождественскія каникулы, онъ долженъ остаться въ училищѣ при эскадронѣ. Онъ — вахмистръ. На крещенскомъ парадѣ будетъ взводъ со штандартномъ отъ училища и ему нужно быть при немъ.

Краска стыда заливала лицо Ламбина, когда писалъ онъ это письмо. Все это была ложь. Онъ свободно могъ поѣхать. Но, какъ уѣдешь отъ своей любви?

Отъ своей первой любви.

V.

Сошло благополучно «приключеніе» и для Наташи съ Мусей. Никто, ни подруги, ни горничныя, ни другія артистки и артисты ничего не видали и не слышали. Была гроза, гремѣлъ громъ, свер-

кала молнія и крѣпко были заперты окна и ставни въ другихъ уборныхъ. А кто былъ уже готовъ — прокрался къ кулисамъ и смотрѣлъ и слушалъ, какъ классически чисто разыгрывался Тургеневскій «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Никому не было дѣла до двухъ маленькихъ воспитанницъ, одѣвавшихся въ крайней уборной, самой дальней, гдѣ темно было въ коридорѣ.

Въ эту осень Травина и Ленская отлично окончили училище и вышли съ опредѣленіемъ на сцену Мариинскаго театра — корифейками.

Обѣ сироты — онѣ поселились вдвоемъ, о чемъ у нихъ было рѣшено еще въ училищѣ, на маленькой квартирѣ, во дворѣ большого дома, наняли старую женщину «одной прислугой», купили кое-какую дешевую мебель, украсили стѣны японскими бумажными вѣерами и фотографіями, поставили самодѣльные Макаровскіе букеты сухихъ цвѣтовъ, словомъ устроились по студенчески бѣдно, артистически изящно и со вкусомъ, которымъ обѣ обладали. Тамъ, — самими сшитыя и вышитыя подушечки, скрасили изьянъ рыночнаго дивана, тамъ повѣсили подъ образами расшитое полотенце и засвѣтили лампадку. Конечно, — рѣшили онѣ, — принимать онѣ никого кромѣ подругъ не будутъ. Да и некогда было думать о приемахъ.

Утромъ, въ пустой комнатѣ съ веревочнымъ половикомъ и со «станкомъ» — длинной жердью прикрѣпленной вдоль стѣны, въ короткихъ юбкахъ и трико, въ балетныхъ башмакахъ съ тупымъ носкомъ — онѣ упражнялись часами, развивая мускулы ногъ, вырабатывая гибкость поясицы. А тамъ уже пора было бѣжать въ театръ, на репетицію. И почти каждый вечеръ онѣ участвовали въ спектаклѣ, то въ оперномъ вставномъ балетѣ, то въ большомъ балетномъ представленіи. Примѣрки казенныхъ костюмовъ, причесываніе, разъучиваніе новыхъ балетовъ — все это поглощало время, утомляло и занимало.

Наташа работала серьезно. На танцовщицу, на балерину! На прима-балерину!!

Она любила свое искусство.

Въ театрѣ она преображалась.. Вотъ стоитъ она за вторѣй кулисой слѣва. Кругомъ ея подруги. Онѣ пересмѣиваются, говорятъ однѣми губами, объясняются знаками, дѣлаютъ жесты. Наташа стоитъ въ молитвенномъ напряженіи. Она вся ушла въ оркестръ.

Мефистофель поетъ, поставивъ небрежно ногу на столъ съ

бочкой, хоръ подпѣваетъ ему. Муся въ мужскомъ костюмѣ съ маленькими черными усиками, наклеенными надъ губою, въ черномъ парикѣ неслышно подходитъ сзади. Осторожно, плавно вступаетъ оркестръ, Наташа кладетъ руку на плечо своего «кавалера» — Муси — и вот онъ! — волшебный, восхитительный вальсъ приподнимаетъ ее на воздухъ и въ плавномъ красивомъ движеніи выноситъ на сцену...

Нѣтъ больше Наташи Травиной. Нѣтъ ея худенькаго, стройнаго тѣла, нѣтъ пустыхъ, житейскихъ мыслей въ головѣ. Сквозь земные ея покровы вдругъ прорывается безсмертная душа, тѣло становится невѣсомымъ, ноги и руки крѣпкими и гибкими, послушными ритму музыки и горять, горять, горять синими огнями ея прелестные глаза. Улыбка обнажила бѣлый перламутръ зубовъ, — да и точно она не Петербургская танцовщица Наташа Травина — она горожанка, влюбленная въ своего кавалера, горожанка въ сказочномъ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ ходитъ красный Мефистофель со шпагой и съ нимъ омоложенный докторъ Фаустъ. Къ музыкѣ присоединяется хоръ — и это не хористки и хористы поютъ, а подлинные горожане того же страннаго городка, гдѣ столько совершается чудесь.

Вальсъ конченъ. Наташа стоитъ на сценѣ за столомъ съ бочкой, она еще во власти музыки и танца, смотритъ напряженно въ полутемную зрительную залу и видитъ въ седьмомъ ряду, смеркая золотою нашивкой на погонѣ и бѣлой портупеей сидитъ юнкеръ Ламбинъ. Ея юнкеръ.

Въ антрактѣ, за кулисами, Муся беретъ за талью Наташу.

— Ты видѣла, дуся, Бутенко-то! Мефистофелемъ! весь красный, надо лбомъ перья, какъ два рога — чортъ чортомъ, а выходитъ на сцену, пѣть — и крестится! Это чортъ-то! Восхитительно!

Муся по-товарищески крѣпко прижимаетъ къ себѣ Наташу и шепчетъ на ухо:

— А юнкерочекъ-то! Тутъ, какъ тутъ! По-пался!

*
**

Иногда утромъ Наташа ходила къ ранней обѣднѣ. Тамъ часто и гибко она опускалась на колѣни, молилась горячо въ полупустой церкви. Молилась объ усгѣхѣ, о прощеніи ея суетнаго грѣха,

ея мечтанія о славѣ. Вернувшись домой, упражнялась съ заспанной Мусей, работая у станка, вытягивала носокъ, становилась «на пуанты», на самые кончики пальцевъ.

И вотъ онъ ея первый большой балетъ! Съ другими корифейками стоитъ она за кулисами бѣлымъ лебединымъ стадомъ. Женщина и не женщина. На сценѣ двѣ балерины танцуютъ «*pas des deux*». Оркестръ точно носить ихъ по воздуху. Въ музыкѣ все чаще и чаще становится темпъ. Сейчасъ и онъ выпорхнуетъ бѣлою стаей.

Уходитъ Наташино тѣло, бессмертная душа овладѣваетъ имъ. И со взмахомъ палочки капельмейстера, Наташа вылетаетъ на сцену.

Она танцуетъ въ первомъ ряду корифеекъ. Ея слухъ напряженъ. Она невольно ловить ритмъ музыки и въ тоже время слышитъ все, что дѣлается и говорится кругомъ. Сквозь звуки оркестра она слышитъ, какъ въ первомъ ряду кресель знатокъ балета, рыжебородый, толстый генераль Антуловъ негромко говоритъ:

— Bravo, Травина!

Отъ похвалы знатока, балетомана — ярче становится румянецъ на щекахъ Наташи, синѣе глаза, тоньше, воздушнѣе танецъ, точно летаетъ она въ воздухѣ, не чуя земли подъ собою.

— Стальной носокъ, — слышитъ она, какъ черезъ сонъ, — далеко пойдетъ эта маленькая блондиночка!

Въ общей уборной корь-де-балета тускло горять газовые рожки, пахнеть духами, пудрой. Наташа и Муся снимаютъ балетные костюмы и надѣваютъ скромныя городскія платья.

— Видала юнкерочка, Наташа? Вѣрень!

— Ну что тебѣ? Вотъ пристала. Твой Кириллъ Капитоновичъ тоже сидѣлъ. Въ первомъ ряду. Абонемента добился.

— Мой Кириллъ Капитоновичъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго. И онъ женится на мнѣ. Такъ рѣшено — такъ и будетъ. А юнкерочекъ?

— А мнѣ все это равно.

— Неправда, Наташа.

— А вотъ, ей-Богу, правда. Ну?.. Юнкеръ?.. Сегодня — юнкеръ, осенью офицеръ.

— А толку-то никакого? Ты театръ для него бросишь? Бросишь? Да?

— Нѣтъ.

Наташа пожимаетъ плечами.

— Зачѣмъ?

— На содержаніе къ нему пойдешь?

— Ты глупая, Муська. Говоришь то, чего сама не понимаешь.

Пунцовая краска заливаешь щеки Наташи.

— Тогда, зачѣмъ, томишься, худѣешь. Гляди еще чахотку наживешь. Въ воскресенье за кого просфору вынимала «за здравіе»? За Вадима? Я видѣла — одно имя написала. А онъ? Ну хотя бы коробку конфетъ когда тебѣ прислалъ, или букетъ цвѣтовъ?..

— Если бы Ламбинъ посмѣлъ мнѣ что-нибудь послать, — съ негодованіемъ говорить Наташа и встаетъ совсѣмъ одѣтая, въ кофточкѣ и шапочкѣ съ вуалью, — я съ капельдинеромъ верну ему обратно. Вотъ!

Вуаль скрываетъ румянецъ щекъ и маленькія слезы, алмазами дрожащія на глазахъ.

— Идемъ, Муська. Какъ ты копаешься.

Онѣ ѣдутъ домой на извозничьей пролеткѣ. У каждой на колѣняхъ лежатъ свертокъ съ башмачками. Обѣ молчатъ. Городъ спитъ. Длинной вереницей уходятъ вдаль желтые огни газовыхъ фонарей, изгибаются на кривомъ Екатерининскомъ каналѣ.

— Ты на меня сердишься, Наташа?

— Нѣтъ. Почему мнѣ сердиться?

— Ну, прости, милочка... Я тебѣ по совѣсти скажу: твой юнкерочекъ — душка и, если бы онъ могъ жениться я и минуты ни о чемъ не думала бы. Бросила бы своего Кирилку.

— Не надо, Муся. Правда — не надо. Не надо. Ну, я прошу тебя, не будемъ говорить объ этомъ.

Вотъ и ихъ темный непріютный грязный домъ. Онѣ расплачиваются съ извозникомъ. Сонный дворникъ въ тулупѣ открываетъ калитку. Отъ дворника несетъ овчиной и сномъ. На дворѣ, въ углу, подъ желѣзнымъ зонтомъ подъѣзда тускло горитъ фонарь. На лѣстницѣ запахъ кошекъ и кухни.

Старая Дарья ждетъ съ самоваромъ и скромной закуской — селедкой и ситнымъ хлѣбомъ. Въ спальнѣ накоптѣла керосиновая лампа. Не продохнешь отъ гари!

Ну какой тутъ Вадимъ! Какая тутъ любовь?!

VI.

На Рождествѣ послѣ перваго дневнаго балетнаго спектакля Наташа замѣшкалась съ переодѣваніемъ и Муся, торопившаяся ѣхать обѣдать съ Кирилломъ Капитоновичемъ вышла первая изъ уборной. Вышла и сейчасъ же вернулась.

— Наташенька, — быстро и взволнованно говорила она, сіяя своими прозрачными, хрустальными глазами. — Юнкерочекъ твой у подъѣзда тебя дожидается. На пло-ошадѣ. На мо-ро-зѣ. На вѣтру. Весь замерзъ, бѣдняжка. Шинелька щегольская, вѣтромъ подбитая, на рыбьемъ мѣху стеганая. Пожалѣй, душечка, юнкерочка, выйди къ нему.

— Ну вотъ еще, — проворчала Наташа. — На что онъ мнѣ нуженъ.

А сама торопливо застегивала черные костыльки простенькой сѣренькой кофточки, отороченной каракулемъ, кокетливо на бокъ надѣла сѣрую шапочку и опустила вуаль на лицо. Она заглянула въ зеркало. «Ничего себѣ».

Въ сумракѣ декабрьскаго морознаго вечера, на площади, у фонаря Наташа увидала Ламбина. Бравый, съ туго перетянутой въ талии алымъ, съ черной полосой кушакомъ, шинели въ алой шапочкѣ, отороченной чернымъ каракулемъ, лихо надѣтой на бекрень, Ламбинъ топтался на снѣгу, позванивая шпорами.

— Ну, зачѣмъ? Зачѣмъ это? — съ притворной досадой сказала Наташа, протягивая руку Ламбину. — Зачѣмъ вы здѣсь? Ждете кого-то.

— Васъ, Наталья Николаевна...

— Меня? — будто удивилась Наташа. — Меня?.. Вотъ какъ... Ну здравствуйте. Какъ давно не видались мы съ вами. И — вахмистръ! Боже! Это васъ произвели за то, что вы прыгаете въ окна къ театральнымъ воспитанницамъ.

— Куда васъ довести.

— Да что съ вами? Никуда я съ вами не поѣду. И вы замерзли совсѣмъ, вамъ нужно согрѣться ходьбой.

Наташа пошла черезъ площадь, Ламбинъ шель рядомъ. По каналу уже горѣли фонари. Въ ясномъ морозномъ зеленоватомъ небѣ показались звѣзды. Тихо и безлюдно было на каналѣ. По гранитному троттуару посыпанному пескомъ бодро въ тактъ стучали ихъ шаги. Позванивали вахмистерскія шпоры.

— Позвольте, Наталья Николаевна, я возьму вашъ сверточекъ.

— Да ни за что вамъ не дамъ. Тамъ мои башмачки. Это примѣта нехорошая.

Наташа крѣпче прижала къ себѣ розовый сверточекъ, перевязанный розовой ленточкой.

Еще пять домовъ, изгибъ канала и тамъ, въ большомъ, неопрятномъ домѣ Наташина квартира.

— Стойте. Теперь. Прощайте!

— Я провожу васъ до дома.

— Нѣтъ. Ни за что! — и уже умоляющимъ голосомъ добавила Наташа, — я не хочу, чтобы вы меня провожали домой. Мало ли кто можетъ увидѣть. Моя ре-пу-тація. Очень прошу. Прощайте.

Ну, какъ же! Развѣ можетъ Наташа показать Ламбину, гдѣ и какъ она живетъ? Развѣ можно шагнуть черезъ высокій порогъ калитки воротъ на грязный, темный дворъ и подниматься на четвертый этажъ по «черной» лѣстницѣ, гдѣ пахнеть кошками, гдѣ у дверей стоятъ ведра, пахнушія помоями, гдѣ изъ кухонь несетъ луковой и капустной вонюю? Она «сильфида», «охотница», «горожанка Фауста», «бѣлая георгина», «лебедь», — чаровница сцены, только что плѣнявшая своими танцами подъ музыку Чайковского, введеть его — любимаго въ маленькія комнатки, гдѣ старая Дарья дрожащими руками будетъ зажигать керосиновую лампу, гдѣ висятъ по стѣнамъ бумажные вѣера и дешевыя карточки Императорской фамилии. Ну, какъ же! — такъ она и покажетъ ему, какъ она живетъ? Если только нужна эта встрѣча, она должна произойти въ совсѣмъ особой обстановкѣ, такой, какая отвѣчала бы всему ея артистическому облику.

И, когда пахнуло весною и на Пасхѣ такъ же провожалъ до изгиба канала Ламбинъ Наташу, когда ярко свѣтило солнце и свѣжій вѣтеръ съ моря упруго сопротивлялся ихъ ходу и точно посыпалъ имъ поцѣлуи моря, Наташа, какъ бы нехотя, согласилась прѣхать в одно изъ воскресеній на морской берегъ, погулять въ сосновомъ лѣсу.

Да это будетъ возможно. Такая рамка будетъ подходить ко всему созданному ея мечтами облику.

Наташа сама сшила себѣ костюмъ, обдумала каждую его деталь, сама смастерила изъ голубого полотна незабудки для шляпки, работала любовно и охотно, и думала: «Стоитъ она надъ

бездной, или передъ большою высокою горою и будетъ эта поездка ступенькой внизъ, или вверхъ? Ну, какъ Богъ положитъ — пусть такъ и будетъ. Молодость одинъ разъ въ жизни бываетъ».

VII.

И въ этомъ году, какъ всегда, со времянь Адама и Евы шаловливая весна шествовала по міру и съяла сѣмена любви. Тучи Амуровъ съ колчанами, полными стрѣлами за спиною, съ золотыми луками въ пухлыхъ ручкахъ сопровождали ее и стрѣляли безъ разбора куда попало, куда можно и куда нельзя, беспощадно рняя, мѣняя и перестраивая человѣческія жизни по своему капризу.

Если раны, нанесенныя Амурами Наташѣ и Ламбину, болѣли сладкими болями радостнаго свиданія и ожиданія чего то еще болѣе прекраснаго, — по иному былъ раненъ товарищъ Ламбина по корпусу, его однолѣтка и другъ — Верхотуровъ.

Несуразный и нескладный былъ юноша Иванъ Верхотуровъ. Сынъ учителя, обремененнаго семьею, человѣка бѣднаго, давленнаго жизнью, Иванъ пошелъ въ пѣхотное училище и мечталъ выйдти въ артиллерію, готовиться въ академію и по мѣрѣ силъ помогать родителямъ. Онъ учился не плохо, но былъ слабъ по фронту, былъ близорукъ, носилъ очки, ходилъ сгорбившись. «Верблюды» — звали его товарищи-юнкера. Ротное начальство косилось на него и убирало подальше — въ заднюю шеренгу. Но человѣкъ онъ былъ скромный, честный, не мудрствующій лукаво.

Съ весною, и въ этомъ году очень рано, родители Верхотурова переѣхали на дачу, на станцію Преображенскую.

Дача была маленькая, тѣсно и плохо обставленная. Семья Верхотурова переполнила ее. Внизу въ четырехъ комнатушкахъ размѣстились родители Ивана, два его брата — Миша и Дима — гимназисты и маленькая Валя, гимназистка двѣнадцати лѣтъ. Наверху, въ мезонинѣ, подъ покатою крышей были еще двѣ крошечныя комнатушки — въ одной поселилась подруга сестры Ольги — Женя Верцинская, курсистка 27-ми лѣтъ, крупная, бѣлобрысая барышня, съ энергичными чертами пріятнаго лица, съ большими руками и ногами. Рядомъ съ нею, въ другой комнатѣ, по субботамъ, выселяя оттуда Ольгу, помѣщали пріѣзжавшаго въ отпускъ юнкера Ивана.

Молодые люди мало обращали вниманія другъ на друга. Женя покосилась на «верблюда». — «Юнкеръ», — подумала она. — «Странное какое существо. Царскій наемникъ».

Два отпуска, двѣ субботы и воскресенья они провели каждый самъ по себѣ. Иванъ отсыпался послѣ недоспанныхъ въ училищѣ ночей. Женя лежала въ маленькомъ палисадникѣ, въ гамакѣ, подвѣшенномъ между двухъ березъ. Подлѣ сидѣла Ольга. Женя, успѣвшая загорѣть и покрыться веснушками, наставляла Ольгу премудростямъ жизни.

— Какая лучшая птица, — неожиданно отрываясь отъ книги, сказала Женя, — чи чижь, чи соловей, чи голубей?

— Ну? — спросила, поднимая на Женю недоумѣвающіе глаза, Ольга.

— Голодный Остапъ отвѣчаетъ: килбаса.

Женя отрывисто и грубо засмѣялась.

— Я ничего, Женя, не понимаю. Къ чему такая аллегорія?..

— Тутъ, Ольга, понимать нечего. Тебя тянетъ ввысь — къ наукѣ, открытіямъ, благодѣтельствуванію рода человѣческаго. Какъ Пастеръ, какъ сотрудница его открытій — Кюри. Чтобы благодарное потомство памятники ставило. Тебя тянетъ въ искусство — писать романы, картины, ваять статуи, играть на сценѣ, какъ Сарра Бернаръ, какъ Элеонора Дузе. Ты жаждешь чистой голубиной дружбы, горѣнія сердцець — а голодная судьба подсовываетъ тебѣ огромную семью и жизнь становится борьбою за существованіе. Такова участь бѣднаго Остапа.

Къ чему ты это?

А такъ. Ни къ чему. Весна! Березкой пахнетъ. Надо мною золотыя сережки и блѣдная прозелень душистыхъ листочковъ. Духъ то какой. Точно въ банѣ вѣникомъ пахнетъ. Бабочки толкутся, играютъ, переносятъ пыльцу съ цвѣтка на цвѣтокъ. Идетъ оплодотвореніе... Вонъ, слышишь, какъ на дворѣ завохтала курица — это пѣтухъ топчетъ ее ногами. А вчера видала — собаки. И разойдтись не могутъ. Толпа стоитъ, мальчишки гогочутъ, твоя сестренка Валя пальчикъ въ ротъ заложила отъ удивленія; дворникъ плеснулъ на нихъ изъ ведра холодной водой.

Ольга густо покраснѣла.

— Странная ты, Женя. Какъ можно смотрѣть такой ужасъ?! Какъ можно говорить объ этомъ!

Женя хрипло засмѣялась. Она качнулась полнымъ, рослымъ тѣломъ въ гамакъ, выпростала ноги и пошла, покачиваясь бедрами, къ дачѣ.

— Весна! — крикнула она и скрылась за холщевыми бѣлыми занавѣсами балкона.

VIII.

Въ субботу, къ раннему дачному обѣду пріѣхалъ Иванъ.

Послѣ обѣда Женя пренебрежительно посмотрѣла на Ивана въ бѣлой рубахѣ, подпоясанной алымъ пояскомъ, въ шараварахъ, въ смазныхъ сапогахъ, въ безкозыркѣ на бекрень, стоявшаго съ папиросой во рту у березы подлѣ сестры и подумала: «Аполлонъ, не Аполлонъ, а что-то въ немъ есть».

— Ну-те, юнкеръ, — сказала она. — Проводите меня на станцію. Мнѣ письмо опустить надо. Будьте моимъ кавалеромъ. Ты, Ольга, пойдешь?

Ольга неохотно оторвалась отъ книги:

— Нѣтъ. Я хочу дочитать. Въ понедѣльникъ нужно отдавать, — лѣтливо отвѣтила она.

Верхотуровъ покорно пошелъ съ Женей. Долго они шли молча. Женя насмѣшливо поглядывала на своего кавалера, на его загорѣлое, безусое, круглое лицо въ очкахъ. Иванъ шелъ рядомъ и несмѣло смотрѣлъ на бронзовую шею Жени, поросшую нѣжными завитками серебристо-желтыхъ волосъ, на охваченный широкимъ ремнемъ гибкій станъ, на пышно расцвѣтшую грудь, безмятежно, — и Ивану казалось, — безстыдно колыхавшуюся подъ легкой синей съ бѣлыми горошинами юбкой. Въ полной силѣ была Женина перезрѣвающая красота и вѣяло отъ нея физической чистотой и невинностью.

Они шли скоро, день былъ жаркій, и въ сосновомъ лѣсу Иванъ вмѣстѣ съ окружившимъ его запахомъ смолы и хвои почувствовалъ едва уловимый, незнакомый ему, возбуждающій ароматъ молодой сильной женщины. Иванъ покраснѣлъ и совсѣмъ по новому, любовно оглянулъ спутницу, которая ему раньше никакъ не нравилась, кого онъ всегда немного побаивался и кого за глаза съ братьями пренебрежительно называлъ: «кобылой».

Женя поймала его взглядъ, поняла его смущеніе и сквозь загаръ стала краснѣть, сначала легко, потомъ мучительно — пятнами.

— Вотъ идемъ и все молчимъ, — со злобой сказала она.

— О чемъ-же мы станемъ разговаривать, Евгенія Ивановна? Вы женщина образованная, а я простой юнкеръ.

— Я не женщина, а дѣвушка, — вызывающе глядя на Ивана, сказала Женя.

Тотъ не понялъ остроты ея замѣчанія.

— Вы курсистка. Вотъ, кажется, уже кончили свои курсы. Вы свободный человѣкъ.

— А вы? Рабъ?

— Рабъ-не рабъ. Я человѣкъ, обязанный служить. Значитъ, человѣкъ не свободный. Во многомъ даже не свободный. Папаша, вы сами это знаете, ничего не имѣеть, насъ у него пять ртовъ, cadaго на ноги нужно поставить, образование дать, на службу устроить. Вотъ и нужно мнѣ ему какъ-то помогать.

— Похвально. Значитъ вы пошли на военную службу не по убѣжденію?

Верхотуровъ не понялъ вопроса и промолчалъ.

— Вамъ противна военная служба?

— Всякая служба хороша и честна, если къ ней честно относиться. Я привыкъ къ мысли, что я буду офицеромъ. Папашѣ удалось устроить меня въ кадетскій корпусъ. Подумайте, сколько заботъ я снялъ съ него.

— Заѣзжены значить такъ.

— Что?

— Натасканы, знаете, какъ собакъ натаскиваютъ.

— Зачѣмъ вы такъ, Евгенія Ивановна?

— Вы скоро будете произведены въ офицеры?

— Черезъ три мѣсяца.

— Считаете дни, — съ насмѣшкой сказала Женя.

Верхотуровъ не отвѣтилъ.

— Куда вы выходите?

— Я хотѣлъ бы выйти въ артиллерію. Я слышалъ, что у насъ будутъ ваканціи въ Гатчино и въ Лугу. Я выбираю двадцатымъ, возможно, что и получу. Въ артиллеріи служба интереснѣе и легче будетъ приготовиться къ поступленію въ академію.

— Вижу — юноша съ характеромъ. Похвально. Признаться — не думала. А васъ не тянетъ на окраины?

— Какъ вамъ сказать? Я люблю охоту, природу. Интересно. Но очень уже далеко отъ семьи. Помогать будетъ трудно.

— За то тамъ жалованья больше и права другія.

-- Ну, какія тамъ права?.. Права на скуку захоластной, плохо устроенной жизни. Дикія мѣста. Четыре дня за пять считаются --- значить производство скорѣе и выслужить пенсію можно скорѣе, жениться можно безъ реверса и безъ достиженія 23 лѣтъ. Да я объ этомъ не думаю. Жениться не собираюсь.

— Что же вы объѣтъ цѣломудрія на себя наложили? Не выдержите. Ишь, какой вы полнокровный и здоровый.

Верхотуровъ смутился.

— Зачѣмъ же такъ рано жениться? — тихо сказалъ онъ.

Теперь смутилась Женя, опустила голову и вдругъ стала очень красивой. Полныя щеки налились румянцемъ, въ едва косяхъ глазахъ зажглись огни, внизу щекъ показались ямочки. Нѣжный бѣлый пушокъ у шеи приподнялся, грудь стала выпуклѣе и откровеннѣе смотрѣли сквозь тонкую матерію блузки невинные сосцы. Походка Жени стала легче, эластичнѣе и воздушнѣе.

— Что же, — не поднимая головы, сурово, точно читая лекцію, заговорила она, — вы хотите раньше истаскаться съ порочными женщинами, переболѣть отвратительными болѣзнями, а потомъ принести себя въ жертву невинной дѣвушкѣ, съ большимъ приданнымъ. Согрѣвай мои паршивыя хворости, холь, лечи, роди больныхъ, золотушныхъ дѣтей. Нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, господинъ Верхотуровъ, — вы говорите — служить честно. Такъ и жить нужно честно. Невинности нужно дать такую же невинность. И къ бѣлымъ флеръ-д-оранжамъ невѣсты принести такую-же свою чистоту. А такъ — гадость одна!

— Конечно, конечно, — совсѣмъ смущенный, уничтоженный, бормоталъ Верхотуровъ. Вдругъ ставшая красивой Женя поразила его. Онъ никогда не только съ сестрою, но и съ братьями не касался такихъ вопросовъ. Эта дѣвушка просто ставила вопросъ во всей его силѣ и остротѣ.

— Вы, Евгенія Ивановна, ученая женщина. Вы, я слышалъ, — женщина врачъ. Вамъ, значить, и книги въ руки.

-- Да что вы, какъ попугай затвердили — ученая женщина, ученая женщина. Сами то вы неученый что ли?.. Будущій артиллеристъ. Чтобы обладать женщиной — ума нужно немного. Не хитрая это наука.

— Станный какой разговоръ...

— Васъ коробитъ?..

— Нѣтъ. Но, Евгенія Ивановна, я не мальчикъ. Я мужчина и согласитесь. Такой разговоръ...

Верхотуровъ пожалъ плечами. Нѣкоторое время они шли молча, легкими неслышными шагами. Возбужденіе Жени не проходило и все ярче и сильнѣе становилась ея неожиданная красота. Къ ней пріобщилась еще и нѣжность, какой Верхотуровъ не ожидалъ въ рослой и грубоватой Женѣ.

Наконецъ, тихо, наружно спокойно и ровно заговорила Женя. Ея колыхавшаяся грудь показывала, что спокойствіе давалось ей не легко.

— Вотъ потому то, что вы не мальчикъ, Иванъ Михайловичъ, я и позволяю себѣ такъ съ вами говорить. Вы возмужали, вы мужчина и мужчина хоть куда. Имѣли вы женщину?

Верхотуровъ былъ совершенно уничтоженъ и растерянъ.

— Скажите, какъ врачу. Ну, вижу, что — нѣтъ. Я другъ вашей сестры и я давно васъ знаю. Это дѣло, конечно, вашего отца или матери сказать вамъ то, что я вамъ говорю. Но вашъ отецъ такъ замученъ уроками, работой, что я думаю, онъ временами забываетъ, что у него есть дѣти и обязанности передъ ними, что этимъ дѣтямъ нужно открыть глаза на жизнь. Ну, а мама ваша? Прасковья Васильевна. Да, развѣ посмѣетъ она заговорить на такія темы. Она и теперь, въ пятьдесятъ лѣтъ со стыда сгоритъ. Она все еще живетъ въ романтикѣ Николаевского и Александровскаго времени. Но развѣ то, о чемъ я говорю — неправда? Вы, мужчины, кричите о вырожденіи человѣческой расы, о болѣзненности женщинъ, ихъ преждевременной старости, о громадной смертности дѣтей. Объ этомъ пишутъ ученые статьи, трактаты, книги; медицинская наука и изящная литература заняты этимъ проклятымъ половымъ вопросомъ — и никто не хочетъ, не смѣетъ, не думаетъ прямо, открыто сказать: мужчина долженъ жениться тогда, когда достигнетъ зрѣлости. Его жена должна быть первой женщиной, которой онъ обладаетъ. Первой и послѣдней. Онъ долженъ отдать женѣ, семьѣ лучшую пору своей жизни — свое весеннее цвѣтеніе.

-- Мнѣ кажется, -- робко сказала Верхотуровъ, -- семья требуетъ много денегъ. Содержать ее дорого. Вотъ потому то необеспеченный мужчина и боится рано обзавестись семьею.

— Вы переводите вопросъ въ другую плоскость — социальную и экономическую. Дѣло государства измѣнить такъ условія жизни, чтобы дать молодежи больше и дать возможность жить семейною жизнью. Во всякомъ случаѣ — любимая жена, сознание

своего долга передъ нею, подняли бы трудоспособность мужчины и слѣдовательно увеличили бы мощь государства.

— Не знаю, Евгенія Ивановна. Вижу папеньку и какъ ему трудно. Кажется уже больше того, что онъ дѣлаетъ невозможно дѣлать. Даже и лѣтомъ у него уроки.

— Это вы виноваты. Вся семья должна трудиться. Почему Миша и Ольга ничего не дѣлаютъ? Они могли бы найти занятія, какъ репетиторы. Ольга притомъ такъ талантлива. Она могла бы вышивать на продажу. Дѣлать сумочки, шляпки, шить, наконецъ платья. Трудиться и трудиться. Посмотрите, Иванъ Михайловичъ, на наше крестьянство. При всей своей бѣдности оно даетъ прекрасный примѣръ семейнаго счастья.

— Какое уже счастье!.. Я много повидалъ ихъ на маневрахъ. Грязныя, отрепанныя, въ лохмотьяхъ, больныя, покрытыя сыпями, въ цапкахъ дѣти копошатся и ползаютъ въ грязной избѣ, какъ щенята. Вотъ тамъ то и идетъ вырожденіе Русскаго народа.

— Вырожденіе идетъ отъ пьянства... Итакъ въ общемъ и цѣломъ вы противъ семьи?

— Отнюдь нѣтъ. Я считаю, что женитьба, жена — это, такъ сказать, нормально, обязательно. Безъ этого нельзя.

— Какъ стрижка подъ гребенку, — насмѣшливо сказала Женя. — Эхъ вы — горе философъ!..

— Почему вы все смѣетесь надо мною?

— Потому что мнѣ жаль васъ. Вы не живете, а прозябаете. Понимаете, — съ силою повторила Женя, — я жалѣю васъ.

— Жалость сродни любви, — чуть слышно сказалъ Верхогуровъ.

— Можетъ быть, — рѣзко сказала Женя и замолчала.

IX.

Они вышли къ рѣчкѣ Серебрянкѣ, къ купальнямъ. Дырявый холстъ и рогожи оцѣпляли мѣста для раздѣванія. Тамъ на серебрянскомъ пескѣ стояли скамейки. По одну сторону была на сѣрой доскѣ надпись черными буквами: «женское», по другую: «мужское». Сбоку стояла будка кассира. Несмотря на то, что уже съ самаго начала мая установилась жаркая погода и вода въ рѣчкѣ была теплая, содержателя купальни не было. Будочка кассира пу-

стовала. Не принято было купаться до Ивана Купалы и Аграфены Купальницы.

Въ мужскомъ отдѣленіи раздавались крики мальчишекъ.

— Давайте, выкупаемся, — просто сказала Женя. — Купаются же тамъ гимназисты.

Верхотуровъ, не отвѣчая, направился къ мужскому отдѣленію. Мальчики — ихъ стѣснялъ юнкеръ въ очкахъ, — стали выходить изъ воды и одѣваться. Верхотуровъ медленно раздѣвался.

— Что, вода теплая? — спросилъ онъ.

— Даже очень теплая, — охотно отвѣтилъ мальчикъ побойчѣе, уже надѣвшій на себя коломянковую рубашку и затягивавшій черный ременный поясъ со свѣтлою бляхой.

— Мы тут давно, — сказалъ другой, приглаживая волосы.

— Мы раковъ хотѣли ловить.

— Да не уловишь. По норамъ уползаютъ.

Верхотуровъ побѣжалъ въ воду. Онъ поплылъ саженками на другую сторону рѣки, переплылъ, отдохнулъ въ травѣ и камышахъ, вернулся обратно и сталъ одѣваться. Гимназисты ушли. Верхотуровъ былъ одинъ. Сквозь большую дыру въ холстѣ была видна часть женскаго отдѣленія. Обнаженная Женя стояла на бѣломъ прибрежномъ пескѣ. Она показалась Верхотурову прекраснѣе мраморныхъ богинь Эрмитажа, лучше Венеры, выходящей изъ водъ морскихъ.

«Стыдно подглядывать» — подумалъ онъ, отвернулся и даже закрылъ глаза. Но какой-то бѣсъ толкалъ его и убѣждалъ. «Я не подглядываю, мнѣ просто видно» и Верхотуровъ смотрѣлъ все напряженнѣе на стоящую на солнцѣ, чтобы просохнуть Женю. Бѣлизна тѣла и стройность всѣхъ его частей поразила Верхотурова. Онъ никогда не видѣлъ голой женщины. Женя медленно повернулась спиною къ Верхотурову. Солнечные лучи играли на выпуклостяхъ ея и точно будто мраморнаго тѣла, клали блестящіе блики на нихъ. Женя медленно и легко ступая прошла вглубь купальни и стала невидной.

Когда Верхотуровъ вышелъ изъ купальни и опять увидѣлъ Женю въ ея синей юбкѣ и бѣлой блузкѣ — иною показалась она ему. Всѣ недостатки ея скуластаго грубоватаго лица, съ косящими глазами, съ полными, загорѣвшими щеками, съ челкой русыхъ волосъ на лбу и не густою косою шиньономъ уложенною на затылкѣ — все перестало быть виднымъ. Точно сквозь матерію платья Верхотуровъ продолжалъ видѣть прекрасное бѣлое тѣло,

млѣющее подъ солнцемъ, блестящее на выпуклостяхъ отъ свѣжей воды. И это тѣло владѣло имъ.

Женя внимательно посмотрѣла на Верхотурова и молча пошла по дорогѣ къ дому. Она шла по одной сторонѣ дороги, онъ по другой. Всю дорогу они молчали.

Верхотуровъ думалъ о Женѣ: «мы называли ее кобылой. Какая же она кобыла? Какая чистота линий ея тѣла. Какая она прелесть. И какъ умна. А эти маленькія пухлыя губы. Пушокъ на шеѣ. Цѣловать его хочется. Что это со мною? Боже мой — какое это блаженство охватило меня. Неужели я влюбленъ? Влюбленъ въ Женю, подругу моей сестры Ольги? Она много старше меня, но какъ хороша! Какъ легка ея походка. Какъ смѣлъ и свободенъ ея умъ.

Весь остальной день и вечеръ они избѣгали другъ друга, точно боялись остаться вдвоемъ наединѣ.

Тихая весенняя ночь наступила. Долго не сходило солнце съ горизонта, и алымъ полымемъ горѣло закатное небо. Березы стояли, не колышась. Отъ недалеяго лѣса тянуло запахомъ смолы и хвон. Четко видный въ свѣтлой ночи лѣсъ казался таинственнымъ.

Чай пили всею семьею въ садикѣ. Мать Верхотурова мыла посуду, неслышно ставя ее на поднось, Ольга читала вслухъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Ее никто не слушалъ. Каждый думалъ свои думы и смотрѣлъ, какъ все не хотѣлъ умереть день и не давалъ мѣста ночи.

Женя сидѣла въ сторонѣ отъ семьи на простой дощатой скамейкѣ, устроенной подъ высокой раскидистой сосною. Она ушла въ невеселыя думы.

«Мнѣ двадцать седьмой год», — думала она. — «Старая дѣва. Какая пошлость. Ста-рая дѣ-ва! Кончила медицинскіе курсы, сдала диссертацию — «о ядовитыхъ веществахъ въ фармакопее»... Что же? Надѣтъ темное платье и устроиться въ больницѣ ассистенткой у профессора. Меня уже приглашали лаборанткой въ аптеку. Всю жизнь съ руками, пахнущими формалиномъ, или карболкой, въ бѣломъ халатѣ прожить отдавая себя на служеніе ближнему. Къ этому шла. А пришла къ тому, что восхитилась юнкеромъ въ очкахъ — Ванькой Верхотуровымъ! Старѣю, толстѣю, пухну. Для чего?».

Женя тяжело вздохнула и пошла стороною отъ чайнаго стола

къ себѣ навѣрхъ. Въ тишинѣ вечерней ночи было слышно, какъ заскрипѣли ступени деревянной лѣстницы подѣ ея тяжелымъ тѣломъ. За нею ушелъ отецъ Верхотуровъ — онъ умаялся за недѣлю.

— Кончай, Ольга, — сказала Прасковья Васильевна. — Двѣнадцатый часъ. Какъ незамѣтно надвинулась ночь.

Собрали посуду. Иванъ помогъ матери отнести на кухню самоваръ простился съ нею и пошелъ спать.

Недвижно плоско бѣлая штора на небольшомъ открытомъ окнѣ. Сквозь нее свѣтлая ночь вошла въ маленькую каморку съ покатымъ потолкомъ и освѣтила ее, придавъ неясныя, таинственныя очертанія предметамъ.

Медленно и неслышно Верхотуровъ раздѣлся и, стараясь не скрипнуть простою кроватью, въ одной короткой, казенной холщевой рубашкѣ улегся на постель. Тишина ночи охватила его и вмѣстѣ съ нею овладѣла имъ страстная истома. Онъ понялъ, что никогда не уснетъ. Все стоялъ передъ нимъ образъ обнаженной дѣвушки и казался несказанно прекраснымъ. Разговоръ сегодняшняго дня вспоминался ему и будилъ неясныя желанія. Она была тутъ рядомъ. Тонкая перегородка отдѣляла ее отъ него...

Верхотуровъ потянулся крѣпкимъ молодымъ тѣломъ и прислушался. Весь домъ спалъ. Верхотуровъ напрягъ слухъ, стараясь услышать, что дѣлалось рядомъ за стѣнкой, у Жени. Тамъ было такъ тихо, что казалось, что тамъ никого живого не было.

Такъ прошло много времени. Все сильнѣе овладѣвала Верхотуровымъ истома. За окномъ прошелестѣла осина. Птица встрепенулась въ кустахъ и снова стала томящая тишина... И вдругъ... Тихій вздохъ, легкій, едва уловимый вздохъ, раздался въ Жениной комнатѣ. Онъ былъ такъ плѣнительнъ, такъ смутилъ, возбуждалъ Ивана, что онъ гибкимъ неслышнымъ движеніемъ поднялся съ постели и сѣлъ. Его слухъ достигъ необычайной остроты. И еще разъ, еще тише, вздохнула Женья.

«Не спать, тоже не спать... Томится, какъ и я».

Верхотуровъ всталъ и осторожно, неслышно ступая босыми ногами, вышелъ изъ своей каморки въ крошечный узкій коридорчикъ у лѣстницы и подошелъ къ двери Жениной комнаты. Онъ остановился. Его сердце билось, кровь стучала въ виски. За дверью была настороженная тишина. Иванъ тихо повернулъ рукоятку двери. Дверь, всегда закрытая ночью на задвижку, легко подалась и неслышно раскрылась. Иванъ вошелъ въ комнату, тщательно заперъ дверь на запоръ и остановился.

Въ мягкомъ сумракѣ онъ увидѣлъ узкую кровать, бѣлую подушку и на ней голову Жени. Женя лежала на спинѣ и широко раскрытыми темными большими глазами внимательно смотрѣла на Ивана. Ни испуга, ни возмущенія не было въ ея взглядѣ. Иванъ стоялъ у двери, не рѣшаясь идти дальше, колеблясь и сомнѣваясь. Въ глазахъ Жени сіяла нѣжность. Руки въ бѣлыхъ рукавахъ рубашки, лежавшія на одѣялѣ поднялись навстрѣчу Ивану и томный, тихій голосъ едва прошепестѣлъ по комнатѣ.

— Ну, иди — ужь!.. Когда пришьель!

Въ два неслышныхъ широкихъ шага Иванъ былъ у постели. Онъ опустился на колѣни, обнявъ обѣими руками горячее гибкое тѣло и прильнулъ къ губамъ Жени.

Х.

Верхотуровъ не помнилъ, когда и какъ вернулся онъ въ свою комнату. Онъ находился въ сладкомъ чаду, въ восторженномъ полусознаніи. Онъ устало бросился въ остывшую постель, освѣщенную лучами поднявшагося надъ лѣсомъ солнца и сейчасъ же заснулъ.

Всталъ онъ поздно. Когда онъ вышелъ въ палисадникъ къ чайному столу — страннымъ показалось ему, что вся семья еще была въ сборѣ, хотя всѣ уже отпили чай. Какъ только Иванъ показался въ саду, мать послала куда-то маленькую Валю.

Прежде всего Иванъ увидѣлъ заплаканное, но и сквозь слезы счастливое, торжествующее побѣду, и вовсе не смущенное лицо Жени и рядомъ съ нимъ лицо Ольги, негодующее, презрительно-брезгливое. Ольга сидѣла, тѣсно прижавшись къ подругѣ и обнимая ее.

Онъ увидѣлъ еще, что мать низко согнулась надъ самоваромъ, точно хотѣла укрыться за нимъ отъ Ивана, что братья смотрѣли на него любопытными наглыми глазами, что отецъ курилъ трубку и нервно затягивался и понималъ все. Вчерашнее, ночное — извѣстно всѣмъ. То, что казалось ему страшной тайной, стыдной и сладкой, стало достояніемъ всей семьи.

Кровь ударила Ивану въ голову. Ему захотѣлось тутъ, сейчасъ же исчезнуть на вѣки, умереть, покончить съ собою.

Онъ не пошелъ дальше. Онъ остановился посерединѣ палисадника. Ноги не повиновались ему. Въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ стало темнѣть. Какъ сквозь сонъ онъ услышалъ голосъ отца:

— Пойдемъ ко мнѣ, Иванъ, — мрачно сказалъ отецъ. — Мнѣ надо поговорить съ тобою наединѣ.

Ивану вспомнилось его раннее дѣтство. Такъ вызывалъ его отецъ, когда Иванъ украдетъ пирожное, или принесетъ изъ гимназіи вѣдомость съ плохими отмѣтками, или грубо отвѣтитъ матери. Тогда отецъ вычитывалъ ему въ кабинетѣ его вины и стегалъ его по спинѣ тонкимъ ремешкомъ, снятымъ съ брюкъ. Не больно это было, но чрезвычайно оскорбительно.

Иванъ нахмурился, поднялъ плечи, опустилъ голову и, тяжело шагая, пошелъ за отцомъ.

Въ маленькой непровѣтренной комнатѣ, гдѣ стояли неприбранные постели отца и братьевъ было душно, пахло табакомъ и желѣзнымъ умывальникомъ. Отъ стѣнъ съ старыми, грязными, потрескавшимися, простого рисунка дачными обоями, со слѣдами раздавленныхъ клоповъ — вѣяло такою крутою бѣдностью, такою томительною безрадостной жизнью интеллигентнаго труженика, что злоба, было поднявшаяся въ Иванѣ противъ отца, смѣнилась безконечною жалостью.

— Закрой дверь, — тихо сказалъ отецъ.

Иванъ заперъ дверь и робко и виновато посмотрѣлъ на отца.

Онъ удивился: не злоба и раздраженіе были на лицѣ отца, какъ это бывало въ дни расправъ за его дѣтскія проказы, но огорченіе и безконечная усталость.

— Садись, Иванъ. Ты понимаешь, что ты совершилъ? — тихо проговорилъ отецъ и сѣлъ на свою кровать.

Иванъ молчалъ. Ни о чемъ не думая онъ смотрѣлъ въ окно. Пусто было у него на сердцѣ. Ночная истома продолжала владѣть имъ.

— Ты нарушилъ правила и обычаи гостепримства. Какъ могъ ты?! Я считалъ тебя вполне порядочнымъ и чистымъ мальчикомъ. Ты воспользовался наивною невинностью дѣвушки и ты опозорилъ ее и насъ всѣхъ навѣки.

«Это неправда», — хотѣлъ сказать Иванъ, но промолчалъ.

— Что-же? — продолжалъ отецъ, — ничего другого не остается тебѣ, какъ просить ея руки и жениться на ней, какъ только ты выйдешь въ офицеры.

Отецъ помолчалъ нѣсколько мгновений и сказалъ съ тоскою:

— Да, скажи мнѣ, милый мой мальчикъ, любишь ты ее по крайней мѣрѣ?

Иванъ продолжалъ молча смотрѣть въ окно. Передъ нимъ точно вставало освѣщенное солнцемъ, влажное отъ воды, прекрасное, бѣлое, полное тѣло. Онъ вспоминалъ ночныя, сначала несмысленныя и неумѣлыя, а потомъ все болѣе и болѣе бурныя и страстныя ласки и какъ оба они въ душной комнатѣ, вспотѣвшіе и усталые, истаивали въ несказанномъ счастьи обладанія. Любовь?.. Какъ можно было это, такое нѣжное, святое, тайное и стыдное — кому бы то ни было рассказать? Между ними вчерашнею ночью совершилась величайшая тайна и эту тайну вынесли на улицу! Отъ всей святости вчерашняго восторга любви остались грязь и позоръ. Зачѣмъ было знать это отцу, мамѣ? Мамѣ! Онъ не посмѣетъ посмотреть теперь въ ея усталые, прекрасные, материнскіе глаза, не посмѣетъ поцѣловать ея мягкія, увядшія щеки, коснуться губами ея руки. Сказали сестрѣ, братьямъ гимназистамъ, глядящимъ на него любопытными, нечистыми, блудливыми глазами. Это — любовь?..

— Ну что же ты молчишь, — уже раздражаясь, сказалъ отецъ. — Неужели такъ таки не понимаешь!..

— Я, папа, все понимаю. Я свой долгъ исполню, — сухо сказалъ Иванъ.

Артиллерія?.. Академія?.. Какой-то трудный, но и интересный путь къ достатку, достиженіе чего-то свѣтлаго вдругъ оборвался, уперся въ пустыню, въ жизнь на окраинѣ, въ тѣсноту бѣднаго офицерскаго женатаго существованія. Жена, дѣти. Заботы о семьѣ, постановка дѣтей на ноги и у него, какъ у отца на старости, вотъ такая же маленькая дачка, душная спальня, неопрятное бѣлье, табачный дымъ, запахъ умывальника и — бѣдность... Тяжелая, интеллигентская бѣдность. Хотѣлось хотя уголка счастья, поэзіи. Немного свободы. Годъ, два, три... ну а потомъ...

Точно угадывая мысли сына, заговорилъ Верхотуровъ отецъ:

— Жизнь, Иванъ, — не праздникъ. Смотри на меня. Я всю жизнь гнулъ спину за работой. Конечно, — Женичка безприданница. Ты, какъ офицеръ могъ бы рассчитывать и на лучшую партію, но что подѣлаешь?.. Вотъ и я мать твою взялъ въ чемъ была, безъ копѣйки, а прожили свой вѣкъ. Была бы любовь. Когда только ты успѣлъ ее полюбить? Да, скажи ты мнѣ, наконецъ, любишь ты ее по крайней мѣрѣ, или нѣтъ?

Иванъ все молчалъ. Нѣсколько минутъ длилось это тяжелое для обоихъ молчаніе. Наконецъ, Иванъ выдалъ изъ себя:

— Я женюсь на ней. Не мучь меня, папа.

— Ну, ладно, ладно, — сказалъ отецъ. — Повѣрь, мнѣ очень жаль тебя. Я понимаю все. Ну посиди, покамѣсть, тутъ. Я пойду, улажу это... недоразумѣніе.

Отецъ вышелъ въ садъ и направился къ Женѣ.

— Ну, Евгенія Ивановна, — началъ онъ хриплымъ, срывающимся голосомъ. — Мой сынъ Иванъ покался мнѣ въ этомъ... этомъ недоразумѣніи, и просить помиловать его, просить вашей руки. Конечно, до производства въ офицеры обождать придется. И я очень радъ. Поздравляю васъ. Если вы не откажете? Онъ славный парень. Въ старину говорили въ такихъ случаяхъ: «совѣтъ да любовь». Нынче уже не знаю, какъ нужно сказать.

Женя встала и стояла за столомъ, пунцово красная. Ольга, сидя подлѣ нея, въ волненіи мяла ея влажную руку.

Вечеромъ Женя и Ольга провожали Ивана на станцію. Женя надѣла пеструю блузку съ просторными рукавами до локтя, расшитую пѣтушками и избушками, широкую синюю юбку и бѣлый вышитый передникъ, а въ густыя русыя косы вплела разноцвѣтныя ленты.

Они втроемъ ходили по платформѣ. Барышни постукивали каблучками башмачковъ.

— Вотъ вы женихъ и невѣста, — говорила Ольга. — И я рада за тебя, Женичка, и за тебя, братъ.

Отъ ея словъ вѣяло холодомъ и скукою. Не было въ нихъ той свѣтлой радости, какой должны были звучать слова «женихъ и невѣста».

На женихъ поверхъ бѣлой рубашки была накинута сѣрая солдатская шинель. Безкозырка съ алымъ околышемъ была надвинута ухарски на правую бровь, но печальны были за очками глаза и имѣлъ женихъ видъ новобранца, которому только что «забрили лобъ».

XI.

Геніи, служители весны — амуры съ преострыми стрѣлами, какъ ни старались, никакъ не могли ранить спокойное финское сердце старшаго портупей юнкера, товарища Верхотурова и Ламбина и ихъ лучшаго друга Георгія Густавовича Мальмсена, авторитетнаго судью во всѣхъ вопросахъ, событіяхъ и продѣлкахъ ихъ юношеской жизни.

Амуры ухищрялись зайти къ нему съ лѣваго бока, пустить

золотую стрѣлу въ самое сердце, а онъ, зѣвая, поворачивался къ нимъ спиною и стрѣла со звономъ отлетала отъ его крѣпкаго, развитого гимнастикой и всяческимъ спортомъ тѣла. Они подкрадывались во время сна, пускали тучами свои стрѣлы — но вмѣсто полныхъ соблазна любовныхъ сновъ, Мальмсену снился родительскій домъ на мысу, у тихаго голубога фіорда, розовые гранитные валуны, сосновая роща, бряцаніе жестяныхъ, плоскихъ колокольцевъ, повѣшенныхъ на шеяхъ пестрыхъ коровъ, мелкая рябь, отъ налетѣвшаго на заливъ вѣтра и мягкій крень парусной финки съ выдвижнымъ килемъ, вдругъ попавшей въ вихревую полосу и быстро заскользившей вдоль зелено розоваго берега. Ему снилось тихое журчаніе прозрачной воды, раздвигаемой лодкой и точно живой напоръ рулевого румпеля на руку подъ мышкой. И, если когда-нибудь Мальмсену снились женщины — это были его мать и сестры, такія же бѣлобрысыя, какъ и онъ, рослыя, тощія, плоскогрудыя: онѣ пѣли съ нимъ подъ аккомпаниментъ цитры старыя героическія пѣсни про мудраго Вейнемейнена, про красивую страну Суоми, про бурную Вуоксу. Ничего ни въ нихъ самихъ, ни въ томъ, что онѣ пѣли не было такого, что облегчало бы побѣду геніевъ весны — лукавыхъ Амуровъ.

Амуры кралісь теперь къ нему, вооруженные золотыми луками съ колчанами, полными преострыхъ стрѣлъ, а онъ лежалъ на лугу, на скатѣ Дудергофа, смотрѣлъ свѣтлыми, сѣрыми, выпуклыми глазами въ бѣлыхъ рѣсницахъ на кручу, поросшую орѣшникомъ и сосною, на дачи, притаившіяся въ лѣсной чащѣ, на дороге, шедшую вдоль подошвы горы и лѣниво чертилъ на планшетахъ ряды горизонталей, на глазъ опредѣляя крутизны.

Амуры вмѣсто стрѣлъ послали ему дачницъ. Тѣ проходили, шурша длинными юбками, мелькая башмачками. У нихъ были пестрые зонтики, пронизанные лучами солнца и издали похожіе на живые цвѣты. Розовыя, прозрачныя тѣни легли на молодыя лица съ блестящими глазами, съ длинными рѣсницами. Серебряный звонъ смѣха прерывалъ ихъ разговоръ, онѣ замедлили шаги, поглядывая на юнкера, лежащаго на травѣ, на его полное румяное лицо, посыпанное золотомъ веснушекъ, безъусое и безбородое, поросшее нѣжнымъ бѣлымъ пушкомъ, на маленькій, вздернутый носъ и пухлыя, потрескавшіяся губы, а юнкеръ опустил голову и сосредоточенно зигзагами чертилъ очертанія лѣса.

— И не посмотришь!.. Нах-халь!..

— А хорошенькій чухна.

— Какъ правильнѣе сказать, Лиза, — хорошенькій чухна, или хорошенькая чухна?..

— Если про этого Павлончика — нужно сказать — хорошенькая чухна. Совсѣмъ дѣвчоночка.

Мальмсень хотя бы взглянулъ на нихъ...

Черезъ мокрый лугъ къ нему шли Верхотуровъ и Ламбинъ. Оба съ намѣреніемъ «сдуть» съ планшета искусника Мальмсена его чертежъ, оба, уже сраженные острыми стрѣлами геніевъ весны. И Амуры обрадовались — не заразится ли и Мальмсень ихъ при-
мѣромъ?

— Здорово, чухна.

— Но! но!.. Здравствуй, моншеръ. Ты думаешь, что если надѣли тебѣ вахмистерскія нашивки, ты можешь называть меня чухной? Глюпости болтать?..

Ламбинъ сѣлъ подлѣ Мальмсена, Верхотуровъ легъ противъ нихъ.

— Не сердись, милый чухна, ты, право, такой хорошенькій, аппетитный — точно кусокъ шведскаго хлѣба, густо намазанный сливочнымъ масломъ.

— Проголодался, моншеръ, о хлѣбѣ мечтаешь. На пожуи.

Мальмсень достала изъ сумки кусокъ шоколада.

— Ну вотъ дѣтскія шалости. Шоколадъ. Вотъ кажется идетъ «шакаль». Пропустимъ по стаканчику, закусимъ колбасой.

Верхотуровъ завозился на травѣ, точно собирался вставать. Ламбинъ понялъ его движеніе.

— Вы еще не видѣли меня вахмистромъ. Я угощаю васъ, — сказалъ онъ.

— Вотъ эт-то здорово! Совершенно правильно и естественно, — сказалъ Мальмсень.

— Да, — говорилъ Ламбинъ, — и кромѣ того у меня много радости на сердцѣ и мнѣ такъ хочется съ вами подѣлиться ею.

«Шакаль» — разнощикъ, въ розовой ситцевой рубахѣ и черной жилеткѣ съ бронзовыми пуговицами, въ плисовыхъ шарана-
рахъ и высокихъ сапогахъ, съ длиннымъ лоткомъ на головѣ, укрученнымъ пестрымъ покрываломъ подошелъ къ юнкерамъ, ловко присѣлъ на колѣно, снялъ и раскрылъ лотокъ.

— Лимонадъ, сельтерска, шоколадъ, яблоки, апельсины — расшѣвно произнесъ онъ, быстро, зоркими глазами осматривая окрестность, не видно ли гдѣ офицеровъ.

Но широкой лугъ между деревней Горской и Дудергофомъ

быль пусть. Кусты ивняка укрывали юнкеровъ со стороны дороги, шедшей изъ Горской, и «шакаль» перемѣнилъ распѣвный тонъ на предупредительно-ласковый.

— Водочки, или коньячку прикажете, господинъ вахмистръ?..

— Наливай, братецъ, три шалабана коньяку, давай по булкѣ съ вареной колбасой, мятныхъ лепешекъ на закуску, чтобы не пахло спиртнымъ и уходи отъ соблазна.

— Самъ понимаю, ваше сіятельство, — сказалъ «шакаль», проворно досталъ изъ таинственныхъ нѣдръ лотка бутылку и толстые хрустальные стаканчики и налилъ ихъ.

— Сколько разовъ за это, за самое, весь лотокъ выворачивали, посуду мнѣ били господа офицеры. А безъ этого — какая же будетъ разнощику коммерція?

— Я вѣдь тебя знаю, — сказалъ Ламбинъ.

— И я васъ, господинъ Ламбинъ, преотлично знаю, — хитро улыбаясь сказалъ разнощикъ. — Съ вахмистерскимъ чиномъ позвольте поздравить...

Юнкера выпили, взяли бутерброды, Ламбинъ расплатился, далъ зеленую трешницу.

— Сдачи не надо.

— Покорно благодаримъ-съ. На здоровьице, ваше сіятельство. Подай вамъ Господь всего лучшаго.

— Лучше того, что есть мнѣ и не нужно, — улыбаясь, сказалъ Ламбинъ.

— Получите и больше того-съ, — сказалъ разнощикъ и быстро исчезъ за кустами, точно и не было его вовсе. Юнкера жевали булки.

XII.

— Скажи мнѣ, Верхотурій, — обратился Мальмсенъ къ Верхотурову, — правда ли то, что мнѣ говорили юнкера твоей роты. Ты не выходишь въ артиллерію? Ты идешь служить на окраину? Въ Линейные батальоны Восточной Сибири?

Верхотуровъ отвѣтилъ не сразу. Онъ долго и внимательно смотрѣлъ то на Мальмсена, то на Ламбина и, наконецъ, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Да это вѣрно. Я иду служить на Дальній Востокъ... Въ Барабашъ.

— Почему? — спросил Ламбинъ, у тебя же хорошіе баллы.

— На то есть особыя причины.

Двѣ желтыя бабочки толклись подлѣ. Изъ зеленой травы-муравы поднималась вѣтка нѣжно лиловыхъ колокольчиковъ. Бѣлые пестики сквозили сквозь полупрозрачныя лепестки съ темными жилками. Сколько тонкой несказанной красоты было въ этихъ простыхъ полевыхъ цвѣтахъ. Ламбинъ сорвалъ вѣтку и долго, прищуривъ глаза, смотрѣлъ на колокольчикъ.

— Совсѣмъ лиловыя юбочки. И ножки въ бѣлыхъ чулочкахъ, — сказалъ онъ, разглядывая самый большой нижній цвѣтокъ.

Мальмсенъ взялъ вѣтку изъ рукъ Ламбина, надулъ колокольчикъ и щелкнулъ его на палецѣ. Только мокрое пятно осталось на рукѣ. Безжизненные смятые лепестки упали на землю грязнымъ комочкомъ.

— Вот такъ и женщины, — сказала Мальмсенъ. — Вздоръ одинъ... Грязь и слизь.

— Нѣтъ, — тихо сказалъ Ламбинъ. — Женщины — цвѣты жизни. Безъ нихъ пусто было бы. Сухо. Скучно. Какъ на мокромъ, грязномъ торфяномъ болотѣ, покрытомъ кочками, гдѣ ничто не растетъ. Онѣ возвышаютъ мужчину.

— Дѣйствительно! Подумаешь! Никогда женщина не возвышаетъ человѣка. Всегда, напротивъ, тянетъ его внизъ. Мужчина самъ по себѣ есть нѣкоторая величина, число, цифра. Женщина, становясь подъ нимъ, дѣлается какъ бы знаменателемъ и является не число, не цѣлое, но дробь. И чѣмъ больше, чѣмъ крупнѣе, властнѣе будетъ женщина, тѣмъ въ меньшую дробь обратитъ она связавшагося съ нею мужчину.

— Ты это такъ говоришь потому, что начитался Шопенгауера.

— Ну-ну, не одного только Шопенгауера. Шопенгауеръ тутъ не при чемъ.

— Ну, а если къ тебѣ придетъ такой часъ, то ты возьмешь да и полюбишь?

— Я полюблю? — удивляясь такому предположенію сказалъ Мальмсенъ. — Да что съ тобой, Ламбинъ?

— Ну, заговорить въ тебѣ нѣкоторое чувство, — краснѣя и становясь совсѣмъ бурнымъ, запинаясь, сказалъ Верхотуровъ. — Вѣдь это же такъ естественно. Это намъ положено отъ Бога.

— Поѣду къ дѣвочкамъ, — равнодушно и презрительно сказала Мальмсень. — Но никогда не свяжу своей свободной жизни съ женщиной. Влюбиться? Да нѣтъ, лучше уже просто умереть.

— И умирають отъ любви, — тихо сказалъ Ламбинъ.

— Несчастные Гетевскіе Вертеры, — проворчалъ Мальмсень.

Разговоръ оборвался. Въ дремотной тишинѣ шелъ прекрасный весенній день. Солнце сильно грѣло. Ламбинъ сорвалъ травинку и жевалъ ее. Мальмсень аккуратно, штрихъ за штрихомъ, клалъ «вязанные штрихи» между горизонталей. Верхотуровъ слѣдилъ за его карандашомъ. Штрихи ложились такъ точно, на такихъ математически равныхъ промежуткахъ, что не вѣрилось, что это дѣлала рука человѣка.

Не поднимая головы отъ чертежа Малмсена, Верхотуровъ сталъ говорить чуть слышнымъ голосомъ.

— Вы спросили меня, почему я измѣнилъ своему рѣшенію и иду служить на окраину? Тутъ не идея? Тутъ не жажда приключеній. Тутъ — женщина.

Верхотуровъ замолчалъ. Ламбинъ сидѣлъ, глядя въ сторону, Мальмсень продолжалъ все такъ же ровно накладывать штрихи. Дудергофская гора на его планшетѣ точно поднималась, становилась выпуклой. Было такъ тихо, что было слышно, какъ шушаль карандашъ по бумагѣ и когда молодой шмель налетѣлъ и сталъ толкаться въ воздухѣ между юнкерами — его жужжаніе показалось дерзкимъ. И снова тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ продолжалъ Верхотуровъ.

— Я долженъ жениться. А жениться безъ реверса и безъ достиженія двадцати трехъ лѣтъ можно только на окраинѣ. И я иду въ Уссурийскій новый край.

— Ты полюбилъ, Верхотурій? — спросилъ Ламбинъ. Былъ мягокъ его голосъ.

Онъ смотрѣлъ на нескладнаго и некрасиваго юнкера в очкахъ, и ему страннымъ казалось, что мрачный, серьезный, мѣшковатый, придавленный жизнью и бѣдностью, Верхотуровъ могъ испытывать тоже божественное чувство, какое испытывалъ онъ самъ. Кто могъ быть предметомъ его любви?

— Если бы я полюбилъ?

И опять всѣ трое молчали. Шмель улетѣлъ. Тишина была вокругъ. Полдень приближался.

— Ты, Ламбинъ и ты, Мальмсень, — вы самые близкіе мнѣ

люди, — началъ Верхотуровъ. — Вы ближе мнѣ, чѣмъ отецъ и мать. Ближе родныхъ. Родители и родные пристрастны. Выслушайте меня и скажите мнѣ, правильно ли я поступаю?..

И — слово за словомъ, нескладно, путаясь, Верхотуровъ разсказалъ о нѣкоей дѣвицѣ, много старшей его, не очень красивой, но и не безобразной, очень умной, — докторъ медицины, специалистка по ядовитымъ веществамъ, употребляемымъ въ медицинѣ, — умной, насмѣшливой, либеральныхъ взглядовъ...

— Если либеральныхъ взглядовъ, — пробурчалъ Мальмсенъ, — на кой чортъ ей еще и замужъ выходить?

— Таковы взгляды въ нашей и въ ея семьѣ, — пробормоталъ Верхотуровъ. — Если дѣвушка опорочена.

— Ну уже и опорочена, — опять пробурчалъ Мальмсенъ.

Онъ отложилъ въ сторону карандашъ и, поднявъ отъ планшета голову, ясными, большими глазами смотрѣлъ вдаль. И вдругъ такъ покраснѣлъ, что золотою розсыпью стали казаться веснушки на его круглыхъ, полныхъ щекахъ. Онъ вспомнилъ свою семью, сестерь, ихъ милыя лица, ихъ синіе, какъ воды фіорда, въ июльскій ясный день, глаза, возвышенную, святую устремленность ихъ взгляда, когда онѣ пѣли финскія героическія пѣсни и первый разъ подумалъ, что его сестры уже взрослые дѣвушки. Нѣтъ, конечно, онѣ никогда не позволятъ себѣ того, что продѣлала та неизвѣстная. Пойди купаться! Такъ, здорово живешь! Вести такіе разговоры! У нихъ и словъ такихъ нѣтъ. Но... Если бы?..

Мальмсенъ гибко поднялся, сложилъ свой планшетъ, подошелъ къ сидящему съ опущенной головою Верхотурову и оперся на его плечо.

— И ты и твой отецъ правы, — сказалъ онъ. — Ты есть офицеръ! Вотъ, ты будешь офицеромъ. Ни въ прошломъ, ни въ будущемъ у тебя не должно быть ни одного поступка, несомѣстимаго съ офицерскою честью. Разъ это случилось такъ — приходится жениться... Если жениться можно только на окраинѣ, — иди на окраину. И тамъ люди живутъ. Государь ведетъ туда желѣзную дорогу. Русская цивилизація идетъ туда и гордись быть ея носителемъ. Мнѣ очень жаль, Верхотурій, что разбились твои мечты. Да что такое мечты? Мечтаешь объ одномъ, а жизнь поворачиваетъ по другому. Судьба! Кисметъ! Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Задумался и Ламбинъ. И у него завязывалась связь. Какъ и

чѣмъ разрѣшится она?.. Вѣдь, если жениться, что же... и ему? Тоже на окраину? Прощай блестящій конный полкъ, куда уже общана ему ваканція. Сможетъ ли онъ такъ поступить, какъ поступилъ немудрящій Иванъ Верхотуровъ? Ламбинъ всталъ и подошелъ къ поднявшемуся съ травы Верхотурову.

— Дай руку, Иванъ, — твердо сказалъ Ламбинъ. — Ты молодчина, Иванъ. А, счастье? Богъ пошлетъ тебѣ и тамъ счастье. Мы, твои товарищи, всегда тебѣ поможемъ.

Верхотуровъ былъ глубоко тронуть. Слезы блистали за очками. Ему было и стыдно и сладко.

— Далекое уже очень, — сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать и скрыть охватывавшее его смущеніе.

— Да мы-то близкіе, — сказалъ Ламбинъ.

У всѣхъ было приподнятое, необычное настроеніе, точно случилось нѣчто особенное, связавшее ихъ на всю жизнь. Надо было его оборвать, иначе не выдержать юношескія сердца. Мальмсень первый это понялъ.

— Что-жъ, господа, -- наигранно веселымъ, безпечнымъ голосомъ сказалъ онъ. — Вы пришли «сдуть» мой чертежъ. Онъ почти готовъ. Зайдемте на эту пустую дачу, тамъ на балконѣ это будетъ удобнѣ всего сдѣлать.

Смущеніе прошло не сразу. Долго еще протиралъ вдругъ запотѣвшіе очки Верхотуровъ, прикладывавъ масштабную линейку, низко нагибаясь къ планшету Мальмсена, и тщательно оттачивалъ Алиберовскіе карандаши, точно не зная, съ чего ему начать. У Ламбина, напротивъ, работа спорилась, и бѣлый съ блѣдно-зелеными квадратами листъ покрывался четкимъ чертежомъ.

Мальмсень сѣлъ въ сторонѣ на ступенькахъ балкона, закурилъ трубку и думалъ: «однако, большой знаменатель подошелъ подъ славнаго чудака Ивана, въ маленькую дробь обратить онъ мѣшковатаго «верблюда». Да вотъ онъ — женщины. Нѣтъ, меня такъ не окрутятъ!».

XIII.

Ламбинъ сейчасъ же послѣ производства въ офицеры поѣхалъ къ матери, въ Воронежскую губернію, на хуторъ Черкесовъ.

Мать Ламбина, дочь генерала Алексѣя Ивановича Черкесова — Евдокія Алексѣевна, въ 19 лѣтъ была самой красивой и богатой

невѣстой во всей округѣ. Къ ея отцу засылали сватовъ изъ Петербурга и съ Дона, изъ Кіева и съ Волги... Красота ея гремѣла далеко кругомъ. Она должна была стать фрейлиной Императрицы. Въ Петербургѣ у Черкесовыхъ — роскошь большихъ покоевъ, крѣпостные слуги и служанки, въ деревнѣ, въ имѣніи старый большой домъ, конюшни коннаго завода, псарня и опять слуги — горничныя, дѣвки, псары, доѣзжачіе, выжлятники, казачки. Она выростала въ расцвѣтѣ феодальнаго права, Русскаго крѣпостничества, маленькой степной герцогиней, дочерью заслуженнаго, вдовца генерала, души не чаявшаго въ дочери.

Все обрвалось въ тотъ хмурый туманный зимній день, когда въ санномъ возкѣ привезли изъ подъ Севастополя отца. Англійское ядро оторвало генералу Черкесову обѣ ноги.

Евдокія Алексѣевна стала на колѣни передъ искалѣченнымъ отцомъ и торжественно поклялась ходить за нимъ.

Приемы, праздники, охоты, женихи — они уже вились подлѣ — все было отказано. Красавица барышня обратилась въ служанку, въ няню, въ сестру милосердія, въ чтицу, въ нѣжнаго и преданнаго друга калѣки отца. Когда ей говорили, чтобы она пожалѣла себя, что отцу ея вовсе не нужно ея постоянное присутствіе и уходъ — Евдокій Алексѣевна сжимала губы и говорила:

— Это мой долгъ и моя радость. Никто не можетъ такъ *donner de soi**), какъ я — его дочь.

Семь лѣтъ тянулась такая жизнь. За эти семь лѣтъ Евдокія Алексѣевна познала страшную истину, что отцы никогда не поймутъ дѣтей, и дѣти чужіе своимъ родителямъ. Бездна времени раздѣляла ихъ. Какъ ни любить они другъ друга — они разные — разныхъ взглядовъ и убѣжденій люди.

Время было серьезное, отвѣтственное. Скончался Императоръ Николай I — и съ нимъ отошла въ вѣчность крѣпостная Россія. Изъ Россійской Имперіи ушелъ ея послѣдній Императоръ. Феодализмъ, крѣпостничество отмирили, даровой трудъ на помѣщика сталъ казаться чудовищнымъ. Строилась новая Россія на началѣ свободъ.

Безсильный калѣка, отецъ Евдокіи Алексѣевны цѣплялся за старое, въ немъ видѣлъ могущество и мощь Россіи, а Евдокія Алексѣевна въ томъ добровольномъ плѣну, на который она себя обрекла все болѣе и болѣе ощущала радость дать свободу рабамъ.

*) Давать отъ себя.

Она катила по парку кресло съ отцомъ и тотъ, глядя на деревья, говорилъ ворчливо:

— Дай имъ только волю — все погибнетъ. Все, все... Дѣдъ, прадѣдъ сажали эти липы и дубы. Я помню, какъ дѣдушка поролъ на конюшнѣ садовника за то, что онъ не такъ подберетъ букеты въ комнатѣ бабушки... Отпустить ихъ... не пороть ихъ, — въ звѣрей обратятся; вотъ что такое свобода этимъ людямъ. И некому сказать это молодому Государю.

Евдокія Алексѣевна стояла сзади отца. Ея лица не было видно отцу. Въ ея глазахъ горѣло возмущеніе и было въ нихъ страшное страданіе. Она молчала.

Вся округа жила разговорами объ улучшеніи быта крестьянъ. Этого требоваль рескриптъ Государя дворянамъ Литовскихъ губерній. Уже знали, что существуетъ «секретный комитетъ», что въ Петербургъ вызваны депутаты отъ дворянства. Называли имена Ростовцева и графа Панина. Кое кто изъ помѣщиковъ, не дожидаясь реформы, самъ отъ себя отпустилъ крестьянъ.

Евдокія Алексѣевна знала, что послѣ смерти отца все имѣніе и всѣ люди отойдутъ къ ней. Ея сердце трепетало отъ радости дать волю своимъ крестьянамъ. Она вела тайные разговоры о томъ, какъ это сдѣлать и теперь стояла, устремивъ глаза къ небу и молясь о томъ, чтобы Господь простилъ отцу его слова, его мысли.

— Скоты! скоты! — ворчалъ отецъ. — Вся культура Россіи, вся ея красота созданы нами — дворянами. Мой прадѣдъ засталъ здѣсь цѣлинную степь, поросшую ковылемъ, по оврагамъ росли бурьяны, крестьяне жили по курнымъ избамъ, какъ какіе-то пещерные люди... Все создано нами. Пусти ихъ на волю — они уничтожатъ все. Молодой Государь рубить сукъ, на которомъ сидитъ. Улучшеніе быта? А — гхмъ! Лучше, чѣмъ у меня, — имъ не будетъ! Будетъ хуже, много хуже! Задавятся землею, а сами отъ голода пухнуть будутъ... Сопьются...

Изъ за сада, съ псарнаго двора раздался вой и визгъ собакъ. Гончимъ задавали кормъ. На лицѣ старика появилась улыбка. Онъ на слухъ узнавалъ каждаго выжлеца, каждую выжловку.

— Ну, милая, кати меня на псарню. Дай мнѣ хотя полюбоваться на собачекъ.

Тихо катится кресло по упругой черноземной почвѣ мимо ягодныхъ плантацій. Дѣвушки собираютъ клубнику и поютъ пѣсни

— стародавній обычай, чтобы господа знали, что онѣ не крадутъ ягодъ.

Въ каменной стѣнѣ деревянная, въ зеленую краску покрашенная калитка. Евдокія Алексѣевна прокатываетъ въ нее кресло. Съ радостнымъ визгомъ гончія несутся навстрѣчу генералу, толстыми огненно-желтыми съ черными лапами становятся на край кресла.

Генераль ласкаетъ ихъ и говоритъ размягченнымъ голосомъ: — Онѣ любятъ меня, мои собачки. Онѣ вѣрнѣ людей...

Старый псарь съ обнаженной сѣдой головой стоитъ надъ собаками. Евдокія Алексѣевна не смѣетъ поднять на него голову.

XIV.

Сначала слухомъ, потомъ телеграммой, привезенной нарочнымъ верховымъ пришло въ Черкесовку извѣстіе, что въ шестую годовщину своего воцаренія, 19 февраля 1861 года, Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Черезъ двѣ недѣли и самый манифестъ былъ доставленъ въ глухое степное имѣніе, и въ церкви священникъ читалъ красивыя звучныя многозначительныя слова манифеста. Кресло съ калѣжкой генерала стояло впереди, у амвона, на коврикѣ. Сзади въ сѣрыхъ дубленыхъ овчинахъ, въ шубахъ, женщины въ пестрыхъ ковровыхъ платкахъ стояли освобождаемые отъ рабства крѣпостные.

Евдокія Алексѣевна стояла сзади отца. Крупныя слезы текли по ея лицу.

Послѣ длинной церковной службы с торжественнымъ молебствіемъ, дома былъ парадный обѣдъ и только далеко за полдень отецъ остался вдвоемъ съ дочерью. Онъ былъ очень утомленъ и Евдокія Алексѣевна стала стлать ему на диванѣ постель.

— Оставь, — сказала отецъ. — Погоди! Теперь спать?.. Теперь не спать — теперь умирать нужно. Сегодня въ мукахъ рождается новая Россія. О! Долго продлятся эти муки рожденія. Вѣками сложившійся быть даже и самодержавному Государю не сломить росчеркомъ пера. «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ Русскій народъ»... Если бы это? Если бы въ немъ настоящая то вѣра была! Осѣни себя на трудъ... Боюсь осѣнить на борьбу. И долгая будетъ

борьба, пока подъ корень не уничтожатъ насъ былыхъ его «угнетателей». Тутъ, Евдохіе, два міра, враждебныхъ другъ другу. Ты думаешь такъ это просто отдать все то, что создавалось десятилетиями лѣтъ труда и вдохновенія? Я — калѣка, вотъ уже семь лѣтъ какъ не охочусь, а собакъ не отдамъ. Слышишь — не отдамъ! И псарей не отпущу на волю. Конный заводъ не распродамъ. Значить, нанимать придется конюховъ и псарей?.. Найди такихъ наемныхъ... Эти боялись — тѣмъ все ничего. Нѣтъ, я не могу, не могу и не могу при такихъ-то порядкахъ жить. Правъ всѣмъ ты, но чтобы то, что на моихъ глазахъ оставалось по старому.

Все и осталось по старому. Старые слуги, камердинеръ генерала, бывший съ нимъ на войнѣ, лакеи, псары, конюха согласились съ барышней, что нельзя покидать старика. Они остались по прежнему, но самъ генералъ былъ уже не прежній. Онъ сталъ ко всему равнодушенъ.

Южная степная духовитая весна пришла на смѣну зимѣ. По курганамъ курилась днемъ земля, дымила веселымъ паромъ, въ отвершкахъ овраговъ съ легкимъ шумомъ осыпались снѣговые сугробы, под ними журчали, пѣли, стонали на всѣ лады ручьи, сливались в бурные потоки и прямо по полямъ неслись къ рѣкѣ. Обнажались сырыя, зеленыя, омытыя водой озими, черными бугристыми полосами лежала распаханная земля — по новому приступали на хуторѣ къ весенней пахотѣ и сѣву крестьяне — для себя, не для помѣщика.

Въ эти дни тихо умиралъ старый генералъ. На Троицынъ день онъ отказался ѣхать въ церковь, заснулъ утромъ и не проснулся. Наступила воля и для Евдокія Алексѣевны.

Все соблюла по правиламъ Евдокія Алексѣевна. Похороны были въ фамильномъ склепѣ. Вся мѣстная знать, всѣ бывшіе крѣпостные были на нихъ отдать послѣдній долгъ старому помѣщику. Евдокія Алексѣевна устроила пышныя поминки, отбыла девятый и сороковой дни, а потомъ призвала управляющаго имѣніемъ, потребовала деньги изъ конторы, сдала всѣ дѣла по имѣнію управляющему, а по дому старой экономкѣ Пиннѣ Егоровнѣ, когда-то нянчившей ее и умчалась одна изъ имѣнія. Вольный казакъ!

Прощаясь съ управляющимъ и Пинной Егоровной сказала:

— Когда вернусь — не знаю. Понадобятся деньги переведите черезъ банкъ, куда укажу. Крестьянамъ во всемъ дайте полное облегченіе.

Воля, свобода, возможность дѣлать все, что хочу, никому не давая въ томъ отчета, опьянили Евдокію Алексѣевну. Ей шель двадцать шестой годъ и была она поразительно хороша собою. Она поѣхала на Вѣну, за границу.

Три года пробыла она за границей. Что она тамъ дѣлала, гдѣ жила, съ кѣмъ видѣлась, чѣмъ занималась — никто этого не зналъ. Сама она потомъ о своей заграничной жизни никому не рассказывала.

Но слухами земля полнится... Говорили въ округѣ, что долгое время прожила она въ Италіи, благовоѣнно посѣщала старые храмы и картинныя галереи, цѣловала — будто даже, туфлю у Папы, была окружена ксендзами и іезуитами и едва не приняла католичество... Богатая, красивая, образованная, говорящая по-французски, нѣмецки и начавшая говорить по-итальянски, свободная, одинокая, ни отъ кого не зависящая, никому, ничѣмъ не обязанная — она жила за границей подлинной герцогиней. Въ лучшихъ гостиницахъ, красивые покои, общество знатныхъ и высоко поставленныхъ людей, говорили, что какой-то принцъ готовъ былъ просить ея руки предложить ей свою корону. Все это могло быть, но могло и ничего изъ этого не быть. Неограниченна фантазія людей, когда говорятъ они про кого-нибудь, зажившаго не такъ, какъ живутъ другіе.

Изъ Рима она проѣхала въ Парижъ, блистала тамъ, появлялась въ Оперѣ, въ Драмѣ, на скачкахъ, гдѣ поражала знатоковъ своими познаніями въ лошадахъ. И никто не могъ угадать, кто же она?.. Кокотка, или дѣвушка самыхъ строгихъ правилъ? Тѣ, кто случайно видѣлъ Евдокію Алексѣевну за границей рассказывали, что она особенно поражала острою ума и умѣніемъ отшить во-время зарвавшагося поклонника.

Такъ прошло три года. Три года контора посылала ей деньги въ Римъ, Венецію, Миланъ, Ниццу, Парижъ, Вѣну и Берлинъ.

Какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно Евдокія Алексѣевна вернулась въ Россію, въ Санктъ-Петербургъ, женою командира гвардейской конной батареи, капитана Петра Вадимовича Ламбина. Вѣнчалась она въ Берлинѣ, въ посольской церкви.

Черезъ годъ у Ламбиныхъ родился сынъ — Вадимъ.

Ламбины въ Петербургѣ жили веселой богатой жизнью. Контора имѣнія кряхтѣла, но исправно посылала деньги. Рубили лѣсъ, сдавали въ аренду луга, продавали кое-какую мебель стараго дома

— въ Петербургѣ на это жили удалымъ, смѣлымъ размахомъ. Балы, концерты, театръ обѣды, дорогія платья, выписанныя изъ Парижа, лучшія лошади своего завода и экипажи. Вадимъ выросталъ среди веселаго смѣха, шутокъ, довольства и радости, окруженный нянями и боннами. Такъ прошло шесть бурныхъ лѣтъ.

На весеннемъ, «майскомъ» парадѣ Евдокія Алексѣевна любовалась какъ безудержнымъ карьеромъ послѣ конницы пронеслась батарея ея мужа съ нимъ самимъ впереди. Какъ она восхищалась имъ!.. Съ парада мужъ вернулся необычно сумрачнымъ, и чего съ нимъ никогда не бывало, — усталымъ. Онъ пролежалъ весь вечеръ, не разговаривая и только жалуясь на сильную головную боль. На другой день его батарея выступала въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ и мужъ Евдокіи Алексѣевны поѣхалъ въ казармы. Онъ вышелъ къ батарее и, не сядя на лошадь, сталъ говорить солдатамъ о вчерашнемъ парадѣ и о благодарности Государя за бравый видъ, вдругъ задохнулся, схватился рукою за грудь и упалъ на булыжную мостовую двора.

Евдокія Алексѣевна, за которой прискакалъ офицеръ батареи, нашла мужа лежащимъ на солдатской койкѣ, накрытымъ шинелью. Петръ Вадимовичъ умеръ отъ разрыва сердца.

Точно что-то оборвалось въ душѣ Евдокіи Алексѣевны. Въ этой, такой внезапной и быстрой смерти, она увидѣла знакъ, предостереженіе свыше, наказаніе за прожитые въ безоблачномъ счастіи годы. Въ глубокомъ траурѣ, съ Вадимомъ и его гувернанткой швейцаркой, она въ тридцать шесть лѣтъ почти сѣдая вернулась въ имѣніе. Она призвала Пинну Егоровну, строго посмотрѣла на старую няню, погладила рукою по головѣ стоявшаго подлѣ нея маленькаго Вадима и сказала сурово:

— Что было, Пинна Егоровна, то и прошло. Быльемъ поросло. Богъ, значить, покаралъ. Такъ Богу угодно, чтобы мнѣ вдовой вѣкъ свой вѣковать. Вотъ, видишь, сирота у меня растеть...

Она толкнула Вадима въ плечо и сказала:

— Иди къ мадемуазелль, а ты, Пинна Егоровна, пошли ко мнѣ управляющаго. При тебѣ поговоримъ. Хочу и будетъ такъ, чтобы мой Вадимъ, какъ отецъ мой, какъ мой мужъ въ гвардіи служилъ. Чтобы ни въ чемъ недостатка у него не было. Намъ съ тобою сжаться придется — не тѣ нынче доходы, не тѣ времена, а служба та-же — много нужно будетъ Вадиму. Надо копить для него... Давай ключи да пойдемъ въ контору, деньги считать будемъ.

Строгой хозяйкой, расчетливой и скупой на себя, вошла Евдокія Алексѣевна въ родительскій домъ. Ахнула, когда увидѣла, сколько долговъ надѣлала она за годы веселой своей жизни за границей и съ мужемъ въ Петербургѣ. Сжалась и стала копить.

XV.

Когда Вадиму минуло десять лѣтъ Евдокія Алексѣевна, не задумываясь, не жалѣя ни сына, ни себя, отвезла Вадима въ Петербургъ и отдала въ военную гимназію. Переговорила съ директоромъ и воспитателемъ и вернулась въ имѣніе.

Не подалась, не согнулась, не постарѣла — все такъ же была прекрасна при своихъ сѣдыхъ волосахъ и молодомъ свѣжемъ лицѣ — точно маркиза въ напудренномъ парикѣ, только серьезнѣе сталъ взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ и едва замѣтныя морщины протянулись по лбу.

Вся ушла въ дѣло, въ управленіе имѣніемъ, коннымъ заводомъ, и одну оставила себѣ забаву — охоту съ борзыми, но псарню распустила — держала лишь одну хорошую собаку и ѣздила съ нею по осеннимъ полямъ, охотясь въ наѣздку. Отрадой ея были пріѣзды сына на Рождество, на Пасху и на лѣтніе каникулы. И всякій разъ она находила его новымъ, съ новыми повадками, словечками, рассказами про гимназическую жизнь, про прочтенныя книги, про свои мечты о жизни. Евдокія Алексѣевна чувствовала, какъ сынъ вступалъ въ жизнь — ей оставалось только уходить изъ жизни, давая ему дорогу.

Вадимъ сталъ незамѣтно ея другомъ, товарищемъ, маленькимъ пажомъ обожаемой мамы — красавицы. Она учила его ѣздить верхомъ, она скакала съ нимъ по степи съ собакой, а когда наступали зимою длинные темные вечера, она садилась въ маленькой гостиной, подъ лампой и заставляла сына читать. И по тому, что готовила она сыну для чтенія, она могла отмѣчать его ростъ. Начала она съ міра фантазіи и путешествій... Отъ французовъ Жюль-Верна и Жаколлио — она незамѣтно перешла къ «Фрегату Палладѣ» — Гончарова и радовалась что сынъ понялъ красоту Русскаго описанія. Теперь его Жюль Верномъ не заманишь... Отъ Густава Эмара, Майнъ Рида и Вальтеръ Скотта она перешла къ Гоголю, къ «Сказкамъ Кота Мурлыки», къ «Князю Серебряному»

гр. Алексѣя Толстого и передъ силой и очарованіемъ Русскаго геня погасли краски англійскихъ и французскихъ романистовъ.

И какъ прїѣдетъ на Рождество зимою Вадимъ все ожидаетъ онъ вечера и какой сюрпризъ достанетъ Евдокія Алексѣевна, когда Пинна Егоровна неслышными шагами войдетъ въ маленькую гостиную, звякнетъ ламповымъ стекломъ о хрустальный колпакъ, и оранжевый свѣтъ прольется на расшитую скатерть круглаго стола. Ставни отдѣляютъ ихъ отъ внѣшняго міра, отъ покрытаго снѣгомъ сада, отъ степи, отъ зимы, отъ морозовъ.

— Ну, что, мама, будемъ читать?

И мама достанетъ изъ шкафа книгу.

— «Казакъ», повѣсть гр. Л. Н. Толстого, — прочтетъ Вадимъ и усядется глубже въ кресло, чтобы уютнѣе читать.

Пинна Егоровна сидитъ въ углу и вяжетъ изъ овечьей шерсти большой платокъ. Евдокія Алексѣевна слушаетъ сына и поправляетъ его. Борзая растянулась у ея ногъ, положивъ голову на переднія лапы, и пристально смотритъ черными глазами вдаль. Думаетъ о чемъ-то своемъ собачьемъ, быть можетъ, вспоминаетъ охоты...

Евдокія Алексѣевна влюблена въ русскій языкъ. Сколько языковъ она знаетъ, гдѣ только она ни жила, какъ любила звучную прелесть итальянскаго языка, а не промѣняетъ ее на распѣвную точность и богатство своего родного языка.

Вдругъ остановитъ она сына:

— Ты слѣди, Вадимъ, гдѣ стоитъ «Ѣ» и гдѣ «Е», гдѣ «І» и гдѣ «И»... «Ѣ» произнеси мягче и чуть протяжннѣе, такъ же и «І», чтобы я ухомъ слышала, гдѣ «лѣса» и гдѣ «леса», гдѣ «міръ» и гдѣ «миръ». Ты помнишь, лѣтомъ мы съ тобою читали у Тургенева въ стихотвореніяхъ въ прозѣ о красотѣ русскаго языка. И въ письмѣ и въ словѣ красота эга должна быть запечатлѣна. Только грубый хамъ этого не чувствуетъ и не понимаетъ. Ты послушай, какъ говорятъ наши крестьяне или какъ говоритъ твоя няня. Каждая буква у нихъ поетъ. Иногда, чтобы запечатлѣть ихъ рѣчь и буквъ то не хватитъ, приходится еще и особо отмѣтить произношеніе: поетъ русскій языкъ, какъ лучшая музыка играетъ.

Когда Вадимъ прїѣхалъ юнкеромъ на лѣто, послѣ своего производства в вахмистры, онъ самъ привезъ книги для чтенія. Подборъ ихъ поразилъ Евдокію Алексѣевну. Все о любви! Тургеневская «Первая любовь»; гр. Л. Н. Толстого «Война и миръ», гдѣ

особенно останавливался Вадимъ на описаніяхъ сценъ любви, привезъ по-нѣмецки «Страданія молодого Вертера» Гете и — «Дачу на Рейнѣ» Шпильгагена.

И, точно оправдываясь, сказалъ тогда Вадимъ:

— Это учитель нѣмецкаго языка приказалъ прочесть для совершенствованія въ языкѣ.

Они читали днемъ въ садовой бесѣдкѣ, увитой виноградомъ, гдѣ душистыя черныя кисти свѣшивались къ нимъ и манили освѣжить горло. Вадимъ читалъ, Евдокія Алексѣевна слушала его, слушала, какъ вычитывалъ онъ описанія переживаній влюбленнаго человѣка и вдругъ почувствовала, будто тянется тонкая, тонкая паутинка между нею и сыномъ, совсѣмъ прозрачная она, но къ ней пристааетъ другая, создается будто сѣтка, да такая крѣпкая, что не прорвешь ее.

О чемъ-то не договариваетъ этимъ лѣтомъ Вадимъ, что-то умалчиваетъ. Ужели будетъ день, когда? Когда солжетъ?

Чувствуетъ Евдокія Алексѣевна, что въ ихъ товарищескія отношенія ворвалось нѣчто новое, о чемъ не говорить и не скажетъ Вадимъ.

И это было больно.

Охоть еще не было, 1-е сентября не наступило, но дни были такіе ясные, теплые, степь была такъ по осеннему душиста, что Евдокія Алексѣевна рѣшила поѣхать съ сыномъ въ степь промять лошадей и собаку. Вадимъ посадилъ мать въ сѣдло и новымъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее въ амазонкѣ на прекрасномъ англо-арабѣ.

Его глаза блистали, когда онъ сказалъ восторженно:

— Мама!.. Съ тебя просто статую лѣпить нужно, картину писать. Какъ ты хороша! Какъ идутъ твои сѣдины къ нѣжному цвѣту лица и розовымъ щекамъ. Точно маркиза. Кто скажетъ, что это твои натуральные волосы?

— Много ты что-то понимать сталъ въ этомъ, — сказала, улыбаясь, Евдокія Алексѣевна, но, когда тронула лошадь, оправила амазонку. Ей показалось, что слишкомъ она обтягиваетъ ея полныя бедра и что корсетъ безстыдно стянулъ пышную грудь...

Она покраснѣла, но это смущеніе передъ сыномъ было мимолетно. Они попрежнему, какъ дѣти радостно скакали по степи, все позабывъ.

Вернулось это «новое» въ Вадимѣ, когда передъ отъѣздомъ

Вадимъ попросилъ у матери больше денегъ, чѣмъ давала она ему обыкновенно.

Онъ попросилъ, отводя глаза отъ матери смущенно:

— Ты знаешь, мама, я теперь вахмистръ. Расходовъ стало больше. То-да се... Служителямъ больше нужно платить.

— Ты такъ и скажи... Твои деньги, зачѣмъ смущаться?

Но смутилась сама. Испугалась. «Неужели пришло къ Вадиму это неизбѣжное, страшное, мужское, что должно придти однажды и что отдѣлить ее отъ него и отнять... Неужели ложь стала между ними, и та паутина, что ощутила она въ бесѣдкѣ, когда Вадимъ читалъ про любовь, стала скрывать сына отъ матери?»...

Когда Вадимъ уѣхалъ, Евдокія Алексѣевна долго ходила одна по саду, по тополевой аллеѣ и думала: «на что деньги? Карты? Нѣтъ! — нѣтъ ничего хуже картъ. Да и откуда? Ни отецъ, ни дѣдъ, ни я картами не увлекались, а могла бы? Въ Монте-Карло была и ни одного франка не поставила въ рулетку. Пьеть? Кутить? Вахмистерская нашивка не позволить ему этого!»...

Она остановилась у конца аллеи, у плетня, завитаго ежевикой и терномъ. Послѣдніе лучи солнца играли на кистяхъ почти черныхъ ягодъ и красными огоньками отражались въ каждомъ зернышкѣ. За тыномъ въ безконечность уходила степь и шло отъ нея дуновеніе простора, воли и силы.

«Неужели?.. Женщина!?»

Евдокія Алексѣевна опустила голову и медленными шагами, спотыкаясь, пошла къ дому.

«Изъ всѣхъ видовъ ревности», — думала она, — «ревность матери къ сыну лютѣ всего. Потому что... Потому что... Потому что несправедлива!»

XVII

Передъ Рождествомъ Евдокія Алексѣевна получила письмо отъ сына. Вадимъ писалъ, что онъ не пріѣдетъ. Онъ долженъ быть въ эскадронѣ. Онъ просилъ кромѣ того купить ему лошадь и указывалъ, какую ему нужно лошадь.

«Ложь. Конечно, ложь. Она — военная кругомъ, знала, что присутствіе его въ эскадронѣ вовсе не нужно. Станетъ она справляться у начальства? Никогда! Узнать, что сынъ солгалъ будетъ хуже невѣдѣнія. Указываетъ, какую ему нужно лошадь! Ей, столь-

ко лѣтъ владѣющей лучшимъ коннымъ заводомъ въ округѣ. Ей, кого ремонтеры называли — за глаза, конечно, — «цыганъ въ юбкѣ»!.. Смѣшно! И лошадь была не такая, какую она ему намѣтила. Да, все по иному. Я не понимала отца — теперь насталь мой чередъ — сынъ не понимаетъ и уходитъ отъ меня. Старое поколѣнiе. Растетъ новое. Ему нужно уступить дорогу. Смириться и устраиваться по новому для него. Хватить ли средствъ то по его размаху?!

Она сидѣла въ своей комнатѣ, угловой большого дома, въ низкомъ и длинномъ глубокомъ покоѣ, въ старомъ креслѣ у письменнаго стола. На столѣ лежало письмо. Зимнiя сумерки входили въ окно. Вечернiй свѣтъ казался голубымъ. Въ густомъ инеѣ были тополя аллеи, кустарники засыпало снѣгомъ до верхнихъ вѣтокъ. Вездѣ лежали не разгребенные сугробы. Узкая дорожка была протоптана по аллеѣ.

Пинна Егоровна принесла зажженную лампу.

— Закрой ставни, Пинна Егоровна, двери на запорѣ заложи. Деньги будемъ считать. Завтра поѣду въ городъ, сыну лошадь искать. Принеси сундучокъ.

Пинна Егоровна принесла несгораемый ящикъ, гдѣ хранила деньги Евдокiя Алексѣевна и посмотрѣла на барыню. Удивилась — никогда того не бывало: совсѣмъ по старушечьи пожевала вдругъ помягчѣлыми губами моложавая барыня, заботная складка легла между бровей. Кажется съ чего бы? Сынъ какой молодецъ растетъ. Просто заглядѣнье! Спросить? — спросить не смѣть.

Звонко щелкнула пружинка несгораемаго ящика, откатилась тяжелая крышка.

Однимъ глазомъ посмотрѣла на письмо Пинна Егоровна и спросила несмѣло:

— Что пишутъ-то вамъ молодой баринъ, матушка барыня? Скоро ли къ намъ пожалуютъ? Въ прошломъ году въ это время уже мы ихъ ожидали — вотъ-вотъ прiѣдутъ.

— Въ этомъ году Вадимъ вовсе не прiѣдетъ, — сухо говоритъ Евдокiя Алексѣевна.

— Что же это такое прилучилось? Уже не заболѣли ли чѣмъ, не дай Господи.

— Вахмистръ онъ теперь. Заботъ много. Некогда ему старухъ навѣщать.

— Такъ... такъ. Конечно, положенiе ихъ обязываетъ. Нельзя,

развѣ кому другому поручить свои обязанности справить? Не велики, я чаю, и дѣла то у нихъ. Такіе молодые.

— Велики ли, малы ли — не намъ, старухамъ, разсуждать о томъ.

— Конечно... Ихъ дѣло молодое. Пишутъ еще чего?

— Лошадь купить велѣлъ.

— Ве-лѣлъ, — протянула Пинна Егоровна и по настоящему, по старушечьи пожевала губами. — Что же свои то, значить, не годятся? Ну что же купить велѣлъ — и купимъ. Рублей двѣсти отвалить придется.

— Двѣ-сти. Нѣтъ, Пинна Егоровна, нынче и цѣнъ такихъ нѣтъ. Въ гвардію выходитъ Вадимъ, ему лошадь нужна особенная.

— Да что же, матушка барыня, нѣшто мы съ вами лошадей то не видали?.. Вашъ Артабанъ, или Баянъ, на которомъ молодой баринъ ѣздитъ развѣ не особенныя лошади? А по двѣсти рублей оцѣнены.

— Вадиму нужна лошадь аглицкая, а такія лошади и по тысячѣ и по полторы тысячи платить придется.

— Аглицкая? Не стало что ли въ Россіи коней? Кажется, слава Тебѣ Господи, самая конная страна!

— Скакать на скачкахъ думаетъ Вадимъ.

— Ска-а-кать... А наши-то не поскачутъ что ли?.. Не швыткіе что ли кони?.. Взять хотя бы вашего Артабана.

— Это уже его дѣло — Вадима. Его и деньги, мы съ тобою только управляющіе. Ахъ, Пинна Егоровна, чувствую, что много, много денегъ ему еще потребуется, какъ въ офицеры выйдетъ.

— Да что ему одному то?.. На что и деньги.

«Да, хорошо», — думаетъ Евдокія Алексѣевна, — «если одному, а какъ не одинъ онъ будетъ?.. И съ кѣмъ?»

Щелкаютъ счеы... Мягкія, мятыя отъ крестьянъ за землю полученныя ассигнаціи, отъ купцовъ за проданный хлѣбъ — деньги ложатся пачками. Рубли къ рублямъ, трехъ рублевки къ трехрублевкамъ, сотенныя радужныя кладутся особо. По старинному не вѣрять банкамъ Евдокія Алексѣевна, не покупаетъ ни акцій, ни облигацій, ни «займовъ» — сама никому не должала, не хотѣла поощрять и государственные долги. Банки — еврейская штука — и не увидишь, какъ надуютъ.

Евдокія Алексѣевна на особомъ листѣ карандашемъ отмѣчаетъ сколько у нея какихъ ассигнацій, сколько серебра, золота, мѣди, сводить итоги. И опять Пинна Егоровна подмѣчаетъ, что по ста-

рушечья поджимаетъ барыня губы и глубже становится скорбная морщинка между бровей. Заботы, значить, одолеваютъ ея барыню.

— Сократиться придется, Пинна Егоровна, — рѣшительно говорить Евдокія Алексѣевна и складываетъ бумагу. — Ну, запирай, старая, сундукъ.

— Что же, барыня, коли они велятъ такъ и сократимся. Что намъ надобно-то.

— Большіе покои закроемъ. Мебель, какая осталась старинная, продадимъ въ городъ. Лѣса еще продать придется. Жалко мнѣ лѣса. Степь въ аренду, — голосъ Евдокіи Алексѣевны дрожить. Но она справляется съ собою и уже твердо говоритъ: — Артабана и Баяна, какъ Вадимъ осенью отъѣдетъ тоже продать. Кончены наши прогулки да охоты. Новая жизнь начинается. Его жизнь...

Когда Пинна Егоровна уходитъ съ сундукомъ съ деньгами Евдокія Алексѣевна долго сидитъ молча, ничего не дѣлая опустивъ голову и думаетъ свои думы.

«Неужели уже и точно моя жизнь кончена?.. Старуха?..»

XVIII.

И на Пасху не пріѣхалъ Вадимъ... Прислалъ восторженное письмо, написалъ матери много милыхъ, ласковыхъ словъ, прислалъ коробку конфетъ столичныхъ и все... Лѣтомъ написалъ, что свой отпускъ послѣ производства хочетъ посвятить путешествію по Россіи, «хочу посмотрѣть коловращеніе людей», — какъ пишетъ Гоголь, а въ Черкесовку пріѣду денька на два, чтобы обнять милую, дорогую, несравненную, любимую маму».

Горько усмѣхнулась Евдокія Алексѣевна.

«Уже лучше и не написалъ бы ласковыхъ словъ! На два дня!»

«Что случилось съ ея Вадимомъ?.. Путешествіе?.. И она когда-то, какъ только развязалась съ дочернимъ долгомъ и почувствовала волю, помчалась людей посмотрѣть и себя показать. Неужели это моя кровь въ немъ играть начинаетъ?»

За окномъ ея комнаты бурно, по лѣтнему, послѣ весеннихъ дождей и лѣтнихъ грозъ и ливней разрослись кусты. Жасминъ былъ осыпанъ точно снѣжными хлопьями крупными бѣлыми крестиками цвѣтовъ и лилъ въ комнату приторный ароматъ. У бѣлой акаціи стали чернѣть стручья сѣмянъ. Огромныя раины уходили вдаль стройными колоннами и блистали густою листвою, липы были

въ нѣжномъ желтоватомъ пуху душистыхъ цвѣтовъ, березы такъ опушились густою листвою, что совсѣмъ не стало видно ихъ серебристыхъ стволовъ и въ чернь ударяющихъ сучьевъ — благодать Божія была кругомъ и было такъ безумно грустно, что эту благодать она будетъ смотрѣть опять одна.

Праздничное лѣто стояло въ Черкесовкѣ. Съ луговъ шель запахъ свѣжаго сѣна и неслась оттуда плавная, ровная пѣсня косарей.

Евдокія Алексѣевна сидѣла у открытаго окна и инья картины, инья пѣсни видѣла и слышала она въ душѣ своей.

Каждому свое. У каждого своя молодость. Одна единственная молодость, когда все доступно, все возможно и все прекрасно, когда голова кругомъ ходитъ отъ восторга передъ Божиимъ міромъ.

И у нея было — синее, синее море, прозелень малахитовыхъ лагунъ на Лидо, старинные дворцы Венеціи, мосты-коридоры, черныя, причудливыя гондолы и ночью на морѣ, на разливѣ, пестрые огни лодокъ, звонъ гитаръ и пѣсни... пѣсни...

Все это она видѣла. Она видѣла синь Средиземнаго моря, Неаполь и Везувій съ таинственной дымкой надъ нимъ, лиловатый точно облачко надъ моремъ Капри, вдругъ показавшійся, когда шла она на маленькомъ пароходѣ, осіянная южнымъ солнцемъ и на палубѣ бродячіе пѣвцы звенѣли гитарами и пѣли:

«Ciri-biri-bin che bel nasin
Che sguardo dolce assassin»...*)

О, сколько сладости испытала она тогда отъ всего этого! Что же? пусть и Вадимъ испытаетъ и познаетъ красоту Россіи и ея Русскаго Чернаго моря.

«Ничего ему не скажу, ничѣмъ его не попрекну, ничѣмъ, ни единымъ вздохомъ не отравлю его свободы и молодости!»

«Но только?.. Только бы не карты, не азартъ! не вино! А, если женщина? Скажетъ? Да. Если это невѣста изъ хорошаго дома? Да вѣдь жениться онъ не можетъ. И написалъ бы, навѣрно, похвалился бы. Нѣтъ! Не скажетъ. И онъ не скажетъ, и я спрашивать не стану. Его дѣло».

*) Чрип-чрип-бинь, какой прелестный носикъ, какой убійственно сладкій взглядъ.

— Вадимъ!!

Въ этомъ крикѣ, исторгнутомъ изъ самой глубины сердца были и материнская любовь и глубокая скорбь, и радость увидѣть сына офицеромъ, и страхъ потерять его навсегда, и женская любовь, и гордость матери. Онъ раздался на пыльномъ, осеннемъ, затравѣвшемъ дворѣ, какъ крикъ орлицы.

Вадимъ стоялъ въ коляскѣ. Онъ вздрогнулъ, сердце его забилось быстро и больно, онъ сбросилъ съ себя легкую шинель «Николаевку», на ходу выпрыгнулъ изъ коляски и кинулся въ объятія матери.

Онъ цѣловаль ее въ лобъ, въ щеки, въ губы, цѣловаль ея маленькія, надушенные руки. Она сняла съ него алуо фуражку, ерошила его волосы, смѣялась и плакала.

Это было такое полное неотразимое счастье, что Вадимъ готовъ былъ крикнуть, чтобы не откладывали коляску, готовъ былъ скакать обратно на станцію, чтобы послать телеграмму Наташѣ, что ихъ поѣздка въ Крымъ не состоится.

Наконецъ, мать оттолкнула сына и, схвативъ обѣими руками золотые, рубчатые гусарскіе погоны на бѣломъ китель, счастливыми глазами долго и пристально смотрѣла въ глаза сыну.

Все тотъ же Вадимъ! Возмужаль. Русая тѣнь пробившихся усовъ легла на верхней губѣ и придала ему что-то новое. И глаза. Дѣтски чисты, ясны, прозрачны и полны сыновней любви по прежнему.

Отлегло на сердцѣ. Стало хорошо на душѣ. «Нѣтъ — это не женщина — это мое — жажда путешествовать, жажда воли, движенія. Даль зоветъ его, какъ звала и меня когда-то. Но почему онъ не пригласилъ меня поѣхать съ нимъ?.. Господи! какое это было бы счастье!».

Сынъ тоже всматривался въ мать. Только годъ они не видались, а постарѣла милая мама. Когда цѣловаль ее беспорядочными поцѣлуйми, куда попало, ощутилъ — нѣтъ прежней упругости сочныхъ губъ... И щеки опали. Пропали миляя ямочки на нихъ. Мёрщинка перерѣзала лобъ. Бѣдная мама!

Евдокія Алексѣевна отошла отъ сына.

— Пинна Егоровна, — сказала она нянѣ, державшей шинель и фуражку Вадима. — Ну, посмотри на него! Каковъ! А? Гусарь! Пойди, Вадимъ, поцѣлуй няню. Она вынянчила и выходила тебя.

Всѣ трое вошли въ домъ, въ столовую. Тамъ на столѣ кипѣлъ самоваръ и чего, чего только не было наставлено вокругъ.

— Ты, мама, на цѣлый полкъ приготовила.

— Поди, поди! Проголодался, вѣрно. Утро еще. Вѣрно ничего еще и не ѣлъ? Ступай къ себѣ, помойся и приходи, будемъ завтракать а потомъ я тебѣ и лошадь покажу. Свою покупку. Не знаю, останешься ли доволенъ. Въ свое время, ремонтеры меня одобряли.

Вадимъ вышелъ къ матери въ полной парадной формѣ. Онъ нарочно для нея и везъ ее. Въ аломѣ доломанѣ, въ бѣломѣ ментикѣ, опущенном собольимъ мѣхомъ.

Пинна Егоровна такъ и ахнула...

— Ну и баринъ!.. И не признаешь!.. Чистый архангелъ Божій. Егорій побѣдоносець!

Евдокія Алексѣевна, скрывая волненіе, внимательно осматривала сына.

— При мнѣ, — сказала она, — шнуры не такъ лежали. Я помню своего отца гусаромъ.

— Дѣдушка, мама, былъ въ армейскихъ гусарахъ, у него были бренденбуры, — серьезно, красивымъ баритономъ сказалъ Вадимъ. — У него и ментишкетные шнуры иначе лежали.

— Нѣтъ, ты, правда, хорошъ, Вадимъ. Поразительно.

Послѣ обильнаго завтрака собрались смотрѣть покупку Евдокии Алексѣевны.

— Пинна Егоровна, скажите Кузьмѣ, чтобы подсѣдлалъ. И маминаго Артабана тоже.

— Артабана нѣтъ, — робко сказала Пинна Егоровна.

Вадимъ нахмурился.

— Какъ нѣтъ? А Буянъ?

— Я продала Артабана и Баяна, — тихо сказала Евдокія Алексѣевна и пожевала губами.

— Ка-акъ? Зачѣмъ, что случилось? Ты развѣ не ѣздишь?

— Нѣтъ. Куда уже мнѣ? Старуха!

— Мама!

Маленькое облачко печали вошло въ столовую. Пинна Егоровна все не возвращалась. Мать и сынъ молча сидѣли, опустивъ головы. Впрочемъ, обоимъ было такъ хорошо, что печаль и ушла, какъ только появилась Пинна Егоровна и съ комичнымъ торжествомъ доложила:

— Ваше благоудіе, лошадь подана!

На дворѣ — ясное утро. Пахнетъ полынью, ползучею травкой, соломой и зерномъ. Ядреный, осенний запахъ степного хутора стоитъ на широкомъ просторномъ дворѣ. Принаряженный Кузьма въ алой рубахѣ и черной жилеткѣ держитъ большую темно-сѣрую лошадь, посѣдланную англійскимъ сѣдломъ.

— Вотъ, смотри самъ, — говоритъ Евдокія Алексѣевна, — англійская, чистокровная, выводная изъ Англїи. Аттестатъ и выписка изъ студбука у меня имѣются. Зовутъ — Свитгардь...

Сынъ, нахмутивъ пушистыя, темныя брови, обходитъ вокругъ лошади и внимательно ее оглядываетъ. Онъ потрогалъ сухожилїя переднихъ ногъ, пощупалъ бабки — нѣтъ ли наливовъ, похлопалъ по крупу, заглянулъ въ темные глаза лошади. Мать улыбалась. Ей смѣшно — «этотъ мальчикъ провѣряетъ ее — «цыгана въ юбкѣ»!

— Ну что нашель? Хороша?

— Ей Богу, мама, тебѣ ремонтеромъ нужно быть. Прелесть!

— Рада, что тебѣ понравилась. Но это не мой вкусъ.

— А что? Что ты въ ней находишь?

— Ничего я не нахожу. Лошадь, какъ стеклышко, но въ мое время офицеры на кобылахъ не ѣздили. И государи наши и офицеры сидѣли на жеребцахъ. Вонъ — рядомъ, у казаковъ и посейчасъ считается неприличнымъ ѣздить на кобылахъ.

— Азіатскїе взгляды, мама.

Мать снисходительно прищурила глаза. Улыбка скользнула по ея лицу.

— Можетъ быть. Азіатскїе. Да вѣдь и лошадь къ намъ изъ Азіи пришла. Но только я Европу повидала не мало. Сколько разъ на скачкахъ въ Лонгшанѣ бывала. Хорошаго мало. Тамъ — машины... У насъ — лошади, живыя, добрыя, умныя существа, друзья хозяина.

— Ну, мама... Но какая-же Свитгардь машина? Она сама прелесть!

Вадимъ поцѣловалъ лошадь между храпками.

— Барышня! Атласъ! И пахнетъ какъ! Степнымъ сѣномъ пахнетъ.

— Что же? Выбирала, любя. Но въ мое время англійскими лошадьми не увлекались. Мы любили арабовъ, Ростопчинскихъ и Донскихъ лошадей, горбоносыхъ скакуновъ. Рѣзвы...

— На короткѣ.

— Много ты понимаешь! Горячи, пріемисты, привязчивы къ человѣку, понятливы, разумны и нѣтъ въ ихъ глазахъ этого чуть презрительнаго холодка, а иногда и просто злости, какой я вижу у англійскихъ лошадей.

— Ну, что ты, мама! Да развѣ такіе глаза у Свитгардъ? Они у нея, какъ черный бархатъ, какъ небо въ іюльскую грозовую ночь. Темно, темно и только одна звѣздочка прорвется между тучъ. Они мнѣ напоминаютъ твои глаза, когда ты задумаешься въ темной комнатѣ вечеромъ. Огромные, прекрасные!

— Мерсі, за комплиментъ.

Оба засмѣялись. Вадимъ подошелъ къ лошади, смѣло взялся за гривку и, какъ былъ въ парадной формѣ, вскочилъ въ сѣдло. Свитгардъ заплясала подъ нимъ, точно не знала, съ какой ноги начать, а Вадимъ сжалъ ее тугими шенкелями, подобралъ на поводъ и пустилъ свободной широкой рысью.

Все быстрѣе и машистѣе шла лошадь, казалось, что она и земли не касается своими тонкими ножками. Земля не гудѣла подъ нею, только серебряныя подковы поблескивали въ тонкой струйкѣ пыли. Ментикъ развѣвался за плечами Вадима. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ по двору, Вадимъ подѣхалъ къ матери и остановилъ лошадь.

— Прелестна, — сказала онъ. — А какъ несетъ голову! И какъ мягка на поводъ. Еще и еще разъ мерсі татап.

Мать подошла къ лошади. Она гладила ее по согрѣвшейся шеѣ, положила руку на ногу сына туго затянутую въ синіе рейтузы и смотрѣла въ лицо Вадима съ безконечною любовью и счастьемъ.

«Неужели это тотъ, кого носила она когда-то подъ сердцемъ, кого учила она ходить, съ кѣмъ читала и проводила зимніе вечера праздниковъ? Ея сынъ — Вадимъ? Такой красавецъ!»

Потомъ, точно смутившись, рѣзко отошла отъ лошади. «Нѣтъ, конечно, она не отниметъ его отъ той, если есть уже та!.. Разное поколѣніе. Зачѣмъ ему приносить себя въ жертву, какъ нѣкогда принесла она себя раненому калѣкѣ-отцу. Пусть радуется жизни. Ему такъ много дано. Вотъ онъ, какой загорѣлый, здоровый, какая сила чувствуется въ его ногахъ. Да! счастлива будетъ та, кого онъ полюбитъ».

— Ну, покажи мнѣ теперь Свитгардъ на галопѣ, — сказала она спокойно, точно и правда была подлиннымъ ремонтеромъ.

XX.

Вечеромъ былъ деликатный разговоръ о деньгахъ. Вадимъ попросилъ ровно въ три раза больше, чѣмъ мать отложила ему на поѣздку. И что было особенно больно Евдокіи Алексѣевнѣ — это, что Вадимъ сказалъ цифру наигранно небрежно, подошелъ къ старому роялю и заплѣлъ подъ рояль изъ «Цыганскаго барона»:

— Я гусарскій корнетъ,
У меня денегъ нѣтъ,
Я долговъ не плачу,
Все кучу... все кучу!..

Звучный голосъ Вадима наполнилъ всю комнату. Евдокія Алексѣевна слушала его и опять по старушечьи скорбно поджала губы. Было въ этомъ движеніи ея губъ столько милого и жалкаго, что Вадимъ бросился къ матери, сталъ передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки и говорилъ, прерываясь отъ волненія и смущенія:

— Я граблю тебя, мамочка... Граблю...

Евдокія Алексѣевна ерошила его волосы и тихо говорила:

— И полно, милый! Все это твое... Я только кассиръ твой...

Молодость только разъ въ жизни бываетъ.

Эти два дня въ Черкесовкѣ прошли въ бурномъ біеніи двухъ любящихъ другъ друга сердець. И въ этомъ біеніи было много и больно. Евдокія Алексѣевна чувствовала своимъ материнскимъ сердцемъ, что есть какая-то тайна у ея Вадима, что что-то онъ скрываетъ отъ нея, о чемъ-то не договариваетъ. Чувствовалъ и Вадимъ, что нужно ему все сказать матери... А что это все? Наташа? Сказать про Наташу? Про первую свою золотую любовь? Но вѣдь, ей Богу, ничего не было и нечего было рассказывать. Все такъ было мимолетно, прозрачно, какъ бываетъ въ сказкѣ, въ сонной грезѣ. Ничего не было сказано, все было впереди. Мама станеть спрашивать, кто она? А что онъ про нее знаетъ? Танцовала въ «Жизели», въ «Баядеркѣ», въ «Спящей красавицѣ», въ «Лебединомъ озерѣ», занята почти всегда въ операхъ, гдѣ есть танцы. Кто она такая?.. Да — на хорошемъ пути, выбивается въ подлинныя артистки... Кто ея родители? Изъ какихъ она? И развѣ можетъ офицеръ гвардейскаго полка жениться на артисткѣ? Что же онъ скажетъ? О чемъ онъ думаетъ, о чемъ онъ мечтаетъ? Обольстить, обмануть дѣвушку? Да развѣ можно это сказать матери? Нѣтъ, нужно молчать и молчать. Время покажетъ, что будетъ, а пока... Пока все было такъ хорошо и такъ удивительно

радно было это ожиданіе свиданія съ Наташей, что радость эта постоянно прорывалась во всѣхъ разговорахъ. Ну что же — понятная радость — вѣдь онъ только что произведенъ въ офицеры, только что сталъ свободнымъ человѣкомъ.

Евдокія Алексѣевна возила сына въ коляскѣ по имѣнію, разсказывала какъ вела она хозяйство.

— Трудно, Вадимъ, стало съ крестьянами. Платятъ аренду не аккуратно. Норовятъ и вовсе не заплатить. Никакъ не сведу бюджета. Придутъ, въ ногахъ валяются, клянутся, что отдадутъ, а придетъ время, — какая уже отдача, когда у нихъ ничего нѣтъ...

Они катили полями.

— Какъ, и степь запахана?..

— Да. Пришлось.

— А помнишь, мама, какъ мы съ тобою въ прошломъ году здѣсь скакали?

— Теперь не поскачешь. Да что! я старуха!

Вечеромъ, послѣ ужина, когда зажгли на овальномъ столѣ, накрытомъ венеціанскою скатертью высокую бронзовую лампу, стало уютно и тихо въ гостиной. Евдокія Алексѣевна ждала, что сынъ скажетъ, что легло между ними, какая забота у него, почему не хочетъ онъ остаться въ имѣніи и, какъ прежде, читать съ нею русскихъ классиковъ. Вонъ сколько книгъ она для него приготовила!

Вадимъ сидѣлъ противъ матери и небрежно листалъ старые номера «Всемирной Иллюстраціи». Было за полночь. Все уgomонилось на хуторѣ. Ни одна собака не брехала, въ открытое окно было слышно, какъ иногда шелохнется въ саду въ листьѣ проснувшаяся птица.

Вадимъ отложилъ журналъ, поднялъ глаза и встрѣтился съ пытливымъ взглядомъ матери.

«Что у тебя», — спрашивали большіе, сѣрые, грустные глаза: — «карты, долги? Кутежи тебя ожидаютъ? Или женщина?.. Кто она? Какая женщина?»

Вадимъ отвелъ глаза, опустилъ вѣки, прикрылъ молодой пламень любви, непрерывно горѣвшій въ нихъ длинными рѣсницами и сейчасъ же поднялъ глаза на мать. Безмятежно чистъ и невиненъ былъ его взглядъ и, какъ бывало ребенкомъ, какъ мальчикомъ кадетомъ, посмотрѣлъ Вадимъ прямо въ глаза матери и та успокоилась.

И просто, какъ въ дни своего дѣтства сталъ разсказывать Вадимъ о томъ, что его ожидаетъ, когда вернется онъ изъ своего путешествія.

— Вотъ, мама, вернусь и сразу шаферомъ на свадьбу. Помнишь я тебѣ не разъ разсказывалъ про своего товарища Верхотурова. Вотъ случилось у него бѣда. Не онъ соблазнилъ, а его соблазнила старая дѣва, курсистка и долженъ бѣдняга жениться и ѣдетъ потомъ въ тар-тарары, туда, куда Макарь телятъ не гонялъ, куда воронъ костей не заносилъ, трубить на окраинѣ...

«Нѣтъ, если такъ говорить про товарища нѣтъ у него ничего» и уже смѣло спрашиваетъ Евдокія Алексѣевна:

— А у тебя, Вадимъ? Ничего такого не было? Ты никого не полюбилъ? Никѣмъ не увлекся?

Безпечно, по-гусарски звучитъ голосъ Вадима.

— Я, мама, люблю службу. Какъ папа. Какъ дѣдушка Алексѣй Ивановичъ, как ты мнѣ разсказывала... Какъ всѣ Ламбины и Черкесовы. Полкъ, мама, для меня выше всего. И какой красивый мой полкъ! Я думаю, что нигдѣ въ мирѣ нѣтъ такого красиваго полка!

— Что же... Это правда, — тихо говоритъ Евдокія Алексѣевна. — Ты завтра все-таки рано уѣзжаешь?

— Да, такъ поѣздъ идетъ.

Все такъ же наружно безопасно Вадимъ встаетъ, мягко, лѣнливо потягивается, цѣлуетъ мать въ щеку.

— Покойной ночи, мама.

— Спи спокойно, дружокъ...

Ничѣмъ не выдаетъ Евдокія Алексѣевна своего глубокаго волненія. Она встаетъ и слѣдитъ, какъ идетъ къ дверямъ комнаты Вадимъ. Бѣлая Милка стоитъ у ея ногъ. Она опустила «правило», большими, черными глазами смотритъ на стройнаго юношу гусара и въ ея глазахъ Вадимъ читаетъ страшный упрекъ и кажется Вадиму, что собака все знаетъ и читаетъ въ его душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Собака поднимается на заднія лапы, кладетъ переднія на плечи Евдокии Алексѣевнѣ и норовитъ лизнуть въ щеку.

— Ну что ты, Милка, — говоритъ Евдокія Алексѣевна. — Ты знаешь, что я не люблю твои собачьи нѣжности. Съ чего это ты?

Вадимъ стоитъ въ дверяхъ, высокій, стройный, прекрасный. Лучше всѣхъ въ мирѣ... Ея сынъ. Ея Вадимъ!

— Bonne nuit, maman!

Тихое осеннее утро было ослѣпительно. Въ небѣ не было ни облака. Синее, синее, бездоннымъ, нѣжнымъ и прозрачнымъ куполомъ простерлось оно надъ желтыми, сжатыми нивами, надъ зеленью озимей, надъ черными паровыми полями. Тишина утра нарушалась только далекимъ стрекотаніемъ паровой молотилки.

Пинна Егоровна снесла изящный кожаный чемоданъ Вадима и положила въ коляску, въ ноги. Евдокія Алексѣевна вышла, опираясь на руку сына. Она не поѣдетъ провожать на станцію. «Дальнія проводы — лишнія слезы». Такъ будетъ лучше.

Вадимъ остановился на крыльцѣ и съ видомъ знатока осмотрѣлъ лошадей.

— Хороша пара. И какъ выровнялся Ласковый и выросъ какъ! А вѣдь ему и пяти лѣтъ нѣтъ.

— Весною только только четыре весны сравнялось, Вадимъ Петровичъ, — съ козель отвѣчаетъ Кузьма.

— Вотъ изъ отпуска вернешься я его тебѣ пошлю.

— Зачѣмъ мнѣ, мама?..

— Что же ты на извозчикѣ думаешь ѣздить? Ты — Ламбинъ!

— Спасибо, мама. Ужасно, какъ ты меня балуешь. За что?

— За то, что ты мой сынъ, — смѣясь, говоритъ Евдокія Алексѣевна.

— Ну... Прощай!

Вадимъ снимаетъ фуражку. Долго мелкимъ крестомъ, бормоча слова молитвы, крестить его Евдокія Алексѣевна.

Послѣдніе поцѣлуи, куда попало, въ руку, въ лобъ, въ щеки, мать все цѣлуетъ его и не можетъ оторваться. Ужели разлука? Ужели?... навсегда?..

Чуть качнулась коляска, — легко прыгнулъ въ нее Вадимъ.

— Прощайте, Пинна Егоровна. Мамочка милая за все, за все спасибо. Милка, прощай!..

Милка повиляла хвостомъ. Лошади сразу тронули и покатали коляску по затравѣвшему двору мимо старыхъ, теперь пустыхъ конюшенъ и выѣхали за ворота. Евдокія Алексѣевна, Пинна Егоровна и Милка пошли со двора.

Все меньше и меньше кажется въ степи коляска. Облако сѣрой пыли тянется за нею, клубится длинной лентой по дорогѣ. Вотъ свернула на широкой Воронежскій шляхъ и скрылась въ

оврагъ. Когда вынырнула изъ него была уже вовсе далеко. Чуть краснѣла алая фуражка Вадима. Но вотъ и она исчезла.

Тихими шагами идетъ обратно къ дому Евдокія Алексѣевна. Совѣмъ по-старушечьи поджаты ея губы. Въмѣсто недавней ямочки на щекахъ лежитъ грустная морщинка. Впереди длинный день. Надоѣдливо стучитъ молотилка. Впереди старость, воспоминанія прошлаго, ушедшаго давно. Впереди одиночество, скука. Будетъ ли онъ писать ей по крайней мѣрѣ. И чувствуетъ, что, если и будетъ, то рѣдко и неискренно.

Можетъ быть, это уже такой удѣлъ матерей.

Быстро, быстро уходитъ день для Вадима, летитъ неудержимо, незамѣтно, какъ летятъ, проносятся дни молодости. Каждый оборотъ колеса вагона несущагося на югъ курьерскаго поѣзда приближаетъ его къ Наташѣ. Каждый стукъ на стыкѣ рельсовъ говоритъ о пройденномъ пути. Сладкую пѣсню любви поютъ колеса поѣзда. Солнце, синее небо, степные просторы, запахъ тепла и юга, узкая полоска моря вдругъ таинственно блеснувшая при свѣтѣ молодой луны — все кричитъ, поетъ, бѣснуется, танцуетъ, все шепчетъ вкрадчиво и нѣжно о грядущемъ, громадномъ счастьѣ.

«Она будетъ, она должна быть твоей».

XXII.

Изъ Севастополя въ Ялту Наташа и Вадимъ шли на пароходѣ. Это было ихъ первое морское плаваніе.

Темносинія, густыя, блещущіе на солнцѣ тысячью отраженій волны, мелкія, безъ бѣлопѣнныхъ гребешковъ бѣжали и бѣжали изъ безконечной дали, оттуда, гдѣ небо сходилось съ моремъ. Мѣрно и ровно внизу, внутри парохода стучала машина — будто тамъ билось могучее спокойное сердце. Вдоль борта ползали взадъ и впередъ тяжелыя цѣпи рулевого колеса. Высокій бѣлый носъ съ золотыми украшеніями раздвигалъ волну, пѣнилъ ее — и бѣжали, голубѣя, зеленѣя, въ обѣ стороны полосы потревоженнаго моря. За кормою, изъ-подъ винта, легла широкая мутно-зеленая дорога и въ ея глубинахъ играли воздушные пузырьки перламутромъ.

На палубѣ было много пассажировъ. Ялтинскій виноградный и купальный сезонъ былъ въ разгарѣ. Мужчины въ легкихъ свѣт-

лыхъ костюмахъ, дамы въ бѣлыхъ и нѣжно розовыхъ или голу-
быхъ нарядахъ толпились у борта, любуясь проносящимся Крым-
скимъ берегомъ. Они не стѣсняли Наташи и Ламбина. Они были
въ томъ же радостномъ праздничномъ приподнятомъ настроеніи.

Вдали показалась розово-сиреневая скала. Она казалась про-
зрачной.

— Мысь Фіолентъ, — сказалъ кто-то, — мы огибаемъ полу-
островъ.

Наташа повторила восторженно шопотомъ:

— Вадимъ Петровичъ, вы слышите?.. Мысь Фіолентъ! Чудно
— хорошо. Какое звучное имя. И вѣрно онъ и точно совсѣмъ фіо-
летовый и прозрачный. Фіолентъ... Какъ имя въ балетѣ.

Пароходъ шелъ мимо бѣлыхъ домиковъ съ красными чере-
пичными крышами Балаклавы.

Когда завернули за мысь открылась ни съ чѣмъ несравнимая
красота. Не вѣрилось, что все это настоящее, казалось, что кар-
тина прекраснаго художника разворачивалась подвижнымъ полот-
номъ передъ глазами совсѣмъ очарованныхъ Вадима и Наташи. Въ
темной зелени стояли Байдарскія ворота, подъ ними на уступѣ
скалы, точно на нарочно сдѣланной постановкѣ блестятъ золотыми
куполами бѣломраморный храмъ Фороса. И надъ нимъ и подъ
нимъ по скаламъ лѣпились Крымскія плосковерхія сосны и густой
кустарникъ.

Что это было?.. Какой прекрасный сонъ снился имъ, какая
чудесная сказка разворачивалась передъ ними? Красота, упои-
тельный воздухъ южнаго моря, проворный бѣгъ парохода по спо-
койному густо синему морю — все это остановило ихъ мысли, —
они забыли обо всемъ. Кто они, куда ѣдутъ, гдѣ и какъ оста-
новятся? Кто же они — мужъ и жена, только что повѣнчанные
молодожены, совершающіе путешествіе медоваго мѣсяца? Женихъ
и невѣста? Братъ и сестра?

Въ одинаковомъ, пылкомъ горѣніи сердець они походили
другъ на друга, и пассажиры парохода, ихъ спутники, думали, что
они родные. Ими всѣ любовались. Ихъ всѣ какъ-то сразу полю-
били. Лакеи-стеварды за завтракомъ охотно услуживали имъ. Дамы
и барышни оглядывались на нихъ и улыбаались имъ. Точно излучали
они изъ себя то счастье, что съ каждымъ мигомъ, съ каждымъ
пройденнымъ мысомъ, мѣстечкомъ, лѣсомъ, скалою, красивою
горою становилось все ярче, чаша любви наполнялась до краевъ
и уже плескала и брызгала на окружающихъ.

Они слышали, какъ вслѣдъ имъ шептали:

— Какая прелестная пара!

— Новоиспеченный офицерикъ хорошъ, да и блондиночка съ нимъ, какъ съ конфетной коробки, такая прелесть!

А они уже были на правомъ борту и любовались моремъ.

— Смотрите, Вадимъ Петровичъ, — это дельфины? Какъ забавно прыгаютъ. Они хотятъ обогнать пароходъ!

И уже нужно было бѣжать къ другому борту. Кто-то сказалъ, что гора Ай-Петри показалась.

Въ синемъ небѣ прозрачными казались обрывистыя скалы розовой горы.

— Какая красота. Да вѣдь сейчасъ и Ялта.

Вдругъ неожиданно и такъ это было великолѣпно, невѣроятно — будто кто открылъ тутъ подлѣ громадную банку духовъ, потянуло отъ берега тончайшимъ ароматомъ. Магноліи цвѣли. Розы въ садахъ изливали тончайшій сладкій запахъ, пахло кипарисами, созрѣвшими фруктами, яблоками, грушами и виноградомъ.

— Но, Вадимъ Петровичъ, — сказала Наташа, — это же замѣчательно. Я слыхала, мнѣ про это говорили, но я не вѣрила этому. Ялта пахнетъ.

Машина перестала стучать, остановилось сердце парохода и онъ плавно и медленно входилъ въ горло залива. Синее море недвижно дремало въ бухтѣ. Бѣлая пристань съ деревяннымъ настиломъ наплывала навстрѣчу. У Наташи сладко кружилась голова.

Ароматъ цвѣтовъ, запахъ Ялты сталъ сильнѣе. Съ нимъ пришли и первые веселые шумы города. Безпечный говоръ нарядной толпы, топотъ лошадей, бѣгущихъ по бѣлому пыльному шоссе вдоль берега, шелестъ колесъ.

Все сіяло въ Ялтѣ подъ солнечными лучами. Большія окна магазиновъ слѣпили глаза, широкая панель сверкала бѣлизной, и въ этомъ свѣтломъ блистаніи бѣлаго камня, бѣлой пыли — еще наряднѣе, еще ярче была синева моря и зелень садовъ, террасами поднимавшихся надъ городомъ. Вдоль набережной Крымскіе татары въ пестрыхъ одеждахъ держали за поводъ лошадей, въ окнахъ горѣли красками цвѣтные шелка японскихъ товаровъ, слоновая кость и перламутръ, рядомъ — въ кавказскомъ магазинѣ были развѣшаны пестрые ковры — все было такъ необычно, такъ ярко и красиво, что у Наташи глаза разбѣгались. Куда идти, на что смотрѣть, что нужно теперь дѣлать?

Она по-дѣтски прижимала руки къ груди и шептала:

— Боже! Боже, какъ все это хорошо! Какая красота!

Комиссіонеръ гостиницы «Франція» разрѣшилъ ихъ сомнѣнія. Онъ подкатилъ на легкомъ фаэтонѣ съ плоскимъ бѣлымъ тентомъ надъ сидѣньемъ и помогъ погрузить ихъ небольшой багажъ. Пара легкихъ татарскихъ лошадей помчалась по набережной. Замелькали мимо нарядныя выставки магазиновъ, пестрая толпа. Комиссіонеръ съ козелъ уговорилъ ихъ занять двѣ комнаты наверху, съ очаровательнымъ видомъ на море, гдѣ никто не будетъ ихъ беспокоить. Онъ былъ хорошій психологъ и зналъ, что нужно этой молодой прелестной парѣ.

XXIII

Какъ-то вдругъ поблѣднѣла луна. Дали раздались и горизонтъ сталъ шире. Туманъ, клубившійся внизу, подъ скалами быстро таялъ. Блѣдною, тонкою полоскою показалось море. Послѣднія звѣзды гасли и меркли. Точно пробѣгалъ по небу невидимый фонаричекъ и гасилъ Божіи фонари. Небо пожелтѣло, потомъ далеко надъ моремъ порозовѣло и вдругъ стало блѣднымъ и свѣтлымъ.

Въ предразсвѣтномъ туманномъ маревѣ яснѣ были видны сосновые лѣса, заросли кустарниковъ въ глубокихъ ущельяхъ и подъ ними квадратами раздѣланные виноградныя сады. Тутъ, тамъ тонкими свѣчами, печальными часовыми высились кипарисы. Закраснѣли на полугорѣ крыши домовъ татарскихъ деревень и вдругъ точно жемчужина, отливая перламутромъ, заиграла воздушными, прозрачными тонами бѣлыхъ гостиницъ и дачъ красавица Ялта.

Нависшія ночью надъ моремъ тучи раздались, открывая небесныя голубыя просторы, слились въ громадное облако. На него брызнули солнечныя лучи и оно розовымъ и наряднымъ огромнымъ цвѣткомъ простерлось надъ моремъ.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ мгновений ожиданія. Золото забрызгало, заплескало на далекихъ волнахъ еще ночного моря и стало море синѣть, темнѣть, наливаясь внутреннею прозрачною глубиною и, наконецъ, заблестало подъ знойнымъ шаромъ, величественно выплывшимъ изъ него.

День наступилъ. Восхитительный день послѣ жуткой, страстной ночи.

На вершинѣ Ялты, у самыхъ скалъ Ай-Петри гулялъ холодный

вѣтеръ. Ламбинъ и Наташа сидѣли на вершинѣ, кутаясь въ одинъ пледъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу и любовались восходомъ солнца надъ моремъ. Южный берегъ Крыма пестрымъ восточнымъ ковромъ простирался подъ ихъ ногами. Далеко за суровою Медвѣдь-горою тянулись сизыя горы.

Подъ Ламбинымъ и Наташей были сады Гурзуфа, сверкающая игрушка — городъ Ялта, прелестная въ ажурной зеленой рамѣ садовъ и высокихъ тополей Ливадія, паркъ Алупки и за нею въ самое море глядѣлись розовыя скалы Симеиза — Монажь и Дива. За ними безъ края и конца синѣло море, играющее вдали бѣлыми всплесками поднятыхъ вѣтромъ волнъ.

Ламбинъ и Наташа пріѣхали вчера лунною теплою ночью вдвоемъ, безъ проводника, верхомъ на Ай-Петри. Какъ всѣ эти дни въ Ялтѣ, они все дѣлали безъ плана, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія. Невинные и чистые, юные, горящіе одинаково пламенною любовью, они оставили лошадей въ гостиницѣ, на горѣ, заказали къ утру чай и завтракъ, и ночью пошли карабкаться на гору, чтобы къ разсвѣту, какъ сказала Наташа, быть:

— На самой, самой вершинѣ, чтобы все, все, все видѣть.

На подъемѣ, въ дубовой рошѣ, было темно и страшно. Луна не проникала сквозь переплетъ вѣтвей и густую листву. Лишь кое-гдѣ таинственно блистали серебряныя кружки ея свѣта и казались живыми.

Наташа крѣпко оперлась на руку Ламбина. Она вздрагивала при каждомъ ночномъ шорохѣ.

— Вадимъ Петровичъ, какъ думаете вы, здѣсь могутъ быть лѣшіе, русалки? Змѣи?

— Насчетъ лѣшихъ и русалокъ сомнѣваюсь, а змѣи, возможно, что онѣ и могутъ быть.

— Ну, конечно, я знаю, что лѣшихъ и русалокъ нѣтъ, все это народная фантазія. А все-таки страшно. Знаете, какъ въ «Фаустѣ» въ «Вальпургіевой ночи» мерцаютъ какіе-то огни. Жутко...

Еще крѣпче прижалась Наташа къ Ламбину. Онъ обнялъ ее за талію и они шли, сливая свои шаги въ медленный ритмъ восхожденія на гору.

— Хорошо, — вздохомъ сказала Ламбинъ.

— Да... А вы не видите, что это тамъ лежитъ поперекъ тропинки? Не змѣя ли?

— Нѣтъ — это древесный корень. Вы со мною ничего не бойтесь, Наталья Николаевна.

Она съ нимъ ничего раньше не боялась, но сегодня она всего боялась и больше всего самой себя и его. И чѣмъ больше она страшилась, тѣмъ крѣпче прижималась къ мужественному и сильному Ламбину. Такъ было покойнѣе. Она склонила золотисто русую головку ему на плечо и разгорѣвшеюся въ холодѣ ночи щекою ощущала жесткій холодъ его золотого погона. Бѣлая войлочная шапочка грибокъ, въ Ялтѣ купленная и такъ шедшая къ ея юному лицу сползла на затылокъ, волосы растрепались и золотистые локоны шекотали щеки и шею Ламбина.

— О, Господи! Что это такое тамъ ползеть!? — вдругъ оставиваясь, вскрикнула Наташа и всѣмъ тѣломъ прижалась къ Ламбину.

— Это лягушка, Наталья Николаевна, — дрожащимъ отъ страсти голосомъ сказалъ Ламбинъ.

— Лягушка? Не жаба? А отчего вы дрожите? Вамъ тоже мерещатся всяческіе ужасы.

— Вы знаете, отчего я дрожу.

— Нѣтъ. Я ничего не знаю, — дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала Наташа и отошла отъ Ламбина.

На тѣсной площадкѣ, подъ нависшимъ утесомъ среди сосенъ они остановились перевести дыханіе и дать отдыхъ ногамъ. Здѣсь было, какъ въ маленькой и тѣсной кельѣ. Подъ ногами была мягкая трава и мохъ, поросшій по скаламъ. Вѣтеръ не доходилъ сюда и было здѣсь темно и тихо.

Ламбинъ нагнулся надъ Наташей и поцѣловалъ ее. Это былъ первый его поцѣлуй. Онъ поцѣловалъ несмѣло, въ щеку, влажную отъ вечерней росы, крѣпкую, упругую и прохладную. Она не отшатнулась. Въ темнотѣ — глаза Наташи загорѣлись, засіяли и показали огромными. Въ нихъ засвѣтились испугъ и мольба. И тогда Ламбинъ поцѣлуемъ сталъ гасить эти огни въ глазахъ Наташи. Глаза сомкнулись, щекоча губы длинными рѣсницами. Наташа молчала и тяжело и прерывисто дышала.

Ламбинъ привлекъ ея гибкое тѣло къ себѣ, крѣпко обхватилъ ея станъ и сталъ покрывать долгими, горячими поцѣлуями щеки, лобъ, глаза, подбородокъ — «душку» и, наконецъ, коснулся ея свѣжихъ горячихъ губъ. Она сжала губы и не отвѣтила на его поцѣлуй. Тогда онъ сталъ, все молча, цѣловать ее настойчивѣе и крѣпче, добиваясь ея отвѣтнаго поцѣлуя. Онъ чувствовалъ какъ

подъ его поцѣлуями становились горячими ея щеки и обжигали его губы внутреннимъ огнемъ. И тогда вдругъ раскрылись ея губы, стали мягкими и влажными и Наташа стала отвѣчать на поцѣлун Ламбина.

— Оставьте, оставьте меня, — прошептала она, безсильно опускаясь на землю, на кинутый на траву пледъ.

Ламбинъ нагнулся къ ней.

— Да что же это вы дѣлаете? — съ отчаянной мольбой крикнула Наташа. — Вадимъ Петровичъ, пожалѣйте меня...

Потомъ она замолчала и прошептала съ худо скрытымъ вожделѣніемъ:

— Не надо!.. Не надо! Мнѣ больно!.. Мнѣ страшно!.. Ну что это такое?.. Я боюсь васъ...

* *
*

Теперь, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, она сидѣла на камнѣ, на вершинѣ горы, надъ обрывомъ и куталась и грѣлась однимъ съ Вадимомъ пледомъ.

Ея лицо было блѣдно. Подъ большими сине-сѣрыми глазами легла темная тѣнь усталости. Она сидѣла согнувшись, сжавшись, блѣднымъ жалкимъ комочкомъ и смотрѣла вдаль. На ней была синяя юбка амазонки и синяя жакетка. Она напомнила Ламбину тотъ синій колокольчикъ, который этою весною жестокой Мальмсенъ надулъ и щелкнувъ на пальцѣ, раздавилъ и бросилъ мокрымъ комочкомъ на землю.

Ламбинъ осторожно, подъ пледомъ обнялъ Наташу и крѣпко прижалъ ее къ себѣ. Онъ былъ счастливъ. Какіе-то марши, торжественные гимны звучали въ его душѣ, радость перваго обладанія пѣла въ немъ. Онъ не думалъ, что будетъ дальше? Онъ вѣдь давно любилъ Наташу и зналъ, что и она его любитъ. Ну вотъ и его теперь Наташа, а что дальше?.. Вмѣсто отвѣта, знакомый, звучный юный голосъ, пѣлъ въ сердцѣ маршъ Радецкого: «тра-та-та... тра-та-та... тамъ-тамъ-тамъ». Подъ него онъ тихо и нѣжно цѣловалъ Наташу.

— Дай мнѣ твою руку, Дима, — тихо сказала Наташа. Онъ протянулъ ей свою загорѣлую сильную руку. Она приняла ее маленькими, изящными, точеными пальчиками, поднесла къ губамъ и поцѣловала.

Ламбинъ вздрогнулъ. Набѣжавшая было заботная дума объ

ответственности вдруг слетѣла съ него и стало такъ легко и радостно. Онъ понялъ, что ихъ любовь выше всего. Выше условій свѣта и полковыхъ традицій, выше самого государственнаго закона. Ихъ любовь отъ Бога и это самъ Господь разсудитъ ихъ и научитъ, что нужно дальше дѣлать.

— Наташа, — ласково сказалъ Ламбинъ, — прости меня... Прости!.. прости! прости!..

Наташа опять молча поднесла руку Ламбина къ губамъ, перевернула ладонью къ себѣ и поцѣловала. Ладонь сжала ея губы и Наташа тихо, безвучно разсмѣялась.

— Глупый, — сказала она... — Что мнѣ тебѣ прощать? Я давно знала, что это когда-нибудь будетъ. Господи! Когда такъ сильно любишь!!

— Наташа, ты не думай... Ты только вѣрь мнѣ. Я вполнѣ сознаю, что я сдѣлалъ съ тобою. Мы отнынѣ женихъ и невѣста. И вѣрь, что я женюсь на тебѣ.

Сквозь листву солнце бросило на щеки Наташи узоръ свѣта и тѣни шевелились на ея лицѣ.

— Мы, Дима, — значительно и строго сказала Наташа, — не женихъ и невѣста... Мы мужъ и жена. Это больше. Ты помнишь романсъ Даргомыжскаго: «вѣнчала насъ полночь средь мрачнаго бора. Свидѣтели были — любовь — да свобода... Разбудилъ насъ не свекорь, не свекровь, не невѣстка. Разбудило насъ утро...» Такъ то, милый Димочка. Не будемъ говорить о томъ, чего нельзя, что и не нужно. Богъ проститъ... А, люди? Какое намъ дѣло до людей?..

Наташа поднялась съ земли.

— Пойдемъ, милый. Свѣжо очень на горѣ. И ѣсть что-то ужасно какъ хочется.

Она взяла Ламбина подъ руку. При дневномъ свѣтѣ легко было идти подъ гору и ничего страшнаго не было въ лѣсу. Привѣтливомъ шумомъ привѣтствовали ихъ дубы, точно поздравляли съ бракомъ.

Взглянетъ Наташа снизу вверхъ въ лицо Ламбина и улыбнется такой счастливой, прозрачной улыбкой, что нахмурившееся было озабоченное лицо Ламбина посвѣтлѣетъ. Тихо и спокойно, странно разсудительно и умно говоритъ Наташа, какъ старшая младшему:

— Люди? Знаю я, милый Димочка, всю злобу людскую и зависть. Не даромъ я окончила Театральное училище, гдѣ всего

повидала и многое услышала. Да уже годъ я на сценѣ, а чего не увидишь и не услышишь въ театрѣ?.. Люди скажутъ: «Наташа Травина пошла на содержаніе къ гусарскому корнету. Она содержанка...» А пусть!

— Наташа. Не говори. Не говори такъ. Не смѣй такъ говорить. Этимъ ты и меня и себя оскорбляешь. Я тебѣ совершенно серьезно говорю: мы поженемся.

— Ты оставишь полкъ? Ты бросишь полкъ и службу, къ которой девять лѣтъ готовился и о которой еще мальчикомъ мечталъ?

— Да-а, — нерѣшительно протянулъ Ламбинъ. Но зачѣмъ?.. Можно... Иначе можно... Какъ-нибудь устроиться...

— Иначе. Нѣтъ, милый мой касатикъ Димочка и я не брошу сцену, которую люблю, не брошу своего призванія. Да и зачѣмъ?

Нѣсколько шаговъ она шла молча, потомъ, крѣпко сжимая руку Вадима, сказала тихимъ ровнымъ голосомъ:

— Христось сказалъ: «милости хочу, а не жертвы». Ни Богу, ни Царю совсѣмъ не надобны наши съ тобою жертвы. Ты офицеръ — ну и служи, какъ требуетъ твоя служба. Я артистка. Кому до насъ какое дѣло? Да тутъ и еще есть причины, но о нихъ потомъ. Потомъ... Знаешь — не будемъ портить минуты счастья, покушаемъ въ гостиницѣ и на лошадей — домой и спать, спать, спать... Вѣдь мы цѣлую ночьку не спали.

Опустивъ глаза, Наташа чуть слышно добавила:

— Спать съ тобою... милый...

XXIV.

Днемъ они сидѣли на «поплавкѣ», въ кондитерской на морѣ противъ гостиницы. Пили чай съ ялтинскими «бріошами» и ѣли мороженое. Подъ ними съ медлительнымъ шопотомъ переливалось море и катилось синими волнами на берегъ, шуршало круглой галькой, шипѣло бѣлою пѣной, нагоняя блаженную дремоту.

Наташа положила руку на руку Димы и тихо, какъ на исповѣди разсказывала о себѣ.

— Слушай, Дима. Не только то, что я артистка Императорскихъ театровъ стоитъ между нами — стоитъ тутъ и другое. Кто ты и кто я? Я знаю — женились офицеры и на крестьянкахъ, и на цыганкахъ, и на купеческихъ дочеряхъ, но всегда женились

на комъ-то. Я, Дима — никто... Я безъ рода, безъ племени. Я сирота, Дима. Смутно помню я свою мать. Нарядная, богато одѣтая и такая, такая красивая дама, она прїѣзжала въ училище. Меня призывали къ ней. Она сажала меня къ себѣ на колѣни и... плакала... Помню и болѣе раннее дѣтство. Квартиру на окраинѣ города, дачу въ Лѣсномъ, гувернантку, няньку и — мамы не было. Чужіе люди окружали меня. Мама появлялась тайкомъ всегда неожиданно, на ненадолго, на часъ, на два. Она играла со мною и тоже плакала. Кто мой отецъ — я не знаю. Какъ могла я спросить объ этомъ маму? Она никогда не говорила объ отцѣ. Она не показала мнѣ его портрета, не дала и своей карточки. Я не знаю даже ея имени: «мама» вотъ и все... А я такъ просила ея карточку на память. Потомъ... потомъ, когда я стала старше — мама долго не прїѣзжала ко мнѣ и мнѣ сказали, что мама моя умерла. Я знаю — это не правда. Она не умерла. Она жива. Но я выросла и становилась любопытнѣе и догадливѣе и мама рѣшила, рѣшила, что лучше не прїѣзжать, не смущать меня. Я — Травина. Но я не знаю — настоящая это моя фамилія, то есть фамилія моего отца или нѣтъ? Думаю, что — нѣтъ. Такъ видишь — я — никто...

Наташа тихо засмѣялась и крѣпко пожала руку Вадима.

— Но, у тебя есть паспортъ.

— Представь себѣ — я никогда не видѣла его. Онъ былъ въ училищѣ, оттуда перешелъ въ театральную контору. Зачѣмъ мнѣ паспортъ? У меня есть удостовѣреніе отъ театра, что я корифейка Императорскаго балета, съ нимъ я каждое первое число ѣзжу на Фонтанку у Аничкова моста, получаю свое жалованье и по нему я прописана въ полиціи. Я живу съ Мусей Ленской. Мы живемъ, какъ птицы небесныя, одѣваемся, какъ полевыя лиліи и эти вопросы — паспортъ, кто я, кто мой отецъ, кто моя мать? меня перестали волновать. Ты говоришь... Ахъ, какой ты упрямый, ну точно, точно милый сѣренькій осликъ вотъ что мы видѣли, который не хотѣлъ везти виноградъ. Ты говоришь — женюсь. Отлично. Да, на комъ? Тебя спросятъ въ полку, а кто ваша невѣста? Бывшая артистка. Да кто она? Дочь генерала? Офицера? Важнаго чиновника? Купца первой гильдіи? Крестьянина? Ну, что ты скажешь? Не знаю, и моя невѣста тоже не знаетъ, кто она. Ну полно, не будемъ говорить о пустомъ, о невозможномъ. Я — твоя... Твоя отнынѣ и навѣки. Твоя вся. Ты завоевалъ меня — вотъ и все. Будемъ любить другъ друга. Ты будешь любить твой полкъ, я свое искусство. У насъ, Дима, въ театрѣ тоже — дисциплина. Построже, чѣмъ у

вась въ полку. Попадись-ка въ чемъ Лангаммеру — оштрафуетъ, представить къ пониженію, у «воды» поставитъ. А я блистать хочу! Для тебя. Для моей таинственной мамы. Она, чувствую, слѣдить за мною. А что мы будемъ любить другъ друга — такъ насъ за это не осудятъ. У насъ товарищество хорошее...

— Но Наташа!

— Постой, погоди. Твоя рѣчь кончена. Твоя судьба рѣшена. Отнынѣ ты — Царевъ — да мой. Правда?

— Наташа!

— Не жалѣешь?

Она отодвинула хрустальное блюдечко съ мороженымъ и отвернулась лицомъ къ морю. Она не хотѣла, чтобы Ламбинъ и другіе посѣтители кондитерской увидѣли слезы, вдругъ появившіяся на длинныхъ черныхъ, кверху загнутыхъ рѣсницахъ. Ажурныя тѣни отъ волнъ отражались на ея покраснѣвшемъ взволнованномъ лицѣ.

— Никого не люби, — прошептала Наташа. — Никого!..

— Клянусь, — еле слышно прошептала Ламбинъ.

Наташа порывисто встала и наигранно небрежно сказала:

— А теперь. Плати по счету... своей содержанки.

— Не смѣй, Наташа!

Наташа смѣялась ему въ лицо.

— Найми фаэтонъ и поскачемъ куда-нибудь, гдѣ не было бы людей, гдѣ были бы — море, да мы!.. И, знай, отнынѣ и навсегда — я твоя!

— Жена!

— Я твоя... Только твоя... Твоя На-та-ша!

XXV.

Черезъ двадцать восемь дней послѣ производства, день въ день, Ламбинъ въ парадной формѣ, прикрытой легкой «Николаевкой» вышелъ на перронъ Царскосельской станціи и прошелъ на площадь. Лихой извозчикъ на сѣрой лошади подкатилъ къ подъѣзду.

— Пожалте-съ, господинъ Ламбинъ.

— Ты почему же знаешь, что я — Ламбинъ.

— Помилуйте-съ, полковой извозчикъ, да чтобы не зналъ. Изъ приказа знаемъ, кто къ намъ вышелъ. И лошадь у меня полковая и я въ полку служилъ. Лошадь-то посмотрите сама все

знаеть, куда васъ везти. И править не нужно. Пожалуйте въ канцелярію прежде всего — ихъ сіятельство князь Ардатовъ уже тамъ, въ самое время явитесь.

Ламбинъ сѣлъ въ старыя разбитыя дрожки, и лошадь, точно и правда знала куда и зачѣмъ ѣдетъ молодой офицеръ въ высокой бобровой шапкѣ съ султаномъ, понеслась сначала рысью, потомъ сбилась на галопъ, да такъ и пошла правильнымъ фронтовымъ галопомъ по широкому шоссе мимо аллея съ высокими мутно-зелеными лиственницами.

Сентябрьскій день былъ точно праздничный. Свѣжій, ясный, солнечный. Влѣво за зеленымъ лугомъ, голубымъ зеркаломъ лежало небольшое озеро. Золотыми коврами легли по нему отраженія высокихъ березъ рощи. Бѣлые ихъ стволы точно уходили глубоко въ воду.

Лошадь скакала, извощикъ не правилъ ею, а обернувшись къ сѣдоку, наставлялъ его, что и какъ ему нужно дѣлать.

— По началу явитесь въ полковую канцелярію, полковому адъютанту, князю Ардатову. Они въ канцеляріи всегда до часа дня сидятъ. Я васъ и подожду-съ. Потомъ проѣдете къ командиру полка. Генераль Бетрищевъ сегодня дома и завтракать въ собраніи не будутъ. Въ городъ ѣхать собираются. Васъ, надо быть, въ четвертый эскадронъ назначать, къ ротмистру Петрову. Имъ и отвезу-съ. Тамъ и ждать буду.

— Да откуда ты все это знаешь?

— Помилуйте-съ — полковой извощикъ-съ! Я лѣтъ двадцать господъ вожу. И лошадь, гляди, сама знаетъ — на полковой проспектъ завернула, я и не правлю... Вотъ она и канцелярія. Я васъ ожидать буду. Ни съ кѣмъ не поѣду.

Въ канцеляріи штабсъ-ротмистръ съ аксельбантомъ на синей венгеркѣ, полный, съ полысѣвшей, круглой головой, принялъ Ламбина съ тою адъютантской важностью и покровительствомъ, какъ привыкъ Ардатовъ принимать молодыхъ офицеровъ. Онъ выслушалъ рапортъ молодого корнета, внимательно и строго осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ:

— Ну-те-съ. Темлякъ у васъ на саблѣ неправильно завязанъ. Нужно вотъ какъ.

Ардатовъ перевязалъ темлякъ по своему.

— Тютелька въ тютельку явились. Ни одного дня службѣ не подарили. Генераль этого не любитъ.

— Я явился во-время, господинъ штабсъ-ротмистръ, — ска-

заль Ламбинъ. — Вотъ предписаніе отъ училища и вотъ мой отпускной билетъ.

— Совершенно вѣрно-сь, корнетъ. Во-время... Еще бы вы еще и просрочили бы! Я ничего и не говорю. Я, или другой кто, и не скажетъ. А генераль Бетрищевъ любитъ, чтобы день другой службъ подарили. Усердіе свое службъ показали. — Доронинъ! крикнулъ адъютантъ въ открытую дверь.

Писарь, сверхсрочный нестроевой старшаго разряда, въ потертой венгеркѣ, съ рукавомъ, расшитымъ золотыми и серебряными шевронами, похожій на адъютанта, появился въ дверяхъ. Адъютантъ подалъ ему бумаги Ламбина.

— Отдашь сегодня въ приказъ. Явившагося въ срокъ изъ отпуска, ну и такъ далѣе, самъ знаешь... Зачислить въ четвертый эскадронъ.

Адъютантъ взглянулъ на часы и сказалъ Ламбину:

— Поѣзжайте теперь къ командиру полка. Вы застанете его, а то потомъ онъ въ городъ уѣдетъ. У него разговоръ будетъ, вѣроятно, длинный. Всего отличнаго. Не прощаюсь. Завтракать въ собраніе пріѣдете — тамъ и увидимся.

Извозчикъ ожидалъ Ламбина у подъѣзда.

— Къ командиру? — спросилъ онъ.

Ламбинъ кивнулъ головой.

— Я говорилъ, — самоувѣренно сказалъ извозчикъ. — Порядокъ знаю!

XXVI.

«Вотъ я офицеръ» — думалъ Ламбинъ, стоя въ пріемной, — «а волнуясь, какъ и кадетомъ не волновался. Новая жизнь передо мною. Это не урокъ въ классѣ отвѣтить, не «Пифагоровы штаны» начертить и доказать, что квадратъ, построенный на гипотенузѣ равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ».

Ламбинъ прошелся, тихо позванивая прибивными шпорами, по пріемной. Стѣны длинной и узкой комнаты въ одно окно были увѣшаны по одну сторону литографіями, изображающими формы полка въ разное время, по другую портретами скаковыхъ лошадей. Всѣ картины были въ одинаковыхъ свѣтлыхъ ясеневыхъ рамкахъ. У окна на подстановкѣ лежало сѣдло и на бронзовомъ кронштейнѣ висѣло оголовье съ мундштукомъ и трезелемъ, подперсье и подхвостникъ. Въ углу, гдѣ передъ образомъ Георгія Побѣдоносца

теплилась лампадка, было устроено мѣсто для штандарта, но самого штандарта не было. Два шкафа съ книгами стояли у стѣнъ. Ламбинъ заглянулъ на корешки книгъ — всѣ онѣ были военнаго содержанія. На большомъ полированнаго дерева овальномъ столѣ, стоявшемъ посерединѣ комнаты лежала большая книга для росписывающихся, полковые приказы и свѣжіе номера «Русскаго Инвалида» и «Новаго Времени».

Сухо, казенно, дѣловито было здѣсь, и въ самой сухости и дѣловитости была своя строгая красота въ убранствѣ пріемной командира полка.

Деньщикъ въ венгеркѣ открылъ дверь и негромко сказалъ.

— Ваше благородіе, пожалуйста. Командиръ полка просють явиться.

Генераль Бетрищевъ былъ ни молодъ, ни старъ. По понятіямъ Ламбина, которому шелъ двадцатый годъ — «старикъ». Самъ Бетрищевъ считалъ себя молодымъ, а его корпусный командиръ говорилъ про него: «такимъ мальчишкамъ гвардейскіе полки давать!.. Эт-то без-образіе». Генералу было сорокъ пять лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, строень, выправленъ, подтянутъ. Сѣдьющая окладистая борода старила его. Но загорѣлое, безъ морщинъ, сухое лицо было совсѣмъ юнымъ и сѣрые глаза блистали молодыми огнями.

Бетрищевъ внимательно, до конца, не прерывая, стоя самъ на вытяжку, прослушалъ рапортъ молодого корнета и окинулъ его зоркимъ военнымъ взглядомъ.

— Очень, оч-чень радъ-сь... — сказалъ онъ. — Отца вашего хорошо помню. Такихъ конниковъ не много было въ Русской арміи. Маменьку вашу тоже знавалъ-сь. Лицомъ въ отца. Глаза, какъ у Евдокии Алексѣевны. Загорѣли — это хорошо. Въ деревнѣ проводили отпускъ, у мамыши?

Ламбинъ запнулся.

— Я собственно. путешествовалъ. Былъ въ Крыму.

— Одинъ?

Ламбинъ не отвѣтилъ и густо покраснѣлъ.

— А гм-мм! Отличное дѣло... Отличное-сь!.. Ничто такъ не развиваетъ, какъ путешествіе... н-да-сь... Полезное дѣло-сь. Въ житейское море пустились. Вижу оснащены не плохо-сь. Что же? Покалякаемъ. Послушайте стариковскія наставленія. Садитесь.

Бетрищевъ показалъ рукою на покойное кожаное кресло и самъ сѣлъ за столъ напротивъ Ламбина.

— Курите?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— И отлично дѣлаете. Лошадь вашу видалъ. Выводная... Это уже, пожалуй, и напрасно-сь. У насъ свои чистокровныя не хуже... А уже, что наряднѣе, такъ объ этомъ и говорить не стоитъ. Да и въ рѣзвости не уступятъ. Славны бубны за горами, — а ударить въ эти самые бубны-то — глухо что-то звучать. Думаете — скакать?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Для кавалерійскаго офицера стипль-чезъ является лучшимъ видомъ спорта. Нѣмецкій генераль фонъ Розенбергъ на стипль-чезахъ подготовилъ себѣ славу лучшаго кавалериста въ войну семидесятаго года. Наши Струковъ, Вонлярлярскій, Тутолминъ — не зря скакали — въ Турецкую войну героями себя показали. Парфорсныя и иныя конныя охоты не всякому доступны, хотя я слыхалъ матушка ваша прекрасная была охотница съ борзыми... Исторію полка изволили прочесть?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, еще не успѣлъ.

— Встаньте, корнетъ Ламбинъ, — сурово сказалъ Бетрищевъ и самъ поднялся со своего кресла. Сѣрые глаза его налились гнѣвомъ. — Это не выговоръ и не замѣчаніе вамъ — это пока только отцовское наставленіе. Какъ же не поторопиться познать исторію своей семьи? Своего полка? Какъ не восхититься подвигами прошлаго и не восхотѣтъ подражать героямъ нашего полнаго доблести полка?.. Вы должны все время читать и перечитывать военную исторію. Съ Тацитомъ, съ Юліемъ Цезаремъ, Ксенофонтомъ, съ описаніями походовъ Фридриха Великаго, Маршала Тюрення, Морица Саксонскаго, Наполеона — Суворовъ не разставался, а ему, батюшка мой, глубокоуважаемый корнетъ Ламбинъ, — все это читать приходилось по-французскому, да по-нѣмецкому — а вамъ все подано готовенькое, на отечественномъ языкѣ изложенное. Вамъ дали свои труды Богдановичъ, Михайловскій-Данилевскій, Милютинъ, Петрушевскій... Наполеонъ самъ постоянно читалъ про войны и повторялъ своимъ офицерамъ: «lisez, relisez et modelez-vous sur eux»...*)

Бетрищевъ твердо и нѣсколько грубо выговорилъ французскую фразу.

— Да, что же вы, батюшка мной, многоуважаемый корнетъ

*) Читайте, перечитывайте и совершенствуйте себя по нимъ.

Ламбинъ, изволили дѣлать всѣ двадцать восемь дней своего отпущка? Вѣдь не въ карты же, надѣюсь, вы играли?

— Я... Собственно...

Бетрищевъ пристально посмотрѣлъ на Ламбина.

— Гм-мъ... Н-нда... Вы, собственно... Потрудитесь застѣсть за полковую исторію и выучить ее. На зубокъ-сь. Гусарамъ своимъ постоянно примѣры приводить будете-сь. Воспламеняйте ихъ на новые подвиги. Ну-сь... До свиданья, корнетъ Ламбинъ... До скорого-сь и, надѣюсь увидѣть васъ во всеоружіи знанія и умѣнія, а не... шалопайства!

Бетрищевъ протянулъ руку ошеломленному Ламбину и крѣпко пожалъ ее, смягчая этимъ пожатіемъ рѣзкость послѣднихъ словъ.

XXVII.

Красный, взволнованный, съ опухшими глазами вышелъ Ламбинъ на крыльцо. Извощикъ мелькомъ взглянулъ на офицера и сказалъ:

— Что, ваше сіятельство, у праздника были?.. Онъ, генераль-то нашъ, любить, чтобы распушить молодого офицера. На мѣсто его сразу постановить. И то не такъ и это не эдакъ. А добрый!.. Вотъ доберь-то. Ну, да узнаете еще и какъ его полюбите?.. Отца родного не надобно ни господамъ, ни гусарамъ. А распушить — это, что и говорить — любить. Въ собраніе теперь, прикажете-сь? Ишь, — показалъ онъ на лошадь, — сама къ собранію заворачиваетъ. Знаетъ свой часъ. Адмиральскій — господа такъ называютъ этотъ часъ. Ну и она тамъ овсеца всегда получаетъ, потому — разъ къ собранію такъ это уже надолго.

Ламбинъ вошелъ въ столовую. Не новичокъ онъ былъ и изъ богатой семьи. Роскошью его не удивишь, а вошелъ и остановился пораженный. Свѣтъ падалъ сверху изъ двухъ рядовъ квадратныхъ оконъ, расположенныхъ по двумъ противоположнымъ стѣнамъ. И оттого свѣтъ былъ мягкій. Ничто не должно было развлекать людей, отдающихся ѣдѣ. Высокія стѣны были убраны серебряными кувшинами, жбанами, кубками — все офицерскими призами, взятыми на скачкахъ. По другую сторону висѣли охотничьи трофеи — кабаны и лосиные головы, олени рога, козы головки. Цѣлый медвѣдь съ подносомъ, на которомъ стоялъ графинъ и стаканы высился у входа. И какая роскошь была кругомъ! Стѣны въ дере-

вянной панели, штучный паркетъ отражалъ, какъ въ водѣ предметы. Въ глубинѣ массивная стойка и на ней — блескъ хрустала, игра напитковъ разныхъ цвѣтовъ — точно самоцвѣтные камни сверкавшихъ въ кувшинахъ и графинахъ. Подлѣ нихъ на бѣломъ мраморѣ разнообразіе закусокъ на маленькихъ фарфоровыхъ блюдахъ, серебряныя украшенія, цвѣты. И какой ароматъ шель оттуда. Ароматъ, раздражающій аппетитъ, влекущій къ ѣдѣ, зовущій къ хрустальной влагѣ въ запотѣломъ отъ холода графинѣ. И какія рюмки стояли тамъ, чинно выравнявшись, какъ солдаты на смотру. Были тамъ рюмки малыя для тѣхъ, у кого пошаливала печень, кто попивалъ Виши, у кого съ почками «что-то» было, были рюмки обыкновенныя такъ называемыя — «ротмистерскія», были рюмки «двухспальныя» и были еще и широкіе «шалабаны» для виртуозовъ питейнаго дѣла.

Входившій одновременно съ Ламбининымъ князь Ардатовъ взялъ Ламбина подъ руку, придержалъ его, чтобы тотъ не торопился и ощутилъ всю прелесть столовой, потянулъ широкими ноздрями и сказалъ:

— М-ммъ!.. Ламбинъ, чувствуете? Ар-ромат-тъ!.. — М-ммъ! — потянулъ онъ носомъ еще и еще. — Осмыслить это надо, Ламбинъ. Понять и прочувствовать. Идемте, Ламбинъ. Побратаемся. Чего, чего тамъ, Спиридонъ Петровичъ не натворилъ. И лучкомъ свѣженькимъ, молоденькимъ... Это въ сентябрь-то! И бѣлыми грибочками въ сметанѣ. И чѣмъ-то жаренымъ — уже не почками ли въ мадерѣ? А, Ламбинъ? — говорилъ Ардатовъ, подводя Ламбина къ монументальной стойкѣ.

Посрединѣ столовой было нѣсколько столовъ, накрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями. За ними сидѣло челоѣкъ десять офицеровъ. Князь Ардатовъ поклонился имъ и сказалъ:

— Одну минуту, господа. Дайте мнѣ молодого раньше въ гусарскую вѣру привести, а потомъ я вамъ его и представлю. Спиридонъ Петровичъ, съ чего же мы начнемъ?

Министръ, стоялъ за стойкой. Встрѣтъ Ламбинъ Спиридона Петровича въ иной обстановкѣ, а не за буфетной стойкой и точно принялъ бы онъ его за высокопоставленное лицо — столько было пріятной благопривѣтливой осанки въ этомъ полномъ начисто побритомъ челоѣкѣ, во фракѣ, въ бѣлоснѣжной манишкѣ, въ бѣломъ жилетѣ.

Спиридонъ Петровичъ привѣтливо улыбнулся князю и сказалъ мягкимъ негромкимъ ласковымъ голосомъ:

— Вамъ, ваше сіятельство, старки позволите? Вчера господинъ Пушкинъ изволили изъ имѣнія въ даръ собранію прислать. Не старка, а нѣчто неподражаемое. Девяносто лѣтъ ей. Духъ изумительный.

— Ладно... Только маленькую...

— Что вы, ваше сіятельство. Отъ этой старки для печени никакого вреда. Какъ масло сливочное входитъ, — говорилъ Спиридонъ Петровичъ, наливая «обыкновенную» темноянтарной душистой влагой.

— А господину Ламбину, ваше сіятельство, для начала дозвольте Смирновской очищенной.

Рука Спиридона Петровича колебалась между «двухспальными» и «шалабанами».

— Наливайте корнету двухспальную, — сказалъ Ардаговъ. — Надо его раньше подготовить.

Онъ понюхалъ старку и такъ аппетитно протянулъ «МММъ», что и Ламбину захотѣлось старки.

— Ну вотъ что, Ламбинъ, давайте выпьемъ на «ты».

Они чокнулись. Ламбинъ въ два приѣма — сразу не могъ осилить двухспальной, выпилъ водки. Ардаговъ укоризненно покачалъ головой.

— Молодые еще, — снисходительно сказалъ Спиридонъ Петровичъ, наливая Ламбину другую рюмку поменьше старкой. — Съ этой поосторожнѣе, господинъ Ламбинъ.

Ламбинъ и Ардаговъ расцѣловались.

— С-скотина! — сказалъ Ардаговъ.

Ламбинъ зналъ, что онъ тоже долженъ какъ-то обругать Ардагова и тѣмъ закрѣпить ихъ на «ты» состоявшуюся дружбу. Таковъ уже былъ обычай. Но какъ обругать пожилого, привлекательнаго и привѣтливаго офицера, да еще старшаго чиномъ, адъютанта съ аксельбантами и вензелями на жгутахъ?

— Свиныя, — несмѣло и негромко сказалъ онъ.

Ардаговъ снова обнялъ и поцѣловалъ Ламбина.

— Эхъ ты, — сказалъ онъ. — Ну развѣ это ругательство?.. Свиныя?.. Пресимпатичнѣйшее это животное. Ты посмотри только, — накладывая на тарелку нѣжно-розовый ломоть ветчины и подавая его Ламбину говорилъ Ардаговъ. — Аромать-то какой. А сало — бѣлѣе снѣга. Свиныя?!.. Вотъ оно что такое свиныя... Въ прошломъ году пилъ я этакъ же съ молодымъ Ранетовымъ, бывшимъ камеръ-пажомъ на «ты». Такъ вѣришь ли «загибъ Петра Великаго»

мнѣ преподнесъ, выпалилъ весь безъ передышки. Что смѣха тогда было въ собраніи, а ты, какъ институтка — «свинья»!.. Ты еще бы «бумажкой» меня обозвалъ.

Отъ старки передъ глазами у Ламбина шли радужные круги. Онъ самъ, не зная чему, весело смѣялся. Хорошо было у него на душѣ.

— Что къ завтраку прикажете, ваше сіятельство?

— Мнѣ. Эхъ, Спиридонъ Петровичъ. Печень, печень!.. Ничего нельзя. Ни яйца, ни жаренаго масла... Вы вотъ что. Приготовьте мнѣ яйцо въ сухарѣ. Хлѣбъ этакимъ кубикомъ и внутри яйцо въ смятку, а хлѣбъ насквозь масломъ пропитанъ и снаружи темно-оранжевая корочка чтобы хрустѣла. Понимаете?

— Понимаю-сь, ваше сіятельство. А что дальше пожелаете? Перепела сегодня только получены... Жирные, просто на удивленіе.

— А печень! Ну что же? добивайте меня, Спиридонъ Петровичъ. Давайте перепеловъ въ маслѣ. А что дадимъ молодому?

— Имъ я такъ полагаю поосновательнѣе что-нибудь надобно-сь.

— Ты чего хочешь, Ламбинъ?

— Я право не знаю. Аппетитъ у меня разыгрался.

— Позвольте, господинъ Ламбинъ я вамъ борщокъ предложу и къ нему ватрушечки маленькія. А потомъ бифштекъ по гамбургски со свѣжими бѣлыми грибочками. Однѣ шапочки.

— И мороженое, мороженое, — за Ламбина досказалъ Арда-товъ, — сливочное, абрикосовое. Онъ дѣвочекъ любитъ, блондин-ками увлекается, такъ мороженое ему въ самый разъ. И заморозьте, Спиридонъ Петровичъ, бутылочку Гейдзикъ-монополь... Ну идемъ, Ламбинъ, я представляю тебя нашей молодежи.

XXVIII.

Ламбинъ съ Ардатовымъ оканчивали завтракъ, и у Ламбина пріятно шумѣло въ головѣ, когда въ столовую быстрыми и легкими шагами вошелъ невысокаго роста моложавый ротмистръ. Всѣ встали. Ардатовъ толкнулъ Ламбина подъ локоть и сказалъ:

— Иди, представься. Это твой эскадронный, ротмистръ Петровъ.

Торжественная тишина стояла въ залѣ, пока Ламбинъ произносилъ уставную формулу представленія по службѣ. Всѣ стояли на вытяжку.

— Уже накачалъ молодого, — сказала Петровъ, здороваясь съ Ардатовымъ.

— Да что ты! Да онъ же ни въ единомъ глазу!

— А изо рта, какъ изъ кабака.

Петровъ сѣлъ напротивъ Ламбина. Онъ не пилъ водки и не закусывалъ, быстро сѣлъ толстый, кровавый бифштексъ съ яйцомъ и спросилъ себѣ мороженого. Налилъ изъ недопитой бутылки Ардатова полъ бокала шампанскаго.

— Я вашу лошадь видаль, Ламбинъ. Думаемъ скакать?

— Да. Очень, — краснѣя и волнуясь, сказалъ Ламбинъ.

— Будемъ учиться?

— Да... Я хотѣлъ бы... Очень.

Петровъ подозвалъ вѣстового, прислуживавшаго въ собраніи и сказалъ:

— Ступай въ эскадронъ и скажи, чтобы сейчасъ посѣдлали моими англійскими сѣдлами, мнѣ Ракету а имъ изъ четвертаго взвода Лимонада. Понялъ?

— Слушаюсь, ваше высокоблагородіе.

— Да побойся ты Бога, Василій Александровичъ, — сказала Ардатовъ. — Что ты съ нимъ сейчасъ и скакать думаешь?.. Вѣдь онъ еще и не осмотрѣлся вовсе и притомъ же въ парадной формѣ.

— Маленькая прогулка по полямъ. Пусть молодой знаетъ, что такое гусарская ѣзда. А парадная? Ну что такое, что парадная? Въ старину въ парадной формѣ рубились и еще и какъ? Ментикъ сниметь, вмѣсто шапки я ему мою вторую фуражку дамъ.

— Ну совсѣмъ Тарасъ Бульба. Сыновья и оглядѣться дома не успѣли, какъ онъ драться съ ними полѣзъ. Невозможный ты человекъ. Вѣдь я твою ѣзду знаю. Шею поломаешь.

— Гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ.

— Такъ вѣдь лѣса то еще и рубить никто не собирается. Подумай — человекъ покушалъ основательно. У него селезенка лопнетъ отъ твоей ѣзды. Охъ, уже эти мнѣ спортсмены.

— Такъ идемте, Ламбинъ, — сказалъ Петровъ, не слушая воркотни Ардатова.

XXIX.

По улицѣ города Петровъ съ Ламбинымъ ѣхали молча и шагомъ. Черезъ фигурныя желѣзныя ворота они вѣѣхали въ дворцовый паркъ. Вдоль зеленой ограды кустовъ — сирени, акаціи,

жимолости и бузины, мимо огромныхъ луговъ, окаймленныхъ столѣтними дубами, кленами и липами, сквозь листву которыхъ, какъ сквозь художественную кисею сквозили голубыя озера, по которымъ плавали бѣлые лебеди, вилась верховая дорога. На озерѣ, на острову, высилась мечеть съ золотымъ куполомъ и со стройнымъ бѣлымъ минаретомъ, а дальше среди сосновой рощи стоялъ античный греческій храмъ съ колоннами, внизу, на лужайкѣ, была статуя темной бронзы — женщина съ урной. Все блистало красотою въ этотъ ясный сентябрьскій день. «Бабье» Петербургское лѣто стояло во всемъ своемъ великолѣпнн. Деревья пожелтѣли, покраснѣли, но были еще густы. Гуляющихъ было мало. Пустыннымъ и прекраснымъ казался паркъ, точно заколдованный садъ спящей красавицы.

Они пошли рысью. Воробьи густыми, сѣрыми, хлопотливыми стаями срывались съ кустовъ при приближеніи всадниковъ и летѣли впередъ, точно дразня и пугая лошадей. Нервная Ракета Петрова прижимала къ темени темныя острыя уши, Лимонадъ профыркивалъ, попрашивая повода и косясь на красавицу темно-сѣрую ракету.

Петровъ привѣтливо посмотрѣлъ на Ламбина и сказалъ:

— Вы руки опустите ниже, къ самой холкѣ и отдайте мундштучныя поводья, и трензеля держите мягче, а шенкелями охватите ту же, ничего, если носки развернете немного — это не важно при полевой ѣздѣ. Стремя возьмите глубоко «въ калошу». Вотъ такъ.

Все шире, машистѣе, быстрѣе и наряднѣе, едва касаясь земли копытами, шла Ракета. У Лимонада пощелкивали подковы, онъ сбивался на галопъ, не поспѣвая за кровной ракетой.

— Ничего, — говорилъ Петровъ, ласково поглядывая на Ламбина, — сидите отлично. Мягче отдѣляйтесь отъ сѣдла. Больше имѣйте упоръ на стремя.

Они проѣхали мимо какой-то колоннады, имъ вслѣдъ шумѣли сосны.

Не сдерживая лошадей они выѣхали въ ворота, гдѣ подлѣ пестрой будки стоялъ часовой гусаръ въ бѣломъ ментикѣ въ рукава. Онъ едва успѣлъ взять шашкой на караулъ, отдать честь офицерамъ. Всадники спустились на широкій плацъ съ темной глинистой, сырой и упругой почвой. Петровъ поднялъ лошадь въ галопъ. Все скорѣе и скорѣе неслись лошади и свернули къ дорогѣ, обсаженной лиственницами.

— Ниже руки. Туже шенкеля, — весело крикнулъ Петровъ и надалль хода.

Широкая и глубокая канава отдѣляла плацъ отъ дороги. Высоко взвилась на прыжкѣ Ракета, и Лимонадъ прыгнулъ прекрасно, но Ламбинъ, не ожидавшій такого прыжка, клюнулъ носомъ и потерялъ стремя. Онъ едва успѣлъ подхватить его, какъ была вторая канава и второй прыжокъ, еще большій и всадники очутились на скошенномъ полѣ, полого спускавшемся въ оврагъ.

Петровъ все надавалъ и надавалъ хода. Ракета вытянула хвостъ вдоль спины и неслась, радуясь скачкѣ. На скатѣ былъ жердяной «чухонскій» заборъ. Онъ показался Ламбину очень высокимъ и Ламбинъ сталъ сдерживать Лимонада.

— Ходу! — крикнулъ Петровъ. — Ниже руки, нагнитесь впередъ, отдайте поводья...

Такъ ново все это было для Ламбина. Въ училищѣ — тамъ впрочемъ никогда не прыгали такихъ высокихъ заборовъ — въ училищѣ учили напротивъ откинуть корпусъ назадъ, послать лошадь шпорами и поддержать ее послѣ прыжка. Куда тамъ сдѣлать все это! Лошади неслись со страшной быстротой, заборъ точно накатывался на Ламбина и у него была одна дума — «сидѣть бы»!

— Отдайте повода. Попустите Лимонада. Онъ отлично прыгаетъ, — кричалъ Петровъ и несшійся навстрѣчу имъ вѣтеръ рвалъ его слова.

Передъ Ламбинымъ сверкнули подковы Ракеты, ея темно-сѣрый пушистый хвостъ взмахнулъ, торжествуя побѣду. Лимонадъ прыгнулъ за нею.

Спускъ сталъ круче. Петровъ мягко перевелъ на шагъ. Внизу была рѣчка съ обрывистыми берегами. Ее перебрали по брюхо лошади и выскочили по кручѣ на другой берегъ. Тутъ было жнивье. Золотыми иголками торчала солома. Снопы были свезены. За полемъ показалась окраина Царскаго села. Петровъ снова скакалъ. У Ламбина духъ захватывало отъ долгой скачки. Только у вѣзда въ городъ пошли шагомъ. Петровъ обернулся къ оставшему Ламбину.

— А? Ламбинъ! Что? Хорошо? — спросилъ онъ, весело блестя глазами.

— Дивно хорошо, — словами Наташи отвѣтилъ Ламбинъ.

Петровъ протянулъ ему руку.

— Будемъ на «ты», — сказала онъ, пожимая руку Ламбина. — Вижу, что изъ тебя добрый гусаръ выйдетъ!

Они подѣхали къ небольшому двухъэтажному деревянному дому. У подѣзда ихъ ожидали вѣстовые гусары съ попонами. Они приняли лошадей и Петровъ сказалъ Ламбину:

— Идемъ ко мнѣ.

Шапка, ментикъ и шинель Ламбина уже были принесены на квартиру Петрова.

— Почисть его благородіе, — сказалъ Петровъ встрѣтившему ихъ деньщику и, обернувшись къ Ламбину, спросилъ:

— Ты гдѣ остановился? Квартиру имѣешь?

— Нѣтъ. Я остановился въ гостиницѣ.

— Ну ладно. Живи пока у меня. Пиши записку въ гостиницу, чтобы выдали ему, — Петровъ показалъ на деньщика, — твои вещи. Онъ ихъ сейчасъ и привезетъ сюда. Располагайся въ библіотекѣ. Ложись на диванъ, отдохни отъ скачки, отъ впечатлѣній, почитай, если хочешь, засни. А тамъ, потомъ я тебѣ и квартиру найду. Въ пять часовъ будемъ пить чай, а я сейчасъ пойду ѣздить другую свою лошадь.

Въ библіотекѣ Ламбинъ снялъ доломанъ и ботинки и легъ на старомъ широкомъ диванѣ. Петровъ заглянулъ къ нему и принесъ большую мягкую подушку.

— Отдыхай, — сказал онъ.

— Нѣтъ, я читать буду.

Ламбинъ досталъ съ полки первую попавшуюся ему книгу — «Дряньскій. Записки мелкотравчатаго». Онъ сталъ читать и такъ увлекся описаніемъ охотъ съ борзыми, такъ напомнило ему все родныя его мѣста, что онъ очнулся отъ обаянія книги только тогда, когда услышалъ за дверью негромкій, осторожный голосъ Петрова.

— Вадимъ, ты спишь?

Ламбинъ вскочилъ.

— Нѣтъ.

— Идемъ пить чай. Павелъ твои вещи привезъ, надѣвай венгерку и длинные чакчиры.

Рядомъ въ небольшой, скромно убранной столовой кипѣлъ и бурлил томпаковый самоваръ. Струи пара неслись къ потолку. Деньщикъ въ бѣлой рубахѣ протиралъ стаканы полотенцемъ. На столѣ, накрытомъ пестрою скатертью въ серебряномъ лоткѣ лежали калачъ, сайка и бублики, усыпанные маковыми зернышками.

По солдатски просто, уютно, мирно и хорошо было у Петрова. И точно — Ламбинъ почувствовалъ себя дома.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Наташа совѣмъ не знала, какъ устроится ея жизнь по возвращеніи изъ Крыма. Хотѣлось попроще, поскромнѣе, но красиво и уютно. Какъ корифейка она получала шестьдесятъ рублей въ мѣсяць — на такія деньги — что устроишь? Брать у Ламбина? Разорять его для себя? Продавать ему свою любовь? Ни за что!

Но за дѣло взялся самъ Ламбинъ. Размахнулся по гусарски. По Ламбински. За дѣло взялись еще и Муся съ Кирилломъ Капитоновичемъ Листопадovýmъ. Муся добилась своего. Осенью, какъ только Наташа вернулась изъ Крыма, Муся вѣнчалась въ церкви съ Кирилломъ Капитоновичемъ.

— Честь честью, — говорила она послѣ свадебнаго обѣда въ скромномъ кругу подругъ и сослуживцевъ Кирилла Капитоновича, стоя въ подвѣчномъ платьѣ. — За-кон-ная жена! И никакихъ гвоздей! Дѣтей имѣть могу. — Если только захочу, — потупляя прозрачные глаза скромно добавляла она. — Госпожа Листопадова — по сценѣ — Ленская!

Муся, Кирилль Капитоновичъ и самъ Ламбинъ подыскивали прелестную квартиру въ пять комнатъ на Никольской площади въ бель-этажѣ, окнами на старый соборъ Елизаветинской стройки, окруженный гѣнистымъ скверомъ. Мѣсто тихое, уютное — до театра — рукой подать. Можно и пѣшкомъ идти, если хорошая погода. Подыскивали и прислугу — серьезную, пожилую — на этомъ настояла Наташа — опытную горничную Катю, толстую, опрятную «кухарку за повара» Аграфену и кучера Андрея, рыжебородаго рослаго молодца съ узкими хитрыми глазами.

Андрей при наймѣ клялся, что «непьющій». Кирилль Капитоновичъ съ ловкостью адвоката увѣрялъ, что непьющихъ кучеровъ не бываетъ. Муся хохотала до упаду, а Андрей косился глазами на красивую барыню и солидно говорилъ:

- Развѣ, что въ праздникъ по маленькой. Онѣ сами уважать
-- поднесутъ.

Наташа торопливо и не совсѣмъ правильно по-французски говорила Вадиму

— Mais Wadim, est-ce que j'aurais le cheval?.. C'est impossible tout ce que tu fais. Tu es fou. Il ne faut pas le cheval! Je ne veux pas.*)

— Но, моя милая, я это дѣлаю для себя. Надо же мнѣ и покататься съ тобою иногда.

— Но вѣдь можно и на извошикѣ. Да я пѣшкомъ охотно съ тобою гулять буду.

— Ну-у... Онѣ-то пѣшкомъ, — протянула насмѣшливо Муся.
-- Куда ему. Въ шпорахъ запутается и упадетъ.

Ласковый, котораго съ Кузьмою прислала Евдокія Алексѣевна только переночевать въ полковыхъ конюшняхъ и, какъ только Кузьма уѣхалъ, — поступилъ въ полное распоряженіе Андрея и ушелъ въ Петербургъ, на Никольскую площадь.

Квартиру обставляли, какъ игрушку. Прелесть вышла квартира. Совсѣмъ такая, какія описываются во французскихъ романахъ, которыми зачитывалась Наташа. Ну, точно — свадебная бомбоньерка. Блекло-голубое, нѣжно розовое — тутъ полусвѣтъ, тамъ напротивъ, все на яркомъ солнцѣ — ярко, весело — и площадь съ величественнымъ соборомъ, съ березами сада въ золотомъ уборѣ осени глядится въ окна. По праздникамъ колокола звонятъ, будятъ, хорошія мысли навѣваютъ. Въ спальнѣ — большой и свѣтлой — широкое окно — Кирилль Капитоновичъ сказалъ: «венеціанское» въ тюлевыхъ бѣлыхъ занавѣсахъ съ красивымъ узоромъ, съ толстыми, тяжелыми, суконными, сѣро-голубыми гардинами — затянешь ихъ — и станетъ такъ уютно, точно совсѣмъ уйдешь отъ площади, отъ улицъ, отъ людей. И шума городского не слышно. Тихо, тихо станетъ въ спальнѣ. Съ потолка голубой фонарь свѣшивается на бронзовыхъ цѣпяхъ. Свѣтъ отъ него ровный, теплый, на мечты позывающей. Полъ покрытъ тяжелымъ, пушистымъ ковромъ — тоже блѣдно сѣрымъ съ голубыми и розовыми цвѣтами. Постель, карельской березы, низкая, широкая, бронзой украшенная, такая, какую видала Наташа на старыхъ картинахъ. Голубое, пуховое одѣяло лежитъ на ней. Подушка въ

*) Но, Вадимъ, у меня будетъ лошадь? Это невозможно, что ты дѣлалъ? Съ ума сошелъ. Не нужно лошади. Я не хочу!

кружевахъ — все такое чистое, мягкое, невинное, дѣвичье. Подлѣ столикъ старинный — Муся у антиквара выискала — французскій Louis XV.

Внизу полочка для туфель, надъ нею шкафчикъ — въ немъ туго наставлены книги въ изукрашенныхъ золотомъ кожаныхъ переплетахъ. Все французскіе классики: Расинъ, Мольеръ, Корнель и чуть выдается старый циникъ Вольтеръ. Муся поставила шкафчикъ подлѣ постели, потянула Вольтера:

— А, ну, почитаемъ, что онъ такое пишетъ?

Дружный хохотъ раздался по спальнѣ. Смѣялся Кириллъ Капитоновичъ, хохоталъ Вадимъ, а больше всѣхъ до слезъ смялась сама Муся, довольная своей находкѣ. Наташа надула губки и сказала сердито:

— Какая ты, Муська, свинухка! Закрой скорѣе своего Вольтера.

Но и сама не могла скрыть стыдливо наивной, прелестной улыбки. У стѣнъ поставили шкафы для бѣлья и для платьевъ и тоже карельской березы съ бронзой. Огромное зеркало стало въ углу, другое овальное у туалета, обитаго бѣлыми кружевами. На туалетѣ наставили столько всякихъ вазочекъ, флакончиковъ, блюдечекъ для духовъ, для пудры, для шпилекъ и булавокъ.

Рядомъ со спальной по одну сторону — большая ванна и при ней «станокъ» для балетныхъ упражненій, по другую сторону спальни была устроена маленькая гостиная. Она была въ бѣлыхъ тонахъ — обои бѣлыя гладкія съ тонкими голубыми полосками и по стѣнамъ въ бѣлыхъ полированныхъ рамкахъ портреты танцовщицъ: Фанни Эльслеръ, Тальони, Андреяновой, раскрашенные акварелью литографіи — сцены изъ балетовъ — балерины въ бѣлыхъ тюникахъ, копіи картинъ Ватто. Тутъ Муся устроила полумракъ, поставила ширмы, повѣсила густыя тяжелыя гардины. У стѣны стоялъ небольшой квадратный рояль и надъ нимъ въ золотыхъ овальныхъ рамкахъ портреты Государя и Государыни исполненные акварелью. На роялѣ и на столикахъ стояли въ стеклянныхъ рамочкахъ фотографіи Наташи и ея подругъ въ различныхъ роляхъ. За гостиной была квадратная столовая обставленная мебелью свѣтлаго дуба. За столовой была прихожая.

Когда уставили все, разложили и развѣсили по мѣстамъ и носильщики, а за ними Кириллъ Капитоновичъ съ Мусей и Вадимъ ушли, Наташа съ горничной остались одни. Грусть и тоска нашли на Наташу такія, что ей плакать захотѣлось. Осеннія сумерки всту-

пили въ комнаты. На соборной колокольнѣ медленно — будто задумчиво, гудѣль одинокій колоколь, — звонили къ вечернѣ.

— Вамъ бы, барыня коташечку завести или собачку, все веселѣе было бы, — сказала Катя, замѣтившая печаль на лицѣ Наташи.

Ничего не отвѣтила Наташа. Она сѣла въ кресло въ гостиной, въ углу, за окномъ.

— Прикажете лампу зажечь, — спросила Катя.

— Нѣтъ... Не надо. Я такъ посижу. Посумерничаю. Оставьте меня.

И какъ только Катя вышла, Наташа залилась слезами.

«Господи, что же это такое», — шептала она сквозь слезы. — «И точно гусарская содержанка я... Содержанка я. Господи, прости меня, сиротинушку. Никого у меня нѣтъ, кто научилъ бы меня, кто наставилъ бы меня. Безъ рода, безъ племени я. Содержанка...»

Больное, жуткое удовлетвореніе находила она въ повтореніи этого слова. Не бичевала себя, не каялась, но только точно со стороны смотрѣла на себя и удивлялась: она его, Вадимова, содержанка. Потому и одинокая. Была бы — жена. А! все по иному шло бы. А теперь?..

Она долго сидѣла, широко раскрытыми глазами глядя въ окно, въ сумракъ города. Зажигались тамъ огни, мѣрно утихая, гудѣль колоколь.

«Кошку завести... Собаку... мопса или болонку. Нѣтъ не надо, не надо. Ей человѣка нужно подлѣ, всегда подлѣ. Человѣка — Вадима. Что-жь», — со вздохомъ подумала она — «нужно принять жизнь такую, какъ она есть. Судьба! Гусарская содержанка — любовница корнета Ламбина... Не Ламбина она, но Ламбинская содержанка...»

Гудѣль и гудѣль, за окномъ колоколь, звалъ къ тихой молитвѣ, къ прошенію, къ покаянію.

Наташа встала, осушила платкомъ слезы и пошла одѣваться въ прихожую. Катя выбѣжала къ ней.

— Вы уходите, барыня?

— Да. Къ восьми чай приготовьте. Я только ко всенощной пойду, въ соборъ.

На лѣстницѣ ярко горѣли лампы. Каменные ступени были покрыты мягкимъ малиновымъ ковромъ. Все казалось Наташѣ не пристойнымъ, все кричало ей о ея грѣхѣ.

II.

Устройство Наташиной квартиры, покупка ей «приданого», — у Наташи же ничего не было, стоило больших денег. Евдокія Алексѣевна слала сыну тысячу за тысячей. Кряхтѣла Пинна Егоровна, открывая несгораемый сундучекъ, но посмотреть, какъ озаченно подождать губы ея барыня и скажетъ:

— И-и, барыня. Надо же Вадиму Петровичу устроиться, какъ слѣдуетъ быть. По гусарски, по гвардейски. Я, чаю, и сами знаете, видали?

Евдокія Алексѣевна знала, видала и понимала, какъ нужно устроиться. Да только такъ, когда — не одинъ... А тогда съ кѣмъ же?.. Вадимъ ничего не пишетъ, не описываетъ, куда и на что идутъ эти бѣшенныя деньги.

Деньги и точно были бѣшенныя.

Въ ухахъ у Наташи появились большія бирюзовыя серьги въ брилліантахъ, на пальцѣ обручальное кольцо и въ немъ вырѣзано: «Вадимъ» и то число, когда была та ночь на вершинѣ Ай Петри.

Кружилась отъ всего этого голова у Наташи. Волшебная сказка, то придуманное, то чарующее, что бывало въ балетахъ вошло въ ея жизнь и понесло ее точно въ какомъ-то колдовскомъ, дивномъ, несказанно прекрасномъ снѣ.

Все — и размѣренная стройная жизнь съ молитвой по утрамъ въ холодномъ соборѣ, и упражненія у станка часами, и репетиціи новыхъ балетовъ и оперныхъ вставокъ и самые спектакли казались не жизнью, но чѣмъ-то несказанно яркимъ и прекраснымъ.

Изъ Царскаго пріѣдетъ Вадимъ. Веселый, бодрый, пропитанный морознымъ воздухомъ Царскосельскихъ садовъ и полей, загорѣлый, счастливый и закружить, закрутить на сутки, на двое.

— Ну — что же, снѣгурка, кататься?

— Ту-тпру-у, — успокаиваетъ застоявагося Ласковаго Андрей и мягко подаетъ къ подъѣзду сани. На Наташѣ бѣлая шубка, отороченная дорогимъ сѣрымъ мѣхомъ, маленькая шапочка изъ того же мѣха на золотисто-свѣтлыхъ локонахъ. Подъ бѣлой вуалькой фарфоровымъ кажется ея розовое личико. Вадимъ въ алой фуражкѣ, въ шинели съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ. Сидѣтъ въ саняхъ тѣсно. Тяжелая медвѣжья полость прижимаетъ ихъ одинъ къ другому. Сани несутся по Торговой, по Мойкѣ, и по Морской выѣзжаютъ на набережную.

Красота... Картина!..

Блестять подъ вуалью брилліанты сережекъ, сквозить изъ подъ налетѣвшихъ волосъ локона голубая бирюза. Милое лицо близко, близко. Кажется Вадиму, что онъ самыя думы Наташи знаетъ.

По набережной идетъ балетоманъ Антуловъ. Лихо, «отчетливо» козыряетъ ему Ламбинъ. Наташѣ и совѣстно и хорошо. Въ такомъ нарядѣ, на такой лошади и съ такимъ красавцемъ и молодцомъ.

Антуловъ отдаетъ честь лихому корнету и говоритъ идущему съ нимъ штатскому въ дорогой шубѣ, тоже своему человѣку, человѣку изъ первыхъ, «абонементныхъ» рядовъ балета:

— Что она? Травина? На содержаніе пошла? Или какъ?

— Надо думать — на содержаніе.

Старый генераль задумчиво смотритъ на удаляющіяся санки, на алую фуражку, на прижавшую къ сѣрой шинели бѣлую шубку, на руку въ бѣлой перчаткѣ, охватившую стройную тонкую талію дѣвушки и крикнетъ:

— А... Гхм! Травина? Да вѣдь она?.. Кажется?.. Да... Что же ей и дѣлать то оставалось?.. А молодець гусарь...

Въ снѣжной пыли исчезнуть сани, какъ видѣніе державнаго Санктъ Петербурга.

III.

За то самъ Ламбинъ по совѣту Петрова въ Царскомъ устроился совѣмъ просто, по солдатски. Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Петровъ онъ нанялъ квартиру изъ двухъ комнатъ и помѣщенія для деньщика. Обставился просто. Низкая желѣзная походная кровать, простое суконное сѣрое одѣяло на ней, крашеный черный шкафъ для мундировъ. Ни ковровъ, ни зеркалъ. Въ сосѣдней комнатѣ такой же простой письменный столъ, книжный шкафъ-библіотека, заботливо подобранная Евдокіей Алексѣевной и присланная изъ деревни — все русскіе, нѣмецкіе и французскіе классики, столъ для чая съ самоваромъ на немъ, да нѣсколько совѣмъ простыхъ соломенныхъ стульевъ. Да вѣдь ничего и не нужно было Ламбину — жизнь его проходила въ манежѣ, казармѣ и въ полѣ, а у себя онъ былъ, когда бывалъ у Наташи. Всегда радостно билось его сердце, когда подходилъ онъ къ двери обитой зеленымъ сукномъ, гдѣ посерединѣ висѣла бронзовая дощечка съ надписью прописными буквами: «Н. Н. Травина». Всякій разъ вспоминалъ, какъ восхищала эта дощечка Наташу. «Своя квартира. Она у себя при-

нимаешь своего Вадима»... И как втайнѣ мечтала Наташа, что будетъ когда-нибудь на досечкѣ ея вырѣзано «Н. Н. Ламбина». Тогда это будетъ уже навсегда.

Ламбинъ только поздно вечеромъ вернулся изъ собранія къ себѣ. Утомительный былъ день. Утромъ готовились къ зимнему смотру, долго на морозѣ ходили то во взводной колоннѣ, то развернутыми эскадронами по заснѣженному плацу, потомъ былъ веселый съ шутками и со смѣхомъ завтракъ въ собраніи, потомъ Ламбинъ былъ въ эскадронѣ на занятіяхъ «словесностью» и гимнастикой, а послѣ и уже въ темнотѣ зимняго вечера часа два ѣздилъ по парку съ Петровымъ, вернувшись опять былъ въ собраніи, гдѣ игралъ на бильярдѣ и слушалъ какъ рассказывали городскія новости офицеры. Онъ очень усталъ, пришелъ къ себѣ только для того, чтобы спать и, засыпая, мечталъ о завтрашнемъ днѣ, о балетномъ спектаклѣ — должна была идти «Баядерка» и Наташа будетъ танцовать уже съ большими балеринами, а потомъ онъ останется у нея. Съ этими мечтами онъ сразу заснулъ и такъ крѣпко, что деньщикъ долго не могъ добудиться его.

Онъ стоялъ со свѣчою въ рукахъ и умоляющимъ голосомъ говорилъ:

— Ваше благородіе... а, ваше благородіе. Извощикъ Егоръ за Вами прискакалъ. Извольте ѣхать въ собраніе. Всѣхъ господъ офицеровъ туда просятъ.

Ламбинъ быстро одѣлся и помчался въ собраніе.

На площадкѣ передъ собраніемъ и по шоссе гусары ввели потныхъ рыжихъ лошадей, накрытыхъ попонами. Собраніе было ярко освѣщено. Въ прихожей, въ безпорядкѣ навалены по стульямъ, по вѣшалкамъ уланскія шинели, фуражки, башлыки и шашки. Уланы, только что прибывшіе лихимъ налетомъ изъ Петергофа шумно раздѣвались. Въ залѣ уже былъ генераль Бетрищевъ, бодрый, румяный, никто и не скажетъ, что и его только что подняли съ постели. Гусарскіе офицеры собирались за нимъ.

И, едва показались въ залѣ уланы со своимъ бравымъ молодецомъ командиромъ, грянулъ встрѣчный уланскій маршъ.

— Не хорошо, Александръ Петровичъ, — радушно, раскрывшая объятія уланскому командиру, говорилъ Бетрищевъ, — не хорошо такъ врасплохъ нападать. Это тебѣ не Браиловскій мостъ и не турецкіе баши-бузуки...

— Хорошъ!.. Врасплохъ! Скажешь тоже, — беря подъ руку Бетрищева говорилъ молодежавый свитскій генераль съ сухимъ

лицомъ и красивыми русыми усами. — Врасплохъ? Во всеоружіи встрѣчаешь. И господа всѣ уже въ сборѣ и трубачи. Наша атака отбита.

Бетрищевъ поклонился прибывшимъ уланамъ и сказалъ:

— Прошу, господа, съ мороза къ водкѣ и закусить.

Въ столовой Спиридонъ Петровичъ, точно главнокомандующій въ разгарѣ сраженія распорядился заспанными собранскими вѣстовыми. Столы быстро накрывались свѣжими скатертями, звенѣла разставляемая посуда, въ корзинахъ несли бутылки съ виномъ. На кухнѣ суетились повара.

Икра, семга, ветчина, грузди уже стояли на стойкѣ позади рюмокъ, а вотъ съ горячей закуской припоздали. Уже генералы выпили по второй, когда стали подавать скворчащія на сковородкахъ маленькія сосиски, понесли почки и бѣлые грибы въ сметанѣ. И Спиридонъ Петровичъ, начавшій уже успокаиваться, но все еще красный отъ волненія обратился къ генераламъ:

— Ваше превосходительство, позвольте подѣ горячую закусочку.

— Что же, Александръ Петровичъ, — сказалъ Бетрищевъ, — ничего не подѣлаешь, разъ онъ говоритъ — придется подѣ горячую закуску начинать сначала.

И пока закусывали у буфетной стойки на столахъ появились окорока ветчины и телятины съ тонко нарѣзанными ломтями, холодная лососина подѣ провансалемъ, осетрина — все по точно расписанной Спиридономъ Петровичемъ диспозиціи занимало свои мѣста на столахъ. Явился и холодный поросенокъ, обложенный завитками хрѣна, какъ ребенокъ въ пеленкахъ и уткнулся пяточкомъ въ прозрачное желтое желе.

Офицеры — гусары и уланы — гости и хозяйева — сѣдлись въ перемежку за столы.

И вотъ уже закипѣла дружеская бесѣда и хлопнули бутылки откупориваемаго шампанскаго и вѣстовые стали разливать холодную играющую влагу по высокимъ бокаламъ.

IV.

Давно ли — и года нѣтъ — Ламбинъ былъ юнкеромъ, нижнимъ чиномъ, тянулся, отдавая честь, вотъ этимъ самымъ офицерамъ, становился во фронтъ генераламъ. Теперъ иное — да онъ

ли это? Сидить в ярко освѣщенном парадномъ залѣ, — хозяиномъ сидить между своими пріятелями уланами графомъ фонъ Лихтенраде, по простецки называемымъ Фетяемъ и Павликомъ Сокольскимъ, пьеть самъ и подливаетъ имъ вина въ бокалы, слушаетъ весь этотъ нестройный гулъ голосовъ и отдается своимъ молодымъ сердцемъ веселью. Въ головѣ пріятная дымка, точно онъ это и не онъ. Гремятъ съ хоръ трубачи, играютъ что-то веселое, задорное изъ оперетокъ — Легара — Штрауса, Оффенбаха и хочется имъ подпѣвать. Вдругъ смолкнуть голоса, или это только Ламбину такъ покажется, что смолкнуть и тогда онъ странно слышать то, что говорятъ на другомъ концѣ стола.

Высокій, полный эскадронный командиръ уланскаго полка свѣтлоусый съ большими подъусниками ротмистръ Стурвальдъ спрашиваетъ гусарскаго полковника Орловскаго, кивая на Ламбина:

— А это кто у васъ новенькій? Я не знаю.

— Корнетъ Ламбинъ.

И пониженный, но странно слышный Ламбину шопотъ:

— Это тотъ, кто съ Травиной?

— Да... говорятъ.

— Экій какой молодчина. Я на Морской какъ-то ихъ встрѣтилъ — какая красивая пара. Вѣдь Травина то... А гхмъ...

Тутъ заиграли снова трубачи и Фетяй черезъ столъ закричалъ гусару Залѣсову:

— Почему вашего Романенко зовутъ Мазепой?..

И Залѣсовъ черезъ столъ кричить:

— Видаль картину: Мазепа скачетъ; удираетъ съ Полтавской битвы измѣнникъ. Шапка слетѣла съ головы, глаза выпучены отъ страха, волосы развѣваются по вѣтру.

— Ну такъ что же картина?

— Картина — а вотъ... Былъ у насъ въ шестомъ эскадронѣ конь такой Гренадеръ, никто на немъ не могъ усидѣть.

— Что усидѣть? просто и сѣсть невозможно было. Посѣдлатъ не могли, — вмѣшался сосѣдъ Фетяя, — людей валилъ на землю, кусалъ, ногами топталъ. Только и могли, что обрататъ.

— Вотъ Романенко и говоритъ: «я его, подлеца, объѣзжу. Давайте его на плацъ.

— Безъ сѣдла?

— Какое тамъ еще сѣдло. И попонки наложить не могли.

Выводятъ. Звѣрь — звѣремъ. Тигрь и тотъ не будетъ страшнѣе. Романенко подходитъ.

— Пьяный?

— Ни въ единомъ глазу. Онъ у насъ не пьетъ. Подходитъ. Гренадеръ зубами скрипитъ, норовитъ задней ногой ударить. Два гусара въцпились в поводъ. Романенко — онъ же упрямый хохоль — подошелъ, схватился за гривку и — разъ — вскочилъ на Гренадера. Тотъ на дыбы. Съ Романенко фуражка слетѣла. «Пускайте», — кричитъ, а куда тамъ и пускать, когда Гренадеръ гусаръ повалилъ на землю, вырвался и помчался. Романенко — онъ же маленький, ловкій такой свернулся на спинѣ комочкомъ, ногами въ бока впился, какъ клещъ, изъ-за голенища вытащилъ казацкую плеть и знай дуетъ Гренадера по бокамъ. Вылетѣлъ со двора, помчался по улицѣ, на плацъ, въ поле. Черезъ часъ, мы и со двора не расходились, возвращается Романенко на Гренадерѣ медленной рысцой. Съ Гренадера паръ валитъ, да и Романенко тоже хорошъ. Волосы растрепаны, самъ красный — ну чистый Мазепа, какъ на картинѣ. Издали кричитъ — «давай сѣдло». Посѣдлали — Гренадеръ только боками водить, глаза опустили. Посѣдлали, сѣлъ Мазепа на него и сталъ по плацу ѣздить, какъ ни въ чемъ не бывало. Шелковый сталъ Гренадеръ.

— Да казацкая плеть кого не научить.

— Вотъ съ того и пошло — Мазепа да Мазепа. Онъ и не обижается.

Въ столовую, на смѣну трубачамъ, входили полковые пѣсельники. «Дзыннь, дзыннь», — звенѣли шпоры. Ладные, крѣпкіе, чисто умытые черноусые молодцы въ бѣлыхъ ментикахъ въ рукава строились полукругомъ.

И теноръ...

Только развѣ въ Италиі есть такіе нѣжные и звучные тенора. Кто ставить имъ, этимъ молодцамъ отъ сохи, ихъ голоса, кто учить ихъ такъ брать ноты, так умѣло и красиво говорить. Разговоры смолкли, всѣ притихли за столомъ. Строго и задумчиво лицо молодого унтеръ-офицера. Сѣрые глаза смотреть вдаль. Будто видятъ они все то, о чемъ онъ поетъ.

Ревѣль, гудѣль пожаръ Московской,
Дымъ разстился по-о-о рѣкѣ,
На высотѣ стѣны Кремле-овской
Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ.

Мягко, осторожно, сдержанными аккордами, вступилъ хоръ. Поилась, потекла, какъ широкая, полноводная русская рѣка, какъ Волга, какъ Кама, какъ Лена, русская пѣсня, потекла рассказомъ о славномъ прошломъ, о побѣдѣ, о жертвахъ русскаго народа, о подвигѣ, объ униженіи врага.

Зачѣмъ я шель въ тебя, Россія,
Въ твои глубокіе снѣга?
Теперь о стѣны Кремлевскія
Разбилась дерзкая рука...

Павликъ Сокольскій рядомъ съ Ламбининымъ, оперся головою о ладонь руки, поставилъ локоть на столъ и, все позабывъ, вторить запѣвалъ звучнымъ баритономъ:

Судьба играетъ человѣкомъ,
Она измѣнчива всегда,
То вознесетъ его высоко
То броситъ въ бездну безъ слѣда...

Мощь, сила, мужество, дисциплина, и свобода были кругомъ и красота, красота!

Командиры встали и всѣ поднялись, задвигали стульями, стали разбредаться по комнатамъ собранія. Было разрѣшено разстегнуться. Жарко и душно было отъ обильнаго ужина, отъ выпитаго вина.

Полухмѣльной Ламбинъ ходилъ по собранію. Въ курительной на двухъ столахъ сѣли за карты. Въ бильярдной щелкали шары и полный Стурвальдъ въ разстегнутой уланкѣ, нагнувшись, цѣлил кіемъ по полосатому шару. Въ малой гостиной нѣсколько человѣкъ стояло подлѣ красавца улана Мартова. Тотъ рассказывалъ послѣднія придворныя и политическія сплетни.

Ламбинъ подошелъ къ нимъ.

— Государь есть Государь, — убѣжденно говорилъ Мартовъ. — Онъ сила и съ той поры, какъ Государь взялъ на себя управленіе внѣшними дѣлами мы можемъ быть спокойны — миръ не будетъ нарушенъ, Россія будетъ процвѣтать...

— Государь продолжаетъ славяно-фильскую политику своего отца, а Австрія это очень не нравится... Очень, — сказала молодой поручикъ.

— Знаю-сь. Австро-германскій посоль даже вздумаль угрожать намъ войною. Недавно, вотъ совсѣмъ на этихъ дняхъ, на большомъ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ посоль, сидя противъ Государя, стал говорить о Балканскихъ дѣлахъ. Говориль раздраженно, сердито и сказалъ, что Австрія готова мобилизовать три корпуса и сосредоточить войска на границѣ Россіи. Государь слушалъ и на лицѣ его скользила насмѣшливая улыбка. Вы знаете силу Государя. Онъ взялъ серебряную толстую вилку, согнулъ ее, завязалъ узломъ и, бросая послу, спокойно сказалъ: «вотъ, экселленцъ, что я сдѣлаю съ вашими тремя мобилизованными корпусами...».

— Да, это здорово... Государь часто говоритъ — у меня есть только два вѣрныхъ союзника — мои армія и флотъ. Всѣ остальные при первой возможности ополчатся противъ насъ.

— Ан-глія, — пьяно сказалъ высокій рыжій штабсъ-ротмистръ. — Ан-глія — это сила. Сила... Непобѣдимая сила.

— Молодецъ на овецъ а противъ молодца и самъ овца, — сказалъ Мартовъ.

— Ну, это положимъ, только троньте ее.

— Та-акъ, — сказалъ Мартовъ, — допустимъ... Про генерала Комарова слыжали?..

— Ну, что Комаровъ. Такъ, эпизодъ...

— Допустимъ... Эпизодъ. Но какой!

— А что такое Комаровъ?

— А вотъ что мнѣ мой братъ разсказаль; онъ въ Гвардейскомъ флотскомъ экипажѣ служить, на собственной Его Величества яхтѣ плаваетъ, такъ онъ самъ всему свидѣтелемъ былъ. Лѣтомъ Афганцы, наущаемые англичанами перешли у Кушки нашу границу. Тамъ стоялъ генераль Комаровъ. Глушь сверхъестественная. Думаетъ, что тамъ телеграммы посылать еще что-то тамъ отвѣтять, тутъ дороги минуты. Русская граница не можетъ быть нарушена никѣмъ. Собраль войска...

— Ну, какія тамъ войска!

— Да, вѣрно, — пустяки, но русскія войска — два, три батальона Линейныхъ, нѣсколько сотенъ казаковъ, горную батарею, да такъ шуганулъ афганцевъ, занялъ ихъ крѣпость Кушку, прогналъ и съ англичанами ихъ такъ что отъ нихъ только перья посыпались. Казаки стали на Памирѣ — это «крыша міра» надъ самой Индіей... Ну, естественно, англичане заволновались. Вѣдь Афганскій эмиръ вассаль Англии.

— Что же это основательно, — сказала высокой гусарь съ прищуреннымъ лѣвымъ глазомъ.

— Англіи значить нужно воевать — да кишка у нея тонка; она посылаетъ ноту съ требованіемъ наказать Комарова и удалить войска съ Памира.

— Что же это основательно — повторилъ и уже теперь не кстати высокой поручикъ.

— Министръ иностранныхъ дѣлъ докладываетъ ноту Англіи Государю. А тотъ достаетъ донесеніе Комарова о занятіи Кушки и накладываетъ на немъ резолюцію: «за храбрость и проявленную инициативу наказать генерала Комарова золотымъ оружіемъ». — «Передайте это», — говоритъ, — «англійскому послу»...

— Что же Англія?

— Англія?.. Харро-шшій эль дѣлаетъ Англія. Голову освѣжаетъ. Попили тамъ этого самаго эля и успокоились. Нашъ Государь силенъ и смѣлъ, а смѣлымъ Богъ владѣетъ. Мнѣ братъ и еще рассказывалъ. Въ неурочное время, когда Государь отдыхалъ въ шхерахъ пріѣзжаютъ къ нему на миноносцѣ министры военный и иностранныхъ дѣлъ. Опять что-то неладное случилось и Европа требуетъ отвѣта отъ нашего Царя. Докладываютъ Государю, просятъ немедленно принять. — «Попросите», — говоритъ Государь — «министровъ къ завтраку». — «Помилуйте», — говорятъ, — какіе тутъ завтраки — Европа ждетъ отвѣта...» Ну все-таки позавтракали, какъ на иголкахъ сидѣли. Послѣ завтрака подають шлюпку, Государь беретъ удочки и идетъ къ ней. Министры за нимъ... «Ваше Величество, что прикажете отвѣтить Европѣ. Европа ждетъ». — «Ахъ да... Европа... Отвѣтите, что когда Русскій Царь удить рыбу — Европа можетъ подождать»...

— Что же — основательно, — сказала высокой поручикъ и пошелъ отъ группы стоявшей подлѣ Мартова. Ламбинъ пошелъ за нимъ.

Въ малой гостиной, на широкомъ диванѣ, развалился съ гитарой въ рукахъ уланскій корнетъ Свободинъ. Съ нимъ сидѣли два гусара. Свободинъ бренчалъ на гитарѣ и пѣлъ вполголоса:

Корнетъ влюбленный въ уголку
Сидитъ, мечтая, на диванѣ,
И съ нимъ дежурный по полку
И пьяный юнкеръ въ доломанѣ...

— Ламбинъ, иди къ намъ, — крикнулъ одинъ изъ гусарь, — вотъ Свободинъ увѣряетъ, что ему стоитъ только посмотрѣть на

кого-нибудь и онъ увидитъ его будущее, его судьбу. Далекое его будущее.

— Ну, бросьте, господа, — капризно сказалъ Свободинъ, — такъ чепуха одна.

— А правда, Свободинъ, посмотрите, что ожидаетъ меня въ будущемъ?

Свободинъ посмотрѣлъ внимательно на Ламбина и тотъ замѣтилъ, что у Свободина были совсѣмъ свѣтлые глаза и несмотря на вечерній свѣтъ, они были съ почти невидными зрачками и раекъ глазъ былъ не прозрачный, аквамаиновый, какъ у Муси Ленской, но какой-то пустой и страшный.

— Пустяки говорятъ «звѣри», — проворчалъ Свободинъ, и снова взялся за гитару.

Подъ душистою вѣткой сирени
Мы стояли надъ сонной рѣкой...

Началъ онъ пѣть въ полголоса, бросилъ гитару и сказалъ Ламбину:

— Дайте вашу лѣвую руку.

Онъ взялъ руку Ламбина длинными тонкими въ жилкахъ руками и сталъ внимательно смотрѣть на линіи на ладони Ламбина. Сквозь хмѣль Ламбинъ почувствовалъ, какъ какой-то будто токъ излучался изъ тонкихъ пальцевъ Свободина. Тотъ бросилъ руку Ламбина, снова взялся за гитару и сказалъ:

— Счастья-то!.. Счастья-то! Фу ты Боже мой! Сколько вамъ счастья и за что?.. Не подъ душистою вѣткой сирени, а надъ ландышевою порослью, а потомъ, Боже мой, и магноліи и розы, и кипарисы... И не сонная рѣка, а тихо плещущее синее море. И грезы... грезы...

Онъ забренчалъ на гитарѣ продолженіе начатаго романса и запѣлъ тихо, тихо и задумчиво:

Погребальныя свѣчи мерцали,
Въ темномъ храмѣ была тишина...
Надъ усопшей обрядъ совершали...

Онъ оборвалъ опять пѣніе, наложилъ руку на струны гитары, притушивъ ее звонъ и наигранно весело, громко и пьяно сказалъ, сжимая руку Ламбина:

— Чушь все это, вздорь!.. Какое тамъ предвидѣніе, никому оно не дано... А мы жить будемъ, а мы пить будемъ, а придетъ пора — помирать будемъ... Помните, Ламбинъ, какъ учили насъ наши дѣды, — солдатскія прописи помните: «счастья тотъ одинъ достоинъ — кто на смерть всегда готовъ — православный русскій воинъ, не считая бьетъ враговъ»... Такъ-то, милый мой Ламбинъ.

Онъ всталъ и взялъ подъ руку Ламбина.

— Жизнь, братъ, копѣйка, суьба индѣйка, кто это сказал не помню, а умно, чортъ, сказалъ. Пойдемъ, кажется, пора и домой ѣхать.

Сквозь хмѣль Ламбинъ ощущалъ, что вотъ прикоснулся къ чему-то страшному, прикоснулся къ будущему, что кто-то знаетъ про него а что знаетъ?.. Магноліи, или только ландыши? И на мгновеніе Ламбину стало не по себѣ. Но только на мгновеніе...

V.

Въ залѣ и въ прихожей шумно одѣвались офицеры. Уже кто-то сказалъ:

— Господа, командиръ полка приказалъ собираться проводить верхомъ нашихъ дорогихъ гостей.

Адъютантъ, онъ имѣлъ способность никогда не терять головы, давно распорядился послать по эскадронамъ, чтобы вѣстовые сѣдлали офицерскихъ коней и, когда подъ звуки Уланскаго марша, всѣ выходили изъ собранія, передъ нимъ въ чинномъ порядкѣ стояли великолѣпныя лошади. Каждый искалъ свою...

Ночь прошла. На дворѣ стояло блѣдное морозное утро. Золотое солнце всходило за паркомъ.

Общую кавалькаду гусаръ и уланъ повелъ, какъ старшій, Бетрищевъ.

Паркъ спалъ въ густомъ, отливающимъ въ синь, инеѣ. За Царскимъ Селомъ, подъ еще сѣрымъ небомъ, ослѣпительно горѣло солнце, слѣпило глаза всадникамъ, когда поворачивали на Петергофское шоссе, бросало длинныя тѣни на снѣгъ. Шли свободно, широкою рысью, для отдыха переходили на быстрый галопъ. Двадцать пять верстъ отхватили въ полтора часа. Кое-кто потиралъ ознобленное ухо; кто, бросивъ стремена, и трясась въ сѣдлѣ, поводитъ застывшими въ тонкихъ сапогахъ носками. Широкииъ галопомъ, какъ побѣдители, вскочили въ кирпичныя старыя Петергофскія ворота, и замелькали мимо, въ солнечномъ блескѣ ели и

сосны, дачи и кусты, улицы и бульвары. Золотыя крыши дворцовъ и купола храмовъ горѣли на солнцѣ — и вотъ уже проскакали мимо громаднаго квадратнаго сѣраго собора Св. Петра и Павла и подскакали къ уланскому собранію. На крыльцѣ стояли уланскіе трубачи и бодрые звуки гусарскаго марша встрѣтили гостей. Уланы разбирали вспотѣвшихъ, дымящихъ лошадей и накрывали ихъ попонами. Въ собраніи гостей ждалъ горячій чай, кофе и утренній завтракъ...

И пошелъ пьяный, лихой день въ гостяхъ у уланъ. Смутно помнилъ его Ламбинъ. Катались на четырехъ саняхъ на тройкахъ по парку, смотрѣли замерзшее море. Кто-то умчался по заливу на парусномъ буерѣ, возились, какъ дѣти, кидались снѣжками — и вотъ уже и солнце скрылось за Кронштадтомъ, посинѣло, потемнѣло небо, покрылось ясными звѣздами и ночь стала. Пора бы и домой. Ламбина тянуло къ Наташѣ — еще поспѣеть къ послѣднему акту. Но не тутъ-то было.

Въ собраніи столъ накрытъ по парадному, гремятъ трубачи, поютъ пѣсельники. Гости сравниваютъ ихъ со своими. Свои хороши, а эти, пожалуй, еще и получше будутъ.

Щемитъ сердце Ламбина, когда слушаетъ онъ, какъ задушевный голосъ выводитъ:

Ахъ ты ночь моя,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя...

Плакать хочется, любить хочется, подвига хочется — такъ поетъ красивый запѣвало:

Ни одной нѣту въ небѣ звѣздочки,
Ни-ко-го нѣтъ у молодца,
Съ кѣмъ бы ночьку скоротати...

«Есть... есть... Есть у меня», — блаженно и пьяно улыбаясь, думаетъ Ламбинъ, — «есть у меня милая Наташа, ждетъ меня — не дождется»...

Петровъ подходитъ къ Ламбину, садится подлѣ, крѣпко хлопаетъ его по колѣну.

— Ты что, братъ, пьянъ?.. Ты помнишь у Лермонтова: «И кто два раза въ день не пьянъ — тотъ, извините, не уланъ»...

— Нѣтъ, Вася. Я не пьянъ, я совсѣмъ не пьянъ, но я такъ. такъ счастливъ. Такъ хорошо все это...

— Так-то, mon cher!.. У насъ — ночь кольцомъ — день молодцомъ. Ночь гусарская, — день — служба царская. Понялъ?

VI.

Только черезъ два дня могъ попасть къ Наташѣ Ламбинѣ. Онъ пріѣхалъ сейчасъ послѣ полудня, когда Наташа, окончивъ работу у станка, пріодѣлась, завилась и собиралась завтракать. Она эти дни тосковала по Вадимѣ. А увидѣла его оживленнаго, веселаго, бодрого, взглянула въ его сіяющіе влюбленные глаза, выслушала его не безъ юмора разсказъ о «нападеніи» на нихъ уланъ, о пьяной «кабалкѣ», продолжавшейся двое сутокъ безъ перерыва и засмѣялась весело и радостно.

— Какъ ты рассказываешь!.. Тебѣ писателемъ быть! Ты, какъ Гоголь! Столько красокъ у тебя. Да ты хотя бы предупредилъ, телеграмму прислалъ или деньщика съ запиской, пьянчужка. Гусарь!

Ламбинѣ бросился къ роялю, загремѣли струны и Ламбинѣ запѣлъ:

Когда супругъ,
Вернется вдругъ —
Онъ неизбѣжно
Обязанъ нѣжно
Жену о томъ предупредить...

Вскочилъ съ табурета, подбѣжалъ къ Наташѣ и закружилъ ее, завертѣлъ, зацѣловаль...

— Ну, будетъ. Довольно. Растрепаль совсѣмъ меня... Идемъ завтракать, а потомъ поѣдемъ кататься. Такъ хороша погода и тепло сегодня, вѣтеръ съ моря. А то я эти дни все мерзла и даже не выѣзжала и не хочется какъ-то одной, безъ милаго моего гусарика...

*
**

Было пасмурно, тепло, но еще не таяло. Вѣтеръ съ моря упругими вздохами налеталъ, прижималъ вуаль къ лицу Наташи, щекоталъ ея рѣсницы. Онъ напоминалъ о другомъ морѣ, о волшебницѣ Ялтѣ... И снѣгъ не скрипѣлъ подъ желѣзными подрѣзами полозьевъ, но мягко шуршалъ, точно не сани то были, но парусная лодка неслась безшумно по городскимъ улицамъ. Медленно угасалъ зимній день, становилось сумрачно. Еще не зажигали фонарей.

Андрей глухими проулками выбрался на Фонтанку и пустилъ

по ней Ласковаго полнымъ ходомъ. Тѣсно прижалась къ Вадиму Наташа.

Когда выѣхали на Невскій и переѣхали Аничковъ мостъ, пришлось остановиться. Околодочный въ сѣрой шинели выѣжалъ на середину улицы и растопыривъ руки, прекратилъ движеніе. Пѣшеходы, сани, конныя кареты — все остановилось и притихло. Вадимъ въ полголоса рассказывалъ то, что слышалъ отъ Мартова о Государѣ.

У Аничкова дворца широко, настежъ распахнулись ажурныя желѣзныя ворота, сочно, въ затихшемъ Невскомъ раздалось два удара колокола: «даннь... даннь»... На дворцовой гауптвахтѣ звали наружный караулъ. Слышна была отрывистая команда и дружный отвѣтъ солдатъ:

— Здравія желаемъ, ваше Императорское Величество.

Сквозь блѣдно-розовые столбы Аничковскихъ воротъ выѣжала пара сѣрыхъ рысаковъ подъ бѣлою сѣткою. Они везли широкия сани. Императоръ Александръ III сидѣлъ въ нихъ въ сѣромъ офицерскомъ пальто со сшитою складкой, съ золотой портупеей наискось, въ свитской фуражкѣ съ алымъ околышемъ, широкой, плотной. Онъ привѣтливо улыбался толпѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣла прелестная Государыня въ шубкѣ, въ маленькой шляпкѣ съ черной вуалью. Рослый камеръ казакъ въ старинномъ Екатерининскомъ голубомъ кафтанѣ, расшитомъ золотымъ позументомъ съ откидными рукавами стоялъ на запяткахъ. Недружное «ура» народной толпы раздалось по Невскому и стихло. Царскія сани помчались по Невскому и влились въ общую череду экипажей. Околодочный пустилъ движеніе, Ласковый влѣгъ въ хомуть и быстро сталъ нагонять Государевы сани. И долго, до самой Морской, Наташа видѣла передъ собою голубой кафтанъ камеръ-казака, широкую спину Государя и рядомъ маленькую, безконечно милую родную Государыню...

Такъ величавъ былъ обликъ Государя съ его широкой русой, «русской» бородой, такъ ровень и увѣренъ былъ быстрый бѣгъ саней, спокойно обгоняющихъ суетливую кипѣнь главной городской артеріи, толчею извозничьихъ саней, собственныхъ упряжекъ, грохочущія конки, толпу на широкихъ троттуарахъ, едва успѣвающую привѣтствовать своего Монарха, что Наташа посмотрѣла на широкую спину Государя и подумала: «Вот такъ же, какъ прикрываетъ онъ и держитъ рукою Государыню, такъ прикрываетъ онъ и держитъ за собою и всю Россію».

Наташа пожала подъ полостью руку Вадима и, когда тотъ взглянулъ на нее — она синими глазами сквозь вуаль показала на Государя и прошептала:

— Вадимъ. За такимъ Царемъ намъ обезпечены и миръ и счастье. Легко съ нимъ и подъ нимъ жить. Подъ нимъ и насъ никто не посмѣетъ тронуть или осудить...

Вадимъ ничего не отвѣтилъ. Онъ крѣпко пожалъ руку Наташи. Ихъ сердца бились одинаково, они объ одномъ думали, одно любили, одному были преданы, въ одно вѣрили... Ихъ счастье было безоблачно.

VII.

Случалось, что въ тотъ день, когда Наташа танцевала, Ламбинъ не доставалъ билета. Онъ провожалъ тогда Наташу до театра, а самъ шелъ къ своему товарищу Мальмсену, жившему неподалеку и сидѣлъ у него до конца спектакля, когда шелъ встрѣтить Наташу внизу у кассы.

Мальмсень кончалъ Академію.

Въ такой незадачливый вечеръ, когда вмѣсто «Голубой георгины» гдѣ танцевала Наташа, Ламбинъ оказался на площади, онъ пошелъ къ Мальмсену.

Мальмсень принялъ его въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

— Ну, здравствуй, чухна... А! зубришь, несчастный!

— У насъ, въ академіи говорятъ «грызу гранить науки». Только скверный гранить у насъ. Садись. Значить, Наталья Николаевна танцуетъ и ты безъ билета. Безъ этого ты не навѣстишь бы своего стараго друга. Садись, достанемъ пунша и выпьемъ за ея здоровье.

— Я тебѣ не мѣшаю? Вижу ты весь въ наукѣ...

Ламбинъ окинулъ глазами квадратную комнату. Ея стѣны были увѣшаны большими раскрашенными акварелью планами сраженій. На дальней стѣнѣ, за письменнымъ столомъ висѣла ярко освѣщенная двумя керосиновыми лампами огромная «стратегическая» карта Европейской и Азиатской Россіи. На ней красной линіей Мальмсень намѣтилъ великій Сибирскій путь. Сплошной линіей былъ показанъ путь уже проложенный и пунктиромъ части желѣзной дороги, еще не оконченныя постройкой.

Ламбинъ смотрѣлъ на карту. Весь подъ впечатлѣніемъ вчераш-

ней встрѣчи съ Государемъ на Невскомъ и разсказовъ о немъ Мартова онъ сказалъ восторженно:

— Ну, что скажешь, чухна? А, какой размахъ, какая сила! Ты чувствуешь, какъ могуче идемъ мы впередъ... Это почище Америки будетъ. Изъ Петербурга во Владивостокъ.

Мальмсенъ наливалъ въ пузатые толстаго стекла рюмки липкій пуншъ и долго не отвѣчалъ.

— Ты думаешь? — наконецъ, сказалъ онъ.

— Да... А что?

— Мы, милый мой, стоимъ на мѣстѣ — и это ужасно. Ты представить себѣ не можешь, какъ я страдаю за Россію.

— Да что такое? Что случилось?

— Случилось? А вотъ что случилось... Послѣ быстрого поступательнаго движенія при въ Бозѣ почившемъ Государѣ... Ну тамъ, самъ знаешь, Муравьевъ Амурскій, Гродековъ, Скобелевъ... Россія властно и грубо остановлена нынѣшнимъ Государемъ и даже попячена назадъ.

— А какъ же надо было поступить Государю послѣ Царевубійства 1-го марта? Подумай, кого и какъ убили! Отца убили!.. Императора, облагодѣтельствовавшего народъ убили. Какъ же было не скрутить, не остановить всѣхъ этихъ поползновеній нашихъ либералишекъ?..

— Ихъ, Ламбинъ, не остановишь.

— Ты скажешь — реакція?

— Нѣтъ, Ламбинъ, не реакція. Реакція — Богъ съ нею. Не такъ уже плохая вещь реакція. Но дѣло то въ томъ, что жизнь идетъ... Непрерывно идетъ и остановить ее нельзя. Представь себѣ, что ты ѣдешь куда-то верхомъ, а мѣстность, по которой ты ѣдешь тоже движется впередъ. Деревни, лѣса, поля, овраги, горы — все это движется въ одномъ направленіи съ тобою. Ты прибавляешь хода, ты долженъ, наконецъ, мчаться, чтобы достигнуть мѣста назначенія. Понимаешь ты это, представляешь себѣ?..

— По правдѣ сказать — представить трудно. Но, допустимъ, пусть и такъ.

— Мы живемъ, а жизнь идетъ тоже... И горе тому, кто отста-нетъ отъ жизни; еще хуже тому, кто вовсе остановится. Жизнь задавить его... Новое не терпитъ стараго.

— Ты критикуешь Государя Императора? — хмуря брови, сказалъ Ламбинъ.

— Боже меня сохрани. Я такой же вѣрнопопданный, какъ и

ты и я обожаю Русскаго Государя и своего Финляндскаго Великаго Князя. И я люблю Россію, и потому то я страдаю за нее. Жизнь идетъ. Жизнь мчится, несется — Россія стоитъ. Мы на порогѣ двадцатаго вѣка. Страшнаго вѣка желѣза и крови. Ты читаешь романы?

— И очень даже люблю читать, а вотъ что ты заговорилъ о романахъ — это меня удивляетъ.

— Представь, не только читаю, но изучаю... Романъ и притомъ переводный. Фантазія... Утопія — Мальмсенъ протянулъ книгу Ламбину, — ты посмотри, какіе рисунки — это люди двадцатаго вѣка, въ который, хотимъ мы этого или нѣтъ, — мы вступаемъ. Безъусые, безбородые, почти что безполые — мозгляки какіе-то, съ узко поставленными волевыми глазами, таящими какіе-то, съ узко поставленными волевыми глазами, таящими упорную мысль. Люди матеріи и особаго пытливаго духа. Люди изобрѣтатели. Мы тоже изобрѣтатели, если на то пошло: изобрѣтаемъ вкусныя блюда, красивые поэтическіе балеты, — мы гастрономы, мы пьяницы, кутилы, любимъ полковыхъ трубачей и пѣсельниковъ — они будутъ питаться пилюлями, химически готовить себѣ пищу, высчитывать сколько нужно организму углеводовъ, кислотъ, калорій, витаминовъ и будутъ думать не о вкусѣ, а о пользѣ. Посмотри, какіе страшные тамъ будутъ ученые. Въ какихъ огромныхъ очкахъ. А гляди, какія будутъ пушки, длинныя, тяжелыя, не на лошадахъ, а на машинахъ. На сто верстъ стрѣляютъ. Какія митральезы! Сколько пуль выбрасываютъ въ одну секунду. А ты знаешь, что, когда нашему Государю доложили, что подобно тому, какъ въ иностранныхъ арміяхъ, при пѣхотѣ создаютъ особыя отдѣленія съ митральезами — онъ сказалъ: «А кто будетъ имъ патроны доставлять». Мы живемъ все еще опытомъ Русско-Турецкой войны и помнимъ, какъ мы берегли сухарь на недѣлю, а патронъ на всю кампанію. Генераль Драгомировъ написалъ даже сказочку противъ митральезъ и огня и въ защиту штыка. Не станетъ моль патроновъ, такъ митральезу эту самую голыми руками можно будетъ взять. Какой же можетъ быть тутъ прогрессъ? Жизнь, милый, идетъ, а мы? Митральезы отказали...

— Да вѣдь это и правда. Откуда же достанемъ мы столько патроновъ и, главное, какъ и на чемъ подвеземъ?

— Какъ хочешь, какъ знаешь, но подвезти ты долженъ. Ты долженъ доставить миллионы патроновъ, миллиарды...

— Ну — уже и скажешь. Утопія!

— Нѣтъ, не утопія, а жизнь, которая мчится, летитъ, несется

съ головокружительной быстротой. Люди будут летать. Вот видишь, какія смѣшныя и безобразныя картинки этихъ летательныхъ машинъ.

— И у насъ летаютъ.

— На шарахъ... Дѣтская игрушка. Будутъ летать на машинахъ тяжелѣе воздуха.

— Это невозможно.

— Гусь летаетъ, а онъ тяжелая таки штука.

— И вкусная.

— Я не шучу, Ламбинъ. Я дѣло говорю. Будутъ летать.

— У гуся есть крылья — у человѣка крыльевъ нѣтъ.

— У человѣка и колесъ нѣтъ, а сталь же онъ на колеса, нѣтъ у человѣка возможности двигаться скоро, а онъ сѣлъ на машину и мчится. Такъ и полетитъ. И когда полетитъ, — не станетъ ни крѣпостей, ни стѣнъ, никакихъ преградъ не станетъ. Моря станутъ не нужны, по воздуху легче и скорѣе пойдетъ доставка всего нужнаго. Всякое войско, всякій городъ, всякое укрѣпленіе можно будетъ сверху забросать бомбами.

— Что же тогда будетъ дѣлать кавалерія?

— А это уже тебя нужно спросить. Это твоя забота. Нужно будетъ создать воздушную кавалерію.

Ламбинъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Крылатыхъ коней нѣтъ. Пегасъ — это сказка...

— Претвори сказку въ жизнь. Нѣтъ крылатыхъ коней -- летай на машинѣ. Какъ въ романѣ написано.

— Ну, ужъ въ романѣ! Учиться у романистовъ!

— Не смѣйся Ламбинъ. Многое, что писалось въ романахъ — оказывалось осуществимымъ и въ жизни. Да вѣдь ты и самъ грѣшишь. Пописываешь.

Ламбинъ смутился.

— Ну, какое тамъ мое писаніе. Наташа просила записывать кое-что и любить когда я ей это изъ нашей жизни читаю.

— Романисты это именно тѣ люди, которые, благодаря своей фантазіи умѣютъ опережать быстро несущуюся жизнь и намъ нужно провидѣть будущее.

— Какъ это провидѣть будущее?

— А какъ хочешь, хотя бы у романистовъ, у людей фантазіи уловить этотъ темпъ. Я кончаю Академію...

Мальмсенъ широкими шагами подошелъ къ стѣнѣ, увѣшанной планами сраженій.

— Смотри, — сказалъ онъ, щелкая указкой по схемамъ. — Походъ Александра Македонскаго въ Малую Азію... Канны... Рос-сбахъ... Аустерлицъ, Ваграмъ, а тамъ еще раньше Нарва, Лѣсной, Полтава, Бородино, Вертъ-Фрошвейлеръ и... Плевна... Вотъ на какихъ дрожжахъ восходить наше академическое тѣсто. Все прошлое, давно прошедшее, кремневая ружья, трехъгранные штыки, побѣда людскими тѣлами. Намъ нужно учиться у — будущаго...

— Ну уже! Невозможное — невозможно.

— Нужно. Великимъ людямъ оно открыто... Петръ Великій, король Фридрихъ Великій, Наполеонъ, нашъ Суворовъ умѣли заглянуть въ это будущее и соотвѣтственно съ нимъ создать новую тактику и новые методы войны. Мы должны обогнать жизнь. Митральезы? — нѣтъ — пулеметы! Воздушные шары? — нѣтъ самолеты съ крыльями, какъ у птицъ, порхающіе, какъ ласточки въ небѣ.

Ламбинъ засмѣялся.

— Ты слышалъ, какъ Драгомировъ испытывалъ на ученьи находчивость ротнаго командира. Кричить — «кавалерія справа»... Тотъ построилъ каррэ направо. Драгомировъ: «Кавалерія слѣва». Ротный перестраиваетъ влѣво. Драгомировъ кричить: «Кавалерія сзади». Ротный перестроилъ все назадъ. Драгомировъ не унимается, кричить: «Кавалерія съ неба»...

— Умный старикъ. Такъ оно однажды и будетъ. Что же ротный?

— Скомандовалъ: «На молитву, шапки долой». Драгомировъ доволенъ остался.

— Дуракъ! Дуракъ и вовсе дуракъ. Надо и это знать... Но, слушай дальше и имѣй въ виду — я не критикую, я болѣе душой за Россію и ея Государя.

Мальсенъ подошелъ къ картѣ Россіи и показалъ указкой на Сибирь.

— Великій Сибирскій путь, — медленно и значительно сказалъ онъ. — Геніально придумано. Взглядъ впередъ. На многія лѣта взглядъ впередъ. А какъ исполняется? Врагъ Россіи не станетъ такъ работать, какъ работаютъ тамъ. Нужны миллионы рублей — отпускаютъ сотни. Нужны миллионы рабочихъ — посылаютъ десятки. Надо торопиться — передъ нами такая перспектива, какой еще не бывало — вѣдь это путь къ покоренію, къ приобрѣтенію Монголіи, Тибета, Маньчжуріи и Кореи — все, какъ спѣлыя груши, свалятся съ дерева, умѣй только подхватить... Вамъ на Западѣ уже

гѣсно. Когда Петръ Великій прорубаль окно на Западъ, строиль «въ топи благѣ» свой парадизъ земной, устраиваль Санктъ Петербургъ — на Западѣ еще былъ чистый воздухъ, тамъ можно было дышать. Теперь тамъ клоака — задохнуться можно. Тамъ слишкомъ много народа... Славянофилы тянуть Государя въ славянскія страны, на Ближній Востокъ, въ клоаку интригъ, пестрыхъ интересовъ и мелкой мѣщанской свары... Чортъ съ ними, со всѣми этими отщепенцами русскаго племени — намъ нужно идти на Востокъ и тамъ опередить жизнь, тамъ «ногою твердой стать при морѣ» — и при какомъ морѣ!.. При Великомъ Океанѣ. Вотъ, гдѣ славное будущее Русскаго народа. А мы?..

Мальмсенъ опустилъ указку и съ глубокою печалью тихо сказалъ:

— Тамъ — тишина... Покой. Верхотуровъ Ванька пишеть: — прозябаніе, водка, сонъ и карты. Затерянные и точно и ненужныя тамъ войска. Тамъ стоять — батальоны, а тамъ нужны дивизіи, корпуса, арміи!.. Я, Ламбинъ, ушелъ въ науку... — Мальмсенъ со злобою хлопнулъ указкой по схемамъ, такъ что онѣ зашатались, — не эту, конечно. Это мертвечина схоластика. Я отказался отъ жизни. Вино, карты, женщины — не для меня...

Ламбинъ посмотрѣлъ на рослаго, румянаго, крѣпкаго, точно изъ стали вылитаго Мальмсена, на лыжи въ углу комнаты, на сапоги съ коньками у двери и сказалъ:

— Не монахомъ же ты живешь?

Мальмсенъ весело разсмѣялся.

— Не монахомъ. Но и знаменателя подъ собою не таскаю. Есть, милый мой Ламбинъ, такія погибшія, но милыя созданія, феи Невскаго проспекта и Морской улицы, героини Гаршинскихъ повѣстей. Онѣ ничего отъ тебя не требуютъ, ничего, кромѣ денегъ, не берутъ и съ ними ты свободенъ, какъ вѣтеръ.

— Ну, а если ты полюбишь?

— Я люблю! — Милый другъ — Георгій Мальмсенъ полюбить только тогда, когда встрѣтитъ такую женщину, которая пойметъ его, станетъ рядомъ съ нимъ, какъ нѣкій множитель и помчится съ нимъ обгонять жизнь. Такую, которая заглянетъ въ будущее, и въ немъ укажетъ мнѣ пути. Но ты самъ поймешь — такія женщины бываютъ только въ сказкахъ...

— И въ романахъ...

— Мой романъ еще не написанъ. Можетъ быть, это ты когда-нибудь его напишешь.

— Слуга покорный. Не занимаюсь шелкоперством.

Ламбинъ посмотрѣлъ на часы.

— Ну, спасибо за интересную бесѣду. Ты всегда меня взволнуешь и освѣжишь. Но мнѣ пора.

— Пойдешь встрѣчать? Будешь стоять на подъѣздѣ, на сквознякѣ, съ лицеистами и такими же корнетами, какъ и ты, мучиться, какъ мальчикъ, прислушиваться къ каждому стуку двери, присматриваться къ каждой выходящей артисткѣ — не она ли? Эхъ-ты — дробь! Я выйду съ тобой. Ты пойдешь къ театру, а я на Морскую.

— На охоту?

Мальмсенъ пожалъ плечами.

— Объ этомъ говорятъ только мальчишки.

Ламбинъ дождался Наташу, какъ и говорилъ Мальмсенъ, — на сквознякѣ, на лѣстницѣ подъ кассой, гдѣ ждали артистокъ другіе ихъ обожатели.

Наташа и Ламбинъ прямо изъ театра поѣхали ужинать въ ресторанъ. Когда они ѣхали по пустынной въ этотъ глухой ночной часъ Морской, ярко освѣщенной фонарями, Наташа тронула Вадима рукой и показала ему головой на высокую фигуру офицера, шагавшаго по панели и ведшаго съ собою, обнявъ за талию, весело смѣющуюся женщину.

— Дима, — шепнула Наташа и въ ея голосъ Ламбинъ услышалъ ужасъ — посмотри. Вѣдь это Мальмсенъ? Съ кѣмъ это онъ?

— Не знаю, — сухо сказалъ Ламбинъ. — Можетъ быть, такъ... Знакомая?

— Знакомая?.. Какой ужасъ!

Наташа нервически засмѣялась.

Всю дорогу, до ресторана оба молчали. Наташа сидѣла нахолившись, и въ ресторанѣ она не была весела. Ламбинъ ее не спрашивалъ. Онъ и безъ словъ ее понималъ. Точно читалъ онъ ея печальныя мысли.

VIII.

Верстахъ въ тридцати отъ Великаго Океана, въ широкой долинѣ, спускавшейся съ горъ, вдоль пыльной немощеной дороги, по казенному выравнявшись, стояли длинные, сѣрые, бревенчатые бараки. Вдоль нихъ была раздѣлана, посыпанная пескомъ «линейка», а за дорогой — былъ небольшой учебный плацъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ ротныхъ бараконъ, рассыпавшись безо-

рядочнымъ стадомъ по краямъ долины, были настроены небольшіе домики мѣстечка. Гдѣ — мазанья изъ земли и глины, крытыя соломой стояли малороссійскія хатки, гдѣ были дома побольше съ мезонинами, крытыя волнистымъ желѣзомъ. Подлѣ домиковъ были небольшіе садочки изъ молодыхъ березъ, лиственницъ, кедровника, жалкихъ яблонь и кусты смородины и калины. Сады были окружены заборами изъ дощечекъ, въ садахъ кое-гдѣ были сдѣланы незамысловатыя деревянныя бесѣдки, завитыя хмѣлемъ и дикимъ виноградомъ.

Дорога проходила мимо мѣстечка, выходила за послѣдній домикъ и тамъ обрывалась. Дальше былъ выгонъ — истоптанное поле, за нимъ пыльные, разрушающіеся валы стрѣльбища и еще дальше синѣли горы, покрытыя лѣсами. Дороги туда не было.

Только начала сбывать ночь, обозначилась желтоватымъ пятномъ въ темной комнатѣ одного изъ такихъ домиковъ, холщевая занавѣсъ на квадратномъ окнѣ и стали различимы предметы, когда спавшій на простой желѣзной кровати Иванъ Михайловичъ Верхотуровъ мягко и неслышно, такъ, чтобы ничто не скрипнуло подъ нимъ поднялся на постели, посмотрѣлъ на стоящую по другую сторону комнаты широкую американскую кровать съ кисейнымъ пологомъ отъ мухъ надъ нею, гдѣ спала его жена, прислушался къ ея ровному спокойному дыханію, забралъ свое платье и сапоги и осторожно ступая босыми ногами вышелъ изъ спальни.

По узкой верандѣ Верхотуровъ прошелъ къ задней сторонѣ домика и заглянулъ въ каморку деньщика. Его тамъ не было. Заспанный солдатъ, въ нижнемъ бѣльѣ былъ на крыльцѣ и голенищемъ высокаго сапога раздувалъ самоваръ.

— Брось, — хриплымъ со сна голосомъ сказалъ Верхотуровъ, — давай умываться.

Они сошли на дворъ. Широко разставивъ ноги, Верхотуровъ умывался. Солдатъ лилъ ему воду на руки изъ ведерка, потомъ подаль грубое холщевое полотенце.

— Капитанъ приходили? — спросилъ Верхотуровъ, протирая очки и причесываясь.

— Уже съ полчаса, какъ здѣсь. Ожидаютъ васъ въ садочкѣ.

— Чай-то у тебя готовъ?

— Заразъ самоваръ шумѣтъ зачинаютъ.

— Подашъ намъ чай въ садочекъ, въ бесѣдку.

— Понимаю.

Надѣвъ легкій, ватный сѣрый пиджакъ, старые помятые шара-

вары съ выгорѣвшимъ когда-то синимъ кантомъ и натянувъ на ноги высокіе болотные сапоги, Верхотуровъ вышелъ въ садъ.

Было еще такъ темно, что недалекія горы и лѣсъ съѣдались мглою. Въ саду безъ тѣней безжизненно стояли невысокія молодыя яблони, двѣ пожелтѣвшія березки стояли часовыми у калитки. Въ грубо сколоченной бесѣдкѣ, на простой скамейкѣ безъ спинки, у круглаго дощатаго стола сидѣлъ высокій, крѣпкаго сложенія человекъ, одѣтый такъ же, как и Верхотуровъ въ полувоенную охотничью одежду. Его ружье лежало на столѣ.

— Простите... Опоздалъ... Заспался. А ставить будильникъ или будить у насъ не полагается.

— Ничего не опоздалъ. Солнце еще не всходило. Это я спозаранку собрался. Все не спится какъ-то по ночамъ. Охота тянетъ.

— Будетъ ли еще толкъ? Какой туманище пришелъ съ океана. Свѣта Божьяго не видно. Какъ думаешь, Гриневъ, пойдемъ, аль нѣтъ?

— Конечно пойдемъ. Чаемъ угостишь? Я, признаться, у себя и не готовилъ. Деньщика пожалѣлъ, не будиль его.

— Семень намъ сготовилъ.

— Заразъ и несу, ваше высокоблагородіе, — откликнулся деньщикъ Верхотурова, появившійся вдругъ изъ дома съ большимъ деревяннымъ подносомъ, на которомъ были два стакана блѣднаго, мутнаго чая и лежали большіе ломти сѣраго «манзовскаго» хлѣба:

— Дай-ка, братъ, — хриплымъ шопотомъ сказала Гриневъ, — намъ и водочки.

— И яйца чтобы закусить, — добавилъ Верхотуровъ, — только смотри, чтобы не слышно и не видно. Понимаешь?

— Понимаю, — улыбаясь и сверкая бѣлыми крупными зубами въ сумракѣ утра, сказала солдатъ.

Верхотуровъ снялъ сѣрую китайскую шапку съ наушниками и, стоя у входа въ бесѣдку, сладко потягивался послѣ сна. Высокій и нескладный, въ очкахъ, съ небритою мягкою бородою, мокрой послѣ умыванья, сосульками расползшейся въ стороны, съ давно нестриженными волосами, онъ мало походилъ на офицера. Точно былъ онъ сельскій учитель, или молодой деревенскій священникъ, собравшійся въ поле и надѣвшій вмѣсто подрясника пиджакъ и высокіе сапоги.

Гриневъ усмѣхнулся.

— Тебѣ, Иванъ, писателемъ быть, а не офицеромъ.

— Что такъ?

— На Чехова похожъ. Вот я видалъ, какъ Антонъ Павлычъ на Сахалинъ ѣздилъ. Только ты большой — полтора Чехова. И волосы у него тогда тоже отросшіе были. И видъ печальный.

— Не развеселишься. На Сахалинъ ѣздилъ. Понесла его не легкая. А постричься мнѣ и точно надо. Да противно къ японцу идти. А у ротнаго парикмахера и того гаже. Ну, да погоди, постригусь... Прямо — очарователенъ стану.

Верхотуровъ хлебнулъ чая.

— Вѣдь вотъ страна какая проклятая, — сказали онъ, — Китай подъ бокомъ, а чаю хорошаго нѣтъ. Все горькій и горькій. Просто и пить не охота. Что, правда, въ Адеми роту снимаютъ?

— Говорятъ.

— Давно пора. Семь самоубійствъ — это на моей только памяти... Эпидемія какая-то.

— Таковы условія жизни. И у насъ скучно, а тамъ, — Гриневъ махнулъ рукою. — Представь — казарма бревчатая для роты, рядомъ домишко для офицеровъ вотъ все и поселеніе, не даромъ называется — постъ. Передъ постомъ — сосны, песокъ и океанъ. Слышалъ я, есть такіе чудачки, что для удовольствія ѣздить на берегъ океана. Какое тутъ уже удовольствіе. Сѣрый, холодный съ мутными волнами онъ день и ночь реветъ подъ окнами.

— Бываетъ и синий.

— Еще гаже. Отъ тогдашней его синевы, отъ красоты его нелюдимой, тоска еще крѣпче тебя охватываетъ.

— Ты развѣ тамъ былъ?

— Забылъ что ли? Въ позапрошломъ году, когда ротный тамъ застрѣлился, ѣздилъ я его замѣнять. Поль года прожилъ.

— Да вѣрно, вѣрно. Помню.

— И никого кругомъ. Тропа на сорокъ верстъ въ одну сторону до ближайшаго поселка — тропа на шестьдесятъ верстъ въ другую. Ни корейца, ни китайца — никого. И на берегу изъ оконъ видно — семь большихъ крестовъ — семь могилъ тѣхъ, кто не выдержалъ этой лютой тоски. Вѣдь, ей Богу, не съ кѣмъ и слова человѣческаго перемолвить. Ставили холостыхъ — съ тоски гибнуть, прислали женатаго, да еще съ молодою женою — въ два мѣсяца тамъ такой романъ развелся, что мужъ повѣсился, а молодого субалтернъ застрѣлился. Жена, какъ безумная въ лѣсъ убѣжала, насилиу солдаты ее догнали. Фельдфебель на ротной двуколкѣ въ Никольское отвезъ.

— Нѣтъ, что ли у насъ умѣнья жить? Возьми нѣмцы, или

норвежцы, или англичане на какихъ постахъ живутъ, на маякахъ среди Ледовитаго океана... Устроиться, заняться чѣмъ-нибудь вѣдь могли же, не одна только тоска, да водка на свѣтѣ есть. Могли разводить что ли оленей, хлѣбъ, сѣять. Вѣдь наладили же хозяйство Гека и Янковскій.

— Наладили! Хорошо наладили! У Гека хунхузы всю семью вырѣзали. Ну Янковскій. Что говорить — хорошо у него, такъ вѣдь и то сказать, на весь нашъ край — одинъ только и есть Янковскій. Да и тотъ — полякъ. Да и Адеми — не мышь противъ Владивостока. Въ Адеми сосны, да песокъ. И вѣчный вѣтеръ. Давно пора было этотъ Богомъ проклятый постъ снять.

Гринева допилъ свой стаканъ, всталъ со скамейки и взялъ ружье.

— Ну, однако, пошли.

— Пошли. Семень, тащи винтовку.

Охотники вышли изъ садика на улицу поселка.

IX.

Все такъ же низко стоялъ туманъ, застилая сѣрымъ пологомъ, прямую улицу. Въ одноэтажныхъ бревенчатыхъ, обшитыхъ шелевками длинныхъ казармахъ съ высокими окнами тускло мерцали приспущенныя на ночь керосиновыя лампы. Дневальные, въ шинеляхъ при винтовкахъ, становились смирно и вытягивались передъ офицерами.

За поселкомъ широкая улица, обсаженная березами, обратилась въ узкую пыльную дорогу и ушла въ степь. Дорога спустилась въ овражекъ, потомъ выбралась изъ него, сейчасъ должны были быть лѣсъ и горы, но за туманомъ ничего не было видно. Точно тихое спокойное, уснувшее бѣлое море было за оврагомъ.

Сырой воздухъ былъ тяжелъ и душенъ. Верхотуровъ разстегнулся и сказалъ:

— Напрасно и идемъ. Все равно ничего не выйдетъ.

— Все одно дойти до мѣста надо. Надо солдатъ вернуть.

Между густыхъ зарослей высокой сухой травы, цѣпкихъ колючекъ гигантскаго репейника, обвитаго дикимъ виноградомъ съ нѣжными блѣднозелеными промерзлыми листьями, между длинныхъ колючихъ плетей ежевики съ большими черными, сочными ягодами узкая тропинка круто спустилась въ долину.

— Э-э! го-ой... — крикнулъ Гриневъ.

Эхо, двоя и троя его крикъ, понеслось по долинь.

Снизу и справа отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Э-о!.. Вы, ваше высокоблагородіе?

Охотники направились на голоса. Въ туманѣ темными и расплывчатыми казались фигуры солдатъ.

— Ваше высокоблагородіе, мы здѣсь.

Бравый, худой, до черна загорѣлый унтеръ-офицеръ Михѣйко съ бѣлыми нашивками на малиновомъ погонѣ на старомъ порожѣломъ мундирѣ выдвинулся впередъ.

— Ну какъ, Михѣйко? Какъ ты полагаешь?.. Туманъ. Стоит ли начинать? Здоровый больно туманъ. Пожалуй и до вечера не разойдется.

— Ваше высокоблагородіе. Мы вотъ чего, мы по-до-ждемъ. Туманъ, гляди, и поднимется. А подождать и вовсе слѣдуетъ. Потому, — и Михѣйко понизилъ голосъ до шопота: — Они прошли въ самую эту Орлиную падь.

— Кто? — подходя къ Михѣйкѣ, спросилъ Верхотуровъ.

— Да олени, ваше высокоблагородіе... Тутъ они и будутъ. Имъ отсюда никуда даже и податься нельзя.

— Много?

— Да. Головъ двѣнадцать. Вотъ, пожалуйста, поглядѣть.

Михѣйко повелъ офицеровъ черезъ кусты. Цѣпкая косматая заросль, становилась рѣже, позади нея показалась прогалина, слѣдъ засохшей лужи. На плотномъ пескѣ и особенно, тамъ, гдѣ онъ былъ сѣрымъ отъ глины, четко легли слѣды.

— Вотъ извольте посмотрѣть сколько тутъ его прошло. И копыта какія огромныя.

— Олень! Королевскій олень, — восторженно сказалъ Гриневъ. — Слѣдъ крупный и шагъ широкій... Это, Иванъ, не коза, не джейранъ, не сайгакъ — это олень! Какъ, Михѣйко, думаешь?

— А думаю, ваше высокоблагородіе такъ. Намъ нужно пробираться до тѣхъ скалъ, гдѣ кончается падь, тамъ проходъ будетъ узкій. Мы отеля и погонимъ и не дюжа шумно — къ Никольской дорогѣ, а вы тою порою подавайтесь лѣсомъ до рѣчки. Какъ мы погонимъ его, онъ не иначе, какъ къ водѣ пойдетъ. Мѣсто тамъ узкое въ шесть ружьевъ занять можно.

— Такъ, такъ... Вѣрно... Только, Михѣйко, тебѣ надо съ людьми идти до самаго водопада. Погода сырая. Они могутъ и не пойти далеко, а въ скалахъ укрыться.

— Понимаю. Такъ вамъ прикажете стрѣлковъ назначить?

— Желаящіе есть?

— И-и-ии, ваше высокоблагородіе... Да они, можно сказать, всѣ, какъ есть, желающіе. Стрѣлковъ надо, однако, хорошихъ. Если — Кольчева, Наливайко, Лепехина, Семенова... И довольно будетъ.

— Ладно. Такъ посылай ихъ къ намъ.

Гриневъ и Верхотуровъ присѣли отдохнуть въ ожиданіи стрѣлковъ.

— Курить на охотѣ — оно, конечно, не полагается, — сказалъ Гриневъ, — да по одной можно.

Онъ протянулъ холщевой папиросникъ Верхотурову. Тотъ осторожно досталъ папиросу и прикурить ее отъ поднесенной ему Гриневымъ спички.

Теперь на лицѣ Верхотурова и слѣда не было той скуки, измученности и недовольства, что были утромъ. Борода его просохла и разгладилась. Близорукіе глаза смотрѣли сквозь стекла очковъ ясно и весело. Наступали такъ любимые имъ часы общенія съ природой и одиночества въ лѣсу. Уходили куда то далеко домашнія невзгоды тотъ «домашній купоросъ», какъ называлъ онъ — короткоя жены, разговоры съ дѣтьми, вѣчныя заботы, недовольство и жалобы.

«Жизнь хороша. Ахъ, хороша жизнь» — думалъ онъ, затягиваясь папиросой. «Прекрасенъ Божій міръ. Все въ немъ такъ ладно устроено и налажено. Какъ все красиво кругомъ!.. Какая прелесть это утро въ Орлиной пади!»

Волнующій подъемъ былъ въ его душѣ въ ожиданіи охоты.

— Гляди, Иванъ, — сказалъ, притушивая и бросая папиросу Гриневъ.

Внизу, въ долину, туманъ, точно густая ватная пелена, приподнялся, и подъ нимъ изумрудами засверкалъ зеленый лугъ, ярко освѣщенный вдругъ поднявшимся солнцемъ. Каждая травка, каждая былинка, обильно орошенная росой горѣла тысячею огней. Подлѣ Верхотурова, еще все было покрыто туманомъ, все было по прежнему сѣро и уныло. Тамъ, вдали, необычнымъ блескомъ сіяла уже залитая солнечными лучами долина. Полоса свѣта ширилась и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли охотники. Вдругъ засіяли, загорѣлись тонкія листья дикой смородины, рубинами играли сморщенные листья тронутый морозомъ ежевики и между ними, какъ подвѣски драгоценныхъ сережекъ, висѣли большія кисти сочныхъ ягодъ. Показались выступавшія изъ земли острыми сѣрыми краями

черныя скалы. Туманъ рвался на клочья и длинными языками тянулся вверхъ, тая въ синѣвшемъ небѣ. Земля дымила.

— Господи! благодать какая! — сказалъ Верхотуровъ. — Да ни на какую тамъ Москву или Питеръ не промѣню я этотъ прекрасный, благодатный край... И... Тишина... Какая тишина! Тихій уголъ Божьяго міра, гдѣ Господь насадилъ столько разнообразныхъ травъ, деревьевъ и кустовъ, гдѣ и пальмы и сосны и кедры и ліаны и березы. Украсилъ и сдѣлалъ тихимъ и безмолвнымъ, чтобы было куда человѣку уйти отъ людской суеты. Вотъ, гдѣ монастыри-то ставить! Пустыня! дичь, глушь. А какъ хороша!.. А, Гриневъ, идемъ что ли, а то Михѣйко очень далеко упредить насъ?

Охотники спустились въ долину. Высокіе дубы въ перемежку со старыми огромными соснами, лиственницами, кедрами и грабами поросли по скату, точно искусно насаженный прекрасный паркъ. Скаты шель то полого, то срывался каменистыми кручами. Дубы росли рѣже и было въ долинѣ, какъ въ заколдованномъ королевскомъ саду. Подъ ногами мягкимъ ковромъ лежала сырая черная земля, покрытая мокрыми опавшими листьями. Разбросанные тутъ и тамъ большіе камни поросли мягкимъ и нѣжнымъ зеленымъ мхомъ. Свалившійся дубъ — великанъ преградилъ дорогу. Его толстый могучій стволъ жадной толпой обступила поросль мелкихъ и тонкихъ осинъ, зелеными змѣями ползли по нему ліаны, плющъ впился въ него, дикій виноградъ вился по осинамъ. За нимъ роща невысокихъ деревьевъ образовала такую чашу, что охотники съ трудомъ пробрались черезъ нее. Ліаны свисали съ деревьевъ толстыми зелеными канатами, на сучьяхъ свѣтло-зеленые шары омелы прозрачными ягодами горѣли на солнцѣ, какъ опаловыя бусы. Кусты вероники съ большими лиловыми, поблекшими кистями цвѣтовъ цѣплялись за ноги. Орлиная падь начиналась. Въ ней рѣдко и величаво стояли хозяевами дубы. Отъ нихъ легла по долинѣ пестрая недвижная тѣнь.

Здѣсь Гриневъ остановился и знакомъ остановилъ стрѣлковъ. Онъ шопотомъ предупредилъ, чтобы никто не разговаривалъ, не курилъ и не шумѣлъ.

— Понимаемъ... Понимаемъ, — шептали стрѣлки.

Нахлобучивъ по самую уши измятыя фуражки, завернувъ травую и зелеными вѣтками малиновые погоны, стрѣлки безшумно разошлись по лѣсу и замерли, притаившись за стволами деревьевъ, въ заросляхъ кустовъ.

Верхотуровъ протеръ очки, вложилъ обойму съ опиленными

пулями въ магазинъ трехъ линейки и поставил курокъ на предохранительный взводъ.

Туманъ разсѣялся. Высоко надъ головами открылось синее небо и еще таинственнѣе, красивѣе и радостнѣе стало въ лѣсу.

Вдругъ вдали — и было это такъ неожиданно и странно — раздались громкіе, непринужденные людскіе голоса. Раздались и сейчасъ же и стихли. Точно и не люди тамъ были, но самъ лѣсъ въ углу долины вдругъ быстро и многими голосами сказалъ что-то.

Верхотуровъ вздрогнулъ, взявъ винтовку на изготовку и оттянулъ курокъ.

Прошло нѣсколько секундъ торжественнаго, притаеннаго молчанія. Вдругъ кто-то и, казалось, недалеко, спускаясь съ верхнихъ нотъ на нижнія закричалъ:

— О-ооо-ооо!

— Поди!.. поди!... А-а-ааа! — завторилъ другой радостно возбужденный голосъ.

Трещали вѣтки подъ ногами, кто-то палкой стучалъ по стволамъ.

Эхо проснулось и, отдаваясь о бока пади, разсыпалось на множество отголосковъ.

Тихій до той поры, задумчивый и безмятежный лѣсъ тревожно заговорилъ многими голосами.

Облава надвигалась. Далеко вправо отъ Верхотурова шелкнулъ одинокій выстрѣлъ.

Верхотуровъ вытянулъ впередъ винтовку, готовясь вложить въ плечо и застылъ въ восторгѣ.

Въ тридцати шагахъ отъ него легкими прыжками выскочилъ изъ кустовъ на чистое красавецъ громадный олень. Было непонятно, какъ могъ такъ безшумно пройти сквозь чащу такой большой звѣрь. Вѣтвистые рога пронеслись черезъ кусты, не цѣпляя за вѣтви. Шея была вытянута впередъ, чуть лохматая бѣлая грудь свисала къ тонкимъ ногамъ.

Олень пробѣжалъ нѣсколько шаговъ рысью и остановился, точно обдумывая, куда бѣжать. Верхотуровъ видѣлъ его испуганные, темные глаза, видѣлъ блестящіе ноздри, напряженность тонкихъ ногъ и все не вставлялъ ружья въ плечо.

— О-э! — раздалось совсѣмъ близко отъ оленя.

Олень вздрогнулъ и громадными легкими прыжками, заложивъ вѣтвистые рога на спину во мгновение ока исчезъ въ лѣсу. Точно и не было его вовсе.

Верхотуровъ, опустивъ винтовку, провожалъ оленя глазами, пока тотъ не скрылся за деревьями.

— Ты чего же не стрѣляль? — спросилъ Гриневъ, подходя къ Верхотурову.

— Не могъ, Василій Кирилловичъ. Уже очень все это красиво было.

— Я понимаю тебя. Ты настоящій охотникъ.

Толпою изъ лѣса выходили стрѣлки и загонщики и собирались къ офицерамъ.

— Это кто же тамъ стрѣляль? — спросилъ Гриневъ.

— По козлу это я стрѣляль, — неохотно отвѣтилъ одинъ изъ стрѣлковъ.

— Попалъ?

— Должно, зацѣпилъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, значить, промазалъ.

Стрѣлокъ виновато почесалъ въ затылкѣ.

— И какъ оно такъ вышло и самъ не понимаю. Кубыть и ладно прицѣлился.

Михѣйко, опираясь на выломанный прямой буковый сукъ, подходилъ къ Гриневу. Тотъ спросилъ:

— Что, много было?

— Черезъ ручей, ваше высокоблагородіе, — смѣясь, сказалъ Михѣйко, — такъ сиганули -- въ разъ и на той сторонѣ. Цѣльное стадо. Да всѣ и ушли, троихъ только удалось отбить обратно.

— Ну, надо искать ихъ.

— А то не найдемъ, ваше высокоблагородіе? Куда имъ и дѣваться? Тутъ они всѣ и будутъ. Идите къ Тереховской заимкѣ, а мы отседа погонимъ на васъ.

Бодрыми и легкими шагами охотники пошли по краю долины. Михѣйко разставлялъ цѣпью загонщиковъ.

Х.

Къ ночи вся охота собралась у небольшого корейскаго поселка. Туда же снесли добычу дня. Двухъ козловъ, одного молодого оленя и лисицу, выскочившую изъ кустовъ во время перехода на номера.

У низкихъ коричневыхъ фанзъ толпились одѣтые во все бѣлое съ черными волосяными шапочками на головахъ корейцы. Они смотрѣли на разложенныхъ убитыхъ животныхъ, чмокали сочувственно губами и курили изъ тонкихъ трубочекъ. И нельзя было понять — жалѣли они убитыхъ или сочувствовали хорошей охотѣ.

Михѣйко распорядился послать корейца въ казармы къ фельд-фебелю съ запиской Гринева, чтобы прислали двуколку забрать охотничью добычу.

Стрѣлки развели подѣ глинянымъ заборомъ костеръ и наладили надъ нимъ котелки. Отчаянно кричала курица, купленная у корейцевъ, пока не прикончилъ ее ножъ повара-стрѣлка.

Теплая, тихая осенняя ночь незамѣтно подходила. Ярко загорѣлась въ потемнѣвшемъ небѣ вечерняя звѣзда и противъ нея яснымъ серебрянымъ рогомъ повисъ блестящій серпъ луны. Кажались они Верхотурову какими-то таинственными свѣтовыми сигналами, поданными съ неба. Небо все темнѣло и темнѣло и маленькими точками огоньками стали загораться на немъ звѣзды. Лѣсъ сталъ темнымъ и потонулъ въ ночной мглѣ. Весь мѣръ замкнулся въ кругѣ, неровно освѣщенномъ костромъ.

Гриневъ и Верхотуровъ расположились въ сторонѣ отъ солдатъ и легли на шинеляхъ. Отъ костра наносило запахомъ дыма, вареной курицы и махорки. Стрѣлки долго сидѣли молча, потомъ одинъ, взявшій съ собою гармонику, проигралъ на ней что-то несложное и запѣлъ:

Послѣ долгаго похода
Возвернулся я домой,
Среди милаго семейства,
Найдя радость и покой...

Негромко и медленно, точно думая вслухъ, повторилъ за поющимъ Верхотуровъ:

— Среди милаго семейства найдя радость и покой. Какіе тамъ радость и покой? Нѣтъ, братъ, довольно! Двѣнадцать лѣтъ прожили вмѣстѣ и шабашъ! Будеть!

— Что, Иванъ, не сладко? Окончательно рѣшили?

— Окончательно и безповоротно:

Замолчали.

Стрѣлокъ игралъ на гармоникѣ, но уже не пѣлъ. Корейцы въ бѣломъ, освѣщенные костромъ, стѣною обступили солдатъ.

Неслышно неслась ночь.

Наконецъ Гриневъ сказалъ:

— Что такъ?

Верхотуровъ не вставая подползъ къ нему и заговорилъ негромкимъ голосомъ.

— Видишь ли... Тутъ многое... Очень многое. Обстоятельства у меня такъ сложились, что обзавелся я семьей. Ну, думалъ, что дѣти... Семья. Радость же какая-нибудь должна быть? Ну, старшій Иванъ. Онъ весь мой. Я его направилъ. Женѣ было тогда не до того. Другія дѣти родились, нянчилась она съ ними — воспиталь я Ивана. Ты, можетъ быть, слышалъ, сколько труда, сколько брани было, когда устроилъ я его въ кадетскій корпусъ. Конечно, скучно мнѣ безъ него, да за то человѣкомъ будетъ. Нашъ будетъ. Стрѣлокъ! Евгенія Ивановна мнѣ за него на Мишѣ и Ольгѣ отомстила. Такъ настрочила ихъ противъ меня, что точно и не дѣти они мнѣ родныя. Михаилъ, ему одиннадцатый годъ пошелъ, волкомъ смотритъ. Ольга — дѣвчонка девяти лѣтъ — уже презираетъ меня за то, что я офицеръ. Вотъ тебѣ и милое семейство!.. И радость и покой! Ну мать, конечно, во всемъ виновата. Рѣшили мы разойтись.

— Разводъ?

— Ну?.. Зачѣмъ?.. Никакого повода нѣтъ. А такъ, просто жизнь не сложилась... Мелокъ я для Евгениі Ивановны. Жена съ дѣтьми поѣдетъ въ Петербургъ. Сказала мнѣ со злобою: «Хотя младшихъ людьми сдѣлаю»... Это мы, значить, съ тобою для нея и не люди!

— По ея понятіямъ, конечно, не люди... Что же она будетъ дѣлать?

— Ей сестра моя Ольга уже и мѣсто приискала. Въ какой-то клиникѣ аптекой будетъ завѣдывать. Родители мои ей тоже помогутъ. Это дѣло конченное. Табакъ — дѣло.

— Можетъ быть, и правда, что такъ лучше вамъ обоимъ будетъ.

— Василий Кирилловичъ, я все обдумалъ. Ночами долгими, осенними, бессонными все до самага дна продумалъ. Кромѣ всего тутъ и еще одно... Лучше теперь тутъ быть безъ семьи.

— Что такъ?

— Пока живъ былъ Государь Императоръ Александръ III жили мы тутъ, какъ у Христа за пазухой. Тишина и благодать. Могли прозябать, ни о чемъ не думая. А теперь?..

Верхотуровъ замолчалъ. Онъ повернулся на спину и смотрѣлъ на небо. Звѣзды блестящими точками отразились въ стеклахъ его очковъ. Онъ долго такъ лежалъ. Гринева не прерывала его думъ. Солдаты улеглись подлѣ костра. Корейцы разошлись. Костеръ потухъ. Луна мертвымъ свѣтомъ ложилась на корейскіе дома и казались въ ея прозрачномъ свѣтѣ маленькія корейскія фанзы сказочными дворцами. Неслышно ступая по мягкой землѣ ходилъ вдоль составленныхъ ружей часовой и за нимъ ползала неясная прозрачная лунная тѣнь.

Верхотуровъ повернулся къ Гринева и началъ говорить:

— Списался я съ пріятелями. Помнишь я тебѣ рассказывалъ — Ламбинъ и Мальмсенъ. Оба на блестящей дорогѣ. Ламбинъ въ гвардейскомъ полку, Мальмсенъ едва не первымъ окончилъ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Кажется и рукою намъ, дальневосточнымъ армяутамъ, до нихъ не достать. Ну, да дѣтская дружба не забывается. Оба на мои письма отозвались. Пишутъ, что всѣмъ чѣмъ могутъ окажутъ содѣйствіе моей женѣ и дѣтямъ. Такъ что тутъ у меня за нихъ нѣтъ безпокойства. Тамъ имъ лучше будетъ. Тутъ начинается. И не хорошо тутъ начинается.

Верхотуровъ опять замолчалъ. Онъ молчалъ такъ долго, что Гринева спросилъ его:

— Ты спишь, Иванъ?

— Нѣтъ. А такъ мнѣ страшно. Двѣнадцать лѣтъ здѣсь служилъ и ничего, а теперъ вотъ страшно.

— Что страшно? Тигра что ли учуялъ? — смѣясь сказала Гринева. — Такъ его корейскія собаки раньше твоего учуяли бы.

— Ну что ты? Тигръ! Нѣтъ никакими тиграми меня не испугаешь. Да мнѣ и не за себя лично страшно, а за Россію. Раньше, пока живъ былъ Государь, за его широкою спиною, какъ за каменною стѣною была Россія. Бѣдная... а въ кубышкахъ золото прятала, копила, на черный день приберегала. Скромно одѣтая армія — да за то какая добротная. И всѣ насъ боялись. Какой громадный край держали какими малыми силами. Никто и пикнуть не смѣлъ. Англичане и тѣ примолкли. Умеръ Царь Миротворецъ. Молодымъ умеръ. Скажи мнѣ, почему онъ умеръ? За чѣмъ? Вотъ, въ народѣ говорятъ, что отравили царя масоны и англичане. Ты, Василій, про масоновъ слышалъ когда-нибудь?

— Нѣтъ. Читалъ у Толстого въ «Войнѣ и мирѣ». Да и не помню, что тамъ такое.

— А я и вовсе не знаю. Но такого Царя отравили! Что же дальше? Дружба съ Франціей?.. Слышалъ я — въ Петербургѣ запрещенную марсельезу играли. И... Волнуется уже Китай. Наши суда заняли Портъ-Артуръ. Желѣзную дорогу туда потянуть черезъ китайскую Маньчжурію и будто для охраны ея устроятъ охранную стражу изъ наемныхъ казаковъ и запасныхъ солдатъ. Ты слышалъ про это?

— Ну еще бы, — лѣнливо и неохотно сказалъ Гринева, — на прошлой недѣлѣ, когда я былъ въ штабѣ бригады, мнѣ говорилъ адъютантъ объ этомъ, такъ я знаешь, Иванъ, взялъ да и махнулъ туда. Записался.

— Ты? — воскликнулъ Верхотуровъ и приподнялся. — Да съ чего ты это? Не за деньгами же ты погнался? Къ чему тебѣ деньги холостому?

— Служба показалась мнѣ интересной и полной приключеній. А я это люблю. Охота, говорятъ, тамъ въ Южной Маньчжуріи, не нашей чета. Тамъ и правда тигры бываютъ. А отчего ты не пойдешь? Пятсотъ рублей тамъ командиру роты платятъ, вотъ и могъ бы всю семью на ноги поставить.

— Нѣтъ — тихо и мечтательно сказалъ Верхотуровъ, — нѣтъ, я не пойду... Я отъ своего полка никуда не пойду. Наступитъ время въ подполковники производиться — и отъ производства откажусь, а изъ полка не уйду. Тутъ и умру, въ стрѣлковомъ своемъ мундирѣ. Ты, Василій, мои всѣ обстоятельства знаешь, какъ и зачѣмъ я сюда пошелъ. Не по своей охотѣ пошелъ, а нужно было. Пришелъ я сюда. Мы Линейными тогда батальонами были — не велики птицы были. А пришелъ, осмотрѣлся, вошелъ въ службу, да такъ полюбилъ свой полкъ, своихъ солдатъ, что стала у меня одна мечта, чтобы и схоронили меня въ полковомъ моемъ мундирѣ. Семейная моя жизнь не удалась. Съ отцомъ, матерью, братьями и сестрами я разошелся, мы и не переписываемся съ ними. Я свою Евгению Ивановну, пожалуй, и полюбилъ, да она то меня презираетъ, такъ что уже! да теперь и это кончено. Вотъ сынъ Иванъ окончитъ ученіе и одна моя мечта, чтобы и онъ ко мнѣ пришелъ служить. Для меня семья — это полкъ.

— Что жъ насъ такъ и учили: «Зри въ части семью, въ начальникъ отца, въ товарищахъ братьевъ, въ подчиненныхъ сыновей».

— У меня такъ оно и есть. Всѣ эти Михѣйко, Колычевы, Нали-

вайко, мой Семень — всѣ они мнѣ такъ же дороги, какъ и мой Иванъ, пожалуй, дороже Михаила.

— Но они окончатъ службу и уйдутъ отъ тебя.

— Уйдутъ, и много ихъ ушло, да я съ ними нѣтъ... нѣтъ и письмомъ обмѣняюсь. Зовутъ въ крестные отцы своихъ дѣтей, сообщаютъ всѣ свои горести и радости. Мой день наполненъ перепиской съ ними и мнѣ здѣсь въ глуши не скучно. Нѣтъ, нѣтъ никогда не покину я своихъ родныхъ стрѣлковъ.

— Вѣдь я, Иванъ, — какъ бы оправдываясь, сказалъ Гриневъ, — съ ними тоже не разлучаюсь. Я иду въ тѣ сотни или роты, куда пойдутъ мои же запасные солдаты.

— А вмѣсто русской кокарды китайская звѣзда, вмѣсто Императорскихъ орловъ на пуговицахъ китайскій драконъ и вмѣсто погонь, дарованныхъ тебѣ Государемъ будутъ у тебя жгуты.

— Не все ли одно. Не въ этихъ пустякахъ дѣло.

— Но зачѣмъ это дѣлаютъ?

— Такъ, значить, нужно.

— А я знаю зачѣмъ, и мнѣ это претитъ. Тутъ обманъ. Значить — какъ говорится — «и я — не я и лошадь не моя». Это чтобы не раздражатъ англичанъ и китайцевъ. Дорога русская, на русскія денежки строенная, а называется Восточно-Китайской и деньги будто далъ Банкъ. Такъ... Такъ... Кого обманываемъ? Была война Японіи съ Китаемъ. Намъ-то какое дѣло было. Когда дошло до мира, англичане насъ впутали въ паршивое дѣло. Мы дружили съ Китаемъ, мы всегда были съ китайцами въ прекрасныхъ отношеніяхъ, а теперь, послѣ Симоносекскаго мира, отношенія испортились. Англичане заняли Вейхайвей, мы потянулись за Портъ-Артуромъ. Воровали на пожарѣ... А что вышло — слыхаль, что китайцы теперь говорятъ: «Русская собака»... Никогда этого не бывало раньше. Кто его этому учить? Ты думалъ объ этомъ? Тутъ вездѣ теперь англичане. На таможи въ Инкоо, миссіонеры, купцы, вездѣ эти рыжіе дьяволы, эти «джентльмены», чортъ ихъ дери совсѣмъ... Какъ колючій ошейникъ шею собаки, такъ они окружили насъ вездѣ. Въ Японіи, въ Китаѣ, въ Корей, въ Афганистанѣ, въ Персіи, въ Турціи... Вездѣ они въ своихъ конторахъ и миссіонерскихъ домахъ. Съ трубкой во рту и со стаканомъ виски передъ собою они думаютъ лишь объ одномъ, какъ бы ущемить Россію. И больше всего мы сами. Да, мы сами. Всѣ наши верхи, наши сановники, наши министры иностранныхъ дѣлъ, все это поклонники

англичанъ, то что у насъ съ такимъ почетомъ называютъ: «англо-маны». Толстый бульдогъ на цѣпи въ рукахъ, англійская трубка съ вонючимъ табакомъ во рту и кружка эля. Ахъ, шуть ихъ возьми!.. Джентльмены! Какъ ѣхалъ я сюда на службу, повидаль я этихъ джентльменовъ. Шель я сюда пароходомъ Добровольнаго флота и, имѣя время, прошелъ черезъ Индію. Надо же было Евгени Ивановнѣ показать эту страну чудесъ. Вотъ и повидаль... Чудеса... Подлинно чудеса. Воскрешенное крѣпостное право. Нѣтъ, хуже. Воскрешенное рабство. Въ Бомбеѣ жара страшная. Въ гостинницѣ, чтобы прохладнѣе было спать устроены надъ постелями такія длинныя опакхала — «панка» называются. Отъ нихъ веревка протянута въ корридоръ и въ корридорѣ, какъ обезьяна или собака на полу сидитъ индусъ-слуга. Какой тамъ слуга! — рабъ! и всю ночь онъ долженъ подергивать за веревку, чтобы качалась панка, обдувая вѣтромъ англичанина въ номерѣ.

Въ Калькуттѣ видѣлъ на «променадѣ» англичане катаются. Сами — леди и джентльмены правятъ лошадьми. Для грума, или кучера мѣста нѣтъ, а слуга индіецъ, или бѣжить, какъ собака позади экипажа, или, прицѣпившись между осями колесъ, виситъ, какъ обезьяна. «Джентльмены!» Культурная нація!.. Передовая страна!

— Ну къ чему ты это, Иванъ?

— А вотъ къ чему. Англичанину наша Китайская дорога поперекъ горла становится. Россія выходитъ къ Великому Океану, Россія подходитъ къ Монголіи, Россія усиливается на желтомъ востокѣ. Сами воевать они не будутъ. Они натравятъ на насъ китайцевъ. Помяни мое слово, та охранная стража, въ которую ты идешь служить будетъ драться не съ хунхузами-разбойниками, но съ китайцами. Мы наканунѣ войны съ Китаемъ. Когда это было? А теперъ. Русская собака! Понялъ...

— Снявши голову по волосамъ не плачутъ. Мнѣ одно непріятно, Иванъ, — начальникомъ у насъ министръ финансовъ Витте. Все какъ-то странно и боязно немного. Не управится онъ.

— И женатъ — на еврейкѣ.

— Ну, спать пора. Луна за лѣсъ зашла — вотъ онъ и разсвѣтъ скоро. Всю ночь проболтали.

— Больные вопросы.

— Не намъ на нихъ отвѣчать.

— Да намъ за нихъ кровью своею расплачиваться.

Гриневъ закрылъ глаза и завернулся въ шинель, нахлобучивъ на голову фуражку. Верхотуровъ долго лежалъ на спинѣ, глядя, какъ свѣтлѣло надъ нимъ небо и погасали звѣзды. Въ корейской деревнѣ пропѣли первые пѣтухи — онъ все не спалъ. Все казалось ему, что это не жизнь, а какой-то сонъ... Когда и гдѣ онъ проснется?

XI.

Съ годами отстоялась, утряслась и устроилась жизнь Ламбина съ Наташей. Не женатая и не холостая. Жили на два дома. Въ Царскомъ служба, гусарскіе кутежи, и отдыхъ на жесткой «спартанской» койкѣ въ убогой квартирѣ. Душевный и тѣлесный отдыхъ въ Петербургѣ, у Наташи.

Сначала въ полку и въ Петербургскомъ свѣтѣ косились на эту связь. Ускользнулъ хорошій и выгодный женихъ. Потомъ при-выкли. И полковныя дамы въ театрѣ, сидя въ ложѣ и читая афишу, когда натыкались на имя Травиной говорили со снисходительной улыбкой:

— А!.. Травина! Это что же... Ламбинская? Посмотримъ.

Наташа, выбиваясь изъ силъ, дѣлала карьеру. Она уже была «танцоркой», и въ маленькихъ балетахъ, случалось, замѣняла танцовщицъ.

Послѣднее время она начала худѣть и покашливала порою, но ни перестать упорно и систематично работать у станка, на чемъ настаивали доктора, ни отказать Ламбину въ ночныхъ кутежахъ и той веселой жизни, которую Ламбинъ вносилъ съ собою, она не могла. Настроила эту шумную веселость въ ея домѣ Муся Листопадава съ Кирилломъ Капитоновичемъ. Это они ввели въ свой и Наташинъ кругъ веселую компанію невѣнчаныхъ друзей Муню Персикъ съ ротмистромъ Медвѣдевымъ, ея содержателемъ. Наташѣ это не нравилось, но отъ природы была Наташа деликатна и такъ боялась задѣть чужое самолюбіе, и такъ временами сама себя бичевала, что не рѣшалась спросить, кто такая эта вѣчно веселая и часто пьяненькая Мунечка? Скажутъ ей — «содержанка... А ты кто?...»

А это то и было самое больное мѣсто въ жизни Наташи. Часто Наташа думала, «какъ не понимаетъ этого ея Вадимъ, и какъ не убережетъ ее отъ такихъ знакомствъ?»

Еще бывалъ у нихъ кирасиръ фонъ Воде, товарищъ Ламбина

по училищу, и привозилъ съ собою хористку изъ оперы и тоже невѣнчанную жену, еще другой товарищъ уланъ Колобовъ съ драматической актрисой Ардальоновой и часто бывалъ истинный и вѣрный другъ Наташи холостякъ Петровъ.

И какъ-то быстро всѣ, и дамы и мужчины, сошлись между собою и стали на «ты».

У Ламбининыхъ любили бывать. Свободно, просто и вмѣстѣ съ тѣмъ, все-таки семейный домъ напоминаетъ. Наташа создала этотъ уютъ и старалась, не всегда ей это удавалось, поддерживать приличіе. Много музицировали, пѣли подъ гитару и поодионочкѣ и хоромъ, а потомъ вдругъ сорвутся и поѣдутъ ужинать куда-нибудь въ ресторанъ, или за городъ, на острова. А иногда Наташа по просьбѣ Вадима подаетъ холодный ужинъ и послѣ него раздвинуть карточные столы, мужчины разстегнутся и засядутъ играть въ макао или паровозъ.

Наташа уйдетъ въ спальню. Ей вреденъ табачный дымъ. Дымъ изъ гостиной стелется въ будуаръ и спальню.

*
**

Наташа сидѣла одна у открытаго окна. Все не уходилъ весенній день. Разсвѣтъ смѣнилъ бѣлую ночь и потянуло холодной морскою свѣжестью изъ окна. Скоро затрезвонятъ колокола въ Соборъ. Въ гостиной все играли и слышно было, какъ ворчалъ Вадимъ. Карта не шла къ нему.

Муся, шуриша наряднымъ открытымъ платьемъ, прошла къ Наташѣ. Отъ Муси пахло духами, табакомъ и виномъ.

— Что взгрустнулось, Наталочка... — садясь на ручку кресла, гдѣ сидѣла Наташа и заглядывая прозрачными аквамаринами своихъ прекрасныхъ глазъ, сказала Муся. — Пойди къ намъ, присядь на счастье къ Вадиму. Этотъ ужасный фонъ Воде обыгрываетъ твоего Вадимчика.

Наташа покорно встала и пошла къ играющимъ.

— Боже, какъ надымили, — сказала она, помахивая рукою передъ собою.

— Ничего, золотко, — откликнулась отъ игральнаго стола красивая брюнетка Варя Ардальонова и откинула изящнымъ движеніемъ руку съ длинной дамской папиросой. — Сейчасъ откроемъ форточки — дымъ и уйдетъ.

Наташа окинула глазами играющихъ. У Вадима разстегнута

венгерка, волосы всклокочены. Лицо красное и потное. Наташа подошла къ нему сзади и пригладила волосы.

— Сейчас кончаемъ, — хриплымъ голосомъ сказалъ Вадимъ.

Наташа постояла за столомъ, смотрѣла, какъ летятъ на столъ карты, какъ, молча, жадными глазами слѣдятъ за ними играющіе, вздохнула и вернулась въ спальню.

Она опять сѣла у окна. Долго и тяжело кашляла, потомъ откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Она задумалась:

«Нѣтъ», — думала она печально, — «нѣтъ — это не настоящее... Въ семейномъ домѣ не разстегнешься. Не накурятъ такъ. Вѣдь знаютъ, что это для меня вредно. Но со мною не считаются. Я не жена его».

Когда задвигали въ гостиной стульями и стали расходиться, Наташа вышла проводить гостей и подъ руку съ Вадимомъ вернулась въ спальню.

— Чертовски не везло сегодня, — сказалъ Вадимъ. — А ты? Устала?

— Нѣтъ. Сядь со мною у окна, мнѣ хочется тебѣ кое-что сказать.

Отрадная душистая свѣжесть шла изъ соборнаго сквера. Покрытые почками березы благоухали. Птицы чирикали въ вѣткахъ и вдругъ, такъ торжественно и красиво негромко, сдержанно раздалось съ соборной колокольни: «боммъ... боммъ... боммъ...»

Наташа перекрестилась, взяла руку Вадима и тихо сказала ему о всемъ томъ, что передумала въ этотъ вечеръ.

— Пойми меня, Дима. Я уже не могу... Я устаю отъ такихъ ночей. И какъ всѣ курятъ... И опять Мусинъ мужъ всякія гадости сталъ при мнѣ рассказывать. Я ушла. Мнѣ неприятно это слушать.

— Я скажу ему.

— Нѣтъ, ради Бога не надо... Муся обидится... Не хочу я разговоровъ и сплетень. Итакъ меня въ театрѣ называютъ недогрой. Но, только, милый Дима. Вотъ, что мнѣ сегодня показалось... Все это... Вся эта наша жизнь. Вся эта красота, которую ты окружилъ меня. Эта роскошь, — въ глазахъ Наташи заблестали слезы, — все это не настоящее...

— А что же?

— Не знаю, право... Не умѣю тебѣ сказать. Только это не то. Нѣтъ, не то.

— Ну, давай, милая, спать ложиться. Поздно очень. Будетъ намъ съ тобою философствовать.

Тяжелая портьера задвинула окно. Сталь почти не слышенъ благовѣсть. Онъ звалъ къ молитвѣ и такъ хотѣлось Наташѣ молиться. Встать сейчасъ и уйти отъ міра въ прохладный сумракъ стариннаго собора. Вадимъ лежалъ подлѣ. У него тоже были открыты глаза.

— Дима, почему ты не спишь?

— Я думаю.

— О чемъ, ты думаешь, касатка?

— Такъ... О пустякахъ.

Вадимъ закрылъ глаза, притворился спящимъ, а самъ думалъ: «Права Наташа. Это не настоящее. Это — сказка. Продолженіе прекраснаго красиваго балета, гдѣ танцуетъ Наташа... Но танецъ этотъ — это ея жизнь... То настоящее, о которомъ говорила Наташа, еще ждетъ. Гдѣ же и съ кѣмъ будетъ у него это настоящее?»

XII.

На другой день занятія въ эскадронѣ Петрова кончились рано, — былъ «банный» день. Петровъ подошелъ къ Ламбину и спросилъ:

— Ты былъ у генерала Бетрищева?

— Нѣтъ еще.

— Все не удосужишься? — насмѣшливо сказалъ Петровъ.

— Я слышалъ... Онъ въ Ораніенбаумъ переѣхалъ... Петербургскую квартиру ремонтируютъ. Такъ думалъ... Не хотѣлъ безпокоить его въ дачномъ уединеніи. И далеко ѣхать.

Петровъ взялъ подъ руку Ламбина.

— Ну вотъ что топ сгер, ты ведешь себя неприлично. Сейчасъ позавтракаемъ въ собраніи и поѣдемъ къ старику. А то старикъ уже и обижаться на тебя начинаетъ. Всѣ были наши у него, кромѣ тебя. А старикъ такъ тебя любилъ.

— Такъ нужно парадную форму надѣвать?

— Не нужно. Съ тѣхъ поръ, какъ Бетрищевъ вышелъ въ отставку, онъ не любитъ этихъ церемоній. Онъ бравивируетъ своимъ положеніемъ «не у дѣлъ» и даже военную форму рѣдко надѣваетъ.

— Почему онъ такъ внезапно вышелъ въ отставку? Онъ былъ на отличномъ счету. Карьеру дѣлалъ. Любимецъ Государя. И вдругъ такъ круто... въ отставку.

— Послѣ, дорогой расскажу. Какъ ты ничего не знаешь?

Объ этомъ воробьи въ Царскомъ кричать, а ты будто и ничего не слышаль...

Но дорогой рассказать не удалось. И въ Царкосельскомъ поѣздѣ и въ поѣздѣ шедшемъ въ Ораніенбаумъ рассказывать не пришлось. Ъхала большая компанія офицеровъ и разговоръ былъ общій. И только, когда, миновавъ Новый Петергофъ, распростиглись съ послѣдними попутчиками, Петровъ разсказаль Ламбину.

— Это была *idée fixe*, навязчивая мысль у нашего генерала: старикамъ не мѣсто въ кавалеріи. Дослужить до пятидесяти лѣтъ и на покой. Получилъ, однако, дивизію и увлекся. А тутъ пошли новыя вѣянія въ кавалеріи. Великій Князь насъ подтянулъ. Пошли широкіе аллюры, «пожираніе пространства», а генералу шли шестидесятые годы. На одномъ маневрѣ почувствовалъ онъ себя не хорошо и понялъ — пора. Командовать дивизіей изъ экипажа считаль неприличнымъ и, скрѣпя сердце, очень старикъ любилъ военную службу, подалъ въ отставку.

— Но онъ могъ пойти въ государственный совѣтъ, или служить по администраціи.

— Мало ты знаешь нашего генерала. Онъ никогда не возьмется за дѣло, которое досканально не знаетъ. Кромѣ того, тутъ случилось одно привходящее обстоятельство. Генералу нужно было надолго поѣхать за границу.

— Бетрищевъ! и за границу!.. Но онъ всегда такъ былъ противъ всего иностраннаго.

— Да такъ онъ и остался, но онъ человѣкъ долга и правды. Умеръ его родной братъ и умирая...

Петровъ не договорилъ. Они свернули съ большого шоссе, на маленькую песчаную кленовую аллею, упирвшуюся въ сосновую рощу. Это были «новыя мѣста» Ораніенбаума, гдѣ было совсѣмъ мало еще построено дачъ, да и тѣ стояли съ закрытыми по зимнему деревянными щитами окнами. Канавы вдоль песчаной, плотно убитой кирпичными обломками дороги были полны весенней водой. Золото цвѣтущихъ одуванчиковъ обрамляло ихъ. Деревянные мостики со скамейками были перекинуты противъ дачныхъ калитокъ.

Прекрасный, сильный женскій голосъ несся изъ недалекой дачи черезъ открытое, должно быть, окно.

— Тсссъ, — прошепталъ Петровъ. — Подслушивать, конечно, грѣшно, но слушать этотъ голосъ, *mon cher*, я думаю, никто и даже сама пѣвица не осудить.

Петровъ сѣлъ на скамейкѣ у дачи, изъ оконъ которой несся голосъ и указалъ Ламбину сѣсть рядомъ.

Звенѣли струны фортепьяно и сильный, свѣжій, глубокій голосъ несся изъ сада:

— *Nessun ben gli fu caro tanto...**)

— Итальянка, — прошептала Ламбинъ.

Петровъ махнулъ рукой.

— *L'ultima volta beve il re...**)*

Пѣвица оборвала пѣніе. Она, вѣроятно, подошла къ окну, потому что каждое слово которое она говорила было отчетливо слышно Петрову и Ламбину.

— Все не могу отвыкнуть отъ итальянскаго текста, и вы видите, какъ это по-итальянски звучитъ! Въ *La Scala*, гдѣ я это пѣла я имѣла большой успѣхъ и мнѣ такъ трудно перейти на русскія слова.

Кто-то изъ глубины комнаты отвѣтилъ что-то и пѣвица сказала:

— Да, я согласна съ вами и дядя тоже говоритъ, что русскій языкъ такъ же звученъ въ пѣніи, какъ итальянскій, но я дебютировала въ Италіи въ этой роли и по странному совпаденію и здѣсь буду въ ней же выступать.

И опять кто-то сказалъ и пѣвица, уже отходя отъ окна, отвѣтила:

— О, нѣтъ... Нисколько. Да я вѣдь забронирована отъ этого. Я — Бетрищева. Если вы не устали — пройдемте еще разъ это мѣсто уже по-русски.

Въ Ѳулѣ жилъ, да былъ король
Он до самой своей смерти...

Какъ чарующъ и странно знакомъ этотъ голосъ Ламбину. Онъ напоминалъ ему что-то свѣжее и радостное изъ его молодости, изъ того времени, когда стоялъ онъ на распутьи, не бросилъ своего жребія, но гдѣ и когда, при какихъ обстоятельствахъ, Ламбинъ слышалъ пѣвицу, какъ онъ ни напрягалъ память, онъ вспомнить не могъ. Онъ такъ часто слышалъ эту оперу, посѣщая ее ради балета, гдѣ танцовала на зарѣ своей карьеры Наташа, что

*) Ничто (никакое богатство) не было ему такъ мило (дорого)...

**) Въ послѣдній разъ пил король...

могъ конечно и спутать съ кѣмъ-нибудь. Но нѣтъ, это былъ совсѣмъ особенный голосъ, столько и силы и грусти было въ немъ, что, слушая теперь на мостикѣ у сада Ламбинъ какъ бы видѣлъ и саму пѣвицу, видѣлъ свѣтлые волосы парика и прялку у ногъ и низко печально склоненную голову одной изъ пѣвицъ русской оперы.

Это пѣла Бетрищева!.. Но кто такая эта Бетрищева и какъ она приходится генералу?..

И, когда она кончила свою арію и умолкли послѣдніе аккорды фортепьяно, Петровъ вздохнулъ и сидѣлъ нѣкоторое время, очарованный, молча и когда всталъ сказалъ съ тихимъ вздохомъ:

— Да — совершенство! Ну пойдемъ, покаемся, что подслушивали.

ХІІІ.

Подъѣздъ дачи былъ устроенъ солидно по городскому, съ каменными Пудожской плиты ступенями, съ желѣзнымъ зонтомъ надъ ними. Они чуть не столкнулись на крыльцѣ съ молодымъ человѣкомъ въ пальто-разлетайкѣ, въ мягкой шляпѣ, съ портфелемъ подъ мышкой. Человѣкъ этотъ почтительно далъ дорогу офицерамъ, бокомъ прошелъ на лѣстницу и сбѣжалъ въ садъ. Петровъ позвонилъ. Ему сейчасъ же и открыли.

Свѣтлая, длинная, просторная прихожая благоухала сиренью. Два громадныхъ букета ея стояли въ большихъ вазахъ китайскаго фарфора на столѣ у окна и передъ зеркаломъ.

Петровъ, какъ видно здѣсь уже не разъ бывшій, прямо прошелъ въ гостиную. Тамъ у рояля, прибирая ноты, стояла высокая стройная дѣвушка въ простомъ, но очень дорогомъ свѣтломъ весеннемъ домашнемъ платьѣ. Она сейчасъ же пошла улыбаясь на встрѣчу Петрову. Темно-каштановые волосы ея, густые и длинные были закручены въ косы и уложены на затылкѣ высокимъ шиньономъ. На лбу развѣвались легкіе пушистыя прядки. Большіе, синесѣрые глаза изъ подъ длинныхъ рѣсницъ блеснули радостной улыбкой и освѣтили милое продолговатое лицо ласковымъ свѣтомъ. И опять Ламбину показалось, что онъ уже видѣлъ и это лицо и эти свѣтлые радостные «весенніе» глаза. Но гдѣ, когда у кого Ламбинъ не могъ припомнить.

— Какъ мило, Василій Александровичъ, что вы пожаловали къ

намъ. Дядя будетъ такъ радъ васъ видѣть и вы разрѣдите ту напряженную атмосферу, что назрѣваетъ въ кабинетѣ.

— У генерала опять «мужъ царицы»?

Улыбка сошла съ лица дѣвушки и смѣнилась милымъ смущеніемъ.

— Ну да, конечно... Вы помогите дядѣ. Жаль, что раньше не пришли.

— Простите, но въ этомъ вы виноваты, — сказалъ Петровъ и продвинулъ впередъ Ламбина, на котораго смотрѣла, какъ на чужого дѣвушка.

— Я?..

— Позвольте представить вамъ моего большого друга и офицера моего эскадрона Вадима Петровича Ламбина. Мы очень виноваты передъ вами. Мы подслушивали васъ, когда вы пѣли. Впрочемъ наша вина не такъ и велика, вашъ голосъ несся по всему Ораніенбауму и птицы въ лѣсу благоговѣнно слушали васъ.

— Скажите, какъ вы заговорили. Не похоже на васъ, Василій Александровичъ. Милости просимъ, Вадимъ Петровичъ, пойдете на балконъ, тамъ уже поданъ чай и дядю я попрошу туда же, тамъ легче будетъ сражаться съ барономъ.

**
*

Бетрищевъ вошелъ сейчасъ же за ними на стеклянный балконъ, гдѣ накрытъ былъ чайный столъ. Съ ними вошелъ невысокій, полный офицеръ генеральнаго штаба въ сюртукѣ съ аксельбантами и когда Петровъ представилъ ему Ламбина, сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

— Полковникъ баронъ фонъ Деренгофъ.

Онъ сѣлъ подлѣ Бетрищева на краю стола и сейчасъ же продолжалъ споръ начатый въ кабинетѣ.

Генераль былъ въ сѣрой тужуркѣ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. Такъ же, какъ и раньше онъ былъ строенъ, худощавъ и подтянутъ, такъ же выправленъ, какъ въ тотъ день, когда Ламбинъ являлся ему въ полку, послѣ производства. Только русая борода стала сѣдой.

Полковникъ фонъ Деренгофъ носилъ стриженные усы, былъ въ очкахъ и было что неуловимо неприятное въ его лицѣ съ маленькимъ носомъ пуговкой, в полусѣвшей головѣ и въ тупомъ выраженіи сѣрыхъ выпученныхъ глазъ. На его полномъ одутло-

ватомъ лицѣ все время играла самодовольная улыбка. Съ Петровымъ, котораго онъ зналъ, онъ поздоровался небрежно, раздвинулъ фалды сюртука и усѣлся почти спиною къ сѣвшею подлѣ самовара Бетрищевой.

— И все-таки, ваше превосходительство, я не перестану говорить и надоѣдать вамъ, что вы неправильно поступили, выйдя такимъ молодымъ въ отставку. Кому же и служить, какъ не вамъ?

— Василій Александровичъ, — шепнула Бетрищева Петрову, — это такой больной вопросъ для дяди, вступитесь за него.

— Не смогу, Вѣра Михайловна, я тутъ одинаковаго мнѣнія съ барономъ.

— Вамъ дорогу даю — молодымъ, ученымъ, — хриплымъ голосомъ сказала Бетрищевъ. — Военное дѣло идетъ впередъ и мы, старики, тормозимъ его. Армія должна быть молода и молодыми управляема. Въ Отечественную войну, когда такія побѣды были, все молодежь была. Кутузовъ и Барклай не въ счетъ. На большихъ мѣстахъ были. Государь молодой и вокругъ него все молодежь.

— А князь Багратіонъ? — сказалъ Петровъ.

— Ну да Багратіонъ. Убить въ Бородинскомъ сраженіи. Да и онъ такой ли онъ былъ старикъ? Все это были люди лишь подхлотившіе къ шестидесяти годамъ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ скрипучимъ, авторитетнымъ голосомъ баронъ фонъ Деренгофъ, — вы забываете Суворова и его величественный переходъ черезъ Альпы, когда ему было уже семьдесятъ лѣтъ. Массена, имъ побѣжденный, говорилъ на старости лѣтъ, что всѣ свои побѣды онъ готовъ отдать за такое отступленіе черезъ Альпы.

— Всюду и вездѣ, — сердито и недовольно заговорилъ Бетрищевъ, — гдѣ надо и гдѣ не надо у насъ тычутъ этими семьюдесятью годами Суворова въ Альпійскомъ походѣ. Старики прикрываютъ Суворовымъ свою дряхлость и свои подгнившіе мозги. Да Суворовъ-то, батенька мой, любезнѣйшій мой баронъ, былъ единственный. Да, если Суворову-то въ эту пору было бы не семьдесятъ лѣтъ, а лѣтъ эдакъ подъ сорокъ — такъ онъ не отступалъ бы черезъ Швейцарію, а махнулъ бы во Францію и на колѣни поставилъ бы Бонапарта.

— Ему было приказано отходить. Ему измѣнили австрійцы, — сказалъ Петровъ.

— Въ молодые годы Суворовъ и приказа не очень-то слушался. И чьего! Самой Матушки Екатерины! «Слава Богу, слава

намъ — Туртукай взять и мы тамъ», — вотъ какія дерзкія реляціи отписываль Государынѣ молодой-то Суворовъ, — смѣясь сказалъ Бетрищевъ. — И наградой за послушаніе было: «побѣдителя не судятъ»!.. Вотъ, батенька мой, любезнѣйшій баронъ, какіе фокусы-покусы-то отдѣлываютъ молодые государыня и ея полководцы.

— То была Екатерина съ ея высокимъ пониманіемъ всего, а то Императоръ Павелъ Петровичъ, — сказалъ Петровъ.

— Самодуръ, скажешь! — почти закричалъ Бетрищевъ. — Ахъ, если бы этого самодура слушались, то не противъ Бонапарта а съ Бонапартомъ громить злѣйшаго врага Россіи — Англію. И отъ Англіи этой ничего не осталось бы. Святой бы вышелъ Государь. А то въ самодуры записали и убили. Кто убилъ — враги Россіи — массоны и англичане... Ну и пошло все на западъ, пошло за западомъ, за французами и чего, чего не нанесли къ намъ изъ этого Парижа! Да, что говорить; о прошломъ говорить не приходится, — оно прошло и перестроить прошлое мы не можемъ, поговоримъ мы о настоящемъ. Передъ отставкой былъ я званъ на Георгіевскій праздникъ въ Зимній Дворецъ. Поѣхалъ. Посмотрѣлъ я на процессію... Идетъ молодой Государь съ красавицей Государыней, молодые Великіе Князья съ Великими Княгинями — красота — порывъ, энергія, сила! А дальше, какъ пошли статсъ-дамы, сенаторы, генералитетъ. Жутко мнѣ стало. Мощи идутъ... Живыя мощи. На груди медали, кресты, ордена, звѣзды, черезъ толстый животь цвѣтныя ленты, — чисто иконы движутся. Параллельныя ноги плохо слушаются, шаркаютъ, иные и на палку еще опираются, еле дышутъ, сопятъ. Это поддержка Трона, это кормчіе Государственного корабля! Слишкомъ уже добръ Государь, жалѣетъ уволить сотрудниковъ своего отца и дѣда. А тѣмъ и не вдомякъ, — пора, моль, самимъ подаваться на покой... Иного, съ трудомъ въ карету усаживаютъ, — живыя мощи...

— Ну такіе въ Государственномъ Совѣтѣ, — сказалъ фонъ Деренгофъ.

— Точно, Алексѣй Петровичъ. Въ Совѣтѣ... Сидятъ, спятъ. Спросятъ: «Вы, ваше высокопревосходительство, какого мнѣнія по этому вопросу»? А его высокопревосходительство и вопроса не слышалъ, проспалъ сномъ младенца. Лепечеть: «Я согласенъ съ мнѣніемъ предъидущаго». Халать! По указу въ Божѣ почившаго Государя Императора строимъ Великій Сибирскій путь, размахнулись чисто Петровскимъ размахомъ. Новую Россію строимъ, и гдѣ? На берегахъ Великаго Океана... Тутъ намъ и Японія, тутъ

намъ -- вотъ она — рукою подать — Америка. Какія перспективы, какой размахъ!.. Какой порывъ, какой полетъ нуженъ тутъ. Вѣдь нужно, чтобы тутъ все горѣло, чтобы явилось особое управление Сибири, свой намѣстникъ, своя огромная армія, свои финансы. На дѣлѣ — комитеты, комиссіи и это ужасное: «согласенъ съ мнѣніемъ предъидущаго», — своего мнѣнія нѣтъ или боятся сказать, не въ ладъ попасть... И тянется канитель который годъ и приведетъ насъ къ великимъ несчастіямъ, къ катастрофѣ. Тутъ нужно смѣло убрать стариковъ и замѣнить ихъ молодыми... мальчишками!

— А что знаютъ мальчишки-то эти? — сказалъ Петровъ.

— Что? Пускай ошибаются, да работаютъ. Пусть начнутъ, въ процессѣ работы, можно будетъ выправить, но не будетъ этого ужаснаго русскаго «семь разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь». И до того примѣряются, что и рѣзать позабудутъ. Надо поднять массы, а то бѣда будетъ, если массы поднимутся сами. Онѣ поднимутся на разрушеніе, а пока не поздно — ихъ можно поднять на созиданіе. Вотъ посмотрѣлъ я на это на все, вернулся къ себѣ въ дивизию и подалъ прошеніе объ отставкѣ, тутъ и дѣло мнѣ подвернулось, — братъ, умирая, просилъ, чтобы я далъ настоящее музыкальное образованіе моей племянницѣ, Вѣрочкѣ, чтобы научилъ ее и сдѣлалъ подлинной пѣвицей. Подалъ я въ отставку, чтобы молодымъ дать дорогу. Далъ примѣрь.

— А кто послѣдовалъ вашему примѣру?

— Никто, баронъ, никто. Да, совѣсть моя стала спокойной.

— Отойди отъ зла и сотвори благо, — сказалъ Петровъ, — правильно ли это, ваше превосходительство? Не вѣрнѣе ли было бы бороться со зломъ.

— Руки коротки, Василій Александровичъ. Вѣра, — повернувшись къ молча сидѣвшимъ подлѣ самовара Вѣрѣ и Ламбину, сказалъ Бетрищевъ, — мы чай кончили. Молодому нечего слушать наши споры. Пойди, покажи ему твою гордость — нашъ садъ.

*
**

Садъ былъ небольшой, но необычайно показался онъ красивымъ Ламбину. Онъ былъ разбитъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь раньше стараго сосноваго лѣса и въ углу, гдѣ былъ небольшой песчаный холмъ, сосны были оставлены и росли дружной семьей по холму. Здѣсь между розоватыми стволами сосенъ росли густою порослью ландыши и были они очень крупные и душистые.

— Откуда вы достали такіе прекрасные ландыши? — спросил Ламбинъ, — неужели они здѣсь всегда росли?

— Нѣтъ, я выписала изъ Голландіи особыя крупныя луковицы и засадила ими эту маленькую рощицу. Я очень слѣдила за ними и ухаживала и они вознаградили меня въ этомъ году какимъ-то особеннымъ цвѣтеніемъ. Да вѣдь это всегда былъ мой любимый цвѣтокъ. Еще съ дѣтства.

Прямо, открыто смотрѣли въ глаза Ламбину сѣро-голубые глаза Вѣры. Они мѣняли цвѣтъ, точно слѣдуя за ея мыслями и отражая все то, что она думала. Запахъ ландышей, пригрѣтыхъ солнцемъ, смѣшивался съ крѣпкимъ смолистымъ духомъ сосенъ и напоминалъ Ламбину другую весну, ту, когда, какъ завязъ на цвѣткѣ, вдругъ развернулась въ немъ нѣжная любовь къ Наташѣ Травиной, съ кѣмъ онъ ожидалъ свиданія. Ламбинъ посмотрѣлъ въ глаза Бетрищевой, еще и еще такъ внимательно и пристально, что та начала краснѣть и смущаться и вдругъ вспомнилъ... Точно на его глазахъ стало молодѣть, юнѣть лицо Вѣры, носъ потерялъ опредѣленность точеныхъ формъ, щеки стали круглѣе и полнѣе и появилась въ воображеніи Ламбина дѣвочка-гимназистка съ косой и съ желтымъ кругомъ соломенной шляпки на спинѣ. Маршъ Радецкаго зазвучалъ въ его ухахъ и слился съ только-что слышаннымъ голосомъ молодой пѣвицы, пѣвшей арію Маргариты.

— А вѣдь мы съ вами, Вѣра Михайловна, встрѣчались, — сказала, улыбаясь, Ламбинъ.

— Н-не знаю, — нерѣшительно сказала Вѣра. — Простите, не помню, гдѣ? Можетъ быть заграницей? Вы были въ штатскомъ платьѣ. Штатское платье такъ мѣняетъ весь обликъ человѣка.

— Нѣтъ. Заграницей я не былъ. А видѣли вы меня не въ штатскомъ, а въ солдатскомъ. Помните — раннее весеннее утро... Сосновый лѣсъ, большой такой, дорожку по нему и такую же массу ландышей. И... «тра-та-та... тра-та-та-тамъ, тамъ, тамъ». Маршъ Радецкаго.

Теперь Вѣра Михайловна вспыхнула. Но она не смутилась и просто со свѣтской любезностью сказала:

— Боже мой, да точно — вы. Все тотъ же. Теперь, конечно. — усы и гусарскій мундиръ. Тогда я ужасно какъ на васъ разсердилась. Подумала — какой нахальный вахмистръ! Вы! Да точно вы! И мало измѣнились. Вѣдь давно это было, Вадимъ Петровичъ. Десять лѣтъ тому назадъ.

— Почему вы тогда такъ быстро убѣжали?

— Помилуйте, Вадимъ Петровичъ. Я же была очень строго воспитана... и вдругъ такой позоръ. Пѣть во все горло въ лѣсу, и еще и маршъ. Идти подь этотъ маршъ солдатскимъ шагомъ! Помилуйте, такъ воспитанныя дѣвочки не ходятъ. И шляпа за спиною. Ужась! Но за то первые апплодисменты и ваше «браво» запомнились, какъ видно, на всю жизнь.

— Вы ихъ теперъ такъ много слышите, услышите еще и больше.

— Представьте, — трогательно довѣрчиво сказала Вѣра, — такихъ, какъ тѣ пожалуй и не услышу. Я ихъ и сейчасъ какъ бы слышу. Мы оба были тогда такими юными... И почему-то мнѣ показалось, что ваши апплодисменты вырвались у васъ потому, что вы были въ тотъ день особенно счастливы, такъ же, какъ и я, счастливы свободой и молодостью.

Что-то интимно близкое легко вдругъ между ними во время этихъ воспоминаній. Будто встали давно ушедшіе въ небытіе прошедшаго веселый и счастливый вахмистръ и дѣвочка гимназистка и такъ, какъ это можетъ быть только между чистыми и юными легла между ними простая товарищеская близость.

Вѣра вздохнула и тихо сказала:

— Да, свѣтъ малъ. Гора съ горою не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ... И знаете, что. Вы должны мнѣ написать поэтому въ альбомъ, на память... о ландышахъ и маршъ Радецкаго и первыхъ апплодисментахъ.

— Пойдите, Вѣра Михайловна. — Я? Въ альбомъ? Написать? Да что вы?

— Чему вы удивились?

— Помилуйте. Въ альбомъ пѣвицы? Знаменитости?

— Полноте, не ломайтесь. Я слышала вы тоже знаменитость скакового поля.

И широкими шагами, мурлыча про себя маршъ Радецкаго, Вѣра пошла къ дому, за нею, въ ногу съ нею, шелъ Ламбинъ.

XIV.

Какъ много было цвѣтовъ въ этой маленькой полутемной гостиной. Оранжевейныя розы большимъ букетомъ наполняли фарфоровую вазу на столѣ. На верху пузатаго бюро стояли пушистыя терпко пахнуція гвоздики, сирень густо заполнила весь

уголь. Окна гостиной выходили на стеклянный балконъ и оттуда слышны были голоса Бетрищева и барона фонъ Деренгофа.

Вѣра открыла ключомъ нижній шкафикъ стола и достала оттуда дорогой альбомъ, отдѣланный въ красную шагрень съ большими тисненными французскими буквами ея вензеля.

— Пожалуйста, Вадимъ Петровичъ.

— Позвольте, Вѣра Михайловна, мнѣ раньше посмотрѣть, что писали вамъ другіе, чтобы не написать что-нибудь неподходящее.

— Прошу.

На первой страницѣ былъ вклеенъ портретъ молодой красивой женщины въ бальномъ туалетѣ. Женщина была снята въ профиль со спины. Темные волосы были уложены на затылкѣ по гречески и весь ея профиль напоминалъ старинную камею. Подъ портретомъ тонкими крупными буквами было подписано:

«L'art est la grâce et l'enchantement de la vie. L. B.» *)

— Это написала мнѣ и подарила свой портретъ артистка — мой идеаль. Если я достигну когда-нибудь такого искусства пѣнія — я буду счастлива.

Ламбинъ листалъ страницы альбома.

— Нѣтъ, нѣтъ, — въ страхѣ сказалъ онъ. — Да что вы!.. Мнѣ писать сюда. Какое общество!.. Петръ Чайковскій... Антонъ Рубинштейнъ... Бородинъ... Цезарь Кюи... И ноты... По-итальянски! Маркизь... Герцогъ написалъ нѣмецкіе стихи. Кто-то написалъ по-английски. А это?.. Какъ мило — и Ламбинъ прочелъ въ полголоса:

Charmeuse par la grâce,
Le talent et la voie,
Je voudrais que Dieu vous fasse,
Madame, heureuse à votre choix...**)

Л. В.

-- Прелестно... Но почему, «Madame».

— Писавшій сдѣлалъ описку и не захотѣлъ ее исправить Это было на одномъ званомъ обѣдѣ у насъ въ Венеціи. Я пѣла; была въ ударѣ. Написалъ эти строчки одинъ французскій офицеръ.

*) Искусство — несказанная красота и обаяніе жизни. Л. Б.

**) Чарующая красотой, талантомъ и голосомъ — я хотѣлъ бы, сударыня, чтобъ Богъ послалъ вамъ такое счастье, какое вы сами хотите. Ж. Б.

— Отказываюсь, положительно, отказываюсь, Вѣра Михайловна... Все у васъ иностранцы...

— Это только въ началѣ. Альбомъ начать за границей. А дальше все русскіе.

— Но какіе! Михаила Драгомировъ, Николай Бетрищевъ.. Все генералы. Куда мнѣ съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ.

— Простите — это ваше грубое слово — сюда не подходить. Вы сами отлично знаете, — что лицо у васъ не суконное, и рядъ тутъ тоже не калашный. Все ваши товарищи — офицеры. Посмотрите, какъ мило мнѣ написалъ вашъ эскадронный командиръ Василій Александровичъ Петровъ. Изъ Суворова.

Ламбинъ прочель:

— «Побѣди себя самъ и ты будешь непобѣдимъ». Что же — отлично. Но, что я напишу?.. Нарисовать ноты марша Радецкого, вѣтку ландышей и подписать: — «тра-та-та... тамъ, тамъ, тамъ»...

— Что же? такъ и сдѣлайте. Хотите линейку и акварель?

— Нѣтъ... Нѣтъ. Ну, что вы со мною дѣлаете?

— Пишите!

Ламбинъ поднялъ голову. Надъ нимъ стояла дѣвушка. Но была она не такая, какою была Наташа. Что-то высшее было въ ней. Не чувствовалось тѣло подъ свѣтлымъ строгимъ платьемъ и только глаза, милые, ласковые и властные смотрѣли на Ламбина съ легкой усмѣшкой.

— Ну была, не была... Если тотъ... французъ назвалъ васъ «мадамъ», такъ простите, что, воспроизведя чужіе стихи я обращаюсь къ вамъ на «ты»... Licentia poetica. *)

Ламбинъ четко написалъ:

На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.
На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь:
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ, черныхъ, какъ ночь...

Вѣра, смотрѣвшая черезъ плечо Ламбина, что онъ пишетъ, покраснѣла и смутилась. Ламбинъ всталъ и, увидѣвъ смущеніе

*) Поэтическая вольность.

Вѣры, подумаль, «ну видно, и точно я ляпнулъ. Не надо было мнѣ соваться»...

— Спасибо, — тихо сказала Вѣра. — Но я не помню откуда это?..

— Ну, развѣ не знаете? Это Некрасова. Теперь всѣ поютъ это. Не настоящія пѣвицы, конечно, а такъ, кому поется во время работы отъ полноты чувства. Навѣрно знаете начало: «Что такъ жадно глядишь на дорогу, въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ...»

— Ну, конечно, знаю. Слышала. И какъ я не догадалась.

Споръ на балконѣ внезапно оборвался. Тамъ задвигали стульями — Петровъ вошелъ въ гостиную.

— Ну, mon cher, полюбовался на диву и айда, поѣхали домой. Вы, милая Вѣра Михайловна, — взглянувъ на смущенныя лица Вѣры и Ламбина и на альбомъ, лежавшій открытымъ на столѣ, сказалъ Петровъ, — простите, если мой молодой что-нибудь неудачное написалъ. Простота... Деревенщина... Гдѣ ему тонкое обращеніе познать?.. Ну и упарилъ же меня «мужъ царицы». Вотъ дуб-бина! Прощайся, Вадимъ, шаркни ножкой и поклонись низенько, почувствуй, съ кѣмъ тебя познакомили.

Баронъ все не уходилъ. Съ балкона черезъ закрытую дверь былъ слышенъ его ворчливый голосъ:

— Ваше превосходительство, вы меня не убѣдили, никакъ не убѣдили. Позвольте мнѣ вамъ сказать еще пару словъ...

— Ну, если до «пары словъ» дошло, — сказалъ Петровъ, — такъ это, пожалуй уже до самага вечера будетъ продолжаться. И по-русски-то говорить не научился со своими «парою словъ», а судьбы отечества рѣшаетъ. Идемъ, Ламбинъ. Генерала не тревожь. Я за тебя ему откланялся.

Вѣра провожала гостей до калитки и, стоя у забора, долго смотрѣла вслѣдъ, пока за поворотомъ аллеи не скрылись алая фуражки изъ вида.

XV.

Скажи мнѣ, Василій Александровичъ, почему ты назвалъ этого ужаснаго барона «мужемъ царицы»?

Петровъ откинулся на спинку дивана вагона перваго класса, оглянулся нѣтъ ли еще пассажировъ и, убѣдившись, что они одни въ купе, началъ рассказывать.

— Почему? Помнишь въ «Прекрасной Еленѣ» Царя Менелая

и у него жена прекрасная Елена, царица... Вотъ Менелай — мужъ царицы, а нашъ баронъ, чѣмъ не Менелай?

— У этакого чучелы прекрасная жена?

— Прекрасная... Гмммъ. Если увидишь ее — на колѣни станешь. Прекрасная... У него жена — замѣчательная. Такія рождаются разъ въ сто лѣтъ. Такія блещутъ. Съ ума сводятъ. Это, какъ знаменитая Марія Вечера. Да что! лучше, красивѣе, а что честнѣе такъ въ тысячу разъ... Она, какъ въ пѣснѣ поется — «взглянетъ — рублемъ подарить». Да не рублемъ, а цѣлою тысячею рублей.

— Откуда же онъ досталъ такую? Самъ уродъ. И, кажется, умою не блещетъ.

— Умою? Дуб-бина! Откуда?.. «Въ Өулѣ жилъ да былъ король»... И не въ какомъ то сказочномъ, оперномъ Өулѣ, а просто въ Санктъ Петербургѣ, на Маломъ Невскомъ, въ старомъ грязномъ двухъэтажномъ домѣ, безъ удобствъ, на второмъ этажѣ и не король тамъ жилъ, а консисторскій чиновникъ, занимавшійся между дѣломъ поставкой свидѣтелей по супружеской измѣнѣ, нужныхъ при бракоразводныхъ дѣлахъ. Это давало ему и приличный заработокъ и обширныя и самыя разнообразныя знакомства. И вотъ у этого чиновника, типичнаго этакаго «кувшиннаго рыла», знатока законовъ и Сенатскихъ разъясненій и постановленій, — памяти онъ — надо отдать ему справедливость — былъ сверхъестественной, — опытнѣйшихъ адвокатовъ и сенаторовъ ловилъ на ошибкахъ, — жена Кіевлянка — и красавица. Помнишь, у Некрасова въ его «Кудеярѣ» — «взялъ изъ подъ Кіева дѣвицу красу»... и дочь Марьяна. Еще дѣвочкой, въ гимназіи Марьяна поражала всѣхъ своими лингвистическими способностями. Отецъ понялъ, въ чѣмъ ея талантъ и не пожалѣлъ денегъ на учителей и учительницъ. Она барышней свободно и прекрасно говорила по-англійски, нѣмецки, французски и стала изучать японскій языкъ. Выросла — красавица дѣвушка. Мать была красива, а дочь затмила ее своею немного холодной величественной, Кіевской красотой. Волосы — темная, темная бронза, длинные, густые, блестящіе. Глаза огромные, черные, насквозь человѣка видятъ. Высокая, стройная, прекрасно сложенная — ей блистать, какъ Маріи Вечера, какъ герцогинѣ Герольштейнской, ей поклоненіе, ей дары, все ей, а вмѣсто того — этой-то красавицѣ, умницѣ, ученой — она тоже себѣ цѣну знала — жить на Маломъ Невскомъ, гдѣ мимо, съ утра и до двухъ часовъ, почти непрерывно тянутся похоронныя процессіи, то скромныя, на Преображенское и Охтенское кладбище, то бога-

тыя, пышныя съ музыкой и барабаннымъ боемъ въ Александро-Невскую Лавру, жить въ старомъ домишкѣ, съ душными, низкими, комнатами, насквозь пропахшими дешевымъ табакомъ и пивомъ, съ клопами въ щеляхъ обоевъ — куда, какъ не сладко! Замужъ?.. Такъ у Марьяны и особенно у ея родителей фантазія разъигралась. Имъ подавай не иначе, какъ графа, или герцога, или князя. Такой-то красавицѣ! Отъискали какую-то не то родственницу не то кліентку папаша, захудалую княгиню съ тройной фамиліей, что-то въ родѣ — княгини Трандабасовой-Собакиной-Ловчинской и стала эта княгиня вывозить Марьяну въ свѣтъ. Кавалеры липнуть къ ней. Вотъ они, кажутся — женихи... И князя и графы и кого, кого тутъ не было. Выбирай любого. А какъ узнаютъ они про папашу, про его занятія про квартиру на Маломъ Невскомъ, про все ихъ чиновное горе-гореванье, про захудалость, какъ посмотрятъ на прокуренное, провонявшее чернилами кувшинное рыло папаша, — вѣдь его не скроешь — такъ и прочь пойдутъ. Такъ — безъ родителей, романически бѣжать съ кѣмъ-нибудь — то ли смѣлости у Марьяны не хватило, то ли жениха отчаяннаго не нашлось — тоже барышня толковая — боялась и на обманъ нарваться — жениться наобщааетъ, а потомъ ищи, свисти — папаша-то пока по этимъ дѣламъ — обучилъ дочь до тонкости. Вотъ тутъ-то, года три тому назадъ, и познакомилась она съ полковникомъ генеральнаго штаба барономъ фонъ Деренгофомъ. Переводы что ли ему какіе-то дѣлала для его ученыхъ трудовъ... Баронъ-то глупъ-глупъ, а себѣ на умѣ сразу понялъ какое сокровище передъ нимъ въ лицѣ Марьяны. Въ ту пору онъ получилъ большое назначеніе въ штабѣ, ему пришлось бывать у посланниковъ, у военныхъ агентоу, принимать ихъ у себя, слѣдить за иностранной литературой, читать иностранныя газеты. А бѣдный баронъ, хотя онъ и баронъ и фонъ, но еле могъ читать по-нѣмецки, а уже о другихъ языкахъ и говорить нечего. Онъ понялъ, что, женившись на Марьянѣ, онъ можетъ и у себя принимать кого угодно и поѣхать с нею къ кому хочетъ. Красавица жена, молчаливая, но все умѣющая подслушать, вызнать, читающая на многихъ языкахъ, — такая жена — находка. Баронъ человѣкъ вполнѣ обеспеченный, даже и богатый, ни приданого, ни денегъ ему не нужно, «кувшиннымъ рыломъ» онъ пренебрегъ, пренебрегъ и Малымъ Невскимъ и поѣхалъ честь честью дѣлать формальное предложеніе.

— Такъ неужели же она согласилась?

— А почему нѣтъ? Марьяна умница. Она тоже поняла, что это она будетъ на первомъ мѣстѣ, она будетъ блистать, она будетъ — «царица» — онъ только «мужъ царицы».

— Но... Любовь? Чувство?

— Э, mon cher, не всѣ такіе романтики, какъ ты. Есть mon cher, жизнь и ея велѣнія. Есть карьера... И она заманчива одинаково, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, особенно такого склада ума, какой былъ у Марьяны. Для барона Марьяна даровая помощница, секретарь и переводчикъ, блестящая собесѣдница въ салонахъ. Баронъ сядетъ за карты, въ винтъ играть съ кѣмъ нужно и ведетъ карточные разговоры, а жена его тѣмъ временемъ любезно сядетъ съ кѣмъ нужно, все вызнаетъ, все выпытаетъ и дома ему расскажетъ и напишетъ. Вотъ тебѣ и карьера. Баронъ скоро генераломъ будетъ — она — генеральша. Ну, а потомъ губернаторомъ ли, начальникомъ ли области — Марьяна лицомъ въ грязь не ударитъ, поведетъ салонъ по иностранному. Подлинно — царица!

— Барона я отлично понимаю, но ее!.. Такую, какъ ты говоришь, красавицу и умницу.

Э, милый мой — все-таки баронесса. Да и жить на Маломъ Невскомъ, смотрѣть на вереницы похоронныхъ процессій, что тянутся каждый день мимо оконъ, смотрѣть, какъ по выраженію поэта — «смерть жатву жизни косить», ей надоѣло. Ей шель уже двадцать шестой годъ — а другого жениха не было. Ну и средства тоже манили.

— Да. Исторія...

Петровъ сладко зѣвнулъ, потянулся и закрылъ глаза. Ламбинъ смотрѣлъ въ окно. Когда подъѣзжали къ Петербургу, онъ разбудилъ говарища.

— Вставай, Василій Александровичъ. Приѣхали.

— А, да...

— Какъ хорошо мы провели время у нашего генерала.

— Говори о себѣ. Мнѣ тяжело было поддерживать этотъ нудный разговоръ съ барономъ, который, видимо, разстраивалъ генерала. Ты же былъ съ Вѣрой Михайловной.

— А что за человѣкъ, Вѣра Михайловна?

— Будущая знаменитость.

— А почему она не вышла замужъ?

— Зачѣмъ ей выходить?.. Она любить свое искусство и она быстро сдѣлаетъ карьеру. Мужъ ей будетъ только помѣхой.

— А какъ она хороша. Какъ-то по особенному хороша.

— Да, mon cher, искусство, пѣніе и музыка это изъ иного міра, изъ міра «невидимыхъ»... Такихъ женщинъ не скоро поймешь. Мало ее полюбить, — нужно, чтобы это она сама кого любила. Ну а такого человѣка ей, видно, не привелось повидать.

Они вышли на вокзалъ.

— Ты куда? Въ Царское?

— Нѣтъ, я сегодня свободенъ. Поѣду къ Наташѣ.

— Кланяйся ей отъ меня. Въ «Баядеркѣ» она была великолѣпна. Антуловъ сказалъ — скоро она будетъ законченной танцовщицей. Только, Вадимъ... Береги ее.

— А что?

Петровъ не отвѣтилъ. Извозчикъ тронулъ пролетку и она покатила по булыжной мостовой Обводнаго канала.

XVI.

«Береги»...

Это слово запало въ душу Ламбина и звучало въ ней всю дорогу, пока онъ ѣхалъ на Никольскую площадь. Такъ сложилась ихъ жизнь съ Наташей, что какое тутъ могло быть береженье? Но гусарски жили: «ночь кольцомъ — день молодцомъ»...

Наташа не ожидала въ этотъ день Вадима и ее не было дома.

— Барыня у всенощной, — сказала Катя, принимая пальто и шашку Ламбина.

Обычно въ такихъ случаяхъ Ламбинъ шелъ и самъ въ церковь и отыскивалъ тамъ Наташу. Сегодня онъ не пошелъ, но прошелъ въ будуаръ и сѣлъ у окна подлѣ письменнаго стола. На столѣ лежалъ старенькій Наташинъ альбомъ. И невольно въ умѣ Ламбина встало сопоставленіе съ тѣмъ альбомомъ, куда онъ часа полтора тому назадъ такъ неудачно написалъ стихи Некрасова. Тамъ альбомъ былъ запертъ и его достали изъ подъ ключа. Его не давали каждому, кто захочетъ, въ немъ писали только избранные. И читать его давали тоже не каждому. Тутъ альбомъ просто «валялся» и всякій могъ смотрѣть его и смотрѣли его и писали въ него и Муся, и Медвѣдевъ, и баронъ Воде съ хористкой, кто угодно. Правда и альбомъ былъ дѣтскій изъ тѣхъ временъ, когда

Наташа ходила съ тугими русыми косичками съ ленточками на спинѣ и въ короткомъ ученическомъ платьицѣ.

Никому невѣдомая и никому не нужная сиротка Наташа.

Ламбинъ вѣзля въ руки старенькій альбомъ. Онъ былъ не такой большой, какъ у Вѣры Бетрищевой. Въ голубомъ плюшевомъ переплетѣ съ вытисненными на верхней крышкѣ золотыми буквами «Album», дорогой, но банальный альбомъ, какихъ тысячи въ магазинахъ, лежалъ на столѣ.

Сколько надъ страницами его было смѣха, сколько слезъ было пролито надъ иными листками.

Первая страница альбома была искусно задѣлана подъ крышку переплета и только Ламбину было открыто ея содержаніе и какъ ее вынуть. На ней, наискось во весь листъ, тонкими, красивыми буквами женскаго, «аристократическаго» почерка было написано:

«Моей милой Наталочкѣ на память. Помни меня... Всегда меня помни, Наташа... Никогда не забывай. И когда подумаешь обо мнѣ — горячо помолись за меня».

Ни года, ни числа, ни подписи, ни инициаловъ...

Этотъ альбомъ съ этою надписью подарила Наташѣ та самая красивая богато одѣтая дама, когда пріѣхала она въ послѣдній разъ въ училище. И когда рассказывала это Ламбину Наташа, она сказала ему, заливаясь слезами: «Я знаю. Это подарила мнѣ мама...»

Если случайно кто-нибудь находилъ эту страницу и спрашивалъ у Наташи, кто это написалъ, Наташа съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчала:

— Это мнѣ Начальница написала.

И отбирала альбомъ.

Ламбинъ смотрѣлъ на тонкія косыя безупречно написанныя строки и думалъ: «Какую тайну рожденія скрываетъ отъ меня Наташа... Что легло изъ-за этой тайны между нами? Слѣдить ли кто-нибудь близкій за Наташиными успѣхами въ балетѣ, за ея связью со мною? Кто стоитъ за этими нѣжными и печальными строками? Какая женская драма за ними скрывается?»

Онъ заложилъ листокъ, какъ закладывала его Наташа. Можетъ быть потому альбомъ теперь и «валялся» такъ просто на столѣ, что Наташа, отправляясь въ церковь, смотрѣла эти строки и молилась за ту, кто ихъ написалъ.

Ламбинъ отвернулъ слѣдующую страницу и вздохнулъ: можно и не смотрѣть дальше. Альбомъ дѣвчонки, ученицы театральнаго училища.

Бимъ-бомъ, бимъ-бомъ:
Я пишу тебѣ въ альбомъ...
Хи-хи-хи:
Вотъ тебѣ мои стихи...

Сося Лукашевичъ.

Эта Сося Лукашевичъ и сейчасъ въ балетѣ и все «у воды». Мордочкой вышла, а таланта танцовать не имѣетъ.

На послѣдней страницѣ обычная надпись, въ самомъ внизу, такъ, чтобы дальше уже ничего нельзя было написать:

Кто любить болѣе меня —
Тотъ пишетъ далѣе меня.

Муся Ленская.

И когда-то онъ самъ, не колеблясь и не стѣсняясь, какъ колебался онъ и стѣснялся у Вѣры Бетрищевой, въ медовый мѣсяцъ любви, по возвращеніи изъ Ялты, написалъ:

За золото купишь четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны: —
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ...

Это была ихъ первая семейная размолвка. Наташа приняла эти Лермонтовскіе стихи на свой счетъ и были слезы, и было первое тяжелое горе обиды. Ламбинъ хотѣлъ тогда же вырвать этотъ листокъ, но Наташа не позволила:

— Нѣтъ, — сказала она, заливаясь слезами, — пусть такъ и останется. Навсегда. Я не думала только, Димочка, что ты такой, какъ всѣ... Злой и скверный.

А вотъ и еще замазанная и перечеркнутая страница. Одинъ изъ «всѣхъ» — поручикъ Медвѣдевъ, Мунькинъ «мужъ», «злой и гадкій», въ дребезги пьяный, при дикомъ хохотѣ и визгѣ Муни началъ писать неприличные стихи:

Жасминъ хорошенькій цвѣточекъ...

Наташа... Какъ тогда она разсердилась! Вырвала изъ рукъ Медвѣдева альбомъ, на страницѣ остались кляксы и строка была

щательно заштрихована и зарисована. Наташа тогда чуть не выгнала изъ дома Медвѣдева.

Петровъ написалъ изъ Мюссе. Милый, чуткій Василій Александровичъ, котораго послѣ его ,Вадима, больше всѣхъ любить Наташа.

— *Aimer, souffrir, mourir — voici notre vie...**)

Совсѣмъ недавно Ламбинъ возилъ альбомъ къ Мальмсену и готъ написалъ изъ Пушкина:

Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляютъ... лишь вѣтеръ, да я!...

И было странно задумчиво и грустно лицо милога чухны.

Ламбинъ вздохнулъ и отложилъ въ сторону Наташинъ альбомъ. Онъ оглянулъ комнату: портреты танцовщицъ въ бѣлыхъ блестящихъ рамкахъ отблескивали стеклами на вечернемъ майскомъ солнцѣ. Большой Наташинъ портретъ — перомъ, съ прокладкой акварелью, рисовалъ художникъ Богдановъ — Наташа въ балетной «пачкѣ» и балетныхъ туфельхъ стоитъ у станка. Широко раскинуты худенькія, какъ у дѣвочки, дѣвственно прелестныя, обнаженныя руки вдоль дубовой палки, улыбка застыла на миломъ лицѣ, стройныя ножки въ розовыхъ башмакахъ съ тупыми носочками вытянуты на «пуантахъ». Глаза синѣютъ изъ подъ темныхъ рѣсницъ. Она, какъ живая въ талантливомъ наброскѣ знатока женской красоты. Она вся въ этомъ: танцы... Грація, музыка, ритмъ, пуанты, элевация, воздушные прыжки и гармонія всѣхъ движеній ея хрупкаго тѣла. Тѣлесная и безтѣлесная. Воздушная, неземная...

Какъ часто она выговаривала, даже пеняла Вадиму за ту жизнь, что создалась у нихъ. Ей хотѣлось только: сцена, успѣхъ, искусство, чистое искусство и... молитва въ церкви, когда тамъ за ранней обѣдной кромѣ старыхъ салопницъ никого не бываетъ. Она говорила, какъ ей тяжело и противенъ этотъ постоянный шумъ въ домѣ, анекдоты и куренья гостей, картежная игра до утра. Онъ не бережетъ ее.

Да развѣ это онъ создалъ ей такую жизнь? «Бимъ-бомъ — я пишу въ альбомѣ» и «кто любитъ болѣе меня — тотъ пишетъ

*) Любить, страдать и умереть — вотъ наша жизнь.

далѣ меня» это — до него. Это Муся съ Кирилломъ Капитоновичемъ внесли въ его домъ и шумъ и неприличные шутки и все то, что оскорбляетъ Наташу.

Странно, — онъ только сейчасъ понялъ, что права была Наташа. Вотъ, когда смотрѣлъ Наташинъ альбомъ и сравнилъ съ другимъ альбомомъ, который днемъ достали ему изъ подъ ключа. Красивая и чистая шагрень, будто только что изъ магазина альбомъ и на немъ двѣ буквы: «W. B.»... «L'art est la grâce et l'enchantement de la vie».

Нѣжный запахъ шель отъ букета розъ и казалось, что запахъ этотъ исходилъ отъ дѣвушки, стоявшей позади него. Тамъ было...

Настоящее...

Здѣсь?

Тамъ тоже сцена, блескъ рамы, обманчиво красивыя декорации, звуки музыки и... «мїръ невидимыхъ», — какъ сказалъ Петровъ. Тамъ пѣніе — тутъ танцы — не все ли одно?

Но, если бы?.. Позволила ли бы та повести такой образъ жизни, какой ведетъ онъ съ Наташей?

Кто виноватъ, что тутъ не настоящее? Что стало между ними, что сдѣлало ихъ жизнь такою? Десять лѣтъ смѣяться, пѣть, шутить, десять лѣтъ шалить, какъ дѣти, шататься по ресторанамъ, проводить ночи безъ сна, горѣть въ этой сказкѣ жизни — днемъ въ полку, гдѣ черноусые молодцы гусары въ богатой формѣ, гдѣ кровныя нарядныя лошади, богатое собраніе, «министръ» Спиридонъ Петровичъ, кутежи, театръ, гдѣ онъ смотритъ и восхищается Наташей, гдѣ вмѣстѣ съ Наташей смотритъ драму, или оперетку и послѣ ресторанные огни, раздражающая цыганская музыка оркестра, визгъ скрипокъ, запахъ кушаній и духовъ, игра шампанскаго въ бокалахъ — вѣчный, неугомонный праздникъ. Праздникъ и на службѣ, на скачкахъ въ рукоплесканіи толпы въ трибунахъ, праздникъ и тутъ у Наташи... Дома. Да дома ли?

А вѣдь настанутъ и будни. Когда и какъ они настанутъ и что тогда дѣлать?

Почему тамъ показалось ему, что тамъ, въ Ораніенбаумѣ настоящее, а здѣсь...

Когда звонилъ сегодня у двери первый разъ обратилъ вниманіе на блестящую мѣдную дощечку и надпись черными буквами: «Н. Н. Травина».

Да вотъ почему...

Между ними легъ «грѣхъ». Наташа чувствуетъ этотъ грѣхъ

онъ — до сегодня не ощущалъ его. Чтобы жить иначе, нуженъ — «законъ». Выходить, что церковный бракъ, хожденіе вокругъ аналоя, подъ вѣнцами и флеръ-д-оранжи на подвѣнчномъ платьѣ невѣсты и «жена да боится своего мужа» все это не шутки а ну-жно! Безъ этого — не настоящее. Настоящее въ таинствѣ... Въ благословеніи Божиѣмъ. Когда тамъ на дверной дощечкѣ будетъ написано «Н. Н. Ламбина», когда Наташа войдетъ въ ихъ полковую семью и станеть со всѣми на равной ногѣ, тогда начнется другая жизнь. Все это, казавшееся ничтожными и ненужными мелочами, придуманными людьми, чтобы стѣснять ихъ свободу, нужно; безъ нихъ жизнь вертится, крутится и выматываетъ ихъ обоихъ. Эта ихъ сказка вѣчныхъ наслажденій — не жизнь. И чѣмъ ихъ жизнь отличается отъ жизни Мальмсена, который тоже провозгласилъ въ любви прежде всего свободу?..

Но, гдѣ же жизнь?

XVII.

Ламбинъ такъ задумался, что прослушалъ, какъ зазвонилъ звонокъ въ прихожей, какъ, помедливъ, отворила двери Катя. Она ожидала, что, какъ всегда, въ такихъ случаяхъ самъ Вадимъ откроеть двери своей Наташѣ, а онъ точно не замѣтилъ, какъ въ дверяхъ гостиной появилась Наташа.

— Дима! Димочка! — вскрикнула она и на стальныхъ своихъ носочкахъ побѣжала по мягкомъ ковру, кинулась на колѣни, передъ не успѣвшимъ встать съ кресла Ламбинымъ, обняла его и пылающей щекой прижалась къ его щекамъ и заплакала.

— Что съ тобою, Наташа?

— Дима!.. Да какъ же это такъ? Ты не встрѣтилъ, не ты отворилъ мнѣ двери, когда я позвонила и ты былъ у меня? Я чувствовала, сердце чувствовала, что ты у меня. И я бѣжала по лѣстницѣ, запыхалась, я была увѣрена, что на вѣшалкѣ виситъ твое пальто и фуражка и что ты... ты примешь меня сразу въ свои объятія. И вдругъ Катя... Катя отворяетъ двери. А пальто твое и фуражка висятъ тутъ. Я подумала, что же случилось? Не боленъ ли ты? Что же это? Нѣтъ, нѣтъ, — замѣтивъ, что онъ хочетъ говорить, остановила она его и прижала маленькую душистую ладонь къ его губамъ. — Не говори ничего, Дима... Не лги... Главное, никогда не лги своей Наташѣ. Я прочитала всѣ твои мысли въ твоѣмъ ушедшемъ взглядѣ. Ты усомнился во мнѣ?.. Тебѣ

надоѣло все это?.. Наше незаконное существованіе... Да?.. Ты хочешь чего-то новаго... Ты ищешь что-то?

Наташа вздохнула, тыловою стороною ладони смахнула бриллианты слезъ, загорѣвшіеся въ густыхъ черныхъ рѣсницахъ и поднялась съ колѣнъ.

Вадимъ привлекъ Наташу къ себѣ, приподнялъ и посадилъ на колѣни.

Наташа затихла и сидѣла неподвижно, опустивъ голову въ маленькой лѣтней шляпкѣ.

— Ничего такого нѣтъ, Наташа. Я ждалъ тебя и мнѣ просто скучно стало это ожиданіе.

— А почему не пришелъ въ церковь? Такъ хорошо было бы помолиться вмѣстѣ. На колѣнкахъ постояли бы рядышкомъ. Такъ хорошо помолились бы Богу. И потомъ никогда тебѣ не бывало у меня скучно и безъ меня. Здѣсь я вокругъ тебя.

Наташа приподняла голову, широкимъ театральнымъ жестомъ показала на стѣну, на рояль, гдѣ висѣлъ ея портретъ, гдѣ въ рамочкахъ стояли ея фотографіи въ различныхъ роляхъ.

— И развѣ такъ долго? Мнѣ Катя сказала, что ты совсѣмъ недавно пришелъ.

Она сидѣла на колѣняхъ и Ламбинъ совсѣмъ не ощущалъ ея вѣса. Она потянулась губами къ его губамъ, ища поцѣлуя, и онъ, склонивъ голову поцѣловалъ ея свѣжія уста.

Она откинула голову и легко вставая съ колѣнъ тихо сказала:

— Да мнѣ это показалось... Только показалось. Но какъ мучительно стало на сердцѣ. Да смерть лучше, чѣмъ это... Все это безъ тебя, безъ твоей любви и ласки. Это... Ужасъ!

Стоя передъ нимъ, Наташа нагнулась и сказала ласково:

— Скиньте, рыцарь печальнаго образа, всѣ ваши тревоги и сомнѣнія. Скиньте скуку. Я съ вами.

Мягкая надушенная ладонь коснулась, щекопча рѣсницы Ламбина. Наташа смахивала съ глазъ Вадима его печаль.

— Катя, — звонко крикнула она. — Давайте самоваръ. Мы будемъ пить чай.

Наливъ чашки, Наташа сѣла на колѣни Ламбину и опять тотъ ощутилъ легкость и невѣсомость ея тѣла.

— Какъ ты худѣешь, Наташа... И кашляешь, какъ будто больше.

— О... Это ничего... На лѣто я поѣду на дачу въ Царское село. Тамъ, въ газетахъ писали, климатъ лучше и суше, чѣмъ въ

Петербургъ и земля радиоактивная. Я буду часами лежать въ гамакѣ подъ соснами дышать смолистымъ воздухомъ. Я тамъ стану толстая, претолстая, совсѣмъ, какъ Варя. Ты не узнаешь меня. Ты не будешь позволять сидѣть у тебя на колѣняхъ. — «У! — скажешь ты, — какая ты тяжелая стала». И ни граціи, ни элевации у меня не будетъ. И танцовать я не буду. Меня будутъ выпускать только въ процессіяхъ, я буду играть роли королевъ, которыя не танцуютъ, но только шествуютъ черезъ сцену, окруженные свитой. Вотъ, что будетъ послѣ такого лѣта, милый мой Димочка, штабсъ-ротмистръ Ламбинъ.

Наташа такъ весело разсмѣялась, что и Ламбинъ, наконецъ, улыбнулся.

Красиво изогнувъ мизинный палецъ, Наташа взяла чашку и съ наслажденіемъ пила чай.

— А потомъ... А по-томъ, милый Димочка, знаешь ты, что мы въ балетѣ придумали. Тутъ на Троицкой улицѣ есть такой залъ Павловой. Совсѣмъ приличный залъ. Великій Князь Главнокомандующій разрѣшилъ бывать тамъ на танцевальныхъ вечерахъ офицерамъ гвардіи. Мы тамъ будемъ с тобою танцовать. Мы будемъ танцовать, какъ въ балетѣ... Какъ въ «Фаустѣ». Съ фигурами. Мы составимъ свою компанію. Ты со мною, Муся съ Кирилкой, Медвѣдевъ съ Мунькой, фонъ Воде съ Леной — четыре пары. Все заранѣе разучимъ здѣсь у меня. А кромѣ того, но это такой большой секретъ, что только тебѣ я его и открою. Мы — балетныя — составимъ цыганскій хоръ и дадимъ концертъ въ пользу нуждающихся артистовъ. Муся — у нея такое прелестное контральто, какъ у Вари Паниной, будетъ запѣвать и пѣть соло. Кириллъ Капитоновичъ и танцовщикъ Бачинскій станутъ сзади съ гитарами. Дима, вѣдь это будетъ прелесть, какъ хорошо, Дима!

Наташа подошла къ окну и распахнула его настезь.

— Ты простудишься, Наташа.

— Нѣтъ. Принеси мнѣ мою бѣличью накидку. Ты посмотри только, Дима, какая ночь! То есть это нельзя даже и назвать ночью. Какъ свѣтло. И на крестѣ, на главномъ куполѣ собора солнце еще играетъ, точно цѣлуетъ, прощаясь на ночь, крестъ. Оно не зашло за Кронштадтъ. Оно скоро появится снова за Шлисельбургомъ. Ты любишь эти бѣлыя ночи? Я родилась здѣсь, я очень люблю ихъ. Люблю Петербургъ, Санктъ Петербургъ. Ты чувствуешь, что въ этихъ словахъ есть нѣчто торжественное, великодержавное, не покоренное, но покоряющее. Это не Москва.

Москва — это просто. Это точно татарское... Санктъ Петербургъ — это Европа. Это такое что-то милое, милое. Шлиссельбургъ... Ладога... Ну, конечно, Царское Село, гдѣ несетъ службу царскую милый мой Димочка. И гдѣ мой Пушкинъ... Петергофъ... Мартышкино... Мнѣ всегда смѣшно это Мартышкино. Почему Мартышкино? И еще мнѣ всегда почему-то миль Заячій Ремизъ... Ораніенбаумъ... Ты вздрогнулъ, милый Дима. Тебѣ не холодно? Накинь и ты пальто. Ну, я прошу тебя. Я сама тебѣ принесу его.

Она сбѣгала въ прихожую, принесла пальто и накинула его на плечи Ламбина.

— Дима. А какая прелесть Пушкинъ! Я знаю, ты изъ упрямаго школьнаго патриотизма любишь Лермонтова. Но Лермонтовъ это больше Кавказъ. «Герой нашего времени»... «Демонъ»... «Мцыри»... Пушкинъ — это Петербургъ. «Мѣдный Всадникъ»... Петръ, Полтава... Ты помнишь?

Наташа устремила глаза въ свѣтлую даль бѣлаго ночного неба безъ звѣздъ и стала тихо, медленно говорить, все болѣе и болѣе оживляясь. Точно видѣла она то, о чемъ разсказывала Пушкинскими стихами:

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье —
Береговой ея гранить,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Сижу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса
Одна заря смѣнить другую
Спѣшить, давъ ночи полчаса...

— Ты видишь это, Димочка? Знаешь, что, Дима, я прикажу запрягать. Поѣдемъ на тони. На море. Закажемъ себѣ сѣть на счастье. И будемъ у рыбаковъ ѣсть уху. Теперь еще рано. Тамъ

никого. Поѣдемъ, хотя издали посмотримъ на море. На море! Гдѣ началась наша любовь и гдѣ я стала твоею... На море, гдѣ ты меня любишь...

— Я люблю тебя, Наташа... По прежнему.

— Вѣрю, Димочка, а вотъ сегодня почему-то вдругъ мнѣ все показалось, что было и прошло... Прошло, Димочка! Прошло, какъ все проходить...

— Да полно грустить, Наташа, — стискивая въ крѣпкихъ объятіяхъ Наташу, сказалъ Ламбинъ. — Полно, ну что тебѣ показалось, видишь, какъ я тебя люблю.

— Оставь, милый Димочка. Ой больно, больно говорю я тебѣ. Всѣ косточки поломаешь. Такъ ѣдемъ...

XVIII.

На тоняхъ, за Старой Деревней, на Лахтинской дорогѣ, гостей еще не было.

Длинной тонкой сороканожкой шелъ въ море узкій помостъ къ небольшому сѣрому некрашенному деревянному домику рыбаковъ, стоявшему надъ заливомъ. Сѣрыя сѣти сушились на кольяхъ. Черные челноки недвижно стояли въ уснувшей водѣ.

Заливъ и устье Невки до самаго мыса Крестовскаго острова были, какъ длинное хрустальное голубое блюдо и лишь дальше за лѣсами Крестовскаго острова на морѣ легла легкая синева. Тамъ игралъ утренній вѣтеръ. Онъ налеталъ порою и къ тонямъ, шумѣлъ въ молодыхъ камышахъ, но былъ онъ такъ легокъ и нѣженъ, что не шевелилъ уснувшія воды залива.

Наташа быстро и легко шла впереди Ламбина по мосткамъ. Пожилой рыбакъ въ окладистой русой бородѣ, пробитой сѣдиной, въ красной рубахѣ и сѣрыхъ легкихъ портахъ, мягко ступая босыми ногами, вышелъ изъ дома имъ навстрѣчу.

— Заказать чего изволите, ваше сіятельство? — обратился онъ къ Ламбину. — Какъ пожелаете, съ лососемъ, или безъ лосося? Цѣна, конечно, будетъ разная.

Наташа отвѣтила за Ламбина.

— Съ лососемъ. На мое счастье. И потомъ, можно у васъ — уху заказать?..

Рыбакъ усмѣхнулся.

— Ишь счастливая барыня какая. Съ лососемъ! Нынче ло-

сосоу-то не время. Зря деньги заплатите. Уху это можно. Помѣ-
щеніе чистое и протоплено хорошо. Я сейчас молодцовъ возбужу,
сѣти закинемъ съ Божьею милостью, что Богъ подастъ — все ваше
будеть. Что попадетъ, конечно, бываетъ, что и вовсе пустыя
будутъ сѣти.

— Ну ладно, — сказалъ Ламбинъ. — Водка, коньякъ есть?

— Все найдется для вашего сіятельства. Яишну съ саломъ
на закуску предоставимъ. Груздочки соленые есть. Икорка
паюсная...

За избою, надъ моремъ былъ узенькій балконъ съ жидкими
перилами. Наташа и Ламбинъ вышли на него.

Недалеко отъ тоней, на свободномъ мѣстѣ, у выхода изъ
Невки стояла на якорѣ небольшая полупалубная яхта. По широ-
кому развалу ея корпуса, крѣпко считаго изъ полированныхъ
досокъ, по оснасткѣ — Ламбинъ, кое-что въ этомъ понимавшій,
— призналъ въ ней финскую любительскую яхту. Зеленый съ
краснымъ длинный флюгерокъ безжизненно висѣлъ на остромъ
кlotикѣ мачты. Гротъ и топсель были подняты и натянуты и стояли
неподвижно. За яхтой болтался крошечный тузикъ. Человѣкъ въ
черномъ, въ круглой черной финской шапкѣ сидѣлъ на кормѣ и
курилъ трубку. На носу блестѣли мѣдныя буквы названія
«Suomi».*) Чуть шевелился надъ ними, морщась, длинный кли-
веръ, прикрѣпленный къ тупому, короткому бушприту.

— Дима. Какая красота. Какъ на картинѣ. Точно нарочно
поставили, чтобы оживить море, чтобы не такъ уныло скученъ былъ
этотъ плоскій берегъ.

Рыбакъ, разбудившій молодцовъ подошелъ и сталъ подлѣ на
балконѣ и такъ же, какъ и гости любовался моремъ и яхтой.

— Вчера, — сказалъ онъ, — пришла яхта изъ Финляндіи. И,
видать, не клубская. У насъ пристала. Ожидаетъ, должно, кого.
И чухна все на берегъ поглядываетъ, а къ намъ не сходилъ.
Молодцы мои окликали его. Молчить. Ничего не отвѣчаетъ.
Должно не понимаетъ по нашему.

За рѣкой, длиннымъ мысомъ вдаваясь въ заливъ, темнѣли
густые лѣса Крестовскаго острова. Вправо отъ тоней шель низкій
болотистый ярко-зеленый Лахтинскій берегъ. Дубовая «Комен-
дантская» роща кудрявымъ пятномъ стояла за болотомъ, поддер-
нутымъ нѣжною кисею тумана.

*) «Финляндія».

Разбуженная челноками прозрачная вода плескала о кривые столбы. Рыбаки въ ситцевыхъ рубахахъ и портахъ, босоногіе на двухъ плоскодонныхъ лодкахъ выплыли изъ подъ тоней и поплыли, оставляя серебристый слѣдъ раздвинутой воды. Они зашли за камыши, къ тонкимъ колыямъ, едва чернѣвшимъ изъ воды.

Вдругъ, точно, кто-то сзади вдвинулъ золотое стекло и освѣтилъ сквозь него заливъ. Все до этого — плоское, недвижимое, однотонное, будто вышедшее изъ соннаго царства тѣней, ожило и заблестало. Слѣдъ оставленный челноками, плескаясь, подошлъ къ камышамъ, заигралъ розовыми огнями, заискрился и ожилъ. По водѣ, навстрѣчу солнцу пробѣжала голубая рябь, вѣтеръ закачалъ камыши. Надулся и опалъ косою кливеръ на носу яхты, пошелъ на реяхъ туго натянутый гротъ, веревки рифовъ внизу его закачались отъ вѣтра, нѣжная синева пробѣжала по рѣкѣ и вошла въ заливъ. Стало далеко видно. Открылся южный берегъ и показался близкимъ. Бѣлыя зданія храмовъ и построекъ Сергіева монастыря были четко видны и вдали въ темной полосѣ садовъ и парковъ золотыми огнями вспыхнули купола и крыши Петергофскихъ церквей и дворцовъ. Чуть намѣтились черные низкіе верки Кронштадтской крѣпости.

Рыбаки по грудь въ водѣ брели по дну залива, приближаясь къ тонямъ. Становилось мельче и рыбаки въ рубахахъ и портахъ, облѣпившихъ ихъ мокрая тѣла выходили къ берегу, гдѣ стояли челноки.

— Какъ имъ, бѣднымъ, должно быть холодно, — зябко пожмаясь плечами, сказала Наташа.

— Ничего, барыня. Они водкой хорошо заправившись, имъ это одно баловство. Ну-ка, ребята, чего на счастье досталось. Съ лососемъ, молодцы... Ай нѣтъ. Что видъ такой радостный?

— Двѣ лососки попались, — отвѣтилъ молодой парень и поднѣлъ небольшую серебристую рыбку, трепетавшую у него въ рукахъ.

— Вотъ и счастье вамъ, барыня. Пойду, распоряжусь, старухѣ скажу, чтобы на столъ накрывала, а я рыбку вамъ почищу.

Наташа все не могла отойти съ балкона. Такъ неслезанно красива была Невка, острова и заливъ, такъ мѣнялись, играя, краски, и нѣженъ и тепелъ былъ вѣтеръ, несшійся съ юга, и пахнувшій воднымъ просторомъ, зеленью садовъ и рощъ, молодой листвою, березовой почкой сладкимъ духомъ распускающихся тополей, что

не хотѣлось Наташѣ уходить. Вдругъ потянетъ изъ рыбацкой избушки смолянымъ дымкомъ сосновыхъ полѣшекъ, пахнетъ укропомъ, лукомъ, запахомъ свѣжей рыбы, — разыграется желаніе ѣсть.

— Димочка, не правда ли, какъ хорошо мы все это придумали? И какъ мнѣ ѣсть теперь хочется. Я и про сонъ совсѣмъ позабыла.

Солнце сзади грѣло ихъ спины. Длинные тѣни легли по водѣ, качались на взбудораженныхъ волнахъ, казались прозрачными. Камыши преобразились, позеленѣли и были необычно красивы. Все голубѣе становился стрезень рѣки.

XIX.

По запаху можно было догадаться — уха готова. Въ избушкѣ гремѣли посудой. Хлопнула пробка коньячной бутылки, когда сзади, на Лахтинской дорогѣ зазвенѣли колокольцы и забормотали бубенцы тройки и сейчасъ же смолкли. Тройка остановилась у тоней.

— Ахъ, ну что это, Дима! Вотъ досада-то! Какъ это намъ помѣшаетъ. Такъ было хорошо побыть намъ съ тобою вдвоемъ.

Наташа пошла съ балкона посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

Изъ наемной Малышевской коляски вышло трое: очень нарядно одѣтая дама и два офицера генеральнаго штаба.

— Дима, — прошептала Наташа, крѣпко беря подъ руку Ламбина, — Мальмсенъ! Съ кѣмъ это онъ?

Шедшая рядомъ съ Мальмсеномъ была высокая, стройная дама съ темно-бронзовыми косами уложенными въ высокій шиньонъ и въ красивой шляпкѣ. Мальмсенъ былъ непривычно оживленъ. Сзади, какъ бы нехотя идя, переваливался съ ноги на ногу толстый полковникъ въ очкахъ. Ламбинъ узналъ его — баронъ фонъ Деренгофъ.

Они шли мимо пристани тоней, направляясь къ небольшой пристанкѣ, бывшей внизу. Они шли очень близко отъ Ламбина и, когда Ламбинъ поклонился Мальмсену, тотъ или не замѣтилъ, или не узналъ товарища и машинально отдалъ честь гусарскому офицеру, не поглядѣвъ даже на него. Баронъ фонъ Деренгофъ небрежно отмахнулъ рукой къ козырьку. Узналъ онъ, или не узналъ Ламбина, — онъ не счелъ нужнымъ подойти и поздороваться.

У пристаньки прїѣхавшихъ ожидалъ маленькій тузикъ съ яхты. Мальмсенъ помогъ сѣсть дамѣ и сѣлъ на корму, чухонецъ взялся за весла, тузикъ, ныряя и взбивая пѣну носомъ, понесся къ яхтѣ. Онъ высадилъ Мальмсена и его даму на яхту и вернулся за полковникомъ. Наташа и Ламбинъ перешли на балконъ. Имъ было видно, какъ Мальмсенъ усадилъ даму на кормѣ, а самъ хозяиномъ пошелъ по палубѣ, осматривая ванты и шкоты. Яхта колебалась, точно живая.

— Какая красавица! Боже мой, какая красавица, — прошептала Наташа. — На такую женщину можно только молиться. Если бы она была у насъ въ балетѣ, она изображала бы королеву въ апофеозѣ и стояла бы на пьедесталѣ, окруженная нами, не смѣющими даже смотрѣть на нее.

— Она и есть — королева. Царица...

— Ты шутишь, Вадимъ. Какая царица? Ты развѣ знаешь ее?

— Не знаю, но догадываюсь. Это баронесса фонъ Деренгофъ.

А толстый полковникъ — ея мужъ; его я видѣлъ вчера у генерала Бетрищева.

— У такой красавицы — такой неказистый мужъ. Ты замѣтилъ — у него кривыя ноги и толстыя, какъ обрубки. И такой маленькій онъ, а она — высокая, статная, породистая, настоящая русская красавица. Ты съ нею знакомъ?

— Не имѣю чести, но много слышалъ про нее.

Изъ избушки показался рыбакъ.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, кушать, — сказалъ онъ. — Закуска на столѣ. Сейчасъ и уха будетъ готова, а лососокъ я отдѣльно отварить приказалъ. Ну и лососки — форели не уступятъ.

— Сейчасъ, — сказала Наташа, — мы только посмотримъ, какъ уйдетъ яхта.

Финляндецъ матросъ выбралъ якорь, Мальмсенъ сидѣлъ у руля и подлѣ него, раскрывъ розовый зонтикъ сидѣла баронесса. Баронъ сѣлъ сбоку.

Медленно, медленно — у берега едва замѣтенъ былъ утренній бризъ, прямая и стройная, мягко раздвигая воды залива пошла мимо тоней яхта и повернула въ проходъ между камышами. Мальмсенъ, вглядываясь въ фарватеръ, всталъ на кормѣ.

— Дима, гляди. Твой Мальмсенъ, совсѣмъ норвежскій викингъ. Ему въ Вагнеровской оперѣ въ свитѣ Вотана шествовать.

Какая пара... Какіе у него усы, внизъ висятъ, какъ у варяга. Я думаю вотъ такіе молодцы пришли нѣкогда въ Кіевъ и кіевлянки по нимъ съ ума походили... Ты не знаешь. Что они?.. Какъ?

Ламбинъ не отвѣтилъ. Онъ такъ же, какъ и Наташа любовался яхтой.

Яхта вошла въ полосу синѣющей мелкими волнами рѣки, гдѣ задорно игралъ вѣтеръ, точно встрепенулась, прихорашиваясь, нагнулась горделиво, блеснула ярко освѣщеннымъ парусомъ, зашелестѣла водою, взбивая бѣлопѣнный бурунь у носа, развернула за кормою русскій флагъ и понеслась внизъ по рѣкѣ, то нагибаясь совсѣмъ къ водѣ, то выпрямляясь.

Наташа вошла въ избу.

На простомъ не крашеномъ деревянномъ столѣ, накрытомъ чистою скатертью съ двумя приборами скворчала на сковородѣ яичница, сжареная съ кусками сочной ветчины. Хозяинъ наливалъ большія граненныя рюмки янтарной влагой.

— Конячокъ, извиняюсь, ваше сіятельство, — сказалъ онъ, — не заграничный, свой Шустовскій. Господа, однако, одобряютъ.

— Все, все прекрасно, — сіяя посинѣвшими отъ восторга глазами, сказала Наташа.

Она чокнулась съ Вадимомъ, заставила налить рюмку и хозяину и чокнулась и съ нимъ.

Отъ вѣтра, отъ солнца, отъ ночи безъ сна, отъ коньяка она раскраснѣлась. Голубые глаза сіяли. Все казалось ей прекраснымъ.

Толстая, ладная, бѣлая, крупичатая хозяйка съ привѣтливымъ лицомъ внесла большую мѣдную кострюлю, укутанную бѣлымъ полотномъ. Душистый паръ шелъ отъ кострюли. Наташа попробовала прозрачную зеленоватую уху.

— Знаешь, Димочка, я такой еще кажется никогда не ѣдала. А аромать какой! Ни у Фелисьена, ни у Кюба, ни у Медвѣдя такой тебѣ не подадутъ.

— Да-а. Уха! Развѣ что у Палкина или въ Маломъ Ярославцѣ такую уху можно получить.

— Я тамъ, Димочка, не бывала. Это же все-таки трактиры... Ну расскажи же мнѣ все, все, что ты знаешь, объ этой «царицѣ»? И правда царица!..

Ламбинъ подробно рассказалъ все, что онъ слышалъ отъ Петрова о баронѣ и его женѣ.

— Ты съ барономъ познакомился у генерала Бетрищева?

— Да.

— Ты тамъ и Вѣру Бетрищеву видѣлъ?

— Да, — небрежно отворачиваясь и краснѣя самъ не зная почему, сказалъ Ламбинъ.

— Ты знаешь, она съ осени будетъ пѣть у насъ. Въ Маринскомъ. Мнѣ говорили — голосъ и школа необыкновенныя. И что замѣчательно подъ своей фамиліей поетъ. Не боится ни газетъ, ни публики.

— Ты ее видѣла?

— Нѣтъ. Я на пробѣ голосовъ не присутствовала.

Чуть рѣзко вышло это у Наташи. Она смутилась и перевела разговоръ на другое.

— Скажи мнѣ, при чемъ тутъ Мальмсень?.. Онъ же такой жено-ненавистникъ... А ты видѣлъ, какъ онъ увивался передъ этой — царицей... Варяжскій викингъ передъ кievской княжной. И тутъ же мужъ. Это можетъ вѣдь и плохимъ кончиться.

— Да-а, — выпивая подъ уху третью рюмку коньяку, сказалъ Ламбинъ, — чудеса въ рѣшетѣ.

— Никогда не слышала... Какія такія чудеса въ рѣшотахъ носять? Ты думаешь Мальмсень ею увлеченъ?

— Не думаю.

— Скажи. А ты? Ты не увлекся бы такою. Какіе у нея глаза... Какъ темныя черешни. И сколько въ нихъ ласки, ума и воли! Царица! Я думаю... Что, если бы не Мальмсень, а ты встрѣтился съ нею пропала бы наша съ тобою любовь.

Ревнивыя нотки послышались въ голосъ Наташи.

— Ты сама прелесть, Наташа.

Наташа улыбнулась и прогнала какія-то новыя, еще необывалыя у нея ревнивыя мысли и подозрѣнія.

— Ну, полно! Давай приниматься за лососокъ. Изумительны!.. Ты знаешь, я первый разъ ѣла лососину съ тобой, помнишь, тогда... въ Нарвѣ. А эти, какъ сливочное масло — такъ нѣжны.

Въ пятомъ часу утра они возвращались съ тоней, оба немного пьяненькіе, счастливые, обвороченные Невой, заливомъ, Петербургомъ, гдѣ оба родились и выросли, сытые, влюбленные другъ въ друга, забывшіе — онъ свое раздумье надъ альбомомъ Наташи, она свою вдругъ налетѣвшую безпричинную ревность и страхъ потерять Вадима.

Знакомство Мальмсена съ баронессой фонъ Деренгофъ началось годъ тому назадъ осенью.

Мальмсень получилъ служебную записку отъ полковника барона фонъ Деренгофа: «распоряженіемъ Начальника Азіатской части ваше благородіе назначены въ мое распоряженіе. Прошу явиться завтра въ три часа пополудни на мою квартиру: Литейный проспектъ № 88, кв. 4.»...

Особеннаго тутъ ничего не было. Развѣ только то, что мѣстомъ явки была назначена частная квартира барона. Обычно, въ такихъ случаяхъ являлись въ служебномъ кабинетѣ, въ Штабѣ. Но и это не смутило Мальмсена. Полковникъ фонъ Деренгофъ былъ человѣкъ занятой. Весь день въ развѣздахъ — такъ было естественно, что онъ выбралъ время и мѣсто, когда онъ былъ наиболѣе свободенъ.

Ровно въ три, съ такимъ расчетомъ, чтобы со вторымъ ударомъ третьяго часа, встрѣтившая горничная пошла доложить барону, Мальмсень вошелъ въ гостиную.

Отъ тюлевыхъ занавѣсей и тяжелыхъ портьеръ, прикрывавшихъ окна съ боковъ было въ ней по Петербургски, по осеннему сумрачно. У задней стѣны, гдѣ былъ отдѣланный въ мраморъ каминъ, стоялъ большой черный мольбертъ съ развѣшанной на немъ коричнево-бѣлой большой сорокаверстной картией Манчжуріи и Кореи. Подлѣ мольберта былъ большой квадратный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ и на немъ были въ порядкѣ разложены книги, брошюры и газеты.

У стѣны было зеркало. Мальмсень оглядѣлъ себя въ него. Все было исправно. Черный мундиръ съ бархатнымъ воротникомъ, шитымъ красивымъ серебрянымъ шитьемъ генеральнаго штаба, сидѣлъ безупречно. Широкая грудь была украшена двумя орденами и медалями. Академической значокъ горѣлъ по другую сторону. Высокій, стройный капитанъ въ свѣтлыхъ усахъ самъ себя усмѣхнулся — хотя картину пиши! Онъ оправилъ аксельбанты, подтянулъ шарфъ и портупею шашки и прислушался. Не было слышно мужскихъ тяжелыхъ шаговъ фонъ Деренгофа.

Дверь неожиданно распахнулась. Мальмсень собрался сдѣлать три уставныхъ шага, переложилъ барашковую шапку и перчатку въ лѣвую руку и ожидалъ барона.

Вмѣсто барона изъ сосѣдней комнаты вышла высокая, кра-

сивая женщина. Она прищурила глаза — не отъ близорукости, но отъ привычки и отъ того, что она знала, что это къ ней идетъ.

— Капитанъ Георгій Густавовичъ Мальмсенъ, — твердо и четко сказала она, протягивая руку Мальмсену. — Я не ошиблась?

Мальмсенъ поклонился, принялъ протянутую ему руку и не поцѣловаль ее.

— Такъ точно, — сказалъ онъ сухо и официально, кладя этимъ преграду между собою и вышедшей къ нему красавицей. — Капитанъ Генеральнаго штаба Мальмсенъ.

— Мой мужъ просить васъ очень извинить его. Онъ немного опоздаетъ. Онъ экстренно вызванъ по неотложному дѣлу. Онъ поручилъ мнѣ въ ожиданіи его посвятить васъ въ ту работу, которую онъ хочетъ вамъ поручить.

— Но, сударыня...

Черноокая красавица спокойно, холодно и строго посмотрѣла на Мальмсена и онъ перемѣнилъ тонъ.

— Я васъ слушаю, сударыня.

— Меня зовутъ — Марьяна Георгіевна...

— Марьяна Георгіевна! Работа вашего мужа и то, что мнѣ, вѣроятно, будетъ поручено строго секретно. И я не понимаю...

— Не отъ меня, Георгій Густавовичъ, — перебила Марьяна, — не отъ меня. Я являюсь помощницей моего мужа и, думаю, самымъ вѣрнымъ и надежнымъ его сотрудникомъ.

Мальмсенъ поклонился.

— Моимъ мужемъ вамъ поручается составить краткое статистическое, географическое и политическое описаніе Маньчжуріи и Кореи — этого будущаго театра военныхъ дѣйствій.

— Театра военныхъ дѣйствій?.. Чьихъ военныхъ дѣйствій, Марьяна Георгіевна?

Выраженіе лица Марьяны Георгіевны продолжало быть невозмутимо строгимъ и серьезнымъ. Она, точно и не слышала восклицанія капитана.

— Садитесь, Георгій Густавовичъ, и слушайте то, что я вамъ скажу. Я подготовила вамъ матерьяль для той докладной записки, которая будетъ нужна мужу къ будущему понедѣльнику.

Она подошла къ картѣ и взяла указку. Мальмсенъ продолжалъ стоять.

— Садитесь, — повторила она, — мнѣ удобнѣе говорить, стоя у карты, вамъ удобнѣе слушать, сидя у стола и дѣлая отмѣтки,

если будетъ нужно въ вашемъ блокъ-нотѣ. Вы знаете англійскій языкъ?

— Немного. Болѣе теоретически, я учился ему въ Академіи.

— А нѣмецкій?

— Нѣмецкій знаю хорошо.

— Про японскій я не спрашиваю. Наврядъ ли вы знаете его. Вотъ здѣсь, — Марьяна Георгіевна пододвинула Мальмсену кипу листовъ, исписанныхъ мелкимъ и четкимъ почеркомъ. — Здѣсь переводы послѣднихъ вліятельныхъ англійскихъ, нѣмецкихъ и японскихъ газетъ и журналовъ, касающихся нашего Дальняго Востока. Имъ очень интересуются заграницей. Вамъ, конечно, извѣстно, что послѣ занятія нами Портъ-Артура и Ляо-Дунскаго полуострова, Великій Сибирскій путь, задуманный Императоромъ Александромъ III получилъ совсѣмъ другое значеніе и другое направленіе. Уже не только не замерзающій зимою портъ Владивостока, но порты Маньчжуріи и Кореи стали насъ интересовать. Желѣзная дорога ведется черезъ чужую Маньчжурію. Министръ финансовъ Витте путемъ взятки правителю Китая Ли-хун-чану получилъ право устроить Русской-Китайскій банкъ и подъ фирмой этого банка распорядиться въ чужой странѣ, какъ у себя. Для охраны путей учреждается вольнонаемная Охранная стража.

— Все это мнѣ извѣстно, Марьяна Георгіевна, я давно интересуюсь нашей политикой на Дальнемъ Востокѣ.

— Такъ вотъ, слушайте. Дѣлается огромное дѣло, дѣло такого размѣра, что у меня, у женщины, сердце трепещетъ отъ страха и гордости. Передъ Россіей возможности — занять Маньчжурію, Монголію и Корею, продвинуться къ Тибету и угрожать Англии въ Индіи уже не только изъ Афганистана. Наши инженеры и промышленники поѣхали въ Корею. Но поѣхали — единицы, а не тысячи... Точно передъ нами не канунъ двадцатаго вѣка, а конецъ шестнадцатаго. Будто мы благословляемъ на подвигъ и труды казачью вольницу Ермака и бояръ Строгоновыхъ. Георгій Густавовичъ, вы должны подумать о томъ, что дѣлается заграницей. Тамъ не вѣрятъ тому, что мы думаемъ охранять Маньчжурію сотнями наемныхъ казаковъ. Тамъ считаютъ, что туда будетъ направлена милліонная армія и это такъ и должно быть сдѣлано.

Марьяна была взволнована. Она тяжело дышала. Широко раскрытыми глазами Мальмсенъ смотрѣлъ на нее. Первый разъ онъ встрѣтился съ такой женщиной, которая, казалось, читала его

старья сокровенныя мысли. Онъ даже растерялся передъ нею и несмѣло и нерѣшительно сказалъ:

— Да, Марьяна Георгіевна, это и мое мнѣніе, что не только армія, но арміи должны быть туда направлены въ первую очередь, иначе тамъ будетъ только конфузъ.

— Георгій Густавовичъ, я еще не знаю, но я узнаю со временемъ; кто-то тамъ насъ предаеть, — пользуются невѣдѣніемъ верховъ и сознательно ведутъ Россію къ провалу дѣла, равнаго Петровскому. Въ Китаѣ подняты волненія. Шайки революціонеровъ-фанатиковъ, такъ называемаго «Большого Кулака» готовятся къ борьбѣ противъ «бѣлыхъ дьяволовъ». Вдовствующая Императрица Це-си ихъ тайно поддерживаеть. А у насъ смѣются надъ этимъ и говорятъ, что все это вздоръ, что китайцы никогда не посмѣютъ пойти противъ насъ, что Ли-хунъ-чанъ такъ нами обласканъ, что будетъ всегда за насъ. Нѣтъ — Георгій Густавовичъ, это далеко не вздоръ, ибо это «Made in England»...*) Гдѣ у насъ друзья?.. Мы можемъ рассчитывать только на Императора Вильгельма, но и онъ настроенъ не хорошо изъ-за нашего союза съ Франціей. Вѣрныхъ друзей мы растеряли, приобрѣли друзей, которые дружны съ нами лишь настолько, насколько это имъ выгодно и нужно... Тамъ насъ презираютъ. Я это точно знаю. Передо мною, какъ передъ женщиной, да еще съ иностранной фамиліей не стѣсняются. Я это слышу и по-англійски и по-японски... а я — русская и я знаю, что вы, Георгій Густавовичъ, хотя и финнъ по рожденію, но вы тоже глубоко русскій. Слушайте дальше — я узнала, что Витте — масонъ. Говорятъ, что и военный министръ Куропаткинъ тоже масонъ. Но, Георгій Густавовичъ, масоны никогда не будутъ работать для блага Россіи, но всегда во вредъ ей. Такъ вотъ — пересмотрите всѣ данные мною вамъ документы и помогите моему мужу исправить то, что дѣлается такъ — наобумь...

Марьяна протянула руку ошеломленному всѣмъ слышаннымъ Мальмсену и неслышно скрылась за высокою дверью. Мальмсень едва успѣлъ принять официальный видъ, какъ, мягко позванивая шпорами, въ гостиную вошелъ полковникъ баронъ фонъ Деренгофъ.

Онъ торопливо и небрежно выслушалъ рапортъ, охватилъ Мальмсена за талью и заговорилъ покровительственнымъ баскомъ:

*) Англійская работа.

— Простите, дорогой капитанъ, что я былъ не аккуратенъ. Н-но... Всего не передѣлаешь. Просто голова идетъ кругомъ отъ работы. Моя жена передала вамъ выборки и переводы, которыя она исполнила по моимъ указаніямъ. Вамъ все ясно. Она поставлена мною въ курсъ нашей общей работы и вы можете ей все довѣрять. Такъ вотъ по тѣмъ даннымъ, которыя по моему указанію вамъ подготовлены и переданы подготовьте мнѣ докладъ. Только имѣйте въ виду, милый капитанъ, тутъ — э-э-э, милый капитанъ, лавировать придется. Теперь не Александровскія времена. Тутъ у насъ военный министръ — онъ же сотрудникъ Скобелева, георгіевскій кавалеръ — онъ воевать готовъ, онъ знаетъ и любитъ Азію, ему пріятно будетъ этакъ побить китайцевъ, отобрать у нихъ громадную и богатую область, но тутъ же и министръ финансовъ — для него война — это деньги — порастрясутъ его золотую валюту, которой онъ такъ гордится. Значить, докладъ вашъ долженъ быть такъ составленъ, что съ одной стороны Корея хороша, но и Маньчжурія не плохой кусокъ, а въ общемъ, какъ прикажете, такъ и будетъ. Знаете, какъ говорится: «Съ одной стороны должно соznаться, съ другой стороны нельзя не признаться».

Замѣтивъ неудовольствіе и нерѣшительность на лицѣ Мальмсена, баронъ фонъ Деренгофъ поспѣшно добавилъ:

— Впрочемъ, дорогой капитанъ, пишите такъ, какъ найдете нужнымъ, я съумѣю сдѣлать огранку вашему труду такъ, чтобы ни одно вѣдомство не было задѣто. А теперь, простите, я долженъ ѣхать дальше, выйдемъ вмѣстѣ.

XXI.

Мальмсень нисколько не удивился, когда черезъ недѣлю, пріѣхавъ на квартиру барона съ готовымъ докладомъ, онъ услышалъ отъ горничной, что баронъ уѣхалъ по неотложнымъ дѣламъ и что полковница проситъ его пожаловать въ кабинетъ. Въ гостиной уже не было ни картъ, ни стола съ газетами, все это было перенесено въ кабинетъ барона, гдѣ ожидала Мальмсена баронесса. Она спокойно, какъ имѣющая на то полное право, длиннымъ прорѣзаннымъ ножомъ вскрыла секретный докладъ, адресованный на имя ея мужа и, не обращая вниманія на движеніе протеста Мальмсена стала быстро прочитывать бумаги. Ея темные глаза стали внимательны, густыя и тонкія брови нахмурились, жесткая складка

легла у маленькихъ красиво очерченныхъ губъ. Она быстро пере-
листала работу и тяжело вздохнула, поднимая глаза на Мальмсена.

— Я такъ и думала... Впрочемъ, я не такъ думала, — тихо
сказала она. Скорбная складка на щекахъ стала рѣзче. — Я все
таки полагала что вы... Это баронъ вамъ такъ приказалъ? Типич-
ная казенная работа... Можетъ быть, иначе нельзя. Мнѣ все таки
казалось, что Государь долженъ знать правду по такому важному
вопросу. Тутъ — или отказаться отъ великодержавной работы, или
вести ее смѣло, никого не боясь и все подготовивъ. Вѣдь ваша
работа ляжетъ въ основу всеподданнѣйшаго доклада военного
министерства по такому важному дѣлу. Я понимаю васъ, съ баро-
номъ трудно. Невозможно работать. У барона карьера. Только
карьеря... Какой угодно цѣной — карьера. У васъ, мнѣ такъ каза-
лось, не одна карьера... Хорошо. Можно тутъ еще исправить кое
что. Вотъ тутъ новыя данныя объ убійствѣ германскихъ миссіо-
неровъ... Это очень важно. А тутъ моя запись вчерашняго разго-
вора у графини Гроссберенъ, англійскаго посланника съ япон-
скимъ военнымъ агентомъ. Вы увидите изъ него, какія обѣщанія
даны Японіи въ случаѣ, если та объявитъ войну Россіи. Тутъ...

Марьяна оборвала на полусловѣ. Фонъ Деренгофъ вернулся.
Онъ тоже не былъ смущенъ, что пакетъ, адресованный ему былъ
вскрытъ его женою.

— Прекрасно, — сказалъ онъ, — баронесса ознакомилась съ
вашей работой. У ней тутъ еще новыя данныя, она вамъ говорила.
Я лично не придаю этому особаго значенія. Обычная пустая салон-
ная болтовня. Англичане падки на обѣщанія. Такъ вотъ исправьте
что нужно, внесите дополненія и до слѣдующаго понедѣльника.
Итакъ, до свиданія...

XV.

Странно это было, необычайно и такъ не вязалось съ пред-
ставленіемъ Мальмсена о женщинахъ. Но самое странное было въ
томъ, что Мальмсенъ призналъ этотъ порядокъ и не только не воз-
мутился духомъ противъ него, но ему было пріятно думать объ
этихъ бесѣдахъ, иногда спорахъ съ умной Марьяной, видѣть ее
подлѣ себя, ощущать ея вліяніе, ея необычайную строгую красоту,
смотрѣть въ ея глубокіе влекущіе глаза.

Теперь при бесѣдахъ Марьяны съ Мальмсенемъ стали допускать и Полли, холеную, породистую шотландскую овчарку, съ расчесанной и надушенной желто-черной шерстью и умнымъ взглядомъ карихъ глазъ. Когда она первый разъ вошла за хозяйкой — она не подошла къ Мальмсену, но только издали поздоровалась съ нимъ, повиливъ концомъ пушистаго хвоста. Она легла у ногъ хозяйки и въ строго дѣловую обстановку сухого доклада внесла нѣкоторую интимность. И тоже это было странно — эта интимность была пріятна Мальмсену.

Теперь уже бывало иногда, что Мальмсень уходилъ, не дожидаясь возвращенія барона, и Марьяна и Полли провожали его въ прихожую.

Пришли первые заморозки. Грязь исчезла съ улицъ, мостовыя стали свѣтло-сѣрыми, жесткими и скользкими, потомъ посыпаль еще робкій серебристый снѣжокъ, забѣлилъ улицы и крыши, нѣсколько отчаянныхъ извозчиковъ выѣхали было на санкахъ, потомъ наступила оттепель, опять появилась грязь, пролили дожди, и вдругъ послѣ одного сильно туманнаго дня сразу пришли суровые ноябрьскіе морозы, особенно жесткіе, потому что не было снѣга. Нева, Фонтанка, Мойка и каналы стали тихими, черными и дымили бѣлымъ паромъ испареній. И тогда вдругъ ночью упалъ снѣгъ. Онъ сыпаль ровный и тихій всю ночь, заботливо одѣвая Петербургъ въ бѣлую зимнюю шубу. Къ утру стало въ городѣ торжественно и тихо. На Михайловъ день зима установилась.

На Невѣ и на Фонтанкѣ, на прудахъ Таврическаго сада, спѣшно устраивали катки для катанья на конькахъ, ставили павильоны для переодѣванія, буфеты и ротонды для музыкантовъ. На Крестовскомъ строили высокія ледяныя горы.

Марьяна, провожая Мальмсена послѣ работы, увидѣла въ прихожей на ясеневомъ стулѣ сапоги съ привинченными къ нимъ коньками.

— Вы бѣгаете на конькахъ, — спросила она, и Мальмсень первый разъ увидѣлъ блѣдную улыбку на ея щекахъ и ощутилъ, какъ еще прекраснѣе стало лицо баронессы.

— Да, — коротко отвѣтилъ онъ. На конькахъ... Еще хожу на лыжахъ. Очень я люблю зимній спортъ. Я вѣдь финляндецъ. А вы? Любите вы коньки.

— Любила. Очень.

— Бѣгаете и теперь?

— Нѣтъ. Раньше, когда еще была дѣвушкой, гимназисткой увлекалась страшно. Теперь... Баронъ не любить. Онъ, вы вѣроятно знаете, не признаетъ никакого спорта, считаетъ это дѣтской забавой... Kinder Spiel. А одной мнѣ ходить скучно и, неудобно.

— Давайте будемъ бѣгать вмѣстѣ.

Это было сказано просто. Вырвалось само, помимо воли Мальмсена. Онъ потомъ и самъ удивлялся, какъ онъ могъ это предложить? Должно быть въ эту пору вмѣстѣ съ Полли, дружелюбно подошедшей къ Мальмсену и внимательно обнюхивавшей висѣвшіе у него на рукѣ сапоги съ коньками, изловчились, наконецъ, подскочить къ нему и лукавые амуры и пустили въ него на этотъ разъ не отскочившіе отъ его сердца стрѣлы.

Темные круги поплыли передъ глазами Мальмсена. Кажется первый разъ въ жизни онъ былъ взволнованъ и трепетно ожидалъ, что отвѣтитъ ему женщина.

— У насъ, — опуская свои блѣдно-голубые глаза и краснѣя такъ, что зазолотились по щекамъ веснушки, тихо сказалъ Мальмсень, — общая работа, раздѣлимте вмѣстѣ и наши короткіе досуги.

Яснѣе и обворожительнѣе стала улыбка на щекахъ баронессы и еще красивѣе стало лицо ея. Отъ черныхъ глазъ пролился теплый свѣтъ и обогрѣлъ Мальмсена.

Не сразу отвѣтила баронесса. Она посмотрѣла долгимъ взглядомъ на Полли, будто совѣтуясь съ собакой, и та весело завилыла хвостомъ точно и она понимала весь смыслъ ихъ разговора. Потомъ Марьяна глубоко вздохнула и сказала груднымъ тихимъ голосомъ:

— Я — мужняя жена, Георгій Густавовичъ. Я спрошу своего властелина. Если онъ позволитъ — отчего же?

И уже смѣлѣе и громче, какъ бы оправдывая свое быстрое согласіе, добавила:

— Вы поймите меня. Утреннія прогулки по Литейному и Набережной съ Полли — она ласково тронула собаку, поднявшую на нее голову и вильнувшую хвостомъ, — мнѣ недостаточны. Мнѣ нужно гораздо больше моціона. Иногда мнѣ приходится всю ночь сидѣть за переводами, выборками, чтеніемъ книгъ и газетъ и такъ хочется потомъ воздуха, движенія. Такъ — хорошо. Если вы, Георгій Густавовичъ, такъ добры и я своимъ неумѣніемъ не буду мѣшать вамъ, я спрошу моего мужа и... если онъ согласится... Я осмотрю свои коньки и мы выберемъ часокъ свободнаго времени, чтобы побѣгать по льду.

Мальмсень низко поклонился.

Баронъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы его жена каталась на конькахъ съ Мальмсенемъ. Онъ только поставилъ нѣкоторыя условія, впрочемъ вовсе не стѣснительныя. — Не кататься въ Таврическомъ саду, гдѣ слишкомъ много было общихъ знакомыхъ и гдѣ могла бы выйти сплетня.

— Хотя, — закуривая сигару, сказалъ онъ, — изрѣдка и это можно. — Скоро меня произведутъ въ генералы. Такъ естественно, что моя жена, генеральша, скажемъ — будущая генеральша, катается изрѣдка съ адъютантомъ своего мужа. А Мальмсенъ такой адъютантъ, что другія генеральши, глядя на васъ, лопнуть отъ зависти. И еще: на катокъ и съ катка ты будешь ходить одна. Съ Полли. Это очень красиво. Когда я встрѣчаю такъ тебя съ собакой — я люблюсь тобою. Очень это стильно. Точно картинка изъ англійскаго кипсека. Катайтесь на Невѣ, а еще лучше — тутъ совсѣмъ близко отъ насъ, на Фонтанкѣ противъ цирка. Тутъ и публика попроще и никто тебя не знаетъ. Никакихъ сплетень не выйдетъ.

Такъ начались катанья Мальмсена не съ «женщиной на часъ», но со свѣтской дамой, женою начальника, прелестной баронессой.

Какъ было обусловлено съ барономъ — они приходили порознь. Марьяна являлась съ собакой, въ барочномъ балаганѣ скидывала манто и оставалась въ легкой на мѣху нарядной шубкѣ съ бренденбурами, въ кокетливой шапочкѣ на туго подвязанныхъ волосахъ. Полли послушно ложилась стеречь ея манто. Мальмсенъ, ожидавшій баронессу, предлагалъ ей руку и они катились по звенящему чистому льду. Баронесса шла неуверенно, крѣпко опираясь на руку Мальмсена.

— Это потому, — сказала она, смущенно улыбаясь и прикрывая ротъ муфтой, что я давно не бѣгала на конькахъ. Пять лѣтъ я не спускалась на ледъ.

— Это не забывается, — отвѣчалъ Мальмсенъ. — Но у васъ коньки неправильно надѣты. Позвольте я вамъ ихъ перевяжу.

Самъ себя не понималъ Мальмсенъ. «Вѣдь не влюбленный мальчикъ я... Такъ почему же такъ волнуетъ меня эта точеная тонкая шиколодка ноги баронессы. Не первый же разъ держу я въ рукахъ женскую ножку. Почему эта тугая икра ноги Марьяны будить во мнѣ совсѣмъ особыя мысли?..»

Мальмсенъ прогонялъ эти мысли, старался доказать себѣ, что

ничего особеннаго тутъ нѣтъ, что это тоже самое, что у другихъ женщинъ, женщинъ «на часъ» которыхъ онъ зналъ, а амурь, лукаво нашептывали ему, и съ запахомъ кожи ботинка и духовъ, которыми было надушено платье баронессы, грѣховныя мысли шли въ его голову. Онъ поднимался съ колѣна, красный и смущенный и говорилъ глухимъ голосомъ, самъ удивляясь себѣ:

— Теперь у васъ все иначе пойдетъ.

Трубачи-казаки въ голубыхъ безкозырькахъ играли вальсъ «Гитану». Сладко пѣлъ корнетъ и ему вторилъ баритонъ, басы гудѣли въ ротондѣ, это отдавалось о гранитъ набережной. Гдѣ-то наверху былъ городъ съ бѣгомъ саней по улицамъ, съ высокими домами, съ фонарями, извожичьими санями и прохожими — здѣсь было нѣчто совсѣмъ иное. Точно уходили они оба изъ города въ особый мѣръ и прекрасенъ былъ этотъ мѣръ, приготовленный и убранный для нихъ геніями зимы — амурями, наконецъ, овладѣвшими холоднымъ сердцемъ Мальмсена.

Они держали другъ друга, скрестивъ руки и быстро неслись по льду. На крутомъ поворотѣ ея рука дрожала и Мальмсень крѣпко обжималъ ее своею рукою, а Марьяна чувствовала, какъ твердо стоялъ онъ на льду и какъ билось ея сердце подлѣ его руки.

Они неслись мимо елокъ, натканыхъ въ ледъ вдоль забора. Ихъ дыханіе сливалось въ одно, ихъ сердца одинаково бились. На рѣсницы подъ вуалью налипалъ бѣлый иней и отъ этого все казалось Марьянѣ инымъ, несказанно красивымъ, будто то и не катокъ былъ у Семіоновскаго моста, гдѣ за часъ кататься брали двугривенный, но совсѣмъ особое, прекрасное, не земное мѣсто.

— Довольно. Я устала.

Она капризно, съ кокетливою шалостью подставляла то одну, то другую ножку, и онъ снималъ ботинки съ привинченными коньками и своими горячими руками грѣлъ ея застывшіе пальчики и надѣвалъ городскіе башмаки и бѣлые суконные ботики.

Она уходила одна. Она шла, позванивая коньками на рукахъ и подлѣ нея шла Полли. Собака, шая, отбѣгала впередъ, останавливалась, радостно лаяла, виляла хвостомъ, будто поздравляла хозяйку со счастьемъ.

— Полли, — звонко кричала Марьяна. — Полли ісі!

Полли неслась во весь духъ къ хозяйкѣ и шла покорно рядомъ, раскрывъ пасть и высунувъ языкъ.

Тихія зимнія сумерки. Свѣтъ фонарей на Невскомъ, звонки конныхъ каретъ и издали, сзади, звуки хора трубачей въ голубыхъ шапкахъ на каткѣ.

Какими прекрасными казались тѣ звуки. Боже! Какое это было счастье такъ бѣгать, какъ свободно, полною грудью дышать, ощущать себя молодой, красивой точно снова была она дѣвушкой... Любить и быть — любимой.

XXIII.

Мальмсень предложилъ Марьянѣ ходить на лыжахъ. Онъ же былъ одинъ изъ лучшихъ лыжниковъ въ Петербургѣ. Опять пришлось спрашивать барона.

Но и противъ быжъ баронъ ничего не имѣлъ.

— Отчего? Иногда. Ты такъ расцвѣла отъ зимняго спорта. Что же, возможно, что я и ошибался. Человѣку свойственно ошибаться. Спортъ иногда бываетъ полезенъ. Для очень молодыхъ...

— Можетъ быть, и ты съ нами поѣдешь, на свѣжемъ воздухѣ побудешь.

— Ну, милая моя. Не серьезно это, человѣку въ моихъ годахъ на генеральской линіи стоящему, чебурахаться въ снѣгу.

Ничего опаснаго не видѣлъ баронъ въ этихъ прогулкахъ для катанья на лыжахъ его жены. Лыжи везъ лакей. Онъ и ожидалъ баронессу послѣ прогулки на станціи. Прогулки были короткія. Пусть позабавится Марьяна.

Марьяна была счастлива. Лыжный спортъ ей легко дался. Но кто былъ особенно счастливъ, съ ума сходилъ отъ восторга — это Полли. Изъ чиннаго города, изъ вагона желѣзной дороги вдругъ попадала она въ просторы Павловскаго парка. Все было бѣло, все было въ глубокомъ мягкомъ снѣгу. Полли носилась въ этомъ снѣгу, какъ угорѣлая, прыгала, зарывалась въ снѣгъ и мчалась, проваливаясь по грудь въ сгуробы впереди лыжниковъ. Оглянется иногда — тутъ ли они, куда направляются и снова мчится, распустивъ по вѣтру свой пушистый хвостъ.

Въ лѣсу, за паркомъ, глухая, зимняя тишина. Ровно шуршатъ по снѣгу лыжи, скользятъ между деревьями. Крутой спускъ въ оврагъ, Марьяна крѣпко держится за руку Мальмсена, вдругъ чувствуетъ, что падаетъ — она вскрикиваетъ и сейчасъ же сильная рука подхватываетъ ее за талью. Лыжа соскочила съ ноги и ка-

тится внизъ. Полли примчалась и стоитъ противъ нихъ, разставила переднія ноги и лаеетъ, точно спрашиваетъ, что же случилось?

— Милая Полли, не надо лаять, ничего не случилось. Только я счастлива сама не знаю почему, счастлива, какъ никогда еще не бывала. Я не виновата, Георгій Густавовичъ. У меня нога повернулась и лыжа зашла на лыжу.

Мальмсенъ показываетъ Марьянѣ, какъ нужно опираться на палки чтобы этого не случилось и снова они несутся внизъ по крутому скату, они слетаютъ на просторъ замерзшаго озера и съ тихимъ шорохомъ, точно усталыя, останавливаютъ свой бѣгъ лыжи.

Съ высокаго моста черезъ проливъ между озерами бронзовые олени съ вѣтвистыми рогами смотрятъ на нихъ. Рѣдкіе прохожіе любятъ прелестной парой.

На станціи, раскраснѣвшаяся, веселая, счастливая, бодрая Марьяна надѣваетъ шубу.

— Это было замѣчательно, — говоритъ она, блистая черными глазами, — я не знаю, Георгій Густавовичъ, какъ мнѣ благодарить васъ за то что вы показали мнѣ, какъ ходить на лыжахъ и я право не знаю, что лучше — коньки или лыжи? На конькахъ мы отѣснены пространствомъ катка — тутъ безпредѣльность передъ нами. Но что мы будемъ дѣлать, когда пройдетъ зима, сойдетъ снѣгъ и растаетъ ледъ на рѣкахъ. Мнѣ будетъ тогда скучно безъ васъ.

— О! Марьяна Георгіевна, я пригону изъ Финляндіи свою яхту и мы будемъ ходить подъ парусами по заливу. Это будетъ тоже очень здорово.

— А что скажетъ баронъ?

Получить разрѣшеніе ходить подъ парусами было не такъ просто. «На яхтѣ?.. Вдвоемъ?.. Удобно ли это для его жены? Жена Цезаря вѣдъ подозрѣній, а все-таки?.. Но яхта это такой спортъ, гдѣ можно сидѣть неподвижно съ книгой и потому баронъ согласился и на это, но самъ онъ тоже будетъ кататься подъ парусами».

И было рѣшено посмотрѣть восходъ солнца надъ заливомъ.

— Вѣдъ, право, стыдно, Алеша, мы съ тобою иногда работаемъ до утра, и никогда не видѣли, какъ восходитъ солнце надъ Петербургомъ.

Къ восходу солнца они опоздали. Когда пріѣхали, Марьяна замѣтила гусарскаго офицера, стоявшаго на помостѣ съ блондинкой. Съ высоты своей величественной красоты Марьяна брезгливо подумала о дѣвушкѣ въ маленькой шляпкѣ, украшенной цвѣтами:

«Кто она такая?» Мальмсень былъ такъ увлеченъ баронессой, что и вовсе не замѣтилъ ни офицера, ни дѣвушки, а баронъ не считъ нужнымъ здороваться съ штабсъ-ротмистромъ, котораго онъ только разъ, и мелькомъ, видѣлъ у генерала Бетрищева.

Марьяна была въ восторгѣ отъ катанья на яхтѣ. Баронъ сладко зѣвалъ и, убаюканный мѣрнымъ бѣгомъ яхты и шопотомъ раздвигаемой волны, сладко заснулъ на боковой банкѣ въ тѣни отъ паруса. Марьяна, какъ зачарованная смотрѣла на Мальмсена, а тотъ точно и правда средневѣковый вигингъ ловко правилъ рулемъ.

Когда, и это было видно еще издали, — вдругъ заблестять на голубомъ просторѣ моря бѣлые зайчики налетѣвшаго шквала и яхта ляжетъ круто на бокъ, Марьяна схватится за Мальмсена, за его руку, за что попало, за колѣно и у нея сладко замретъ сердце. И тогда вдругъ охватитъ ее сладкое чувство близости къ этому сильному и красивому молодцу рулевому.

Въ эти мгновенія вѣстники весны — амуры, летали надъ волнами залива и безъ промаха били золотыми стрѣлами изъ золотыхъ луковъ во вдругъ ставшее мягкимъ сердце Мальмсена, и онъ чувствовалъ, что всѣ его теоріи о женщинахъ и о любви разлетаются, какъ брызги моря подъ налетомъ бурнаго шквала.

Точно предчувствуя нѣчто ненужное баронъ просыпался и говорилъ соннымъ голосомъ:

— Ну, господа, довольно. Пора и до дома. Сворачивайте, капитанъ, и держите обратный курсъ.

Яхта послушно становилась къ вѣтру, замирала на мѣстѣ, тяжелый «гикъ» мягко перекачивался надъ головами Марьяны и Мальмсена, парусъ набиралъ вѣтра, яхта кренилась и неслась, взбивая пѣнный бурунь, противъ течения къ далекимъ островамъ.

XXIV.

Осенью пришло первое большое горе къ Ламбину. вмѣстѣ съ обычнымъ осеннимъ переводомъ денегъ изъ имѣнія, на этотъ разъ очень малымъ, Ламбинъ получилъ письмо не отъ матери, какъ это бывало всегда, но отъ Пинны Егоровны.

Старушечьимъ неровнымъ почеркомъ, рыжими деревенскими чернилами по желтой, выгорѣвшей на солнцѣ бумагѣ, не очень грамотно, крупными дѣтскими буквами Пинна Егоровна писала «дорогому барину».

«Извиняйте, ежели что и не такъ вамъ пишу, а пишу по порученію матушки барыни. Очень плохи стали благодѣтельница наша, третій день не встають съ постели, чего допрежь николи не бывало. Такая всегда была бодрая и подвижная барыня, матушка ваша. Дохтуровъ звать воспрепятствовали. Сказали только, чтобы священника пригласили и вамъ отписала я, повидать васъ хотятъ матушка барыня. Проститься съ вами имъ охота. Уже и не знаю, можно ли вамъ, по Царской-то вашей службѣ, а нужно. Очень даже нужно, всѣ, конечно, подъ Богомъ ходимъ, а только очень плохи барыня, на себя даже не похожи стали, мамаша ваша.»

Ламбинъ и дочитывать не сталъ несвязнаго письма старой экономки. Онъ понялъ все — конецъ. Онъ пошелъ къ командиру полка просить объ отпускѣ.

Онъ уже давно отошелъ отъ матери, годами не навѣщалъ ее, а тутъ вдругъ понялъ, что обрывается нѣчто невознаградимое, настагаетъ судьба и караетъ его за легкую и веселую жизнь. Съ тяжелымъ чувствомъ подѣзжалъ онъ къ степной станціи.

Онъ пріѣхалъ позднимъ осеннимъ вечеромъ. Было хмуро и печально въ природѣ. Дождя не было, но тучи нависли такъ низко, что стало совсѣмъ по ночному темно.

Старикъ Егоръ подаль коляску, запряженную парой крестьянскихъ мелкихъ лохматыхъ лошадей.

— Какъ барыня?

— Какъ уѣзжалъ живы были. Васъ дожидаются. Вчера Святыхъ Тайнъ принять сподобились. Я изъ слободы батюшку доставлялъ въ экономію.

— Что же съ матушкой? Что за болѣзнь?

— Старость, баринъ. Значитъ — время ихъ пришло. Богъ душеньку къ Себѣ требуетъ.

Въ святой простотѣ словъ Егора Вадимъ ощутилъ холодъ могилы, непоправимаго несчастія.

— А почему на чужихъ лошадахъ?

— И-и-и, баринъ! Давно вы у насъ не были. Не то, что въ экономіи коней не осталось вовсе, а и собакъ и кошекъ перевели. Кормить нечѣмъ. Какъ и сами то питаются удивленію подобно. И я ушелъ уже два года на хуторъ. Теперъ такъ, по доброй волѣ пріѣхалъ за вами. На нѣтъ сошла экономія.

Ламбинъ опустилъ голову. Онъ-то зналъ, кто и чѣмъ свель

«на нѣтъ» экономію. И до самаго дома онъ ѣхалъ молча, ни о чемъ не спрашивая больше Егора.

Давно онъ не былъ у матери — и какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ, когда осеннимъ ласковымъ утромъ уѣзжалъ онъ въ коляскѣ на своихъ лошадахъ, и мать вышла проводить его за ворота. Для него эти двѣнадцать лѣтъ прошли, какъ мигъ, — но, какъ, должно-быть медленно часъ за часомъ, минута за минутой долгія скучныя тянулись они здѣсь, въ деревенской глуши.

И было тутъ такъ, что точно не только люди состарѣлись и умирали, но и сама земля и постройки доживали свой старый вѣкъ.

На грязномъ, покрытомъ засохшимъ бурьяномъ и повалившейся, у полуразрушенныхъ сараевъ и конюшенъ вялой крапивой, дворъ не было видно ни людскихъ, ни телѣжныхъ слѣдовъ. Мертвымъ сномъ уснула когда-то богатая полная жизни экономія. Домъ стоялъ съ окнами, закрытыми ставнями, а гдѣ просто забытыми наглухо досками. Точно смерть уже вошла въ него. Отъ тяжелыхъ, черныхъ тучъ все казалось еще болѣе жуткимъ и мрачнымъ.

Мать не выбѣжала, какъ тогда, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и Вадимъ не кинулся въ ея объятія. Онъ одинъ вышелъ, никѣмъ не встрѣченный изъ коляски и направился къ боковому крыльцу, подлѣ котораго черезъ щели ставень сквозилъ свѣтъ огней.

Пинна Егоровна съ свѣчою въ старомъ мѣдномъ шандалѣ стояла въ корридорѣ и она казалась не живою, но призракомъ, появившимся изъ царства тѣней.

— Что мама?

— Живы покамѣстъ, — прошамкала беззубымъ ртомъ Пинна Егоровна и помогла Вадиму снять шинель съ бобровымъ воротникомъ, казавшуюся такою неумѣстной среди развала и бѣдности корридора. — Онѣ васъ ожидаютъ.

Годы, несчастія, заботы, можетъ быть, и голодъ согнули и скрючили Пинну Егоровну. Свѣча тряслась въ ея почернѣвшей рукѣ, когда вела она Вадима по узкому корридору къ спальнѣ матери. Тревожныя страшныя тѣни бѣжали впереди по бѣленнымъ стѣнамъ, увѣшаннымъ пыльными портретами скаковыхъ и рысистыхъ лошадей. Здѣсь всегда раньше пахло собаками и лошадьми, кожей и овчиной, махоркой и дегтемъ отъ конюховъ и псарей --- теперь затхлый духъ нежилого покоя охватилъ Вадима.

Вадимъ постучалъ у двери матери.

— Войдите такъ, наврядъ ли услышатъ, — сказала Пинна Егоровна, — онѣ все не въ себѣ были.

Вадимъ несмѣло открылъ дверь и по ковру мягко подошелъ къ высокой деревенской постели.

Евдокія Алексѣевна лежала, освѣщенная керосиновой лампой подъ голубымъ фарфоровымъ абажуромъ. Голова въ сѣдыхъ, бѣлыхъ, хорошо убранныхъ волосахъ покоилась на бѣлой кружевной оборкѣ подушки. Голубовато-сѣрые глаза безъ мысли были устремлены въ потолокъ. Сухія, маленькія руки въ толстыхъ темныхъ жилахъ были выпростаны поверхъ одѣяла.

Пинна Егоровна поставила свѣчу на пузатый комодъ, уставленный семейными фотографіями въ орѣховыхъ рамочкахъ и подойдя къ Евдокии Алексѣевнѣ, громко сказала:

— Барыня!.. А, барыня! Вотъ вамъ и Вадимъ Петровичъ пріѣхать изволили. А вы говорили — не дождусь я — вотъ и дождалися.

Глаза Евдокии Алексѣевны повернулись на Вадима. Онъ опустился на колѣни и поцѣловалъ мягкую, точно безкостную руку матери.

Евдокія Алексѣевна слабымъ движеніемъ приподняла руку и тихо ерошила густые, русые волосы Вадима.

— Что же одинъ-то, — чуть слышно сказала она. — Я думала — привезешь и ее.

Вадимъ быстро всталъ. Онъ зналъ, что его мать ничего не могла знать о Наташѣ. Онъ никогда ей не писалъ о своей связи. Никто изъ полка, никто изъ знавшихъ жизнь Вадима здѣсь не бывалъ. Точно внутреннимъ чутьемъ матери, какимъ-то особымъ зрѣніемъ, взглядомъ изъ потусторонняго міра, гдѣ, можетъ быть, уже побывала его мать, когда лежала безъ сознанія, — увидѣла она Наташу и пожелала познакомиться съ подругой его жизни.

Это было страшно. Вадимъ почувствовалъ, какъ волосы шевелятся на головѣ.

— Мама, — въ ужасѣ сказалъ онъ, — о комъ?.. О комъ ты говоришь?

Устремленные на Вадима глаза матери ясніли. Въ темныхъ зрачкахъ появилось сознаніе и уже громче и увѣреннѣе Евдокія Алексѣевна сказала:

— Я ждала... Все думала, что ты, наконецъ, остепенишься. Невѣсту себѣ найдешь какого-нибудь хорошаго рода... Пріѣдешь съ нею принять отъ меня отцовское имѣніе. И вотъ этимъ лѣтомъ... Нѣтъ объ весну это было. Сирень цвѣла, а мнѣ привидѣлось. Такъ, конечно, показалось только, что ты и правда съ кѣмъ-то

встрѣтился. Съ настоящимъ... Своимъ будущимъ... Навѣки нерушимымъ. Пора, Дима. Тебѣ что? Вотъ грѣхъ какой — забыла я, который тебѣ годъ-то идетъ?

— Тридцать первый года пошелъ, мама.

— Охъ, Дима. Пора... пора...

— Я, мама, — началъ, было, Вадимъ и замолчалъ.

Глаза матери, загорѣвшіеся, было, сознаниемъ опять стали тупо смотрѣть въ даль, въ ей одной видное и, можетъ быть, страшное, живымъ недоступное. Вадимъ сѣлъ въ кресло и взялъ руку матери.

— Исполнилось, — прошептала Евдокія Алексѣевна, — исполнилось!.. Господи, исполни!

Евдокія Алексѣевна закрыла глаза.

Вадимъ до глубокой ночи просидѣлъ у постели матери. Подлѣ, на столѣ, тихо и печально гудѣла лампа, дыханія матери не было слышно. Чуть шевелилась на груди рубашка. Евдокія Алексѣевна была безъ памяти. Потомъ пришла Пинна Егоровна.

— Пожалуйте, баринъ, къ себѣ, я собрала вамъ поужинать и постельку накрыла. Вамъ отдохнуть надо. Онѣ такъ теперь долго ушли... Если что будетъ, я васъ позову.

Ламбинъ всталъ, поцѣловалъ мать въ лобъ и вышелъ за Пинной Егоровной. Евдокія Алексѣевна не шевельнулась.

Черезъ два дня, не приходя въ себя, Евдокія Алексѣевна тихо скончалась. Уснула и не проснулась.

Когда Вадимъ спросилъ у пріѣхавшаго засвидѣтельствовать смерть доктора: «Отчего умерла моя мать», — старый уѣздный врачъ отвѣтилъ просто:

— Отъ смерти.

Замѣтивъ недоумѣніе на лицѣ Ламбина врачъ пояснилъ:

— Это у васъ, въ Питерѣ, люди умирають отъ склероза, отъ рака, отъ почекъ, отъ міокордита и прочей дребедени, выдуманной наукой, чтобы себя показать, лицомъ въ грязь не ударить. У насъ, въ деревнѣ, дорогой, — кого хотите спросите, отъ чего челоуѣкъ умеръ, — всякій отвѣтитъ: «Отъ смерти». И молодые и старые равно умирають просто отъ смерти. Придетъ время и умретъ челоуѣкъ. Значитъ — не нужно ему больше жить.

Были деревенскія похороны — очень скромныя, съ малымъ

числомъ провожающихъ. Совсѣмъ была позабыта бывшая красавица Евдокія Алексѣевна; тѣ, кто помнилъ ее, сами или умерли, или такъ состарѣлись, что не могли прїѣхать. Молодымъ не была интересна доживавшая свой вѣкъ на глухомъ хуторѣ старуха. Пышныхъ поминокъ некому было устроить. Вадимъ, первый разъ близко увидавшій смерть, совсѣмъ растерялся. Пинна Егоровна едва ходила.

Въ пустомъ холодномъ залѣ городской гробовщикъ установилъ катафалкъ съ гробомъ, монашка изъ недалежняго монастыря, читала надъ гробомъ и, когда ночью Вадимъ входилъ въ залъ и садился у стѣны на стулѣ, смотрѣлъ на гробъ, на покрытое кисеей лицо покойницы, не вѣрилъ, что это конецъ, что никогда больше онъ не услышитъ голоса матери, не познаетъ ее самоотверженной ласки. Ушла и не вернется никогда...

Ушла! А, можетъ быть, только уснула? Вдругъ пошевелится въ гробу и встанетъ. И страшно было этого и хотѣлъ, чтобы это было — тогда заслужить онъ передъ матерью, тогда заплатить онъ ей за все, за все...

Но... Смертный духъ сладкою вонью тянулся отъ гроба... Чуть замѣтный, можетъ быть, — воображаемый. Тлѣніе начиналось.

На похоронахъ Вадимъ бодрился, держался по-гусарски, по офицерски, съ холоднымъ достоинствомъ, устроилъ угощеніе крестьянамъ въ слободскомъ трактирѣ и потомъ остался въ пустомъ домѣ съ почти потерявшей разумъ Пинной Егоровной до девятаго дня. Днемъ принималъ отчеты управляющаго и Пинны Егоровны, съ неприятнымъ чувствомъ, будто заглядываетъ въ чужія тайны, открывалъ сундуки и шкатулки, просматривалъ и уничтожалъ письма, щелкалъ на счетахъ, провѣрялъ росписки, подсчитывалъ, что же онъ имѣлъ и убѣждался, что у него по существу ничего нѣтъ. Имѣніе давало ровно столько, сколько нужно было, чтобы платить проценты по двумъ закладнымъ.

На девятый день, на могилѣ матери, Вадимъ служилъ панихиду. Былъ свѣжій, тихій ноябрьскій день. Деревья роняли послѣдніе листья и золотымъ ковромъ покрывали могилу, еловые вѣнки и букеты увядшихъ почернѣвшихъ бѣлыхъ астръ и хризантемъ.

Да, все было кончено. Со смертью матери кончалась и его беззаботная богатая жизнь. Начиналось что-то иное, нужно было думать самому о завтрашнемъ днѣ.

Обезпечивъ Пинну Егоровну, устройвъ ее въ городскую бога-

дѣльню, сдавъ дѣла управляющему, Вадимъ уѣхалъ изъ Черкесовки. Егоръ увозилъ его въ старой, дребезжащей ржавыми рессорами коляскѣ, на взятыхъ у крестьянъ въ слободѣ лошадахъ. Кончилась дворянская жизнь Лаамбина.

Дорогой, въ вагонѣ, Вадимъ обдумывалъ, какъ устроить по новому жизнь, какъ уплатить долги, какъ жить и гдѣ служить? Оставить полкъ? Поступить куда-нибудь, гдѣ можно было бы получать, а не тратить. И какъ быть съ Наташей?.. Какъ и что сказать ей? Въ небольшомъ кожаномъ чемоданѣ, томъ самомъ, съ которымъ когда-то Евдокія Алексѣевна ѣздила за границу лежали росписки, отчеты и очень маленькая сумма денегъ.

И, какъ ни думалъ Вадимъ, ничего не могъ онъ придумать. Ничего у него не выходило. Жизнь сошлась клиномъ.

XXV.

В Петербургѣ, Ламбинъ поѣхалъ прямо къ Наташѣ.

Наташа встрѣтила его съ чуткой лаской. Она всѣ эти дни служила въ соборѣ панихиды по его матери. Любящимъ сердцемъ она поняла всю тяжесть утраты Вадима. Она глубоко почувствовала страданія Димы и говорила ему со спокойною разсудительностью, какъ мать говоритъ ребенку.

— Подожди, Димочка, и, главное, не волнуйся понапрасну. Все то, что ты говоришь о своемъ разореніи вовсе не такъ страшно. Оставлять полкъ, — да Боже тебя сохрани! Никогда и никакъ этого не нужно дѣлать. У тебѣ одно — долги!..

Наташа дѣлала большіе испуганные глаза. Она такъ боялась долговъ. Долги, кредиторы, векселя рисовались ей чѣмъ-то страшнымъ. Какъ бы изъ-за этого не вышли бѣдному Димочкѣ непріятности въ полку? Что-то слышала она однимъ ухомъ о какомъ-то «долговомъ отдѣленіи», куда сажаютъ неисправныхъ должниковъ. Можетъ ли сидѣть въ такомъ отдѣленіи офицеръ?.. Вотъ что было ужаснымъ.

— Слушай, Дима. Давай мнѣ всѣ твои росписки. Кому, когда и сколько нужно платить? Ни тебѣ — не дворянское это дѣло, ни мнѣ — танцовщицѣ... — тан-цов-щи-цѣ, — дѣлая важные глаза повторила Наташа — все равно этого никогда не понять. Я приглашу сегодня же Мусю съ Кирилломъ Капитоновичемъ. Кирилка дока по этой части. Не даромъ онъ служитъ въ гражданскомъ судѣ.

Ты спокойно поѣзжай въ полкъ и ни о чемъ не думай. Кирилль Капитоновичъ научить, какъ и что нужно будетъ дѣлать. А объ уходѣ изъ полка и думать не смѣй. Вотъ глупости еще. Уже мы съ Кирилломъ Капитоновичемъ и Мусей что-нибудь да придумаемъ. Мусенька тебя нѣжно любить и мой самый вѣрный другъ. У тебя же притомъ послѣ завтра полковой праздникъ. Такъ вотъ, Димочка, все будетъ устроено такъ, какъ надо... А о твоей мамочкѣ я буду всѣ эти дни горячо, горячо молиться. Пусть она тамъ, у Престола Всевышняго замолить нашъ грѣхъ и попросить научить что дѣлать.

Нѣсколько успокоенный Вадимъ поѣхалъ въ полкъ и явился прежде всего своему эскадронному ротмистру Петрову.

— Василій Александровичъ, — говорилъ онъ, волнуясь, — научи меня, какъ мнѣ быть? Нѣтъ и двухъ недѣль, что я похоронилъ мою мать. Послѣ завтра полковой нашъ праздникъ. Быть можетъ, мнѣ надо сказатья больнымъ, или отпроситься у командира полка. Праздникъ и похороны матери... Ты понимаешь это. Не вяжется все это въ моей головѣ.

Петровъ крѣпко взявъ Ламбина за руку повыше локтя и усадилъ его рядомъ съ собою на старый кожаный диванъ. Нѣсколько долгихъ минутъ онъ молчалъ. Наконецъ, началъ говорить тихо и наставительно.

— Ты князя Орловскаго помнишь?

— Ну да, конечно.

— Ты помнишь, какъ при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, наши парады бывали зимой въ двѣ очереди. Мы уходили въ Петербургъ и на три дня становились въ чужія казармы, а къ намъ приходилъ полкъ изъ Петербурга и такъ же становился на три дня. Кто-нибудь изъ офицеровъ оставался принимать дорогихъ гостей.

— Да, помню. И какой тогда дымъ коромысломъ стоялъ въ собраніи. Трое сутокъ гуляли. Играли трубачи, пѣли пѣсельники, катались по парку, пили, ѣли, гостей ублажали...

— Князь Орловскій былъ оставленъ такъ для приѣма гостей. А у него въ это время жена рожала первымъ ребенкомъ и были очень трудные роды. Князь сидѣлъ съ гостями, былъ радушнѣйшимъ хозяиномъ и никто изъ гостей и не подозрѣвалъ, какая драма была у него на душѣ. Развѣ, что онъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Поздняя ночь. Шумъ, гамъ, трубачи играютъ, пѣсельники поютъ, кого-то качаютъ, кто-то уже накачался... Рядомъ съ кня-

земь сидить чужой командиръ полка. Идетъ непринужденная беседа, рассказываютъ соленые солдатскіе анекдоты. Къ Орловскому подходитъ собранскій вѣстовой и подаетъ ему записку изъ дома. Орловскій быстро взглянулъ на нее, сложилъ и положилъ въ карманъ. Когда нѣсколько затихло въ собраніи, онъ сказалъ командиру чужого полка, что онъ просить разрѣшенія сказать тостъ. Встаеъ и говоритъ: «Господа, позвольте мнѣ подѣлиться съ вами моею радостью. У меня только-что родился сынъ-первенецъ. Прошу сдѣлать мнѣ честь и выпить за его здоровье и за здоровье его матери». Крики ура. Шумъ, гамъ пуше прежняго, Орловскій продолжаетъ сидѣть съ гостями, сидитъ до утра и лишь тогда, когда гости стали уставать, склонились буйныя головушки и командиръ полка пошелъ отдохнуть, князь Орловскій поскакалъ къ своей женѣ. И это, топ cher, всѣ оцѣнили — и свои и гости. Есть семья — отецъ, мать, жена, дѣти — святое святыхъ человѣка, но есть и выше этого — полкъ!.. Полковая семья. Въ ней своя личная семья растворяется безъ остатка. Послѣ завтра полковой праздникъ. Государь Императоръ, нашъ однополчанинъ, въ нашей формѣ будетъ принимать парадъ. Будетъ у себя угощать господъ офицеровъ. Все послѣ Бога, самое святое и высокое сольется въ этотъ день съ нами. Государь, Родина, Полкъ... Старые штандарты станутъ въ строй, живые свидѣтели вѣковой славы полка и его подвиговъ. Какъ же ты можешь не быть въ такой день въ своемъ полку, въ своей семьѣ? Нѣтъ такого горя, какое могло бы заслонить радость именинъ полка. Умерла мать... А тамъ у насъ въ этотъ день сколькихъ, сколькихъ мы будемъ поминать, кого не досчитались однажды послѣ лихой атаки. Мертвые будутъ съ нами, живыми въ этотъ день. Твои товарищи знаютъ о твоемъ большомъ неутѣшномъ горѣ и пощадятъ тебя. Но уклониться ты не можешь — это твой долгъ!

XXVI.

Двѣнадцать лѣтъ служилъ Ламбинъ въ полку, двѣнадцать разъ справлялъ полковой праздникъ а, какъ вошелъ въ большой полковой манежъ, покрытый утрамбованнымъ солдатскими ногами красноватымъ пескомъ, какъ увидѣлъ въ косыхъ лучахъ скупого осенняго солнца слѣпящій глаза строй трубачей, шесть эскадроновъ въ алыхъ доломанахъ и ментикахъ на плечѣ, какъ увидѣлъ ряды высокихъ бобровыхъ шапокъ и сіяющія лица гусаръ, почув-

ствовалъ, что правъ былъ Петровъ, что выше этого нѣтъ ничего у него въ жизни. И понялъ, что уйти изъ полка онъ не можетъ. Легче уйти вовсе изъ жизни. Ламбинъ вспомнилъ, что и точно, въ такихъ обстоятельствахъ, какое было у него, случилось, что уходили изъ жизни, кончали самоубійствомъ, не въ силахъ будучи перенести разлуку съ полкомъ.

Долго равняли, по шнуру устанавливали носки гусарскихъ ботинокъ. Трепетали высокіе бѣлые султаны при бравомъ поворотѣ головы. Бѣлые ментики въ бобрахъ сливались въ одну недвижную линію, краснѣли изъ-подъ нихъ доломаны. Блистали у офицеровъ ташки расшитыя золотомъ на длинныхъ золотыхъ ремняхъ. Тихій говоръ. замирающій при возгласѣ команды, визгъ вынимаемыхъ изъ ноженъ сабельныхъ клинковъ, привѣтствія прибывающихъ начальниковъ и прежде служившихъ въ полку офицеровъ — все это уносило мысли въ особый міръ и готовило къ чему-то волнующему и прекрасному и жуткому, — и свое, личное уходило, сдавалось передъ этимъ.

Послѣдній разъ, ослѣпительно блеснувъ на солнцѣ, визгнули сабли и стали косымъ рядомъ «на караулъ». Торжественные, въ бой зовущіе звуки похода поплыли по манежу, наполнили его и смѣнили волнующую тишину. Казалось по иному, ярче, веселѣе заблестало солнце въ окна, точно и оно привѣтствовало того, кто входилъ въ манежъ. Трубачи на мгновение смолкли. Въ тишину, нарушаемую шорохомъ шаговъ, идущихъ въ разную сторону и звономъ шпоръ вошелъ ясный и отчетливый голосъ Государя. Грянулъ отвѣтъ трубачей и сейчасъ же поплыли величественные, волнующіе сердце, родные звуки народнаго гимна. Душа Ламбина смягчилась, все тяжелое позабылось и онъ понесся въ величіе и силу Родины. Смерть матери, сознание, что онъ только всего на всего промотавшійся дворянинъ, не знающій какъ ему выпутаться изъ сѣти долговъ — все это житейское, непріятное, неизбежное и трудное исчезло, смыто было звуками гимна, напряженнѣйшимъ состояніемъ тысячи людей, неподвижно стоящихъ съ вытянутыми впередъ руками съ саблями, блестящими на солнцѣ. «Мелочи жизни» исчезли — осталось то великое, невѣсомое, душевное и духовное, что было создано тѣмъ, что и онъ принадлежитъ къ тому великому, что есть полкъ, армія и Россія, Россія прежде всего. И такъ отвѣчая этимъ мыслямъ, почти неосознаннымъ, только чувствуемымъ, прозвучалъ отвѣтъ на слова привѣта Государя Его эскадрона и грянуло могучее, все покрывающее «ура»!..

Это ура нарастало, становилось громче и сильнѣе, окна дребезжали въ манежѣ отъ мощнаго крика. Государь приближался тѣмъ временемъ къ четвертому эскадрону, гдѣ на первомъ взводѣ стоялъ Ламбинъ. Государь ясными сѣрыми глазами смотрѣлъ въ глаза Ламбину и Ламбину показалось, что Государь уже знаетъ про его горе, что онъ глазами говоритъ ему слова привѣта и утѣшенія и въ этомъ привѣтѣ Ламбинъ прочелъ, что ничего не нужно, не нужно и думать покидать полкъ, что все какъ-то образуется.

Ура смолкло, еще нѣсколько мгновений дрожало въ манежѣ эхо и казалось, что оно еще раздается, когда вынесли наложку на середину манежа, пѣвчіе стали за нимъ и духовенство вышло передъ полкомъ.

Сабли были вложены въ ножны, шапки сняты и въ манежѣ вошли плавные звуки молебнаго пѣнія.

Все шло по уставному порядку. Медлительно было молебное пѣніе, раздавались крики командъ. Былъ красивый тостъ Государя о здоровьи полка, были тосты за Государя и гремѣлъ гимнъ по манежу и грому подобно было ликующее ура, а потомъ бодро, весело, вызывающѣ заиграла музыка маршъ и полуэскадронъ за полуэскадрономъ стали открываться отъ тѣсной колонны полка и шли быстрымъ легкимъ кавалерійскимъ шагомъ мимо Государя.

Ламбинъ шелъ впереди своего полуэскадрона, салютуя саблей и видѣлъ лицо Государя и слышалъ его слова:

— Спасибо четвертый!..

Ламбинъ понялъ, что онъ не несчастный сынъ, потерявшій мать, не разоренный дворянинъ, но онъ «четвертый», таинственный великій и значительный «четвертый» и онъ вмѣстѣ съ гусарами радостно крикнулъ:

— Рады стараться ваше Императорское Величество!

Да, все проходить и все само дѣлается такъ, какъ надо, какъ указываетъ какая-то таинственная и, во всякомъ случаѣ, неземная сила...

Три дня прошли въ полку, какъ въ чадѣ. Эти три дня показали Ламбину, что уйти изъ полка невозможно, что можно уйти изъ жизни, можно начать какъ-то по иному, по рабочему жить, отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, но отказаться отъ того, что давало ему состояніе въ полку, общеніе съ товарищами офицерами, съ гусарами, съ лошадьми, со всѣмъ укладомъ полковой жизни — никакъ и никогда невозможно.

Черезъ три дня, въ шестомъ часу вечера, Ламбинъ подъѣзжалъ къ дому, гдѣ жила Наташа. Опять смутно было въ душѣ и окрѣпшее было въ дни праздника рѣшеніе стало казаться невыполнимымъ. Опять поднялись вопросы: — на что и какъ жить?.. И какъ быть съ Наташей?

Наташа открыла ему дверь, помогла раздѣться и повѣсила его шинель на вѣшалку. Совсѣмъ особенная была Наташа. Точно помолодѣла она за эти дни. Она стала такую, какую пріѣхала когда-то въ солнечный весенній день въ Гунгербургъ на первое свиданіе съ нимъ. Въ ней была та же простота, милая невинность и съ нею стало легко. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на нее и опять замѣтилъ, что Наташа была не та, какую онъ покинулъ въ отчаяніи три дня тому назадъ, но была она очень простая и хорошая, не любовница, не содержанка Наташа, но Наташа добрый другъ и ласковый товарищъ. Невинная была въ этой новой прелести Наташа.

Улыбаясь милой улыбкой, Наташа прошла въ гостиную. Да... Особенная была Наташа и въ квартирѣ было что-то по иному.

— Садись, Дима, — сказала Наташа, и сѣла подъ лампой.

Вадимъ сѣлъ сбоку въ кресло. Синіе глаза Наташи свѣтились торжествомъ и радостью. Обычно Ламбинъ видѣлъ, какъ бы отраженіе ихъ блеска въ большихъ бирюзахъ, висящихъ въ ушахъ. Наташа никогда при Ламбинѣ не снимала его подарка, она и спала въ нихъ, когда Ламбинъ ночевалъ у нея.

Глаза Наташи сіяли, но отраженія сіянія не было нигдѣ. Наташины уши были дѣвственно чисты, безъ украшеній и были такія же розовыя и милыя, какія были въ тотъ свѣтлый Нарвскій день, когда первый разъ вполнѣ оцѣнилъ онъ всю красоту ея облика.

— Наташа, — сказалъ Ламбинъ и голосъ его дрогнулъ. — А гдѣ твои серьги?

Наташа весело разсмѣялась, въ глазахъ заблестали радостные огни и еще прекраснѣе стало лицо. Изъ подъ глубокого плюшеваго альбома она вытянула надорванные векселя, съ помѣткой объ уплатѣ и, точно боясь, что скажетъ Вадимъ, сама быстро заговорила.

— Вотъ тутъ всѣ твои векселя, милый Димочка. За эти три дня Муся и Кириллъ Капитоновичъ все устроили. Ты остаешься въ полку. Я буду попрежнему твоя, но уже не дурочка, не наивная корифейка, вступающая на путь славы и получающая шесть-

десять рублей въ мѣсяцъ. Это прошло, Димочка. Это совсѣмъ прошло — я вѣдь теперь — тан-цо-вщи-ца! Триста рублей въ мѣсяцъ есть на что жить и вдвоемъ. Проживемъ... И еще и какъ!

— Гдѣ твои сережки?

— Скажи мнѣ, Дима, ты мнѣ ихъ подарилъ? Да? Взаправду подарилъ? По настоящему? Онѣ мои? Да? Такъ вотъ я продала ихъ. Я продала всѣ мои драгоценности. Только то колечко, что ты мнѣ подарилъ тогда въ Ялтѣ, послѣ той счастливой ночи, я не могла продать. Оно осталось у меня. Я продала все, — показывая на голыя стѣны, сказала Наташа, — что имѣло цѣнность. Кирилль Капитоновичъ хотѣлъ и этотъ мой портретъ продать. Какъ же вѣдь онъ — Богдановскій. Хорошія деньги можно было бы за него получить, да я знаю, что ты любишь его, я отстояла — оставила для тебя... За то у тебя нѣтъ больше долговъ. Все до послѣдней копѣчки заплачено. Старика Ласковаго вчера увели. Андрея и Аграфену я отпустила. Катя согласилась быть «одною прислугой». Она такъ привыкла ко мнѣ. Видишь, Димочка, еще можно жить, а что мы будемъ теперь еще болѣе счастливыми, такъ я тебѣ ручаюсь въ этомъ!

Душистыя руки обвили шею Ламбина и нѣжныя уста прижались къ его губамъ.

Ламбинъ освободился изъ объятій Наташи, всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Наташа, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — что ты за человѣкъ!?

— Человѣкъ я Божій, обшить кожей, покрыть рогожей, --- слыхаль ты это? Пора, пора остепениться. А сейчасъ мы пойдемъ пѣшкомъ, погода такая прекрасная — пойдемъ мы пѣшкомъ къ «Мѣдвѣдю», гдѣ по случаю начала нашей, новой жизни Муся съ Кирилломъ Капитоновичемъ устраиваютъ намъ обѣдъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ, и Кирилль Капитоновичъ скажетъ тебѣ, что онъ для тебя еще придумалъ. Просто гениально придумалъ.

Ламбинъ подошелъ къ Наташѣ, сталъ на колѣни и покрылъ ея руки безъ колецъ поцѣлуями.

— Наташа... Наташа, — шепталъ онъ, — думалъ ли я, по-дозрѣвалъ ли, что ты такая святая, удивительная женщина?!

Наташа чувствовала, какъ горячія слезы орошали ея руки.

— Ну, полно, милый, милый Димочка... Какая я такая святая, просто я любящая тебя женщина. И мы будемъ жить и себя ни въ чьихъ глазахъ не уронимъ.

Муся съ Кирилломъ Капитоновичемъ ожидали Наташу въ отдѣльномъ кабинетѣ. Занавѣсы были спущены и въ кабинетѣ было тихо и по семейному уютно. Столъ былъ накрытъ на четыре прибора и все было, какъ общала дорогой Наташа чинно, просто и соотвѣтственно горю и печали Вадима.

Пріѣхавшій съ какого-то засѣданія Кирилль Капитоновичъ былъ во фракѣ. Длинная черная «кассирійская» борода — Кирилль Капитоновичъ носилъ ее изъ подражанія какому-то знаменитому адвокату, была смазана душистой помадой и блестяла. Усаживая Наташу и Ламбина за столъ, онъ обращался съ ними, какъ старый папаша съ дѣтьми. Муся скинула съ себя обычную смѣшливость и была серьезной. Платье на ней было закрытое и темное. Она сѣла напротивъ мужа, оглядѣла прозрачными зеленоватыми глазами Вадима и Наташу и сказала:

— Ну, вотъ, Вадимчикъ, и кончено. Прекрасно мы съ Наталкой все устроили. Долговъ у васъ нѣтъ, и будете вы жить, поживать, какъ подобааетъ приличнымъ людямъ. А какъ жить? — Кирилль вамъ все расскажетъ.

— Все то, что устроили Наташа съ моей женой — все это прекрасно, дѣти мои, — сказалъ Кирилль Капитоновичъ, поглаживая свою бороду, — но суть переустройства жизни заключается не въ этомъ и этого можно было даже и избѣжать. Дѣло не въ сокращеніи расходовъ, даже напротивъ — сокращеніе тутъ не при чемъ. Не оно вамъ поможетъ.

— Ну ужъ, — воскликнула Наташа. — Что ты говоришь... А долги?..

Ей стало обидно, что такъ говорятъ о ея прекрасномъ и такъ быстро исполненномъ дѣлѣ, гдѣ она чувствовала себя немножко героиней и жертвой.

— Не поможетъ, Наталія Николаевна. Дѣло не въ томъ, чтобы при повышеніи потребностей и пониженіи достатка снижать потребности. Политическая экономія насъ учитъ, — Кирилль Капитоновичъ былъ вполне увѣренъ, что ни Ламбинъ, ни Наташа, ни его Муська никогда не слышали о такой наукѣ и потому могъ свободно говорить все, что ему придетъ въ голову. — Политическая экономія насъ учитъ, что останавливать развившіяся потребности народа, его культуру, изъ-за недостатка средствъ не разумно. Иной подходъ нуженъ къ предотвращенію бѣдствія. Нужно увели-

чить производительность народного труда, чтобы покрыть расходы по выросшимъ потребностямъ народа.

— Ты городишь какую-то чушь, какую и самъ не понимаешь, — сказала Муся. — У меня отъ твоихъ рѣчей дѣлается съ головою что-то неясное, какъ послѣ выпитой бутылки шампанскаго. Говори яснѣе. Ты не въ Окружномъ судѣ.

Кирилль Капитоновичъ вытаращилъ круглые глаза на жену и, не отвѣчая ей, продолжалъ:

— То, что относится къ жизни народовъ — такъ же примѣнимо и къ жизни отдѣльныхъ его индивидуумовъ. Въ данномъ случаѣ, ты, Вадимъ, являешься индивидуумомъ.

— Ты, Кирилка, не ругай моего Вадимчика, — сказала Муся, беря подъ руку Вадима и прижимаясь щекою къ его плечу.

— Тебѣ нужно не столько сократиться, сколько найти пути къ источникамъ новаго дохода.

— Я объ этомъ думалъ, — сказалъ Ламбинъ. — Но мое имѣніе, степь. Въ немъ не найдешь ни цѣлебныхъ грязей, ни водяныхъ источниковъ, въ немъ не забьютъ нефтяные фонтаны. Повѣрь, Кирилль, моя мать все изыскала, все выжала, что можно было получить отъ имѣнія.

— Можно зарабатывать своимъ умомъ, своимъ талантомъ, своимъ усердіемъ.

— Но какъ? Уйти изъ полка? Готовиться къ новой жизни, когда мнѣ уже идутъ сороковые годы и я ничего, кромѣ своего дѣла не знаю и не умю. Ни особаго ума, ни таланта, ни знаній я въ себѣ не ощущаю.

— Ни за что ты, Вадимъ, полка не оставишь, — твердо и сильно сказала Наташа. — Слышишь: — ни за что!

— Можно работать и зарабатывать и, оставаясь въ полку.

— Какъ? Выѣзживать чужихъ лошадей? Скакать за плату на чужихъ лошадахъ, какъ жокей? У насъ это не принято и не позволено.

Кирилль Капитоновичъ сдѣлалъ маленькую паузу и твердо и рѣшительно сказалъ:

— Писать!..

— Писать? — Ламбину показалось, что онъ ослышался. — Какъ писать? Что писать?

— Писать романы, какъ писалъ твой однополчанинъ Лермонтовъ, какъ писалъ артиллерійскій офицеръ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ пишетъ кавалеристъ Крестовскій, какъ пишетъ

Гродненскій гусарь Юлій Елецъ, какъ пишетъ Валерьянъ Свѣтловъ и многіе, многіе другіе.

— Но я никогда не пробоваль?

— Полно, Димочка, — сказала Наташа. — А какъ ты описаль, помнишь, нашу поѣздку на тони, совсѣмъ ну, право, какъ у Лермонтова въ «Тамани» у тебя описаніе моря. Я даже всплакнула.

Ламбинъ пожалъ плечами.

— Не боги горшки лѣпятъ, — сказалъ Кирилль Капитоновичъ. — Ты грамотень — вотъ и пиши.

— Что это дастъ?

— Дастъ возможность жить и служить.

— Димка писатель, — засмѣялась Муся, облачиваясь на плечо Ламбина и передвигая на жгутъ венгерки бомбочки со звѣздочками. — Ты не слушай его, Дима. Что онъ адвокатъ, пустомеля. Чушь городить. Ты скоро ротмистромъ будешь, эскадронъ получишь, тебя въ полку знаютъ и любятъ — тебя не осудятъ, если ты станешь скромненько жить и разъ другой перевернешь жгуты на венгеркѣ. Живите себѣ смиреннько съ Наталочкой. А то, что онъ такое, право, придумаль. Романы писать! Вдругъ и правда напишешь, и насъ съ Наталочкой выведешь, опишешь, какъ прыгаль въ окно къ танцовщицамъ... Вѣдь это будетъ смѣшно и никто такое не напечатаетъ.

— А я говорю и повторяю, — наливая бокалы, сказалъ Кирилль Капитоновичъ, — писать... Писать романы, и я пью за здоровье писателя Вадима Ламбина!.. Напиши «Героя своего времени» и прославь себя. Тысячи заработаешь! Я тебѣ помогу устроить твой первый романъ въ хорошемъ журналѣ. У меня есть связи въ журнальномъ мірѣ. А тамъ и пойдеть...

Со звономъ чокнулись бокалы.

Наташа не сразу выпила свой, закашлялась и покраснѣла. Слезы показались на ея глазахъ.

Всѣ какъ-то примолкли, задумались, нахохлились и скоро развѣхались.

XXIX.

Зимою Ламбинъ сталъ манкировать — не службою, конечно, но тѣми товарищескими пирушками, «кабалками», которыя считались почти такъ же обязательными для офицера, какъ и служба. Когда хотѣли посылать за нимъ, его эскадронный Петровъ оставивалъ:

— Оставьте, господа, — говорилъ онъ, — Ламбинъ занятъ. Онъ пишетъ...

«Ламбинъ пишетъ». Такъ не вязалось это со всѣмъ внѣшнимъ обликомъ браваго штабсъ-ротмистра, съ его изящной, стройной фигурой, съ загаромъ покрытымъ лицомъ. «Ламбинъ пишетъ»... Да что же онъ пишетъ? Что можетъ онъ писать? Что знаетъ, что видѣлъ Вадимъ, что пережилъ онъ, чтобы писать? Да, есть ли у него талантъ къ этому. Нѣтъ — это просто враки, — вѣроятно, новая интрижка, новая пассія, новое увлеченіе, измѣняетъ Ламбинъ бѣдной Наташѣ. Можетъ быть, — карты?

Но въ карты послѣ смерти матери Ламбинъ совсѣмъ не игралъ. Онъ зарокъ даже даль не садиться за карточный столъ, ни по маленькой, ни по большой, ни въ коммерческія, ни въ азартныя.

Ламбинъ и правда писалъ. Почти шутя сказанныя Кирилломъ Капитоновичемъ за обѣдомъ у «Медвѣдя» слова о романѣ оставили глубокой слѣдъ въ головѣ Ламбина. Точно брошено было туда зерно и стало оно пухнуть, проростать бѣлесовато-зелеными ростками, разрастаться листьями, вырастать кудрявымъ кустомъ.

Написать романъ?.. Не боги горшки лѣпятъ... И точно, что нужно для того, чтобы стать писателемъ? Умѣть грамотно выражать свои мысли? Но и въ корпусѣ и въ училищѣ «сочиненія» Ламбина считались образцовыми и даже читались передъ классомъ учителемъ.

Ламбинъ шелъ послѣ занятій въ эскадронѣ домой пѣшкомъ. Онъ теперь часто ходилъ пѣшкомъ. Онъ шелъ, задумавшись. Въ зимнемъ бѣломъ снѣжномъ нарядѣ было Царское Село, стояло точно гусарь въ бѣломъ ментикѣ. Ламбинъ шелъ и будто видѣлъ передъ глазами толстый ежемѣсячный журналъ: «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», или... Нѣтъ — «Русскій Вѣстникъ» лучше всего. Тамъ впервые печаталъ Левъ Николаевъ Толстой свой романъ «Война и миръ», положившій начало славы писателю. И въ этомъ-то «Русскомъ Вѣстникѣ» — романъ «В. П. Ламбина»!.. Названіе. Трудная штука это названіе. Это, какъ платье для женщины, въ немъ половина красоты романа. «Герой своего времени». А не будетъ это подражаніе Лермонтову? Нѣтъ, нужно непременно свое оригинальное, эффектное, такое, чтобы сразу заинтересовало читателя. А какъ приметъ его Наташа, когда принесетъ онъ къ ней неразрѣзанный томъ журнала? Можно описать хуторъ Черкесовъ и какъ постепенно онъ хирѣлъ и умиралъ.

Пробужденный мозг работал порывисто и ярко строилъ сцены, рисовалъ картины.

Ламбинъ приходилъ домой въ какомъ-то мутномъ полуснѣ, въ иномъ мѣрѣ, въ мѣрѣ своей фантазіи. Онъ приказывалъ деньщику зажечь лампу и садился читать классиковъ, какъ нѣкогда кадетомъ читалъ онъ ихъ матери.

Он читалъ подрядъ книги, взятая изъ полковой библіотеки. Онъ прочелъ и перечелъ «Героя нашего времени» и задумался.

Какъ далеко ушло это время. А давно ли оно было? Есть старики, которые помнятъ его. Кавказъ, поѣздка «съ оказіей», мудрый Максимъ Максимовичъ, самоувѣренный, самовлюбленный Печоринъ, Княжна Мери. Чѣмъ и какъ достигнуто, что всѣ они стоятъ передо мною, какъ живые? Тогда были другіе люди, сильныя, страстныя натуры... «Тамань». Наташа сказала, что у него описаніе моря на тоняхъ похоже на «Тамань». Нѣтъ, нисколько не похоже. Онъ прочелъ романъ Ельца — «Болѣзнь вѣка». Онъ зналъ героя этого романа корнета Бартенева, блѣднаго, задумчиваго, порывисто страстнаго. Онъ видалъ его въ Петербургѣ, слышалъ о романѣ его съ артисткой полькой Висновской, читалъ въ газетахъ и объ убійствѣ Бартевымъ Висновской.

Все это было совсѣмъ недавно... вчера. Ламбинъ искалъ подобные типы среди знакомыхъ офицеровъ. Что, если назвать романъ «Герой моего времени»... Не будетъ ли это слишкомъ претенціозно? Кто теперь герои. Аферисты? Погоня за деньгами, за удовольствіями, подслуживаніе толпѣ, угодничанье, подлость. Или взять и описать такого человѣка, какъ его товарищъ Верхотуровъ. Но я не знаю обстановки его жизни на далекой окраинѣ.

Онъ просидѣлъ всю ночь за письменнымъ столомъ и набросалъ планъ романа. Онъ придумывалъ интригу, борьбу страстей, такъ, какъ училъ его в корпусѣ учитель словесности. Онъ намѣтилъ дѣйствующія лица и написалъ ихъ характеристики. Такъ дѣлалъ Тургеневъ.

По утрамъ онъ былъ занятъ въ учебной командѣ, днемъ съ Петровымъ работалъ свою новую лошадь, чистокровную «Кармень», готовилъ ее къ скачкамъ, потомъ опять былъ въ классѣ учебной команды на словесныхъ занятіяхъ и послѣ, въ темнотѣ зимней ночи шелъ тихими шагами домой. Онъ приказывалъ деньщику подать крѣпкаго чая и бутылку краснаго Pontet-Canet и садился за работу.

Онъ писалъ. Писалъ такъ, какъ показалъ ему Кириллъ Капи-

тоновичъ на одной сторонѣ листа, оставляя поля для поправокъ. Онъ расплывался въ описаніяхъ природы, въ описаніи костюмовъ дамъ.

Картины вставали одна за другою, просились на полотно, на бумагу, казались яркими. Ламбинъ подыскивалъ слова, какъ художникъ на палитрѣ подбираетъ краски. Писалось легко, фразы лились изъ подъ пера одна за другою, казались Ламбину сильными и красивыми.

Два раза въ недѣлю онъ возилъ написанное Наташѣ и читалъ ей. Такъ радостенъ былъ ему восторгъ Наташи. Съ блестящими глазами слушала Наташа мѣрное чтеніе Ламбина.

— ...«Солнце поднималось надъ Петергофомъ. Его лучи неслышно скользили по глади водъ. Чудое утро наступало. Вальгорскій шель по аллеѣ къ морю. Ночью онъ проигрался въ пухъ и прахъ. Онъ дошелъ до деревяннаго моста черезъ каналъ и остановился. Чудный видъ на море открылся передъ нимъ. Зеленые елки обрывались у моря, фонтаны журчали сзади — казалось волшебная сказка открылась передъ нимъ. — «Неужели стрѣляться въ это чудное утро?» — подумалъ Вальгорскій. — «Нѣтъ, это невозможно. Жизнь все-таки такъ хороша. Ужъ не подумаютъ ли про меня, что я трусь? Нѣтъ И эта прелестная Лора. Какъ посмотрѣла она на меня своими чудными прозрачными глазами, сколько въ нихъ было любви и упрека.»

— Но, Вадимъ, это же прелестно, что ты пишешь! И Лора — это ты немного отъ Муськи взялъ. Прозрачные глаза? Я дрожу отъ волненія. Что же дальше будетъ?..

— Вотъ дальше-то что я и не могу придумать.

— Но только Вадимъ, не самоубійство!

Иногда Наташа сама диктовала ему цѣлыя картины:

— Ты такъ напиши. Я ночь не спала — думала и придумала...

Какъ-то ночью, у себя, на одинокой квартирѣ, Ламбинъ проснулся и въ изумленіи широко открылъ глаза. Вдругъ все стало ему ясно. Въ его головѣ жили всѣ его герои. Они говорили, дѣйствовали, думали совсѣмъ не такъ, какъ намѣтилъ имъ думать и дѣйствовать въ своемъ планѣ Ламбинъ. Они перевернули весь романъ, они приводили съ собою новыя лица и создавались сцены изумительной красоты и яркости.

Ламбинъ тихо всталъ, надѣлъ поверхъ бѣлья пальто, обулъ гуфли и, не будя деньщика, зажегъ керосиновую лампу на письменномъ столѣ. Онъ досталъ изъ буфета начатую бутылку крас-

наго вина, налилъ стаканъ, выпилъ его и сѣлъ писать.

Какъ только перо коснулось бумаги — ночныя видѣнія испарились, потускнѣли, исчезли. Перо было безсильно передать все то, что онъ только что такъ ярко видѣлъ.

Но Ламбинъ заставилъ себя писать, онъ напрягалъ мысль, старался уловить ночныя мечтанія.

Настало утро — Ламбинъ писалъ. Деньщикъ заглянулъ къ нему. Хмуро, сбоку, недовольно посмотрѣлъ на своего офицера и спросилъ:

— Умываться будете, ваше благородіе?

— Послѣ.

— Чаю прикажете подать?

— Да дай, да покрѣпче.

«Пишутъ», — подавая стаканъ крѣпкаго чая, думалъ деньщикъ, — «и чего они пишутъ. Нашли себѣ занятіе. Ну, развѣ годится оно, ночь не спамши».

Ламбинъ — и это было первый разъ, не явился на утреннія занятія и все писалъ. Только къ десяти часамъ онъ привелъ себя въ порядокъ и поѣхалъ въ команду. Въ манежѣ и классѣ онъ былъ разсѣянъ и задумчивъ. Герои романа жили своею жизнью въ его головѣ, мѣшали Ламбину сосредоточиться.

Вечеромъ онъ повезъ написанное Наташѣ.

Наташа внимательно прослушала его и сказала задумчиво:

— Ты и правда писатель, Димочка. Я даже не думала, что у тебя такъ все выйдетъ.

Такъ продолжалось два мѣсяца. Два мѣсяца таинственные силы, проснувшіяся въ Ламбинѣ владѣли имъ. Герои дрались на дуэли, имѣли неприятности по службѣ, сошлись съ социалистами, готовили заговоръ, заговоръ былъ раскрытъ и главный герой самъ себя взорвалъ...

Нужно было прочитать романъ кому-нибудь свѣдущему и Кирилль Капитоновичъ устроилъ Ламбину свиданіе съ писательницей Капитолиной Валерьяновой Азаревой, романисткой, помѣщавшей свои романы въ «Живописномъ Обозрѣніи» и въ нѣкоторыхъ толстыхъ журналахъ. Она была писательница съ именемъ и, по словамъ Кирилла Капитоновича, добрый и сердечный человѣкъ.

Кирилль Капитоновичъ встрѣчался съ нею въ клубѣ, рассказывалъ ей про драму молодого офицера и уговорилъ Азареву прослушать романъ Ламбина и помочь ему устроить его въ печать. Ламбинъ получилъ приглашеніе къ Азаревой.

Азарьева жила на Разъѣзжей улицѣ.

Уже подъѣзжая на извощикѣ къ указанному ему дому, Ламбинъ задумался. Кварталь былъ бѣдный, населенный рабочимъ, промышленнымъ людомъ, тутъ были небольшіе трактиры, дворы для извощиковъ, откуда и зимою воняло аммоніакомъ и навозомъ, гдѣ были маленькія портняжныя заведенія, гдѣ жили сапожники, подбивавшіе подметки, гдѣ густо пахло бѣдностью и трудомъ — все это не говорило Ламбину о привольной и богатой писательской жизни.

Квартира Азарьевой помѣщалась во дворѣ, во второмъ этажѣ. Это была квартира съ однимъ ходомъ и параднымъ и «чернымъ» вмѣстѣ. Грязная каменная лѣстница безъ ковровъ съ простыми желѣзными перилами вела наверхъ пятиэтажнаго флигеля. Гдѣ-то наверху брэнчало фортепяно, во дворѣ шарманщикъ игралъ на шарманкѣ и странно сливались звуки гаммъ и «Санта Лючіа» и говорили о тоскѣ, скукѣ, трудѣ и безпросвѣтной бѣдности.

Двери открыла горничная, или кухарка, пожилая не очень опрятно одѣтая женщина. Она вытерла руки о передникъ и помогла раздѣться блестящему офицеру.

— Вотъ, пожалуйста-съ, — сказала она. — Капитолина Валерьяновна васъ ожидаютъ-съ.

Она указала на дверь и Ламбинъ постучалъ въ нее.

— Просимъ, — раздался за дверью густой, низкій голосъ и нельзя было сказать, говорилъ это мужчина или женщина.

Ламбинъ вошелъ въ рабочій кабинетъ писательницы. Должно быть, здѣсь раньше помѣщалась какая-нибудь портняжная или сапожная мастерская. Комната была очень большая въ три окна и по размѣрамъ своимъ казалась низкой. Вся она была въ табачномъ дыму. Въ простѣнкѣ между оконъ стоялъ огромный, совсѣмъ простой письменный столъ обитый черной клеенкой. Онъ былъ заваленъ книгами, газетами, газетными вырѣзками, рукописями и корректурными полосами гранокъ. Среди этого бумажнаго хаоса, какъ величественный памятникъ высилась большая, широкая хрустальная чернильница, покрытая черными пятнами кляксъ. Въ глубинѣ комнаты, въ полумракѣ, была широкая низкая отоманка, обитая коричневымъ рипсомъ, подлѣ нея былъ старинный пузатый

комодъ и рядомъ умывальный столъ. Неопрятные, старые, лилово-сѣрые обои, не веселые, въ потекахъ сырости покрывали стѣны. На стѣнахъ, въ простыхъ черныхъ «багетныхъ» рамкахъ, висѣли литографированные портреты графа Л. Н. Толстого, Достоевскаго, Некрасова, Шевченко и Бѣлинскаго.

Хозяйка поднялась съ кресла. Она положила короткую, толстую, мужскую папиросу на край стола и сдѣлала шагъ навстрѣчу Ламбину.

Капитолинѣ Валерьяновнѣ было за сорокъ лѣтъ, но казалась она много старше. Сѣдые, пепельно-сѣрые волосы были по мужски коротко острижены и торчали надо лбомъ высокимъ «ершикомъ». Черты лица и большіе, сѣрые, влажные, красивые глаза были пріятны, но цвѣтъ лица былъ нездоровый, землисто-желтый, говорившій о бессонныхъ ночахъ и обильномъ куреньи. Одѣта Азарьева была въ широкую сѣрую блузу и такую же шерстяную юбку.

На отоманкѣ полулежала худощавая женщина съ подкрашеннымъ лицомъ и подведенными глазами, не молодая, миловидная. Она спокойно, любопытными глазами разглядывала офицера.

— Здравствуйте, Вадимъ Петровичъ, — грубоватымъ голосомъ сказала Азарьева. — Кирилль Капитоновичъ мнѣ говорилъ о васъ. Позвольте представить васъ моей подругѣ, тоже писательницѣ. Рухманова... Мы вмѣстѣ и слушаемъ васъ. Прошу садиться.

Ламбинъ сѣлъ на простой буковый стулъ подлѣ стола, Капитолина Валерьяновна усѣлась въ старое просиженное кожаное кресло. Ламбинъ былъ смущенъ непривычной обстановкой и женщинами, такъ не похожими на тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ видалъ. Онъ молчалъ. Капитолина Валерьяновна принялась снова раскуривать оставленную папиросу и выпустила большой клубъ дыма, мечтательно глядя въ тусклое, давно немытое окно, съ двойными рамами. За окномъ былъ сѣрый дворъ. Съ него доносились звуки шарманки. Рухманова смѣло оглядывала офицера съ головы до ногъ. Ея ищущій взглядъ смущалъ Ламбина.

— Главное — тема, — сказала Рухманова. — Сюжетъ. Въ погонѣ за сюжетомъ мы иногда съ Капитолиной чортъ знаетъ что дѣлаемъ. Но вѣдь читателю подавай все новое. Недавно мы уговорили знакомыхъ мужчинъ свезти насъ въ публичный домъ, чтобы познакомиться съ его обитательницами и изобразить правдиво и подробно этотъ ужасъ двадцатаго вѣка. Мужчины пошли по своимъ

дѣламъ, а мы остались однѣ въ залѣ. Едва скандала не вышло. Къ намъ стали приставать другіе гости.

— Только къ тебѣ, Соня, — хриплымъ голосомъ, спокойно, какъ будто разговоръ шель о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, сказала Капитолина Валерьяновна. — Меня оставь въ покоѣ. Но сюжетъ получился. Оригинальная у меня вышла повѣстуха на четыре печатныхъ листа. «Вѣстникъ Европы» ее принялъ.

— Вы понимаете, — продолжала Рухманова, — какъ это трудно. Нужно, чтобы и жизненно было, съ природы и чтобы било по воображенію, а главное было — ново. Что вы намъ даете? Писателей такъ мало — журналы растутъ, какъ грибы. Мнѣ думается, что вы можете намъ дать что-то совсѣмъ новое.

— Лучше всего, — сказала Капитолина Валерьяновна, — прочтите намъ, Вадимъ Петровичъ, нѣсколько главъ изъ вашего романа, чтобы мы могли судить о вашемъ стилѣ. Вамъ здѣсь достаточно свѣтло? Зимніе дни такъ коротки. И надымили мы съ Софіей Егоровной, какъ два паровоза.

Ламбинъ развернулъ рукопись и сталъ читать. Вниманіе, съ какимъ его слушали обѣ дамы его подкупало и ободряло и онъ все смѣлѣе и громче читалъ тѣ мѣста, которыя казались ему особенно удавшимися. Азарьева непрерывно курила, кончала одну папиросу и обѣ ея окурокъ зажигала новую. Рухманова лежала въ граціозной позѣ на оттоманкѣ и, откинувъ обнаженную по локоть красивую руку, держала тонкую папиросу съ длиннымъ мундштукомъ.

Когда Ламбинъ остановился, Азарьева сказала:

— Прекрасно. У васъ отличный слогъ. И діалогомъ вы владеете вполне. Это у васъ от Бога. Что скажешь, Соня?

— Вотъ, Вадимъ Петровичъ, пишеть вмѣсто «уже» — «уж». Это неправильно. Ужъ — это пресмыкающееся въ родѣ змѣи.

— Оставь, Соня. Можно писать и «ужъ» и «уже». Помнишь у Пушкина: «Ужъ небо осенью дышало, ужъ рѣже солнышко блистало, короче становился день». Красота! Видишь осень и никому въ голову не придетъ подумать, что это неправильно.

— Это, Капитолина, стихи. У Пушкина и не то еще есть. — «Молчить музыка боевая, на холмахъ пушки присмирѣвъ, прервали свой голодный ревъ». Тутъ, что ни слово то неправильность. Музыка, на холмахъ, ревъ вмѣсто ревъ...

— Э, пустое городишь. Я знаю, ты стиховъ не любишь и не признаешь.

— Люблю грамотные.

— Прочтите, Вадимъ Петровичъ, еще одну главу.

Когда Ламбинъ прочиталъ заключительную главу романа, Капитолина Валерьянова положила папиросу и сказала:

— Вотъ что, милый Вадимъ Петровичъ, мы не издатели и не редакторы. Мы писательницы. Вамъ нужно помочь устроить въ печать вашъ романъ и хорошо устроить, чтобы вамъ прилично заплатили. Въдь, я понимаю эти «goldne Tressen», что на васъ нашиты, не малыхъ денегъ стоятъ. У меня два сына растутъ, тоже офицерами хотять быть, такъ я это понимаю. Оставьте рукопись у меня. Я передамъ ее Иерониму Иеронимовичу Тычинскому и попрошу его устроить вашъ романъ въ «Живописномъ обозрѣннѣ».

— Въ «Нивѣ» лучше заплатятъ, — сказала Рухманова.

— Въ «Нивѣ», Соня все занято. Тамъ, если и возьмутъ, то, когда еще напечатають. А офицеру надо скоро, хотя бы авансъ получить. Такъ вотъ давайте вашъ романъ; конечно, вамъ подождать придется, Иеронимъ Иеронимовичъ такъ заваленъ работой, оставьте мнѣ вашъ адресъ, онъ вамъ напишетъ и позоветъ васъ къ себѣ для переговоровъ.

Когда Ламбинъ вышелъ на грязный, покрытый ржавымъ снѣгомъ дворъ, были уже сумерки. По Разъѣзжей зажигали газовые фонари.

Ламбинъ шелъ, ища извозчика, и было ему жалко, тоскливо и грустно, что отдалъ рукопись Азарьевой, будто кусокъ самого себя оставилъ у ней. Жаль было, что ушли, будто и умерли тѣ таинственные гости, что такъ долго жили, говорили и дѣйствовали въ его головѣ, сами, помимо его воли, распоряжаясь своею судьбою, было грустно, что конченъ тотъ трудъ, что владѣлъ имъ и что теперь у него опять только казарма, служба, лошади. И Наташа...

Но все это было нужно для Наташи. Для нея нужны были деньги... Да вотъ что!.. Деньги! деньги!

Извозчикъ замѣтилъ блестящаго офицера на грязной Разъѣзжей и подкатилъ съ санками, отстегивая полость. Ламбинъ сѣлъ въ сани, все продолжая думать о томъ, что было сейчасъ.

«Деньги? Какія же это деньги, когда Азарьева, которая непрерывно печатается во всѣхъ журналахъ живетъ такъ бѣдно, въ

этой полу-темной, густо населенной бѣдною улицѣ, среди нищеты и въ такой бѣдной квартирѣ. Что, если все это вдохновение было напрасно?»

«Но, если и напрасно оно было — пусть будетъ благословенно оно! Пусть будутъ благословенны радостные, свѣтлые часы работы и чтенія Наташѣ. Оно дало незамѣтно прошедшія въ творствѣ долгія зимнія ночи!»

XXXI.

Великимъ постомъ балетныя артистки были свободнѣе и могли осуществить свою мечту, устроить концертъ въ пользу нуждающихся служителей сцены.

Публика собиралась своя, приглашенная, и самая блестящая. Мужья и друзья танцовщицъ, ихъ поклонники, платоническіе обожатели и содержатели, «балетоманы», театральные критики, товарищи по сценѣ.

Всѣ красавицы Петербурга, всѣ сколько-нибудь замѣчательные въ столицѣ люди, общали быть на концертѣ. Собрался на этотъ спектакль даже и старикъ Бетрищевъ — Вѣра и Петровъ уговорили его поѣхать, собрался блеснуть только-что полученными генеральскими погонами баронъ фонъ Деренгофъ съ Марьяной Георгіевной, много гвардейскихъ офицеровъ съ ихъ женами ѣхали на вечеръ — и залъ Павловой — въ обычное время пріютъ студентовъ и курсистокъ, гимназистовъ и гимназистокъ, принялъ вид блестящаго *galà* представленія.

Генераль Бетрищевъ, въ послѣднюю минуту отказался ѣхать и поручилъ свою племянницу Петрову.

Вѣра ѣхала потому, что считала своимъ долгомъ ѣхать на концертъ, устраиваемый ея товарками по сценѣ — балетными артистками и еще потому... Это она признавалась только себѣ, — что ей хотѣлось посмотреть Ламбина вмѣстѣ съ его любовницей. Какая съ нимъ Травина? Такая, какъ на сценѣ, или другая? И въ этомъ желаніи — Вѣра сама не понимала, почему — было что-то болезненное и тяжелое.

Залъ былъ блестяще освѣщенъ. Въ переднихъ рядахъ сидѣлъ генералитетъ — Антуловъ в сѣдѣющей бородѣ — знатокъ лошадей и балета, Скальковскій, балетный критикъ и историкъ балета, Валерьянъ Свѣтловъ — мундиры смѣнялись фраками и каждого

знали въ публикѣ. Пришли всѣ тѣ, кто былъ абонированъ въ балетъ:

«Ну, какъ не поддержать святое начинаніе милыхъ танцовщицъ?..»

Петровъ, увидавшій входящаго Ламбина поманилъ его къ себѣ и усадилъ на мѣсто генерала Бетрищева рядомъ съ Вѣрой.

— Мы давно съ вами не говорили, хотя я часто видѣла васъ въ театрѣ, когда я пѣла. Вы любите музыку, — ласково сказала Вѣра.

— Музыку? Да. Только раньше я какъ-то не умѣлъ ее цѣнить. Это вы научили меня цѣнить ее. Но какъ вы попали сюда?

— Товарки по сценѣ пригласили меня. Вѣдь не я одна. Вонъ сколько нашихъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ и артистокъ сидятъ въ залѣ. Даже и старикъ Мельниковъ пришелъ.

— Я потому спросилъ, что пѣть будутъ любительницы. И пѣть — цыганскія пѣсни.

— Цыганскія пѣсни. Въ нихъ есть много подлинной музыки. Не даромъ Листъ ѣздилъ въ Венгрію, родину цыганской пѣсни, и это она вдохновила его на прекрасную рапсодію.

— Цыганскія пѣсни не искусство, — несмѣло сказалъ Ламбинъ. — На прошлой недѣлѣ я слышалъ васъ въ Карменъ», — вотъ гдѣ искусство.

— Искусство вездѣ, Вадимъ Петровичъ. Все зависитъ отъ того, какъ исполнить вещь. Когда я была въ Италиі, — и жаль, что не могла быть въ Испаниі, — я ѣздила на фабрики, гдѣ работаютъ женщины, чтобы наблюдать ихъ ухватки. Вы остались довольны, а нашъ князь, директоръ Императорскихъ театровъ — остался мною недоволенъ. «Страсти», — сказалъ онъ, — «мало. Вы не способны довести Дон-Хозе до убійства»... За то Направникъ былъ очень доволенъ. Трудная вещь искусство и въ немъ есть одно столь привлекательное: оно недостижимо. Какъ бы вы ни исполнили вещь, — всегда вамъ кажется, что можно исполнить еще лучше. И въ этомъ постоянномъ стремленіи къ усовершенствованію есть вѣчная прелесть искусства.

Медленно раздвинулся на двѣ стороны тяжелый занавѣсъ. Шорохъ восторга пронесся по залу.

— Какая прелесть! — тихо сказала Вѣра.

Прелесть была въ томъ, что тотъ самый коръ-де-балетъ, который, знали всѣ эти Петербуржцы, который состоялъ почти исклю-

чительно изъ блондинокъ съ томными, точно фарфоровыми лицами, съ голубыми или сѣрыми глазами, явился совсѣмъ инымъ.

На эстрадѣ, на стульяхъ, закутавшись пестрыми, цвѣтными шальями, сидѣли настоящія цыганки. Смугло-коричневая лица съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, черноволосыя съ блестящими украшениями въ волосахъ, съ большими серьгами въ ушахъ, въ монисто изъ монетъ на груди, съ золотыми браслетами на обнаженныхъ смуглыхъ рукахъ, въ пестрыхъ юбкахъ и всѣ — сѣроглазыя, голубоглазыя, съ прозрачными блестящими хрустальными глазами, — онѣ были восхитительны и почти неузнаваемы.

— Да неужели это Онѣгина 1-ая? А тамъ ея сестра Лиза?

— А то, глядите, Куницкая — какая она тутъ хорошенькая.

— А съ нею рядомъ Лабунская!..

— Только Вавочку Павлову и можно узнать.

— Ну да, потому что она была и осталась брюнеткой.

— Вотъ придумали!..

— А сзади-то... Настоящіе чавалы съ гитарами.

— А кто это съ черной бородой, совсѣмъ цыганъ конокрадъ?

— Не знаете? — Мусинъ мужъ — Адвокатъ Листопадовъ.

— Ну и ну!..

Шорохъ разговоровъ шелъ по залу.

Петровъ взялъ Ламбина за локоть и сказалъ:

— Я теперь Кирилку на конюшню не буду пускать — лошадей пораскрадетъ. Идетъ къ нему цыганскій чекмень.

Кириллъ Капитоновичъ покачнулся, переступивъ съ ноги на ногу, перебралъ лады гитары и сочнымъ баритономъ, съ чувствомъ запѣлъ:

Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все, какъ и ты —
Совершенство...

Онъ взмахнулъ декой и «цыганки» дружно подхватили:

И будемъ мы тамъ
Дѣлить пополамъ
И миръ... и любовь...
И бла-а-же-енство...

— Совсѣмъ хорошо, — сказала Вѣра.

Вдругъ грянулъ плясовой мотивъ. Загудѣли басы, заглушая

Я гавару съ па-адругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ишу чар-р-рты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ — аг-гонь угаснувшихъ оч-чей...

Въ корридорѣ была томительная тишина пустоты. Ламбинъ открылъ дверь, ведущую на сцену и побѣжалъ къ уборной артистокъ.

**

Онъ засталъ Наташу одну въ большой уборной среди разбросанныхъ платьевъ, зеркалъ, гребенокъ, пуховокъ, заячьихъ лапокъ, въ запахѣ пудры и духовъ. Наташа сидѣла въ углу въ низкомъ креслѣ и горько, неутѣшно, какъ плачутъ дѣти, плакала.

Ламбинъ бросился къ ней.

— Наташа, Наташа, что съ тобой?

— Н-ничего, — прошептала Наташа, — н-ничего...

Она положила маленькую, худошавую руку на голову Ламбина и разсѣянно ерошила его густые волосы.

— Ты плачешь, Наташа... О чемъ?.. О чемъ ты плачешь?

Ламбинъ прижалъ голову Наташи къ своей груди и сталъ цѣловать ея глаза, ошущая соленыя слезы.

— Я плачу... О молодости... Молодость моя прошла... Сгорѣла моя молодость... Ты разлюбилъ меня, Дима... Ты уже другую любишь...

— Да что съ тобою, Наташа!.. Откуда ты это взяла?.. Ничего такого нѣтъ и не было и не будетъ никогда... Это безуміе то, что ты говоришь...

— Нѣтъ, Дима, не клянись. Грѣхъ. Я знаю... Я чувствую. Вотъ тутъ, — Наташа коснулась груди, — вотъ тутъ я ошущаю такую мучительную боль. Все наше прошло. Кончилось, пролетѣло, какъ сонъ. Ты любишь.

— Кого?.. Кого, Наташа?

То прижимая къ себѣ голову Вадима, то отталкивая ее и глядя въ глаза своими, полными хрустальныхъ слезъ глазами, едва слышно прошептала Наташа.

— Эту... эту... пѣвицу... Знаменитость... Бе-три-щеву. Я знаю — въ нее всѣ влюблены. И Петровъ и ты, и всѣ, всѣ, всѣ... Что же мнѣ то осталось дѣлать? Когда я чувствую прошла моя молодость и эта... болѣзнь...

Она вытерла глаза платкомъ. Сухими, страшными подъ некрашенными, черными бровями, изъ смуглыхъ вѣкъ совѣмъ больными глазами, Наташа посмотрѣла на Ламбина долгимъ, пронзительнымъ взглядомъ и долго молчала, тяжело, прерывисто дыша и постепенно успокаиваясь. Потомъ закашлялась и, откашлявшись, будто успокоилась и прислушалась къ тому, что доносилось со сцены:

— Ну, уходи, уходи теперь... Наши кончаютъ. Спасибо, что пришелъ, значить, не все еще ей... Уходи, не нужно, чтобы тебя здѣсь видѣли. Не хорошо. Пойдутъ распросы, разговоры... Уходи.

Аплодисменты, крики bravo неслись въ уборную. И точно нужно было уходить. Ламбинъ нѣжно поцѣловалъ руку Наташи и такъ же быстро, и незамѣтно, какъ вошелъ, вышелъ изъ уборной.

XXXII.

Оркестръ проигралъ ригурнель — приглашеніе на кадрили.

Старый танцовщикъ Чистяковъ, много лѣтъ преподававшій танцы въ гимназіяхъ и корпусахъ, элегантнѣй, ловкѣй, немного располнѣвшій, въ ослѣпительномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ вышелъ шаркающими шагами на середину зала и крикнулъ привычную команду:

— Messieurs, engagez vos dames!..

Прислуга торопливо убирала кресла и стулья и разстановлила ихъ вдоль стѣнъ.

Ламбинъ не вернулся въ залу. Петровъ предложилъ руку Вѣрѣ.

— Вѣра Михайловна, вы будете танцевать?

— Кадрили? Нѣтъ, Василій Александровичъ и, если вы никого не пригласили, сядемте, на правахъ старшихъ, въ уголку и полюбуемся на танцующихъ.

— Какъ прикажете, Вѣра Михайловна.

Пары выстраивались вдоль зала.

Задорно весело заиграли музыканты первую фигуру кадрили и залъ задвигался и ожилъ. Кто жеманно, кто равнодушно, кто красиво и граціозно, кто съ пренебреженіемъ, задвигались, затопали каблуками, зазвенѣли шпорами, застучали башмачками, заше-

лестѣли длинными бальными тренами платьевъ и перемѣшались въ красивомъ шэнь... Наступали и отступали, крутились, кружились, мѣнялись кавалерами и дамами подъ задорную музыку кадрили.

О! эта старая — уже забываемая кадриль отцовъ и дѣдовъ... Сколько еще было въ ней красоты тамъ, гдѣ ей не равнодушно и лѣнливо, но молодо и весело отдавались. Одни кавалеры танцевали, изгибаясь станомъ, взмахивая руками, вычурно выступая, шаркая ногами, другіе только ходили съ дѣланно скучающимъ видомъ. Однѣ дамы мели полъ длинными шлейфами бальныхъ платьевъ, другія, граціозно и задорно подхвативъ рукою конецъ шлейфа, обнаживъ роскошно расшитыя кружевами нижнія юбки, выступали, красуясь маленькими точеными ножками. Раскраснѣлись лица, заблестали глаза, неугомонная команда искуснаго дирижера бросала шеренги танцующихъ то впередъ, то назадъ, мѣняя фигуры, наконецъ, сплела ихъ въ большой кругъ. Чистяковъ ворвался въ него, схватилъ за руку самую молоденькую, смѣющуюся счастливую танцорку и понесся съ нею, притопывая башмаками по залу, вывелъ танцующихъ въ гостиныя, полетѣлъ по буфетной, по столовой и вернулся въ залъ, таща за собою длинную вереницу танцующихъ, запыхавшихся людей. Дамы смѣялись и взвизгивали отъ восторга, цѣпь разорвалась, какая-то пара выскочила изъ нея и бросилась въ гостиной на диванъ.

— Ф-фу-у! уморилъ!.. Нельзя же такъ!

Запахъ духовъ становился крѣпче. Танцующіе тяжело дышали. Чистяковъ крутилъ остатки круга и наконецъ остановилъ и крикнулъ весело и задорно:

— *Cherchez vos dames. Et remerciez vos dames...*

Всѣ перепутались, перемѣшались. Залъ пестрѣлъ нарядными, яркими платьями, какъ цвѣтущій лѣтній лугъ, раздавались веселые голоса и смѣхъ:

— Иванъ Ивановичъ, да гдѣ же вы?

Иванъ Ивановичъ въ запотѣломъ пенсне на носу, въ помятомъ фракѣ одинъ разсѣянно стоялъ въ залѣ и не могъ сразу отыскать свою даму.

— Я здѣсь. Я здѣсь, Галина Петровна.

Вѣера, точно бабочки надъ цвѣтами плавно порхали вдоль стѣнъ, освѣжая разрумившіяся лица. Гудѣлъ разговоръ.

Чистяковъ, отирая высокій лобъ снѣжно-бѣлымъ платкомъ,

стоялъ въ дверяхъ зала, что-то выжидая. Онъ подаль знакъ музыкантамъ. Взвизгнули скрипки, и сразу точно, проснувшись вздохнулъ оркестръ всѣми инструментами и, колыша воздухъ, увлекая красотою музыки сладостной мелодіей, зовущей на танецъ раздался вальсъ изъ «Фауста».

Въ распахнутыя настежь двери зала изъ гостиной, пара за парой танцуетъ, кружась, сплетаясь, расплетаясь, совсѣмъ такъ, какъ это дѣлалось въ театрѣ въ оперѣ входили четыре пары танцующихъ.

Только-что пѣвшіе на эстрадѣ цыганки сняли парики, смыли краски и бѣлокурыя, золотоволосыя, голубоглазыя, сѣроглазыя, съ прелестными нѣжными лицами знакомыя чаровницы балета входили въ залъ со своимъ кавалерами.

Ламбинъ въ темносиней венгеркѣ танцевалъ съ Наташей, Муся шла со своимъ мужемъ, бывшемъ въ головокружительномъ модномъ фракѣ, блиставшемъ черной бородой, Медвѣдевъ въ черномъ мундирѣ съ Муней, толстый фонъ Воде съ Леной.

Никто изъ сидѣвшихъ въ залѣ не рискнулъ войти въ эту прекрасно обученную группу танцующихъ.

— Какъ хороша эта... Ламбинская, — складывая вѣреть, сказала Вѣра, обращаясь къ Петрову. — Въ оперѣ, когда она танцуетъ, я какъ-то ее не разглядѣла. Какъ думаете вы, Василій Александровичъ, Ламбинъ счастливъ съ нею?

— Чужая душа потемки, Вѣра Михайловна. Я думаю, что онъ былъ бы вполне счастливъ, если бы это все было законно и они были приняты вездѣ... И кромѣ того, тутъ назрѣваетъ страшная драма, которой не видеть, или не хочетъ видѣть Вадимъ.

— Драма? Какая драма?

— «Ламбинская» Наташа въ своемъ стремленіи стать достойной Вадима, выбиться въ танцовщицы, стать знаменитостью сцены, пройти въ балерины — переработала. Ну, и условія жизни ихъ ненормальны. Наташа кашляетъ... Она скверно кашляетъ... Я уговорилъ ее тайно отъ Вадима съѣздить со мною къ врачу специалисту, знаменитому нѣмцу профессору. Тотъ осмотрѣлъ ее и вышелъ ко мнѣ. — Чахотка, — сказалъ онъ. — Но ее можно спасти? — *Wagun nicht*, но нужно бросить сцену, танцы, балетъ, службу и уѣхать въ горы, въ болѣе мягкій климатъ. Можетъ быть, и удастся остановить процессъ.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

— Дѣло въ деньгахъ. Ихъ ни у нея, ни у Ламбина нѣтъ...

Первое время послѣ того, какъ Ламбинъ оставилъ рукопись своего романа у Азарьевой — онъ много думалъ о ней. Рожденные фантазій герои героини продолжали жить въ его головѣ и безпокоили его. Онъ съ нетерпѣніемъ каждый день ожидалъ приглашенія отъ Тычинскаго и рѣшенія судьбы романа.

Но жизнь шла, не останавливаясь ни на мгновение. Живые люди стали вытѣснять героевъ романа и они точно умерли. Ламбинъ сталъ безразличенъ къ нимъ. Да и некогда было задумываться о томъ, что будетъ. Въ сложной полковой жизни настоящее захватывало Ламбина и заставляло забывать и о романѣ и о болѣзни Наташи.

Полкъ готовился къ «Лѣтнему», «майскому» параду. Старые бабушкины стихи звучали въ собраніи насмѣшливо сентиментально:

Какъ я радъ, что парадъ,
И хорошая погода.
И она — не одна —
Съ тетушкой въ толпѣ народа...

Въ день парада погода была «какъ на заказъ» — очаровательная, Петербургская. Апрельское солнце нѣжно грѣло. Паромъ дымили просыхающіе торцы Невскаго и Набережной Невы. Лѣтній садъ былъ еще черный. На дубахъ и липахъ и почки не показывались, опытни были старики и не вѣрили Петербургской веснѣ, знали — вернутся холода, польютъ унылые майскіе дожди, налетитъ снѣжная вьюга и на полдня одѣнетъ Петербургъ въ зимній уборъ.

А сейчасъ — точно то былъ не Петербургъ, а какая-нибудь Ялта, солнце блистало по южному, Нева разстилалась, какъ голубая парча, ея волны вспыхивали золотыми блестками, свѣжій, радостный вѣтеръ задорно игралъ флюгерами кирасирскихъ и уланскихъ пикъ.

Съ волненіемъ и трепетомъ сердечнымъ смотрѣлъ Ламбинъ, какъ утромъ, по набережной къ Марсовому полю точно серебристо бѣлая рѣка съ алыми блестками и золотыми вспышками текла навстрѣчу Невѣ, — шелъ полкъ. Бѣлые султаны колебались, какъ степной ковыль, бѣлые ментики прикрывали плечи, сѣрыя лошади шли, фыркающая и играя.

Съ поля неслись мѣдныя зовы сигналовъ и маршей, лихіе выкрики солдатскихъ отвѣтовъ на похвалу Государя. На гранитной набережной толпился народъ, яркіе, цвѣтныя зонтики бросали розовые и свѣтлые отсвѣты на лица женщинъ и казались лица эти еще краше. И точно, какъ въ бабушкиной пѣсенкѣ пѣлось, увидѣлъ Ламбинъ въ толпѣ народа «ее».

«Она» шла не одна и не съ тетушкой, но со своимъ старымъ дядей, генераломъ Бетрищевымъ.

— Смир-рна! Равненіе на лѣво! — раздалась команда Петрова, — Господа офицеры!..

Ламбинъ приложилъ руку къ бобровой шапкѣ...

Впереди было поле, былъ церемоніальный маршъ и атака всей кавалеріи къ трибунамъ, гдѣ былъ Государь...

Все это было такъ волнующе, такъ интересно, такъ важно, что затмило и заставило совсѣмъ забыть о романѣ и Тычинскомъ.

XXXIV.

Среди лѣта, когда полкъ уже ушелъ въ лагеря и стоялъ въ чухонской деревушкѣ подъ Краснымъ Селомъ, и Ламбинъ жилъ въ маленькой избушкѣ, романъ о себѣ напомнилъ.

Тычинскій письмомъ на редакціонномъ бланкѣ любезно извѣщалъ «Многоуважаемаго Вадима Петровича», что онъ проситъ пожаловать къ нему въ ближайшее воскресенье къ восьми часамъ вечера на дачу въ Старую Деревню, въ третью линію, за Черной рѣчкой.

Сразу нахлынуло забытое, заглушенное, было, волненіе. Опять точно ожили, заговорили, зашумѣли герои — въ сладкихъ мечтахъ стали грезиться отдѣльный томикъ въ красивой обложкѣ и гонораръ писателя, гонораръ такъ необходимый для спасенія Наташи.

У Черной рѣчки Ламбинъ отпустилъ извозчика — еще не было восьми часовъ, онъ не хотѣлъ пріѣзжать раньше — и пошелъ пѣшкомъ на Третью Линію, отъискивая дачу Тычинскаго.

Все маленькія были дачки — дачи мелкихъ чиновниковъ, ремесленниковъ, петербургской бѣдности.

Тихо и задумчиво шелъ мимо нихъ по дощатой панели Ламбинъ.

Иеронимъ Иеронимовичъ Тычинскій былъ не только писателемъ,

романистомъ съ хорошимъ именемъ, но и редакторомъ большого журнала. Кому же, какъ не ему быть при деньгахъ?

Ламбинъ шелъ въ прозрачныхъ душныхъ сумеркахъ іюльскаго вечера. Вдоль деревянной панели тянулась канава съ водой, покрытой зеленой ряской, съ пучками блѣдно-голубой цвѣтущей незабудки, за канавой — деревянные жалкіе заборы маленькихъ палисадниковъ, съ зарослями цвѣтущаго жасмина, жимолости, желтой акаціи и сирени. Изъ палисадниковъ сладко и пряно пахло жасминомъ, табакомъ, резедой и левкоями. Маленькія дачки скрылись за кустами, молодыми березами и плакучими ивами палисадниковъ. Кое-гдѣ сквозь зелень свѣтились огни освѣщенныхъ оконъ.

Дача Тычинскаго была такая же маленькая, какъ и другія дачи — дачи петербургской бѣдности, ютящейся за восемьдесятъ-сто рублей въ тѣнистыхъ и сырыхъ улочкахъ Старой деревни и Черной рѣчки.

Кабинетъ Тычинскаго, гдѣ принялъ Ламбина, Іеронимъ Іеронимовичъ очень походилъ на комнату Азарьевой: это было низкое, полутемное помѣщеніе, большую часть котораго занималъ огромный письменный столъ, и на немъ еще больше было бумагъ, корректурныхъ гранокъ, газетъ, рукописей и книгъ, чѣмъ то было у Азарьевой. И такъ же было въ немъ сильно накурено.

— Садитесь вотъ сюда, — указаль Тычинскій на низкое съ порванной обивкой кресло.

Тычинскій зажегъ простую дешевую керосиновую лампу. Изъ груди рукописей онъ досталь тетради Ламбина и положилъ ихъ передъ собою.

— Капитолина Валерьяновна просила меня устроить въ печать вашъ романъ. Я прочель его...

Тычинскій помолчалъ, глядя въ сторону, въ незанавѣшенное окно, за которымъ висѣли листья плакучей ивы. Ламбинъ неловко сидѣлъ въ креслѣ и чувствовалъ себя, какъ когда-то въ училищѣ на экзаменѣ словесности.

— Такъ вотъ, Вадимъ Петровичъ. Я прочель его. Я внимательно прочель его. Что я могу сказать вамъ? Несомнѣнно... М-мда... Дарованіе у васъ есть и работать на литературной нивѣ вы можете... Вы позволите, совсѣмъ откровенно, по дружески, какъ старый писатель начинающему?..

Ламбинъ поклонился.

— Пожалуйста, — сказалъ онъ.

Онъ наблюдалъ Тычинскаго и думалъ: «Конечно, вотъ это

писатель, хоть на картину пиши. Серебряные кудри почти до плечъ, сѣрые глаза глядятъ вдаль, въ рукѣ чуть дымить сигара. Просторная свободная мягкая куртка фантастического покроя облегааетъ полное тѣло. И противъ него гусаръ въ бѣлоснѣжномъ кителѣ съ круглыми пуговицами съ золотыми рубчатыми погонами съ портупеей черезъ плечо, въ длинныхъ синихъ чакчирахъ и маленькихъ сапожкахъ со шпорами. Ну какой онъ писатель! Развѣ такіе бывають писатели? Въ писателѣ всегда должна быть небрежность, даже неряшливость, а въ немъ подтянутость и красота.

Съ ѣдкой горечью почувствовалъ: — не за свое дѣло взялся.

— Начну со слога. Вамъ его надо основательно проработать. Вотъ посмотрите, на страницѣ 39-й у васъ все «чудное»... Слово «чудный» у васъ повторяется на этой страницѣ восемь разъ. И слово-то нехорошее. Есть слово «чудесный». А «чудный» — это барышни-подростки такъ говорятъ. У нихъ все «чудное». Вообще у васъ... Эпитеты... Грѣшать. Банальны, затасканы... «Восхитительная ночь»... «Какъ волшебная сказка»... Вамъ нужно много читать и прислушиваться, какъ говорятъ... Вотъ Антонъ Павловичъ Чеховъ, наша новая звѣзда, надежда наша, такъ онъ записываетъ, когда услышитъ хорошее новое слово. Вездѣ. Въ вагонѣ желѣзной дороги, на пароходѣ, гдѣ хотите... въ деревнѣ. Особенно въ деревнѣ. У крестьянъ. Пушкинъ у старой няни своей учился русскому языку, потому-то и языкъ у него... «Пушкинскій»... У васъ, простите, Вадимъ Петровичъ, — графини и мужики говорятъ одинаково. Вы прыгаете отъ періодовъ въ двѣ, три страницы — несомнѣнное подражаніе Гоголю, — къ отрывистой рѣчи, сказуемымъ безъ подлежащихъ, къ рѣчи газетныхъ репортеровъ. Но... Не огорчайтесь. Рядомъ съ этимъ, у васъ есть такіе перлы, которые говорятъ о несомнѣнномъ литературномъ дарованіи. Вотъ хотя бы это — о жизни и смерти, о побѣдѣ жизни надъ смертью. Это хотя бы сейчасъ въ печать... въ христоматию. Такъ нѣжно, такъ глубоко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто.

Тычинскій отвернулъ заложенное обрывкомъ газетнаго листа мѣсто и сталъ читать, помаживая сигарой:

— ...«Зима надела голубые сугробы снѣга. Какъ серебрянымъ саваномъ накрыла землю». Гмммъ... «Какъ саваномъ» — немного затаскано. Но, Богъ съ нимъ, поправить можно... «Деревья стояли голая, безжизненные. Черныя яблони протянули корявыя, изогнутыя вѣтки, прозрачныя, окутанныя кисеею тонкихъ вѣтвей березы въ лунныя ночи казались сѣрыми призраками. Подъ толстымъ

холоднымъ покровомъ умерли поля и луга. Вездѣ были печаль и холодъ могилы. И вдругъ на сѣрое небо проглянуло солнце. Оно раздвинуло тучи и въ голубое оконце посмотрѣло, что дѣлается на землѣ. Оно пожалѣло замерзающую землю... Это у васъ совсѣмъ хорошо: «пожалѣло»... — «Шире раздвинулись занавѣси тучъ, задули безпокойные февральскіе вѣтры. То ли хотѣли они прогнать холода, то ли спѣшили помогать зимѣ кончать ея жестокое смертное дѣло. Но въ синь ударило небо, тучи побѣлѣли и разсѣялись и съ солнечными лучами пришло первое тепло. Снѣгъ сталъ мягкимъ, ноздреватымъ, рыхлымъ. Внизу, подъ нимъ побѣжали по черной землѣ ручьи и тамъ стала пробуждаться таинственная жизнь. Вдругъ на черныхъ просталинахъ среди увядшей, прошлогодней травы появились бѣлые нѣжные подснежники, а у стараго косматаго дуба пріютился цѣлый кустъ лиловыхъ душистыхъ фіалокъ. Живой духъ пошелъ по землѣ. Точно вздохнула земля, оживая. Золотыми сережками увѣсились орѣшины и уже не прозрачными страшными призраками стояли березы, но стали золотыми... А тамъ вдругъ, послѣ двухъ, трехъ жаркихъ дней и теплаго короткаго весенняго дождя — березы покрылись густой, блестящей зеленью клейкихъ узорныхъ пахучихъ листьевъ...

— «Жизнь побѣдила смерть»...

Тычинскій закрылъ рукопись. Ламбинъ сидѣлъ, не дыша. Краска смущенія покрыла его лицо. Это мѣсто писалъ не онъ. Это мѣсто продиктовала ему Наташа. — «Напиши это, Дима», — сказала она, — «я часто ночью проснусь и думаю... о смерти... у-уу, какъ страшна она, какъ страшно такъ лечь въ землю, быть засыпанной землею, лежать подъ снѣгомъ. А потомъ и воскресну, какъ воскресаетъ умершая трава, какъ появляются первые цвѣты. Напиши такъ, какъ я тебѣ скажу... Жизнь побѣдитъ смерть...»

Тычинскій не замѣтилъ волненія Ламбина, можетъ быть, приписалъ его чувству авторской гордости и смущенія. Онъ небрежно и неряшливо смахнулъ ногтемъ мизиннаго пальца на полъ сѣрый пепель сигары и затянувшись ею продолжалъ:

— Слишкомъ много у васъ разсужденій, поясненій, точно боитесь вы, что читатель не пойметъ васъ. Вы посмотрите — уже на что великъ и прекрасенъ графъ Левъ Толстой въ безсмертномъ своемъ романѣ «Война и миръ», а тамъ, гдѣ начнетъ разсуждать, философствовать, — скученъ, простите, просто — скученъ. Романъ нужно писать образами, картинами, сценами. Какъ и сама жизнь идетъ. Поставить декорацію, пояснить обстановку — и пусть

выходятъ на сцену ваши герои. Не нужно ихъ аттестацій, характеристикъ, послужныхъ списковъ, родословныхъ, — этимъ грѣшилъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ — и это слабое мѣсто его неподобныхъ романовъ. Пишите, какъ пишетъ графъ Левъ Толстой. Люди выходятъ, говорятъ и между разговора, двумя тремя словами, легкими штрихами вдругъ выявится весь портретъ, станеть ясна и родословная... Чѣмъ больше вы возьмете съ натуры, изъ своей жизни, изъ личныхъ думъ и переживаній, изъ перечувствованнаго, выстраданнаго — тѣмъ ярче будетъ ваше творчество. Писать изъ нутра, какъ пишутъ теперь наши молодые писатели, — много сложнѣе. И еще не пишите того, чего вы не знаете, никогда не видали и не переживали. Вашъ революціонеръ въ корсетѣ, начиненномъ динамитомъ, борющійся съ жандармомъ и взрывающій себя вмѣстѣ съ нимъ, простите, Вадимъ Петровичъ, чистѣйшій вымыселъ бульварнаго романа. Это только тупые англичане, диктующіе свои романы стенографисткамъ и пишущіе одновременно три, четыре романа способны на такія выдумки. Въ хорошемъ романѣ все должно быть выдуманно, но такъ, что должно казаться бывшимъ на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ и есть сила романа. Когда васъ спросятъ: «Это вы изобразили такого-то? А это исторія, бывшая съ такимъ-то? Я что-то слышала подобное»... А это все вами придумано и никогда и ни съ кѣмъ еще не было. Это вы въ сердцѣ своемъ выносили и въ сердцѣ придумали этихъ людей.

— И еще, — снова раскуривая потухшую сигару и пуская съ наслажденіемъ клубъ за клубомъ прозрачный сизый дымъ, — продолжалъ говорить Тычинскій — и еще — романъ долженъ быть строенъ. Это то, что называется архитектуроника романа. Даже размѣры главъ должны быть соображены. Слишкомъ длинная глава утомляетъ читателя. Короткая должна быть тамъ, гдѣ все насыщено дѣйствіемъ, гдѣ читатель рукою схватится за сердце и скажетъ: «Ахъ, какъ это хорошо!» Романъ, какъ театральная пьеса долженъ развиваться въ дѣйствіи. Завязка, развитіе дѣйствія и развязка... И каждая часть должна быть соотвѣтственной длины.

— Словомъ, — сказалъ Ламбинъ, протягивая руку къ рукописи, — мой романъ никуда не годится.

— Совсе нѣтъ. Но вы не осознали, что такое писательство... Талантъ? Да, конечно, талантъ и прежде всего талантъ. Божій даръ. Духъ Святой, Который владѣеть вами... Бываетъ, что и нечистый духъ, ведущій во зло вашу мысль. Во всякомъ случаѣ писательство, какъ музыка, какъ живопись, какъ всякое искусство, не вся-

кому данное, есть нѣчто отъ міра невидимыхъ, владѣющихъ въ минуты творчества писателемъ. Но кромѣ того, это есть трудъ. Громадный, тяжелый, кропотливый трудъ. Какъ художникъ мѣсяцами, годами работаетъ надъ картиной, изучаетъ каждый мазокъ своей кисти, на палитрѣ ищетъ сочетанія красокъ, подглядываетъ его въ природѣ, такъ писатель долженъ подгонять каждую мысль, каждую фразу, даже каждое слово такъ, чтобы оно вызывало у читателя соответствующее представленіе. Это работа, трудъ... Усидчивость, терпѣніе. Вы создали вашъ романъ... Поди цѣлыми безсонными ночами писали его и думали: «Какъ хорошо! какъ сильно!» Я вижу, что вы жили романомъ. Но романъ все-таки не вышелъ. Почему? Потому, что онъ необработанъ. Талантъ былъ, — а труда не было. Его надо взять и по той канвѣ, какъ вы его намахали — написать снова. И, написавъ, переписать и еще переписать и, переписывая, сдѣлать то, что дѣлаютъ на военномъ кораблѣ въ предвидѣніи боя, — убрать съ палубы все ненужное, все, что можетъ загорѣться. Читая фразу за фразой вычеркивайте безъ пощады всѣ лишніе слова, все, что не красиво, что не нужно, что не отвѣчаетъ вашей мысли. Всѣхъ этихъ «чудныхъ» вонь!

— Писать... переписать, еще разъ переписать и потомъ еще перечитать, выправляя окончательно слогъ, — медленно тихимъ голосомъ сказала Ламбинъ. — Но это?.. Годъ работы?

— Да, дорогой Вадимъ Петровичъ. Такой романъ и пишутъ годъ... И не годъ даже, но годы. Вотъ Гончаровъ свои романы «Обломовъ», «Обрывъ», «Обыкновенную исторію» писалъ годы, едва не десятки лѣтъ. Напишете нѣсколько главъ и отложить, и обдумываетъ медлительно, мѣсяцами, годами, что же дальше?

— Но тогда, простите за нескромный вопросъ, Іеронимъ Іеронимовичъ, что же я могу получить за свой трудъ? За работу цѣлаго года?

Тычинскій взялъ рукопись и какъ бы взвѣсилъ ее въ рукѣ и посмотрѣлъ число страницъ.

— Вы — начинающій писатель. Ваше имя еще никому неизвѣстно. По замыслу романъ вашъ не подойдетъ ни толстымъ журналамъ, ни «Нивѣ», ни намъ. Но я думаю, что Комаровъ его охотно напечатаетъ въ приложеніи къ «Свѣту»...

— Но что же онъ заплатитъ?

— Тамъ платятъ немного. По двадцати рублей съ печатнаго листа. Рублей четырехста вы получите за вашъ романъ.

— Четыреста рублей за годъ работы!

— Да, — сказала Тычинскій и широкимъ жестомъ обвелъ кругомъ, какъ бы показывая бѣдность своей обстановки.

— Писательскій трудъ у насъ въ Россіи — неблагодарный трудъ. Нужно или быть гениемъ, какъ графъ Толстой, или сумѣть угодить толпѣ, общественному мнѣнію, стать моднымъ въ извѣстныхъ,, большею частью либеральныхъ кругахъ, писателемъ. Или и то и другое. Тогда и слава и деньги. Вы, какъ я вижу на это не способны.

Ламбинъ, молча, взялъ со стола рукопись, завернулъ ее въ плотную бумагу и завязалъ веревкой, которая ему далъ Тычинскій. Тотъ не задерживалъ Ламбина, когда Ламбинъ сталъ прощаться. Шель двѣнадцатый часъ.

Тычинскій горячей сухой рукой пожалъ холодную руку Ламбина и сказалъ сердечно:

— Работайте. Работайте. Богъ дастъ и выйдете на нашъ тернистый, писательскій путь.

Онъ проводилъ Ламбина до калитки.

Ламбинъ шель по слабо освѣщенной керосиновыми фонарями глухой улицѣ. Плакучія ивы длинными, тонкими листьями задѣвали его по лицу. Отъ канавъ несло запахомъ плѣсени, изъ садовъ сладко пахло цвѣтами. Тяжелый пакетъ съ рукописью жегъ руку. Ламбинъ ненавидѣлъ теперь романъ. Ему хотѣлось скорѣе, скорѣе отдѣлаться отъ него, сжечь, уничтожить, забыть сладкія ночи творчества, когда увлеченный героями писалъ, когда казалось, что и онъ можетъ творить.

«Чудный» романъ, — думалъ онъ, все ускоряя шаги. — «Чудно» написано «какъ волшебная сказка». А вѣдь это онъ вѣрно... вѣрно. У Петрова «чудная» лошадь — это Муся Ленская такъ сказала.

Лицо горѣло отъ стыда и досады.

«Отдѣлаться отъ романа. Въ канаву бросить лягушкѣмъ. А найдуть? Тамъ и подпись моя и адресъ. Или кто-нибудь воспользуется моими мыслями, моимъ трудомъ... Ахъ, чортъ возьми!»

Ненавидѣлъ романъ и въ тоже время не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь другой воспользовался имъ.

«Сожгу»...

Торопился домой, но все не попадалось извозчика въ этихъ глухихъ мѣстахъ. Наконецъ, вышелъ на Строгоновскій мостъ.

«Бросить въ Невку и дѣлу конецъ»...

Но на мосту было много народа. Публика расходилась изъ загородныхъ театровъ. Было неудобно на глазахъ у всѣхъ бросать пакетъ. Что еще могутъ подумать? За Строгоновымъ мостомъ попался извозчикъ и Ламбинъ подрядилъ его къ Мытному перевозу. Тамъ онъ прыгнулъ въ яликъ и приказалъ везти къ Дворцовому мосту.

«Потопить тутъ романъ въ глубинѣ и просторѣ сліянiя двухъ рѣкъ».

Яличникъ сидѣлъ противъ Ламбина и ровно гребъ короткими частыми взмахами весель. Ламбинъ дождался, когда на серединѣ рѣки, гдѣ сливались теченiя Большой и Малой Невы и гдѣ подъ крошечной и утлой ладьей точно кипѣла и крутилась черная глубокая вода, яличникъ оглянулся, чтобы вѣрнѣе направить лодку, Ламбинъ осторожно опустилъ пакетъ въ воду. Одно мгновенiе пакетъ поплылъ, уносясь отъ ялика, потомъ чуть нагнулся, погрузился въ воду и исчезъ.

Жгучая боль, а потомъ какая-то легкость охватили сердце Ламбина. Оно сжалось. Глаза защипало слезами. Отъ мучительной тоски, почти физической боли сознанiя своей неудачи у Ламбина кружилась голова.

«Домой! Домой! въ полкъ! Тамъ все ясно. Тамъ забыть все и забыться въ кипучей, бодрой, полковой жизни!..»

XXXV.

Дома Ламбинъ нашель приказъ полку: на завтра съ утра назначалось ученiе всей гвардейской кавалерiи на военномъ полѣ съ тактической цѣлью. Было не до размышленiй о потопленномъ романѣ, нужно было отдохнуть, чтобы завтра свѣжимъ и бодрымъ, какъ подобаеть офицеру, стать передъ взводомъ.

На томъ самомъ полѣ, подъ знаменитой Дудоровой мызой, гдѣ при Царѣ Петрѣ Нижегородскіе драгуны рубили кавалерiю шведскаго короля Карла XII, на тѣхъ равнинахъ, по которымъ, черезъ лѣса и болота шла къ Нарвѣ Петровская конница Шереметева и Ласси, точно воскресли времена лихихъ конныхъ атакъ.

Тѣни Шереметева, Румянцева, Суворова, князя Васильчикова, Уварова, Кульнева, Дениса Давыдова, Платова и съ ними вмѣстѣ тѣни Фридриха, Зейдлица, Цитена, фонъ Розенберга носились съ полками надъ полемъ, гудѣвшимъ отъ топота тысячи копытъ, звенѣвшимъ звуками красивыхъ сигналовъ и маршей. Все было, какъ въ великіе дни Нарвы и Полтавы, Цорндорфа и Кунерсдорфа, Аустерлица и Бородино, Феръ-Шампенуаза, Верта-Фрошвейлера и Седана... Царица полей сраженія сшибалась въ лихихъ атакахъ, гдѣ вѣрно были нацѣлены эскадронъ противъ эскадрона, гдѣ съ гикомъ носились казачьи лавы, стрѣляли съ коня и джигитовали казаки дразня непріятеля, какъ во времена Вихря-Атамана. Конныя батареи лихимъ карьеромъ выскакивали на позиціи и батальнымъ огнемъ встрѣчали атакующіе полки.

Десять тысячъ всадниковъ носились по полю, по военному артиллерійскому полигону, гдѣ лошади прыгали черезъ воронки отъ снарядовъ, гдѣ были глубокіе овраги, поросшіе кустами голубики и можжевельника...

Въ короткіе промежутки между рѣшеніями задачъ Ламбинъ задумывался о томъ, что дѣлалось на полѣ. Ему вспоминался давнишній разговоръ его съ Мальмсенемъ и то, какъ Мальмсенъ сказалъ ему, что военное искусство должно идти впереди вѣка, угадывать то, что будетъ, а не плестись сзади, не учиться по прошлымъ войнамъ, а искать, что принесутъ войны будущія. Здѣсь все дышало прошлымъ и Наполеонъ, Фридрихъ и Петръ пришли бы въ восторгъ отъ стройности построений, отъ лихости конныхъ атакъ, отъ разумнаго использованія фланговъ и уступовъ для охвата крыла непріятеля.

«Нужно ли это теперь?» — думал Ламбинъ, — «когда вотъ вотъ полетятъ люди надъ нами, когда появятся пулеметы и будутъ заливать насъ огнемъ съ трехъ верствъ. Много ли доскачетъ насъ до непріятеля?..»

Но сердцемъ сознатель, какъ всѣ эти — построения съ математической правильностью развертывающихся полковъ и дивизій, какъ эта скачка навстрѣчу несущимся полкамъ или скачка противъ ставшей у Краснаго Села пѣхоты поднимаетъ духъ и веселитъ сердце. Онъ чувствовалъ, что никакой огонь не сокрушитъ атаки русской конницы, что нѣтъ счастья больше того, какъ сознать себя принадлежащимъ къ тому великому, покрытому вѣковой славой побѣдъ, къ тому лихому и красивому, что носитъ громко звучащее имя «Гвардейская кавалерія»!..

Когда въ послѣдній разъ по полю запѣли, все повторяясь и повторяясь по вѣсѣмъ его концамъ, трубы, играющія сигналъ «Отбой», когда раскинувшіеся на версты разсыпными строями эскадроны, сначала по сигналамъ «сборъ», свернулись въ громадные ящики резервныхъ колоннъ, а потомъ потянулись по вѣсѣмъ угламъ обширнаго поля направляясь по пыльнымъ полевымъ дорогамъ, къ своимъ стоянкамъ, повсюду заиграли трубачи, раздались звуки бодрыхъ, мелодичныхъ русскихъ, солдатскихъ пѣсень, Ламбинъ, ѣхавшій рядомъ со штандартомъ въ головѣ четвертаго эскадрона, замкнулся въ своемъ полку.

Передъ нимъ въ густомъ сѣромъ облакѣ пыли быстро шагали темносѣрыя лошади третьяго эскадрона, качались запыленные рубахи гусаръ, поблескивали затворы винтовок и длинными колоннами уходили смятыя алая безкозырки.

Ламбинъ ѣхалъ рядомъ съ бравымъ рыжебородымъ штандартнымъ унтеръ-офицеромъ и съ удивленіемъ ощущалъ, какъ романъ, денежный вопросъ, даже Наташа уплыли куда-то. Съ нимъ шло счастье его молодого, слегка усталого тѣла, съ нимъ животное ощущеніе слянности съ прекрасной красавицей Кармень, шедшей бодрымъ шагомъ въ ритмъ пѣснѣ, раздававшейся впереди въ третьемъ эскадронѣ. Онъ трепалъ Кармень по длинной шелковистой шеѣ, слушалъ, какъ довольнымъ пофыркиваніемъ отвѣчала лошадь на его ласку, точно говорила: «Да знаю, знаю, что ты меня любишь!..»

Впереди и сбоку на росломъ и сильномъ чистокровномъ Бульде-Нежѣ ѣхалъ, сидя свободно и легко, маленькій Петровъ и Ламбинъ вспоминалъ ихъ первое знакомство и брудеръ-шафтъ, не выпитый въ бокалахъ вина, но заключенный послѣ бѣшеной скачки по полямъ подлѣ Царскаго Села и тоже нѣжное и горделивое сознаніе дружбы съ этимъ человѣкомъ, у котораго ничего не было кромѣ полка, заливало сердце Ламбина горячимъ токомъ любви.

«Да», — думалъ Ламбинъ, — «служба и святое товарищество въ этомъ полку выше всего»...

У полковой гауптвахты Ламбинъ сдалъ штандартъ адъютанту, спѣшилъ взводъ и послалъ Кармень съ вѣстовымъ на квартиру, а самъ, разминая ноги, пѣшкомъ пошелъ къ офицерскому собранію.

Въ просторной прихожей по вѣшалкамъ висѣли шашки, шарфы и перевязи съ лядунками, рядомъ въ уборной подъ кранами плескались офицеры, смывающіе съ себя пыль.

— Смотри, смотри, — завопилъ князь Мышецкій, едва Ламбинъ показался въ дверяхъ уборной, — Ламбинъ-то черный какой! А носъ-то!.. Блестить-то какъ! Ей Богу — безъ гримма — чортъ! Ну и запудрило же тебя! Не желалъ бы ты въ такомъ видѣ показаться любимой женщинѣ...

— Да, тебѣ въ первомъ эскадронѣ хорошо ѣхать, а посмотрѣлъ бы ты, что дѣлается сзади, — ушей лошади не видишь, — отвѣтилъ Ламбинъ, подходя къ зеркалу.

Чужое, незнакомое и — вѣрно — страшное лицо смотрѣло на него изъ зеркала. Густой слой темно-сѣрой пыли покрывалъ его. Изъ этой маски розовымъ мысомъ торчалъ обгорѣлый, облупившійся носъ и совсѣмъ бѣлые глаза смотрѣли загадочно.

— Да! Хорошъ!.. — сказалъ Ламбинъ. — Твоя правда. На картину писать — такъ и за человѣка не признають.

Онъ скинулъ китель и рубашку, встряхнувъ ихъ и бросился, блестя бѣлымъ торсомъ, подъ кранъ. Онъ съ наслажденіемъ растиралъ тѣло мохнатымъ полотенцемъ, поглядывалъ на свои сильныя, бѣлыя руки, на чистую кожу широкой груди. Радость жизни не покидала его.

Изъ уборной Ламбинъ прошелъ на балконъ. Въ природѣ, пока онъ умывался произошла какая-то перестановка. вмѣсто яснаго голубого неба, — горизонтъ былъ закрытъ синцовыми грозowymi тучами. Откуда? Когда появились онѣ? Радость яркаго дня исчезла. Зловѣще притаилась природа. Въ саду полкового собранія душно пахло резедою и левкоями. Воробьи притихли подъ крышей и только какая-то маленькая птичка, пророча дождь, назойливо кричала: — «pluit... pluit...»*)

Въ разстегнутомъ бѣломъ кителѣ, обнаживъ бѣлую грудь, откинувъ воротъ шелковой рубашки, съ открытой головой стоялъ Ламбинъ на балконѣ, все такъ же отдаваясь радости жизни, ощущенію молодого, здороваго крѣпкаго тѣла. Впереди его ожидалъ прекрасный обѣдъ, вино, бесѣда съ товарищами, игра трубочей. Будетъ сытно, весело и пьяно. Хор-рош-шо!..

Гонимыя еще не ощущаемымъ внизу вѣтромъ грозно по верху неслись тучи. Въ саду стало темно. Съ полей и холмовъ Русскаго Капорскаго холодный вѣтеръ принесъ дыханіе грозы. Осина затрепетала круглыми листьями и мягко шурша, точно сговариваясь о чемъ-то зашумѣли березы. Далеко, далеко, въ самой гущѣ черно-

*) Дождь... дождь...

фіолетовыхъ тучъ яркимъ огненнымъ зигзагомъ сверкнула молнія, прорѣзала тучу сверху до самой земли и сразу, такъ неожиданно, что Ламбинъ вздрогнулъ, раскатисто, грозными переливами грянулъ громъ и покотился къ военному полю, эхомъ отдаваясь о холмы Дудергофа. Сразу стало темно.

Ламбинъ вспомнилъ ту ночную грозу, которая привела его къ знакомству съ Наташей...

На сосѣднемъ открытомъ балконѣ трубачи, поставившіе было раскидные пюпитры, поспѣшно собирали ихъ и уносили въ бильярдную инструменты.

Налетѣвшій вихрь смерчемъ закрутилъ пыль по дорогѣ, подхватилъ клокъ сѣна и, закрутивъ его въ воздухѣ, понесъ по улицѣ. Стало сразу свѣжо. Нѣсколько крупныхъ капель, оставляя на пыли темные слѣды упало на землю. Еще и еще, и сразу такъ, что Ламбинъ едва успѣлъ вбѣжать въ собраніе, зашумѣлъ проливной, крупный, холодный дождь. Серебряныя градины запрыгали по доскамъ пола балкона.

Молніи и раскаты грома чередовались непрерывно. Гроза неслась отъ Кипени на Красное Село. Уже нигдѣ не было яснаго неба — все стало черно отъ тучъ.

Трубачи играли маршъ. Полковой командиръ входилъ въ столовую. Ламбинъ только что хотѣлъ боковымъ ходомъ пройти туда же, когда собранскій вѣстовой доложилъ ему, что на кухнѣ его ожидаетъ деньщикъ по важному дѣлу.

Гусаръ Каменевъ въ накинутой на плечи, совершенно черной отъ дождя старой шинели принесъ Ламбину его непромокаемое пальто.

— Ваше благородіе! Такъ что я за вами. Какая-то барыня пріѣхали къ намъ и прямо таки требуютъ, чтобы вы сейчасъ къ нимъ пришли.

— Наша барыня? — хмуря брови спросилъ Ламбинъ.

Наташа никогда не ѣздила въ полкъ.

— Никакъ нѣтъ, не наша барышня, а вовсе другая.

Рѣзкимъ движеніемъ Ламбинъ накинулъ на себя непромокаемый плащъ, вышелъ на дворъ и вскочилъ въ пролетку ожидавшаго офицеровъ промокшаго подъ черной кожаной накидкой деревенскаго извозчика и погналъ его къ своей квартирѣ.

Въ маленькой низкой горницѣ съ двумя крошечными окнами, у письменнаго стола, спиною къ свѣту стояла Муся. Большой

раскрытый зонтикъ лежалъ на полу. Черная лужа текла подъ нимъ.

Предчувствіе чего-то страшнаго, неотвратимаго сжало сердце Ламбина. Онъ скинулъ плащъ и протягивая мокрую, холодную руку Мусѣ, спросилъ ломающимся голосомъ:

— Наташа?..

XXXVI.

— Ты не былъ у Наташи три недѣли. Это жестоко!

— Нельзя было, Муся. Я писалъ Наташѣ. Общекавалерійскій сборъ не шутка.

— Она такъ ждала тебя. И эта жара... Духота въ Петербургѣ... Наташа очень больна. Кровь пошла горломъ. Въ пятницу былъ театральнй врачъ. Онъ мнѣ сказалъ. Отъ Наташи скрыли. Чохотка...

— Чохотка, — не понимая значенія слова повторилъ Ламбинъ. — Что же это, Муся? Такъ вдругъ?

— Нѣтъ... Не вдругъ. Это давно началось. Только ты не замѣчалъ этого. Наташа скрывала отъ тебя.

— Что же дѣлать?

— Кирилль Капитоновичъ устроилъ консиліумъ. Спасти можно.

— Спасти? Да развѣ такъ уже плохо?

— Да. Очень плохо. Наташа горитъ, какъ свѣча. Ты не узнаешь ее, такъ измѣнилась она за эти три недѣли.

— Боже мой, — ломая руки, сказалъ Ламбинъ. — Какъ же помочь?..

— Врачи сказали, если сейчасъ же отправить ее за границу, въ горы. На горномъ воздухѣ, въ другомъ климатѣ она можетъ поправиться совершенно. Ей надо по крайней мѣрѣ годъ провести въ горахъ... Я готова ѣхать съ нею. Она одна не можетъ.

— Да. Конечно... Конечно... Надо ѣхать. Надо спасти Наташу во что бы то ни стало.

— Наташа не хочетъ.

— Что такое? Почему? — какія глупости...

— У нея нѣтъ денегъ. Мы подсчитали съ Кирилломъ. Нужно на это пять тысячъ. У Наташи ничего нѣтъ... Она говоритъ, что и у тебя тоже нѣтъ ничего. И она ни за что не хочетъ, чтобы ты за нее платилъ. Но она просила объ одномъ, чтобы я привезла

тебя сегодня къ ней. Она проститься съ тобою хочеть. Она хочеть умереть.

— Умереть!.. А, нѣтъ, нѣтъ!.. — воскликнулъ Ламбинъ и схватился обѣими руками за голову. — Нѣтъ! Никогда, только не это! Нельзя до этого допустить. Муся, ты ангель, что готова ѣхать съ Наташей. Готовьте съ Кирилломъ Капитоновичемъ разрѣшеніе на отпускъ и заграничные паспорта. Когда ты можешь ѣхать съ ней?

— Раньше двухъ недѣль намъ не управиться.

— Черезъ двѣ недѣли, черезъ десять, двѣнадцать дней я привезу тебѣ пять тысячъ. Что такое?.. Пять тысячъ, противныхъ, гадкихъ денегъ и жизнь нашей драгоценной Наталочки... Вздоръ! Вздоръ! Ѣдемъ сейчасъ къ ней, я стану на колѣни передъ нею, я покрою ея руки поцѣлуями и мы спасемъ, спасемъ ее. Деньги? Какой вздоръ деньги! Они будутъ!.. Будутъ!! Ѣдемъ...

XXXVII.

Въ Петербургѣ еще лиль дождь, но гроза съ ея молніями и громами ушла за Неву, въ Финляндію и тамъ утихла и успокоилась.

Въ городѣ было душно. Дождь не освѣжилъ воздуха. Только противъ квартиры Наташи, на площади отъ мокрыхъ тополей и березъ соборнаго сквера дышало свѣжестью. Каменные плиты и булыжники улицъ дымились нѣжнымъ прозрачнымъ паромъ.

Закутанная въ шубку Наташа лежала у раскрытаго окна. Она ждала Вадима. Она приказала убрать всѣ отвратительныя склянки съ длинными, узкими, пестрыми аптечными ярлыками рецептовъ — всю эту мерзкую медицинскую вонь, которая, не помогая ей, только раздражала ее. Заячьей лапкой она прошлась по лицу, смягчила красноту воспаленныхъ щекъ, покрасила блѣдный лобъ, убрала съ него паутинки морщинокъ страданія и смертнаго страха. Если ей суждено умереть, — она умереть красиво. Она видѣла, какъ умирають на сценѣ... Нѣтъ, госпожа смерть, я не дамъ вамъ торжествовать надо мною.

— Какая гроза, — прошептала она. — Какъ тогда, въ тотъ день, когда первый разъ въ ея жизни появился «онъ». Но за то какой воздухъ. Я пью его. Въ горахъ, говорятъ, будетъ еще лучше. Ну, что горы. Прожиты, пропиты эти горы... Что же — не плохо

прожиты. Жаль только сцены... славы жаль... вѣдь еще одно усиліе и она — балерина.

Точно увидѣла она театральную розовую афишу и на ней надпись: танцовать будутъ pas de deux — г-жа Кшесинская и Травина... Балерины. Новыя силы балета... Петербургскаго балета, самаго лучшаго, самаго знаменитаго балета въ мірѣ... И будутъ говорить: — Наталья Травина... Травина?.. Травина? Кто же эта самая Травина? Чья она дочь? Откуда она взялась — такой блестящій талантъ? И тотъ и та... Ея мать, будутъ они гордиться ею? Узнаеть она про это? Нѣтъ, ничего этого не будетъ, а будетъ — смерть. Закроются глаза. Вотъ такъ, — Наташа крѣпко накрѣпко закрыла глаза такъ, что огненные полосы заиграли передъ ними. Крѣпче... Крѣпче. Сильнѣе, вотъ и стало темно, исчезли пестрые огни молній, гулявшихъ передъ глазами. Темно... Совсѣмъ темно. Нѣтъ ничего... Гуль въ ухахъ... Это и будетъ смерть... Нѣтъ не страшно, совсѣмъ не страшно. Ничего не будетъ.

Наташа закашлялась тяжелымъ, рвущимъ легкія сухимъ кашлемъ и очнулась.

— Нѣтъ, сейчасъ не надо этого. Я же его жду. Моего Димочку...

Она прислушалась. Точно умѣла она призывать того, кого такъ хотѣла увидѣть. Изволичьи дрожки прошумѣли подъ окномъ резиновыми шинами и остановились.

Наташа хотѣла подняться и заглянуть въ окно, чтобы убѣдиться, что предчувствіе не обмануло ее, но силы измѣнили ей. «Какъ я все-таки слаба», — прошептала она, откинулась на подушки и снова закрыла глаза. Она не видѣла, но чувствовала, какъ къ ней вошелъ Вадимъ. Онъ вошелъ одинъ. Муся была такъ умна и тактична, что не пошла за нимъ. Вадимъ присѣлъ на полъ, на коверъ, подлѣ Наташи, взялъ прохладной сильной рукой ея тонкіе, прозрачные пальчики и поднесъ къ губамъ. Его усы щеко-тали Наташину ладонь. Наташа все не открывала глазъ. Такъ было хорошо ей. Если это и есть смерть — пусть будетъ благо-словенна и самая смерть.

Вадимъ коснулся губами ея лба, щекъ и губъ.

Наташа отвѣтила на поцѣлуй и прошептала тихо, такъ что Вадимъ съ трудомъ могъ разбирать ея слова:

— Дима... Ты помнишь?.. Муся пѣла...

Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
В устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ огонь угаснувшихъ очей...

Это — Лермонтовъ, твой любимый Лермонтовъ.

И тогда она услышала родной, дорогой сильный и бодрый голосъ Вадима:

— Полно, милая Наташа... Полно, родная. Черезъ двѣ недѣли посадимъ мы тебя съ Муськой въ спальный вагонъ заснешь ты въ немъ крѣпко, прекрѣпко и вотъ онѣ — горы передъ тобою. Альпы или тамъ еще какія хорошія горы. Вѣчные снѣга и цѣлительный воздухъ горъ. Тамъ травы особенныя, тамъ молоко совсѣмъ, совсѣмъ другое, чѣмъ здѣсь. И вернешься ты къ веснѣ, полная силъ, отдохнувшая и мы с тобою такъ еще заживемъ!

— Вадимъ, — сказала новымъ низкимъ груднымъ, красивымъ голосомъ Наташа. — Ты хорошій Вадимъ... Я знаю...

Только теперъ она открыла глаза. Вадимъ стоялъ передъ нею въ свѣжемъ кителѣ, въ синихъ чакчирахъ съ позументомъ вдоль ноги, въ ботинкахъ съ золотыми розетками. Молодостью, силой, здоровьемъ вѣяло отъ него.

Ей показалось, что онѣ все можетъ. Она спросила робко и со страхомъ:

— Дима. А деньги? Много надо денегъ. Опять, долги?.. Я не хочу, Димочка, чтобы ты изъ-за меня дѣлалъ долги. Чтобы... Это страшное долго-вое от-дѣ-леніе опять угрожало тебѣ...

— Глупости, милая Наташа... Никакого долгового отдѣленія нѣтъ и не можетъ быть. Деньги пошлетъ Господь Богъ, какъ пошлетъ Онѣ тебѣ и здоровье. А какая мнѣ будетъ радость — обнять тебя сильную, крѣпкую, здоровую и любящую...

— Да, я люблю тебя... Если бы не любила такъ, мнѣ было бы легче. Вѣдь я вся твоя. Твоя на вѣки...

Долгимъ, внимательнымъ, упорнымъ взглядомъ смотрѣла она прямо въ сѣрые глаза Вадима, опущенные длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами. И точно изъ его глазъ черпала силы. Да, — онѣ все можетъ. Онѣ и точно достанетъ деньги, пошлетъ ее съ Мусей въ какія-то особенныя горы, гдѣ пройдетъ боль въ груди, кашель и главное, — эта противная жуткая слабость, пройдетъ и лихорадка.

— А, какая хорошая у насъ Муся. Правда, Вадимъ?

Наташа улыбнулась счастливо отъ сознанія, что ее любить Вадимъ, что у нея такая прелестная, способная на самопожертваніе подруга, улыбкой, закрыла глаза и опустила голову на грудь присѣвшаго къ ней на ручку кресла Вадима. Она забылась. Она дышала такъ тихо и ровно, что Вадимъ не слышалъ ея дыханія. Улыбка играла на ея исхудавшемъ, несказанно прелестномъ лицѣ.

XXXVIII.

Послѣ грозы и дождя упоительно легокъ и душистъ былъ воздухъ въ Красномъ Селѣ. Дождь прибилъ пыль на полевыхъ дорогахъ, сравнялъ колеи и уничтожилъ слѣды тысячъ конскихъ ногъ, прошедшей утромъ конницы. Блѣдно-голубое предвечернее небо было прозрачно, солнце спускалось за Русское Капорское, за гряду зеленыхъ холмовъ и бросало длинныя тѣни отъ высокихъ придорожныхъ березъ и отъ сосновой рощи у Телези.

Неслышно катилась старая, разбитая пролетка Красносельскаго извозчика по знакомымъ Ламбину мѣстамъ. Кругомъ все было напоено покоемъ и миромъ. Сзади, изъ Кириуновъ, гдѣ стояла Донская казачья батарея неслась мѣрная, красивая пѣсня. Словъ нельзя было разобрать, но въ самыхъ звукахъ, въ мелодіи ея, точно застыли нѣга южныхъ придонскихъ ночей и сладкое дуновеніе вѣтра съ южнаго моря.

Думы тяготили Ламбина.

Достать пять тысячъ рублей. Сегодня, завтра, достать эти проклятыя пять тысячъ. Ламбинъ опять кругомъ долженъ... «Благодѣтели», вившіеся около полка, какъ пчелы надъ тарелкой съ вареньемъ, отказывались переписывать векселя. Никто не поставитъ ему бланка. Онъ, что называется «весь вышелъ»... Говорятъ, что бывали случаи, когда въ подобныхъ обстоятельствахъ офицеры обращались лично съ просьбою къ Государю — и Государь давалъ... Нѣтъ, никогда Ламбинъ не пойдетъ беспокоить Государя личнымъ дѣломъ. У Государя и безъ него заботъ много.

Пролетка остановилась у избы, гдѣ была квартира Ламбина. Выбѣжавшій навстрѣчу деньщикъ принялъ отъ Ламбина пальто и шапку. Ламбинъ услышалъ со двора, изъ подъ навѣса сарая тихое, привѣтственное ржаніе и пошелъ къ Карменю.

Въ просторномъ денникѣ была только-что настлана свѣжая солома. Вѣстовой ушелъ въ эскадронъ на ужинъ. На дворѣ никого

не было. Ламбинъ откинулъ жердь и вошелъ въ денникъ. Пахло свѣжей соломой и луговымъ душистымъ сѣномъ. Нарядная, легкая, стальнo-сѣрая молодая кобыла стояла безъ попоны. Она положила голову на плечо Ламбину и тотъ щекоталъ лошадь за ушами, цѣловалъ бархатистую, какъ тонкая замша сѣрую кожу между храпками и путаль пряди почти черной гривы. Онъ ощущалъ нѣжный ароматъ волосъ Карменъ, заглядывалъ въ ея черные глаза въ агатовой оправѣ съ внутреннимъ далекимъ добрымъ огнемъ, рукой осторожно нагибалъ темно-сѣрыя красиво очерченныя уши и щекоталъ ихъ концами свое лицо.

— Карменъ, Карменъ, — шепталъ онъ, — почему ты не оправдала моихъ надеждъ?..

Годъ тому назадъ Ламбинъ купилъ Карменъ на Яновскомъ Государственномъ конномъ заводѣ для скачекъ. Весь прошлый скаковой сезонъ и начало нынѣшняго онъ скакалъ на ней въ Коломягахъ на барьерныхъ скачкахъ и на стипль-чезахъ. Карменъ великолѣпно прыгала, но... приходила послѣдней. На стартѣ она положительно сходила съ ума. Она вырывалась на первое мѣсто, мчалась сломя голову, не слушаясь поводыевъ, выматывалась на первой верстѣ, ослабѣвала, точно отчаивалась въ возможности побѣдить и сдавала тогда, когда нужно было наддать. Она разоряла Ламбина, приводила въ отчаяніе Наташу. Ламбинъ бросилъ скакать на ней и поставилъ ее въ строй.

Теперь онъ осыпалъ ее тихими упреками, шепталъ ей въ уши о своемъ тяжеломъ положеніи, о болѣзни Наташи, будто лошадь и въ правду могла понять его. Карменъ слушала его, встряхивала ушами, косила глазомъ и тонкій, сложный переплетъ жилокъ все яснѣе проступалъ на ея свѣтлыхъ плечахъ и бѣжалъ къ темнымъ концамъ ногъ.

Въ этомъ разговорѣ съ лошадью Ламбинъ находилъ успокоеніе своему горю. Слезы навернулись ему на глаза. Вся невозможность достать деньги встала передъ нимъ. Гибель Наташи казалась неизбежной. И Ламбинъ говорилъ объ этомъ Карменъ, потому что кому же онъ скажетъ все то, что было у него на душѣ.

Въ воротахъ тихо звякнули шпоры. Не гусарскія со звонкими репейками, а офицерскія съ «серебрянымъ» звономъ. Ламбинъ съ досадой оглянулся.

Во дворъ вошелъ ротмистръ Петровъ. Онъ прошелъ въ денникъ, остро и внимательно, быстрымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Ламбина, замѣтилъ слезу на рѣсницахъ и, молча, не здороваясь,

точно онъ пришелъ не къ Ламбину, а къ Карменъ, сталъ гладить лошадь по спинѣ и крупу.

— Что... Плохо? — сказала Петровъ, не глядя на Ламбина и продолжая ласкать лошадь. — Но надежда есть?

— Да, если послать въ горы, за границу. Муся хлопочетъ о разрѣшеніи и паспортахъ. Да только...

— Что? Денегъ нѣтъ? Сколько нужно?

— Пять тысячъ...

Наступило молчаніе. Ламбинъ снова сталъ ласкать Карменъ и по ея кожѣ все болѣе и болѣе надувались и играли тонкія жилки.

— Почему не записалъ на Окружную? Тамъ первый призъ какъ разъ ровно пять тысячъ. Запись еще не кончена. Скачка черезъ десять дней. Лошадь въ порядкѣ.

— Ты смѣешься, Василій Александровичъ. Придти опять послѣднимъ.

— Ничего подобнаго. Лошадь кровна и рѣзва. Она отлично прыгаетъ. А какъ она притомъ любить тебя. Посмотри — она вся покрылась жилками отъ твоихъ ласкъ. Вѣдь это она, какъ барышня краснѣетъ отъ комплиментовъ. Она все сдѣлаетъ для тебя.

— Можетъ быть. Но я не управлюсь съ нею. Она опять съ ума сойдетъ на стартѣ.

— Пустое, mon cher.

— И потомъ... Какая компанія! Ты скачешь!

— Да. На Буль-де-Нежѣ.

— Ты и придешь первымъ.

— Возможно... Честь полка. Не отдавать же Императорскій призъ Конной артиллеріи.

— Да... Вотъ еще... Конной артиллеріи! Этотъ выводной Левіафанъ поручика фонъ Нидерморлена — машина. Я видѣлъ его на пробныхъ галопахъ. Какой махъ. И препятствія беретъ шутя. Что ему двухъ-аршинный заборъ, когда въ немъ едва не семь вершковъ. Гигантъ! Слозь!

— Да, словъ нѣтъ. Хорошъ. Но, посмотримъ. Машина — машиной, а въ твоей Карменъ — душа. Скачи!

— Не управлюсь, — съ отчаяніемъ прошептала Ламбинъ.

— Слушай, mon cher, не ломайся. Твоя Карменъ за лѣто ученій привыкла къ моему Буль-де-Нежу. Она знаетъ, что обгонять эскадроннаго командира нельзя. Ну и...

— Ну и что же?..

— Я проведу тебя... Второе мѣсто тебѣ обеспечено.

— Это не пять тысячъ, что нужны мнѣ.

— Ну тамъ посмотримъ. Дай мнѣ слово, *mon cher*, не упрямиться, не бояться проигрыша и завтра же записаться на четырехъ-верстный стипль-чезъ.

Петровъ пошелъ изъ денника. Ламбинъ заложилъ жерди и пошелъ за нимъ.

Въ зеленоватомъ небѣ, за сосновой рощей у Телези ярко горѣла въ небѣ таинственнымъ серебрянымъ блескомъ большая одинокая звѣзда. Изъ сосѣдней деревни, отъ полковой гауптвахты доносилась красивая пѣвучая мелодія кавалерійской зари. Было нѣчто нѣжное и успокоительное въ молитвенно плавныхъ звукахъ трубы. Навѣвало покой и внушало Ламбину вѣру въ свѣтлое будущее.

XXXIX.

Большія Красносельскія скачки въ Высочайшемъ присутствіи приходили къ концу. Послѣдній четырехъ-верстный стипль-чезъ минуты три, какъ былъ пущенъ со старта за рѣчкой Лиговкой. Уже кто-то безнадежно отсталъ и свернулъ съ круга, кого-то, разбившагося на канавѣ съ валомъ, увезли въ лазаретной линейкѣ и растерявшаяся лошадь безъ всадника бѣгала по срединѣ круга и за ней гонялись солдаты.

Скачка шла въ двухъ группахъ. Впереди, далеко отдѣлившись отъ остальныхъ шло трое. Первымъ — на огромномъ Левіафанѣ, низко нагнувшись къ шеѣ лошади, скакалъ гвардейскій конный артиллеристъ. Его лошадь, какъ пошла со старта большими, мощными прыжками, такъ и шла, не прибавляя и не сбавляя хода, постепенно опережая одну за другою ослабѣвавшихъ лошадей, легко перемахивая съ хода препятствія и увѣренно вышла, наконецъ, на первое мѣсто. Левіафанъ первымъ перепрыгнулъ широкую канаву съ водой и теперь загибалъ къ послѣднему повороту, къ прямой, гдѣ было послѣднее препятствіе — плетень. Первое мѣсто было ему обеспечено.

На поворотѣ его стали нагонять и такъ легко и увѣренно, что въ трибунахъ, полныхъ зрителей, въ толпѣ конно артиллеристовъ, увѣренныхъ въ побѣдѣ Левіафана, заволновались; нагоняли двѣ сѣрыя гусарскія лошади: свѣтло-сѣрый Буль-де-Нежъ подъ первокласснымъ стиплеромъ Петровымъ и за нимъ, на полтора

корпуса сзади, темно-сѣрая, тонкая стройная Ламбинская Кармень. И было видно, что Кармень шла изъ послѣднихъ силъ.

— Посмотри, дядя, — сказала сидѣвшая въ ложѣ генерала Бетрищева, Вѣра. — Наши обгоняютъ фонъ Нидерморлена.

Вѣра въ волненіи встала со стула. Она была строго и очень нарядно одѣта. Ея положеніе въ свѣтѣ было сложно. Артистка Императорскихъ театровъ и въ тоже время племянница всѣми уважаемаго генерала, дѣвушка на выданьи, очень красивая, имѣющая свои средства, — она была на виду.

— Да нѣтъ... Да что же это такое? — въ глубокомъ волненіи говорила Вѣра и рука ея дрожала на спинкѣ стула. — Смотри, дядя, что происходитъ? Петровъ, и такъ легко, на первомъ мѣстѣ. Кармень обогнала Левіафана, но въ какомъ посылѣ. Левіафанъ уже третій... Сейчасъ и финишъ. Они почти у столба...

— Какая прелесть мой Вася, — сказалъ Бетрищевъ и тоже въ возбужденіи всталъ со стула.

— Дядя... Дядя... Что же онъ дѣлаетъ?.. Ламбинъ идетъ въ хлыстахъ. Ему никогда не обогнать Петрова... Но онъ обгоняетъ его. Петровъ держитъ Буль-де-Нежа. Что же онъ? Онъ съ ума сошелъ.

«Даннъ... даннъ» — ударилъ колоколъ у бесѣдки. Скачка была кончена.

Свитскій полковникъ побѣждалъ наверхъ съ докладомъ къ Государю Императору и Вѣра услышала, какъ онъ громко и взволнованно доложилъ:

— Штабсъ-ротмистръ Ламбинъ первымъ, ротмистръ Петровъ вторымъ, поручикъ фонъ Нидерморленъ третьимъ, ваше императорское Величество.

— Хорошо, что тутъ, Вѣра, нѣтъ тотализатора, а то бѣднаго нашего Василя еще за его доблесть и благородство и оштрафовали бы. — сказалъ генераль Бетрищевъ. — Пойдемъ, пожмемъ руку этому замѣчательному человѣку. Рыцарю офицеру...

Слеза показалась въ старыхъ сѣрыхъ глазахъ Бетрищева.

— Ты знаешь, Вѣра, что для Ламбина призъ, который онъ получаетъ теперь изъ рукъ Государя?

Они спустились на дворикъ между трибунами и судейской бесѣдкой. Ламбинъ только что снялъ тяжелое строевое сѣдло со вьюкомъ съ потной, подводящей боками Кармень и пошелъ къ вѣсамъ. Вѣстовой гусаръ въ бѣлой рубашкѣ суконкой растиралъ

спину лошади. Петрова, шедшаго съ сѣдломъ на рукѣ остановилъ высокій, худощавый генераль-адъютантъ съ сѣдою бородою и баскомъ выговаривалъ ему:

— Что случилось съ тобою, Василий Александровичъ? Почему ты на финишѣ остановилъ лошадь? Всѣ это видѣли. Хорошо, что это казенная скачка, гдѣ нѣтъ игры. Хорошо, что Ламбинъ шель сзади тебя, а то отдалъ бы ты честь Императорскаго приза Конной артиллеріи. Полкъ этого никогда тебѣ не простилъ бы. Что такое случилось? Или сердце тебѣ измѣнило? Припадокъ случился?

— Да, ваше сіятельство, сердечный припадокъ. Я уже не могъ скакать дальше. Позвольте мнѣ идти къ вѣсамъ. Меня ждуть.

— Д-да-аа. Доскачетесь вы. Уже годы не тѣ. Что же — дорогу молодежи!

Петровъ, проходя къ вѣсамъ мимо Буль-де-Нежа, протянулъ руку съ кускомъ сахара лошади. Буль-де-Нежъ фыркнулъ и, толкнувъ мордой руку Петрова, сбросилъ сахаръ на землю.

Вѣра, подходящая къ Буль-де-Нежу, увидавъ это, сказала Бетрищеву:

— Смотри, дядя, какъ Буль-де-Нежъ разсердился на Василя Александровича... Подумаешь!.. Какой гордый и самолюбивый! Развѣ можетъ это быть?

— Ты думаешь, Вѣра, ему не обидно? Ты думаешь, — подходя къ Буль-де-Нежу и лаская его, сказала Бетрищевъ, — ты думаешь, что онъ не понимаетъ, что его остановили, что у него нарочно вырвали побѣду? А лошадь такъ любитъ быть на скачкахъ первой. Ему это горько.

— Еще и какъ горько-то, ваше превосходительство, — сказала вѣстовой, накидывавшій суконную попону на жеребца. — И съ чего это его высокоблагородіе такъ исдѣлали? Прямо точно нарочно. А ему обидно. Очень даже обидно... По глазамъ его я вижу, ваше превосходительство, какъ ему, значитъ, горько. Ить и сахару не беретъ. Ничего не желаетъ. Больно ему...

— Ну, успокойся, милый Буль, — сказалъ Бетрищевъ, — такъ надо было. И тебѣ обидно, — сказалъ Бетрищевъ, оборачиваясь къ гусару.

— Еще и какъ, ваше превосходительство. Хорошо еще, что своему уступили, штабсъ-ротмистру Ламбину, а то еще бы одинъ какой моментъ и антилеристъ былъ бы на первомъ мѣстѣ — досада всему полку. Вѣдь ихъ Карменъ совѣмъ выдохлась. Еле дошла.

— Да-аа, — беря племянницу подъ руку и выводя ее изъ палатки, — сказалъ Бетрищевъ. — Ты понимаешь теперь, почему я такъ горячо люблю нашего Василя. Отдать товарищу деньги, а у Васьки-то нашего доходы маленькіе — еще куда ни шло, деньги дѣло наживное... Но отдать честь перваго Императорскаго приза — въ послужной списокъ заносится — потерять репутацію лучшаго ѣздока, чтобы помочь въ бѣдѣ товарищу — это... Это, Вѣра, подвигъ!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Конецъ XIX вѣка былъ ознаменованъ на Дальнемъ Востокѣ событиями чрезвычайными. Огромный, дряхлый сосѣдь Россіи — Китай, съ кѣмъ Россія на протяженіи многихъ вѣковъ жила дружно и мирно, казалось, доживалъ свои послѣдніе дни. У государствъ Западной Европы зародилась мысль ускорить агонію умирающаго великана, — раздѣлить Китай. Въ этотъ раздѣлъ было рѣшено втянуть и вѣчнаго друга стараго Китая Россію, волею судьбы продвигавшуюся въ мало населенную и богатую Маньчжурію.

Началась сложная политическая игра.

Бывшій при Государѣ совѣтникомъ по китайскимъ дѣламъ князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій, снабжавшій барона фонъ Деренгофа указаніями и министръ финансовъ Витте не желали ссоры съ Китаемъ, — Дальній Востокъ былъ безъ войскъ, посольство въ Пекинѣ съ однимъ посольскимъ конвоемъ. Война требовала денегъ — Витте былъ скуповать на деньги — вводилась золотая валюта и она должна была прославить Витте. Въ сложный клубокъ назрѣвавшихъ помимо людей событій входили личные интересы и соображенія.

Начавшіеся было въ 1896-1897 годахъ, послѣ занятія нѣмцами Кіао-Чао, русскими, почти противъ воли Государя, — Портъ-Артура и англичанами — Вей-хай Вея, — разговоры о раздѣлѣ Китая заглохли. Князь Ухтомскій, слѣпо вѣря въ китайскую дружбу, сочувствовалъ въ книгахъ, статьяхъ и бршюрахъ и въ докладахъ Государю, что Россія должна держаться своего историческаго пути и сближаться съ родной и близкой ей по духу Азіей.

Профессоръ международнаго права Ф. Ф. Мартенсъ составилъ записку, въ которой писалъ: «Китайцы будутъ побѣждены, но никакая побѣда не уничтожитъ народъ въ 430 милліоновъ»... Онъ

требовалъ неприкосновенности Китая, доказывалъ, что за избіенія иностранцевъ нужно требовать только моральнаго и денежнаго вознагражденія и что нужно всѣми мѣрами поддерживать существующее правительство.

Единой, твердой линіи поведенія въ отношеніи Дальняго Востока не было... Восточно-Китайская желѣзная дорога строилась лѣниво и медлительно руками китайскихъ наемныхъ рабочихъ, оплата ихъ труда была ничтожна, обращеніе скверное, войскъ въ Маньчжуріи и на границѣ Китая не было, въ Пекинѣ дипломаты жили размѣренной, скучною жизнью внѣ реальныхъ событій.

И вдругъ... Такое «вдругъ» не только бываетъ въ плохихъ романахъ, но и въ государственной жизни, — вдругъ въ началѣ іюня 1900 года пришло извѣстіе: — посольскій городъ въ Пекинѣ окруженъ возставшими китайцами, сообщеніе пословъ съ внѣшнимъ міровъ прервано, Принцъ Гуань, родственникъ малолѣтняго Императора захватилъ въ свои руки власть, вдовствующая Императрица Це-си бѣжала съ малолѣтнимъ сыномъ и, передъ бѣгствомъ, отдала приказъ истреблять иностранцевъ.

Началось возстаніе «Большого Кулака», или, какъ еще называли китайцевъ-націоналистовъ, «боксеровъ» противъ «бѣлыхъ дьяволовъ».

Сторонники сближенія съ Китаемъ, какъ князь Ухтомскій, Витте, профессоръ Мартенсъ и другіе внушали Государю, что китайскіе націоналисты разберутся въ томъ, кто ихъ другъ и кто врагъ и не тронуть своихъ стародавнихъ друзей и сосѣдей -- Русскихъ...

Случилось какъ разъ обратное. Первый и главный ударъ былъ направленъ въ Маньчжуріи на Китайскую Восточную дорогу. На русскихъ!

Гнилою оказалась вѣковая дружба.

Горѣли станціи желѣзной дороги, склады матерьяловъ, поѣзда пускались подъ откосъ, китайцы съ необыкновенною, чисто азиатскою «китайскою» жестокостію расправлялись съ захваченными желѣзно-дорожниками, волна возстанія докатилась до рѣки Амура, и китайскіе регулярные солдаты обстрѣляли Благовѣщенскъ ружейнымъ огнемъ. Чья-то рука направляла китайцевъ на Россію, кому-то Россія стояла на Востокѣ поперекъ горла...

Въ Петербургѣ все не хотѣли вѣрить въ серьезность положенія, все надѣялись миролюбивымъ путемъ уладить недоразумѣнія и безъ воды погасить разгоравшійся пожаръ.

Англійській отрядъ адмирала Сеймура, двинутый на выручку дипломатическихъ миссій въ Пекинъ былъ обстрѣлянь у Таку, растерялся и только при поддержкѣ русскихъ моряковъ смогъ отойти къ Тянь-Цзиню. Европейскія державы рѣшили обратиться къ ближайшимъ сосѣдямъ Китая — Россіи и Японіи, и на нихъ возложить спасеніе пословъ. Остальныя державы обѣщали посильно помогать имъ.

Изъ Европы поплыли международные отряды съ десантами.

До Германіи дошли слухи объ убійствѣ нѣмецкаго посланника Кеттелера, и Императоръ Вильгельмъ II, провожая нѣмецкій отрядъ на Дальній Востокъ, сказалъ суровую рѣчь и потребовалъ «не давать пощадъ насильникамъ... желѣзнымъ бронированнымъ кулакомъ наказать ихъ»...

По странной случайности, суровыя слова германскаго Императора нашли откликъ въ душѣ умирающаго русскаго поэта, философа и пацифиста Владиміра Соловьева; онъ написалъ стихи: «Драконъ» и «Зифриду»:

«Христовъ огонь — въ твоємъ булатѣ и рѣчь
грозящая свята»...

«Передъ пастію дракона ты понялъ — крестъ
и мечъ — одно»...

Въ окрестностяхъ Тянь-Цзиня собрался международный отрядъ 12.000 японцевъ, 8.000 русскихъ, да по двѣ, три тысячи другихъ войскъ. Командованіе отрядомъ было поручено старшему изъ генераловъ германскому фельдмаршалу графу Вальдерзее.

Еще до прибытія нѣмецкихъ войскъ начались бои. 5 августа русско-японскій отрядъ подошелъ къ Тянь-Цзию, а 15 августа Русскіе Восточно-Сибирскіе стрѣлки подъ командой генерала Линевича ворвались въ Пекинъ и освободили пословъ.

Въ тѣ же осенніе дни, генераль фонъ Ренненкампфъ съ забайкальскими казаками занялъ центръ сѣверной Маньчжуріи — Гиринъ, генералы Гернгроссъ и Мищенко съ отрядами охранной стражи освободили южную Маньчжурію и взяли Мукденъ, а по сѣверной Маньчжуріи шелъ генераль Грековъ съ сибирскими казаками, помогая возстановлять разрушенную желѣзную дорогу.

«Война съ Китаемъ», казалось, была кончена.

Ураганъ, задувшій на Дальнемъ Востокѣ, въ далекомъ Желтомъ морѣ поднялъ, взбудоражилъ миллионы мельчайшихъ песчи-

нокъ, понесъ ихъ и донесъ до самаго Балтійскаго моря, до береговъ Невы.

Огромныя событія захватили людей, только-что нашедшихъ свое маленькое счастье.

Мальмсень и Марьяна живо переживали событія.

Марьяна, — прекрасная въ эти часы возбужденія и гнѣва, — говорила Мальмсену:

— Не думайте, Георгій Густавовичъ, что все это такъ просто Китаемъ и китайцами поднято... Слишкомъ умно для нихъ и непонятно... За ними англійскія деньги и оружіе, англійская дипломатія, масонская тонкая игра, еврейская ненависть къ Императорской Россіи. Имъ нужно уничтожить престижъ русскаго имени, имъ нужно выгнать русскихъ изъ Маньчжуріи, отогнать отъ Тихаго Океана. Мы наканунѣ громаднѣйшихъ событій, — и вы должны въ докладѣ, который вы готовите для моего мужа, все написать по чести и по совѣсти.

— Я-то, Марьяна Георгіевна, все это напишу, я согласенъ съ вами вполне, но какъ отнесется къ этому баронъ? Онъ весь подъ влияніемъ Витте, Ухтомскаго и нашихъ китаефиловъ... При томъ же вы указываете на масоновъ. Серьезно ли это?.. Я вотъ сколько лѣтъ живу на свѣтѣ, со сколькими людьми встрѣчаюсь, а до сихъ поръ еще ни разу не видѣлъ масона и думаю, что масоны ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ, что происходитъ на Дальнемъ Востокѣ.

— Ничего общаго?.. Напрасно вы такъ думаете. Витте — масонъ... Крупной степени масонъ... Онъ былъ такимъ яркимъ защитникомъ Китая и не онъ ли, будучи противникомъ занятія Портъ-Артура, не только подкупомъ Ли-хун-чана захватилъ Ляодунскій полуостровъ, но ведетъ туда желѣзную дорогу? Почему?.. Потому что это приведетъ, и неизбежно, къ осложненіямъ съ Японіей и это нужно англичанамъ и... масонамъ.

Мальмсень ничего не отвѣтилъ — онъ только пожалъ плечами. Не укладывалась въ его умной головѣ серьезная государственная работа съ шутовскими обрядами масонства.

Теперь, когда событія шли такимъ быстрымъ темпомъ, Мальмсень видѣлся съ Марьяной каждый день.

Кіевская «царица» покорила финляндскаго «викинга». Мальмсень и не замѣтилъ, какъ амуры опутали его ледяное сердце горячими сѣтями любви и оно растаяло...

«Мужъ царицы» твердо вѣрившій въ то, что «жена Цезаря

внѣ подозрѣній», — сталъ опасаться возраставшей близости между его женой и Мальмсенемъ и рѣшилъ принять мѣры.

Осенью 1900 года, когда боксерскій вопросъ приходилъ къ благополучному разрѣшенію, баронъ устроилъ Мальмсену командировку на Дальній Востокъ. Командировка была неопредѣленная и на неопредѣленный срокъ.

«Разлука — лучшее средство помѣшать разгорѣться пожару любви», — думалъ баронъ, напутствуя Мальмсена въ своемъ служебномъ кабинетѣ.

— Такъ вотъ-съ, — говорилъ онъ, — поѣдете на линію Китайской Восточной дороги. Да-съ, и лично убѣдитесь, что тамъ такое творится?.. Что такое эти самые «хунхузы»? Какова ихъ тактика? Познакомьтесь... и съ охранниками, войдите въ ихъ жизнь, узнайте ихъ нужды, ну и прочее и тому подобное. Такъ денька черезъ четыре и поѣжайте... По горячимъ слѣдамъ такъ сказать-съ. Ну и донесенія мнѣ, конечно, еженедѣльно... А тамъ мы увидимъ, что дальше будемъ дѣлать?.. Можетъ быть тамъ и штабъ получите. Хэ-хэ-хэ-съ... Полковничій чинъ... Карьеру, батюшка, сдѣлаете-съ.

Баронъ косилъ глазами, смотрѣлъ въ сторону мимо Мальмсена, на стѣну кабинета, гдѣ висѣла огромная рыжая карта Маньчжуріи.

Мальмсень прямо отъ фонъ Деренгофа поѣхалъ въ гвардейское экономическое общество и заказалъ себѣ все, что нужно было ему для похода. Начались быстрые сборы. Было ему не до Марьяны.

Спортивное, военное, мужское сердце Мальмсена билось сильно. Мальмсень былъ доволенъ командировкой.

На его всегда такой чистой, отлично прибранной квартирѣ, порогъ которой еще не переступала ни одна женщина, былъ передъ дорожный беспорядокъ. Новенькій кожаный «Струковскій» вьюкъ лежалъ на диванѣ въ кабинетѣ; на полу стояла «Гинтеровская» раскидная постель, въ углу лежалъ ящикъ съ бутылками шведскаго пунша, присланный ему его сестрами. Портфель, туго набитый бумагами поддерживалъ раскинутую на столѣ карту Маньчжуріи.

Мальмсень только-что услалъ съ судками деньщика въ кухмистерскую за обѣдомъ и въ разстегнутой тужуркѣ, сидя въ кожаномъ креслѣ прочитывалъ копіи послѣднихъ донесеній военныхъ начальниковъ изъ Маньчжуріи. Зимняя тишина стояла въ его

квартирѣ. Чуть слышно гудѣли разгорѣвшіеся въ печкѣ дрова, да на кухнѣ, за двѣ комнаты, безпокойно тикалъ маятникъ простыхъ деревянныхъ часовъ.

Совсѣмъ неожиданно и рѣзко брякнулъ колокольчикъ на пружинѣ. Деньщику было рано возвращаться — онъ обѣдалъ въ кухмистерской, значить, кто-нибудь чужой.

Мальмсень всталъ, лѣниво потянулся, руками пригладилъ свѣтлые волосы, застегнулъ тужурку и пошелъ отворять. Онъ отложилъ желѣзный крюкъ, распахнулъ дверь и въ изумленіи отступилъ вглубь прихожей.

На площадкѣ лѣстницы стояла баронесса Марьяна Георгіевна фонъ Деренгофъ.

II.

— Джоржи, — шопотомъ сказала Марьяна, — ты одинъ?..

Мальмсень молча кивнулъ головою и жестомъ пригласилъ Марьяну войти.

Марьяна была въ осеннемъ тепломъ «тайерѣ», обшитомъ мѣхомъ, въ боа изъ страусовыхъ перьевъ, въ маленькой шляпкѣ и въ темной вуали, скрывававшей ея лицо. Полли не было съ нею.

Мальмсень густо покраснѣлъ и тихо сказалъ:

— Входи... Я одинъ...

— А деньщикъ?

— Ушелъ на обѣдъ... Вернется не раньше, какъ черезъ часъ.

Марьяна несмѣло переступила порогъ квартиры, сама закрыла дверь и заложила ее крюкомъ. Потомъ, не раздѣваясь, быстро прошла черезъ прихожую въ кабинетъ. Мальмсень молча слѣдовалъ за нею.

Въ кабинетѣ Марьяна растеряннымъ взглядомъ оглядѣла чемоданъ и выюки и протянула руку въ длинной черной перчаткѣ Мальмсену.

— Джоржи, — сказала она мягкимъ груднымъ голосомъ. — Такъ рѣшено?.. Уѣзжаешь?..

Она замолчала, точно не зная, что сказать дальше. Она стояла подлѣ дивана съ выюками. Мальмсень стоялъ у стола и молчалъ. Наконецъ, Марьяна собралась съ духомъ и быстро проговорила:

— Джоржи, я все сказала мужу.

Лицо Мальмсена порозовѣло, сильнѣе проступили на щекахъ веснушки.

— Что, все? — глухимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Все... Что я люблю тебя... Только тебя... Что я прошу... требую развода... Что я поѣду съ тобою, куда угодно...

— Та-акъ... Что же генераль?..

— А-а-ааа, — стономъ вырвалось у Марьяны и она опустилась въ кожаное кресло подлѣ стола. — Баронъ? Онъ сначала удивился... точно не повѣрилъ, потомъ взбѣсился, сталъ кричать и вдругъ утихъ... Я думала даже — заплачетъ. Нѣтъ... Онъ, Джоржи, каменный. Онъ гордится своею сухостью. Онъ не любитъ меня. То есть... Я нужна ему, какъ... женщина... какъ незамѣнимый сотрудникъ въ его работѣ. Безъ меня онъ нуль... Языковъ онъ не знаетъ, памяти не имѣетъ, сметки, ума, нѣтъ у него — такъ одна зубрежка... Типичный «моментъ»... Онъ это все учелъ. Безъ меня онъ пропалъ. Онъ опустится до обыкновеннаго штабнаго. Станетъ — столоначальникомъ... Не больше... Вся его такая быстрая карьера будетъ сломлена.

Тонкою рукою въ перчаткѣ она ворохнула бумаги, лежавшія на столѣ.

— Все я писала, я переводила, выбирала изъ газетъ, вычитывала у дипломатовъ, у военныхъ агентовъ... Ну а онъ?.. Онъ даже въ готовомъ разобрать не могъ. Такъ онъ мнѣ...

Марьяна безпомощно опустила руки и голову.

— Онъ мнѣ сказалъ...

Замолчала.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Джоржи, ты тоже какой-то каменный. Работа, трудъ засушили насъ всѣхъ троихъ.

— Но все-таки, милая Марьяна. Все такъ неожиданно...

— Онъ сказалъ... Не дасть развода. Я вижу... Я понимаю, ни за что онъ мнѣ не дасть развода... Спросилъ холодно, дѣловито, сразу на «вы», будто о картинѣ или о собакѣ спросилъ: «Вы его очень любите»? Я сказала: «Да». Онъ подумалъ и все такъ же будто это шель разговоръ о комъ-то третьемъ, медленно и раздѣльно проговорилъ: «Я понимаю васъ. Георгій Густавовичъ хороший человѣкъ. Достойный человѣкъ. Лучшаго мужа, если бы вы были моею дочерью я вамъ и не пожелалъ бы... Но именно потому то я вамъ и не дамъ развода... Пока я живъ». И, Джоржи, я знаю его... Я изучила его. Его слово твердо. Онъ развода не дасть. Это онъ нарочно усылаетъ тебя чортъ знаетъ куда... Онъ убьетъ тебя... Я стала просить его, умолять. Сама понимала — напрасное

дѣло. Такихъ людей, какъ онъ, нельзя разжалобить, упросить. Такие люди, какъ мой мужъ...

Опять замолчала. Мальмсенъ ждалъ, что скажетъ Марьяна дальше, наконецъ спросилъ:

— Что же дальше?

— Дальше, — сухими глазами глядя сквозь вуаль, сказала Марьяна, — баронъ сказалъ, что онъ самъ пойдетъ къ тебѣ и обо всемъ переговорить. Ты понимаешь, Джоржи, что это значить... Ты любишь меня, Джоржи, по настоящему любишь?..

— Марьяна... Какъ можешь ты во мнѣ сомнѣваться?..

— Баронъ, милый Джоржи... Это...

Марьяна не договорила — въ прихожей зазвонилъ колокольчикъ. И въ самомъ его звонѣ, ровномъ, опредѣленномъ, чувствовалось, что звонить нѣкто, кто считаетъ себя въ правѣ звонить и войти въ квартиру.

Марьяна поблѣднѣла.

— Джоржи! Это онъ... Что намъ дѣлать? Это невозможно, если онъ застанетъ меня у тебя. Онъ убьетъ и меня и тебя.

— Иди въ ту комнату, запришь на ключъ. Если будетъ нужно, я скажу, что тамъ другая квартира.

Марьяна скользнула въ двери спальни Мальмсена, Мальмсенъ открылъ форточку — пахло духами Марьяны — туберозой, — раскурилъ финскую трубку крѣпкаго англійскаго табака и ровными спокойными шагами, разстегнувъ тужурку, пошелъ открывать дверь. Звонокъ повторился. Мальмсенъ, не спѣша, снялъ крюкъ и открылъ дверь.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ спокойно и твердо, — вотъ никакъ не думалъ... Я такъ заработался. Думалъ, что это деньщикъ съ обѣдомъ. Простите, что не спѣшилъ и встрѣчаю вас такъ... по домашнему. Пожалуйте, ваше превосходительство... Чѣмъ обязанъ?

— Я къ вамъ, — раздѣваясь и проходя за Мальмсеномъ въ кабинетъ, сказалъ фонъ Деренгофъ, — по дѣлу... На этотъ разъ по личному дѣлу.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваше превосходительство.

Баронъ тяжело опустился въ кресло, съ котораго только что встала его жена.

— Я васъ слушаю, ваше превосходительство... Вы разрѣшите мнѣ курить?

— Курите, пожалуйста... Какъ у васъ холодно, однако... И форточка открыта... Погода такая... Морозъ... Гололедица...

— Люблю свѣжій воздухъ, ваше превосходительство. Я закрою форточку.

Фонъ Деренгофъ посмотрѣлъ на чемоданы и выюки и закурилъ сигару, поданную ему Мальмсеномъ.

— Когда выѣзжаете?

— Когда прикажете, ваше превосходительство.

— Я думаю проѣздныя «литеры» будутъ вамъ готовы на дняхъ. Я къ вамъ, Георгій Густавовичъ, по личному дѣлу.

— Я васъ слушаю, ваше превосходительство.

— Э-э-ээ... Какъ оно... Такъ вотъ что... Моя жена сказала мнѣ, что она любитъ васъ... И э-э-ээ, вы тоже ее любите...

— Марьяна Георгіевна такая очаровательная женщина, что я думаю, ваше превосходительство, нѣтъ человѣка, который не полюбилъ бы ее.

Внутри оба кипѣли гнѣвомъ, страстью и ненавистью другъ къ другу и, чѣмъ больше эти чувства внутри владѣли ими, тѣмъ старались они быть ровнѣе и холоднѣе въ разговорѣ.

— Я это знаю. Я потому и выбралъ ее. Для себя выбралъ. Она моя жена... Вы это, надѣюсь, понимаете?

— Я понимаю, ваше превосходительство.

— А... вы понимаете это!.. Благодарю васъ хотя за это!.. Чортъ возьми! — вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ баронъ. — Ваши отношенія зашли слишкомъ далеко! Я понимаю, что любить мою жену, любоваться ею можетъ всякій! Даже на улицѣ... Но я не допускаю, чтобы моя жена кого-нибудь полюбила...

— Простите, ваше превосходительство, но это уже не отъ васъ зависитъ.

— Она моя жена!.. Чортъ васъ подери совѣмъ — она моя жена!

— То, что Марьяна Георгіевна ваша жена, не даетъ вамъ права кричать на меня...

— Но вы... вы... вы!.. Вы осмѣлились!..

— Я ничего не осмѣлился...

— Ка-акъ?.. Да она требуетъ развода! Она хочетъ уйти отъ меня и ѣхать съ вами... Чортъ возьми совсѣмъ я ничего не понимаю, какъ это она можетъ тре-бовать раз-во-да?!

— Дайте его ей...

— Что-оо?.. Да, никогда, — закричалъ фонъ Деренгофъ.

Сигара засипѣла у него во рту. Мальмсенъ молча пускалъ большіе клубы дыма. Табакъ вспыхивалъ въ глиняной трубкѣ. Оба пристально смотрѣли другъ другу въ глаза, точно оцѣнивали одинъ другого, какъ противника.

— Ну вотъ что, капитанъ, — внезапно успокаиваясь и медленно стряхивая въ пепельницу пепель съ сигары началъ фонъ Деренгофъ. — Я сознаю свою вину... Проглядѣлъ. Слишкомъ вѣрилъ и себѣ и баронессѣ... и вамъ... Выхода нѣтъ... То есть выходъ, конечно, есть и мы его съ вами найдемъ... Какъ офицеръ съ офицеромъ, какъ дворянинъ съ дворяниномъ. Мы оба люди не мягкой и пылкой, но и легко сдающей славянской расы, — мы рыцари. Въ насъ течетъ кровь людей, умѣвшихъ умирать за даму сердца. И вмѣстѣ съ тѣмъ, мы люди двадцатаго, желѣзнаго вѣка — вѣка изобрѣтеній, крови и отсутствія сентиментализма... Выходъ заключается въ томъ, что одному изъ насъ нужно уйти, устраниваться.

— Я уѣзжаю, ваше превосходительство.

— Уѣзжаете, — повышая голосъ, сказалъ фонъ Деренгофъ. — Это не рѣшеніе вопроса. Вы будете въ разлукѣ еще сильнѣе ее любить.

Мальмсенъ молча набивалъ трубку табакомъ. Онъ казалось не слышалъ того, что такъ громко сказалъ баронъ.

— Я знаю Марьяну, — продолжалъ наружно спокойно фонъ Деренгофъ. — Никого она еще по настоящему не любила. Она и за меня пошла не по любви. Вы ея первый и послѣдній. Она въ вашемъ отсутствіи будетъ еще больше любить васъ, будетъ страдать за васъ. Она будетъ писать вамъ письма, и вы будете отвѣчать ей. Любовь ваша только усилится. Разлука не есть рѣшеніе вопроса. Нужна разлука навсегда. И я имѣю право требовать именно такой разлуки. Я мужъ... Я не желаю быть обманутымъ мужемъ... Посмѣшищемъ общества... Рогоносцемъ...

— Дайте разводъ. Рѣшеніе простое и ясное... Это такъ просто теперь дѣлается. Можно сказать — въ «свѣтѣ» теперь это принято.

— Я разъ уже сказалъ, что не дамъ развода и мнѣ не нужно повторять этого. Я все понимаю... Я вовсе не такъ глупъ, какъ то думаетъ глубокоуважаемая супруга моя, Марьяна Георгиевна.

Одинъ изъ насъ, слышите, капитанъ, вамъ говоритъ вашъ генераль и вашъ прямой начальникъ, — долженъ уйти совсѣмъ и навсегда. Уйти изъ этого міра... Понимаете вы меня.

— Отлично понимаю. Вы предлагаете мнѣ покончить съ собою?

— Совсе нѣтъ... Я, баронъ фонъ Деренгофъ, и я благороденъ. Я вамъ ясно сказалъ: — одинъ изъ насъ... Я не говорилъ, что вы должны уйти.

— Вы предлагаете дуэль. Вы вызываете меня на поединокъ?

— Да.

— Станный способъ вызывать на поединокъ, ваше превосходительство. Въ такихъ случаяхъ посылають секундантовъ.

— Секундантовъ?.. А еще я считалъ васъ за умнаго человѣка. Я въ эти тяжкіе для меня часы изучилъ весь дуэльный кодексъ. Секунданты это свидѣтели того, что должно остаться между нами двумя и чего никто не долженъ знать... И притомъ — генераль вызываетъ капитана на дуэль?.. Какіе тутъ могутъ быть секунданты?

— Вы правы, ваше превосходительство. Настоящая дуэль, по всѣмъ правиламъ, по законамъ проведенная не выгодна ни для васъ, ни для меня. Для васъ... Я прекрасно фехтую на шпагахъ и на сабляхъ.

Потянувшись къ дивану, Мальмсенъ досталъ свою шашку, украшенную по эфесу золотыми вензелями Государя — призами за фехтовальный бой, и по ножнамъ призами за стрѣльбу.

— Видите, ваше превосходительство, — лучший фехтовальщикъ и одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ округа. Какіе же у васъ шансы биться со мною? Я честный человѣкъ и такой дуэли я принять не могу. Тутъ даже и случайности не можетъ быть. Въ дуэль должна быть со смертельнымъ исходомъ? Другой дуэли я не приму.

— Я тоже, — сухо сказалъ фонъ Деренгофъ.

Они говорили о дѣлѣ, которое грозило одному изъ нихъ смертью, другому, возможно, крупными неприятностями по службѣ, заключеніемъ въ крѣпость или другими лишеніями, но они говорили такъ спокойно и громко, какъ если бы это касалось общаго обѣда у Медвѣдя, или у Кюба.

— Такъ вотъ, ваше превосходительство, такая дуэль для васъ будетъ равносильна самоубійству, а для меня... Вы тоже должны понять, что то, что капитанъ убилъ генерала, да еще своего пря-

мого начальника мнѣ обойдется не очень дешево. Тутъ пахнетъ разжалованіемъ въ солдаты и ссылкой въ мѣста весьма отдаленныя. Возможно и смертною казнью... Это, знаете, шутки плохія...

— Все это, капитанъ, я учелъ... Я говорю съ вами, какъ джентльменъ съ джентльменомъ. И я предлагаю вамъ совсѣмъ иную дуэль. Таковую, чтобы никого, кромѣ насъ двоихъ она и не коснулась. Одинъ погибаетъ и уступаетъ мѣсто другому...

— Я догадываюсь... Мы люди желѣзнаго двадцатаго вѣка должны быть чужды романтики людей прошлыхъ вѣковъ. Вы, значить, хотите мнѣ предложить холодную, жестокою Американскую дуэль... На узелки. Кто вытянетъ пустой конецъ — тотъ долженъ въ опредѣленный срокъ застрѣлиться. Что же?.. Жестоко, конечно, но я готовъ принять это.

— Нѣтъ... Это не годится. Американская дуэль не рѣшаетъ вопроса. Она, правда, устраняетъ одного, но она не даетъ счастья другому. Допустимъ — смерть достанется вамъ. Что же, какъ вы думаете, будетъ любить меня Марьяна, хотя бы такъ скупо, какъ любила она меня, пока вы не стали между нами? Вашъ окровавленный трупъ будетъ всегда грезиться ей. И, если это мнѣ придется покончить съ собою — Марьяна будетъ видѣть въ васъ убійцу и вамъ не проститъ этого, въ ней много сентиментализма. Я нашелъ другой способъ... Не на узелки.

— Какой же, ваше превосходительство?.. Я ни о какихъ иныхъ способахъ не слышалъ.

— А вотъ-съ... Намъ приготовить двѣ совершенно одинаковыя по внѣшнему виду пилюли, еще лучше двѣ конфеты-драже... Но внутреннее содержаніе ихъ будетъ различное. Въ одной будетъ только миндаль съ сахаромъ, въ другой сильный ядъ, убивающій скоро и безъ видимыхъ знаковъ... Мы возьмемъ эти пилюли отъ третьяго лица, единственнаго, отчасти посвященнаго въ нашу тайну, въ день вашего отъѣзда, хотя бы на вокзалъ, во время проводовъ. И... черезъ двадцать дней, вы въ Маньчжуріи, я у себя въ кабинетъ примемъ то, что пошлетъ намъ судьба. И что удивительнаго, если заработавшійся, почтенный генераль умретъ внезапно ночью у себя въ постели. Такъ это просто и естественно, что никому и въ голову не придетъ доискиваться о причинахъ смерти и производить вскрытія и изслѣдованія. И такъ же просто и понятно, если капитанъ, послѣ утомительнаго и, можетъ быть, и опаснаго путешествія въ тяжелой, примитивной обстановкѣ Маньчжурской постовой жизни, — уснетъ и не проснется. Въ

первомъ случаѣ останется вдова — молодая вдова — и такъ естественно, если она такъ черезъ полгода, или тамъ черезъ годъ выйдетъ замужъ за сотрудника и помощника своего покойнаго мужа... Во второмъ случаѣ — да, пускай, будутъ слезы, горе, но приличія свѣта заставятъ утереть эти слезы, притушить горе и время, всеисцѣляющее время затушатъ все. И мое счастье, хотя и съ трещиной, но сохранится. Вы видите — я великодушень...

Мальмсенъ долго молчалъ.

— Что же, — наконецъ, сказалъ онъ, — какъ честный офицеръ, я долженъ согласиться съ вами — это выходитъ... Но только, откуда мы достанемъ эти таинственные пилюли-драже? Кого третьяго мы посвятимъ въ нашу тайну...

— Этимъ лѣтомъ, когда мы троимъ катались на вашей яхтѣ, вы рассказывали моей женѣ о вашихъ друзьяхъ — Ламбинѣ и Верхотуровѣ. И тогда вы сказали, что жена Верхотурова уѣхала отъ мужа, служащаго на Дальнемъ Востока и что вы помогли ей устроиться у одного профессора, специалиста по ядамъ...

Мальмсенъ задумчиво молчалъ. Наконецъ, онъ сказалъ тихимъ голосомъ.

— Да. Евгения Ивановна Верхотурова по своимъ воззрѣнιάмъ и убѣжденιάмъ способна намъ помочь въ такомъ страшномъ дѣлѣ.

— Мы ей кромѣ того хорошо заплатимъ...

— Но вы понимаете, ваше превосходительство, что ни вы, ни я не можемъ обратиться къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

— Да, какъ я вамъ и говорилъ, намъ безъ третьяго лица не обойтись. Мы можемъ этому третьему лицу и не говорить о причинахъ нашей дуэли.

— Конечно.

— Вотъ только, кого мы выберемъ? По правдѣ сказать у меня нѣтъ на примѣтѣ такого человѣка.

— Ламбинъ, — громко сказалъ Мальмсенъ.

— Ламбинъ? Вы въ немъ увѣрены?..

— Какъ въ самомъ себѣ.

— Да и у Бетрищева о немъ говорили, какъ о безукоризненномъ офицерѣ. Ума недалекаго, но говорили, что честности необычайной. Такъ вотъ, капитанъ, условьтесь сегодня же съ Ламбинымъ, когда мы могли бы оба пріѣхать къ нему и сговориться о нашемъ дѣлѣ. Онъ и будетъ, такъ сказать нашимъ секундantomъ.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Фонъ Деренгофъ поднялся съ кресла и, не прощаясь, тяже-

лыми, ровными шагами направился въ прихожую. Мальмсенъ слѣдовалъ за нимъ. Онъ не помогъ барону натянуть на погоны тяжелое на мѣху пальто. Они вѣжливо поклонились другъ другу и все такъ же, не подавая руки, разстались. Мальмсенъ открылъ дверь и остался на площадкѣ, дожидаясь, когда фонъ Деренгофъ спустится внизъ. Хлопнула выходная дверь. Струя морознаго воздуха потянула по лѣстницѣ. Мальмсенъ тяжело вздохнулъ и вернулся въ кабинетъ.

III.

Марьяна стояла въ дверяхъ спальни. Вуаль на шляпкѣ была поднята, прекрасное лицо открыто.

— Ушелъ? — тихо спросила она.

— Да.

— Совсѣмъ ушелъ?

— Я думаю... Онъ не станетъ караулить на лѣстницѣ. У него нѣтъ никакого подозрѣнія, что ты у меня.

— Да... Я барона знаю. Онъ не станетъ заниматься этимъ. — Мальмсенъ внимательно посмотрѣлъ на Марьяну. Слышала она или нѣтъ?

Въ темныхъ огромныхъ глазахъ отразились и мука, и ужасъ, и состраданіе, и любовь. Мальмсенъ не читалъ романовъ с любовною, драмою, онъ не любилъ и драматическихъ спектаклей и чуждъ былъ артистическаго міра. Но въ эти минуты онъ понималъ, что романы бывають не только въ книгахъ, что драмы переживаються не на однихъ театральныхъ подмосткахъ.

— Джоржи... Джоржи, — тихо, едва слышно сказала Марьяна. Слезы появились и сейчасъ же исчезли на ея глазахъ. Лицо исказилось мукой.

— Марьяна... Ты слышала нашъ разговоръ?

Баронесса не отвѣтила. Медлительнымъ, плавнымъ движеніемъ она натянула на лицо вуаль. Черная сѣтка съ крупными мушками скрыла лицо. Сквозь сѣтку сіяли глаза, въ нихъ блистали слезы. И не могъ Мальмсенъ понять, сіяли глаза отъ того, что пелена слезъ покрыла ихъ, или горѣли въ нихъ страшные огни невысказанной и невыплаканной печали.

Такъ, въ молчаніи, тишинѣ и неподвижности прошли томительныя долгія минуты.

— Какъ здѣсь накурено, — тихо сказала Марьяна. — Джоржи, открой форточку.

Ея голось былъ спокоенъ. Марьяна овладѣла собою.

— Присядь, Марьяна. Тебѣ душно въ теплой кофточкѣ. Разстегнись, хочешь вина?

— Вина... — точно удивляясь такому предложенію, сказала Марьяна. — Нѣтъ не надо вина. И, знаешь, я пойду. Придетъ твой деньщикъ и не хорошо будетъ, если онъ меня застанетъ... И меня дома могутъ хватиться, я ушла безъ собаки. Подумають, куда я пошла. До свиданія, Джоржи...

— Марьяна, ты слышала нашъ разговоръ?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не могла его слышать. Но я могу догадаться, о чемъ могъ говорить баронъ. Онъ жестокой человѣкъ, Джоржи. До свиданія.

— До свиданія, Марьяна.

Она медленно опускалась съ лѣстницы. На каменной площадкѣ она остановилась и, поднявъ голову, съ безкрайной любовью смотрѣла на нагнувшагося къ ней черезъ перила Мальмсена.

— *Adieu, chérie!*..

— *Au revoir...*)*

Башмачки застучали по каменнымъ ступенямъ послѣдняго марша, открылась и закрылась дверь. Мальмсенъ все стоялъ на площадкѣ, точно ожидалъ, что Марьяна вернется.

Тихими шагами Мальмсенъ прошелъ въ кабинетъ. Еще остался нѣжный запахъ ея духовъ, исчезли запахи табака. Сѣрый, ноябрьскій день былъ темень и скученъ. Легкія снѣжинки порхали въ воздухъ, упали на желѣзный зонтъ подоконника, на окна и вмѣстѣ съ морозомъ рисовали замысловатый хрустальный рисунокъ на стеклахъ. Снѣжинки влетали въ открытую форточку и падали на страницы рукописи доклада. Онѣ таяли, стирая чернила, уничтожая слова. Прошлая мысль исчезала...

Она была не нужна. Все то прошлое, чѣмъ жилъ Мальмсенъ эти послѣдніе полтора года, — ушло безвозвратно. Впереди была поѣздка и конецъ... Смерть... Мальмсенъ не сомнѣвался, что именно ему достанется пилюля, начиненная ядомъ.

*) — Прощай, дорогая. — До свиданья.

IV.

Ламбинъ кончалъ поздній завтракъ въ полковой артели. Впереди былъ длинный, скучный осенній вечеръ. Въ былое время онъ поѣхалъ бы въ Петербургъ, къ Наташѣ и они придумали бы, какъ вмѣстѣ скоротать его. Теперь некуда было ѣхать. Наташа осталась на зиму въ небольшомъ нѣмецкомъ курортѣ въ горахъ Гарца. Она писала, что ей много лучше, что къ Рождеству она навѣрно совсѣмъ поправится и будетъ учиться ходить по горамъ на лыжахъ. Она писала: «Муся уже ходитъ и изумляетъ всѣхъ нѣмцевъ своимъ искусствомъ и граціей. Ну, еще бы не изумлять: танцовка Императорскаго Петербургскаго балета! Всѣ здѣсь за нею ухаживаютъ въ мѣстечкѣ, гдѣ мы живемъ, всѣ влюблены въ нее, но она пока держится»... Слово «пока» было подчеркнуто. Читая это письмо Ламбинъ мечталъ взять на Рождество отпускъ и поѣхать хотя бы на десять дней къ Наташѣ. Зналъ, что невозможно, а все-таки мечталъ.

Офицеры одинъ за другимъ вставали изъ-за стола и выходили изъ столовой.

Поручикъ Весловскій, проходя мимо Ламбина хлопнулъ его по плечу рукою и сказалъ:

— Ламбинъ. Барскій закладываетъ банчишко. Не сядешь съ нами?..

Ламбинъ давно не игралъ въ карты. Тутъ показалось ему, что сама судьба посылаетъ возможность выиграть необходимыя для поѣздки за границу, къ Наташѣ, деньги и онъ заколебался. Онъ уже всталъ, чтобы идти за Весловскимъ, когда вѣстовой доложилъ ему, что его просятъ къ телефону изъ Петербурга.

— Переговори и приходи, — крикнулъ Ламбину Весловскій.

На телефонѣ незнакомый женскій голосъ говорилъ въ ожиданіи отвѣта:

— Алло!.. алло!.. алло!..

— Кто у телефона? — спросилъ Ламбинъ.

— А кто говоритъ — штабсъ-ротмистръ Ламбинъ?

— Такъ точно. Съ кѣмъ имѣю честь?

— Съ вами говоритъ баронесса фонъ Деренгофъ... Я говорю съ вокзальнаго телефона. Могу я съ вами переговорить сейчасъ по спѣшному и секретному дѣлу.

— Я къ вашимъ услугамъ, баронесса. Куда прикажете мнѣ прїѣхать?

— Къ сожалѣнію я не могу васъ по разнымъ причинамъ принять у меня. Я вамъ потомъ объясню почему.

— Быть можетъ мы встрѣтимся гдѣ-нибудь на нейтральной почвѣ... Въ ресторанѣ? Если хотите, на вокзалѣ?..

— Нѣтъ... нѣтъ... Это никакъ не годится. Насъ никто не долженъ видѣть и никто не долженъ ничего знать о нашемъ съ вами разговорѣ.

«Что за исторія?», — подумалъ Ламбинъ. — Сама «царица», красивѣйшая женщина Петербурга, проситъ у меня уединеннаго и тайнаго свиданія. Что бы это могло обозначать?»

— Такъ, гдѣ же вы хотите встрѣтиться? Я готовъ прїѣхать, куда вы мнѣ укажете.

— Гмм-мъ, гдѣ вы живете?

— Въ Царскомъ, на Красносельской улицѣ, въ домѣ номеръ 36, во второмъ этажѣ.

— Вы одни тамъ?

— Одинъ. Деньщика могу услатъ. Внизу живетъ ротмистръ Петровъ, онъ кажется, васъ знаетъ, но онъ уѣхалъ на охоту и раньше завтрашняго дня не вернется.

— Ротмистръ Петровъ меня не знаетъ, онъ знаетъ только моего мужа. Такъ вотъ... Могу я прїѣхать къ вамъ?.. Сейчасъ?

— Пожалуйста. Я весь къ вашимъ услугамъ.

— Такъ я сейчасъ выѣзжаю... Красносельская домъ номеръ?.. Простите, который номеръ, я не разслышала?

— Тридцать шестой. Да всѣ извошки меня знаютъ. Скажите мою фамилію — вотъ и все.

— Этого-то я и не хочу. Такъ до свиданія.

Ламбинъ повѣсилъ трубку и прошелъ къ играющимъ.

— Прошу простить, господа. Не могу. Меня вызываютъ по спѣшному дѣлу.

— Охъ! напишемъ Натальѣ Николаевнѣ, — сказала, грозя пальцемъ, Барскій, — какія-то у тебя спѣшныя дѣла завелись. Такъ что же, господа, кто что ставитъ еще?

Ламбинъ поскакалъ домой. Онъ услатъ до вечера деньщика въ экскадронъ, прибравъ свою «спартанскую» обстановку и сталъ ожидать «царицу».

«Зачѣмъ», — думаль онъ. — «По какому такому дѣлу? Сколько я слышалъ, баронесса не искательница легкихъ приключеній и мужъ ея строгонекъ и ревнивъ. Зачѣмъ же можетъ ѣхать эта неприступная красавица ко мнѣ, живущему на холостомъ положеніи офицеру?»

Ждать пришлось недолго. Не прошло и получаса, какъ по жесткому замороженному шоссе подъ окномъ застучали подковы лошади, расхлябанная, но на резиновыхъ шинахъ, пролетка подкатила къ подъѣзду. Ламбинъ открылъ двери и на лѣстницѣ встрѣтилъ баронессу.

— Мосье Ламбинъ? — негромкимъ голосомъ спросила Марьяна.

— Я къ вашимъ услугамъ, сударыня.

Баронесса была въ томъ же костюмѣ, въ которомъ была у Мальмсена. Она не подняла вуали съ лица. Какъ только Ламбинъ заперъ двери, она прошла изъ его прихожей въ скромную его комнату и, не садясь на предложенный ей Ламбинымъ стулъ, стоя въ глубинѣ заговорила спокойно и твердо:

— Я надѣюсь, мосье Ламбинъ, что все, что я вамъ сейчасъ скажу останется навсегда между нами двумя.

Ламбинъ поклонился.

— Вы можете быть увѣрены въ этомъ, сударыня.

— Я къ вамъ пришла, мосье Ламбинъ, за помощью. Что дѣлать — я васъ совсѣмъ не знаю, но вы — другъ Джоржи, — она быстро поправилась — Георгія Густавовича Мальмсена, и онъ мнѣ много говорилъ про васъ, называя образцомъ рыцарства и благородства. Благодаря Георгію Густавовичу я привыкла вѣрить вамъ и уважать васъ. Я пришла къ вамъ, чтобы просить васъ, чтобы умолять васъ спасти Джоржи... Спасти отъ смерти... Все это ужасно... Мнѣ трудно говорить вамъ, но все равно они вамъ все скажутъ... Нужно, чтобы вы раньше отъ меня все услышали..

— Садитесь, баронесса. Мнѣ совѣстно, обстановка то у меня совсѣмъ цыганская, мнѣ некуда усадить васъ.

— Ахъ, это все равно — сидѣть, стоять, все равно, — говорила Марьяна, ходя по комнатѣ и ломая руки.

Наконецъ, она остановилась въ углу у печки и сказала рѣшительно:

— Ну, все равно... Времени нѣтъ. Они могутъ каждую минуту придти сюда, къ вамъ...

— Кто?..

— Мой мужъ и Джоржи... Они рѣшили... Дуэль... Они придутъ просить васъ... секундантомъ...

— Что же дальше?

— Я не пришла бы къ вамъ, если бы это была обыкновенная дуэль. Но дуэль между ними будетъ совсѣмъ особенная, жестокая, ужасная дуэль.

Марьяна, сказавъ то, что считала самымъ главнымъ, успокоилась, овладѣла собою, подошла къ стоявшему у стола Ламбину и взяла его за руку. Не выпуская руки Ламбина изъ своей затянутой въ перчатку тонкой кисти, Марьяна ясно и точно, какъ умѣла она это дѣлать, рассказала все, что подслушала на квартирѣ Мальмсена.

— Когда кончила, точно задохнулась, не хватало у нея въ горлѣ воздуха. Стала говорить прерывисто торопливо и нервно:

— Ну да, я виновата... Конечно же, я во всемъ виновата. Я полюбила Джоржи... Я не имѣла уже права кого бы то ни было любить. Но если вы любили кого-нибудь, вы поймете меня и не осудите... Я сдѣлала все, что нужно сдѣлать въ такихъ случаяхъ... Я просила развода... Мы были бы съ Джоржи такъ счастливы... Мы уѣхали бы далеко, далеко на край свѣта... И вотъ теперь все зависить отъ этихъ проклятыхъ пилюль!

Марьяна, наконецъ, бросила руку Ламбина и сѣла на стулъ, облокотившись на край письменнаго стола. Теперь, когда все было сказано, Марьяна подняла вуаль и, глядя на Ламбина своими чарующими, прекрасными глазами, продолжала глубокимъ голосомъ. Въ немъ было столько прелести, что Ламбинъ дрогнулъ. Онъ былъ готовъ на все въ эти минуты для баронессы.

— Вы понимаете, мосье Ламбинъ, что это не можетъ быть такъ сдѣлано... Это звѣрская выдумка моего мужа и вмѣстѣ съ тѣмъ, если это мой мужъ умереть, какъ я перешагну черезъ его трупъ, чтобы соединиться съ Георгиемъ Густавовичемъ? Мнѣ страшно, мосье Ламбинъ. А, если это будетъ — онъ, мой Джоржи!? Слушайте, мосье Ламбинъ, не соглашайтесь ѣхать къ этой самой... госпожѣ Верхотуровой.

Ламбинъ стоялъ противъ баронессы. Онъ понялъ все. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Мальмсена и сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ ни Мальмсенъ, ни баронъ не уступать.

— Я думаю, баронесса, — тихо сказалъ онъ, — что это не поможетъ... Они, или сами обратятся къ ней, или найдутъ другого аптекаря, который за деньги сдѣлаетъ все, что имъ нужно.

— Да, деньги большая сила, — вздыхая сказала Марьяна. — Слушайте, мосье Ламбинь... Вот о чемъ я буду просить васъ, умолять васъ. Во имя Бога!.. Во имя той, кого вы любите, во имя вашей матери, если она жива?.. Вотъ что... Сдѣлайте такъ, чтобы пилюли, которая изготавитъ госпожа Верхотурова были одинаковыя... Обѣ безвредныя... Джоржи уѣдетъ въ Маньчжурію. Пройдетъ время, и я сумѣю добиться своего, безъ этого ужаса... Сдѣлайте такъ, мосье Ламбинь... Я на колѣни стану передъ вами. Молю васъ объ этомъ...

Казалось Марьяна и точно станеть на колѣни передъ Ламбинимъ.

Ламбинь отошелъ въ уголъ комнаты и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я не могу такъ поступить, баронесса. Это обманъ... Въ такомъ дѣлѣ... Это вопросъ чести... Нарушеніе довѣрія ко мнѣ, какъ къ офицеру... Это слишкомъ серьезно... Моя честь...

— Ваша честь!.. Да!.. Ваша честь!.. А человѣческая жизнь?.. Нѣтъ — три жизни. Тѣ, кто остается живыми никогда не забудутъ того — мертваго... Вѣдь это толкнуть на самоубійство, а нѣтъ грѣха больше самоубійства... Подумайте, мосье Ламбинь. Я васъ прошу.

— Это будетъ безчестно.

— Нѣтъ... Милостиво... благородно... Вы не будете палачомъ одного изъ нихъ! Не будете моимъ палачомъ...

Ламбинь вздрогнулъ. Судорога пробѣжала по его лицу, шея налилась кровью.

— Не оскорбляйте меня, — шопотомъ сказалъ онъ. — Мои обязанности, какъ секунданта и безъ того ужасно тяжелы.

— Простите, мосье Ламбинь. Но вѣдь это моя послѣдняя надежда. Я увѣрена, что вы разстроите этотъ дьявольскій планъ. Сумерки короткаго осенняго дня надвигались.

— Мнѣ надо ѣхать, — сказала Марьяна, вставая. — Я надѣюсь все-таки, что вы исполните мою просьбу. Для... ради Бога... для вашего товарища и друга Мальмсена. Вы не возьмете на свою душу такой большой грѣхъ. Прощайте, мосье Ламбинь и... Пощадите насъ всѣхъ...

Марьяна направилась къ выходу, Ламбинь пошелъ за нею и въ передней накинулъ пальто...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Не провожайте меня!.. Не нужно, чтобы меня съ вами видѣли.

— Я провожу васъ до станціи.

— Нѣтъ... нѣтъ... Ну кто увидить?..

— Я поѣду сзади васъ и издали буду слѣдить, чтобы вы не встрѣтили, кого вамъ не нужно встрѣчать...

— Хорошо, — останавливаясь у выходныхъ дверей, сказала баронесса, — но вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ просила.

— Нѣтъ, баронесса, я не могу обмануть тѣхъ, кто мнѣ доверится. Все что я могу вамъ обѣщать, это постараться отговорить ихъ отъ этого плана.

— Какъ знаете, — съ печалью, рѣзнувшей по сердцу Ламбина, сказала Марьяна и протянула, прощаясь руку. — Прощайте. Я думала найти въ васъ человѣка... Не только офицера.

— Офицеръ больше человѣка...

— Тѣмъ болѣе...

Ламбинъ подождалъ, когда извошикъ дожидавшійся Марьяну отѣхалъ отъ крыльца и тогда спустился внизъ къ ожидавшему его, какъ всегда, Арсенію, и приказалъ ѣхать на станцію.

Въ легкомъ морозномъ воздухѣ нѣжнымъ, серебристымъ инеемъ покрывались голыя деревья и кусты садовъ и дорожныхъ аллей. Голубой туманъ съѣдалъ дали. Ранніе огни зажглись на станціи.

Ламбинъ прослѣдилъ, какъ прошла на Петербургскій перронъ Марьяна и остался на станціи посмотреть не пріѣдетъ ли кто изъ его товарищей съ Петербургскимъ поѣздомъ.

Поѣздъ съ Марьяной ушелъ и почти сейчасъ же пришелъ встрѣчный поѣздъ — на Павлоскъ. Изъ вагона перваго класса вышло два штабныхъ офицера — баронъ фонъ Деренгофъ и Мальмсенъ.

«Какъ во-время уѣхала баронесса», — подумалъ Ламбинъ, -- «и вотъ была бы исторія, если бы они застали ее у меня».

Мальмсенъ увидѣлъ Ламбина и пошелъ къ нему.

— Здравствуй, Ламбинъ. Ты что? Собираешься ѣхать въ Петербургъ?

— Да. Но опоздалъ на поѣздъ. А ты куда?

— Ты представленъ генералу, барону фонъ Деренгофу?

— Такъ точно... Я имѣлъ честь видѣть его превосходительство у генерала Бетрицева.

— Такъ вотъ, мы къ тебѣ по дѣлу. Разрѣшишь?
Фонъ Деренгофъ подошелъ къ Ламбину и поздоровался.
— Къ вамъ можно? — сказалъ онъ.
— Прошу, ваше превосходительство.
Ламбинъ усадилъ барона въ экипажъ Арсенія.

V.

Старанія Ламбина какъ-то примирить противниковъ не привели, какъ того и ожидалъ Ламбинъ, — ни къ чему. Ночь наступила, когда фонъ Деренгофъ и Мальсенъ обо всемъ договорились съ Ламбинымъ и всѣ трое поѣхали въ Петербургъ.

— Благодарю васъ, штабсъ-ротмистръ, — говорилъ ворчливымъ баскомъ въ вагонѣ фонъ Доренгофъ, — что вы согласились принять на себя это деликатное и отвѣтственное порученіе. Я вамъ вѣрю. Вѣрю и вашей офицерской чести и честности, вѣрю и въ то, что эта самая дама исполнитъ все, о чемъ вы ее попросите? Я слышалъ, сколь многимъ она вамъ обязана. Такъ отъ души благодарю васъ.

Потомъ всѣ трое молчали. Все, что нужно и можно было сказать — было сказано въ тиши скромной комнаты Ламбина. Теперь всѣ чувствовали себя неловко, какъ судьи, только что вынесшіе смертный приговоръ и всѣ были рады, когда, наконецъ, разстались на подъѣздѣ Петербургскаго вокзала и на трехъ извозникахъ поѣхали по разнымъ направленьямъ.

Ламбинъ отправился къ Верхотуровой.

Евгенія Ивановна жила въ глухомъ кварталѣ Петербурга, недалеко отъ Александро-Невской Лавры въ короткой и темной улочкѣ, состоявшей на половину, изъ рѣдкихъ уже въ Петербургѣ, деревянныхъ домовъ.

По лѣстницѣ, покрытой грязнымъ, рванымъ ковромъ Ламбинъ поднялся во второй этажъ и позвонилъ.

За дверью раздались тяжелые шаги, невидимая рука отложила крюкъ, дверь открылась, шурша клеенчатой обивкой и въ свѣтѣ керосиновой лампы въ просто убранной прихожей, гдѣ на вѣшалкѣ висѣли гимназическое пальто и бѣдная шубка дѣвочки, появилась Евгенія Ивановна.

— А поздній, небывалый гость... — сказала она, ставя жестяную лампу на столъ. — Конечно не безъ дѣла... Зачѣмъ пожаловали, милый шаферъ и благодѣтель?

Она помогла раздѣться Ламбину, повѣсила его пальто подлѣ шубки и, провожая Ламбина къ себѣ въ кабинетъ, служившій ей спальней говорила, не умолкая.

— Пожалуйте ко мнѣ. Вѣроятно по тайному и секретному дѣлу. Дѣти спятъ, да имъ и не слышно. Нашалили, вѣрно, неосторожно, Вадимъ Петровичъ, испортили дѣвчоночку и нужно абортшко сдѣлать... Что же и скрывать отъ васъ не стану, милый вы человѣкъ... Дѣлаю и это... Не за деньги, а изъ протеста противъ несправедливаго закона... Вижу — запуталась какая барынька — либо ядъ приметъ сама, либо мужъ до смерти забьетъ — тутъ, — сами изволите видѣть, — какъ не помочь? Вѣдь нужно... Вашъ братъ развѣ щадитъ, развѣ думаетъ о послѣдствіяхъ? Рискую тюрьмою, рискую, а дѣлаю... По человѣчеству дѣлаю... Нельзя не спасти дѣвушку, попавшую въ сѣти. Вѣдь вашъ братъ... Хорошо поетъ собака, умилительно поетъ». Обворожите, а та, дура, и сама не понимаетъ на что идетъ. Ну и спасаю... Не такъ ли, Вадимъ Петровичъ?

— Простите, Евгенія Ивановна, — наконецъ, перебивая Верхотурову, сказалъ Ламбинъ, — я къ вамъ совсѣмъ по другому, очень сложному, трудному и сверхъ тайному дѣлу. Опасному для насъ всѣхъ.

— Вотъ такъ... такъ! Ничего не понимаю. Садитесь въ такомъ случаѣ, покалякаемъ. Если сложное и пришли все-таки ко мнѣ — значить, мнѣ по силамъ. Труда не боюсь... Тайна?.. Такъ чего уже болѣе тайнаго, когда дѣвушка идетъ ко мнѣ со своимъ первымъ грѣхомъ... «Матушка Евгенія Ивановна, выручи, спаси. Вѣкъ за тебя Бога буду молить».. Такъ — убейте меня, — а не выдамъ... Вотъ я какая, — засмѣялась Евгенія Ивановна. — Ну а опасное, такъ я и опасности люблю. Кровь полируетъ, а то безъ волненій то, вашею милостію, на спокойномъ дѣлѣ, видите, какъ меня разнесло. Самой на себя стыдно смотрѣть въ зеркало. Такъ я васъ слушаю.

Не называя именъ и точныхъ обстоятельствъ, Ламбинъ разсказалъ, что ему нужно.

— Такъ... такъ... Два дикихъ козла подрались за самочку, а самочка смотритъ на нихъ, кто моль, кого, какъ въ анекдотѣ

французскомъ говорится: — «je — tu, ou tu je»?..* Глупо, конечно, для людей, а бываетъ. Военные, конечно?.. Офицеры?

Ламбинъ промолчалъ.

— Ну, да, конечно. Отрыжка средневѣковаго рыцарства. Что же, Пушкина, поэта убили изъ-за красивой жены. Бываетъ... Только уже очень все хитро у васъ придумано. Пилюли-драже... А попадемся? Кто даль?.. Откуда достали?.. Евгенія Ивановна Верхогурова отвѣчай. Уголовное дѣло мнѣ предлагаете.

— Люди оба богатые и вамъ заплатятъ все, что ни спросите. Евгенія Ивановна замахала полными бѣлыми руками.

— И говорить не смѣйте объ этомъ... Такія дѣла не покупаются. Если и сдѣлаю — такъ только для васъ сдѣлаю; очень много вы мнѣ въ свое время помогли. Видите... Подумать нужно... Все это, конечно, возможно. И яды стойкіе такіе есть, что и не двѣ недѣли, а хотя и годы, такъ не испортятся. Зло всегда прочно... И во всемъ. И драже приготовить не трудно... Только вотъ... Зачѣмъ?..

Ламбинъ молчалъ. Онъ и самъ въ душѣ былъ противъ этого дѣла.

— Видите, Вадимъ Петровичъ, — послѣ нѣкотораго молчанія сказала Евгенія Ивановна. — Я сдѣлаю то, что вы просите. За пилюльками пожалуйста завтра въ это же время. Дѣлаю это не потому, что считаю себя много обязанной вамъ, а по убѣжденію. Присутствующіе, какъ говорится, исключаются. Уже очень не люблю я вашего брата — военщину. Сынь скоро офицеромъ будетъ, а терпѣть васъ всѣхъ не могу... Ну и понимаю — самцы изъ за самки. Дѣло житейское... И самочкѣ разрѣшить нужно, съ кѣмъ ей жить... Конечно, дуэль куда красивѣе была бы... Тамъ побѣдитель — герой. Ну да, если уже иначе, какъ вы говорите, нельзя, дамъ вамъ я пилюльки... Только будетъ ли самочка-то довольна? Это вѣдь не трепетная лань, которая посмотреть на убитаго соперника равнодушными глазами и пойдетъ съ болѣе сильнымъ и счастливымъ побѣдителемъ заниматься продолженіемъ оленьяго рода. Тутъ вѣдь помимо влеченія сердечнаго, говорятъ, есть еще и душа. Какъ она ляжетъ-то въ постельку съ побѣдителемъ? Да и какой чортъ онъ побѣдитель! Просто дуракамъ всегда повезетъ. Счастливый жребій вытянулъ — какой тутъ уже

*) Неправильно сказанное — «ты меня, или я тебя».

героизмъ... А ей все между нею и счастливиномъ отравленный покойникъ мерещится будетъ. Это, надѣюсь— vous comprenez.*)

И это Ламбинъ отлично понималъ, но онъ опять промолчалъ.

— Не смѣю васъ больше беспокоить, — наконецъ, сказалъ онъ. — Часъ поздній.

— Да — первый часъ ночи. Будь я моложе, красивѣе — что обо мнѣ подумаютъ, скажите пожалуйста! Къ соломенной вдовѣ какой красавецъ гусаръ ночью забрался. Такъ завтра въ девять прїѣзжайте, получить роковыя пилюли.

VI.

На другой день Ламбинъ получилъ отъ Евгеніи Ивановны маленькую красивую коробочку, въ ней на розовой ватѣ, какъ два невинныхъ младенца лежали двѣ конфеты-драже, совсѣмъ такія, какія подаютъ во Франціи гостямъ на крестинахъ.

— Все-таки, Евгенія Ивановна, — смущенно сказалъ Ламбинъ, — я вамъ что-то долженъ?..

Верхотурова засмѣялась.

— Если уже такъ хотите — двугривенный за коробку, за вату, за миндали и за упаковку, — сказала она.

Черезъ день Ламбинъ былъ въ числѣ провожавшихъ на Николаевскомъ вокзалѣ подлѣ Сибирскаго поѣзда. Мальмсена провожали исключительно мужчины — офицеры. Ни одной дамы, ни одного штатскаго не было въ толпѣ сѣрыхъ шинелей и пальто. Когда уже время подходило къ отправленію поѣзда и пробило два удара предпоследняго звонка, Ламбинъ попросилъ генерала фонъ Деренгофа и Мальмсена въ сторону.

— Ваше превосходительство, Вадимъ Петровичъ, могу я васъ попросить на два слова, — сказалъ онъ.

Заслонившись отъ другихъ провожающихъ своею широкою Николаевскою шинелью съ бобрами Ламбинъ подаль генералу и Мальмсену коробочку и раскрылъ ее.

*) Вы понимаете.

— Черезъ двадцать дней, — сурово и торжественно сказалъ онъ, — 20 декабря, ровно въ полночь, благоволите каждый изъ васъ проглотить ту пилюлю, которую вы вынете. Да свершится судъ Божій, какъ мы условились...

Два плоскія драже лежали на розовой ваткѣ. Мягкій свѣтъ черезъ стеклянную крышу вокзала падалъ на нихъ. Фонъ Деренгофъ и Мальмсенъ одновременно потянулись къ коробочкѣ. Толстые пальцы барона столкнулись съ тонкими загорѣлыми пальцами Мальмсена. Пилюли были взяты, бережно завернуты въ поданныя Ламбинимъ прозрачныя тонкія бумажки и спрятаны въ бумажники. Ламбинъ положилъ коробочку въ карманъ и всѣ трое направились къ провожающимъ.

— Такъ значитъ, какъ рѣшено, — громко сказалъ спокойнымъ голосомъ Мальмсенъ. — Счастливо оставаться, ваше превосходительство. Прощайте, господа.

Десятокъ рукъ потянулся къ Мальмсену.

— Прощай, Георгій, — сказалъ Ламбинъ, — дай мнѣ обнять тебя...

— Спасибо!..

Ударилъ звонокъ три удара и со вторымъ Мальмсенъ легко вскочилъ на подножку вагона.

Еще и еще разъ потянулись руки для послѣднихъ рукопожатій. Замахали фуражками. Оберъ-кондукторъ залился свисткомъ. У замороженнаго окна показалось румяное, улыбающееся безпечной улыбкой лицо Мальмсена. Баронъ фонъ Деренгофъ, опустивъ голову, пошелъ отъ поѣзда.

Мягко и неслышно тронулся поѣздъ огромныхъ, тяжелыхъ вагоновъ, точно поплылъ изъ-подъ стекляннаго навѣса.

Долго и гулко свистѣлъ паровозъ, наполняя клубами бѣлаго пара вокзалъ, быстро уходили вагоны и скрылись въ снѣжной мглѣ туманнаго зимняго утра.

VII.

Кто-то незамѣтно для Ламбина, бережно и осторожно заботился о немъ, любовно отвлекая отъ мыслей о Наташѣ.

Письма изъ Гарца приходили все рѣже. Наташа писала своимъ тонкимъ, безъ нажима, почеркомъ, красивыми крупными бук-

вами всего нѣсколько словъ. Видно трудно было ей писать, а писать некрасиво не хотѣла.

«...Поправляюсь... Крѣпну... Живительный горный воздухъ Гарца излѣчиваетъ меня. Мечтаю даже о лыжахъ... Хочу подняться на Катценбергъ. Говорятъ видъ оттуда красивый... Легкій здѣсь воздухъ. Часами лежу у раскрытаго окна. Закутаюсь — и холода не ощущаю... Тоскую страшно... По Россіи, по тебѣ, по сценѣ... Какъ-то буду теперь танцовать? И попробовать боюсь...»

Къ письму было приложено письмо Муси. Не такъ и не то писала вѣрная подруга Наташи. Писала почеркомъ, о которомъ сама говорила: «писала писака — не разберетъ и собака». — «Не стану скрывать отъ, тебя, Вадимчикъ, таетъ Наталочка. Весела, какъ ребенокъ, не чувствуетъ, кто стоитъ за ея плечами. Все ее радуетъ. А крови остановить не можемъ. Ночью закашляется — страшно, что задохнется... Долго и отдышаться не можетъ. Все-таки хорошо, что здѣсь — тутъ воздухъ и уходъ... Ну, не буду тревожить тебя — все въ рукахъ Божіихъ. Если до весны дотянетъ, то доктора говорятъ можетъ быть, и поправится...»

Отъ этихъ писемъ, отъ мыслей тревожныхъ, печальныхъ, безнадежныхъ, отъ тоски по утерянномъ короткомъ счастьѣ невидимыя силы отвлекали Ламбина.

Тяжелы были ему среды и воскресенья, когда въ Маріинскомъ театрѣ шли балеты и когда обычно Ламбинъ ѣздилъ въ театръ любоваться своей Наташей. И вотъ тутъ-то вдругъ задумалъ генераль Бетрищевъ устраивать у себя по средамъ вечеромъ собранія для разговоровъ по кавалерійскимъ вопросамъ. Сталъ звать и Ламбина съ Петровымъ, и Петровъ уже непременно вытаскивалъ Ламбина въ Петербургъ на эти вечера.

— Нельзя, mon cher, генераль обидится. Нельзя огорчать нашего старика.

На вечерѣ пять, шесть человекъ, все офицеры. За чайнымъ столомъ, за самоваромъ Вѣра. Она свободна по средамъ. Изящная, по-прежнему — молодая, съ такими же сверкающими глазами, какіе были у нея въ ту раннюю весну жизни Ламбина, когда встрѣтились они, не зная другъ друга, на берегу моря въ Гунгербургѣ, всегда красиво и модно одѣтая, съ блестящими волнами темныхъ волосъ, Вѣра сидитъ за самоваромъ, какъ добрая хозяйка.

— Вадимъ Петровичъ, вамъ крѣпкій или слабый?.. Василій Александровичъ, вамъ, я знаю, побольше рома, поменьше чая...

Чай разлить, за столомъ закипаетъ незамѣтно разогрѣваемый Бетрищевымъ разговоръ. Офицеръ генеральнаго штаба читаетъ докладъ. И начинается бесѣда.

— Такъ вы думаете, полковникъ, война неизбѣжна?

— Ну что вы?.. Гдѣ? Какая война?

— Да на востокъ, господа. Тамъ, гдѣ нѣтъ у насъ ни крѣпостей, ни войска, ни флота...

— Что же опять, что ли китаезы поднимутся... Такъ ихъ можно и палками разогнать, какъ злыхъ собаченокъ.

— Какіе тамъ китаезы! Съ японцами!

— Неужели Россіи еще и япошей бояться?..

— А вы думаете, что тамъ тѣ самые японцы, кого Гончаровъ описывалъ въ «Фрегатъ Палладѣ». За эти пятьдесятъ лѣтъ тамъ все переѣнилось. Выросла новая, сильная, воинственная нація. Какой флотъ! Какая изумительная пѣхота. И какой патриотизмъ.

— Подумаешь... Скажите лучше: какія гейши?..

— Оставьте, Весловскій. Тутъ не до шутокъ.

Но веселый поручикъ расшалился. Подойдя къ открытому роялю и, наигрывая на немъ, онъ запѣлъ модный куплетъ изъ оперетки «Гейша»!

— Оставьте, Пашка, не дури...

— И еще въ присутствіи Вѣры Михайловны! Какая смѣлость, какая дерзость.

Весловскій отходить отъ рояля и церемонно кланяясь Вѣрѣ, говорить:

— Прошу простить, но думалъ, что вамъ мотивъ сей неизвѣстенъ.

— Нѣтъ. Очень даже извѣстенъ... И знаете, я съ удовольствіемъ спѣла бы роль Мимозы-сань.

— Что вы, Вѣра Михайловна, оперетка...

— Но сколько граціи...

— Весловскій, вы нарушили нашу бесѣду. Мы говорили о войнѣ, о роли въ ней кавалеріи, а вы объ опереткѣ.

— Это я виновата, — говоритъ Вѣра.

Бетрищевъ возвышаетъ голосъ.

— Кавалерія! — говоритъ онъ, — напрасно думаютъ, что кавалерія сыграла свою роль и именно съ такимъ народомъ, какъ японцы она можетъ блистательно себя показать... Японцы при всей своей нѣмецкой муштровкѣ все-таки азіаты — люди чувства.

— Но и порыва.

— Совершенно съ тобою согласенъ, Василій Александровичъ,
— порыва. Но вотъ, когда ихъ пѣхота сломить нашу пѣхоту...

— Ваше превосходительство, ужели вы считаете это возможнымъ?

— Никогда, ваше превосходительство.

— Нужно считаться и съ этимъ обстоятельствомъ. Такъ вотъ, когда она сломить нашу пѣхоту, вотъ тутъ-то безчисленными жидкими волнами, молча, или съ леденящимъ душу дикимъ казачьимъ гикомъ нужно массаи броситься навстрѣчу идущимъ японскимъ пѣхотинцамъ. Они надломлены тяжкимъ боемъ, патроны на исходѣ, съ каждымъ шагомъ они удаляются отъ своей базы, ихъ батареи еще не переѣхали на новыя позиціи, части перемѣшаны и тутъ на нихъ несутся бѣшенными волнами тысячи всадниковъ...

— Для этого, — тихо говоритъ Петровъ, — нужны начальники...

На мгновение наступаетъ тяжелое молчаніе.

Въ тишину примолкшихъ за столомъ гостей входитъ голосъ полковника генеральнаго штаба. Онъ говоритъ тихо, чуть слышно:

— Ихъ нѣтъ!

— Ихъ нужно создать, — внушительно и твердо говоритъ Бетрищевъ.

Снова прыгаетъ, срывается, то умолкаетъ, то загорается волнующій разговоръ о будущей, о возможно уже грядущей, близкой войнѣ.

Вѣра пригласила Ламбина сѣсть подлѣ нея въ углу за раскидистой пальмой-музой небольшого столика съ альбомами фотографій.

— Вадимъ Петровичъ, — тихо говоритъ Вѣра. — Вы свободны въ это воскресенье вечеромъ?

— Да.

— Я имѣю передать вамъ приглашеніе.

— Отъ кого?

— Отъ одного большого челоуѣка. Отъ одного генерала — знаменитости. Вы слышали?

Вѣра называетъ фамилію.

— Ахъ это тотъ, про кого говорятъ: «лучшій фортификаторъ между музыкантами и лучшій музыкантъ между фортификаторовъ»...

— Не шутите, Вадимъ Петровичъ. Это неправда. Мой дядя считаетъ генерала выдающимся военнымъ инженеромъ, онъ профессоръ въ двухъ академіяхъ, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ, а что касается до музыки, то онъ не только авторъ многихъ тонкихъ романсовъ, гдѣ въ русскихъ словахъ Пушкина, графа Алексѣя Толстого, Апухтина, Фета, Некрасова сквозить чисто французская грація и итальянское бельканто, но и оперы его «Сынъ мандарина» и та, которая теперь ставится, — «Капитанская дочка» написаны искусно, а въ послѣдней такіе народные хоры, что просто удивляешься, какъ могъ онъ, по существу иностранецъ по крови, проникнуть такъ въ душу русскаго народа. Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ и онъ — новаторы въ оперномъ искусствѣ и какъ всѣ новаторы подвергается злобной критикѣ затхлыхъ устарѣлыхъ цѣнителей и неудачныхъ музыкантовъ.

— Вы меня пугаете, Вѣра Михайловна. Какъ же я полѣзу туда? Вѣдь это опять, какъ нѣкогда сказалъ я вамъ, когда писалъ въ вашъ альбомъ «съ суконнымъ рыломъ — в калашный рядъ»...

— Полноте, Вадимъ Петровичъ, вы теперь такой постоянный посѣтитель оперы да такъ таки ничего и не можете понять въ музыкѣ?

— Я, Вѣра Михайловна, если хотите даже и понимаю нѣчто и это нѣчто пугаетъ меня.

— Пугаетъ? Опера пугаетъ васъ?

— Да, Вѣра Михайловна, пугаетъ.

— Но, почему?

— Видите... Не знаю, съумѣю ли сказать вамъ все... Это очень сложно. Вы помните въ Сумволѣ вѣры говорится «видимымъ же всѣмъ и невидимымъ». Есть тутъ, совсѣмъ подлѣ насъ, какой-то невидимый нами міръ... Міръ духовъ... Свѣтлыхъ или темныхъ --- это все равно. Такъ вотъ иногда въ оперѣ, въ серьезной оперѣ... Въ «Фаустѣ», когда вы поете: «Въ Оулѣ жилъ, да былъ король», а еще того болѣе въ операхъ Вагнеровскихъ, въ «Золотѣ Рейна», и въ другихъ этого цикла, когда такъ грозенъ и мощенъ оркестръ, послушный единой волѣ капельмейстера, когда голосъ вашъ или какого-нибудь пѣвца сливается съ инструментами, когда весь многотысячный театръ вдругъ затихнетъ и замретъ въ какомъ-то священномъ молчаніи, мнѣ вдругъ покажется, что кромѣ насъ, людей, видимыхъ существъ, тутъ появятся еще и какіе-то «неви-

димые» и создадутъ въ нашихъ душахъ извѣстное настроеніе... Потомъ заплещутъ апплодисменты, заговоритъ, задвигается въ антрактъ толпа и это исчезнетъ, точно испуганные духи улетятъ куда-то... Въ свое четвертое измѣненіе.

— Странно... Да, вы правы, что-то есть въ музыкѣ не отъ здѣшняго міра.

— И не только въ музыкѣ, Вѣра Михайловна, но и въ математикѣ, которая, если хотите, такъ же ритмична, какъ и музыка и повинуется тѣмъ же таинственнымъ законамъ. Такъ было со мною въ старшихъ классахъ военной гимназіи... Пока это была арифметика, алгебра, геометрія съ планиметрией и стереометріей, я ничего не замѣчалъ, но, когда познакомился съ таинственной системой логарифмовъ, когда прикоснулся къ величинамъ бесконечно-большимъ и бесконечно малымъ, когда на сцену вышли жуткіе интеграль съ дифференціаломъ, когда появились кривыя второго порядка — я почувствовалъ жуть въ сердцѣ, точно шагнулъ куда-то въ иной міръ, въ міръ невидимый, но міръ исключительной гармоніи.

— Да, можетъ быть, вы правы... Но математики я не изучала такъ, какъ вы.

— И я только до извѣстнаго предѣла. Въ училищѣ мы мало интересовались ею, изучали ее въ «бѣлыхъ перчаткахъ» и считали «сугубой наукой», намъ совсѣмъ не нужной... Такъ, какъ же я пойду такъ просто къ генералу?.. Ему визитъ нужно сдѣлать? Когда?

— Заѣдете какъ-нибудь и распишитесь въ книгѣ у швейцара. Всѣ такъ дѣлаютъ. Мой генераль чуждъ формализма и «генералина».

Ихъ серьезный разговоръ кончился. Это было первый разъ, что Ламбинъ затронулъ такіе серьезные вопросы и нашель внимательную и понимающую его слушательницу.

Другой, еще болѣе серьезный и глубокой разговоръ шель у круглаго стола гостиной. Говорилъ Бетрищевъ и, что рѣдко съ нимъ случалось, — говорилъ о будущемъ.

— Война, господа, не тѣмъ страшна, что она несетъ большія людскія жертвы, но страшна она тѣмъ, что послѣ нея происходитъ извѣстный сдвигъ въ человечествѣ, цѣлые классы отмираютъ, имъ на смѣну идутъ новые и, дай Богъ, чтобы эти новые были разумны...

— Но, ваше превосходительство, такъ прекрасна и величественна и великодержавна Россія. И... Красива... — сказалъ Петровъ.

— Великодержавна... Красива... А вотъ я, стоящій на закатѣ своей жизни, освѣщенный розовыми лучами уходящаго солнца, съ вершины долгой своей жизни вижу, что удержать эту великодержавность и эту нашу русскую красоту невозможно... «Alles was entschteht muss auch zu Grunde gehen»...*) И у Державина: «Рѣка времянь въ своемъ теченьи уноситъ всѣ дѣла людей и топить въ пропасти забвенья народы, царства и царей». Война ускорить это. Явится на смѣну намъ иное племя... Помните какъ сказалъ Пушкинъ въ Элегіи: «Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ», «здравствуй племя младое, незнакомое!» Наше старое прекрасное становится невозможным... Будущее должно внести въ жизнь больше справедливости и... равенства. Красота нашего прошлаго и пока еще и настоящаго требуетъ для процвѣтанія своего ограниченнаго, избраннаго класса особыхъ условий. Она должна стоять на почвѣ, уваженной многочисленными, безгласными потными рабами... Не дай Богъ, если рабы заговорятъ раньше времени, если они начнутъ голосовать по вопросамъ имъ недоступнымъ, имъ непонятнымъ. Ихъ нужно раньше приобщить къ нашимъ умственнымъ и художественнымъ богатствамъ. Если этого не будетъ сдѣлано заблаговременно — это поведетъ къ неизбежному пониженію умственному и эстетическому уровню народа. Вотъ, что мнѣ страшно, а не то, разобьемъ мы японцевъ или они насъ разобьютъ изъ-за нашей неподготовленности и нашего легкомыслія.

Сидѣвшій въ сторонѣ отъ другихъ и курившій трубку англійскаго вонючаго табака, худой и блѣдный кавалергардскій ротмистръ, съ болѣзненнымъ лицомъ, всталъ и, подходя къ Бетрищеву, негромко сказалъ:

— Неподготовленность и легкомысліе... Это имѣетъ свои причины. Я не поручусь вамъ, ваше превосходительство, что Куропаткинъ не масонъ, такъ же какъ и Витте...

— Ну тогда, — авторитетно сказалъ штабной полковникъ, читавшій докладъ, — войны намъ не избѣжать и она будетъ нами, несмотря на всю доблесть войскъ, проиграна.

Въ гостинной наступило тягостное молчаніе.

*) Все то, что зарождается — должно уйти подъ землю (исчезнуть).

VIII.

Какъ только Ламбинъ въ воскресенье вошелъ въ полутемную большую гостиную композитора-генерала онъ ощутилъ вокругъ себя вѣяніе «невидимыхъ». Точно не ожидали они, когда раздадутся магическіе звуки музыки и пѣнія, чтобы появиться, но всегда здѣсь жили, хозяевами здѣсь были. Будто постоянное напряженіе музыки, бывшее здѣсь, ея творчество осталось и застыло въ самыхъ стѣнахъ просторной комнаты. Черныя точки и черточки набрасывавшіяся нервною рукою на тонкія частыя линейки, сопровождаемая язычками, подобными флюгерамъ уланскихъ пикъ, закрѣпили невидимыхъ здѣсь и они остались, не ушли.

Гости — ихъ было человекъ двадцать, — не говорили, или, если и говорили, то тихими голосами, какъ говорятъ въ храмѣ; въ большой гостиной горѣла только одна лампа, стоявшая на кругломъ столѣ и накрытая темнымъ абажуромъ такъ, что освѣщала она только столъ, а лица сидѣвшіе за столомъ были въ мягкомъ полумракѣ. Двѣ свѣчи были зажжены на большомъ открытомъ «концертномъ» роялѣ. Подлѣ рояля сидѣлъ самъ хозяинъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ погонами. У него было лицо, обросшее неровною рыжеватою бородою. Въ темномъ углу, за роялемъ стояла большая арфа и передъ нею сидѣла дѣвушка. Золото арфы отблескивало отъ свѣта свѣчей. Дѣвушка настраивала арфу и брала плавные нѣжные аккорды, усиливая настроеніе чего то особаго, не похожаго на то, что бывало въ гостиныхъ, гдѣ приходилось бывать на вечерахъ Ламбину.

Ламбинъ пріостановился въ дверяхъ. Вѣра подошла къ нему и подвела его къ пожилой дамѣ, сидѣвшей на диванѣ — гнеральштъ и представила ей, потомъ подошла съ нимъ къ генералу.

Генераль подалъ сухую мягкую руку и сказалъ ласково и пріятливо:

— Мы съ вами немного знакомы. Я всегда люблюсь вами на скачкахъ.

Жестомъ пригласивъ Ламбина садиться, гдѣ ему угодно, генераль обратился къ Вѣрѣ.

— Можетъ быть, Вѣра Михайловна, начнемъ?.. Ровно девять

— Хорошо, Цезарь Антоновичъ, — сказала Вѣра. — Я посмотрѣла ваши романы. Они очень трудные.

— Для васъ?

— Да и для меня. Мнѣ нужно раньше распѣться, и я хочу начать вотъ съ этого.

Вѣра сняла съ рояля тетрадку нотъ и показала ее генералу.

— Охота вамъ... Слащавый нѣмецкій... едва не вальсъ... Но, какъ хотите, я не смѣю вамъ прекословить.

Вѣра стала спиною къ роялю, лицомъ къ гостямъ и опустила руки вдоль тѣла. Неуловимо милое, чистое, дѣвичье, юное было въ ея позѣ. Дѣвушка, настраивавшая арфу бросила струны. Послѣдній аккордъ замеръ подъ потолкомъ. Полная тишина наступила въ гостиной. Всѣ разговоры смолкли.

Ламбинъ, сидѣвшій въ креслѣ подлѣ дивана, почувствовалъ, какъ мураши пробѣжали по его тѣлу, зашевелились у корней волосы, «невидимые» окружили его и понесли съ собою.

IX.

Полный, звучный, Вѣринъ голосъ разомъ наполнилъ всю комнату, раздвинулъ ея стѣны, убралъ потолокъ и понесся къ самому небу.

...Stell auf den Tisch die duftenden Reseden
Die letzten roten Aestern trag herbei
Und lass uns wieder von der Liebe reden,
Wie einst im Mai!..*)

Едва Вѣра кончила — высокій, красивый человекъ съ тонкими чертами бритаго лица, въ черномъ штатскомъ сюртукѣ точно сорвался съ кресла въ глубинѣ комнаты и неслышными шагами подошелъ къ Вѣрѣ...

— Такъ спѣть Лассена! — сказалъ онъ, манерно выговаривая каждую букву. — Вѣра Михайловна, вы поняли то, чего никто изъ

*) Поставь на столъ душистыя резеды,
Послѣднихъ красныхъ астръ кинь вокругъ
И о любви мы поведемъ бесѣды,
Какъ в, маѣ — другъ...

нашихъ артистовъ не только не понимаетъ, но и понять не желаетъ. Твержу, пишу, приказываю, наконецъ, что не только музыка сама въ себѣ, но и музыка словъ, болѣе того музыка буквъ, нужны въ пѣніи и артисты должны это понимать!.. И вотъ вы это поняли. Я увѣренъ, что самъ авторъ не подозревалъ этой мощи и силы въ двухъ «Ш» «Stell» и «Tisch», въ этихъ бѣгущихъ и повторяющихся, нѣжныхъ «Е» — «duftenden Reseden». Вѣдь чувствуешь ароматъ цвѣтовъ въ самыхъ буквахъ. Это сила ритма. Я восхищенъ, Вѣра Михайловна, вы искренно порадовали меня, борца за ритмичность и могущество звука человѣческой рѣчи и пѣнія.

— Я рада, князь, что угодила вамъ. Я знаю, какъ это трудно.

Чувство ревности охватило Ламбина. Ему показалось, что Вѣра была слишкомъ тронута похвалами этого князя.

— А теперь, господа, — сказалъ генераль, — мое, прошу любить и жаловать.

Ноты были сняты съ пюпитра. Генераль и Вѣра знали вещи на память.

*
**

Да это и точно были «невидимые», что вдругъ взяли Ламбина и изъ сумрачной Петербургской гостиной вдругъ перенесли въ Крымъ, въ медовый мѣсяцъ любви къ Наташѣ, посадили, какъ тогда, на лошадь и понесли вдоль синяго, синяго моря. Вѣра пѣла. Нѣтъ, не пѣла она, но точно и полно рисовала картины прошлаго, уничтожая преграды прошедшаго, дѣлая бывшее продолжающимся:

Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло,
Въ шиповникѣ пѣлъ соловей,
Душистыя вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпкѣ твоей...

Межъ камней, обросшихъ густымъ виноградомъ,
Дорога была такъ узка;
Въ молчаньи надъ моремъ мы ѣхали рядомъ
Съ рукою сходилась рука.

Ты такъ на сѣдлѣ нагнбалась красиво,
Ты алый шиповникъ рвала;
Буланой лошаdkѣ косматую гриву
Съ любовью ты имъ убрала;

Одежды твоей непослушныя складки
Цѣплялись за вѣтви, а ты...
Безпечно смѣялась... Цвѣты на лошаdkѣ,
Въ рукахъ и на шляпкѣ — цвѣты...*)

Смѣялись слова, въ ритмъ быстрому шагу горскихъ, татарскихъ лошадей бѣжали звуки совершеннѣйшаго по красотѣ голоса. Вѣра смотрѣла на Ламбина. Точно, и правда, для него она пѣла. Въ зеленовато-голубыхъ глазахъ загорались и потухали огни и щемящая боль о невозвратно ушедшемъ охватывала Ламбина и казалось ему, что Вѣра чувствуетъ эту боль и хочетъ помочь ему...

Генеральъ самодовольно посмотрѣлъ на слушавшихъ гостей и сказалъ дѣтски наивно:

— Не правда ли, господа, это мнѣ удалось?.. А теперь вотъ послушайте — это изъ Пушкинскаго «Пира во время чумы».

Зазвенѣли струны рояля и Вѣринъ голосъ, теперь полный томящей грусти, зазвучалъ въ комнатѣ, рисуя совсѣмъ другія картины:

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе, бывало,
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса...

«Невидимые» перенесли Ламбина въ иной чужой мѣръ, открыли передъ нимъ безпредѣльность вселенной, показали, что по существу ни времени, ни пространства нѣтъ...

*) Стихотвореніе графа А. Толстого.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣеть — не молчить...

Строгимъ, мрачнымъ, печальнымъ огнемъ налились глаза Вѣры. Черный зрачекъ притушилъ блистанье свѣтлой синевы, точно могильные огни кладбищенскихъ лампадъ отразились въ немъ:

Поминутно мертвыхъ носить
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ...
Поминутно мѣсто надо
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо
Жмутся тѣсной чередой.

Разбуженные музыкой и пѣніемъ души, тѣ «невидимые», что обитали въ гостиной композитора, казалось шевелились и густѣли въ воздухѣ, создавая мрачное безотрадное «чумное» настроеніе, которое было въ стихахъ Пушкина и въ музыкѣ композитора. И долго не уходили они и не могли ихъ разогнать ни извѣстный баритонъ, пѣвшій долго и громко по-итальянски, ни самъ генераль, игравшій отрывки изъ своей новой оперы и самъ напѣвавшій и за пѣвцовъ, и за пѣвицъ, и за хоръ.

Ламбинъ не слушалъ и не слышалъ ихъ. Все стояло передъ нимъ деревенское кладбище, куда «поминутно мертвыхъ носить»; казалось ему, что въ далекомъ Гарцѣ есть такое же кладбище и ожидаетъ оно, какъ законную добычу его Наташу. Печально было его лицо.

Когда генераль кончилъ отрывки из своей оперы, Вѣра поднялась и сказала:

— Вы меня извините, Цезарь Антоновичъ, но я должна уѣзжать.

— Какъ же безъ ужина-то? — слабо запротестовала генеральша.

— Простите, дорогая, но никакъ не могу...

— Хорошо, милая Вѣра Михайловна, — сказалъ генераль, — но при одномъ условіи — вы споете еще что-нибудь мое.

Вѣра хотѣла отказаться, но взглянула на печальное лицо Ламбина и точно прочла его мысли.

— Охотно, — сказала она.

Еще нѣсколько минутъ тому назадъ бывшіе мрачными и печальными глаза загорѣлись задорными, любящими огнями и громкій голосъ страстнымъ вызовомъ наполнилъ всю комнату:

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей
Пью за здравіе Мери...

Ламбинъ, сидѣвшій у двери, тихонько всталъ и неслышно, такъ, что и шпоры не звякнули вышелъ изъ гостиной. Онъ спустился внизъ, чтобы проводить Вѣру домой. И, когда одѣвался въ прихожей слышалъ, какъ все задорнѣе и громче неся за нимъ голосъ Вѣры:

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери...

Когда, усадивъ Вѣру въ ея карету, Ламбинъ ѣхалъ на вокзалъ и потомъ, въ вагонѣ, гдѣ онъ былъ одинъ въ отдѣленіи все слышались ему звуки свѣжаго Вѣрина голоса и подъ стукъ колесъ онъ напѣвалъ чуть слышно:

Будь же счастлива Вѣра
Солнце жизни моей.
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастныхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Вѣра...

Вѣра!.. Вѣра!.. Вѣра!.. Невидимые духи, гениі любви, не тѣ шаловливые амуры съ золотыми луками и острыми стрѣлами съ бѣлыми наперниками, что нѣкогда поразили его въ уборной Красносельскаго театра, но какіе-то новые серьезные духи изъ тончайшихъ нитей ткали и ткали паутину забвенія, скрывавшую то, что прошло, что всегда почему-то казалось не настоящимъ и за завѣсой паутины показывали ему нѣчто новое сильное, вѣчное, полное совѣтъ особеннаго счастья и въ этомъ счастьи уже могло и должно было быть настоящее.

Х.

На другой день Ламбинъ съ ранняго утра уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ объѣздилъ всѣ цвѣточные магазины — искалъ въ декабрѣ цвѣтущую резеду въ горшкахъ. Нигдѣ не находилъ и уже, вернувшись въ Царское, надумалъ проѣхать на Царскосельское шоссе въ огромное садоводство Ремпена, и тамъ нашелъ четыре куста прекрасной, пышно цвѣтущей резеды и алая астры. Онъ все это приказалъ уложить въ красивую корзину, опутать алыми и желтыми лентами и самъ отвезъ въ Петербургъ, гдѣ на вокзалѣ сдалъ посыльному — «красной шапкѣ» съ приказомъ доставить на квартиру Бетрищева и передать барышнѣ Вѣрѣ Михайловнѣ. Ни карточки, ни записки онъ не прикладывалъ, да и не нужно было этого дѣлать — онъ зналъ, что Вѣра сразу узнаетъ, кто послалъ душистыя резеды и алая астры къ ней на столъ.

Въ среду онъ нарочно пріѣхалъ къ генералу пораньше, когда никого изъ гостей еще не было. Въ прихожей онъ ощутилъ нѣжный аромат резеды и, счастливо улыбаясь, прошелъ въ гостиную. Вѣра поднялась изъ-за стола, на которомъ стояла корзина съ цвѣтами.

— Спасибо, Вадимъ Петровичъ, — сказала она, протягивая ему руку, — за прелестные цвѣты, но я очень прошу васъ больше этого не дѣлать.

— Почему вы знаете, что это я поднесъ вамъ цвѣты? — смущенно началъ Ламбинъ, — и почему мнѣ нельзя вамъ подарить цвѣты?

— Позвольте вамъ не объяснять причинъ... Да вы и сами знаете, — прервала Ламбина Вѣра.

Сине-сѣрые глаза съ довѣріемъ и любовью посмотрѣли на Ламбина и онъ понялъ, почему нельзя посылать ей цвѣты.

Вѣра пригласила Ламбина сѣсть и пока не было гостей заговорили о пѣніи и музыкѣ, о томъ, что она считаетъ камерную музыку, романсы — выше оперныхъ арій и вообще опернаго пѣнія.

— Слишкомъ много въ оперѣ лишняго, надуманнаго, и потому некрасиваго. Тамъ слова подогнаны подъ музыку, въ романсѣ же музыка сливается со словами поэта.

— И даже съ буквами. Такъ отмѣтилъ это третьяго дня тотъ князь.

Вѣра не обратила вниманія на нотку ревности, прозвучавшую въ голосѣ Ламбина и спокойно и холодно сказала:

— Да и съ буквами тоже... Князь это совершенно вѣрно подмѣтилъ. Есть такой русскій романсъ: «Я помню глубоко, глубоко мой взоръ проникалъ и рощу и доли»... Какъ восхитительны тамъ эти все повторяющіеся «О». И сколько, сколько красивыхъ стиховъ у насъ, русскихъ, есть.

Вѣра встала и подвела Ламбина къ книжному дорогому шкафу, стоявшему у стѣны напротивъ рояля.

— Вотъ мое богатство, — сказала она. — Это источникъ вѣчной живой воды. Божій даръ, переданный намъ нашими поэтами. Сколько красоты подсказали они нашимъ композиторамъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Алексѣй Толстой, — кто, кто не писалъ музыки на ихъ слова? И не только тонкую концертную для камернаго пѣнія, но и просто... для улицы... Улица, работницы и горничныя поютъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и даже не знаютъ, чьи слова, чьи мысли они передаютъ своимъ простымъ пѣніемъ среди работы. У меня всѣ они есть — и Апухтинъ, Полонскій, Случевскій, К. Р. — какіе прекрасные вещи написаны на слова нашего Августѣйшаго поэта...*) Вотъ еще Фета не удосужилась приобрѣсти, — а люблю его, нѣжно люблю, въ немъ столько граціи...

Раздались звонки въ прихожей и гости стали приходять на обычную среду у генерала. Самъ генераль вышелъ изъ кабинета. Шумная среда со столкновеніемъ взглядовъ и мыслей начиналась...

*) Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

На завтра «красная шапка» принесла Вѣрѣ неизвѣстно отъ кого толстый томъ стихотвореній Фета въ прекрасномъ кожаномъ золотомъ отдѣланномъ переплетѣ съ ея вензелемъ на корешкѣ книги...

— Ахъ какой, — сказала съ ласковой досадой Вѣра, устанавливая книгу на подобающее ей мѣсто, — съ нимъ, однако, нужно быть поосторожниѣ...

XI.

До Иркутска Мальмсенъ ѣхалъ въ веселой компаніи и мало думалъ о томъ, что его ожидаетъ. Онъ былъ фаталистъ. Смерть не страшила его. У него на модныхъ стальныхъ часахъ-браслетѣ, сбоку была латинская надпись: «ex his una hora — mortis» — «одинъ изъ этихъ часовъ — смертный часъ»... Все равно какой гдѣ и какъ, черезъ нѣсколько минутъ, черезъ день, или черезъ много, много лѣтъ — но онъ будетъ — это неизбѣжно...

Тщательно завернутая въ тонкую папиросную бумагу пилюля-драже, спрятанная въ глубину бумажника его не беспокоила. Онъ просто забывалъ о ней.

Въ Иркутскѣ Мальмсенъ оставилъ громадный Пульмановскій вагонъ и веселую компанію сибиряковъ и очутился въ пустомъ отдѣленіи вагона «mixte» со старыми разболтанными осями Забайкальской дороги. Оставшись одинъ среди сумрачной зимней природы прибайкалья, переѣхавъ въ саняхъ Байкальское озеро и погрузившись на станціи Маньчжурія въ товарный вагонъ случайнаго «ремонтнаго» поѣзда — пассажирскаго движенія дальше не было — Мальмсенъ задумался.

Роковой день быстро и неуклонно приближался. Противнымъ казалось умирать отъ отравы, какъ умираетъ старая собака, разбитая параличомъ, ненужная больше хозяевамъ.

По роду своей командировки Мальмсенъ самъ могъ избрать мѣсто остановки, то мѣсто, гдѣ онъ проглотитъ пилюлю и кинетъ вызовъ судьбѣ. Онъ избралъ такимъ мѣстомъ станцію Бай-лао-хэ. Онъ узналъ, что это было самое неспокойное мѣсто на Китайской Восточной дорогѣ, что тамъ не проходитъ дня, чтобы не появля-

лись хунхузы и не было съ ними кровавыхъ стычекъ. Поѣзда дальше не ходили. Желѣзно-дорожный путь вотъ уже нѣсколько дней, какъ былъ разобранъ хунхузами.

«Буду тамъ искать смерти въ бою», рѣшилъ Мальмсенъ и направился на постъ Бай-ляо-хэ.

Сотней охранной стражи, занимавшей этотъ постъ, командовалъ ротмистръ Гриневъ. Онъ былъ старше годами и производствомъ Мальмсена, но принялъ прибывшаго со всѣмъ почетомъ, какъ полагается для офицера генеральнаго штаба, бывшаго гвардейца, почитая въ немъ начальство.

Гриневъ устроилъ Мальмсена въ чистой, маленькой комнатѣ въ казармѣ, рядомъ съ помещеніемъ полевого телеграфа. Тамъ было тепло и сухо. Отношеніе Гринева къ Мальмсену было почтительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько пренебрежительно-покровительственное. «Гвардейскій фазанъ», «Моментъ», пріѣхалъ отличатся здѣсь, какъ ѣздили такіе же вотъ «фрукты» въ былое время на Кавказъ за чинами и орденами... «Ну что же, пусть попробуетъ нашей постовой жизни, пусть испытаетъ всѣ тревоженія боевъ и схватокъ съ хунхузами»...

Онъ будто неумышленно провелъ Мальмсена на кладбище подлѣ поста. Онъ показалъ ряды крестовъ на снѣжномъ полѣ — все убитые въ послѣднія недѣли... Не унимаются хунхузы.

— Все недавнія жертвы, капитанъ, — хмуро сказалъ Гриневъ. — Тутъ не безопасно. Вамъ лучше бы вернуться на Хун-ляо-хедзы. Тамъ все-таки городъ. И гарнизонъ тамъ больше — цѣлая рота. Китайскія войска тамъ стоятъ и градоначальникъ-фудутунъ намъ преданный человѣкъ. Тамъ и жить вамъ будетъ удобнѣе, по человѣчески, въ хорошей китайской фанзѣ съ русскою печкой, а не въ нашихъ землянкахъ.

— Неть, упрямо сказалъ Мальмсенъ. — Я именно и хочу узнать, что такое хунхузы, какая у нихъ тактика.

— Да никакой тактики у нихъ, капитанъ и нѣтъ. Просто нападаютъ, когда можно, и рѣжутъ нашего брата, когда кто зазѣвается, — сказалъ Гриневъ и подумалъ: «Ну и Богъ съ тобой, коли на рожонъ лѣзешь, твое это дѣло. Мнѣ только не пришлось бы отвѣчать за тебя, если съ тобою что-нибудь случится».

Мальмсенъ при посредствѣ Гринева обзавелся лошадыю, вошелъ въ дружбу съ солдатами поста, изумилъ ихъ своею храбростью и заслужилъ ихъ довѣріе.

— Скажи на милость, — говорилъ взводный фельдфебелю, — не русскій даже человекъ, видать — изъ чухонцевъ, а до чего дѣло наше тонко знаетъ, прямо удивительно. Подъ вечеръ, когда и мы то по одиночкѣ никуда не ходимъ — надѣнетъ лыжи и пошелъ махать по оврагамъ и буеракамъ. Ничего не боится. Я ему докладаю: «Ваше, молъ, благородіе, тутъ хунхузы вовсе близко скрываются», а онъ мнѣ на это: «Э, милый мой, двумъ смертямъ не бывать — а одной не миновать» и на часы свои указали. А тамъ по чужому написано, что молъ у каждого свой смертный часъ опредѣлень»...

— А вѣдь это онъ вѣрно, — сказалъ фельдфебель. — Ловкій и отважный офицеръ...

Удивилъ Мальмсень и Гринева.

«И вѣдь не мистикъ, похоже, что не очень-то и вѣрующій человекъ, притомъ, вѣроятно еще и матерьялистъ» — думалъ старый Восточно-Сибирскій стрѣлокъ, — «а какъ легко играетъ со смертью».

Сонъ Мальмсена былъ такъ чутокъ, что онъ по ночамъ на слухъ принималъ телеграммы и не успѣвалъ телеграфистъ разобрать и, переписавъ, отнести ленту командиру сотни, какъ Мальмсень являлся совсѣмъ готовый къ походу и говорилъ:

— Я поѣду, Василій Кирилловичъ, мнѣ нужно учиться у вашихъ молодцовъ воевать.

Въ бою, въ стычкахъ съ полудикимъ фанатиками хунхузами «Большого Кулака» — Мальмсень первый бросался въ атаку, увлекая за собою солдатъ. Тяжелыя фальконетныя пули гудѣли вокругъ него — онъ только головою моталъ, точно отъ мухъ отмахивался.

Когда приходилось брать съ боя какой-нибудь ханшинный заводъ — Мальмсень шелъ впереди съ винтовкой въ одной рукѣ и ручною гранатою — «апельсиномъ» въ другой.

«Да», — думалъ наблюдая своего гостя, Гринева, — «играетъ со смертью. Ищетъ ее, а смерть этого не любить и потому и шадить его».

Мятежъ шелъ по всему участку. Здѣсь, на какихъ-нибудь ста верстахъ, со злобнымъ фанатизмомъ неистовствовали спасшіеся отъ казаковъ Ренненкампа шайки хунхузовъ. У нихъ не было иного выхода — или сдаваться, или умирать. Сдаваться не хотѣли, или боялись и они умирали, дорого продавая свою жизнь. За

первые десять дней со дня прїѣзда Мальмсена было шесть стычекъ, упорныхъ маленькихъ сраженій, гдѣ не одинъ солдатъ былъ израненъ и убитъ и гдѣ отличался капитанъ Мальмсенъ.

20 декабря, подъ утро, была опять тревога. Гринева даже и не одѣвался. Онъ ожидалъ Мальмсена. Но на этотъ разъ отчаянный капитанъ, — «ломайла» капитанъ, какъ прозвали его китайцы, спалъ крѣпкимъ сномъ, точно не слышалъ поднявшейся тревоги.

— Георгій Густавовичъ, — дотрагиваясь до плеча Мальмсена, говорилъ полуодѣтый Гринева, — а Георгій Густавовичъ!.. Что же вы?.. Или не поѣдете?

Мальмсенъ поднялся съ походной койки, сѣлъ и мутными глазами смотрѣлъ на Гринева. И въ большихъ, выпуклыхъ глазахъ Мальмсена Гринева съ удивленіемъ увидѣлъ животный страхъ...

— Нѣтъ, простите меня... Но я сегодня уклонюсь. Я вѣдь не обязанъ — я доброволецъ...

— Да... да... Я понимаю. Я только потому, что вы до сихъ поръ всегда сами стремились въ бой. Вамъ, можетъ быть, нездоровится? Не послать ли къ вамъ фельдшера?

— Нѣтъ. Фельдшера не надо. Нездоровится — это точно, но это пройдетъ.

— Ну, укрывайтесь потеплѣе и спите спокойно.

Стычка была пустая, даже и потерь не было. Поздно вечеромъ полусотня вернулась и привела плѣнныхъ китайцевъ.

Гринева нашелъ Мальмсена на постовомъ кладбищѣ. Тотъ ходилъ между могилами, угрюмо стоялъ у новыхъ крестовъ. Онъ былъ чѣмъ-то подавленъ. Гринева по своему понялъ настроеніе прїѣзжаго «гастролера». Сгоряча храбрился, а теперь одумался и труса празднуетъ.

Къ позднему ужину Мальмсенъ досталъ изъ своихъ чемодановъ консервы, бутылку шведскаго пунша и двѣ бутылки шампанскаго.

— Что это вы, — сказалъ Гринева, — Георгій Густавовичъ, именинникъ что ли сегодня?

— Да, въ родѣ того... Видите — я въ положеніи человѣка, который вотъ вотъ выиграетъ двѣсти тысячъ, или попадетъ подъ поѣздъ.

— Да, бываетъ, — сказалъ Гринева, не зная, что сказать Мальмсену.

— Давайте, Василій Кирилловичъ, выпьемъ съ вами на «ты».

Вы простите, что я, будучи младшимъ, самъ это предлагаю вамъ. Но сегодня для меня день-то такой.

— Помилуйте, Георгій Густавовичъ, я очень охотно.

На большомъ деревянномъ ящикѣ служившемъ столомъ, въ пустой бутылкѣ изъ-подъ японскаго пива «Асахи» горѣла одинокая свѣча. Въ щелявую дверь землянки казармы дуло морознымъ вѣтромъ. Кирпичная печка была раскалена и въ комнатѣ было душно. Мальмсень налилъ въ жестяныя эмалированныя кружки ароматный сладкій пуншъ. Гриневъ поднялъ свою кружку и сказалъ:

— Минь сколь, динь сколь, оалля ваккера фликкорсколь, — такъ, кажется, говорится у шведовъ.

— Не совсѣмъ такъ. Да это въ общемъ все равно. Ты хочешь сказать: мое здоровье, твое здоровье, здоровье всѣхъ прекрасныхъ женщинъ. Ты знаешь, Василий Кирилловичъ, — я тебя горячо полюбилъ...

— Я тебя тоже, Георгій Густавовичъ.

— Ты знаешь, мы съ тобой одного училища. Да... Ты меня поймешь. Послѣ, потомъ, поймешь. Когда-нибудь поймешь... Здоровье всѣхъ прекрасныхъ женщинъ. Не много ли это будетъ?.. Не слишкомъ ли? Нѣтъ. Здоровье одной прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ... Изумительной женщины.

Мальмсень чокнулся кружкой, медленно выпилъ сладкій, липкій напитокъ и снова наполнилъ кружки. Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Какъ медленно идетъ время, — сказалъ онъ печально, — еще только одиннадцать часовъ.

— Куда намъ торопиться? Ишь сколько всего ты наставилъ и за всю ночь не съѣшь. Какая прекрасная американская ветчина. Дазненько я такой не ѣдалъ. И проголодался я, весь день проведя въ полѣ.

--- Кушай на здоровье, Василий Кирилловичъ. Скажи... Ты знавалъ самоубійць?

— То есть, какъ это?

— Ну тѣхъ людей, которые кончаютъ съ собою.

— Какъ сказать?.. Лѣтъ семь тому назадъ я стоялъ съ ротой на посту Адеми. Такъ тамъ пять офицеровъ покончили съ собою.

— Почему они это сдѣлали?

— Главное — от тоски. Отъ одиночества. Мѣсто то было уже очень непріютное. Точно конецъ свѣта.

— Хотѣлъ бы я быть сейчасъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Конецъ свѣта. Забавная, должно быть, штука...

— Ну, что там забавнаго?.. Не сладкая и одинокая тамъ жизнь, Георгъ.

— Зови меня Джоржи. Такъ мнѣ пріятнѣе... Такъ говоришь, отъ несладкой жизни... А, какая жизнь сладкая? Надъ всякой, все одно виситъ смерть.

— Тоже были и такіе, что кончали отъ любви къ одной женщинѣ.

— А та что?

— Мнѣ говорили — съ ума сошла. Легко ли пережить, когда мужъ и любовникъ въ одинъ день застрѣлились.

— Можетъ быть, дуэль между ними была такая — американская — на узелки.

— Нѣтъ, Джоржи. Если бы то была дуэль — одинъ застрѣлился бы — другой остался бы живъ.

— Ну, а какъ думаешь, Василій, если бы, скажемъ, мужъ застрѣлился — была бы вдова счастлива съ тѣмъ — другимъ?

— Кто ихъ знаетъ, Джоржи. Душа человѣка потемки, а женская душа?.. Кто ее угадаетъ?

— Ты вѣдь не женатый, Василій, — наливая шампанское въ кружки, сказалъ Мальсенъ и снова посмотрѣлъ на часы.

— Нѣтъ.

— Прости, нескромный вопросъ. Почему ты не женился?

— Отвѣчу просто: не женился потому, что не влюбился. Случая не было... Я охоту люблю, службу нашу солдатскую люблю. Солдата люблю. Ты понимаешь, Джоржи, тотъ, кто любитъ Родину — Россію, тотъ не какихъ-то тамъ подвиговъ ищетъ, освобожденій, переворотовъ и потрясеній, а просто до конца дѣлаетъ свое дѣло, маленькое или большое — это уже все равно... А дѣла у насъ не мало.

— Я тебя понимаю. Тутъ уже не до женщинъ.

— Я простой человѣкъ, Джоржи. Мой отецъ штабсъ-капитанъ, убить въ турецкую войну, въ Скобелевской дивизіи. Мать — дочь офицера — заповѣдала мнѣ любить службу и солдатъ. Она мнѣ никогда про женщинъ не говорила. Да... Какъ-то никто не встрѣтился мнѣ на моемъ жизненномъ пути. Я не жалуюсь. Я счастливъ...

— И я былъ когда-то такъ же счастливъ... Ты прости меня —

я выйду на минуту. Налей стаканы и жди меня. Богъ дастъ и выпьемъ еще. Если только придется.

— Странный ты сегодня какой-то, Джорджи.

— Странный. Это тебѣ такъ кажется. Просто, мы много выпили. Говоримъ ночью, при одинокой свѣчѣ, въ землянкѣ, въ Манчжурской глуши... одни... Въмѣсто стола — ящикъ, вмѣсто скатерти — листъ китайской бумаги. Свѣча въ бутылкѣ... Ъдимъ безъ тарелокъ, прямо изъ жестянокъ. Ночь. Затронули мы предметы душевные, глубокиѣ, вотъ и показалось тебѣ страннымъ. Это, Василій, не бѣлоснѣжная скатерть съ нерасправившимися складками, тугими и блестящими, не цвѣты на ней узорнымъ ковромъ насыпаны, не блескъ канделябровъ и хрустальныхъ подвѣсковъ, не электричество, не тонкаго стекла фужеры, бокалы и рюмки, не одуряющій визгъ цыганскихъ скрипокъ. Не ароматъ женскихъ духовъ и блистаніе любящихъ глазъ. Это — Солдатская постовая обстановка...

Мальмсень быстро взглянулъ на часы.

— Что. Тѣхъ, что вы взяли въ плѣнъ, казнить будутъ?

— Не знаю — это не наше дѣло. Сдадутъ китайскимъ властямъ.

— Ну, значитъ, — казнить. Не хорошая это штука казнь... Такъ я на минуту.

Гриневъ остался, было, сидѣть на табурете, потомъ всталъ, застегнулъ полушубокъ и вышелъ изъ землянки.

Онъ сейчасъ же и увидѣлъ въ мутномъ свѣтѣ звѣздной, морозной ночи Мальмсена. Тотъ быстрыми шагами шель къ солдатскому кладбищу. Гриневъ осторожно пошелъ за нимъ.

Мальмсень остановился у первыхъ крестовъ, постоялъ минуту спиною къ Гриневу и повернулъ обратно. Гриневъ успѣшилъ вернуться въ землянку.

Мальмсень сейчасъ же и пришелъ. Странная перемѣна произошла въ немъ за тѣ нѣсколько минутъ, что онъ отсутствовалъ. Румяное отъ мороза и выпитаго вина лицо блистало счастьемъ. Глаза сияли. Онъ вошелъ, молча, сѣлъ на табуретку и тихо такъ, что Гриневъ не могъ разобрать хорошенько, что онъ сказалъ — промолвилъ:

— Страшно... Страшная игра...

Онъ точно прислушивался къ тому, что происходитъ внутри него. Въ глазахъ сначала было удивленіе, потомъ оно смѣнилось радостью, восторгомъ. Онъ быстро всталъ, схватилъ за плечи неподвижно сидѣвшаго на табуреткѣ Гринева и поцѣловалъ его.

— Милый Василій, — громко сказалъ онъ. — Если бы не жаль мнѣ было будить нашихъ молодцовъ — право — пѣсельниковъ бы теперь — самое время!.. И нашу, Маньчжурскую, знаешь — эту лихую!..

Мальмсенъ съ увлеченіемъ пропѣлъ:

Можетъ завтра, въ эту пору,
Насъ на ружьяхъ понесутъ,
И ужъ водки, послѣ боя,
Намъ понюхать не дадутъ...

Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай,
Такъ у насъ всегда ведется —
Пей, ума не пропивай...

— Пей, Василій... Не понесутъ завтра меня на ружьяхъ... Что тамъ смерть? Ерунда... Мертвый въ гробѣ мирно спи — жизнью пользуйся живущій.

«Что онъ, пьянъ» — подумалъ, выпивая кружку согрѣвшагося шампанскаго Гриневъ и внимательно посмотрѣлъ на Мальмсена. — «Нѣтъ, пожалуй, что и не пьянъ, но точно узналъ тамъ, на кладбищѣ, у могилъ, что онъ и правда двѣсти тысячъ выигралъ... Забавный парень».

Но самое забавное было завтра.

Мальмсенъ послѣ долгой кутежки всталъ рано и заявилъ Гриневу, что онъ достаточно ознакомился съ жизнью на боевомъ посту, что ему нужно составлять отчетъ о видѣнномъ и потому онъ переѣзжаетъ въ Хунь-ляо-хедзы.

Онъ весело и шумно собрался, попросилъ дать ему двуколку подъ вещи и конвой для охраны и уѣхалъ, расцѣловавшись съ Гриневымъ, веселый, празднично настроенный. И правда — двѣсти тысячъ выигралъ.

Скоро дошли до Гринева слухи, что Мальмсенъ нанялъ фанзу

подлѣ охранной роты, отдѣлалъ ее потеплѣе, потребовалъ, чтобы патруль охранялъ его, свелъ дружбу съ китайскимъ ротнымъ командиромъ, подпиваетъ его и подкупаетъ подарками, сидитъ всегда дома и пишетъ, пишетъ, пишетъ...

Вернувшійся въ роту Гринева его младшій офицеръ, поручикъ Вяткинъ, рассказывалъ о Мальмсенѣ съ большимъ пренебреженіемъ.

— Видалъ я этого капитана. Солдаты мнѣ про него дорогой уши прожужжали: «Ломайла-капитанъ» — такой уже храбрый, чисто Бова Королевичъ. Посмотрѣлъ — ничего подобнаго. Угостилъ, напоилъ меня — это точно, на славу. Сидитъ сиднемъ дома, дни считаетъ, когда можно будетъ вернуться въ Россію. Какъ видно труса празднуетъ и неуютно ему у насъ. Ихъ, этихъ гвардейскихъ, да штабныхъ гастролеровъ, какъ видно, ненадолго хватаетъ. Все деньщика посылаетъ на станцію доставать Питерскія газеты. Ожидаетъ чего-то...

Гринева слушалъ, задумчиво курилъ трубку и думалъ: «Да вотъ онъ и Джоржи... Станный Джоржи. И выпить не дуракъ, и молодецъ въ бою. В городѣ, въ Импани, заперся. Тутъ въ полѣ то лучше... А, можетъ быть, и правда отчетъ пишетъ»...

И за тревогами постовой жизни, — ловили послѣднихъ хунхузскихъ вождей, — Гринева позабылъ о своемъ декабрьскомъ гостѣ.

ХІІ.

Всѣ участники и свидѣтели роковой тайны дуэли тревожно переживали 20 декабря. И, спокойнѣе всѣхъ — генераль баронъ фонъ Деренгофъ. Онъ устроилъ такъ, что въ этотъ день его жена, почему то поразившая его своимъ разстроеннымъ видомъ — она же ничего не могла знать о дуэли, — должна была быть въ гостяхъ, куда поѣхала съ собакой, самъ поѣхалъ съ нею, просидѣлъ за партіей винта до половины одиннадцатаго, попрощался съ хозяевами и необычно ласково сказалъ женѣ:

— Я пріѣду за тобою, Марьяна, въ два часа, а если заработаюсь, пошлю за тобою карету.

Онъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ въ глаза жены. Что

она? Знаетъ? Догадывается?.. Внутреннимъ чутьемъ понимаетъ, что у него не обычная его ночная работа?

Но въ глазахъ Марьяны онъ ничего не могъ прочитатъ. Какъ и всегда были они прекрасны и чужды ему и какъ съ того дня, когда уѣхалъ Мальмсенъ, были они холодны и враждебны.

«Нѣтъ», — думалъ баронъ, сидя въ каретѣ, — «ничего она не знаетъ, ни о чемъ не догадывается. Просто злится, что угнали ея друга въ тартарары».

Дома баронъ разобралъ бумаги, на всякій случай заднимъ числомъ составилъ завѣщаніе, которымъ все свое имущество оставлялъ замужней сестрѣ, проживавшей въ Лифляндіи, ничего не оставляя вдовѣ. Если бы онъ могъ, — онъ ее лишилъ бы и пенсіи.

Было уже около двѣнадцати, когда баронъ, покончивъ съ этими скучными дѣлами, прошелъ къ дивану и легъ на него, снявъ сюртукъ.

«Умирать — такъ уже съ комфортомъ». — Онъ холодно усмѣхнулся и досталъ пилюлю. — «Собственно, почему я думаю, что умру? Наши шансы равны»...

Тутъ онъ вспомнилъ разницу времени. Мальмсенъ давно уже принялъ пилюлю. У него наступилъ новый день... «Если наступилъ»? — злобно подумалъ баронъ. «Что онъ?.. Лежитъ мертвый на глухомъ посту... Хотя бы догадался уйти куда-нибудь въ глушь, чтобы и тѣла-то не нашли. Или живой ждетъ телеграммы о моей смерти?.. Глупо, что мы не уговорились и не учли разницу во времени. Ну да все равно теперь уже поздно».

Баронъ прислушался. Часы въ столовой съ башеннымъ боемъ начали бить двѣнадцать. Фонъ Деренгофъ спокойно отсчиталъ шесть ударовъ и положилъ пилюлю въ ротъ. Онъ повертѣлъ пилюлю языкомъ, пососалъ ее. «Сладкая... Что же? Обыкновенное драже». Онъ надавилъ пилюлю зубами — она рассыпалась во рту, обнаживъ миндалину. Еще мгновение въ жуткомъ страхѣ фонъ Деренгофъ держалъ крошки миндаля во рту, готовъ былъ въ испугѣ выплюнуть ихъ, но сдѣлалъ надъ собою усиліе и проглотилъ.

Ничего...

Онъ подождалъ немного. Выпилъ стаканъ воды. На лбу у него проступили капли пота, должно быть, отъ внутренняго потрясенія. Фонъ Деренгофъ всталъ съ дивана. Ни тошноты, ни голово-

круженія не было, не было и слабости. Во рту былъ пріятный вкусъ сладкаго миндаля.

«Значить не я, а онъ. Божій судъ справедливъ»...

Онъ думалъ о Мальмсенѣ, какъ о мертвомъ, безъ всякаго сожалѣнія, не чувствуя угрызеній совѣсти. Игра была равная и онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Баронъ надѣлъ сюртукъ и подошелъ къ зеркалу. Онъ показался себѣ помолодѣвшимъ и красивымъ. Онъ пригладилъ волосы на вискахъ, щеточкой привелъ въ порядокъ усы и бакенбарды и, вызвавъ лакея, приказалъ подавать карету.

Онъ ѣхалъ за баронессой.

ХІІІ.

Баронесса поняла, что ея Джоржи нѣтъ болѣе въ живыхъ. Условія свѣта не позволяли ей явно служить по немъ панихиды, она могла только тайно помолиться о немъ. Она все-таки ждала объявленій о его смерти. Полкъ, штабъ, гдѣ онъ служилъ, должны же были узнать о кончинѣ своего товарища и сослуживца и отслужить по немъ торжественныя заупокойныя обѣдни. Наконецъ, долженъ былъ быть приказъ объ исключеніи капитана Мальмсена изъ службы въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Каждое утро Марьяна дрожащими руками вскрывала свѣжій номеръ «Русскаго Инвалида» и смотрѣла то мѣсто, гдѣ значилось: «Умершіе исключаются изъ списковъ». Не было капитана Мальмсена среди умершихъ. Да, конечно, дальность разстоянія — почта шла около мѣсяца, тревожное, мятежное время, все это могло затруднить донесеніе о смерти капитана. Но все-таки?.. Смотрѣла Марьяна и объявленія о покойникахъ въ «Новомъ Времени». Въ высококомъ столбцѣ черныхъ рамокъ съ извѣщеніями отъ «убитыхъ горемъ вдовъ», матерей и отцовъ не было имени капитана Мальмсена. Онъ просто пропалъ на какой-то глухой китайской станціи и никто о немъ не вспомнилъ. Быть можетъ Джоржи нарочно уѣхалъ ночью куда-нибудь въ такую глушь, гдѣ и тѣло его не могли съискать и тамъ... Зимняя вьюга замела его прекрас-

ное тѣло. Шакалы и волки растаскали его кости, или китайцы нашли и ограбили покойника...

Жутко было думать объ этомъ.

Она должна была скрывать свои страшныя сердечныя муки. Кромѣ ея мужа и Ламбина никто не зналъ секрета смерти Джоржи. Но позвонить Ламбину по телефону, съѣздить къ нему, Марьяна боялась и... не хотѣла. Такъ, въ этой неизвѣстности — все оставалась какая-то надежда... А вдругъ Ламбинъ исполнилъ ея послѣднюю просьбу и...

Съ гордо поднятой головой, величаявая и холодно-прекрасная въ своемъ неутѣшномъ горѣ, подлинной «царицей» несла она свою печаль.

Такъ прошло двадцать томительно-жуткихъ дня. Наступилъ январь, съ нимъ пришло и блѣдное, негрѣющее солнце, бросило оранжевыя краски на причудливый морозный узоръ на окнахъ, пришли и январскіе морозы. Затрещали по утрамъ дрова въ печахъ и каминахъ, загудѣли заслонки, напѣвая зимнюю скучную пѣсню и по утрамъ Марьяна могла уже, не зажигая огня просматривать утреннюю почту въ прихожей, освѣщенной робкими лучами зимняго солнца.

Она перебрала рядъ казенныхъ пакетовъ и вдругъ... Письмо на ея имя. Знакомый почеркъ и смѣлая надпись... «Ея превосходительству, баронессѣ Марьянѣ Георгіевнѣ фонъ Деренгофъ». На маркѣ штемпель: «Хун-ляо-хедзы»... И надпись и штемпель показались ей страшно дерзновенными. Когда написано? До, или послѣ?.. И что въ немъ?.. Марьяна схватила письмо и, прижимая его къ сердцу, пошла съ нимъ въ уборную.

Неужели?.. Строчки прыгали у ней передъ глазами, она не все могла разобрать, слезы радости застилали ея глаза. Она забѣгала впередъ, пропуская подробности... Она даже не понимала, что же произошло? Яркое счастье охватывало ея сердце...

«...Милая Марьяна», — читала она смѣлыя непритаенныя слова, — «счастливый жребій достался мнѣ... Ты ничего, впрочемъ, не знаешь. Такъ вотъ — была между мною и барономъ дуэль...» — Она пропустила подробности — она все равно все знала... — «На отравленныхъ пилюляхъ. Въ назначенное время я честно принялъ свою... Я остался живъ... Ты свободна... Я считаю дни, когда

смогу вернуться, или выписать тебя къ себѣ... Ты моя, моя, моя...»

Письмо было длинное и очень толковое, Марьяна видѣла только отрывочныя фразы. Она все поняла. Она все знала и безъ объясненій. Или баронъ... Она, зная хорошо барона, не допускала съ его стороны обмана, или... Какой другъ этотъ Ламбинъ!.. Да пошлетъ ему Господь много, много счастья!

Марьяна порвала письмо на мелкіе клочки и выбросила ихъ. Потомъ поспѣшно одѣлась и кликнула Полли. Она по утрамъ всегда гуляла съ собакой...

Марьяна шла задумавшись.

Баронъ... А вдругъ, баронъ?.. Нѣтъ, онъ не способенъ на подлость и обманъ. Онъ грубоватъ, не слишкомъ уменъ, карьеристъ, холоденъ, жестокъ, — но и въ грубоватости его, въ его примитивномъ умѣ, холодномъ сердцѣ, всегда сквозила баронская горделивая честность... Это душака — милый Ламбинъ. Значитъ, нужно теперъ ждать... Время все излѣчить и надо только какъ-то все объяснить мужу и настоять на разводѣ. Марьяна шла быстрыми шагами по набережной, перешла по дощатому помосту черезъ Неву къ домику Петра Великаго. Было очень холодно. На Невѣ вѣтеръ крутилъ снѣжными вихрями и прохватывалъ насквозь ея легкую шубку. Полли носилась по снѣгу, какъ сумасшедшая. Она убѣгала далеко по Невѣ и Марьяна боялась, что собака попадетъ въ прорубь.

— Полли! Полли! — кричала она радостно.

Собака неслась къ ней, останавливалась и лаяла, точно жалуюсь на холодъ. Тонкій паръ шелъ изъ ея пасти.

У домика Петра Великаго, гдѣ была часовня Спасителя, Марьяна вызвала сторожа и поручила ему подержать собаку, пока она пойдетъ приложиться къ образу и помолиться.

Въ низкой, старой прокопченной часовнѣ было душно. Свѣчи густымъ костромъ горѣли передъ темнымъ огромнымъ образомъ. Служили очередной молебень. Марьяна въ толпѣ женщинъ и стариковъ упала на колѣни. Ея молитва была сумбурна. Она благодарила Христа за то, что никто не умеръ изъ-за нея и просила научить, что нужно дѣлать, какъ развязать еще туже затянувшійся узелъ. Истово крестясь, она поставила затепленную толстую свѣчу передъ образомъ и вышла на площадь.

Замерзшая Полли съ визгомъ бросилась къ ней, уперлась лапами въ грудь Марьяны и чуть не опрокинула свою госпожу.

Марьяна взяла извощика, усадила Полли къ ногамъ и закрыла ее полостью. Собака свернулась клубкомъ и успокоилась.

По мѣрѣ того, какъ извощикъ приближался къ ея дому на Литейной, Марьяна надѣвала привычную свѣтскую ледяную маску. Но темные глаза ея сіяли такимъ счастьемъ, что даже баронъ посмотрѣлъ на нее подозрительно.

— Что случилось? — спросилъ онъ.

— Ровно ничего. Отличная прогулка и прекрасный морозъ...

XIV.

Не умень, но наблюдателенъ и хитеръ былъ баронъ фонъ Деренгофъ. Отъ него ничего не укрылось. Ранняя прогулка жены съ собакой, небрежно оставленная въ прихожей, а не поданная ему, какъ обычно въ кабинетъ почта, счастливые огни въ глазахъ жены и ея наигранно безпечный отвѣтъ — все это заставило барона призадуматься и насторожиться.

Онъ тоже нетерпѣливо ожидалъ извѣстій изъ Маньчжуріи и даже при всей своей осторожности послалъ служебный запросъ о томъ, гдѣ находится капитанъ Мальмсенъ?

Баронъ сталъ вставать раньше жены. Онъ просыпался тотчасъ же, какъ сквозь утренній сонъ услышитъ звонокъ швейцара и, накинувъ халатъ и туфли, спѣшилъ самъ открыть дверь, принималъ почту, просматривалъ пакеты и снова клалъ, какъ обычно, на ихъ мѣстѣ.

Ему недолго пришлось беспокоить себя раннимъ вставаніемъ, черезъ пять дней онъ нашелъ среди дѣловыхъ пакетовъ письмо, адресованное его женѣ и со знакомымъ ему почеркомъ. Онъ взялъ его и, тщательно положивъ остальные пакеты на блюдо, вернулся въ свою спальню, одѣлся и раньше времени собрался въ штабъ.

Марьяна вышла его проводить.

-- Почему это такъ рано сегодня? — съ нѣкоторыхъ поръ Марьяна не могла и не хотѣла говорить барону, какъ обычно — «ты», перейти на «вы» не рѣшалась и говорила, избѣгая обращенія, безлично.

— Дѣла, милая... Я не люблю, когда меня допрашиваютъ. Ты знаешь это.

Только въ штабѣ, запершись въ своемъ служебномъ кабинетѣ и приказавъ курьеру никого безъ доклада не пускать къ нему, баронъ вскрылъ письмо. Онъ считалъ себя въ правѣ это сдѣлать. «Вѣдь это было письмо», — не безъ ѣдкой ироніи подумалъ онъ «съ того свѣта»... Онъ внимательно прочелъ и перечелъ письмо и что съ нимъ рѣдко бывало, захохоталъ.

— Итакъ меня нѣтъ, — почти громко сказалъ онъ. — Марьяна вдова... Н-ну, знаете-съ!.. Мы это еще посмотримъ»...

Онъ досталъ служебные бланки, быстрымъ, мало разборчивымъ почеркомъ написалъ письмо и вызвалъ курьера.

— Сейчасъ поѣдешь въ Царское Село. Въ полкъ и передашь это письмо штабс-ротмистру Ламбину въ собственныя руки. Понялъ...

Понимаю, ваше превосходительство.

Едва курьеръ вышелъ, баронъ вызвалъ къ телефону командира полка, въ которомъ служилъ Ламбинъ и переговорилъ съ нимъ о служебной, «о, да очень короткой командировкѣ штабс-ротмистра Ламбина въ Маньчжурію... Нѣтъ, ничего особеннаго... На немъ остановился я потому, что знаю за особо исполнительнаго и исправнаго офицера... Да... ѣхать?.. Какъ можно скорѣе. Ну, завтра... Послѣ завтра. Вѣдь онъ и вернется скоро... Такъ вы согласны? Я такъ и доложу его высокопревосходительству...»

Покончивъ съ переговорами съ командиромъ полка и заручившись согласіемъ на посылку офицера въ Маньчжурію, фонъ Деренгофъ сталъ заниматься очередными дѣлами. Онъ выслушивалъ доклады столоначальниковъ, накладывалъ резолюціи, отбиралъ бумаги для просмотра на дому, подписывалъ готовые бумаги и, кладя свою кудрявую подпись на опредѣленномъ мѣстѣ, всякій разъ лукаво улыбался и думалъ: «Вотъ тебѣ и покойникъ, а съ какимъ росчеркомъ росписывается».

Такъ же ничѣмъ не выдалъ онъ своего волненія, когда ему доложили, что штабс-ротмистръ Ламбинъ прибылъ въ его распоряженіе.

— Пусть подождетъ, — сказалъ онъ и продолжалъ слушать докладчика. Отпустивъ послѣдняго дѣлопроизводителя, фонъ Деренгофъ вызвалъ курьера и приказалъ привести къ нему штабс-ротмистра.

Онъ приподнялся, но не всталъ навстрѣчу Ламбину и выслушавъ его рапортъ, сказалъ:

— Здравствуйте, штабсъ-ротмистръ. Я полагаю — вы догадались, зачѣмъ я васъ вызвалъ?

— Ваше превосходительство, я еще не имѣю никакихъ извѣстій о капитанѣ Мальмсенѣ.

— За то я, штабсъ-ротмистръ, имѣю извѣстія и они меня удивляютъ.

Фонъ Деренгофъ загнулъ половину письма и, протягивая нижнюю часть, сказалъ:

— Вотъ, потрудитесь прочитать, многоуважаемый... — фонъ Деренгофъ уже не старался скрыть своего негодованія. — Вашъ Мальмсенъ! Каковъ!... Хорошъ мальчикъ! Вы понимаете, штабсъ-ротмистръ, меня нѣтъ, просто таки нѣтъ!.. Передъ вами — призракъ!.. Моей женѣ пишутъ, какъ вдовѣ! Уславливаются, какъ и когда встрѣтятся и какъ и когда объявить о свадьбѣ... Счастливыи жребій!.. а-ха-ха!.. Вашъ Мальмсенъ надулъ насъ обоихъ.

— Я не допускаю этого, ваше превосходительство. Я слишкомъ давно и хорошо знаю Мальмсена...

— Знаете-съ... А меня тоже знаете? Что же по вашему это я... я... я... Подлеца сѣигралъ?

— Смѣю ли я такъ думать? Ваше превосходительство. Я не говорю этого.

— Еще бы посмѣли вы говорить такъ... — грозно сказалъ, блистая глазами черезъ очки фонъ Деренгофъ. — Вы не говорите — за васъ говорятъ факты. Факты-съ говорятъ за васъ. Да, конечно, далекая страна эта самая Маньчжурія. Зоветь туда мою жену. То есть, виновать, вдову-съ... Какъ вы это назовете-съ? Мы, штабсъ-ротмистръ, — вставая и повышая голосъ, продолжалъ фонъ Деренгофъ, — не дѣти, не гимназисты, начитавшіеся бульварныхъ романовъ... Я — генераль, штабсъ-ротмистръ!.. Что я генераль — или нѣтъ?.. Я васъ спрашиваю...

— Ваше превосходительство, я просто ничего не понимаю.

— А я штабсъ-ротмистръ, отлично понимаю... Все понимаю... Все-съ... Двадцатаго декабря прошлаго года я, написавъ завѣщаніе, слышите, честно, я повторяю: — честно съѣлъ поданную вами, слышите — вами пилюлю... И остался живъ. Значитъ, если мой противникъ, а секундantomъ были вы-съ, штабсъ-ротмистръ, тоже остался живъ, значитъ, или онъ вовсе не принялъ пилюли, или

вы, именно вы, штабсъ-ротмистръ, съиграли надъ нами глупую и недостойную шутку... и вы мнѣ за это отвѣтите.

— Ваше превосходительство...

— Я говорю вамъ о фактахъ... только о фактахъ, какъ они есть и я предлагаю вамъ, немедленно же отправиться въ Маньчжурію, на станцію Бай-ляо-хэ, гдѣ все это происходило и разслѣдовать все, что тамъ было, иначе вы будете имѣть дѣло со мною-съ... И я не буду считать васъ честнымъ человѣкомъ. Вы понимаете, что это мое право.

— Я понимаю васъ, ваше превосходительство и я сейчасъ же подамъ рапортъ объ увольненія меня въ отпускъ для этой поѣздки.

— Это не нужно. Я все вамъ устроилъ. Вамъ будетъ дана служебная командировка, я переговорилъ съ вашимъ командиромъ полка. Вы поѣдете на станцію Бай-ляо-хэ и допросите тамъ капитана. Каковъ, однако, молодчикъ! А!..

— Ваше превосходительство, зная отлично капитана Мальм-сена, я не сомнѣваюсь, что онъ исполнилъ свое обязательство.

— Х-ха... Значитъ — это я не исполнилъ... Такъ что ли?..

— Пилюли могли потерять свою силу.

— Вы ихъ намъ заказывали... Вы единственный нашъ секундантъ и свидѣтель нашей огромной драмы. И вы, именно вы, должны и довести дѣло до конца. До смертельнаго исхода нашей дуэли... Она продолжается. Вы понимаете это-съ? Вы должны все выяснить. Допросить капитана, выпытать у него, да точно ли онъ принялъ пилюли? Надо думать, что принялъ, иначе не сталъ бы такъ увѣренно писать и называть мою жену вдовой, а меня почитать покойникомъ. Такъ вотъ, если онъ пилюлю принялъ и она не возъмѣла своего дѣйствія... Чортъ возьми, — да онъ вѣдь могъ и противоядіе принять!

— Но тогда, ваше превосходительство, онъ не считалъ бы васъ отравленнымъ...

— А чортъ!.. Вы логичны, штабсъ-ротмистръ. Такъ вотъ, словомъ, такъ какъ дуэль не удалась — мы ее повторяемъ... Только на этотъ разъ по старинному, по американски, на узелки. Вы видите теперь, какъ я вамъ все-таки вѣрю. Вы тянете за меня. Вы берете платокъ...

Фонъ Деренгофъ досталъ платокъ и показалъ на примѣръ, что долженъ дѣлать съ платкомъ Ламбинъ.

— Вы завязываете одинъ кончикъ узломъ. Вотъ такъ... Берете два кончика въ кулакъ, вотъ именно такъ и протягиваете капитану Мальмсену. Вытянуть узелокъ — его счастье — моя жена — вдова... Я покойникъ... Вытянуть пустой конецъ — простите — черезъ двадцать четыре часа не позже, а лучше, чортъ возьми, и раньше онъ долженъ застрѣлиться... Ваша роль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ваша командировка кончается. Если пустой конецъ достался капитану Мальмсену вы дождетесь его самоубійства, констатируете егъ смерть и съ ближайшаго поста, гдѣ есть правительственный телеграфъ въ Россію телеграфируете мнѣ: «Капитанъ Мальмсенъ застрѣлился»... Это же будетъ такъ естественно... Мало ли что? Проигрался въ карты... Тамъ, говорятъ, въ карты здорово дуются...

— Георгій Густавовичъ въ карты не играетъ.

— Почему вы знаете? Тамъ, въ Маньчжуріи, отъ скуки могъ еще и какъ заиграть. Да и мало ли что могло тамъ случиться? Тоска по жизни — на глухомъ посту. По существу-то это вовсе и не важно. Мало ли вашего брата — офицера кончаетъ съ жизнью по самымъ пустымъ предлогамъ. Итакъ, записка, обычная въ такихъ случаяхъ стереотипная записка — «въ смерти моей никого не винить» и пуля въ лобъ... Не забудьте — записка все таки обязательна... Теперь, если Мальмсенъ вытянетъ узелокъ, вы сейчасъ же ѣдете туда, гдѣ имѣется телеграфъ и телеграфируете мнѣ сюда въ штабъ: «Ваше присутствие необходимо»... — Ну... Я кончаю съ собою... Очень просто... Повѣрьте — не надую. Съумѣю до конца довести дѣло, но, пока я живъ, своей жены никому не уступлю-сь. Ну... Подумаютъ, что у меня тамъ, гдѣ работаютъ мои агенты, что-нибудь стряслось. Растрата казенныхъ денегъ или еще тамъ какая-нибудь гадость. Наврядъ ли будутъ дѣлать разслѣдованіе, а, если и будутъ, — найдутъ все въ совершеннѣйшей исправности и успокоятся. Намъ важно, штабсъ-ротмистръ, чтобы никакого пакостнаго подозрѣнія не упало на голову моей жены. Пока она моя жена — она — жена Цезаря... Понимаете — не-при-ко-сно-венна. Итакъ — прощайте. Ибо, надѣюсь, — такъ ли, эдакъ ли обернется дѣло, видѣться намъ больше не придется. Подробности меня не интересуютъ. Мнѣ важенъ только фактъ...

— Когда прикажете ѣхать?

— Какъ только получите нужныя бумаги и удостовѣренія, а я съ этимъ не задержу-сь, — такъ и ѣзжайте налегкѣ.

Фонъ Деренгофъ вышелъ изъ-за стола и крѣпко пожалъ руку Ламбину.

«Однако», — думаль Ламбинъ, ѣдучи домой, — «въ какую сложную и неприятную передрагу я попалъ изъ-за нашего милаго, застѣнчиваго жено-ненавистника чухны. Выходить, что онъ для себя избралъ такой огромный знаменатель, что рискуеть обратиться въ ноль — въ небытіе. А это можетъ быть лишь тогда... тогда», — Ламбинъ напрягалъ свою математическую память, — «лишь тогда, когда и самъ числитель будетъ нолеми. Нѣтъ, Георгій не ноль... Далеко, не ноль, иначе не выбрала бы его «царица», не поставила бы все на карту... И какой все-таки молодець баронъ. Вотъ и не красивъ и не симпатичень, а въ этомъ дѣлѣ показаль столько благородства и рыцарской честности».

XV.

Послѣдній перегонъ отъ станціи Хун-ляо-хедзы до Бай-ляо-хэ Ламбинъ ѣхалъ, сидя на полу товарнаго вагона. Поѣзда на югъ вовсе не ходили. На перегонѣ было неспокойно. По настоятельной просьбѣ какого-то ремонтнаго десятника, начальникъ станціи согласился отправить нѣсколько товарныхъ вагоновъ съ рабочими. На просьбу Ламбина удѣлить и ему мѣсто въ этомъ поѣздѣ комендантъ станціи отвѣтилъ:

— Поѣзжайте... Но на полную вашу отвѣтственность. Хунхузия распоясалась во всю... Генераль Ренненкампфъ сидитъ въ Гиринѣ, а тутъ поднялось движеніе... Боже ты мой, что тутъ дѣлается!.. Знакомые китаезы мнѣ говорили, что и въ нашемъ Богоспасаемомъ городишкѣ какая-то бумага получена и будто даже отъ самой Императрицы — давить «бѣлыхъ дьяволовъ» — это насъ, значить, съ вами. Недавно здѣшній гарнизонъ англійскія винтовки получилъ. Безъ охраны не велѣно пускать поѣзда, а для охраны основанія нѣтъ. Грузъ самый пустой — песокъ изъ карьера и китайцы рабочіе... Вы не въ счетъ. Для васъ особое предприсаніе нужно... Такъ какъ же вы поѣдете?.. Эти самые китайцы — кто они такіе — развѣ можно поручиться, что они и сами-то не хунхузы? Но... Дѣло ваше... Только держите ухо востро.

Поѣздъ пустили, и онъ загромыхаль и заскрипѣль примерз-

шими къ рельсамъ колесами по недавно еще разрушенному хунхузами и наскоро возстановленному пути.

Холодный зимній день кончился быстро. Кругомъ была степь, покрытая снѣгомъ. Изъ-подъ снѣга торчали желтые стебли старой травы, — они качались на вѣтру. Темныя тучи застилали небо, закрыли и низкое солнце и совсѣмъ незамѣтно подошла темная ночь, безъ луны и безъ звѣздъ.

Поѣздъ шель съ погашенными огнями, будто крался въ темнотѣ черезъ овраги и степные просторы. Прогудѣли колеса на желѣзномъ мосту черезъ небольшую рѣчку, покрытую льдомъ. На льду стоялъ фонарь и недалеко отъ фонаря, притаившись за устоемъ, стояло два часовыхъ въ тяжелыхъ тулупахъ. За мостомъ была землянка, чуть свѣтившаяся желтымъ окошкомъ. Поѣздъ остановился. Машинистъ вышелъ съ паровоза и о чемъ-то совѣщался съ солдатомъ, вышедшимъ изъ землянки. Было тихо. Между вагоновъ посвистывалъ ледяной вѣтеръ, мель снѣжную поземку по степи. Кругомъ была кромѣшная тьма. Въ сосѣднемъ вагонѣ китайцы запѣли нескладную, унылую пѣсню.

Казалось Ламбину, что попалъ онъ на край свѣта, въ «сѣни смертныя».

Ламбинъ кутался въ шинель, покрѣпче затягивалъ углы башлыка и все поглядывалъ въ полуоткрытую дверь пустого вагона. Передъ нимъ было желтое пятно фонаря на рѣкѣ. Почему-то вспоминалъ слова Евангелія отъ Иоанна — «и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объятъ».

Свѣтилъ свѣтъ среди кромѣшной тьмы и тьма непогожей зимней ночи не могла захватить его.

Вдоль поѣзда по пути шель кто-то, должно быть, желѣзнодорожный служащій.

— Что тамъ случилось? — спросилъ Ламбинъ.

— Пойдемъ ли дальше, нѣтъ ли, — ничего неизвѣстно, — отвѣчалъ служащій. — Безпокойно очень.

— А далеко до Бай-ляо-хэ?

— Вовсе близко. Пяти верстовъ отъ моста не будетъ. Да не разобрали ли дьяволы-то эти опять пути?

Служащій повернулъ обратно къ паровозу. Поѣздъ тронулся и пошелъ потихоньку. Впереди шли люди, осматривавшіе путь. Наконецъ, поѣздъ остановился и тотъ же служащій, признавшій въ Ламбинѣ офицера, подошелъ къ вагону и сказалъ:

— Однако, пріѣхали... Пожалуйте, я вамъ помогу.

Онъ протянулъ руку Ламбину и тотъ выпрыгнулъ изъ вагона на полотно дороги.

— Позвольте вашъ чемоданикъ, я снесу въ казарму.

Кругомъ былъ мракъ. Зловѣще краснѣли угли въ паровозной гопкѣ и гдѣ-то во мракѣ, и казалось, что очень далеко чуть свѣтилось небольшое окно.

— Гдѣ же постъ?

— А вотъ пожалуйста за мною.

Утопая по колѣни въ сугробахъ снѣга, Ламбинъ спустился съ насыпи и почти сейчасъ же наткнулся на спящій темный поселокъ. Окно свѣтилось въ длинной узкой казармѣ. Подойдя къ окну, Ламбинъ увидѣлъ за нимъ телеграфный аппаратъ, колесико съ бумажной лентой, избитый, исчербленный, изрѣзанный ножами въ часы томительной скуки темный столъ, желѣзную кружку на немъ, корку черного хлѣба и дремлящаго за столомъ телеграфиста въ полушубкѣ на опашъ.

— Вотъ тутъ спросите, кого вамъ надобно. Это и есть постъ Бай-ляо-хэ, — сказалъ железнодорожникъ, ставя чемоданъ на снѣгъ. — А я, простите, побѣгу на поѣздъ.

Онъ получилъ «на чай» и скрылся во мракѣ. Ламбинъ, слѣдуя вдоль стѣны врытаго на половину въ землю барака, дошелъ до дощатой двери, которую не столько увидѣлъ, сколько нащупалъ и прошелъ въ телеграфную.

Тамъ коптила маленькая жестяная лампочка. Пахло керосиновой гарью, махоркой, овчиной и дегтемъ. Телеграфистъ мутными со сна глазами смотрѣлъ на Ламбина и, наконецъ, прочухавшись, призналъ въ немъ офицера и медленно всталъ.

— Вамъ кого? — спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Здѣсь постъ охранной стражи Бай-ляо-хэ? — спросилъ Ламбинъ, ближе подходя къ солдату.

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Мнѣ нужно видѣть капитана генеральнаго штаба Мальм-сена.

— Однако, ваше благородіе, здѣсь нѣтъ такого. На посту есть начальникъ, командиръ сотни, ротмистръ Гриневъ.

— Гдѣ же онъ?

— Простите, отлучиться отъ аппарата не могу, я дежурный.

Извольте зайти за уголь казармы — тамъ увидите фонарь, тамъ и будетъ ихъ квартира. Тамъ все и узнаете.

Зайдя за уголь землянки, Ламбинъ и точно увидѣлъ, что за землянкой въ пологомъ оврагѣ на бѣломъ снѣгу темнѣли линіи другихъ землянокъ и, должно быть, тамъ была коновязь. На Ламбина пахнуло привычнымъ запахомъ прѣлой соломы, навоза и лошади. Тамъ, невидное отъ желѣзной дороги, свѣтилось окно и дальше чуть желтѣлъ рядъ мутно освѣщенныхъ оконъ казармы.

Ламбинъ пошелъ на свѣтъ. Окно было занавѣшено полотномъ и подлѣ было нѣкоторое подобіе деревяннаго крыльца. Три ступеньки шло внизъ; внизу была дверь, обитая рогожами.

«Офицерская землянка», — подумалъ Ламбинъ и постучалъ кулакомъ въ дверь.

— Кто тамъ? — раздался хриплый голосъ. — Входи!

Ламбинъ открылъ дверь. За нею были сѣни и въ ихъ темнотѣ, въ кисломъ воздухѣ, гдѣ былъ сложный запахъ мокрыхъ бараньихъ шубъ, сапогъ и спящаго солдата — онъ и храпѣлъ гдѣ-то въ углу, прямоугольникомъ тонкихъ щелей намѣтилась сбоку еще дверь. Ламбинъ толкнулъ ее и вошелъ въ маленькую комнату съ низкимъ потолкомъ.

Послѣ темноты и холода Ламбину показалось въ ней очень свѣтло, и жарко до духоты. Посерединѣ стоялъ столъ, накрытый на два прибора. За столомъ, въ разстегнутомъ коричневомъ мундирѣ охранной стражи, съ золотыми жгутами поручика на плечахъ, сидѣлъ молодой человѣкъ съ румянымъ лицомъ и русыми вьющимися, всклокоченными волосами. Передъ нимъ была бутылка водки, стаканъ и только-что вскрытый консервъ съ омаромъ. Крѣпкій запахъ омара, водки и одеколona стоялъ въ комнатѣ.

Молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ламбина, всталъ съ грубой табуретки и застегнулъ мундиръ...

— Простите, ротмистръ. Я думалъ, что кто-нибудь съ поста. Н-никакъ не ждалъ появленія такого блестящаго гостя, — сказала онъ. — Не угодно ли для начала выпить и закусить. Съ мороза оно, знаете, очень даже прекрасно будетъ. По себѣ знаю. Какъ же вы сюда попали? Чисто, съ неба спустились. Ей Богу, ну, право, какъ съ небесъ. Мы и поѣзда сегодня не ждали. Что же сюда?.. Или дальше куда ѣдете? Обогрѣться «на огонекъ». Да, простите, я не представился вамъ. Поручикъ 39-й сотни, Охранной стражи Восточно-Китайской дороги Вяткинъ.

— Штабсь-ротмистрь Ламбинь. Я пріѣхалъ къ капитану Мальмсену. Онъ здѣсь...

— Садитесь, штабсь-ротмистрь. Очень пріятно. Оч-чень пріятно-съ. Значить — еще одинь... Къ намъ. Ей Богу, ну право, какъ бабочки на огонь гастролеры къ намъ летятъ.

Ламбинь замѣтилъ, что поручикъ Вяткинъ былъ сильно на веселѣ и пропустилъ мимо ушей замѣчаніе о гастролерахъ.

— Мнѣ нужно, — сказала онъ сдержанно и серьезно, — мнѣ необходимо видѣть капитана Мальмсена. Я имѣю къ нему служебное порученіе.

— Гм-ммъ... Такое блестящее знакомство... Гусарскаго полка штабсь-ротмистрь. Ей богу, ну право — были дни, когда и я мечталъ быть гусаромъ... Это, кажется, у Кузьмы Пруткова сказано: «Если хочешь быть красивымъ — то поступай въ гусары».

Ламбинь невольно улыбнулся на пьяную болтовню поручика. «Что съ него возьмешь — выпилъ лишнее человѣкъ».

— Вамъ, поручикъ и поступать въ гусары не нужно. Вы и такъ очень хороши. Но скажите вы мнѣ толкомъ, здѣсь капитанъ генеральнаго штаба Мальмсенъ, или нѣтъ?

— Мерси за комплиментъ. Если бы отъ женщины такой комплиментъ да слышать... Ей Богу право, какой вы «ироникъ». Капитанъ Мальмсенъ былъ да весь вышелъ.

— То есть? Что это значить?

— А не слыхали-съ?.. Какъ въ галантерейныхъ лавкахъ отвѣчаютъ. Приходить эдакая, скажемъ, барыня, спрашиваетъ ситчику розоваго съ голубыми цвѣточками, а прикащикъ и отвѣчаетъ ей: «Извините-съ, сударыня, такого нѣтъ-съ въ настоящее время. Былъ — это точно-съ, да весь вышелъ»... Такъ и капитанъ Мальмсенъ — былъ и нѣтъ его.

— Что же съ нимъ случилось? — уже съ тревогой въ голосъ спросилъ Ламбинъ.

— Да вы не волнуйтесь, ротмистрь, ей Богу, ну право. Ничего съ нимъ не случилось такого особеннаго. Садитесь лучше. Вотъ я наливаю вамъ стаканчикъ и — за «ваше здоровье»... А потомъ и расскажу вамъ, какъ это морально, натурально и фигурально капитанъ Мальмсенъ былъ, да весь вышелъ.

Пришлось Ламбину выпить, закусить омаромъ, выпить еще и еще разъ и еще закусить и только тогда Вяткинъ сталъ объяснять, куда и какъ дѣвался капитанъ Мальмсенъ.

— Эт-то, знаете, ей Богу ну право, так-кая исторія... Меня тутъ не было. Я в отпуску былъ. Приѣзжаетъ къ намъ капитанъ генеральнаго штаба Мальмсенъ. Чисто — душка капитанъ... А у насъ въ ту пору, знаете, особенно такъ-то горячо было. Каждый день эти желтые дьяволы на линію нападали. Капитанъ вездѣ первый — скачетъ, рубить на поваль. Чистый Бова Королевичъ! Солдаты души въ немъ не чають. Китаезы въ трепетѣ, прозвали его «ломайла-капитанъ»... Мой сотенный — ротмистръ Гриневъ въ восторгѣ отъ такого помощника. Да еще они и одного училища оказались. Ну, думаетъ, хотя и на гастроли приѣхалъ, а ведетъ себя — это точно — да-а!.. На ять! Ведетъ себя, ей Богу, ну право, хотя бы и старому охраннику такъ вести въ пору. Молодечки. Къ Рождеству мой отпускъ кончился, ѣду я сюда, и въ городѣ Хун-ляо-хедзы — а это для насъ все равно, что Парижъ, или Москва какая-нибудь, въ отлично отдѣланной фанзѣ, бариномъ эдакимъ, настоящимъ персидскимъ фазаномъ проживаетъ капитанъ Мальмсенъ. Отчетъ какой-то тамъ составляетъ. И будто барыньку къ себѣ какую-то ожидаетъ. Тутъ вѣдь у насъ на этотъ счетъ просто — не спрашиваютъ вѣнчаны, нѣтъ ли, были бы хорошіе люди. Вотъ такъ-то по нашему съ ротмистромъ Гриневымъ мнѣнію, былъ капитанъ Мальмсенъ и морально весь вышелъ.

— Гдѣ ротмистръ Гриневъ?

— Ушелъ съ полусотней на развѣдку. Вотъ, — сказала Вяткинъ, показывая на второй приборъ, — съ ужиномъ его ожидаю, а мнѣ Богъ какого гостя-то послалъ!

— Ну, хорошо. Морально, по вашему, капитанъ Мальмсенъ весь вышелъ, ну, а натурально и фигурально, какъ вы сказали, что же съ нимъ произошло? Гдѣ онъ?

— Фу-ты Боже мой, вотъ ей Богу ну право, какой вы невнимательный... Я-же сказалъ вамъ въ городѣ Хун-ляо-хедзы, въ Парижѣ нашемъ, въ покоѣ и безопасности отчетъ пишетъ. *Et voilà tout,**) — какъ говорятъ образованные французы.

— Тогда мнѣ нужно немедленно вернуться въ Хунъ-ляо-хедзы, — вставая, сказала Ламбинъ.

— Да, какъ же вы вернетесь-то, милый ротмистръ? Когда еще обратный поѣздъ-то будетъ. Можетъ быть, только черезъ недѣлю,

*) Вотъ и все.

а то и позже... Хунхузы шалить. Чортъ знаетъ, когда движеніе-то наладится.

— Я поѣду верхомъ.

— Верхомъ?.. Что же это, конечно, можно... Такъ не ночью же? Вотъ вернется ротмистръ, мы и обмозгуемъ все, какъ вамъ ѣхать, а сейчасъ давайте-ка, не дожидаясь ротмистра, поужинаемъ, вы у меня заночуете, а тамъ утро вечера мудренѣе.

Вяткинъ такимъ зычнымъ голосомъ крикнулъ: «Гей!.. Лемешко!..», что стекла въ землянкѣ задрожали и ярче вспыхнуло пламя лампы. Въ сосѣдней комнатѣ топнули ноги, чиркнула спичка, распахнулась дверь и въ ней появилась заспанная, лохматая рожа въ рубахѣ и нижнихъ портахъ.

— Вотъ онъ я — Лемешко, — хриплымъ густымъ голосомъ сказала фигура. — Чего изволите, ваше благородіе?

— Бѣги, другъ на кухню, тащи намъ ужинъ. Твоего барина ждать не будемъ. Видишь, какой у меня гость сидитъ.

Заспанная рожа узкими, удивленными глазами осмотрѣла гостя въ темносиней венгеркѣ съ золотыми жгутами, недоумѣнно крякнула и исчезла, хлопнувъ дверью.

XVI.

Въ той телеграфной комнатѣ, куда прежде всего попалъ на посту Бай-ляо-хэ, Ламбинъ, послѣ его ухода еще крѣпче сгустился холодный воздухъ, тусклѣе стала горѣть керосиновая лампочка, телеграфистъ, отвалившись къ стѣнѣ, два раза всхрипнулъ, всхлипывая, потомъ, не въ силахъ одолѣть могучій сонъ, склонился на передъ, къ столу, къ самому аппарату, положилъ лохматую голову на руки и закрылъ глаза. Сонъ овладѣлъ имъ.

Надъ нимъ задрожалъ, затрещалъ аппаратъ, застучалъ по лентѣ иглоу, точно ожилъ. Вызовъ... Еще и еще вызовъ. Телеграфистъ сквозь крѣпкій сонъ слышитъ его и все не можетъ никакъ очнуться. Онъ сильнѣе всхрапываетъ, вздыхаетъ, наконецъ, открываетъ глаза и долго смотритъ на ожившій аппаратъ.

— Ахъ ты! Что бѣ его разорвало! Чисто нечистая сила. Въ этукую ночь... Кому, какая надобность?

Привычно, еще сонною, трясущеюся рукою онъ поворачиваетъ ключъ и потекла по аппарату, какъ живая рѣка лента, застрочили по ней точки черточки. Сталь, еще сонный разбираться въ нихъ телеграфистъ, схватился за ключъ и застучалъ самъ.

— Станція Бай-ляо-хэ... Станція Бай-ляо-хэ слушаетъ... Слушаетъ Бай-ляо-хэ...

Лента катилась дальше, поднялась упругимъ колесомъ, сонулась къ полу, упала и остановилась. Аппаратъ затихъ, точно и онъ не въ силахъ одолѣть сна, уснулъ и самъ.

Телеграфистъ пересмотрѣлъ ленту, схватился за ключъ, пустилъ аппаратъ, яростно сталъ выстукивать точки и черточки, остановился, все ждалъ отвѣта. Снова стучалъ и опять ожидалъ. Аппаратъ молчалъ. Телеграфистъ оторвалъ ленту, схватилъ со стѣны папаху съ желтымъ верхомъ и, не застегивая полушубка, выскочилъ наружу и по сугробамъ снѣга побѣжалъ внизъ къ землянкамъ поста.

Все та же была темная, мрачная, морозная ночь. Казалось, весь мѣръ замкнулся въ этомъ маленькомъ поселкѣ, а кругомъ былъ первобытный мракъ, ничто, небытіе. Холодный вѣтеръ ровно и мѣрно дулъ по степи.

Пробѣгая мимо коновязи, телеграфистъ крикнулъ попавшемуся подлѣ лошадей дневальному:

— Буди ребятъ, подымай коней, заразы сѣдлать нужно. Тревога будетъ.

Онъ вскочилъ въ сѣни офицерской землянки и постучалъ въ жидкую дверь.

— Входи! — крикнулъ Вяткинъ.

Онъ разливалъ въ это время япо кружкамъ шампанское. Тарелки со щами были прикончены, ихъ замѣнили тарелки съ бараньимъ пловомъ.

— Ну, чего ты?.. Какъ бѣшенный. А еще и при гостѣ, — съ упрекомъ пьянымъ голосомъ сказалъ Вяткинъ. — Ну чего тамъ еще случилось?

— Ваше благородіе, вотъ извольте сами прочитайте. Тамъ, значитъ, такое... Можно сказать... Неожиданно... Тамъ рѣжутъ...

Вяткинъ не умѣлъ читать ленту. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— Позвольте, поручикъ, я читаю, — сказалъ Ламбинъ.

— А я тебѣ говорилъ, ротмистръ, прошу на «ты» и никакихъ.

И называй меня Миша... Еще лучше Мишкой... Меня такъ и въ гимназіи и въ училищѣ звали: «Мишка», да еще «Мишка медвѣдь»...

— Ну, давай, Мишка, ленту.

Ламбинъ взглянулъся въ длинную череду точекъ и черточекъ и хмѣль, было, овладѣвшій и имъ, сошелъ съ него.

— Это откуда передають? — быстро спросилъ онъ телеграфиста.

— Со станціи Хунь-ляо-хедзы, — такъ же быстро, сразу почувствовавъ въ Ламбинѣ настоящего начальника, отвѣтилъ телеграфистъ.

— Поручикъ, тамъ неблагополучно...

— Да, зови меня Мишей, я же просилъ, — капризнымъ голосомъ сказалъ Вяткинъ.

— А, чортъ!.. Мишка! Понимаешь? На нашъ постъ въ Хунь-ляо-хедзы нападеніе. Вотъ лента... Она оборвана на полусловѣ. «Напали хунхузы... Идетъ рѣзня... Мѣстный гарнизонъ перешелъ на сторону... Необходима помощь... Капитанъ Мал»... Дальше не было?..

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Должно и станція захвачена...

— Сѣдлать нужно, Мишка.

— Сѣдлать... Сѣдлать, — пьяно повторилъ Вяткинъ и всталъ изъ-за стола. — Тр-ррубачъ, трр-руби тр-ревогу, — могучимъ голосомъ пропѣлъ онъ.

«Ну, куда я съ нимъ поѣду?» — подумалъ Ламбинъ, — «ишь, какъ назюзился. Совѣмъ его развезло»...

Но, къ удивленію Ламбина, какъ только появился Вяткинскій деньщикъ — уже не заспанная, лохматая рожа, а причесанный и аккуратно одѣтый — и подаль Вяткину полушубокъ, шашку и револьверъ, Вяткинъ сразу протрезвѣлъ.

За деньщикомъ въ дверяхъ показалась осанистая фигура вахмистра. Тотъ былъ уже вполнѣ готовъ къ походу.

— Вахмистръ... Тревогу...

— Не извольте беспокоиться. Полусотня готова. Здѣсь оставляю для охраны десять челоуѣкъ съ унтеръ-офицеромъ Разогрѣвымъ.

— Поручикъ, — сказалъ Ламбинъ, — я попрошу васъ дать мнѣ лошадь. Я поѣду съ вами...

Вяткинъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на Ламбина и прошепталъ: «Опять»!.. потомъ громко и все еще не совсѣмъ трезво добавилъ:

— Н-ну!.. И куда ты поѣдешь? Какъ тотъ персидскій фазанъ что ли? Мальмсенъ. Погибнешь, ни за понюхъ табака, погибнешь...

— Поручикъ. У меня служебное порученіе и я требую себѣ лошадь...

— И шинелишка на тебѣ жидкая...

— Ваше благородіе, — вмѣшался въ разговоръ вахмистръ, — ежели имъ Астаповскаго коня дать, а Астапова оставить здѣсь для присмотра. И полушубочекъ имъ чистенькій сейчасъ доставимъ. Лемешко, бѣги въ чихаузъ...

— Да вѣдь, погибнетъ онъ, вахмистръ. Ты посмотри, кто онъ?.. Не намъ онъ чета... Гусарскій штабсъ-ротмистръ... Гвардія.

— Никто, какъ Богъ, ваше благородіе. Имъ такъ естественно, что желательно въ бой, на выручку. А намъ каждый начальникъ дорогъ... Капитанъ Мальмсенъ какой герой были! Такъ я пойду, распоряджусь.

Когда Ламбинъ съ Вяткинымъ сѣли на поданныхъ имъ у крыльца бѣлыхъ лохматыхъ монголокъ, — полусотня была уже построена. Въ темнотѣ ночи, на бѣломъ снѣгу прочертилась темная линія строя. Раздалась команда: «Смир-рно»...

Офицеры подѣхали къ сотнѣ.

XVII.

Съ мѣста пошли скорою, широкою рысью. Ламбинъ удивлялся силѣ и сноровистости маленькаго конька, на которомъ онъ сидѣлъ и быстротѣ его бѣга.

Впереди маячили едва видные дозорные. Рядомъ пыхтѣлъ и отдувался отходящій отъ хмѣля Вяткинъ, сзади дружно шелестѣла ногами по снѣгу полусотня, вившаяся длинной колонной по три. Должно быть шли все-таки по какой-то дорогѣ, не видной подъ снѣгомъ. Ровно, не проваливаясь въ сугробы, бѣжали лошади. Кругомъ былъ мракъ. Въ небѣ не было ни звѣзды, ни какого просвѣта. Черныя тучи сплошь покрыли небо, нигдѣ не попадалось

ни освѣщеннаго окна, ни дерева, ни куста. Мертвая пустыня была кругомъ.

Такъ шли они, не мѣняя хода, больше часа. Всѣ молчали.

Вдругъ Вяткинъ обернулся и спросилъ:

— Пироксилиновыя шашки взяли?

Сзади отвѣтили:

— Взяли, ваше благородіе.

— Тамъ городскія ворота и ворота Импани наврядъ ли отворять. Взрывать придется.

— Понимаемъ, ваше благородіе.

Обгоняя Ламбина, задѣвая его за ногу вьюками, выскочило сзади человѣкъ восемь солдатъ и поскакали широкимъ наметомъ, впереди дозорныхъ. Они скрылись, потонули во мракѣ ночи.

Вяткинъ скомандовалъ: «шагомъ». Онъ постепенно трезвѣлъ.

— Вы понимаете, ротмистръ, — сталъ онъ рассказывать ровнымъ спокойнымъ голосомъ. — Вамъ, можетъ быть странно, что тутъ есть эти самые хунхузы, когда наши войска пришли. Тутъ, и совсѣмъ недалеко за степью, начинаются горы и лѣса. Да такіе, что тамъ никакъ не съищешь этихъ дьяволовъ. На прошлой недѣлѣ намъ писали, что Гириискій Дзянь-дзюнь не ручается ни за что... Кругомъ идетъ противъ насъ пропаганда... Третьяго дня нашъ переводчикъ, Василій Ивановичъ, сказалъ вахмистру: «Твоя хунхуза есть, желтая хунхуза. Шибко машинка есть»... Вахмистръ пожаловался ротмистру Гриневу. Василій Кирилловичъ призвалъ переводчика. — «Ты», — говоритъ, — «что это замышляешь? Плетей попробовать хочешь». А тотъ злобно сверкнулъ глазами и говоритъ: «Вамъ всѣмъ скоро «кантами» будетъ. Голева долой»... Вотъ, ротмистръ, въ какую передрагу вы попали. Вы нашей жизни на окраинѣ не знаете. Да и кто тамъ наверху ее знаетъ, кто оцѣнить, кто опишетъ ее когда-нибудь? Мы тутъ балансируемъ на канатѣ надъ пропастью. А въ пропасти — огонь, адъ кромѣшный, смерть гуляетъ на просторѣ. Тутъ ни развѣдки, ни счета врага нѣтъ... Сегодня онъ вашъ другъ, шапку передъ вами ломаетъ — завтра вооружился и напалъ, когда вы не ждете. Тутъ только спросишь — «гдѣ?», а тамъ — руби, стрѣляй, коли штыками, гони. И раньше все ничего было... У нихъ — фальконеты, старыя ружья, охотничьи двустволки, наши старыя берданки. Конечно фальконетная пуля, когда попадетъ — не пощадитъ — рана въ ладонь, да попадала-то рѣдко. Теперь чего, чего только англи-

чане имъ не наслали... Коварный Альбионъ своего не упустить, съѣсть смерть вездѣ, гдѣ можетъ, а уже насъ ненавидитъ лютою ненавистью. Ему только и дѣла, что торговать, да гадить.

— Ваше благородіе, чувствуете? — раздался сзади голосъ охранника.

Все слышнѣе и слышнѣе становилась впереди перестрѣлка. Она шла порывами. То затихала на нѣсколько мгновений, потомъ раздадутся два, три выстрѣла и опять затарахтитъ частымъ огнемъ.

— Въ улицахъ — бой, — тяжело вздыхая, сказала Вяткинъ, — самая поганая штука.

Вдругъ впереди и, такъ показалось, что очень близко, метнулось къ небу яркое желтое пламя, озарило полъ неба и сейчасъ же гулъ покотился по землѣ.

Подрывники взорвали городскія ворота.

Вяткинъ обернулся къ Ламбину и сказала:

— Вы позволите, штабсъ-ротмистръ?

— Помилуйте, поручикъ, вы здѣсь начальникъ... Я — гость... Гастролеръ...

— Простите, штабсъ-ротмистръ, что я васъ такъ назвалъ. Къ слову пришлось, а меня и мать моя звала — пустословъ...

Вяткинъ откинулся назадъ и зычно, уже совершенно трезвымъ голосомъ скомандовала, точно пропѣлъ:

— Па-алле-вы-мъ гал-лоп-помъ ма-ааршъ!..

XVIII.

Черезъ горящія ворота проскочили въ башенный проходъ и ворвались въ улицу. Передъ ними, въ центрѣ города, вспыхнулъ пожаръ. Зарево, полыхая, освѣщало неровнымъ, трепетнымъ свѣтомъ пустыя улицы, ряды низкихъ сѣрыхъ китайскихъ домовъ съ заложеными на широкія окна лавокъ тяжелыми ставнями и наглухо запертыми воротами. За воротами злобно лаяли и выли собаки.

Лошади скользили по деревянной мостовой. Полусотня перешла на рысь.

Когда прошли главную улицу — вышли на площадь, очутились на совсѣмъ свѣтломъ мѣстѣ. Передъ ними пылала Импань. На площади валялись трупы русскихъ солдатъ и китайцевъ, здѣсь былъ бой, теперь онъ перешелъ въ Импань. Русскіе ворвались въ крѣпость.

Градъ пуль встрѣтилъ Вяткина. Пули визжали и свистали, сбивали куски кирпичей отъ домовыхъ стѣнъ. Сотня остановилась подалась назадъ и въ сторону и укрылась въ переулкѣ. Вяткинъ приказалъ спѣшиться для стрѣлковаго боя. Изъ пламени горящей Импани, гдѣ непрерывная шла стрѣльба, изъ пекла боя прибѣжалъ дозорный.

— Ваше благородіе, — задыхаясь отъ быстрого бѣга, докладывалъ онъ Вяткину, — нашъ ротмистръ уже здѣсь, пожалуйста я васъ проведу къ нимъ. Они васъ ожидаютъ.

— Пойдемъ, ротмистръ, — сказалъ Вяткинъ. — Вахмистръ, укрой коноводовъ съ лошадьми за фанзами. Самъ подавайся съ полусотней перебѣжками. Заходи на ту сторону площади, гдѣ кумирная, возьми ихъ во флангъ.

— Понимаю, ваше благородіе.

Укрываясь вывѣсками магазиновъ, уступами воротъ, скользя вдоль уличныхъ стѣнъ, Ламбинъ, Вяткинъ и охранникъ выбрались на площадь. Тутъ увидѣлъ Ламбинъ кумирню. Высокая трехъ ярусная башня, съ разлатыми, поднятыми по краямъ, все уменьшающимися кверху крышами ярусовъ кумирня была въ трепетномъ огнѣ пожарнаго зарева.

Въ Импани горѣлъ складъ досокъ и длинная узкая фанза, должно быть казарма. Черезъ ярко освѣщенное мѣсто пожарища, гдѣ на потаявшемъ почернѣвшемъ снѣгу валялись дымящія бѣлымъ дымомъ черныя балки перебѣгали люди. Откуда-то раздавался дикій, визгливый вой. Съ края пожарища, изъ-за фанзы, изъ-за невысокихъ заборовъ щелкали выстрѣлы.

— Вотъ тамъ и ротмистръ, — показалъ на фанзы охранникъ. — Только какъ теперича перебѣжишь къ нимъ? Онъ опять въ наступленіе перешелъ. Давеча, какъ я уходилъ, затихать сталъ, весь подался назадъ. А теперь — эдакое дѣло — не пробьешься. Увидятъ, закружатъ. Ишь сколько ихъ тутъ бѣгаетъ. Чистые черти.

— Ну чего тамъ? — задорно крикнулъ Вяткинъ. — Черти! сказалъ тоже! Ротмистръ, вы-то останьтесь. Вамъ зачѣмъ же?.. Не къ чему рисковать, ступайте къ коноводамъ.

— Съ полночи такъ пошло, — почесываясь, говорилъ охранникъ. — А теперъ третій часть ночи. Не сломить ихъ никакъ. Развѣ, что обходъ поможетъ. Уже очень большая его сила.

— Болтай зря! — пьяно сказала Вяткинъ, — заломилъ папаху на затылокъ, выхватилъ изъ ножонъ шашку и кинулся на перерѣзъ бѣгущимъ черезъ площадь.

Ламбинъ побѣждалъ за нимъ.

Они благополучно перебѣжали часть площади, и перепрыгнувъ черезъ обвалившуюся, дымящую стѣнку очутились на огромномъ дворѣ. До длинной фанзы, откуда стрѣляли охранники Гринева было около двухсотъ шаговъ.

Мечущіеся по двору, полуобнаженные хунхузы съ длинными, черными косами на затылкѣ и точно похожіе на чертей, замѣтили ихъ. Нѣсколько китайцевъ выскочило изъ-за развалинъ и съ визгомъ и криками, съ неистовымъ воемъ бросились на перерѣзъ Вяткину и Ламбину.

Ламбинъ пріостановился.

— Э!.. Ерунда! — крикнулъ Вяткинъ, схватилъ клинокъ шашки въ зубы и, выхвативъ револьверъ изъ кобуры, сталъ отстрѣливаться. Онъ стрѣлялъ мѣтко. Ламбинъ потянувшійся тоже за револьверомъ видѣлъ, какъ послѣ каждаго выстрѣла Вяткина падали люди.

Огромный китаецъ съ безумными, горящими дикою злобою и ненавистью глазами набѣжалъ сбоку и сзади на Ламбина и замахнулся прикладомъ... Ламбинъ понялъ — конецъ. Смерть... Прошла секунда. Но точно время остановилось. Ламбинъ ясно и со всѣмъ близко видѣлъ высокую кумирню, то освѣщенную пожарнымъ полымемъ сверху до низу, то утопающую въ лиловомъ сумракѣ ночи. Казалась она видѣніемъ уже другого потусторонняго міра. Почти вплотную къ Ламбину было мускулистое, огромное, блестящее, коричнево-желтое тѣло китайца, воняющее бобовымъ масломъ, потомъ и чеснокомъ. Ударъ долженъ былъ сейчасъ обрушиться на голову. Что-то, какая-то сила, со всѣмъ непонятная, не сила инстинкта самосохраненія, но нѣчто новое, никогда не испытанное Ламбинымъ рѣзко толкнуло Ламбина въ бокъ, не больно, но мягко и упруго и будто даже и ласково, Ламбинъ пошатнулся отъ сильнаго толчка и страшный ударъ приклада прошелъ мимо, лишь слегка задѣвъ по виску и сбивъ съ головы Ламбина фуражку. Хунхузъ, собравшійся снова кинуться на Ламбина присѣлъ на

корточки, корчась отъ боли. Изъ его живота текла темная кровь. Мѣткая пуля Вяткина уложила его.

Нѣсколько мгновеній ошалѣвшій отъ сильнаго удара Ламбинъ стоялъ ничего не соображая. Онъ понялъ: чудо спасло его, невидимая сила мягкимъ ударомъ отбросила въ сторону.

Громовое ура раздавалось вокругъ. Въ окна длинной фанзы-казармы выскакивали охранники и, держа ружья съ прижатыми штыками на перевѣсь, бѣжали на дворъ. Отъ кумирни имъ навстрѣчу раздалось другое ура. Вахмистръ вывелъ во флангъ и въ тылъ полусотню и бросился на выручку. Выстрѣлы, дикій визгъ и крики злобы смолкли. Они смѣнились жалобнымъ воемъ. На площади стояли на колѣняхъ полуобнаженные люди, ружья были брошены, солдаты собирали ихъ, связывали людей косами по два и по три, а отъ кумирни вели, толкая въ спину, огромнаго, богато одѣтаго китайца въ круглой шапкѣ, отороченной собольимъ мѣхомъ съ соколинымъ перомъ. Страшный вождь мѣстныхъ хунхузовъ, полгода державшій въ трепетъ всю провинцію, сдался въ плѣнъ.

Все это видѣлъ Ламбинъ, но былъ въ полусознаніи и не понималъ, снилось это ему, было это уже въ иномъ мѣрѣ — такъ оно было необыкновенно, не похоже на обычный мѣръ. Голова нестерпимо болѣла, по лицу, по щекамъ и по шеѣ текла густая липкая кровь — онъ не замѣчалъ ея. Онъ сталъ приходить въ себя только тогда, когда къ нему подошелъ высокій, сухощавый человѣкъ въ распахнутомъ на груди бараньемъ полушубкѣ. За полушубкомъ была видна коричневая куртка съ золотыми пуговицами охранной стражи. На головѣ была щегольская, охотничья папаха сѣрой смушки. На загорѣломъ лицѣ, озаренномъ пламенемъ догорающаго пожара свѣтилось счастье победы. Глаза молодо сіяли отвагой.

— Что, ротмистръ? — сказалъ этотъ человѣкъ, протягивая руку Ламбину, — не очень онъ васъ? Кровь-то идетъ все-таки. Перевязать васъ надо. Какъ васъ шатнуло въ сторону. Чисто сила какая-то внѣшняя. Будто кто со стороны толкнулъ васъ. Изумительно. Я гляжу — ну, думаю, погибъ гусарь. Нѣтъ кто-то шибко за васъ Бога молилъ въ эту минуту, Ангела Хранителя послалъ вамъ... Гей, — крикнулъ онъ молодецки, какъ и кричать-то только на полѣ сраженія побѣдители, — фельдшера сюда... Перевязать его благородіе. Спасибо Мишка Медвѣдь... Во-время выручилъ. Пьянъ, конечно, а волшебный стрѣлокъ. Значитъ капитанъ Мальмсенъ успѣлъ все-таки телеграмму вамъ дать. Ахъ, дьяволы!.. Какъ они на него напали...

— А что съ Мальмсеномъ?

— Сейчасъ... Дайте, распоряжусь, по отряду, тогда поидемте — сами увидите... — Бреховскій, — обернувшись къ подходившему съ сумкой фельдшеру, сказалъ Гриневъ. — Займешься прежде всего ихъ благородіемъ... Трубачъ труби — сборъ!

XIX

Начинало свѣтать. Долгая страшная ночь уступала нарождающемуся дню. Морозъ помягчѣлъ. Черныя тучи сыпали чистымъ бѣлымъ снѣгомъ. Пожаръ подъ его хлопьями погасалъ. Бѣлые дымы стлались по грязной землѣ. Снѣгъ покрывалъ ее чистымъ бѣлымъ покровомъ.

Фельдшеръ промылъ и перевязалъ рану Ламбина. Неопасная она была. Прикладъ тяжелаго ружья только скользнулъ по виску и щекѣ, кое-гдѣ содралъ кожу. Одинъ сантиметръ правѣе и черепъ Ламбина былъ бы раскроенъ въ дребезги.

У Ламбина болѣла голова и клонило его ко сну. Хотѣлось покоя, протянуться, лечь, уйти хотя бы на часъ изъ этого кошмара дѣйствительности въ тихій и мирный сонъ. Но раньше всего нужно было узнать, что же съ Мальмсеномъ и гдѣ же онъ, почему онъ не приходитъ къ нему?

Охранники, по Сибирскому обычаю, успѣли среди хаоса боя, на полѣ сраженія, гдѣ валялись свои и непріятельскіе трупы и жалобно стонали раненые китайцы, согрѣть чай и принесли полный котелокъ Ламбину.

— Извольте испить, ваше благородіе.

— Гдѣ ротмистръ Гриневъ и поручикъ Вяткинъ? — нетерпѣливо, лихорадочно блестя глазами спросилъ Ламбинъ. — Мнѣ нужно, непременно нужно ихъ видѣть.

— Сейчасъ плѣнныхъ снаряжаютъ въ Гиринъ. Вотъ, какъ кончатъ, сюда придутъ.

Ламбинъ охотно пилъ горьковатый чай, пахнушій желѣзомъ, закусывалъ чернымъ солдатскимъ сухаремъ и смотрѣлъ, какъ въ выбитомъ маленькомъ окошкѣ все свѣтлѣе становился зимній день и все сыпалъ и сыпалъ пушистыми хлопьями снѣгъ.

— А тепло стало, ваше благородіе, — сказаль прислуживавшій Ламбину солдатъ. — Просто на весну поворачивать стало.

— Тутъ климать — хо-хо, — сказаль сидѣвшій на полу подлѣ кана съ забинтованной ногой раненый охранникъ. — Если уже тутъ возьмется такъ живо станеть... Тутъ и лѣто придетъ.

Теперь все было не такъ, какъ ночью, когда въ свѣтѣ пламени пожара, точно страшные черти метались китайцы, а ихъ длинныя косы мотались сзади, какъ хвосты, когда непрерывно раздавался ихъ дикій вой, щелкали выстрѣлы и свистали и рыли снѣгъ пули. Тогда былъ — адъ. Теперь все стало обыденно, просто и скучно. Тихо падали съ сѣраго неба снѣжинки и только изрѣдка со двора доносились стоны китайцевъ и напоминали о томъ, что кровавая, жуткая ночь была не въ страшномъ кошмарѣ, но была ужасною дѣйствительностью.

— Отчего не приберуть раненыхъ китайцевъ? — болѣзненно морщась отъ стонувъ, сказаль Ламбинъ.

— Со своими еще не управились. Вотъ своихъ всѣхъ приберемъ, тогда и за нихъ примемся, — сказаль раненый въ ногу. — Уже за народомъ послали, да попрятались «ходи» — не скоро ихъ взбудить теперь. Тоже и напуганы очень.

Бодрый голось раздался за стѣной и сейчасъ же въ фанзу вошелъ Гриневъ.

— Ну, что, ротмистръ? Если хотите знать про Мальмсена... Мнѣ Мишка Медвѣдъ говорилъ, что вы для него и пріѣхали. Порученіе какое-то казенное. Нервы-то у васъ крѣпкіе?..

— Вы меня видѣли уже...

— А, но это совсѣмъ, совсѣмъ другое. Мальмсенъ — вашъ товарищъ былъ?

— Да.

— Какъ и мой. Вашъ по корпусу, мой по училищу... Славный парень.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ здѣсь.

— Здѣсь? Я могу его видѣть?.. Говорить съ нимъ?

— Видѣть — да. Говорить? Увы нельзя. Онъ убитъ, замученъ. Если вы не боитесь, что не выдержите — пойдете, онъ совсѣмъ близко, на телеграфѣ.

Ламбинъ поднялся и пошелъ за Гриневымъ.

Въ большой аппаратной работали телеграфисты, исправляя поврежденія. Столы съ аппаратами валялись на землѣ, провода были порваны. Китайцы подѣ наблюдениемъ охранниковъ выносили трупы убитыхъ солдатъ. Въ углу, какъ страшныя восковыя куклы, одни съ закрытыми глазами, другіе съ глазами, страшно выпученными, почти вылѣзшими изъ орбитъ, но глазами мертвыми, странно спокойными, тусклыми и равнодушными ко всему, лежали, полусидѣли, прислонившись къ стѣнѣ, убитые китайцы. Въ сторонѣ отъ нихъ было уложено на носилки длинное тѣло, накрытое офицерскою шинелью.

Гринева подошелъ къ нему, перекрестился и осторожно, точно боясь разбудить спящаго, откинулъ сукно. Обнаженное тѣло лежало подѣ нимъ. На груди были вырѣзаны на кожѣ крестообразныя ремни. На темныхъ полосахъ набухла запекшаяся кровь, она еще не затвердѣла окончательно, но была уже густая и неподвижная.

— По живому, ваше благородіе, рѣзали, — тихо сказалъ стоявшій подлѣ тѣла охранникъ. — И пальцы всѣ какъ есть поломаны и зубы выбиты.

Телеграфисты оставили работу и осторожно, на носкахъ подошли къ покойнику. Они сняли папахи и крестились.

Ламбинъ молча смотрѣлъ на побѣлѣвшее, застывшее лицо друга своего дѣтства. Оно было спокойно. Муки тѣла его не касались. Что-то величавое отразилось на немъ. Душа, покидая тѣло, успокоила его. Точно тихо спалъ милый чухна, товарищъ дѣтства.

Ламбинъ опустился на колѣни. Гринева сдѣлалъ знакъ и солдаты и онъ самъ тихонько и неслышно отошли въ уголокъ большой фанзы. Ламбинъ остался какъ бы наединѣ со своимъ другомъ.

— Джоржи, — тихо сказалъ онъ, первый разъ называя Мальмсена такъ, какъ называла его Марьяна. — Прощай, милый Джоржи. Не судишь тебѣ Богъ вынуть счастливый жребій. Страшенъ судъ Божій и не намъ его понять. Но, слушай, Джоржи, Марьяна будетъ помнить тебя такимъ, какимъ ты ее покинулъ, чтобы ѣхать сюда... Молодымъ... Красивымъ... Цѣлымъ и живымъ!..

Опустившись на колѣни, Ламбинъ поцѣловалъ холодный лобъ друга, осторожно натянулъ на тѣло шинель и поднялся съ колѣнъ.

— Какъ же все это вышло, ротмистръ? — тихо и спокойно спросилъ онъ Гринева.

— Мы не знаемъ. Никого изъ бывшихъ тутъ не осталось въ

живыхъ и мы можемъ только предполагать, что произошло. Въ этомъ городѣ никто не ждалъ нападенія. Отсюда — безпечность. Хунхузы напали потому, что измѣнили китайскій гарнизонъ и перешель на ихъ сторону. Должно быть, сразу кинулись на телеграфъ. Понимали, что нужно желтые дьяволы. Всѣхъ телеграфистовъ прикончили. Почему прибѣжалъ на телеграфъ капитанъ, трудно сказать, можетъ быть, былъ самъ случайнo въ аппаратной. Онъ часто подавалъ телеграммы за послѣднее время. Можетъ быть, услышалъ шумъ драки, выстрѣлы и кинулся на выручку. Онъ вѣдь отважный былъ и силачъ притомъ же.

Гринева качнулъ головою на трупы китайцевъ.

— Все его работа. Быстро разметалъ разбойниковъ и кинулся на телеграфъ подавать намъ просьбу о помощи... Но тутъ ворвались новыя банды и телеграмма была сорвана. Я пришелъ на выстрѣлы... Вотъ, какъ мнѣ рисуется картина всего того, что тутъ произошло этою ночью.

— Какъ только наладится связь съ правительственнымъ телеграфомъ я подамъ телеграмму обо всемъ случившемся и останусь здѣсь съ вами.

— Зачѣмъ теперь вамъ оставаться здѣсь, когда капитанъ Мальсенъ все равно погибъ?

— Какъ вы не понимаете меня, ротмистръ, — пылко воскликнулъ Ламбинъ. — Судьба поставила меня въ часть, ведущую бой, какъ же могу я оставить эту часть прежде, чѣмъ бой окончится?

— Вполнѣ васъ понимаю, самъ поступилъ бы такъ же, но — бой конченъ. Глава здѣшнихъ хунхузовъ, столько разъ ускользавшій отъ насъ взять въ плѣнъ. Это была послѣдняя вспышка злобы «Большого Кулака» и она окончательно погашена.

— Но... Все-таки, ротмистръ.

— Я старше васъ, штабсъ-ротмистръ, и я знаю, что говорю. Вы устали... Послѣ тяжелой дороги и послѣ безсонной ночи вы попали въ ночное дѣло. Вы ранены. Вамъ прежде всего нужно отдохнуть и выспаться. Тѣмъ временемъ исправятъ телеграфъ и вы сами увидите по тому спокойствію, которое будетъ тутъ, что вамъ дѣлать. Пойдемте отсюда. Тутъ все, что нужно сдѣлаютъ безъ насъ. Въ домѣ Фудугуна намъ приготовлена квартира. Тамъ отдохните, одумайтесь. Сейчасъ вамъ нечего дѣлать. Бой конченъ, телеграфъ еще не исправленъ.

— Вы правы, ротмистръ... Позвольте мнѣ пожать вашу руку и простите — я даже не знаю вашего имени и отчества.

— Въ бою не до рекомендацій и представленій — я ротмистръ Василій Кирилловичъ Гриневъ, а васъ я знаю, мнѣ про васъ уже сказали, кто вы.

Гриневъ взялъ Ламбина подъ-руку и вывелъ изъ фанзы.

Они шли по улицамъ города. Одна за другой открывались лавки. Китайцы и китайки наполняли улицы, какъ обычно. Мирная жизнь начиналась, точно и не было здѣсь кровавой страшной ночи и пожара въ Импани. Низко и почтительно кланялись китайцы Гриневу. По угламъ стояли солдаты охранники. Навстрѣчу проѣхалъ фуражиръ и провезъ на шеѣ лошади большую вязанку сѣна и мѣшокъ съ ячменемъ.

Было совсѣмъ тепло и сыпаль, сыпаль, сыпаль, крупными звѣздами снѣгъ и таялъ на черныхъ доскахъ тротуаровъ.

XX

Въ большой фанзѣ дома фудутуна было по-китайски роскошно. Расторопные вѣстовые съ напуганными на смерть «ходящими»-слугами градоправителя, растапливали «каны». За широкимъ окномъ въ узорномъ тонкомъ переплетѣ, затянутомъ бумагой не было видно двора. Только въ маленькое стеклышко, вставленное посерединѣ видны были порхающія снѣжинки.

Стѣны были оклеены пестрыми обоями и на нихъ висѣли длинныя акварели, изображавшія тихое семейное китайское счастье. У короткой стѣны между высокихъ фарфоровыхъ вазъ съ пыльными бумажными цвѣтами стоялъ бронзовый Будда. Передъ нимъ на тарелочкахъ лежали круглые хлѣбцы и въ мѣдныхъ чашечкахъ съ пескомъ курились тонкія, коричневыя свѣчки. Полъ былъ покрытъ чистыми, скользкими соломенными циновками. Посерединѣ стоялъ высокій столъ черного дерева и тяжелое кресло. На столѣ стоялъ большой мѣдный чайникъ съ углями и на блюдахъ лежало миндальное печенье, черный сахаръ и леденцы въ бумажкахъ. На канахъ были разсланы стеганые на ватѣ тонкіе мягкіе матрацы и одѣяла. Туго нагрѣвавшіеся каны еще не прогнали зимняго холода. Въ фанзѣ пахло бобовымъ масломъ, кислымъ тѣстомъ, курительными свѣчками: пахло китайцемъ.

— Вотъ видите, — сказалъ Гриневъ, — какія палаты намъ отведены. Напейтесь чаю и спите, спите, спокойно. Все тутъ безъ васъ сдѣлають.

— Мнѣ прежде всего нужно отправить телеграмму моему временному начальнику генералу фонъ Деренгофу.

— Если не секретная — пишите, что нужно и, какъ только телеграфисты установятъ связь я пошлю ее въ первую очередь, прежде своего донесенія.

— Хорошо. Благодарю васъ... Еще мнѣ нужно послать телеграмму командиру полка и спросить разрѣшеніе остаться до окончанія боя.

— Увѣрю васъ — бои кончены и думаю, что надолго, если и не навсегда.

Гриневъ подаль свою полевую книжку и карандашъ Ламбину.
— Извольте, пишите.

Ламбинъ телеграфировалъ фонъ Деренгофу: «Въ стычкѣ съ хунхузами сегодня капитанъ Мальмсенъ убитъ. Вашемъ присутствіи здѣсь надобности нѣтъ. Штабсъ-ротмистръ Ламбинъ»...

Полковому командиру было написано: «Попалъ въ боевую обстановку, прошу разрѣшенія остаться до конца».

Гриневъ принялъ телеграммы и, не глядя на нихъ, сказалъ:

— Будьте спокойны — все будетъ исполнено. Пейте чай и ложитесь отдыхать.

— А вы?..

— Э, батенька мой, милый Вадимъ Петровичъ, у меня дѣла тутъ на трое сутокъ безъ сна хватить. Нужно похоронить, какъ слѣдуетъ, убитыхъ капитана Мальмсена, моего славнаго Мишку-медвѣдя и солдатъ...

— Какъ, вставая, воскликнулъ Ламбинъ, — Вяткинъ убитъ?..

— Да...

— Когда же?.. Вѣдь вотъ я сейчасъ, и получаса нѣтъ, его видѣлъ.

— Пошелъ съ солдатами очищать отъ разбойниковъ фанзы. Вѣдь кое-кто изъ хунхузозовъ успѣлъ таки спрятаться. На окраинѣ Импани услышалъ шорохъ. Толкнулъ дверь, а изъ окна — бумажнаго, какъ всѣ здѣсь окна, высунулось ружье и въ упоръ, на повалъ, въ затылокъ, уложили моего славнаго Мишу. Ничего не

подѣлаешь. У насъ это исторія обыкновенная. Я послалъ за священникомъ къ стрѣлкамъ. Вотъ Мальмсена не знаю, какъ хоронить?.. Говорять онъ лютеранинъ былъ... Вы не знаете?

— Да какъ же. Конечно, отлично знаю — лютеранинъ.

— Пастора тутъ нигдѣ не достанешь. Нѣту тутъ пастора. Онъ вѣдь холостой былъ? Одинокій?..

Ламбинъ отвѣтилъ не сразу.

— Да.. Холостой. Одинокій. У него мать и сестры въ Финляндіи.

— Ну, то дѣло начальства ихъ увѣдомить. Онъ у насъ случайно былъ. Гастролеромъ. Отпоетъ его нашъ батя по православному, а тамъ, на томъ свѣтѣ разберутъ какъ-нибудь, что съ нимъ дѣлать, кого куда. Не наше это дѣло. Такъ, прошу васъ, ни о чемъ не бзпокойтесь и ложитесь.

Гриневъ потрогалъ лежанку кана.

— И лежанка славно прогрѣлась. Отдыхайте. Ни о чемъ не бзпокойтесь. Городъ прочно нами занятъ.

Ламбинъ раздѣлся и легъ. Голова продолжала болѣть и кружилась. Не очень были удобны китайскіе квадратные подушки вальки. Ламбинъ снялъ и подложилъ подъ голову солдатскій полушубокъ и венгерку и накрылся стеганымъ теплымъ одѣяломъ. Попахивало китайцемъ отъ одѣяла, бараньей шерстью отъ полушубка, но и усталость была велика.

Нѣсколько минутъ головная боль мѣшала заснуть, потомъ она стала затихать, тише и спокойнѣе билось утомленное сердце, мысли стали путаться, событія мѣшались и непонятно становилось, гдѣ и почему онъ такъ неудобно лежитъ.

Вдругъ вспомнилъ Наташу. Что съ ней? Какъ теперь далеки они другъ отъ друга... Не она ли?.. Не она ли молилась за меня въ тотъ страшный мигъ, когда вдругъ подлѣ него, какъ въ кошмарномъ снѣ появился огромный китаецъ хунхузъ и обрушилъ прикладъ своего тяжелаго ружья?.. И въ тотъ же мигъ, какъ подумалъ объ этомъ, все кругомъ потемнѣло, погрузилось во мракъ, исчезло, и сладкое небытіе, сознание отдыха охватило Ламбина. Онъ вытянулся и долго лежалъ тихо, тихо, не поворачиваясь и дыханіе его было такое ровное, что входившіе въ фанзу люди совсѣмъ не замѣчали его.

Гриневъ, командиръ роты, стоявшей въ Хунь-ляо-хедзы, офицеръ этой роты и юноша охотникъ пришли объдать.

— Что, разбудить его, вѣрно ѣсть-то хочеть? — сказала ротный командиръ.

— Нѣтъ. Пускай спить. Ему отдохнуть надо.

Они объдали, громко разговаривая, послѣ объда писали донесенія, допрашивали вахмистра и фельдфебеля о потеряхъ, отдавали распоряженія. Ламбинъ все такъ же тихо лежалъ, не шевелясь. Его загородили высокими ширмами и зажгли лампу. Наступилъ вечеръ, телеграфъ былъ налаженъ и телеграммы Ламбина пошли по назначенію, а самъ Ламбинъ спалъ.

Долго его сонъ былъ глухой, мертвый, точно густой мракъ окуталъ его, потомъ, подъ утро, когда въ фанзѣ никого не было Ламбинъ повернулся два раза съ бока на бокъ и въ черноту глухого, крѣпкаго сна сначала робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе вошло сновидѣніе. И постепенно стало необычайно яркимъ.

...«Горы... Снѣгъ на утреннемъ солнцѣ, на голой вершинѣ совсѣмъ золотой. Пониже — еловый густой лѣсъ, въ снѣгу, въ инеѣ, весь бѣлый, съ темно-зелеными пятнами еловыхъ лапъ. Еще ниже густой буковый лѣсъ въ такомъ инеѣ, что кажется бѣлымъ съ серебромъ кружевомъ, за нимъ сады, загородки, дачи, и тоже въ снѣгу, въ серебрѣ, въ морозѣ, въ красотѣ зимняго убора... Надъ всѣмъ этимъ красивымъ видомъ — синее, ровное прозрачное небо. На полугорѣ, въ саду, съ расчищенными отъ снѣга дорожками большое, нарядное двухэтажное зданіе и на немъ вывѣска — не по-русски...

Ламбинъ входитъ... Каменные ступени, широкой и глубокой проходъ, пальмы въ кадкахъ. И никого... Ламбинъ поднимается наверхъ по деревянной лакированной лѣстницѣ, покрытой алымъ ковромъ. Кто-то невидимый говоритъ: «Вотъ сюда». Бѣлая высокая дверь съ эмалированнымъ номеромъ «8» открывается сама передъ Ламбининымъ. Передъ нимъ чистая бѣлая комната. Настежь открыто окно. За окномъ синее небо, серебряныя вершины горъ и лѣса въ снѣгу и инеѣ. Нигдѣ — никого. Все точно покинуто, оставлено, ни одной живой души нѣтъ въ домѣ. На постели, утонувъ густыми, золотисто-русскими косами въ бѣлоснѣжную подушку лежитъ покойница. Мягко сомкнулись глаза и отъ длинныхъ черныхъ, густыхъ рѣсницъ, отъ голубого неба, отъ яркаго дневного

свѣта синія легкія тѣни легли подъ глазами. Лицо — мраморъ... Совсѣмъ статуя, изваянная знатокомъ женской красоты. Слегка синѣютъ мертвыя губы. Руки съ тонкими пальцами легли на груди. Ни страшнаго, ни отталкивающаго нѣтъ въ этой совершенной красотѣ мертвой женщины. Красота точно застыла навѣки. Ламбинъ подходитъ ближе и опускается на колѣни у изголовья. И въ тотъ же мигъ сверху, точно съ самаго неба медленно и беззвучно начинаютъ падать на покойницу бѣлыя, крупныя Альпійскія фіалки, съ лиловатыми сердцевинками, съ длинными, ломкими блѣдно зелеными стеблями. Онѣ падаютъ и падаютъ все чаще и чаще, покрываютъ рубашку, руки, края постели, подушку и остается только несказанно прекрасное лицо въ золотисто русыхъ кудряхъ, ими непокрытое. Оно начинаетъ улыбаться, не открывая глазъ, будто сквозь глубокой сонъ. И это не страшно, совсѣмъ не страшно. Кажется вотъ вотъ дрогнуть черныя рѣсницы глазъ, откроются посинѣвшія губы, и алая кровь снова побѣжить, оживляя покойницу...

И въ этотъ мигъ кто-то грубымъ голосомъ говорить сзади Ламбина:

— Разрѣшите въ гробъ укладывать? Гробъ привезли...

И будто испуганное видѣніе исчезаетъ. На мгновение нѣтъ ничего, потомъ Ламбинъ открываетъ глаза и просыпается...

*
**

Какой яркій, солнечный день глядится въ маленькій стеклянный глазокъ широкаго китайскаго окна! Какъ сине небо надъ дворомъ. Какъ сверкаетъ густо нападавшій снѣгъ и какимъ мягкимъ, душистымъ морозомъ тянетъ черезъ всѣ щели бумажнаго окна на Ламбина.

Въ фанзѣ Гриневъ, вахмистръ, китайцы, солдаты.

Вахмистръ дѣловито и строго говоритъ Гриневу:

— Гробы доставлены. Разрѣшите въ гробы покладать убитенныхъ.

Ламбинъ приподнимается. Онъ не сразу приходитъ отъ сна къ дѣйствительности.

Гриневъ, увидавъ, что Ламбинъ проснулся и сѣлъ на канѣ, обернулся къ нему и сказалъ:

— Ну, вотъ и проснулись. Больше сутокъ проспали. Я уже хотѣлъ васъ будить. Ну, какъ ваша голова?

— Голова ничего. Все прошло. Что?.. Телеграммы посланы?

— Не только посланы, но и отвѣты получены. Вамъ двѣ телеграммы.

Гриневъ подаетъ два свернутыхъ и заклеенныхъ бумажною печатью конверта и съ вахмистромъ, солдатами и китайцами уходитъ изъ фанзы. Сколько мягкой и чуткой деликатности въ этомъ армейскомъ офицерѣ!

Ламбинъ держитъ телеграммы въ рукахъ и все не рѣшается ихъ распечатать, не хочется ему уйти изъ-подъ обаянiя сна, который нельзя забыть.

Наконецъ, онъ медленно открываетъ первую телеграмму. Она изъ Царскаго Села, отъ командира полка:

«По донесенiю командира охранной сотни бои кончены. Немедленно по исполненiи даннаго порученiя возвращайся. Твое присутствiе полку необходимо»...

«Такъ... такъ», — думаетъ Ламбинъ, — «а хитрый этотъ ротмистръ Гриневъ вмѣстѣ съ моей и свою телеграмму отправилъ»...

Вторая телеграмма изъ Германiи, она пришла въ Царское и была переотправлена по назначенiю.

«Natacha tiho skontch alas segodnja tri tschasa dnja. Musja».

Да вот оно что!.. Наташа умерла... Умерла далеко на западѣ днемъ. Умерла тогда, когда здѣсь была глухая ночь. Тамъ, въ Гарцѣ догоралъ вчерашнiй зимнiй короткiй день — здѣсь въ эти самыя мгновенiя мягкiй толчокъ отвратилъ отъ меня сокрушающей смертельный ударъ великана китайца.

— Наташа, — прошепталъ Ламбинъ. Ему хотѣлось громко, на весь городъ крикнуть — Наташа! Милая Наташа, ты умерла, думая обо мнѣ, и это ты спасла меня...

Какъ тихо было кругомъ. Сквозь бумажныя окна, залитыя яркимъ солнцемъ мягкiй ровный свѣтъ покрываетъ странную обстановку богатаго китайскаго дома. Бронзовый Будда равнодушно смотритъ вялыми сонными глазами между пыльныхъ бумажныхъ

лотосовъ. Курительныя свѣчи догорѣли до самаго песка и погасли. Стылый холодъ пробирается въ фанзу. На канѣ достываетъ вчерашнее тепло.

Медленными равнодушными движеніями Ламбинъ вытащилъ изъ-подъ полушубка смятую венгерку и долго смотрѣлъ на синее сукно, на черный каракуль воротника и борта, на золото съ чернью шнуровъ.

«Да... Полкъ... полкъ вѣдь остался... Прекрасный, великолѣпный, доблестный полкъ... Въ немъ все...»

Ламбинъ надѣлъ венгерку.

«Гробы привезли... Тамъ привезли для его Наташи, здѣсь для милаго стараго друга, — для Мальмсена, чухны, для «Джоржи»... Какъ будетъ это тяжело для «царицы». Для Мишки-медвѣдя, для солдатъ охранной стражи... Смерть жатву жизни косить. Она не спрашиваетъ о томъ, кому и какую она причинить боль и когда и какъ заживетъ эта боль? Ей все равно, безглазая она не видитъ нашихъ страданій. Нужно идти на панихиду, на отпѣваніе, поклониться тому страшному тѣлу, поклониться тѣмъ, кто по завѣту Христа «положилъ душу свою за други своя»... «А тамъ!.. Потомъ... Полкъ. Да, полкъ, вѣчный не умирающій полкъ...»

XXI.

И четырехъ недѣль не пробылъ въ отсутствіи отъ полка Ламбинъ, а когда раннимъ февральскимъ утромъ вошелъ въ свою квартиру въ Царскомъ Селѣ, точно вѣчность прошла съ того дня, когда совѣщались тутъ о дуэли.

Совсѣмъ другой Ламбинъ, съ пробившимися кое-гдѣ въ густыхъ волосахъ сѣдинами, слушалъ обстоятельный докладъ растапливавшаго желѣзную печку деньщика о томъ, что Кармень «дюжа по вашему высокоблагородію соскучилась, даже и отъ овса отказывалась; такъ чутокъ пожуютъ и бросятъ; все ушки напрядаютъ, прислушиваются, — не идете ли вы», что въ командѣ все благополучно, — «только Маслакова изъ команды уволили и въ карцый

на двадцать суток посадили, — на масляной недѣлѣ пьянымъ напился и вольноопредѣляющаго, князя Сѣвскаго, глистою назвали... Да исчо ротмистръ Петровъ все навѣдывались, спрашивали, когда, да когда вы возвратитесь и приказали имъ сейчасъ же доложить.

Печка радостно пылала, бросая оранжевыя пятна трепетнаго свѣта на крашеные охрой полы, неплотно притворенная желѣзная дверца гудѣла по домашнему привѣтливо. Все, казалось было такъ хорошо и уютно, а вмѣсто того томила страшная тоска по невозвратно утерянному. Въ чужомъ, далекомъ Гарцѣ, въ горахъ, покоится на кладбищѣ Наташа, старый, милый вѣрный другъ Мальмсенъ погребенъ за стѣнами китайскаго города. Они ушли... Что-же осталось?..

Полкъ... Петровъ... Милая Карменъ и всѣ подробности полковой жизни.

Ламбинъ поднялъ опущенную грустно голову.

— Ну, вотъ, что, — сказалъ онъ, — иди къ его высокоблагородію и спроси, могу ли я сейчасъ явиться ему, да приготовь мнѣ парадную форму.

— А чаю какъ же? Самоваръ заразъ вскипаетъ. Я за булками духомъ на Арсеніи летаю. И зачѣмъ, ваше благородіе, телеграмму мнѣ не дали, когда вы приѣзжаете, я на вокзалѣ васъ встрѣлъ бы и все приготовилъ, а то ишь какой грѣхъ то вышелъ, въ холодную горницу приѣхали и ничего-то ѣсть вамъ не приготовлено.

— Ничего. Печка сейчасъ нагрѣется и станетъ тепло. Отдерни занавѣску и погаси лампу.

За окномъ былъ туманный день. Березы аллеи никли въ сѣдомъ инеѣ, на кустахъ палисадника густо налилъ снѣгъ, опустились подъ нимъ вѣтви сирени. Пустынна была Красно-сельская улица въ этотъ ранній зимній часъ. Деньщикъ ушелъ, Ламбинъ снялъ ту-журку и въ рейтузахъ и рубашкѣ подошелъ къ столу; ни о чемъ не думая, выдвинулъ ящикъ. Маленькая бѣлая коробочка бросилась ему въ глаза. Когда въ тотъ роковой день проводовъ Мальмсена — вернулся домой бросилъ ее въ столъ и забылъ про нее.

«А, что, если вышла какая-то ошибка? Что, если тамъ есть еще и другія пилюли... настоящія?.. Что, если ядъ почему-нибудь высыпался...»

Ламбинъ открылъ коробочку. Розовая вата сохранила слѣдъ двухъ пилюль-драже; неуловимо пахло ванилью. Ламбинъ вынулъ

вату. На днѣ коробочки будто порошокъ какой-то лежалъ прихотливымъ узоромъ. Ламбинъ нагнуль, встряхнулъ коробку — узоръ остался неподвижнымъ. Ламбинъ подошелъ къ окну и взглядѣлся. На днѣ коробки мелко, мелко острымъ карандашомъ было что-то написано. Ламбинъ досталъ увеличительное стекло и увидалъ фигуристымъ почеркомъ со многими завитками написанную вязь:

«Два дурака козла дерутся, а я то что же? Дурой буду?»

— Ха-ха-ха, — дико, грубо, не своимъ голосомъ, не натурально захохоталъ Ламбинъ... «Подлинно дуракъ. И баронъ дуракъ и я дурака валялъ. Судь Божій свершился помимо людей. Все кончено... А узнай я это раньше... Не на дуэль же мнѣ вызывать женщину-врача Евгению Ивановну? Пошла, купила бѣлыя миндальныя драже, поди еще въ хорошей кондитерской купила, ишь до сей поры ванилью пахнетъ. «Двугривенный вы мнѣ должны»... Нѣтъ, тутъ двугривеннымъ ни я ни Мальмсенъ не откупились бы отъ барона съ его баронской фанаберіей. Такой скандалъ!.. Ахъ мы — болваны! Болваны! И я то тоже хорошъ; не удосужился просмотрѣть, все провѣрить. Ха-ха-ха... Какая могла выйти жестокая шутка. Хо-хо-хо...»

Ламбинъ еще смѣялся, когда въ комнату къ нему вошелъ Петровъ. Онъ остановился въ недоумѣніи. Такъ смѣются только сумасшедшіе.

— Ты что же, Вадимъ? Что съ тобою? Съ ума спятилъ?..

— Э, милый Вася. Есть отъ чего и съ ума спятить. Да я начинаю думать, что у меня и вовсе ума не было, — сказалъ, становясь серьезнымъ Ламбинъ. Онъ сжалъ въ кулакъ коробочку такъ, что она вся изломалась, бросилъ ее въ печку и заключилъ Петрова въ объятія.

— Есть, милый Вася, отчего хохотать, когда плакать надо, а слезъ гусару имѣть не полагается.

— Ну полно, *mon cher*, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Спаси Наташу могло только чудо. Богъ не далъ намъ этого чуда.

— Ты думаешь? — пронзительно глядя въ глаза Петрову, сказалъ Ламбинъ. — Да... Ты думаешь? Господь далъ чудо только не ей... а мнѣ.. Ну такъ въ чемъ дѣло?.. Ты хотѣлъ меня видѣть? Что? Муся вернулась?

— Муся уже пять дней, какъ здѣсь. Каждый день звонить ко мнѣ, справляется, когда ты приѣдешь. Просить чтобы ты не-

премѣнно съ нею вмѣстѣ поѣхалъ на Наташину квартиру. Наташа поручила ей все разобрать въ твоёмъ присутствіи.

— А, да мнѣ это все равно... Это же будетъ такъ мучительно печально.

— Мужайся, *mon cher*, это нужно когда-нибудь сдѣлать и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

— Да, конечно. Хотя бы и сегодня... Явлюсь командиру полка, поѣду въ штабъ съ докладомъ генералу фонъ Деренгофу, баронъ меня наврядъ ли задержитъ, въ четыре часа я могу быть на Никольской площади.

Румяный отъ мороза, отъ быстрого бѣга, деньщикъ, — Арсенія не оказалось, — бѣгалъ въ булочную пѣшкомъ, внесъ самоваръ.

— Ну вотъ видишь у меня все и готово, — сказала Ламбинъ, — напейся у меня чаю и расскажи мнѣ, что у насъ происходитъ? Этотъ пьяница Маслаковъ достукался таки, а какой бравый гусарь! Ему такъ шло унтеръ-офицеромъ быть.

И только теперь, когда заговорили о полковыхъ дѣлахъ, Ламбинъ замѣтилъ, что онъ принималъ своего старшаго друга въ рубашкѣ.

— Прости, Василій, — тихо сказалъ онъ, — я не одѣлся встрѣтить тебя, не явился тебѣ, какъ слѣдуетъ по формѣ... Но ты поймешь... Я совсѣмъ одурѣлъ и отъ длинной дороги и главное отъ горя... Столько на меня навалилось. Двухъ потерялъ... Двоихъ. Наташа... Наташа!..

И... совсѣмъ не гусарское это было дѣло, — наконецъ, слезы покатались изъ глазъ Ламбина и онъ, припавъ къ груди своего друга, зарыдалъ, захлебываясь слезами.

XXII.

Странно — вещи Наташи съ ея смертію точно измѣнили свой видъ. Умерли тоже... Такъ казалось, по крайней мѣрѣ Ламбину, когда Муся, хозяйкой, открыла шкафы съ платьями, съ шубками,

выдвинула ящики бѣльевого коммоды. Пахло нафталиномъ отъ мѣховъ, пачулями, сѣрые листья сухого табака лежали между мѣховыми пелеринами и боа.

Безжизненно висѣли въ шкафу нарядныя платья, балетныя тюники въ ящикахъ пахли нѣжнымъ ароматомъ Наташиныхъ духовъ. Въ ящикахъ лежали надушенные рубашки, панталоны и чулки. Все казалось Ламбину ссохшимся, неживымъ. Такъ выглядит мертвая бабочка: еще пестрыя краски крыльевъ не осыпались, нѣжная пыльца лежитъ на нихъ, а уже проглядываетъ сквозь нихъ тонкая сѣтка скелета.

Тутъ жила, думала, танцевала, пѣла, говорила, любила Наташа...

Ламбину было непріятно, что Муся теребила ея бѣлье, смотрѣла кружева прошивокъ, вдернутыя ленточки панталонъ. Это могли смотрѣть, трогать и видѣть только онъ, да сама Наташа. Показать ихъ третьему казалось святотатствомъ.

Но Муся не ощущала этого. Она будто и не замѣчала, что платья утратили жизнь, что бѣлье уже никому не нужно, башмаки точно ссохлись. Она открывала самые интимные углы спальни, ходила въ столовую, вынимала стаканы и рюмки, смотрѣла на свѣтъ игру хрустала...

— Мы рѣшили съ Наташей... Если, конечно, ты, Вадимчикъ, не будешь имѣть ничего противъ... Наташа все хотѣла отдать мнѣ. Все женское. Мебель и то, что тебѣ не нужно, просила продать и деньги отдать на церковь — для бѣдныхъ прихода.. Ты возьми, что хочешь на память о Наталочкѣ.

Вадимъ взялъ альбомъ, фотографіи Наташи, ея портретъ и отложилъ въ сторону ея балетныя башмачки.

— Расскажи мнѣ, Муся, какъ она умирала? — тихо сказалъ онъ и сѣлъ въ кресло у окна, гдѣ всегда весною и лѣтомъ сиживала Наташа. — Да я возьму еще и это кресло...

— Прости, что я такъ обираю тебя, — сказала Муся, сворачивая бѣлье Наташа въ большой пакетъ. Куда тебѣ это — холостому. А — женишься — это еще болѣе стѣснить тебя.

Ламбинъ, не отвѣчая, раскрылъ альбомъ на послѣдней страницѣ.

...«Кто любить болѣе меня —
Тотъ пишетъ далѣе меня... —

Воспитанница Муся Ленская.»

Муся набрасывала на постель Наташи горы ея платьевъ.

— Это я тоже все себѣ возьму. Продавать — гроши дадутъ. А бѣлье?.. Какое хорошее бѣлье ты ей дарилъ.

— Она сама покупала. На свои деньги. Такъ, какъ же она умирала?

— Ахъ и не говори! Такая это была красота и спокойствіе. Точно уснула... Только въ послѣднюю минуту будто за тебя испугалась. «Вадимъ... Вадимъ», — прошептала она со страшной тревогой и заметалась на постели. Потомъ вздохнула и тихо сказала: «Слава Богу». Должно быть все о тебѣ думала. Открыла глаза. Въ нихъ сначала былъ испугъ. Потомъ успокоилась и сразу затихла.

Муся снова занялась платьями Наташи.

— И платья мнѣ подойдутъ. Расширить немного придется... Можетъ быть ты хотя одно возьмешь на память?

— Нѣтъ... Куда же мнѣ. Въ какомъ номерѣ комнаты санаторіи жила Наташа?

— Въ восьмомъ... Я тебѣ писала адресъ: «Zimmer N° 8»... Или забылъ? Какъ только она умерла, я и сестры санаторіи убрали ея тѣло бѣлыми цвѣтами.

— Альпійскими фіалками.

— Да... Кто тебѣ сказалъ? Петровъ? Другихъ цвѣтовъ въ это время достать не могли. Такая была красивая Наталочка среди этихъ нѣжныхъ, какъ она сама, цвѣтовъ. Совсѣмъ мраморная статуя на прекрасномъ саркофагѣ. Вотъ съ похоронами вышло труднѣе. Православнаго священника я легко достала, но онъ спросилъ, кто были ея родители?.. Въ книги какія-то тамъ церковныя заносить нужно. Да гдѣ живутъ? А ты знаешь, что это была постоянная драма жизни Наталочки. Такъ она и послѣ смерти ее не оставила. Хорошо, что священникъ оказался добрымъ и не сталъ настаивать на показаніи метрическаго свидѣтельства и удовольствовался однимъ театральнымъ удостовѣреніемъ. «Мы», — говорилъ онъ мнѣ, — «обязаны отмѣчать по книгамъ, кто отецъ и

мать и гдѣ крещена и когда, а такъ мнѣ на вѣру приходится признать, что она крещеная». Ну уладилось, слава Богу, все — уже очень распрекрасная была и мертвая Наташа. Мы ее хорошо похоронили. Кладбище такое красивое, подъ самой горой, въ широкой долинкѣ, а на горѣ лѣсъ. На кладбищѣ высокіе можжевелники и плакучія ивы растутъ и все было въ инеѣ, въ снѣгу, какъ въ серебряныхъ ризахъ. Такъ въ бѣломъ платьѣ и въ бѣлыхъ цвѣтахъ, на бѣломъ кладбищѣ мы и схоронили твою Наташу. Только вотъ гробъ былъ тяжелый, нѣмецкій, черный, угрюмый, страшный и неуютный. Но ей тамъ было хорошо. На кладбищѣ, въ горахъ...

— Одиноко очень, — тихо сказалъ Ламбинъ.

— Да что ты!.. А душенька-то ея?.. Повсюду она. А тѣло все равно ничего не чувствуетъ гдѣ и что? А душа-то, можетъ быть, и сейчасъ съ нами и видитъ твое горе и сочувствуетъ тебѣ и всего тебѣ хорошаго желаетъ. Можетъ быть, еще что-нибудь и придумаетъ и выпроситъ у Господа.

Муся хитро посмотрѣла на Ламбина: что онъ? Ламбинъ все такъ же печально и задумчиво сидѣлъ у окна.

— Знаешь что, Вадимчикъ, я думаю очень будетъ Наташиной душенькѣ пріятно, если мы отслужимъ по ней панихиду, полную, какъ отпѣваніе. Хоръ пѣвчихъ хорошій пригласимъ и въ той церкви, въ соборной, гдѣ Наташа всегда молилась.

Муся подошла къ окну и показала на бѣлый соборъ съ голубыми куполами. Сумерки туманнаго зимняго дня окутали ее. Зажженные фонари окружали желтыми точками садъ и не давали еще свѣта. Дневной свѣтъ еще не угасъ.

— И сдѣлаемъ мы такъ, — продолжала Муся тихо и спокойно, — рано, рано утромъ, послѣ ранней обѣдни. Еще и темно будетъ. И въ церкви — никого, кромѣ насъ двоихъ... Только вотъ Петрова пригласимъ, очень Наташа любила твоего Васю. Я и Кириллу не скажу — онъ не любитъ рано вставать. И другимъ балетнымъ ничего не скажемъ. Не нужно никого. Ни Муни, ни Вари, никого, никого... Они не любили такъ Наташу, какъ мы съ тобой.

Ламбинъ опустилъ глаза. Передъ нимъ раскрытый альбомъ и чуть въ сумеркахъ можно скорѣе угадать, чѣмъ прочесть строки, наивныя, дѣтскія строчки Муси...

— Такъ хорошо? Я завтра переговорю со священникомъ, а

послѣ завтра и отслужимъ. Ты скажешь Петрову... Онъ навѣрно прїѣдетъ... Ты согласенъ. Ты за все заплатишь?

— Конечно, Муся. Это будетъ все прекрасно. Помолимся, какъ она умѣла молиться за насъ и какъ я никогда не умѣлъ молиться.

— Помолимся, Вадимчикъ. И вѣрь, что и душенька ея будетъ съ нами. А завтра, если ты ничего не имѣешь противъ этого, я прїѣду сюда съ горничной и мы заберемъ все это. Ты согласенъ?

— Согласенъ, милая Муся, со всѣмъ согласенъ, — сказалъ Ламбинъ, а въ ушахъ его точно слышался: серебристый голосъ Наташи...

— Кто любить болѣе меня —
Тотъ пишетъ далѣе меня...

— Дай мнѣ бумаги, — сказалъ Ламбинъ завернуть карточки, портретъ Наташинъ, альбомъ и башмачки.

— Ты очень миль, Вадимчикъ, такъ трогательно, великодушно миль. Я такъ понимаю, что Наталочка тебя боготворила.

Они вышли вмѣстѣ. Муся хозяйственно заперла квартиру, Ламбинъ позвалъ извозчика и отвезъ Мусю до ея дома.

Сердце его разрывалось отъ сознанія невозвратимой потери. Свертокъ съ Наташиными вещами усиливалъ его печаль.

XXIII.

Было шесть часовъ утра, и зимняя Петербургская ночь висѣла надъ городомъ. Печальной вереницей уходили вдаль пустынныхъ улицъ непогашенные фонари. Изрѣдка проѣдетъ ночной извозчикъ безъ сѣдока, накинувшій на плечи санную полость и спящій подъ нею. Косматая въ бѣлыхъ завиткахъ инея лошадка сама трусить къ дому.

Немногочисленные молящіеся, больше старухи и старики, бывшіе у ранней обѣдни разошлись изъ собора, и было въ немъ темно, лампы неясными красными точками горѣли у иконъ и бросали неясныя пятна свѣта на серебро и золото окладовъ. Причетникъ спустилъ лампаду передъ образомъ надъ Царскими вратами и затепливалъ свѣчу въ ней.

Скрипящій звукъ блока и цѣпочки встрѣтилъ Ламбина, когда онъ входилъ вмѣстѣ съ Петровымъ и показался ему безнадежнымъ. Дьяконъ въ черномъ панихидномъ облаченіи сдержаннымъ басомъ совѣщался съ регентомъ. Пѣвчіе, покашливая, по одиночкѣ входили на клиросъ. Тамъ загорались передъ поставцами для нотъ свѣчи. Въ храмѣ было прохладно. Отъ каменныхъ стѣнъ, мраморныхъ плитъ, желѣзныхъ и бронзовыхъ рѣшотокъ вѣяло морознымъ духомъ холодной ночи.

Почти сейчасъ же пришла Муся, вся въ черномъ, въ черной траурной вуали, очень шедшей къ ея свѣтлымъ волосамъ и прозрачнымъ хрустальнымъ глазамъ. Она стала распоряжаться, спросила у регента — готовы ли пѣвчіе, потомъ долго молилась, стоя на колѣняхъ передъ иконами иконостаса и тщательно и серьезно, нахмуривъ пушистыя брови, ставила свѣчи. И только, наставивъ много свѣчей, передъ иконостасомъ пошла здороваться съ офицерами и подала имъ свѣчи.

— Зажжете потомъ, когда начнется, — шопотомъ сказала она, будто ни Петровъ, ни Ламбинъ не знали этого. — Погасите послѣ «со святыми упокой». Можно начинать?..

— Да, пожалуйста, — сказалъ Ламбинъ.

Муся прошла къ притвору, гдѣ былъ причетникъ и послала его въ алтарь сказать, чтобы начинали.

Въ храмѣ стало тихо. Муся стала впереди и все время службы стояла на колѣняхъ. За нею, шагахъ въ пяти, сталъ Ламбинъ, еще подальше прислонившись къ колоннѣ — Петровъ. У стѣнъ, въ темныхъ углахъ точно летучія мыши беззвучно шевелились, крестясь и становясь на колѣни, какія-то нишія старухи, какъ видно, никогда не покидавшія храма.

Медлительно и сурово вышли изъ алтаря священникъ и дьяконъ со свѣчою и кадиломъ. Мѣрно въ тишинѣ храма звякали цѣпочки кадила и сладкій духъ ладана становился гуще и говорилъ о чемъ-то древнемъ и неземномъ. На клиросѣ едва слышно регентъ задалъ тонъ и тамъ вздохомъ пронесся аккордъ пѣвчихъ. И сейчасъ

же потрясая тишину собора, раздался мощный, медлительный, говорящий о чем-то суровомъ и значительномъ, отъ земли оторванномъ, громкій басъ діакона:

— Гласъ осьмый — аллилуіа!..

Сначала сдержанно, величаво, потомъ все мощнѣе и величественнѣе, унося душу къ небу раздалось грустное, но и прекрасное, къ Богу зовущее панихидное «аллилуіа».

Началась панихида...

Проливалась въ пѣсняхъ печальныхъ молитва ко Господу и говорила Ему о людской печали и какъ никогда раньше, Ламбинъ уходилъ въ молитву и воспоминанія. Вся его жизнь съ Наташей вставала передъ нимъ въ особомъ духовномъ свѣтѣ... Гроза, притаившаяся въ небѣ надъ Краснымъ селомъ, когда случайно и необычно попалъ онъ — юнкеръ Ламбинъ — въ уборную артистокъ и первый разъ увидаль Наташу, увидѣлъ и полюбилъ... И какъ можетъ это быть, что это о ней говорятъ: «Помни, Господи рабу твою»... «со святыми упокой Господи рабу твою...» Неужели и точно нѣтъ и не будетъ, никогда не будетъ Наташи? Ушла. Ушла навсегда...

Совсѣмъ близко отъ него діаконъ особенно и внушительно читалъ, раздѣльной и не торопливо выговаривая слова: «Отче Нашъ», передъ нимъ, выпрямившись на колѣняхъ недвижно стояла и истово крестилась Муса и золотистые огни отъ ея свѣчи играли на завитыхъ волосахъ подъ черною вуалью и одновременно съ чтеніемъ діакона слышался ему голосъ Муси, какъ пѣла она въ концертѣ:

— Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ огонь угаснувшихъ очей...

Безкрайняя, томительная скорбь охватывала его и въ эту скорбь вливалась молитва.

— Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя...

Съ пѣніемъ хора, съ службою, съ запахомъ ладана, съ полумракомъ холоднаго собора входили такъ же, какъ бывало въ музы-

кальные воскресенья у генерала композитора въ его гостиной, тѣ «невидимыя», что дружать съ математикой и музыкой, чье неошутимое вѣяніе крыльевъ вдругъ почувдится ошутимымъ и тогда станетъ страшно и хорошо, потому хорошо, что значить нѣтъ смерти и для его Наташи. Что-то укажетъ она оттуда, откуда «отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе» и гдѣ для нея наступила «жизнь безконечная»...

Вдругъ перестроились пѣвчіе, замолкли на неошутимое мгновение, изготовились сказать что-то важное и нужное и мягко раздалось несказанно прекрасное пѣніе:

— Житейское море, воздвигаемое, зря, напастей бурей...

Сзади Ламбина чуть пріоткрылась, пропуская кого-то, входная узкая дверь, дохнуло крѣпкимъ морозомъ. Ламбинъ не обернулся, не посмотрѣлъ, но онъ видѣлъ особыми «духовными» очами вошедшую. Та медленно прошла къ колоннѣ и не доходя до Петрова легко и мягко опустилась на колѣни.

Хоръ пѣлъ успокоительно, точно указывая на будущее:

— Къ тихому пристанищу, къ Тебѣ прибѣгохъ...

Вдыхали, не пѣли пѣвчіе...

Будто и правда утихала буря его житейскаго моря и входилъ его корабль въ тихую пристань чего-то новаго, вѣчнаго, настоящаго...

Когда пѣли «вѣчную память», освободившійся умъ Ламбина отвергалъ все вѣчное. Ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ — все проходитъ, все умираетъ, все исчезаетъ... Какая же тутъ вѣчная память? Какъ клялась ему Наташа въ вѣчной любви, въ вѣчномъ, ничѣмъ не омраченномъ счастьѣ, и вотъ ушла, легла одна въ далекихъ снѣгомъ покрытыхъ горахъ Гарца. Такъ не лгите печальные душу разрывающіе стоны пѣсни — «вѣчная память»... «Ты умерла, Наташа, и будешь, будешь забыта», съ какой-то злобою отчаянія думалъ, стоя на колѣняхъ, Ламбинъ.

Стихли напѣвы скорби невыполнимаго обѣщанія. Ламбинъ обернулся, чтобы подойти къ той, кто пришелъ помолиться о его Наташѣ. Но въ церкви никого уже не было.

Мутный свѣтъ утра входилъ въ узкія, высокія, многостекольные, старинныя окна храма. Муся и Петровъ у притвора рассчитывались за панихиду. Священникъ, безъ облаченія, въ старой бархатной скуфейкѣ подошелъ къ Ламбину со словами утѣшенія.

Вадимъ холодно выслушалъ его, поблагодарилъ и подошелъ къ ожидавшему его у дверей Петрову. Муся осталась въ храмѣ разсказать, какъ умирала Наташа, духовная дочь священника.

Ламбинъ шелъ молча съ Петровымъ, направляясь черезъ садъ на площадь. Былъ блѣдный разсвѣтъ, тихо по прежнему пусто было кругомъ.

Петровъ взялъ Ламбина подъ руку и крѣпко пожалъ локоть.

— Все проходитъ, — сказалъ онъ... Ты знаешь, кто приходилъ помолиться съ тобою о бѣдной Наташѣ?

Ламбинъ молчалъ. Такъ молча прошли они Торговую улицу въ поискахъ извозчика.

— Есть вещи, — снова сказалъ Петровъ, — необычно высокія, выше самой любви и выше ревности. Ты знаешь кто былъ въ церкви?

Ламбинъ продолжалъ молчать. Его сердце шибко билось, онъ боялся, что не сможетъ выговорить ни слова.

— Ты знаешь? Нѣтъ?.. Вѣра Бетрищева!..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Война съ Китаемъ, или, какъ ее официально называли — «подавление мятежа Большого кулака» — была грознымъ предостереженіемъ Россіи и репетиціей большой войны на Востокъ. Но предостереженіе это проглядѣли. Возставшихъ китайцевъ усмирили, Пекинъ занялъ международный воинскій отрядъ, линію желѣзной дороги, не торопясь возстановили, вмѣсто землянокъ построили для частей охранной стражи кирпичныя теплыя казармы. Въ Петербургскихъ канцеляріяхъ съ большими треніями рѣшались и все не могли разрѣшиться крупныя вопросы: — Корейскій и Маньчжурскій. Кого слушать, съ кѣмъ соглашаться — съ графомъ Витте, настаивавшемъ на занятіи Кореи и оставленіи въ покоѣ Китая, или съ тѣми, кто совѣтовалъ отдать Корею японцамъ, а самимъ прочно стать въ Маньчжуріи и на Ляо-дунскомъ полуостровѣ. А въ общемъ, ничего не дѣлали. Боялись рѣшительныхъ мѣръ. Въ Петербургѣ скупилась на отправку войскъ въ Маньчжурію и на укрѣпленіе Портъ-Артура и тамъ, гдѣ рѣшались вопросы, могущіе стать цѣною жизни милліонамъ русскихъ, гдѣ рѣшался вопросъ о престижѣ Россіи въ Азій, ничего не рѣшали...

Тѣ, кому предстояло въ ближайшемъ будущемъ — сегодня-завтра, можетъ быть уже въ этомъ году, а, если не въ этомъ то въ будущемъ, стать лицомъ къ лицу передъ серьезнымъ врагомъ, жили обыденною, тихою, скромною армейской захолустной жизнью.

Иванъ Верхотуровъ дослужился до чина подполковника и, что его особенно порадовало, получилъ этотъ чинъ въ своемъ родномъ стрѣлковомъ полку. Съ полкомъ онъ сломалъ не легкій по-

ходъ къ Пекину, — былъ въ жестокихъ рукопашныхъ бояхъ, а потомъ вернулся на короткое только время на старыя квартиры. Въ началѣ 1904-го года, онъ совершилъ походъ черезъ всю Маньчжурію, подошелъ къ Корейской границѣ и здѣсь сталъ по квартирамъ, въ китайскомъ городѣ, на берегу рѣки Ялу.

Во время этого похода къ нему прибылъ, только что произведенный въ офицеры, его старшій сынъ Иванъ.

Иванъ Ивановичъ Верхотуровъ былъ точная копія отца — Ивана Михайловича въ тѣ годы, когда тотъ молодымъ офицеромъ прибылъ служить въ Линейный батальонъ въ Уссурійскій край. Только Верхотурова старшаго погнала служить на далекую окраину неудачная женитьба, а Верхотуровъ младшій пошелъ служить въ Восточно-Сибирскіе стрѣлки изъ любви къ отцу и къ тому краю, гдѣ онъ родился и выросъ. Манзы — китайцы и корейцы были ему такими же родными, какими казались его отцу въ годы юности чухонцы пригородныхъ Петербургскихъ деревень.

Батальонный Верхотуровъ жилъ очень скромно. Въ Петербургѣ осталась его семья и Иванъ Михайловичъ почти все жалованье посылалъ Евгениі Ивановнѣ.

Сынъ явился отцу на походѣ въ китайской деревнѣ въ Маньчжуріи. Онъ былъ такой же рослый, мѣшковатый и тоже въ очкахъ, какимъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ и самъ Иванъ Михайловичъ. Онъ явился отцу, какъ своему начальнику, строго одѣтый въ черный мундиръ съ малиновыми кантами и со скромнымъ армейскимъ галуннымъ шитьемъ на воротникѣ.

Не улыбаясь, серьезно онъ отрапортовалъ отцу:

— Господин подполковникъ — подпоручикъ Верхотуровъ имѣетъ честь явиться по случаю назначенія во вѣренный вамъ батальонъ.

И такъ же строго и серьезно черезъ очки, увлажненными слезами радости глазами, съ ногъ до головы осмотрѣлъ сына отецъ и убѣдившись, что у молодого офицера все исправно и вѣрно надѣто, Иванъ Михайловичъ сказалъ:

— Ну, какъ, Иванъ, будемъ вмѣстѣ теперь помогать матери, сестрѣ и брату, или какъ?.. Самъ заживешь своею жизнью.

Верхотуровъ младшій, черезъ очки, посмотрѣлъ на отца та-

кими же серьезными глазами и въ нихъ Верхотуровъ отецъ прочель не юношескую мудрость.

— А зачѣмъ нѣтъ, отецъ? Мамѣ трудно. Ольга — красивая ростеть дѣвушка — ей нужно помочь выбиться въ люди... Ну и Мишѣ поможемъ. А мы съ тобою что? Мы солдаты. Много ли намъ и нужно-то?

— Такъ, на солдатскомъ пайкѣ? А? Иванъ?

— Ну, понятно. Не будемъ же мы шампанское дуть, какъ инженеры какіе-нибудь, или тамъ купцы? Въ праздникъ японскаго пива выпьемъ вотъ и все.

— Теперь, братъ, не такъ у насъ просто, какъ было тогда, когда ты былъ мальчикомъ. Мы теперь стрѣлки — не линейцы. Стрѣлки, овѣянные славой Китайскаго похода. У насъ теперь и народъ другой. Сюртуки надѣнуть, чуть не до пять... Аглицкаго сукна, темно-зеленые, талии въ рюмочку, папахи шелковистаго барана, шампанскаго спросятъ, — такъ различать — это молъ «Монополь», а то «Муммъ», или тамъ еще «Силлери». Консервы кушаютъ американскіе — ветчину, груши громадныя, Калифорнійскія, за японочками ухаживаютъ. Въ отпускъ въ Портъ-Артуръ норовятъ удрать... Это не какъ твой отецъ — взялъ ружье, да и ай-да въ горы на охоту. Такъ, какъ же ты все-таки будешь?

— Какъ? Какъ ты. На что мнѣ сюртукъ аглицкаго сукна? И шампанское для меня одна бурда. И безъ консервовъ проживемъ. Вотъ книжку почитать — это я люблю. Такъ это я всегда въ библіотекѣ или у товарищей достану.

Славныя и какія дружескія отношенія сложились между сыномъ и отцомъ. Отецъ — батальонный командиръ — начальство, сынъ — младшій офицеръ, самый младшій въ батальонѣ, отецъ въ годахъ, сѣдина пробила жесткую, кудрявую русую бородку, загорѣлое лицо все въ сѣткѣ морщинъ, сынъ — почти юноша, не знающій жизни, а поглядишь на нихъ со стороны — ровня: два товарища, два друга, связанныхъ общими интересами ихъ стрѣлковой службы.

На рѣкѣ Ялу они устроились вмѣстѣ, въ маленькой фанзѣ надъ обрывомъ, надъ рѣкою, среди фанзъ, занятыхъ батальономъ. Придуть съ занятій, пообѣдаютъ простымъ, солдатскимъ обѣдомъ, приберетъ деньщикъ тарелки и судки, отецъ сниметъ сюртукъ и сядетъ подъ окошкомъ, ковыряетъ иглою, аккуратно накладыва-

еть заплатку на прорванное мѣсто. Сынъ сидитъ въ углу, уткнувшись въ газету. И позы ихъ на низкихъ канахъ, и очки на носсахъ и самые носы — все у нихъ одинаковое. Только и разницы, что одинъ старый, другой молодой.

Въ фанзѣ тихо. За окномъ суровая Маньчжурская зима. Вѣтеръ шуршитъ бумагой рамы, напѣваетъ въ заслонкѣ, поставленной стрѣлками русской печи, заунывную зимнюю пѣсню.

— Что, отецъ, можетъ быть, курнемъ? — говорить Иванъ Ивановичъ.

— Курнуть, что и говорить — хорошо, да табаку нема.

— А можетъ и найдемъ, коли поищемъ.

Иванъ Ивановичъ бережно кладетъ газету на канъ и идетъ къ своему походному чемодану. Онъ роется въ немъ и подаетъ отцу пачку отличнаго, дорогого англійскаго табаку.

— Ну, спасибо, Иванъ, — просто говорить Иванъ Михайловичъ.

Онъ скручиваетъ по солдатски крученку и со вкусомъ медленно раскуриваетъ. На его лицѣ блаженство наслажденія.

— Спасибо, Иванъ. Балуешь отца. Откуда только ты досташь такіе замѣчательные табаки?

— Достаяю, отецъ, — такъ же просто говорить Иванъ Ивановичъ.

Самъ онъ не куритъ. Но походомъ изъ Ляояна въ Шехедзы, вездѣ гдѣ было можно, умудрялся покупать табакъ и папиросы и незамѣтно прятать для отца про черный день.

— Что читалъ въ газетахъ?

— А!.. Ерунда! И какъ не стыдно. То есть, знаешь ли, отецъ, кабы да я былъ царемъ, взялъ бы я всѣхъ этихъ газетчиковъ и писателей и перепоролъ бы казацкой нагайкой, чтобы не писали такого вздора.

— Ну такъ, что же они тамъ набрехали?

— Пишуть: Японія — маленькая игрушечная страна чайныхъ домиковъ и гейшъ, страна цвѣтущихъ вишневымъ садовъ и хризантемъ, лакированныхъ ящичковъ и шелковыхъ халатовъ и что никогда, ты слышишь это, отецъ, никогда не осмѣлится она напасть на громадную Россію. Слухи о ея военныхъ приготовленіяхъ

вздорны и Россія совершенно напрасно не убираетъ войска изъ Маньчжуріи. Войны быть не можетъ. Ну словомъ — слонъ и моська. Мы слона изображаемъ, а японцы моськи, лающія на слона. Это же возмутительно, отецъ!

— Н-нда-а, — протяжно сказалъ Иванъ Михайловичъ, — можно сказать неосвѣдомленность полная. Эти макаки доставятъ намъ не мало безпокойства.

— Что грустно, отецъ. Тамъ, — Иванъ Ивановичъ показаль рукою на окно, гдѣ была рѣка, — тамъ, за Ялу, въ Корей кипитъ невидимая намъ огромная работа, а тутъ — тишина...

— Тишина, — сказалъ отецъ, — и скука... Не знаешь, чѣмъ занимать людей.

— Ну что, отецъ, могутъ сдѣлать здѣсь наши два батальона? Тутъ — корпуса нужны. Арміи...

— Ну, полно, Иванъ. Арміи! И ты заражаешься этимъ страхомъ передъ японцами. Ты — стрѣлокъ!.. О-оо-о!! Ты Восточно-сибирскій стрѣлокъ! Ты идешь — врагъ тебя не видитъ — ты стрѣляешь — каждая твоя пуля валитъ врага. Ты всталъ — грянуло ура и побѣжалъ врагъ, хотя бы и японецъ... Не догонишь. Вотъ оно что такое стрѣлки. Понимаешь? Смотри бодро и смѣло и будь увѣренъ въ побѣдѣ. Ты это стрѣлкамъ то внушаешь?

— Не въ томъ дѣло, отецъ. Побѣду нужно приготовить.

Отецъ затынулся послѣдній разъ, выпустилъ дымъ и сказалъ, улыбаясь:

— Славный, славный табачокъ. Давненько я такъ не баловался.

— Я, отецъ, стрѣлкамъ твержу про побѣду, непрерывно твержу, да только...

— Что только? Японцы?.. Повидалъ я иностранныя войска, когда брали мы Пекинъ. Японцы... Что же хороши. Въ мірѣ, Иванъ, солдаты только и есть что нѣмецкіе, наши, да вотъ теперь эти японцы... Рыцари. Остальныя — павлины, фазаны, пѣтухи — нѣтъ... Не солдаты... А японцы все-таки будутъ пожиже нашихъ.

— Тѣломъ — да. А духомъ?..

— Духомъ. Это уже мое, да твое дѣло, долгъ офицеровъ вдохнуть въ стрѣлковъ Суворовскую душу.

— Въ томъ-то и бѣда, отецъ, что солдаты стали умны очень.

— Не плохо.

— Иногда очень плохо.

— Что же ты нашель?.. Всего три мѣсяца въ ротѣ и что ты замѣтилъ?

— Сегодня, на словесныхъ занятіяхъ завелъ я разговоръ со своими. Вышли мы изъ фанзы, сѣли на солнышкѣ, на берегу Ялу, болтаемъ. — «Отчего», — спрашиваютъ меня, — «запасныхъ лѣтошній годъ не отпустили?» «Оттого», — говорю я, — «что Японія ершится и грозитъ воевать съ нами». «Выходитъ, война у насъ будетъ?» «Да, навѣрно даже будетъ». Помолчали. Глядимъ на рѣку. Вѣтеръ по льду ея гонитъ снѣгъ полосами. За рѣкою кусты, лѣса и на холмѣ сѣрыя стѣны, кумирня, башня какая-то — городъ Ычжу, Корейскій городъ.

— «А изъ-за чего», — спрашиваютъ меня, — «мы драться будемъ?» Ну объяснилъ я своимъ молодцамъ стрѣлкамъ значеніе для Россіи Великаго Океана и незамерзающаго на немъ порта и открытаго всегда для насъ моря. Начертилъ имъ на снѣгу Корею и Маньчжурію и рассказалъ, какъ важно намъ ими обладать. Слушали меня такъ внимательно, что мнѣ жутко стало. «Такъ», — говорятъ, — «а что же японецъ-то, поди, тоже понимать это самое долженъ? Изъ-за чего же онъ хотить съ нами драться? Значить и у него какая-то тамъ причина есть особенная». И, дерни меня чортъ за языкъ сказать имъ, что у японцевъ на островахъ земли мало, что имъ тѣсно жить и что нужно имъ выселяться на свободныя земли. Опять помолчали. И тутъ ефрейторъ Лазурченко говоритъ: — «Н-нда, это точно. Причина основательная. У насъ земли много, край непочатый, а мы все приглядываемся, гдѣ бы намъ еще чего забрать. А какъ у японца земли мало, то его и, выходитъ, дѣло правое. А Богъ за правое дѣло стоитъ»... Вотъ, отецъ, какъ каряво бесѣда наша обернулась. Изъ-за одного глупаго слова все полетѣло кувыркомъ. Сталъ я говорить о долгѣ солдата, не разсуждая, драться и умирать, гдѣ и съ кѣмъ прикажутъ, о чести и славѣ, о непобѣдимости Россіи, говорю все это и чувствую — непроницаемая, каменная, глухая стѣна становится между нами. Тупое молчаніе и ни одного вопроса. Вотъ тогда-то, отецъ и стало мнѣ жутко и страшно. Чувствую, что

будеть эта война — не веселый походъ въ Токио, не экзотическая экспедиція колоніальныхъ войскъ, а мучительная кровавая война и для нея намъ нужны огромныя силы.

— Гони, Иванъ, эти мысли вонъ. Господь не допуститъ язычникамъ посмѣяться надъ нами.

— А, если Господь отступится отъ насъ за грѣхи наши?

— Н-нда-а... Это положимъ. Тогда...

Иванъ Михайловичъ покосился на коробку съ табакомъ, искашаемый желаніемъ еще покурить и не смѣющій расхотѣть табакъ, отставилъ коробку подальше отъ себя и отвернулся въ сторону.

— Да кури ужъ, — сказала Иванъ Ивановичъ. — Вѣдь — вижу, что хочешь. Что ты передо мною-то ломаешься.

Иванъ Михайловичъ размѣренно, смакуя предвкушаемое удовольствіе, свернулъ папиросу, зажегъ ее и затянулся, потомъ сталъ выпускать дымъ колечками. Послѣ двухъ, трехъ затяжекъ онъ повернулся къ сыну и сказалъ:

— Слушай, Иванъ, собери ты къ пяти часамъ къ нашей фанзѣ во дворъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ батальона, да и ефрейторовъ и господъ офицеровъ тоже. Поди къ ротнымъ, скажи такое мое приказаніе.

И до самыхъ пяти часовъ Иванъ Михайловичъ сидѣлъ ничего не дѣлая и не двигаясь на канѣ и сквозь очки смотрѣлъ въ темный уголъ фанзы.

II.

Несмотря на совѣзмъ не щегольской, порою даже неопрятный внѣшній видъ, Верхотуровыхъ въ батальонѣ любили.

«Да — чудачки», — говорили про нихъ офицеры, — «и отецъ и сынъ, но какіе милые, симпатичные чудачки»...

Молодежь коробило, что батальонный ихъ не имѣлъ хорошей кровной верховой лошади, какого-нибудь наряднаго кабардинца, или хотя ролую полукровку завода Янковскаго, но ѣздить на

маленькой монголкѣ, взятой изъ конно охотничьей команды. Когда сидѣлъ онъ на ней и длинное, худое его тѣло давило лошадь, на головѣ была простая дешевая, лохматая солдатская папаха, черными космами шерсти спускавшаяся на лобъ и на брови, когда сиповатымъ голосомъ подавалъ онъ на ученьи команды, точно дьяконъ говорилъ ектенію и шевелилась его всегда растрепанная борода — молодые щеголеватые поручики и подпоручики шептались недовольно: «Ему молебны служить, а не лихимъ батальономъ командовать».

Люди постарше — капитаны и штабсъ-капитаны, знавшіе семейное положеніе Верхотурова и сами прошедшіе нелегкую школу жизни на далекой окраинѣ смотрѣли на все это снисходительно.

Когда шли отецъ и сынъ рядомъ по улицѣ, шли широкимъ вымаханнымъ стрѣлковымъ шагомъ и мѣрно покачивались въ тактъ ихъ худошавья тѣла — сзади, со спины, не отличишь, кто отецъ, кто сынъ, такъ одинаково мѣшковато сидѣли на нихъ шинели, такъ тонки и стройны были они оба.

Офицеры искали и находили для нихъ въ русской литературѣ подходящіе типы. Кто они? да, есть что-то отъ Максима Максимовича изъ Лермонтовскаго «Героя нашего времени», или вотъ капитанъ Тушинъ, или капитанъ Тимохинъ изъ «Войны и мира» гр. Л. Н. Толстого. Русскіе, не приглашенные фронтовою молодецествомъ, строевою выправкой типы, а въ общемъ прекрасные офицеры. Смерти не боятся, на мѣстности, въ Маньчжурскихъ лѣсахъ, падаяхъ, путаныхъ, узкихъ долинахъ — разбираются, какъ на своемъ дворѣ. Съ ними въ бою будетъ не страшно. Одинъ не поведетъ зря — другой по товарищески выручить.

Солдаты обожали обоихъ. Вот и «баре», «господа», по всему видно знающіе, образованные господа, а, какъ просты! Приди къ нимъ, съ какою хочешь нуждою, какую хочешь солдатскую бѣду къ нимъ принеси, — все исправятъ, во всякомъ дѣлѣ помогутъ, все разберутъ и растолкуютъ. И зря никого не накажутъ, не обидятъ... И нравилось солдатамъ, что жили отецъ и сынъ по солдатски просто, не чванились, одѣты были, какъ стрѣлки и питались изъ ротнаго котла, а свое офицерское дѣло тонко знали. Съ ними не пропадешь...

Гуль голосовъ за стѣною фанзы, откашливаніе, сморканіе заставили Ивана Михайловича очнуться отъ упорной, глубокой думы. Онъ всталъ съ кана, почистилъ тяжелую, солдатскаго сукна

шинель, надѣлъ ее, нахлобучилъ на лобъ папаху, застегнулся, надѣлъ шапку и вышелъ на крыльцо.

Солнце спускалось за недалекія синія горы. Послѣдніе лучи золотили вершины другихъ, болѣе далекихъ, «чужихъ», на томъ, Корейскомъ, берегу горъ. Внизу, подъ крутымъ скатомъ замерзшая Ялу пустынной, угрюмой простыней мутнаго сѣроватаго цвѣта уходила къ чернѣвшимъ неподалеку лѣсамъ. Жуткимъ, таинственнымъ холодомъ вѣяло отъ синихъ горъ и чужихъ лѣсовъ Корейскаго берега.

— Смир-рна! — скомандовалъ старшій ротный командиръ. — Господа офицеры!

— Здорово, молодцы стрѣлки! — бодро крикнулъ Иванъ Михайловичъ.

Выслушавъ громогласный отвѣтъ стрѣлковъ, Иванъ Михайловичъ уже простымъ, не команднымъ, не начальническимъ голосомъ сказалъ:

— Садитесь, братцы, поближе ко мнѣ, садитесь на чемъ стоите.

Самъ сѣлъ на рундучекъ, шедшій вдоль фанзы. Вокругъ него размѣстились офицеры.

Черныя мохнатая папахи заколебались; усаживались съ легкимъ говоромъ стрѣлки, ясные, простые глаза внимательно смотрѣли на своего батальоннаго. Мучительные вопросы были въ нихъ. А какъ ихъ выскажешь?

Усѣлись тѣсно и плотно. Наступило напряженное молчаніе. Тихо догоралъ зимній вечеръ.

— Унтеръ-офицеръ Шевченко, — обозвалъ Иванъ Михайловичъ.

— Я, — бодро отозвался, вставая, бравый стрѣлокъ съ двумя бѣлыми нашивками на малиновомъ погонѣ.

— Ска-ажи-ка ты мнѣ, — растягивая слога отчетливо проговорилъ Иванъ Михайловичъ. — А какой ты, значить, будешь губерніи?

— Приморской области, ваше высокоблагородіе, — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ.

— И всегда ты и твой отецъ были Приморской области?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Мы сами спидь Полтавы. Мы Полтавскіе. Отець сюда выселился, я вовсе махонькимъ былъ.

— Полтаву-то помнишь?

— Куды-жь? Совсѣмъ позабылъ.

— А теперешнюю землю любишь?

— Бога гнѣвить нечего. Отець дюжа хорошо приспособился. Все у насъ теперь позавелось.

— Такъ... Такъ... Вотъ, видите, братцы, стало Шевченкамъ тѣсно въ Полтавской губерніи — они подались сюда, къ Никольскому Уссурійскому, заняли себѣ мѣсто и никто имъ въ этомъ не мѣшалъ, потому что земля эта была наша — Россійская. Другіе ушли еще раньше въ Тобольскую, Томскую губернію, въ Семирѣченскую область, заселили Сибирь и Туркестанъ. Вездѣ земля была наша, нашего Государя, нашего Царства земля. Множится русскій народъ, тѣсно становится ему на Руси, мельчаютъ надѣлы — пожалуйте — новыя земли припасены для васъ, все трудами и заботами нашихъ Государей, все побѣдами и силою нашего войска. Мы впередъ, можетъ быть на сто лѣтъ а то и дальше глядѣли, загодя пріобрѣтали земли, потому и есть куда намъ подаваться, гдѣ устраиваться, никому не мѣшая. Теперь вотъ смотрите, чтобы тутъ устроиться и жить хорошо — нужна намъ торговля. Одно у насъ есть, другого нѣтъ; — нужно, чтобы купцы могли привозить намъ нужное и покупать то, что у насъ въ излишкѣ, значить нужны намъ стали пути-дороги и пути дешевые, а дешевые пути — морскіе.

Верхотуровъ запнулся и замолчалъ. «Вотъ тутъ-то я и подхожу къ тому необъяснимому», — подумалъ онъ, — «къ той неопредѣленности, деликатной что ли робости? которая идетъ изъ Петербурга. Мы занимаемъ Маньчжурію, Китай взбунтовался, мы усмирили Китай, этими самыми людьми усмирили его, кровью ихъ полили Маньчжурскія поля, такъ почему же въ городахъ китайскихъ сидятъ мандарины — дзянь-дзюни и фудутуны, а не русскіе градоначальники? Почему не стали разбивать пустынную Маньчжурію на участки, селить поселенцевъ, не полѣзли на горы русскіе инженеры и геологи, не начали ставить заводы, поселки и города. Вотъ скоро будетъ четыре года, что кончилась война съ Китаемъ, какъ будто нами завоевана огромная и прекрасная земля,

а мы сидимъ на ней не хозяевами, а непрошенными, незванными гостями. Какъ мнѣ растолковать моимъ молодцамъ стрѣлкамъ англо-масонскія вліянія и тайную работу темныхъ силъ, мѣшающую Государю прихватить Маньчжурію, какъ прихватилъ Царь Иванъ Грозный Сибирь?.. Вотъ тогда былъ бы смыслъ драться и въ надвигающейся войнѣ. Если бы здѣсь въ Шахедзахъ и сзади въ Фынъ-хуан-ченѣ уже жили русскіе крестьяне и ремесленники, шла бы кипучая русская жизнь, вотъ тогда и на Ялу не было бы такъ непріятно и не нужно было бы, старому подполковнику толковать моимъ унтеръ-офицерамъ за что мы воюемъ? Все само собою было бы ясно.»

Молчаніе становилось тягостнымъ. Кто-то изъ офицеровъ кашлянулъ, другой, чтобы разсѣять неловкость молчанія спросилъ разрѣшенія курить.

Солнце сѣло за горы, холодный, голубой сумракъ спустился надъ городомъ. Во дворъ фанзы прошелъ телеграфистъ и подалъ Ивану Ивановичу листокъ полевой телеграммы.

— Его высокоблагородію... Срочная...

Иванъ Ивановичъ понесъ телеграмму отцу. Тотъ, сидя, читалъ синимъ карандашемъ скорописью написанную телеграмму и всталъ. Что-то было въ лицѣ Ивана Михайловича неуловимо торжественное, что заставило всѣхъ встать. Грозное молчаніе наисло на дворѣ.

— Посвѣти, Иванъ, плохо что-то вижу, — прошепталъ сыну отецъ.

Иванъ Ивановичъ зажегъ спичку. Было такъ тихо въ воздухѣ, что пламя желтой прозрачной бабочкой висѣло надъ голубымъ листкомъ и яркими точками отражалось въ стеклахъ очковъ Ивана Михайловича.

Иванъ Михайловичъ откашлялся и медлительно и торжественно прочиталъ:

— Отъ командира полка... Японскіе миноносцы вчера измѣнчески напали на нашъ флотъ, стоявшій на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура. Нѣсколько нашихъ судовъ выведено изъ строя. Атака японцевъ отбита. Война началась... Объявите объ этомъ батальону, примите мѣры обороны и развѣдки.

Иванъ Михайловичъ опустилъ руку съ телеграммой. Догорѣвшая спичка упала изъ рукъ Ивана Ивановича.

Широкимъ жестомъ Иванъ Михайловичъ показалъ на востокъ, гдѣ въ прозрачномъ, темнѣвшемъ и точно густѣвшемъ небѣ загорѣлась огромная звѣзда. Взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ сильно и ясно сказал онъ:

— Россія!.. Россія! Государь нашъ не хотѣлъ войны. Японцы, какъ воры напали на насъ. Свершилась воля Божія. Кто поднялъ мечъ — тотъ отъ меча погибнетъ. Нашъ долгъ... Долгъ, слышите, стрѣлки, нашъ долгъ отомстить за нашихъ моряковъ, наказать дерзновенныхъ!..

Иванъ Михайловичъ понизилъ голосъ почти до шопота и проговорилъ съ особою силою и вѣрою:

— Да поможетъ намъ въ этомъ Господь Богъ!..

Безъ команды всѣ сразу сняли папахи и крестились на востокъ, гдѣ яркимъ, таинственнымъ голубымъ фонаремъ надъ горами горѣла звѣзда.

Въ бѣдной фанзѣ отецъ и сынъ дружески продолжали разговоръ о событіяхъ, внезапно вспыхнувшихъ.

— Да, вотъ она и война, — сказалъ Иванъ Михайловичъ, смотря на сына. — Японцы напали исподтишка, украдкой, какъ тать въ нощи. Это соотвѣтствуетъ ихъ характеру. У восточныхъ народовъ — душа потемки; никогда не узнаешь и не угадаешь, что у него въ мысляхъ и на сердцѣ, кромѣ ненависти къ европецамъ.

— Скажи отецъ, а что ты думаешь вообще по поводу этой войны? Я не смогъ разсѣять солдатскую угрюмость. Ты тоже замолкъ и не досказалъ своихъ мыслей. Ты лучше меня понимаешь, почему намъ нужны эти дальнія-восточныя воды и эта малонаселенная земля?..

— Я запнулся, Иванъ, по другой причинѣ. Мнѣ непонятна политика нашихъ верховъ. Въ ней есть что-то загадочное и странное. Кровь, братъ, не вода; нельзя зря проливать русскую кровь. Мы завоевали Маньчжурію, а хозяевами попрежнему остаются китайцы. Почему это такъ?.. Вотъ и появляется сомнѣніе.

Иванъ Михайловичъ задумался, скрытилъ крученку, закурилъ и сладко затянулся. Сынъ слѣдилъ за отцомъ и чувствовалъ къ нему большую любовь.

— Двѣсти лѣтъ назадъ Петръ Вевикій прорубилъ «окно въ Европу». Въ этомъ «окнѣ» была важнѣйшая государственная не-

обходимость. Еще большая необходимость для Россіи сейчасъ здѣсь. Это выходъ къ незамерцающимъ восточнымъ морямъ. Россія должна стать твердой ногой на берегахъ Тихаго океана. Только тогда труды и жертвы долгихъ лѣтъ и долгой борьбы не останутся для насъ безплодными. Государь сознаетъ историческое значеніе «большой азіатской программы». Не всѣ его понимаютъ. Онъ упорно прорубаетъ окно на океанъ. Государь главный носитель идеи Имперскаго величія Россіи. Царю я безпредѣльно вѣрю, за него я спокойно отдамъ жизнь, потому что Царь — это Россія. Но я плохо вѣрю разнымъ сановникамъ и дипломатамъ. Крутятъ они чего-то. А что и почему — аллахъ вѣдаетъ... На укрѣпленіе Портъ Артура — нашего опорнаго пункта — у нихъ денегъ не было, а вотъ на портъ въ Дальнемъ затратили много милліоновъ русскихъ рублей. Войну нельзя начинать безъ вѣры въ побѣду. Надо отогнать сомнѣнія и мы побѣдимъ.

III.

На другой день стали рыть окопы вдоль берега. Изъ Фынъ-хуанъ-чена подошли другіе батальоны ихъ бригады, пришла дивизія Забайкальскихъ казаковъ генерала Мищенко и стрѣлки долго смотрѣли, какъ сотня за сотней шли съ желтыми значками на пикахъ на разномастныхъ лошадяхъ казаки за рѣку, на тотъ, чужой, непріятельскій берегъ.

Въ Шехедзахъ стало оживленнѣе. Вся стрѣлковая дивизія собралась здѣсь, по берегу стали батареи. Ждали врага на себя.

Потекли длинные томительные дни и ночи. Съ того берега пріѣзжали казаки, привозили раненыхъ, провезли въ китайскомъ гробу, на корейской арбѣ тѣло перваго убитаго офицера. Въ Шехедзахъ все было тихо.

Иванъ Михайловичъ не спалъ по ночамъ. Не умѣшалось все это въ его мозгу, не сходилось съ тѣмъ, что учил онъ въ училищѣ, на чемъ былъ воспитанъ. Говорилъ Суворовъ: «Проклятая оборона» — и все казалось Ивану Михайловичу, что самое безумное впередъ и впередъ, помѣшать высадкѣ японцев, было бы

разумнѣ этого выжидательнаго сидѣнія въ окопахъ... Но съ кѣмъ идти? Войскъ не было...

А потомъ...

Пришли японцы, навалились цѣлою арміей и былъ жестокой кровавый бой. Съ музыкой и со священникомъ впереди съ крестомъ въ рукахъ ходили въ штыки отбивать натискъ японцевъ, потеряли много людей, ушли отъ Ялу, миновали заранѣе подготовленныя позиціи у Фынъ-хуанъ-чена и отошли къ Лянь-шань-гуаню.

И только и слышали, что «наши» вездѣ отступаютъ, что японцевъ «сила», что не могли даже вывезти орудія. Отступали на востокъ, отходили на югъ...

То японская армія угрожала нашему лѣвому флангу, то силь у насъ было мало, то артиллерія бесплодно гибла на открытой позиціи. Тяжелый рокъ нависъ надъ русской арміей. Офицеры и солдаты изнемогали въ бесплодныхъ, безпобѣдныхъ и ненужныхъ бояхъ.

Вотъ-вотъ она была побѣда. Подъ Дашичао Приморскіе драгуны развернулись, чтобы кинуться въ атаку, дивизіи генераловъ Мищенко, Самсонова, Ренненкампа и Грекова были неподалеку — была та священная минута, когда конница могла показать себя, ринуться массаами на потрясеннаго врага и снова стать царицей сраженія, погнать японцевъ до Портъ-Артура, колоть и рубить врага. И была бы побѣда. Можетъ быть — конецъ войнъ...

Но... не рискнули.

Кто-то приказалъ отставить атаку и парадно развернушіеся эскадроны на рослыхъ караковыхъ коняхъ свернулись въ резервный порядокъ, и стали вытягиваться длинными походными колоннами позади отступающей пѣхоты.

Пошли — отступать.

Риска не было. А безъ риска не было побѣды.

Иванъ Михайловичъ постарѣлъ и исхудалъ. Походы черезъ горы въ тропическія Маньчжурскія жары изсушили его. Мучила забота о сынѣ и боязнь потерять его. Въ эти лѣтніе мѣсяцы войны, Иванъ Михайловичъ съ особою силою ощутилъ, какъ горячо и нѣжно любилъ онъ сына.

Вѣчныя заботы и безпокойство углубили морщины на его

ставшемъ темно-коричневымъ отъ загара лицъ, все лицо сморщилось. Кто сказалъ бы, что этому старому, сѣдому подполковнику еще нѣтъ полныхъ сорока лѣтъ!..

Горы зарылись въ густой кустарникъ и лѣса. Не пройдешь, не пройдешь. Вокругъ китайскихъ хуторовъ и деревень пышно цвѣли груши, яблони, сливы и абрикосы, поля покрылись густыми порослями гаоляна и чумизы. На огородахъ поросли бобы, морковь и тыквы. Пестрые маки цвѣли между грядокъ. Все цвѣло и зеленѣло подъ безоблачнымъ синимъ небомъ, подъ палящими лучами южнаго солнца.

Медленно и осторожно продвигались впередъ японцы. Они еще не вѣрили въ побѣду. Они закрѣпляли за собою каждый пройденный шагъ.

Батальонъ Верхотурова стоялъ лѣтомъ въ горахъ, на берегу быстро бѣгущей по широкому, усѣянному галькой руслу рѣки. По берегамъ красивыми рощами высились грушевыя и буковыя деревья.

Въ коричневыхъ, грязныхъ фанзахъ съ выставленными окнами, занавѣшанными полотнищами отъ палатокъ, обросшихъ по дворамъ цвѣтущими мальвами и макомъ, въ маленькой деревушкѣ, разбросавшей дома свои по скату горы между гаоляновыхъ полей, устроились офицеры. Стрѣлки разбили низкія двускатныя палатки прямоугольниками ротъ и всѣ томились отъ зноя и бездѣлья. Очередныя роты уходили въ горы, выставляли заставы и полевые караулы, входили въ связь съ высланными впередъ казаками, допрашивали китайцевъ развѣдчиковъ.

Никакого толка не было отъ этихъ косоглазыхъ хитрыхъ «ходей». Часами допрашивалъ ихъ въ низкой фанзѣ Иванъ Михайловичъ, смотрѣлъ имъ въ глаза, щелками притаившіеся на лицѣ, дышалъ ихъ чесночнымъ тяжкимъ духомъ и старался понять ихъ рассказы. Казались они равнодушными, сонными, усталыми... Вдругъ въ узкихъ прорѣзахъ глазъ между коричнево-желтыхъ вѣкъ загорится пламя лютой ненависти. Вспыхнетъ на мгновение и погаснетъ, и снова тусклый черный, будто и нечеловѣческій зрачокъ, тупо и равнодушно направленъ въ сторону. Не громко звучитъ несвязная рѣчь:

— Моя ходиль большая рѣка, на ту сторону. Тамъ «ибень» многули.

— Да сколько много?.. Сто человекъ, или больше?

— Шибко многули. Вся гола ими поклыта. Маленькая пушка есть, большая пушка есть...

Можно ли было имъ вѣрить?..

Сверху, изъ штаба, отъ главнокомандующаго генерала Куропаткина, мало было приказаній. Шли хозяйственныя распоряженія. Запасать гурты скота, строить полевыя хлѣбопекарни и бани. Иногда получалась короткая телеграмма: «Въ случаѣ перехода японцевъ въ наступленіе, въ бой не ввязываться. Держаться по мѣрѣ возможности... Отходить»...

Отходить!

Прочетъ такую телеграмму Верхотуровъ отецъ, молча протянетъ листокъ сыну и, если въ фанзѣ никого кромѣ нихъ двоихъ нѣтъ, скажетъ тихимъ глухимъ голосомъ:

— Гдѣ же, Иванъ, Суворовскіе завѣты: «Быстрота, глазомѣръ и натискъ»? Гдѣ же его Скобелевская школа?

Замолчить надолго, курить, покашливаетъ недовольно, думаетъ упорную тяжелую думу и потомъ, отвернувшись въ сторону отъ сына, какъ бы самому себѣ скажетъ тяжкое заключеніе:

— Неужели, правда? Масонъ?!

IV.

Въ фанзѣ, гдѣ стоялъ Верхотуровъ жили еще офицеры его батальона.

Днемъ шелъ сильный, ровный, тропическій горячій дождь. Онъ не освѣжилъ духоты, но наполнилъ воздухъ сыростью и туманомъ. На чемоданѣ ротнаго командира, капитана Ворыпаева, въ пустой бутылкѣ была вставлена зажженная свѣча. Ея пламя горѣло ровно и неярко. Вокругъ нея сбились офицеры, собрались пить чай. Самого Верхотурова не было, онъ съутра уѣхалъ въ штабъ полка на своей маленькой монголкѣ.

Младшій офицеръ 5-й роты, прапорщикъ запаса Глумбергъ, былъ онъ до призыва помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, принесъ въ общую долю пачку китайскаго миндальнаго печенья, стрѣ-

локъ подаль мѣдный котелокъ съ кипяткомъ. Иванъ Ивановичъ Верхотуровъ заварилъ чай, и офицеры потянулись къ котелку съ облупленными желѣзными эмалированными кружками. Молоденькій подпоручикъ, всего годъ тому назадъ выпущенный изъ Александровскаго военнаго училища, милый, застѣнчивый, готовый всѣмъ услужить, — его и звали всѣ любовно по имени — Сеничка — досталь изъ своего сундучка баночку клюквеннаго морса, прищелкнулъ языкомъ, и сказалъ:

— А я вотъ что вамъ досталь.

Съ этого его пустого замѣчанія завязался между, хмуρο изъ-за непогоды молчавшими, офицерами разговоръ.

— Откуда, Сеничка? — спросилъ блѣдный, страдавшій дис-сенеріей подпоручикъ Малявкинъ.

— Откуда? А вотъ угадайте. Никогда не угадаете...

— У грековъ купилъ, — сказал хриплымъ голоосмъ капитанъ Воряпаевъ.

— А вотъ и вовсе не у грековъ, не угадали, Владиміръ Сергѣевичъ.

— И угадывать не стоитъ. Давайте, Сеничка, бутылочку. Давно я такой штуkenціи не пилъ, — сказалъ рыжій поручикъ Лорбергъ.

Но Сеничкѣ такъ хотѣлось разсказать ту исторію, то приключеніе, которое казалось ему въ блѣдной и безпросвѣтной походной жизни необычайно яркимъ видѣніемъ, что онъ, передавъ бутылочку Лорбергу и пустивъ ее въ общее пользованіе, заговорилъ счастливымъ голосомъ, чуть даже нараспѣвъ:

— А досталь я у сестеръ... Крестовоздвиженскія сестры мнѣ подарили. И такія удивительныя сестры, такія, ну просто — хорошія... — Сеничка задохнулся отъ восторга и замолчалъ.

— Смотрите, Сеничка, не влюбитесь, тогда — крышка вамъ, — сказалъ Воряпаевъ. — И гдѣ вы такихъ сестеръ тутъ нашли?

— Ахъ нѣтъ, Владиміръ Сергѣевичъ, ну что вы. Я утромъ на летучку ѣздилъ. Жа-ара... Смерть пить захотѣлось, а тутъ, знаете, гдѣ горная тропа на Ляоянскую дорогу выходитъ — гляжу, палатки госпитальныя стоятъ — и... сестры. Въ бѣломъ!.. Я и подѣхаль, попросилъ воды напиться, а онѣ — такія добрыя, — говорятъ, да вы слѣзайте мы васъ чайкомъ напоимъ. И правда.

Съ лимономъ чаемъ напоили. Ну просто такія добрыя... Удивительно. И на прощанье эту вотъ баночку и подарили.

— А давно я, государи мои, чая съ лимономъ не пилъ, — сказала Ворыпаевъ. — Странное существо человекъ. Въдъ этого самого морса мы въ Петербургъ и видѣтъ то не хотѣли... Гадость. Намъ подавай чай, да еще въ граненомъ хрустальномъ стаканѣ. Помните, какъ у Филиппова въ кондитерской, на Невскомъ, подавали. Оранжево-желтый и въ немъ — ломтикъ лимона... Чистая поэзія... Пустое, конечно, а вотъ не достааетъ. Аромать чая въ кружкѣ или въ котелкѣ не тотъ. Желѣзомъ отзываетъ, мочалой воняетъ...

— Босьяками стали, вотъ что скажу я вамъ, господа, — желчно и злобно сказала Глумбергъ. — Опускаемся... Живемъ, какъ свиньи, ночью тараканы китайскіе намъ ноги объѣдаютъ, недѣлями, не снимая носимъ грязное бѣлье, воняетъ отъ насъ.. Подлинно «Вяземскіе кадеты», а не «господа офицеры»... А потомъ, послѣ физическаго нашего обнищанія пойдетъ и духовное — это, позвольте вамъ сказать — уже такъ и будетъ, не иначе-сь!

— Но-но! — грозя чернымъ пальцемъ сказала Ворыпаевъ, — университетъ. Не всѣмъ университеты кончатъ. Потянули бы нашу лямку годовъ эдакъ пятнадцать, — посмотрѣлъ бы я, какъ вы опустились бы!

— Была бы побѣда — и все ничего, — сказала Иванъ Ивановичъ.

— По-бѣ-да-а? А на чорта она вамъ сдалась? — вставая съ кана, съ вызовомъ сказала Глумбергъ.

— Какъ на что? — воскликнулъ блѣдный Малявкинъ, и синіе его глаза загорѣлись огнемъ. — Безъ побѣды не можемъ мы вернуться домой. Русская армія всегда побѣждала. Я помню мой отецъ...

Глумбергъ перебилъ его.

— Сентименты — пеперменты, — сказала онъ глумливо.

Всѣ вдругъ замолчали. Всѣмъ стало тяжело и неловко. Точно въ тѣсную-дружескую семью, гдѣ всѣ любили другъ друга, вошелъ кто-то посторонній, чужой и смутилъ всѣхъ.

Сеничка, красный, взволнованный, всталъ и, схвативъ пустой котелокъ, сказалъ весело, примирительно:

— Добѣгу-ка я до стрѣлочковъ, кипяточку достану, еще напьемся чаишка. Жалко — вотъ ситка нѣтъ, чайники попадаютъ.

— Сентименты — перементы, — повторилъ Глумбергъ, отдувая нижнюю, пухлую губу и становясь похожимъ на еврея.

— Позвольте-съ, — возвышая голосъ сказалъ Ворушаевъ. — Вы глупости говорите, прапорщикъ Глумбергъ. Тутъ говорятъ о побѣдѣ, о славѣ русскаго оружія... А вы?!.. А вы — сентименты — пеперменты! Что это обозначать должно, позвольте васъ спросить? Это, знаете-съ, неумѣстно...

— Почему? Позволю и я васъ спросить.

— Потому, милостивый государь мой, что это задѣваетъ честь арміи. Вы позволяете себѣ сомнѣваться въ побѣдѣ. Вы что же? Не желаете что ли побѣды? Это... Это для офицера не допустимо.

— А я повторю: на что намъ собственно нужна эта самая побѣда?

— Какъ на что? — съ удивленіемъ сказалъ Ворушаевъ. — К-какъ вы, кончившій университетъ, можете еще этого не понимать?

— А вотъ, простите меня, просто таки и не понимаю. Если только для того, чтобы, вернувшись въ Россію, сказать: «Мы побѣдили японцевъ», такъ, право, господа, для этого не стоитъ кровь проливать, лишенія терпѣть, въ босяковъ обращаться. Можно было бы спокойно сидѣть во Владивостокѣ, на Свѣтланской и пить чай... съ лимономъ... изъ хрустальнаго стакана... Предаваться чайной... по-э-зи!

Ворушаевъ, Малявкинъ, Верхотуровъ смотрѣли на Глумберга съ нескрываемымъ негодованіемъ. Лорбергъ тарачилъ на прапорщика глаза и, казалось, не понималъ, какъ можетъ такъ говорить этотъ человекъ. Глумбергъ отошелъ въ уголъ фанзы и сталъ въ позу.

— Несчастный русскій народъ, бѣдный, нищій народъ, — сказалъ онъ низкимъ, глубокимъ голосомъ и всѣ притихли, слушая музыку его голоса, — посылаетъ своихъ сыновей въ далекую чужую Маньчжурію воевать со страшнымъ врагомъ. Уже тысячи жертвъ принесены, пролиты потоки крови подъ Тюренченомъ, Вафангоо и Дашичао... Не видно побѣды... Все отступаемъ... Побѣды не будетъ... Но, допустимъ, что мы побѣдимъ. Мы вытѣснимъ японцевъ изъ Маньчжуріи и Кореи. Что же дастъ намъ эта побѣда? Позволятъ намъ взять себѣ эту вотъ самую Маньчжурію?

— То есть, какъ? — спросилъ Малявкинъ. — Да кто же можетъ намъ не позволить?

— Англія!.. Какъ не позволила она намъ занять Константинополь въ 1878-мъ году, такъ не позволить намъ теперь взять Маньчжурію. А за Англіей стоитъ весь міровой еврейскій капиталъ... Попробуйте ворохнуть только его.

— И масоны! — со злобной ироніей выкрикнулъ Ворыпаевъ.

— Да, господинъ капитанъ, — и масоны!

— Но, Глумбергъ, — примирительно сказалъ Лорбергъ. — Маньчжуріи намъ и не нужно. Намъ нужно поддержать престижъ Россіи.

— Для этого намъ нужна не побѣда, но пораженіе.

— О-о-о! — простоналъ Ворыпаевъ, — что онъ такое говорить! Онъ съ ума сошелъ!

Ворыпаевъ схватился за голову, Иванъ Ивановичъ сидѣлъ, низко опустивъ руки съ колѣнъ. Сеничка, вошедшій въ это время въ фанзу съ двумя котелками въ рукахъ, остановился и улыбка сбѣжала съ его круглага, веселаго, наивнаго лица.

Глумбергъ продолжалъ все тѣмъ же глубокимъ, за сердце хватающимъ голосомъ:

— Я, господа, говорю не глупости... Не ерунду, но истину. Послѣ побѣдъ въ Турціи и мирнаго расцвѣта въ царствованіе Императора Александра III, Россія застыла въ своемъ величіи. Она остановилась, перестала совершенствоваться. Готовыми мы выступили на эту войну? Во всеоружіи техники и обученія?.. Съ умнымъ готовымъ планомъ? Мы заснули, а государственная жизнь не можетъ знать покоя — это вѣчное движеніе. Насъ нужно разбудить и заставить насъ работать, иначе худшее пораженіе ожидаетъ насъ. И разбудить насъ не побѣда, но пораженіе.

— Что онъ говоритъ! — вновь съ негодованіемъ воскликнулъ Ворыпаевъ. — Прапорщикъ Глумбергъ, я приказываю вамъ молчать.

— Извольте-съ, — срываясь съ голоса, сказалъ Глумбергъ. — Я долго молчалъ.

Вдругъ и совсѣмъ неожиданно заговорилъ Сеничка. Онъ поставилъ котелки на канъ и заговорилъ такъ спокойно и убѣжденно, что всѣ оглянулись на него. Широкая, ясная, милая улыбка озаряла его безъусое, круглое лицо съ большими ясными сѣрыми глазами.

— Мы не терпимъ поражений, Глумбергъ, мы отступаемъ по-

тому, что намъ приказываютъ отступать... Прикажутъ наступать, и мы будемъ наступать... И побѣдимъ. Вѣрьте мнѣ — побѣдимъ!.. Еилый Глумбергъ, вы и сами не вѣрите тому, что говорите. Мы побѣдимъ!..

— Нѣтъ, Сеничка, мы не побѣдимъ именно потому, что намъ не прикажутъ наступать.

— Я уже вамъ сказалъ, прапорщикъ Глумбергъ, чтобы вы молчали... Вы не русскій; вы не можете понять, что то, что вы говорите, насъ оскорбляетъ. Наливайте, Сеничка, чай, а съ вами, прапорщикъ Глумбергъ, мнѣ придется еще серьезно поговорить...

Мирное чаепитіе было отравлено. Бѣсъ раздора, критики и осужденія вошелъ въ мирную офицерскую семью, готовую на подвигъ самопожертвованія, на кровь и на самую смерть. Этотъ чужой ей человекъ, чужой по воспитанію, чуждый по крови, не русскій, внесъ в нее ядъ сомнѣнія.

Офицеры безъ удовольствія пили чай изъ горячихъ кружекъ. Отъ одинокой свѣчи черныя тѣни струились по земляной стѣнѣ, шевелились на ней и казались страшными.

— Исторія показываетъ, — началъ Воряпаевъ, Глумбергъ перебилъ его.

— Извиняюсь, господинъ капитанъ, исторія это самая подлая наука, если только можно назвать ее наукой... Она продается каждому, какъ уличная дѣвка. Вы учили одну исторію — у васъ подвиги, герои, завоеванія, побѣды. У васъ — Владиміръ Святой, Димитрій Донской, Александръ Невскій, Іоаннъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Скобелевъ, — у васъ — доблестное, христолюбивое побѣдоносное православное воинство и... Императоры!

— У васъ иное? — скрививъ ротъ и презрительно щури глаза сказалъ Воряпаевъ.

— Да, господинъ капитанъ, иное. У насъ сѣрое стадо несчастныхъ крѣпостныхъ рабовъ, непрерывныя возстанія, доносы, измѣны, убійства, цареубійства, неудачныя войны, безтолковое управленіе и — темнота, темнота... Народъ — звѣрь, смиряемый нагайкой и чуждый просвѣщенія.

— Этому васъ учили въ университетѣ?

Глумбергъ не успѣлъ отвѣтить. Дверь въ фанзу распахнулась на обѣ половинки и въ фанзу вошелъ Иванъ Михайловичъ.

Всѣ встали.

— Садитесь, господа... Садитесь, — сказалъ усталымъ голо-
сомъ Иванъ Михайловичъ. — А? У васъ чай?.. Что, осталось еще?
Плесните мнѣ въ кружку чайку... И съ морсомъ. Эта благодать
какая. Господа — сегодня ночью мы идемъ въ наступленіе. Сей-
часъ соберутся ротные командиры и мы обсудимъ данную намъ
задачу.

— Вотъ, видите — наступленіе, — восторженно прошепталь
Сеничка... — Тутъ уже зададимъ мы япошамъ чесу...

Иванъ Михайловичъ жадно пилъ чай — одну кружку за дру-
гой. Въ фанзу входили офицеры. Иванъ Михайловичъ молча пока-
зывалъ имъ рукою, чтобы они садились поближе къ нему. Его
сынъ по его приказанію очистилъ мѣсто на низкомъ квадратномъ
китайскомъ столикѣ и зажегъ вторую свѣчу. Всѣ молчали. Тор-
жественное настроеніе охватило всѣхъ.

V.

Иванъ Михайловичъ положилъ на столъ двѣ смятыя, блѣдно
отпечатанныя карты и сказалъ:

— Господа ротные командиры, — попрошу поближе къ картѣ.
Посмотримъ что оно и какъ?

— Да на планахъ-то этихъ, Иванъ Михайловичъ, ничего нѣтъ
того, что намъ нужно, — мрачнымъ басомъ сказалъ командиръ
6-й роты, капитанъ Штольбергъ, высокій плотный офицеръ, въ
холщевой рубахѣ, вываренной въ китайской туши и съ академиче-
скимъ значкомъ на груди.

— Ну, все-таки для ориентировки посмотримъ.

Этотъ Штольбергъ всегда смущалъ Ивана Михайловича. Ака-
демикъ, правда, Штольбергъ окончилъ Акамедію по второму раз-
ряду и вернулся въ строй; но онъ всегда давилъ Ивана Михай-
ловича своимъ авторитетнымъ тономъ.

Иванъ Михайловичъ откашлялся и началъ:

— Вотъ видите, господа, тутъ у насъ двѣ карты. Одна 20
верстъ въ дюймъ — на ней — это точно ничего нѣтъ того, что
намъ нужно. Но, вотъ на другой — это кроки наше, изъ штаба

полка мнѣ дали, вотъ тутъ все и есть, что намъ надобно. Дѣло въ томъ, что вчера, вотъ когда ночью стрѣльба въ горахъ слышна была — такъ это японцы потѣснили сторожевыя заставы нашихъ 11-й и 12-й роты и заняли вотъ эту самую возвышенность, что какъ разъ надъ нами. Вы ее хорошо знаете. Тамъ еще есть кумирня и двѣ яблони подлѣ. Она будетъ примѣрно здѣсь. Такое положеніе японцевъ угрожаетъ нашимъ западнымъ батареямъ, — это-во-первыхъ, а во-вторыхъ и это каждый изъ васъ пойметъ, такое смѣлое вклиненіе въ нашъ участокъ непріятеля мы не можемъ допустить. Штабъ арміи требуетъ собственно не наступленія, но требуетъ отъ полка точныхъ свѣдѣній, кто находится противъ насъ, нужны плѣнные, убитые...

— Словомъ — усиленная рекогносцировка, — сказалъ Штольбергъ, — такъ, понимаемъ.

— Да, усиленная рекогносцировка, — повторилъ Иванъ Михайловичъ. — Меня за этимъ и вызывали сегодня. Въ авангардъ пойдетъ нашъ батальонъ. Намъ приказано постараться...

— Опять это неопредѣленное — «постараться», — прошепталъ Ворыпаевъ.

— Согласенъ съ тобою, Володя, вполне согласенъ, — сказалъ Иванъ Михайловичъ, — да, ничего не подѣлаешь, передаю то, что мнѣ сказано, и такъ, какъ мнѣ это сказано. Значитъ, мы должны выбить противника съ этой самой сопки и закрѣпиться снова на ней. За нами идетъ первый батальонъ, а третій будетъ развивать наступленіе правѣ насъ.

— Теперь уже погонимъ, — прошепталъ Сеничка и облизалъ губы. Онѣ сохли у него отъ волненія. — Теперь ужъ непременно: громъ побѣды раздавайся...

— Такъ вотъ, господа, какъ луна скроется, мы и пойдемъ. 5-ая и 6-ая роты въ боевую линію, 7-ая и 8-ая въ резервъ. Пойдемъ тихо безъ стрѣльбы.

— Какая уже стрѣльба ночью, — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, а какъ они насъ увидятъ — тутъ — ура! и в штыки. Вотъ, господа, все. Ступайте по ротамъ, поднимайте людей и стройте. Расскажите стрѣлкамъ нашу задачу. Да еще... Одинъ изъ васъ долженъ остаться на бивакъ для организациі службы связи, приѣма раненыхъ и плѣнныхъ. Такъ вотъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ чувствуетъ себя нездоровымъ и останется... А?

Верхотуровъ черезъ очки устремилъ умоляющій взглядъ на

сына. Сынъ прочель въ этомъ взглядѣ: «Ваня, останься! Довольно искушать Господа».

Иванъ Ивановичъ густо покраснѣлъ и отвернулся отъ отца.

Глумбергъ всталъ и, обведя офицеровъ дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ, сказалъ:

— Прошу разрѣшить мнѣ остаться. Не подумайте, господа, что я трушу. Вы всѣ знаете, что я по ночамъ страдаю куриной слѣпотю, ничего не вижу, мнѣ нуженъ будетъ проводникъ. Я буду только обузою для васъ.

— Да... да, конечно, — сказалъ Иванъ Михайловичъ. Я помню, вы и точно по ночамъ плохо видите. Такъ, господа, останется прапорщикъ Глумбергъ.

— Оно такъ и лучше, — пробормоталъ Ворыпаевъ.

Офицеры встали и, поклонившись Ивану Михайловичу, стали выходить въ тѣсныя двери фанзы.

Луна тихо спускалась за горы.

VI.

Когда молодая луна совсѣмъ скрылась за горы, стало такъ темно, что въ разсыпанной цѣпи сосѣдъ не видѣлъ сосѣда.

Крутая гора, по скату покрытая мелкою галькою и поросшая мѣстами гаолянномъ, уже выкинувшимъ метелки цвѣтовъ, таинственно шелестѣвшія подъ легкими вздохами ночного вѣтерка, чернымъ горбомъ упиралась въ небо. Отъ прошедшаго утромъ дождя, глина поплыла и налипла на скалы скользкою и липкою грязью.

Стрѣлки, обутые въ кожаные китайскіе поршни изъ грубо отдѣланной бычачьей кожи молча, нагнувшись поднимались на гору. Ихъ вель батальонный подполковникъ Верхотуровъ. Его длинная худощавая фигура, съ обнаженной шашкой въ рукѣ и съ револьверною кобурою сдвинутой назадъ, въ небрежно надѣтой длинной рубахѣ — появлялась то тутъ, то тамъ. Стрѣлки въ чetyреста паръ глазъ слѣдили за нею. Ложился Верхотуровъ и вся цѣпь ложилась на мокрую землю, на холодные камни. Тогда такъ бились сердца стрѣлковъ отъ подъема на гору и отъ волненія жи-

данія боя, что казалось стучали они о землю и слышенъ былъ ихъ стукъ. Всѣ смотрѣли въ ту сторону, гдѣ въ темнотѣ ночи исчезла худая фигура съ длинной и плоской спиной.

Какъ только поднималась она въ ночной темнотѣ и шорохомъ проносился по цѣпи шопоть: «Всталъ... Самъ пошелъ... Идемте — что ли?» — стрѣлковая цѣль поднимались, и стрѣлки, сжавъ въ рукѣ винтовки крались наверхъ, согнувшись, медлительно, упорно и страшно въ своемъ упорствѣ.

Сверху внизъ ихъ не было видно. Долина тонула въ густомъ мракѣ. Иногда сорвется изъ-подъ чьей-нибудь ноги камешекъ и покатится внизъ. И тогда всѣ сами лягутъ и долго въ томительной тишинѣ ждуть, что «онъ», японецъ? увидаль, или нѣтъ?

По прежнему тихо. Дремотно, въ душной ночи, шуршить метелками гаолянъ и кажется, что пуста гора съ двумя яблонями, четко рисующаяся мрачнымъ силуэтомъ въ ночномъ небѣ, покрытомъ звѣздами.

Текло и текло время, уплывало въ безконечное прошлое и казалось, что конца не будетъ этой горѣ. И какъ хорошо было бы, если бы никогда на нее не взобраться!

Когда залегали, почти у каждого копошилась думка въ головѣ: «Хорошо, кабы да японцевъ на горѣ не оказалось.. Или пришло бы сзади приказаніе объ отмѣнѣ наступленія, или чтобы 3-й батальонъ вышелъ бы раньше и прогналъ бы японцевъ». Тогда тѣсныя, низкія палатки въ долинѣ, душная, смрадная фанза казались такими привлекательными, въ нихъ была жизнь... Впереди ожидала смерть... Тогда хотѣлось лежать, прижавшись щекою къ грязной землѣ и никогда не вставать и не идти никуда дальше...

Но впереди, вельніемъ Рока, поднималась тощая, знакомая фигура батальоннаго командира и шагала вверхъ, легко и свободно, точно духъ возносясь на гору. За нею поднимались офицеры и съ мягкимъ шорохомъ вставали цѣпи. Шли, приближаясь къ роковому хребту.

Вершина. Иванъ Михайловичъ залегъ на ея хребтѣ. Передъ нимъ были японскіе окопы. Они были пусты. Японцы оттянули цѣпи назадъ и залегли на ровномъ, какъ стрѣльбищный плацъ плоскогорья. Въ темнотѣ ночи съ трудомъ можно было замѣтить ихъ наскоро накопанные небольшіе окопы.

Иванъ Михайловичъ знакомъ руки подтянулъ къ себѣ цѣпи. Теперь всѣ залегли по краю хребта. У всѣхъ были — слухъ напря-

жень, глаза устремлены въ одно мѣсто, гдѣ чуть вспыхивали иногда огоньки папиросокъ и гдѣ съ легкимъ шорохомъ сыпалась земля. Стрѣлки подошли такъ тихо и осторожно, что не были замѣчены патрулями.

Такъ лежали точно въ нерѣшимости нѣсколько минутъ. Иванъ Михайловичъ далъ людямъ отдышаться и нацѣлиться. Потомъ онъ всталъ. И стрѣлкамъ и самому себѣ онъ показался огромнымъ, въ полъ неба. Что-то грозное и величественное было въ этой фигурѣ вдругъ вырисовавшейся на фонѣ неба.

Какъ одинъ человекъ поднялась цѣпь.

Кто первый крикнулъ ура! — никто потомъ этого не узналъ. Оно было сейчасъ же грозно подхвачено всѣми людьми. Мощное, дикое, тоску наводящее на неприятеля ура! вдругъ загремѣло по горѣ. Оно сорвало покровъ ночной тишины. Эхо, отдаваясь о скалы и хребты, понеслось по горамъ, двоясь и троясь. Линіей желтыхъ, часто вспыхивающихъ огоньковъ освѣтилась полоса японской позиціи. Засвистѣли и завизжали вокругъ пули, вдали на обумъ ударило орудіе и, скрежеща въ воздухѣ, пронесся надъ головами снарядъ. Грохнулъ разрывомъ гдѣ-то на скатѣ и на мигъ освѣтилъ яркимъ свѣтомъ всю гору.

Иванъ Михайловичъ, размахивая шашкой мчался впередъ, прыгая черезъ камни, рывины и кусты.

Кто-то, такой же длинный и худой, какъ онъ, но еще болѣе быстрый, громадными скачками гнался за нимъ и догонялъ его. Онъ сильно и рѣзко толкнулъ Ивана Михайловича въ грудь, такъ что тотъ едва не упалъ и крикнулъ строго:

— Маршъ къ резерву, отецъ! Тебѣ здѣсь не мѣсто.

Заслонивши отца своею высокою фигурой, Иванъ Ивановичъ первымъ вскочилъ въ японскій окопъ.

Откинутый сыномъ въ сторону, Иванъ Михайловичъ потерялъ силу движенія и приостановился и въ тотъ же мигъ безпорядочною толпою его обогнали стрѣлки. Началась штыковая работа. Растеряшіеся японцы уже не воинственно, но жалобно кричали «бан-зай», выскакивали изъ окопа и бѣжали назадъ. Стрѣлки съ размаха всаживали въ нихъ штыки по самую шейку, раскраивали черепа жестокимъ ударомъ приклада. Гнулись стальные четырехъ-гранные штыки, шейки прикладовъ ломались въ щепы. Липкая, горячая кровь текла по рукамъ стрѣлковъ, заливала рубахи и скатанныя шинели. Резевъ, руководимый капитаномъ Штольбергомъ зашелъ во флангъ и открылъ стрѣльбу залпами.

Ихъ дружный трескъ знаменовалъ побѣду.

Блѣдный разсвѣтъ освѣтилъ узкое плоскогорье и двѣ яблони, одиноко стоявшія среди помятой, густой травы. На землѣ валялись синіе плащи японскихъ солдатъ, смятыя фуражки съ желтыми околышами, ранцы, ружья, окровавленные тряпки. Вдоль окопа, въ различныхъ позахъ лежали убитые. Усталые стрѣлки дремали среди труповъ. Санитары дѣлали перевязки раненымъ, и длинная вереница носилокъ спускалась съ кручи въ еще темную, затянутую утреннимъ туманомъ долину.

Подъ одной изъ яблонь сидѣлъ Иванъ Михайловичъ въ разстегнутой рубахѣ и диктовалъ Сеничкѣ донесеніе. Сеничка писалъ и казалось ему, что вотъ съ этой-то побѣдой наступаетъ переломъ кампаніи, что теперь вездѣ вотъ такъ-же сидятъ въ брошенныхъ японцами окопахъ русскіе солдаты, что вотъ-вотъ появятся казаки и за ними двинется впередъ къ Фынъ-хуанъ-чену, къ Кай-джоо, Вафангоо и на выручку Портъ-Артура армія и наступитъ побѣдный конецъ войнѣ. Сеничка усталъ, онъ былъ потрясенъ ночнымъ боемъ, но онъ былъ бодръ и счастливъ.

Ротные командиры подходили къ Ивану Михайловичу съ докладомъ о потеряхъ, о взятыхъ плѣнныхъ и трофеяхъ. Все это звучало въ ухахъ у Сенички торжественно и празднично. Стрѣлки сносили въ кучу японскія ружья, снимали съ убитыхъ ихъ личные знаки. Еще немного и придетъ на смѣну третій батальонъ, Сеничка спустится въ оставленную фанзу, тамъ будутъ пить чай съ морсомъ и переживать счастье одержанной ночью побѣды. А потомъ, отдохнувъ и накормивъ стрѣлковъ, пойдутъ походною колонной въ горы, пойдутъ съ музыкой и пѣснями... Побѣдителями...

Стало совсѣмъ свѣтло. Вершины горъ золотились солнечными лучами.

Вмѣсто третьяго батальона, изъ долины карабкался на небольшомъ конькѣ адъютантъ ихъ штаба бригады.

«Приказано отступать»...

Гдѣ-то, на лѣвомъ флангѣ, въ тридцати верстахъ отъ мѣста боя, японцы обошли нашу позицію и нужно было выравнивать фронтъ и отойти на десять верстъ назадъ.

Измученные и усталые, потрясенные рукопашнымъ боемъ и бессонною ночью и, какъ всегда, при отходѣ назадъ, подавленные стрѣлки длинной, узкой колонной спускались съ горы. Ихъ торопливо обгонялъ на худыхъ и длинныхъ ногахъ Иванъ Михайловичъ.

Смятая борода его была покрыта каплями пота, очки запотѣли. Онъ внимательно вглядывался въ стрѣлковыя ряды и искалъ глазами кого-то.

— Господа, — говорилъ онъ тревожно, догоняя офицеровъ, шедшихъ позади ротъ, — гдѣ мой Иванъ? Вы не видали Ивана?

Никто не отвѣчалъ. Низко были опущены головы офицеровъ, угрюмы были лица.

Иванъ Михайловичъ бѣгомъ обогналъ колонну и пропускалъ ее мимо себя. По узкой тропѣ тянулись измазанные глиной и кровью стрѣлки, несли ружья «на ремень», шли загорѣлые, съ сырыми отъ усталости и безсонной ночи лицами.

— Братцы, вы не видали моего сына?.. Братцы, да гдѣ же мой Иванъ?

Стрѣлки проходили молча. Недвижно висѣли на штыкахъ потныхъ жалонеровъ малиновые значки. Рота проходила за ротой. Нигдѣ не было Ивана. Шли люди съ забинтованными кровавыми тряпками головами, шли, хромя, опираясь на ружья раненые въ ноги, оставляя на травѣ кровавый слѣдъ, шли съ перевязанными руками. Славная традиція Восточно-Сибирскихъ стрѣлковъ была соблюдена — раненые не оставили строя. Внѣ строя были только тяжело раненые и убитые...

Значить?..

Гдѣ же Иванъ?.. Не бѣжалъ же онъ?

И вспомнилъ Иванъ Михайловичъ, какъ сынъ оттолкнулъ его и первымъ вскочилъ въ окопъ.

— Братцы, скажите, что Иванъ? Онъ очень тяжело раненъ? Куда?

— Не можемъ знать, ваше высокоблагородіе... Однако раненыхъ всѣхъ позабрали...

— Неужели?.. Въ плѣну?..

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Рази же мы допустили бы до такого сраму...

Такъ пришли на мѣсто ночлега.

Ворыпаевъ подошелъ къ Ивану Михайловичу и взялъ его подъ руку.

— Мужайся, Иванъ Михайловичъ, — сказалъ онъ сердечно, — всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Твой сынъ...

— Покажите мнѣ его... Его вынесли по крайней мѣрѣ?

Ворыпаевъ и Лорбергъ повели Ивана Михайловича за дома китайской деревни.

На большомъ огородѣ среди цвѣтущихъ бобовъ и огурцовъ, на яркой зелени огромныхъ тыквенныхъ листьевъ, среди золотыхъ звѣздочекъ цвѣтовъ лежали убитые, накрытые шинелями. На правомъ флангѣ ихъ изъ-подъ края шинели виднѣлся смятый золотой офицерскій погонъ...

Иванъ Михайловичъ снялъ папаху, перекрестился и какъ-то съежился, будто сталъ меньше ростомъ.

Капитанъ Ворыпаевъ подошелъ къ тѣлу и снялъ съ лица шинель. Иванъ Михайловичъ увидѣлъ блѣдное и чистое лицо сына. Темныя рѣсницы упали на глаза. Будто спалъ Иванъ крѣпкимъ, недвижимымъ сномъ. Японскій штыкъ-кинжалъ поразилъ его въ сердце, и весь лѣвый бокъ Ивана представлялъ изъ себя огромную зіящую рану. Черныя мухи копошились въ ней. Надъ раной, на груди, пониже погона кто-то пришилилъ клочекъ георгіевской ленточки.

Блѣдно-розовые въ лиловатыхъ жилкахъ пышные маки на толстыхъ, въ пуху, стебляхъ часовыми стояли надъ тѣломъ. Прямой аромат поломанныхъ цвѣтовъ дурманилъ голову.

— Да, — прошепталъ Иванъ Михайловичъ. — Вѣрно... Онъ — первый... Я видѣлъ...

— Это стрѣлки его наградили, — тихо сказалъ капитанъ Ворыпаевъ.

Иванъ Михайловичъ сѣлъ подлѣ тѣла.

— Иванъ... Родной мой... Что же это ты такъ? Папиросами угощай меня, миляга... А теперь?..

Слезы туманили глаза. Иванъ Михайловичъ снялъ очки и сталъ протирать ихъ.

— Честно умеръ... Честно, — проговорилъ онъ, ни къ кому не обращаясь. — Молодецъ... Не посрамилъ отца. Георгія чисто заслужилъ... По статуту. Стрѣлочки мои признали это...

Онъ приподнял голову сына.

Офицеры собирались кругомъ.

— Что же, — съ тихою грустью сказалъ Иванъ Михайловичъ, — уходить приказано. Хоронить здѣсь придется.

— Могилы готовы, — глухимъ голосомъ сказалъ Лорбергъ.

— Безъ священника, значить, — съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Иванъ Михайловичъ.

— Пропоемъ «Отче нашъ» и «Вѣчную память». Господь тамъ видитъ, — сказалъ печальный Сеничка.

Глумбергъ принесъ письма утромъ привезенныя съ поста летучей почты.

— Батальонному есть письмо изъ Россіи, — сказалъ онъ.

— Дайте, дайте ему, — сказалъ капитанъ Ворыпаевъ, — можетъ быть оно утѣшитъ его.

Глубокую песчаную яму стрѣлки убрали зеленью и цвѣтами. Плотникъ наскоро скототилъ большой православный крестъ. Тѣла подносили къ ямѣ и укладывали въ ней рядами. Иванъ Михайловичъ стоялъ подлѣ ямы и читалъ письмо изъ дома... Изъ Россіи...

Писала Ольга — его семнадцати-лѣтняя дочь. Неровно, небрежно написанныя строки прыгали передъ затуманенными глазами Ивана Михайловича.

«Отецъ, мнѣ стыдно за тебя и за Ивана. Вы офицеры и ведете эту глупую, никому ненужную войну. У насъ среди учащейся молодежи идетъ подписка. Будемъ посылать телеграмму Микадо, поздравлять его съ побѣдами. Эти побѣды дадутъ намъ миръ и свободу. У насъ вообще большое возмущеніе противъ войны. Сознательный народъ рѣшилъ не давать правительству ни солдатъ ни денегъ... Рабочіе отказываются дѣлать снаряды. Мы требуемъ конституціи. Отецъ! Твой долгъ, какъ человѣка, уйти самому изъ этой кровавой бойни и увести съ собою солдатъ, обманутыхъ вами и правительствомъ»...

Иванъ Михайловичъ читалъ и ничего не понималъ. Онъ не могъ понять, какъ родная рука могла съ силой вонзать ему подъ самое сердце острый отравленный ножъ.

...«Сознательный, объединенный рабочій пролетаріатъ идетъ заодно съ интеллигентной молодежью. Довольно потоковъ крови, довольно невѣжественнаго произвола и всего того, что вы называете громкимъ именемъ «подвига». Человѣкъ и человѣчность, свобода, равенство и братство — вотъ наши священные лозунги. Нѣтъ и не нужно какихъ-то тамъ русскихъ и японцевъ. Человѣконенавистническое раздѣленіе людей по крови и по цвѣту кожи. Вздоръ — отецъ, запомни — есть только люди»...

На почтовыхъ листкахъ передъ глазами Ивана Михайловича

былъ родной почеркъ его дѣтки. Онъ училъ ее грамотѣ. Для этого онъ училъ ее? Кто сдѣлалъ ее такою?

Со стономъ и воплями онъ упалъ на тѣло сына и, обнимая его, кричалъ:

— Иванъ! Иванъ!! За что? Что же это такое? За что?.. Боже мой, за что?

— Ваше высокоблагородіе, — тихо сказалъ фельдфебель, дотрагиваясь осторожно до плеча батальоннаго командира, — дозвольте забирать... Уносить...

Медленно и тяжело поднялся отъ тѣла сына Иванъ Михайловичъ.

— Несите, — сказалъ онъ и пошелъ за солдатами, несшими убитаго.

Онъ шелъ и рвалъ на мелкіе клочки письмо. Онъ рвалъ его и тогда, когда пѣли «Отче нашъ», рвалъ, стоя на колѣняхъ, когда пѣли «Вѣчную память» и когда водружали на общей, братской могилѣ крестъ — онъ бросилъ на могилу крошечные клочки письма. Они легли на темную землю, как бѣлые гнойники оспенной сыпи.

*

**

Черезъ часъ, по раздѣланной горной дорогѣ спускались въ широкую долину стрѣлковыя роты. Впереди 2-го батальона, на маленькой бѣлой лошади, прямой и длинный ѣхалъ подполковникъ Верхотуровъ. За нимъ шли пѣсельники, и запѣвало звонкимъ теноромъ пѣль:

Маньчжурскія долины —
... — Горныя вершины,
Увижу ли васъ вновь,
Кладбище удалцовъ.

Позади, въ узкой долинѣ, на берегу вѣчно что-то рассказывающей пестрымъ камнямъ студеной рѣчки, на огородѣ, сзади коричневой китайской фанзы остался холмъ свѣжей земли и на немъ крестъ, наскоро сдѣланный изъ срубленной яблони. На крестѣ ни надписи, ни знака. Подъ крестомъ валялись обрывки

разорваннаго письма. Вѣтеръ налетѣлъ на нихъ, поднялъ съ земли, покрутилъ въ воздухѣ и понесъ въ рѣчку. Они поплыли, крутятся по стремнинамъ, прилипая къ камнямъ. Точно хотѣли они догнать уходящія роты и еще разъ сказать страшныя слова не дѣтской злобы. Вода торопливо смывала съ нихъ буквы словъ, ранящихъ хуже пуль и штыковъ.

VII.

Ламбинъ не пошелъ на войну, какъ пошли многіе гвардейскіе офицеры, переводившіеся для этого въ Дальне-Восточные и Сибирскіе полки. Онъ принималъ эскадронъ отъ Петрова. Командиръ полка, суровый князь, чей родъ на протяжении вѣковъ ковалъ славу русской конницы и отставной генералъ Бетрищевъ не позволили ему оставить полкъ.

Бетрищевъ выслушалъ страстную рѣчь Ламбина, стремившагося на войну и сказалъ, сурово хмуря сѣдыя брови:

— Насъ учили дѣды: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся»... Ты принимаешь эскадронъ, ты опора полка, его стержень, знаешь ты, что будетъ дальше послѣ этой далекой войны, такъ неудачно начатой? Когда и гдѣ можетъ понадобится Государю Императору его гвардія?

Ламбинъ стремился на войну не только потому, что считалъ долгомъ офицера быть тамъ, гдѣ бьются его братья, но хотѣлъ идти еще и потому, что все туже и туже затягивался узелъ, связывавшій его жизнь съ жизнью Вѣры Бетрищевой. Смерть въ бою казалась исходомъ и была желанной.

Какъ только садилась Вѣра за рояль и раздавался ея сильный красивый голось, какъ только Ламбинъ въ театрѣ слышалъ, какъ послѣ нестройнаго хаоса звуковъ настраиваемыхъ инструментовъ вдругъ все смолкнетъ, взмахнетъ волшебной палочкой дирижеръ и поплывутъ въ воздухѣ тройные, ритмичные звуки — «невидимые» овладѣвали имъ. Они спускались откуда-то изъ вершинъ театра, подхватывали душу Ламбина и уносили ее изъ внѣшняго міра.

И, когда выходила на сцену совсѣмъ особенная Вѣра и сливала свой голось со звуками оркестра — Ламбинъ все забывалъ...

«Вѣчная память» Наташѣ... Нѣтъ ея. Нѣтъ и памяти. Гремить, поетъ, взмываетъ волнами, подхватываетъ, уноситъ пѣвучій вальсъ; дребезжащими голосами поютъ какіе-то странные старички, какихъ въ жизни не бываетъ. Новый корь-де-балетъ, — Ламбинъ никого въ немъ уже и не знаетъ, танцуетъ, кружится, порхаётъ по сценѣ горожанами и горожанками, улыбается, сверкаетъ блескомъ зубовъ, свѣтитъ голубымъ пламенемъ глазъ, — сердце Ламбина бьется спокойно, оно ждетъ, ждетъ, когда вдругъ раздастся звучный голосъ «его» Вѣры. И тогда онъ весь во власти «невидимыхъ». Неужели это та Вѣра, которая спокойно сидитъ по средамъ за чайнымъ столомъ и разливаетъ по чашкамъ и стаканамъ чай, та Вѣра, съ которой онъ можетъ такъ хорошо говорить и которая незамѣтно и безъ усилія вытѣснила тотъ образъ и погасила скорбь, казавшуюся неизлѣчимой.

Ламбину скоро сорокъ лѣтъ. Ему совѣстно стоять у театральнаго подъѣзда, на снѣгу и морозѣ, подлѣ маленькаго «купе», запряженнаго парой караковыхъ, дорогихъ, нарядныхъ коней съ куцыми хвостами, въ англійской сбруѣ, съ кучеромъ въ цилиндрѣ, съ ногами, укутанными шотландскимъ пледомъ. А Ламбинъ стоитъ тутъ, будто лошадьми любитъ, стоитъ и ждетъ, чтобы еще минуточку взглянуть, какъ выйдетъ Вѣра въ длинномъ мѣховомъ манти, съ соболями, закутанная бѣлымъ Оренбургскимъ платкомъ до самыхъ глазъ.

Властительница, повелительница «невидимыхъ», неземная, могущественная, милая, добрая... Дива!

Горничная съ черной кордонкой идетъ сзади, несетъ Вѣрины костюмы. Вѣра улыбнется Ламбину одними глазами, протянетъ изъ-подъ шубы маленькую руку, пожметъ руку Ламбина. Ни слова не скажетъ. Нельзя — боится застудить горло. Сядетъ въ карету, рядомъ сядетъ ея горничная. Заскрипятъ по снѣгу примерзшія резины шинъ и покатаютъ карета въ иной, чудесный міръ унося Вѣру.

Пусто на площади. Догораютъ костры, у которыхъ грѣлись извозчики. Ламбинъ ѣдетъ домой. Духи музыки и пѣнія, владѣвшіе имъ столько часовъ опернаго представленія не покидаютъ его до самой его квартиры.

Не спится ночью. Горяча подушка, и мысли, мысли, планы. Нужно, нужно кончать эту канитель. Но, какъ кончать ее? Ламбинъ знаетъ, давно знаетъ, что Вѣра — особенная... Женщина,

дѣвушка и не женщина, не дѣвушка, но какое-то иное существо, къ кому не придешь съ простыми словами любви. Нѣтъ такихъ словъ, какія можно и нужно сказать Вѣрѣ. Знаетъ теперь Ламбинь, что онъ любитъ Вѣру, любитъ давно съ того весенняго дня, когда въ лѣсу пахло смолою и ландышами и другой, простой и милый образъ владѣлъ Ламбининымъ.

Нужно что-то дѣлать, нужно какъ-то объясниться.

Ему подѣ сорокъ, ей много за тридцать. У нея ни увлеченій, ни обожателю, ни любовниковъ. Какъ-то не подходитъ это все къ ея изумительной красотѣ, къ ея таланту и знаніямъ, къ ея умѣнью вызывать «невидимыхъ».

У Вѣры — искусство, сцена, вдумчивая работа надъ каждой ролью, гдѣ она все — отъ костюма и прически продумаетъ, каждое слово изучить и пойметъ и подастъ такъ, что знатоки только ахнутъ. Дома — скромная жизнь при старомъ дядѣ, которому она нужна...

Теперь вотъ говорятъ — старикъ надумалъ покинуть Петербургъ уѣхать въ степное имѣніе. Неудачи Японской войны надорвали его силы. Тогда Вѣра останется одна. Объ этомъ были уже разговоры.

Нужно кончать.

Безъ словъ между ними все сказано...

Конечно — женитьба...

Человѣкъ, не пропускающій ни одной оперы, гдѣ поетъ Вѣра, развѣ, что служба помѣшаетъ, человѣкъ, постоянно бывающій на вечерахъ-концертахъ у генерала-композитора, человѣкъ посылающій корзины цвѣтовъ, у Ремпена знали, когда и что послать — желтыя и алыя даліи и хризантемы, красныя и чайныя розы, розовыя и голубыя гіацинты, ландыши, резеду, окруженные сосновыми вѣтками — кто этотъ человѣкъ, какъ не влюбленный, женихъ, обожатель?..

Артистка, посылающая свой билетъ офицеру, особо кланяющаяся кому-то въ третьемъ ряду кресель?.. Племянница, вспыхивающая, какъ дѣвочка въ гостиной стараго дяди, когда туда входитъ моложавый ротмистръ — что она? Не влюблена ли? Не ея ли онъ «предметъ»?

Только вотъ самое-то слово это не вязалось съ духовнымъ образомъ Вѣры Бетрищевой.

Ну, что же просто, какъ въ старину говорилось — «совѣтъ да любовь»?

Но жизнь, условія свѣта и службы нагромоздили столько препятствій что и не преодолѣть ихъ. Она — богата и какъ солистка Его Величества, и сама по себѣ, и какъ наслѣдница богатаго дяди. Онъ бѣденъ — еле держится въ дорогомъ полку. Слова признанія стынутъ у него на языкѣ.

Онъ — офицеръ гвардіи Его Величества — она солистка Его Величества, поетъ на сценѣ, въ оперѣ. Традиціи части не позволяютъ такой бракъ. Онъ не совмѣстимъ со всѣми обычаями гвардейской части.

Бросить Вѣрѣ сцену въ зенитѣ ея славы, когда ее зовутъ за границу, когда имя ея гремитъ въ музыкальномъ мірѣ?

Ему бросить полкъ, гдѣ онъ служитъ двадцатый годъ, гдѣ его любить и цѣнять и безъ котораго онъ и жизни себѣ представить не можетъ. Конечно... Если это будетъ нужно?.. Жертва?

Но вотъ жертвы-то не хотѣли ни она, ни онъ.

Оба понимали, что никогда не сойдутся они такъ, какъ сошлась съ Ламбинымъ Наташа Травина. Предки, традиціи рода, воспитаніе, условія свѣта вставали противъ этого.

Артистка — Кармень, Маргарита, Антонина, Людмила, Татьяна — и въ тоже время — свѣтская женщина — Вѣра Бетрищева — съ традиціями стараго рода...

Нѣтъ — невозможно...

Оба томились, сгорали въ сладкомъ, горячемъ огнѣ не раздѣленной, не погашенной страсти.

Каждое прикосновеніе, поцѣлуй руки, объятіе, когда подавалъ Ламбинъ Вѣрѣ шубу, когда окутывая ея ноги мѣхомъ, закладывалъ полы въ каретѣ, когда снималъ ботики съ маленькихъ ножекъ — все вызывало въ его тѣлѣ трепетъ — будто былъ онъ не взрослый мужчина, но гимназистъ влюбленный. Вѣра пугливо отстранялась — точно боялась и за себя и за него.

И все-таки объясненіе было необходимо. Ждать больше было нельзя.

VIII.

Весна. Въ театрахъ наступили каникулы. Бетрищевы переехали на свою дачу въ Ораніенбаумѣ.

Весною все молодо, все легко и одолимо; тѣло кажется легкимъ и бремя лѣтъ сходитъ съ него.

Солнечнымъ, яркимъ, веселымъ днемъ Ламбинъ пѣшкомъ шель на Бетрищевскую дачу.

Давно ли это было, когда первый разъ шель онъ такъ съ Петровымъ по этой кленовой аллеѣ... Когда услышали они прекрасный голосъ и сѣли на скамейкѣ на мостикѣ черезъ канавку.

Цѣлая жизнь прошла. Какъ разрослись за это время клены. Нависли широкими блестящими листьями надъ головою, стоятъ столбами-колоннами по сторонамъ дороги. Тѣ маленькія березки, что точно дѣвочки подростки расли вдоль улицы — теперь шумять зеленою листвою, благоухаютъ молодыми рѣзными листочками, сверкаютъ серебромъ толстыхъ стволовъ и точно напѣваютъ то, что слышали тогда:

Въ Оулѣ жилъ, да былъ король,
Онъ до самой своей смерти...

У калитки Вѣра... Она ждетъ его. Она такая, какая была тогда, или кажется такою. Не пополнѣла, не постарѣла, все такая же свѣжая, юная въ цвѣтеніи любви, въ цѣломудренномъ обожаніи и въ искусствѣ, которое никогда не старить, но всегда молодить.

Сѣро-голубые глаза блестятъ. Рука протянута съ привѣтомъ. Въ голосѣ радость.

— Здравствуйте, Вадимъ... Пойдемте подъ сосны, на горку. Тамъ еще доцвѣтаютъ послѣдніе ландыши, а сирень?! Такая красота!

Въ кустахъ — бѣлая скамейка. Душистыя кисти, бѣлыя, лиловыя, розовыя свѣшиваются надъ нею. Въ солнечномъ теплѣ продушили всю площадку сладкимъ запахомъ весны.

— Сидѣла я здѣсь, васъ поджидая, Вадимъ, и даже, представьте, плакать хотѣла, — такъ не хочется мнѣ продавать дачу.

— Зачѣмъ?

— Да что же я одна тутъ дѣлать буду, когда дядя уѣдетъ. Сиротою стану.

Ламбинъ вспыхиваетъ, снимаетъ фуражку, тербитъ сѣдьющіе по вискамъ волосы, низко опускаетъ голову, говоритъ тихо, но ясно:

— Вѣра Михайловна... Вы знаете. Давно знаете. И развѣ мнѣ нужно вамъ говорить банальныя слова любви и предложенія.

Лицо Вѣры становится строгимъ и серьезнымъ. Теперь вотъ видно, что и для нея годы прошли не безслѣдно, въ ея словахъ не дѣтская мудрость и опытъ, вынесенный изъ жизни.

— Да, милый Вадимъ. Я все давно знаю. Я знаю, что вы по настоящему любите меня. И я полюбила васъ очень, очень давно. Но что же намъ дѣлать, когда вы не хотите моего ухода со сцены?

Ламбинъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе, встряхиваетъ головою такъ, что волосы падаютъ ему на лобъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ... не это. Если хотите, нужно иначе... Иначе нужно — не вамъ уходить со сцены, а мнѣ изъ полка. Довольно. Война позорно кончена. Служить стало тяжело. Мнѣ проще уйти изъ полка. Скажите — «да», и я завтра же подаю прошеніе объ отставкѣ и рапортъ о вступленіи въ бракъ, о разрѣшеніи мнѣ жениться. Такъ?... Да?

Вѣра рукою приглашаетъ волосы Ламбина и съ нѣжностью трогаетъ ихъ.

— Да? Сѣдые волосы появились у васъ, Вадимъ. Это отъ заботъ. Вы? Въ отставку?.. Нѣтъ? Да что вы? Не вижу этого? Не представляю себѣ. Вы банковскимъ чиновникомъ станете? Пойдете служить въ полицію, въ жандармы. Ну какой вы банковскій дѣлецъ? Какой вы полицейскій приставъ? Или воспитателемъ въ корпусъ? Да развѣ это возможно? Ну, какой вы поспитатель? Жить при мнѣ, ничего не дѣлая?.. Мужъ артистки? Вижу — дѣлаете отрицательный знакъ, опять волосы растрепали. Съ тоски умрете. Меня проклянете. Богъ съ вами. Покидать полкъ тогда, когда служить стало тяжело, когда кругомъ темныя силы поднимаются и вся надежда Родины на васъ, офицеровъ, честно ли это?.. Я, Вадимъ, люблю въ васъ именно честь и благородство. Я хочу мужа — гусара! Я люблю не только Вадима, моего Вадима, но и государева ротмистра Ламбина. Его честнаго слугу.

— Вѣра Михайловна, я не хочу, чтобы вы жертвовали для этого своею карьерой.

Вѣра опустила голову и ничего не отвѣтила. Тихо было въ саду и прекрасно. Казалось, что жизнь съ ея заботами, недоразумѣніями, трудностями ушла отсюда. Осмѣлвшія птицы стали пѣть въ кустахъ, но ихъ пѣніе не вызывало «невидимыхъ». Оно было просто и нѣжно, въ немъ не было сложныхъ, математически точныхъ ритмовъ. Такъ сидѣли они оба долго, отдаваясь природѣ и забывая тяжелыя заботныя думы.

— Пойдемте въ домъ, — сказала Вѣра. — Вы мнѣ говорили какъ-то о «невидимыхъ силахъ» которыя будить музыка, пѣніе, которыя вы ощущали въ математикѣ. Мнѣ кажется онѣ должны быть особенно сильны въ астрономіи.

— Да, въ астрономіи, — идя сзади Вѣры къ дому повторилъ Ламбинъ. — Конечно въ астрономіи они должны быть сильными... Ночь, обсерваторія съ ея тишиною и мѣрный ходъ свѣтилъ по разъ навсегда установленному пути.

— Такъ вотъ, Вадимъ, — садясь къ роялю, сказала Вѣра, — послушаемъ, что скажутъ намъ, что присовѣтуютъ «невидимые». Ламбинъ улыбнулся. Сомнѣніе и печаль были въ его улыбкѣ.

— Знаете, Вѣра Михайловна, — тихо сказалъ онъ, — мнѣ иногда въ тоскливыя, одинокія минуты приходитъ мысль о самоубійствѣ.

— Богъ съ вами. Вы мужчина, вы офицеръ и такія мысли! Вы вѣрующій христіанинъ. Нѣтъ больше грѣха, какъ грѣхъ самоубійства. Дайте мнѣ слово, что вы никогда и думать объ этомъ не будете. Тѣмъ болѣе что...

Вѣра не договорила. Она ударила по клавишамъ. Она знала эту вещь наизусть. Ей не мѣшали тихо входившія въ комнату зелено-лиловыя отъ пышныхъ гроздей сирени, лѣзшихъ въ открытое окно, сумерки.

Музыка шла. Она вызывала силы и силы эти были Русскія. Музыка говорила о мощномъ, побѣдномъ, величественномъ и великомъ. Вдругъ грянули звуки русскаго гимна и оборвались. Ея духи — были духи побѣды, славы и силы. Вѣра долго и съ увлеченіемъ играла. Ея лицо сіяло счастіемъ вдохновенія и любви къ чему-то высшему, неземному, къ особенной любви.

Когда она кончила, Ламбинъ спросилъ:

— Что это вы играли?

— Симфонія Чайковскаго: «1812-й годъ».

— Да... Сильная вещь.

— Что сказали вамъ «невидимые»? Вызвала я ихъ?

— Они всегда съ вами. Какіе-то прекрасные невидимые. Ангелы.

— Вы знаете, что мнѣ сказали они?

— Что?

— Они сказали мнѣ, что есть нѣчто высшее, чѣмъ семейное счастье, чѣмъ полковья традиціи, чѣмъ свое личное... Есть вели-

кій долгъ службы у васъ, и есть мой долгъ артистки у меня. Русской музыкой, твореніями нашихъ композиторовъ вызывать слезы восторга и любви къ Родинѣ у молодежи, видѣть восторженные лица, увлажненные слезами, слышать громъ аплодисментовъ, не мнѣ, но тому, что мнѣ дано отъ Бога... Такъ, какъ же мы можемъ, и вы и я, ради своего личнаго счастья жертвовать этимъ?

— Традиціи полка...

— Есть, Вадимъ силы и побольше и поважнѣе традицій, — сказала Вѣра, быстрыми легкими шагами подошла къ Вадиму и сѣла рядомъ съ нимъ въ кресло. Она взяла руку Вадима и нѣжно гладила ее своею рукой.

— Я знаю, что я сдѣлаю, — медленно говорила Вѣра. — Мнѣ сказали разбуженные музыкой Чайковского силы невидимыя, что намъ нужно дѣлать и я увѣрена въ успѣхѣ. У насъ будетъ счастье, Вадимъ.

— Что же вы придумали?

— Счастье, Вадимъ, пугливо. Не любить счастье, чтобы забѣгали впередъ него. Но... Дайте мнѣ слово, что вы будете терпѣливы еще немного, совсѣмъ немного, нѣсколько дней, можетъ быть недѣлю?.. И все совершится такъ, какъ надо, и никто и ничто не сможетъ помѣшать нашему личному счастью.

Они сидѣли близко другъ отъ друга, ихъ мысли были объ одномъ, они любили другъ друга, но ни онъ, ни она не перемѣнили позы, не приблизились другъ къ другу, они знали, что ими владѣетъ нѣчто большее чѣмъ физическая любовь. Они были цѣломудренно чисты.

IX.

Ламбинъ уѣхалъ изъ Ораніенбаума подъ вечеръ. Онъ былъ въ особенномъ настроеніи, точно «невидимые» сопровождали его. Все казалось ему въ этотъ майскій вечеръ значительнымъ и каждый разговоръ въ вагонѣ онъ воспринималъ, какъ слова, нарочно для него сказанныя. Что могла придумать Вѣра такое, чего ему самому не приходило въ голову въ долгія безсонныя ночи, когда

такъ страстно хотѣлъ онъ ее, и избобрѣталъ всевозможные пути, чтобы выйти из теней свѣта и традицій.

Въ Сергіево поѣздъ задержали. Проходили воинскіе поѣзда. Ламбинъ недвижно сидѣлъ въ углу вагоннаго отдѣленія и смотрѣлъ въ окно. Все не сходило съ небосвода золотое солнце. Громаднымъ шаромъ висѣло надъ уснувшимъ заливомъ. Изъ окна вагона была видна широкая улица — аллея громадныхъ старыхъ березъ, за ними луга, покрытые золотою сѣтью цвѣтушихъ одуванчиковъ и бутонъ-доровъ. Улица упиралась въ бѣлыя стѣны Сергіева монастыря. На золотыхъ куполахъ и зеленыхъ крышахъ монастырскихъ построекъ сверкали солнечные лучи.

И было тихо — кладбищенски тихо...

Въ отдѣленіе, гдѣ былъ Ламбинъ вошло два человѣка въ штатскомъ платьѣ. Они продолжали начатый разговоръ.

— Н-нѣтъ-съ... Не говорите-съ. Могилка великая вещь. Видали въ Лаврѣ Шапошниковой могилку. Балерины. Оранжевая-съ... Какіе цвѣты. Всегда бѣлые. Я часто здѣсь бываю, жена покойница здѣсь погребена. Такъ всегда зайду посмотрѣть не забыта ли та могилка? Нѣтъ. Вѣчная память... Цвѣты — чисто-бѣлый первый снѣгъ, невинный. Надгробіе бѣлаго мрамора и на немъ цвѣты. Сейчасъ вотъ зашелъ взглянуть — сколько бѣлой душистой сирени, азалей бѣлыхъ, ландышей, нарциссовъ. Спитъ среди нихъ — прелестница.

— Поди и косточекъ ея не осталось и не чувствуетъ она этого.

— Точно-съ... Не видитъ и не чувствуетъ. Ибо если бы чувствовала и видѣла свою могилку — ужасъ невообразимый. Это вѣдь не для нея, а для него. Я знаю — старикъ-то что любилъ ее когда-то, придетъ и станетъ, и смотреть на цвѣты и чудится, поди, ему, что и онъ молодъ и она живая. Станетъ она невидимая передъ нимъ такая, какъ была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Вотъ смотрѣлъ я эту могилку и свою покойницу убралъ, цвѣты насадилъ и стало мнѣ, знаете, какъ-то радостно, будто и ей легче стало.

Поѣздъ тронулся. За грохотомъ вагона не стало больше слышно разговора. Недвижно сидеть въ углу Ламбинъ и думаетъ. Тамъ, въ далекомъ Гарцѣ, брошена, не убрана никѣмъ дорогая могилка его Наташи. Не долгъ ли его служить ей мертвой за то, что она такъ любила его когда была живою? «Вѣчная память»... Вѣчная? Ухъать и жить для могилы?..

Въ Лиговѣ опять стояли, на этотъ разъ не у станціи, а не доходя до нея у дачной улицы. Къ окну вагона подошелъ старый шарманщикъ и вертѣлъ ручку шарманки. Хриплые звуки раздавались и таяли въ вечернемъ воздухѣ. Дѣвочка въ пестромъ изодранномъ платьѣ, съ худымъ загорѣлымъ, изможденнымъ личикомъ, съ растрепанными черными волосами надрывно пѣла, коверкая слова:

— Ты скоро миня поз-заб-будишь,
Но я не заб-буд-ду тиб-бя...
Ты въ жизни пал-лубышь — разлюбиш-шь,
А я... Никого — никогда...

Ты новыя чувства уз-знаишь,
Ты новыхъ людѣй из-збер-решь,
Но, какъ я лублю, какъ стр-р-рад-даю —
Таво ни уз-знаить никто...

Музыка терзала, слова пѣсни каленымъ желѣзомъ жгли сердце Ламбина. Онъ завернулъ серебряный рубль въ обрывокъ газеты и бросилъ въ окно:

Старикъ снялъ шапку. Шарманка заиграла нѣчто бравурное и Ламбинъ съ трепетомъ сердечнымъ узналъ: — маршъ Радецкого.

«Что это?» — думалъ онъ. — «Указаніе свыше. Знакъ, съ неба ниспосланный?.. Тѣми. Невидимыми. Съ этого началось этимъ и кончится.»

*
**

Дома Ламбинъ долго, всю ночь сидѣлъ у открытаго окна въ своей комнатѣ. Все думалъ. Казалось ему, что разговоры въ вагонѣ, что шарманщикъ — все это, бывшее сегодня послѣ такого рѣшительнаго объясненія съ Вѣрой, — имѣло значеніе.

Жить для мертвой Наташи. Ѣздить въ Гарць и убирать ея могилу цвѣтами? О себѣ забыть. Такъ поступаютъ... Вѣрные и любящіе... Такъ поступаютъ рыцари любви... Говорятъ изъ-за любви приходили на могилу любимой и тамъ кончали жизнь самоубійствомъ. Говорятъ — собаки приходятъ на могилу хозяина, отказываются отъ пищи и умираютъ...

Изъ бѣлой тихой ночи смерть смотрѣла незрячими, пустыми глазами въ окно. Она затаилась въ мягкомъ свѣтѣ бѣлой петербургской ночи, она лежала въ тишинѣ безвременья, когда одна заря догорала на западѣ, за Петербургомъ, другая загоралась надъ лѣсами Павловска.

Ламбинъ подошелъ къ ночному столику и взялъ лежавшее на немъ евангеліе. Открылъ наугадъ. Отъ Матѳея, 8 глава, стихъ 22: «предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ»...

Наташа въ смертный часъ спасла его для жизни, а не для смерти. Ей все равно. Она не въ могилѣ, а гдѣ-то въ иномъ лучшемъ мірѣ. Оттуда изъ этого міра она укажетъ ему, что надо дѣлать.

Все ярче, ослѣпительнѣе играла надъ темными лѣсами Павловска заря, и вотъ показалось солнце. Оно взошло — праздничное, румяное и радостное, точно смѣялось надъ пустыми заботами

Издали, съ казарменнаго проспекта далекимъ призывомъ зазвучали звуки сигнала. Трубачи всѣмъ хоромъ играли «походъ».

Всадники — други въ походъ собирайтесь,
Радостный звукъ васъ ко славѣ зоветъ,
Съ бодрымъ духомъ храбро сражайтесь,
За Царя и Родину сладко и смерть принять...

Полкъ звалъ въ походъ. Недалнѣй, пока походъ, походъ мирный, въ лагеря, въ Красное Село. Но будетъ, однажды, такой же призывъ и въ походъ иной, въ походъ боевой на защиту Родины. Гусары умираютъ не на могилахъ возлюбленныхъ, но въ славномъ лихомъ бою.

Х.

Ночью, во второмъ часу, въ деревенской избѣ, гдѣ стоялъ въ лагерѣ Ламбинъ телефонъ разбудилъ его.

Говорила Вѣра. Даже въ телефонной трубкѣ ощущалась ликующая радость побѣды. Смѣхомъ счастья трепетала мембрана. Слова перерывались отъ волненія.

— Вадимъ, вы спите? Слушайте, Вадимъ, подавайте завтра же рапортъ о разрѣшеніи вступить въ первый законный бракъ съ солисткой... да, да, такъ и пишете: «солисткой»... Я остаюсь солисткой, вы остаетесь милымъ моимъ гусаромъ.

— Что же произошло, что такъ вдругъ... И все, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

— Именно — волшебнаго жезла. Помните, въ тотъ день, когда Симфонія Чайковскаго... Дядя ее слушалъ изъ своего кабинета. Сказалъ мнѣ «ты никогда такъ не играла» и я все сказала дядѣ. Вы знаете, что я должна была именно сегодня пѣть въ Гатчинѣ для Императрицы романсы нашего милаго генерала и Датскія народныя пѣсни... Мысли путаются, боюсь вы ничего не понимаете. И барышня на телефонъ что подумаетъ, такой длинный разговоръ.

— Нѣтъ, я все понимаю, то-есть пока ничего еще не понимаю.

— Такъ вотъ, дядя поѣхалъ къ тому свѣтлѣйшему князю, который состоитъ при Императрицѣ, онъ кунакъ ему еще по турецкой кампаніи и все рассказалъ ему. Князь сказалъ, конечно, бываютъ исключенія и все будетъ доложено Государынѣ.

— Ну и?..

— Ахъ, это было такъ несказанно мило. Совсѣмъ, совсѣмъ интимный вечеръ. Никого. Государыня, Великая княгиня Ольга Александровна, фрейлина и князь. Да еще воспитатель Великаго Князя, англичанинъ... Я никогда такъ не волновалась, какъ сегодня... Генераль аккомпанировалъ. Когда я кончила пѣть датскія пѣсни, Государыня подозвала меня къ себѣ и трогательно благодарила. Мнѣ показалось, что слезы были на ея глазахъ. Потомъ былъ чай. Мы пили всѣ вмѣстѣ за круглымъ столомъ. Я сидѣла подлѣ Государыни, Князь былъ по другую сторону. И тогда князь — онъ былъ прелестенъ въ своей тонко стянутой черкескѣ, въ немъ все дышало кавказскимъ благородствомъ, князь сказалъ: «Ваше величество, я докладывалъ вамъ о затруднительномъ положеніи нашей милой гостьи артистки». Государыня стала серьезна. Они говорили по-французски. «Отъ кого зависитъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ Ламбину?» — спросила она. «Отъ командира полка и отъ общества офицеровъ полка. Тутъ, ваше величество, какъ я вамъ говорилъ, полковыя традиции. Онѣ не допускають...» — «Ахъ да», — сказала Государыня. — «Но тутъ совсѣмъ, со-

всѣмъ другое. Она же Бетрищева!» — «Да, но она артистка... «Солистка Его Величества», — сказала Государыня и встала изъ-за стола. Она подошла къ бюро, стоявшему въ углу. Великая Княгиня засвѣтила лампу. Государыня быстро что-то написала. — «Вотъ», — сказала она, подавая конвертъ князю, — «будьте любезны завтра отправить это съ курьеромъ отъ меня командиру полка» и обратилась ко мнѣ — «Скажите Ламбину, чтобы онъ завтра подавалъ рапортъ о разрѣшеніи вступить ему въ бракъ съ солисткой Его Величества. Скажите, что я и мой сынъ будемъ на свадьбѣ посаженными матерью и отцомъ. Я надѣюсь вы позволите?», — добавила она съ обворожительной улыбкой. Вотъ и все. Милый Вадимъ, симфонія Чайковскаго — это сила и мощь Россіи, и эта сила намъ позволила имѣть свое маленькое счастье.

— О нѣтъ... Огромное!

— Ну. Хорошо... Такъ вы просите моей руки? И такъ оригинально — по телефону?

— Вѣра Михайловна...

— Для такого случая можете сказать: «Вѣра».

Смѣхъ былъ слышенъ въ мембранѣ. Счастливымъ смѣхъ.

— Подаете рапортъ?

— Вѣра.

— Покойной ночи.

— Я спать не буду.

— Я тоже. Я счастлива, Вадимъ. А вы?..

И, должно быть, смущенная тѣмъ, что она сказала, Вѣра повѣсила трубку.

XI.

Мученическая смерть капитана Мальмсена въ китайскомъ городѣ Хунь-ляо-хедзы не потрясла барона фонъ Деренгофа. Онъ увидѣлъ въ ней Божій судъ и справедливое возмездіе Георгію Густавовичу. Разъ офицеръ — долженъ быть готовымъ умереть въ бою по офицерски, — тутъ нѣтъ мѣста никакимъ сентиментальностямъ. Баронъ не безъ внутренняго удовольствія прочиталъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ графѣ «умершіе исключаются изъ спис-

ковъ» имя капитана Генеральнаго Штаба Мальмсена. Счастливый соперникъ былъ устраненъ безъ всякаго подозрѣнія на него — фонъ Деренгофа. Не было мѣста никакимъ городскимъ сплетнямъ. Это было бы совсѣмъ отлично, если бы...

Если бы послѣ смерти Мальмсена Марьяна не измѣнила своихъ отношеній къ мужу. Она осталась жить у него, чтобы не дѣлать скандала. Наружное все оставалось по прежнему — «мужъ царицы» въ глазахъ свѣта продолжалъ быть мужемъ Марьяны. Какъ и прежде можно было видѣть по утрамъ прекрасную, нарядно одѣтую даму, гуляющую по Литейному проспекту и набережной Невы съ великолѣпной, холеной шотландской овчаркой. Постарѣвшая Полли не бѣгала далеко отъ госпожи, но шла за нею, какъ привязанная. Въ черныхъ волосахъ Марьяны появились серебряныя нити, лицо стало худѣе — но красота Марьяны отъ этого не уменьшилась. Какъ и прежде она блистала молчаливою, мраморною красотою въ Петербургскихъ гостиныхъ. Она стала даже чаще появляться въ свѣтѣ, но... она рѣшительно отказалась продолжать быть женою барона.

Это было очень неудобно. Баронъ былъ въ расцвѣтѣ силъ. Ему — «мужу царицы» пришлось, какъ въ холостые годы, прибѣгать къ услугамъ — о! очень осторожно — дорогихъ, тайныхъ жрицъ любви, познакомиться съ хмурымъ на видъ домою на Итальянской улицѣ, съ его очень тонной, почти аристократически тонной, хозяйкой.

Марьяна какъ-то всегда по лицу мужа, виновато шаловливому, угадывала, что происходило въ ту ночь, когда «дѣла службы» задерживали барона до утра въ штабѣ и за завтракомъ, насмѣшливо глядя на барона говорила:

— Шалили? Поздравляю!..

Ни тѣни ревности, ни тѣни хотя бы безразличности — точно это совсѣмъ ея не касалось. Посмотрить своими необыкновенными черными глазами свысока на уничтоженнаго барона и усмѣхнется тонко и очаровательно. Это было хуже самыхъ жестокихъ упрековъ, истерики, самыхъ страшныхъ сценъ ревности. Это говорило, что все кончено, и навсегда кончено.

Въ эти минуты, баронъ досадовалъ, что не примирился съ Мальсеномъ, какъ съ любовникомъ — не согласился, какъ самъ говорилъ: «носить рога». Тогда не было бы въ ней этого превосходства надъ нимъ. Тогда это она была бы унижена и раболѣп-

ствовала передъ нимъ и всячески старалась бы угодить ему - обманутому мужу.

Роль мужа покинутого женою была еще неудобна и потому, что Марьяна не только уклонилась отъ обязанностей жены, но отказалась и сотрудничать съ мужемъ въ его работѣ — «Не зачѣмъ!».

Доклады и отчеты генерала фон Деренгофа стали блѣдными, не выходили изъ общихъ мѣстъ, не имѣли данныхъ, взятыхъ изъ иностранной печати, подслушанныхъ въ салонахъ посланниковъ и военныхъ агентовъ. Попытка замѣнить «царицу» хорошимъ адъютантомъ-секретаремъ потерпѣла неудачу. Въ адъютантѣ не оказалось того чутья и священнаго огня, какой горѣлъ въ Марьянѣ. Онъ исполнялъ только указанное, а указывать-то баронъ и не умѣлъ.

Время было горячее. Надвигалась японская война. Нужны были въ штабѣ живые люди, — а про барона его старшій начальникъ сказалъ: «Выдохся баронъ, никуда не годится. Его доклады плохое рѣшеніе задачи офицера-академиста».

Барона смѣстили съ его живого мѣста и перевели, правда, съ повышеніемъ, на мѣсто спокойное, завѣдующаго поступающими прошеніями офицеровъ, ихъ вдовъ и сиротъ. Это уже была какъ бы почетная отставка. Это еще болѣе озлобило и озаботило барона фонъ Деренгофа.

Въ новой должности баронъ рѣшилъ заслужить передъ начальствомъ исполнительностью, аккуратностью и самымъ педантичнымъ и неумолимо строгимъ соблюденіемъ закона. Онъ гордился тѣмъ, что въ то время, когда въ связи съ неудачами японской войны, — все кругомъ шаталось, — въ его отдѣлѣ строжайше была соблюдена каждая буква закона.

ХІІ.

Въ большомъ служебномъ кабинетѣ генерала фонъ Деренгофа, гдѣ, несмотря на яркій майскій день, было сумрачно, куда черезъ закрытыя двойныя окна не доносился уличный шумъ и гудки пароходовъ на Невѣ, сидѣлъ гость, товарищъ по службѣ

фонъ Деренгофа, — генераль Маркинъ. Это былъ небольшого роста человѣкъ съ сѣдой бородкой, въ очкахъ на маленькомъ носу, съ открытыми на собесѣдника широкими ноздрями. Было въ его лицѣ что-то мартышечье, немудреное, простецкое. Было оно и въ потертомъ, широкомъ, черномъ сюртукѣ съ потемнѣвшими погонями и аксельбантами, съ большимъ грубовато сдѣланнымъ академическимъ значкомъ. Маркинъ былъ сыномъ простого солдата, человѣкомъ прямыхъ, солдатскихъ убѣжденій, безъ лести преданный Монарху, терпѣливый служака, своимъ горбомъ достигшій высокаго мѣста.

Они говорили о политикѣ, о возможности, въ связи съ волненіями въ столицѣ, созыва народныхъ представителей, о созданіи законсовѣщательной Государственной Думы, о конституціи, объ ограниченіи самодержавія; говорили о томъ, чѣмъ былъ полонъ тогдашній Петербургскій воздухъ.

Ихъ споръ разгорался. Два раза курьеръ почтительно докладывалъ, что рядомъ въ пріемной ожидаетъ проситель и настаиваетъ на пріемѣ. Деренгофъ махалъ на курьера рукою съ дымящейся сигарой и говорилъ коротко и повелительно:

— Пусть подождетъ!

— Я не понимаю тебя, Алексѣй Петровичъ, — мягкимъ баскомъ ворковалъ Маркинъ. — Совсѣмъ не понимаю. Какъ можешь ты всему этому сочувствовать? Ты — остзейскій баронъ, «фонъ», старый Лифляндскій дворянинъ. Вѣдь именно Тронъ, то есть Государи русскіе создали вамъ, остзейскимъ нѣмцамъ, такое исключительно благопріятное положеніе, вѣдь у васъ сохранены ваши земельныя привиллегіи и латыши зажаты въ вашей волѣ не хуже крѣпостныхъ. На службѣ вамъ даютъ лучшія мѣста, именно въ надеждѣ на вашу особую вѣрность Государю Императору. И ты стоишь за Думу, за ограниченіе правъ нашего обожаемаго Монарха, за конституцію, которую не пойметъ нашъ русскій народъ. Говорю такъ потому, что самъ вышелъ изъ народа и знаю его.

— Павелъ Семеновичъ, я иду много дальше. Я считаю, что пора переходить къ подлинному народоправству, къ демократіи, къ созданію Россійскихъ соединенныхъ штатовъ, къ федерации отдѣльныхъ областей и ихъ полной самостоятельности.

— Но почему? Почему?..

— Потому что я уважаю законъ, Павелъ Семеновичъ. Для меня каждая буква закона свята, каждая его запятая нужна и

священна, а при Монархіи, при абсолютизмѣ этого нѣтъ и не можетъ быть...

Въ дверь опять постучали и на этотъ разъ вошелъ штабной офицеръ и доложилъ:

— Ваше превосходительство, прошу извинить. Но тутъ есть проситель, подполковникъ, весь израненный, безъ одной руки и безъ ноги, на костыляхъ. Онъ очень просить, чтобы его приняли, онъ усталъ дожидаться. Онъ говоритъ, что ваше превосходительство изволите знать его дѣло.

— Кто такой?

— Подполковникъ Верхотуровъ.

Фонъ Деренгофъ порылся въ синей папкѣ и досталъ бумагу. Маркинъ всталъ и собрался уходить, но фонъ Деренгофъ полной бѣлой рукой потянулъ Маркина за рукавъ.

— Оставайся. Дѣло пустое. Нашъ разговоръ и двухъ минутъ не займетъ. Сиди тутъ, намъ не помѣшаешь, — и, обернувшись къ штабному офицеру, — фонъ Деренгофъ сказалъ: Ну, хорошо, просите.

Дверь отворилась. Послышались непріятные неровные шаги. Пристукивали деревянная нога и костыль. Высокій, худощавый, изможденный ранами и болѣзнями старикъ сталъ противъ фонъ Деренгофа. Темныя отъ загара, отъ многолѣтней жизни на воздухѣ щеки поросли клочковатой, сѣдою бородой, глубоко впавшіе сѣрые глаза устало смотрѣли черезъ очки въ дешевой оправѣ. Старый стрѣлковый мундиръ съ отставными погонами, съ неширокой колодкой изъ орденовъ св. Анны и св. Станислава съ мечами и медали въ память Русско-Японской войны неловко сидѣлъ на сутуловатомъ тѣлѣ. На лѣвой рукѣ не хватало половины кисти и была надѣта черная перчатка съ резиновыми пальцами.

— Подполковникъ въ отставкѣ Верхотуровъ является вашему превосходительству по личному дѣлу, — негромкимъ голосомъ сказалъ вошедшій. — Я подавалъ вашему превосходительству прошеніе...

— Оно возвращено вамъ, подполковникъ, какъ незаконное.

— Позвольте доложить, ваше превосходительство, и вы увидите, что оно вполне законное. Я никогда не посмѣлъ бы утрудить ваше превосходительство незаконными просьбами. Я не прошу ни пенсіи, ни мѣста. Я вполне доволенъ тѣмъ, что получаю. Отъ семьи я отрекся, любимаго сына отдалъ на защиту Родины, онъ

убить еще въ началѣ войны на Фандзягоускомъ перевалѣ, при штурмѣ японской позиціи. Первымъ ворвался въ непріятельскій окопъ... Былъ бы живъ — Георгіевскій крестъ заслужилъ по статусу...

— Все это мнѣ извѣстно, подполковникъ.

— Орденовъ не ищу. Подвиговъ своихъ указывать не стану. Какіе уже наши подвиги, когда крѣпость Портъ-Артуръ сдали, половину Сахалина японцамъ уступили и покрыли позоромъ честное имя арміи. Я прошу только одного.

— Я отмѣтилъ на вашемъ прошеніи: — ваша просьба незаконна.

— Ваше превосходительство, я вышелъ въ нашъ стрѣлковый полкъ еще тогда, когда онъ былъ Линейнымъ батальономъ. Я двадцать лѣтъ прослужилъ въ немъ. Всю вторую половину войны я фактически командовалъ полкомъ. Командиръ полка былъ раненъ еще въ Ляоянскомъ сраженіи. Съ полкомъ, ведя его въ атаку, я лишился пальцевъ и остался въ строю. Подъ Сандепу я потерялъ ногу и сталъ калѣкой на всю жизнь.

— Все это мнѣ извѣстно, все это мною провѣрено и было совершенно такъ, какъ вы говорите.

— Ваше превосходительство, я прошу только сохранить мнѣ при отставкѣ мундиръ и дорогіе мнѣ номеръ и вензеля полка. Я кровь пролилъ въ этомъ полковомъ мундирѣ.

— Погодите, подполковникъ, я все это знаю. По закону, подполковникъ, полковымъ мундиромъ при отставкѣ жалуются тѣ, кто на войнѣ командовалъ полкомъ, заслужившимъ боевое отличіе.

— Полкъ за атаку у Сандепу, мною веденную, получилъ «отличіе» на шапки.

— Вѣрно-съ... Совершенно вѣрно, подполковникъ. Но вы не были командиромъ этого полка.

— Я фактически командовалъ полкомъ весь конецъ 1904-го и 1905-й годъ до самой моей раны.

— Допустимъ... Но фактически, подполковникъ, вы не были командиромъ полка. Законъ противъ васъ и я не могу, не имѣю права нарушить законъ. Ваша просьба незаконна и потому ваша записка возвращена вамъ съ отказомъ.

— Ваше превосходительство, фактически я командовалъ полкомъ въ цѣломъ рядѣ славныхъ дѣлъ.

— Подполковникъ, намъ нечего дальше говорить. Это не торговля на рынкѣ, это не сказка про бѣлаго бычка. Фактически — вы не были командиромъ полка — вотъ и все... Вы только временно командовали полкомъ. На дѣлѣ, по закону, вы были только батальоннымъ командиромъ.

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство. Такъ что же прикажете мнѣ дѣлать?

— А этого я уже не знаю-сь... Законъ противъ васъ, а я обязанъ стоять на стражѣ закона.

Верхотуровъ пожалъ плечами.

— Что же, ваше превосходительство... Мнѣ остается только прошеніе на высочайшее имя подавать. Моего обожаемаго Монарха, Государя Императора, своими маленькими нуждишками беспокоить.

— Это уже ваше дѣло. Я не могу ни помочь вамъ, ни воспрепятствовать въ этомъ.

— Прошу извинить меня, что обезпокоилъ васъ, — сказал Верхотуровъ и, неловко поклонившись, костыль и деревянная нога ему мѣшали, — вышелъ изъ кабинета.

XIII.

— Вотъ, видалъ, — сказалъ фонъ Деренгофъ Маркину, какъ только дверь кабинета закрылась за Верхотуровымъ. — Подастъ на Высочайшее имя, и я увѣренъ, что Государь Императора разрѣшитъ и наградить его не только мундиромъ, но и Георгіевскимъ крестомъ въ придачу.

— Да вѣдь, Алексѣй Петровичъ, — фактически-то, какъ все повторялъ этотъ чудаковатый подполковникъ, онъ и то и другое вполне заслужилъ.

— Законъ? Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна изволила начертать: «Всеу законы писать, когда ихъ не исполнять»... Для чего намъ законы, когда Высочайшая воля можетъ любой изъ нихъ нарушить.

— Но, если это будетъ только справедливо! Законъ не можетъ все предусмотрѣть. Какъ прекрасно будетъ ублаготворить этого видимо отчаянно храбраго и доблестнаго офицера.

Фонъ Деренгофъ открылъ большую кожаную папку, лежавшую передъ нимъ и подаль Маркину изящно напечатанное свадебное приглашеніе.

— Вотъ, смотри. Вчера получилъ... Приглашеніе на свадьбу. Гвардейскій офицеръ женится на оперной пѣвицѣ и та остается на сценѣ... Я справлялся въ Штабъ Корпуса, какъ это можетъ быть? Отвѣтъ — Высочайшая воля...

— Какъ это прекрасно!.. прекрасно! Государь сглаживаетъ углы закона и тамъ, гдѣ законъ несправедливъ и жестокъ — онъ благостно измѣняетъ его. Вотъ за что я, Алексѣй Петровичъ, такъ преклоняюсь передъ нашимъ русскимъ самодержавнымъ строемъ. Сколько, сколько, на протяженіи Русской исторіи, такихъ великихъ и благодѣтельныхъ примѣровъ.

— Ихъ анекдотами зовутъ, Павелъ Семеновичъ. Нѣтъ, вотъ потому то и дался ему этотъ его стрѣлковый мундиръ...

— Онъ прослужилъ въ немъ всю жизнь.

— Возвращаясь къ нашему разговору, я и скажу тебѣ — вотъ будетъ Дума, нашъ Россійскій парламентъ, народоправство, тогда уже никакое Его Величество не сможетъ нарушить ни закона, ни традицій

Фонъ Деренгофъ протянулъ ящикъ съ сигарами Маркину, тотъ отказался.

— Не люблю твоихъ сигаръ. Во мнѣ мужицкая кровь, мнѣ махорку больше курить пристало.

Онъ скрутилъ папироску и, вставивъ въ простой черешневый мундштучекъ, закурилъ ее. Фонъ Деренгофъ медленно и тщательно раскуривалъ сигару.

— А не думаешь ты, баронъ, что вотъ, когда соберется такой парламентъ, къ членамъ его, къ депутатамъ, народнымъ избранникамъ... Чортъ знаетъ еще, кто и какъ ихъ избирать-то будетъ!.. Съ чернаго крыльца начнутъ бѣгать вотъ такіе Верхотуровы и Ламбины со своими нуждишками. Да не такіе, какъ эти, по существу, совсѣмъ невинные младенцы, а крупные дѣльцы съ разными пакостными, кляузными, мошенническими просьбами. Тому разрѣшеніе на постройку какую-нибудь дай, этому въ банкѣ его темныя

аферы покрой и еще и «барашка въ бумажкѣ» сунуть съумѣють, свои, моль, люди — ваши избиратели, мы за васъ голосовали, такъ вы уже потрудитесь за насъ, гдѣ нужно постоять, помирвольте, пожалуйте... Вѣдь примѣры тому мы видимъ повсюду. Кто тамъ въ Парламентахъ и Палатахъ то сидитъ?.. Адвокаты, крупные промышленники, фабриканты, заводчики, помѣщики — ну и у насъ полѣзутъ въ Думу ловкіе адвокаты, мірофды, кулаки, люди съ продажною совѣстью. Вотъ тогда уже не одинъ справедливый и неподкупный Государь, но пятьсотъ избранниковъ стануть нарушать законы. Кто по принципу, чтобы насолить «ненавистному правительству», а кто и за деньги, за взятки. Государя деньгами, взяткой не купишь. Онъ чистый и прошеніе приметъ и исполнить по чистой совѣсти. А тамъ?.. Темна вода во облацѣхъ!..

Маркинъ махнулъ рукою, отгоняя дымъ.

— Плохо, баронъ, будетъ народу отъ народоправства.

Фонъ Деренгофъ выпустилъ клубъ дыма, засипѣлъ сигарой и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Н-ну, знаешь... Такъ разсуждать... Тогда ничего и дѣлать нельзя. Къ царю Додону придется вернуться. Зачѣмъ же народные избранники окажутся мошенниками. Избирать будутъ несомнѣнно лучшихъ, правильныхъ, честныхъ людей. Они введутъ справедливость и утвердятъ законность.

— Д-да... Справедливость... Вотъ оно штука какая. Скажи мнѣ, баронъ, вотъ ты уже больше тридцати лѣтъ на службѣ. Гдѣ ты видѣлъ эту самую справедливость?.. Ее и у Господа Бога нѣтъ... Господь сказалъ: «Кто имѣетъ, тому дано будетъ, а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что онъ думаетъ имѣть»*)... Вотъ тебѣ и справедливость! Ты мнѣ указалъ на Ламбина и Верхотурова. Я и того и другого давно знаю. Преподавалъ обоимъ математику въ корпусѣ. Потомъ слѣдилъ за ними, спрашивалъ о ихъ жизни. Одному — все, у другого и послѣднее, во имя буквы закона, отнять хочешь. Гдѣ же справедливость? Одинъ — красавецъ гусаръ — долго жилъ съ прелестной танцовщицей. Она умерла; теперь ему предстоитъ такая блестящая свадьба съ красавицей, лучшей пѣвицей нашей оперы. Солисткой Его Величества. Другой — уже старикъ, инвалидъ, калѣка, бѣдняга, почти нищій, никакой радости у него въ жизни не было, вся жизнь одна сплошная темная полоса. А

*) Евангеліе отъ Луки, гл. 8 ст. 18.

вѣдь одного корпуса. Одной дворянской семьи. Гдѣ же справедливость?

— Законъ... Законъ, Павелъ Семеновичъ, ее долженъ дать. Не законъ Божій, а законъ людской.

— Противъ Бога не пойдешь, баронъ. Ну, до свиданія. Мой поклонъ и baise main**) глубокоуважаемой Марьянѣ Георгиевнѣ. Тыходишь тоже?

— Нѣтъ, я останусь здѣсь. Поработаю. Заболтался, а видишь сколько бумагъ ожидаетъ моего рѣшенія...

— Не бумагъ, баронъ, а жизнью человѣческихъ. Человѣческихъ страданій или радостей.

Фонъ Деренгофъ махнулъ рукой — «мели моль свое» и всталъ проводить пріятеля до двери. Вернувшись къ столу онъ зажегъ на немъ, несмотря на то, что день стоялъ яркій и солнечный двѣ свѣчи — онѣ создавали ему дѣловое рабочее настроеніе и раскрылъ папку съ бумагами.

XIV.

Тянутся длинныя полосы голубого сигарнаго дыма надъ головою фонъ Деренгофа. Ниже застылъ холодный папиросный дымъ крученоекъ Маркина. Душно въ кабинетѣ.

Наконецъ, баронъ погасилъ свѣчи, сложилъ бумаги въ портфель, всталъ, расправилъ затекшія ноги и подошелъ къ высокому пыльному окну. Онъ открылъ его и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на площадь.

Прекрасный, майскій день стоялъ за окномъ. По торцамъ площади неслись экипажи, коляски, ландо, извожичьи пролетки, изрѣдка катили автомобили, такіе странные, среди лошадей, неслись по рельсамъ новенькіе нарядные трамваи и отъ этого шума, отъ звонковъ трамваевъ, отъ цокота копытъ, шуршанія резиновыхъ шинъ дышала радость, веселье — праздникъ весны шелъ въ окно съ площади.

Было семь часовъ вечера. Солнце точно застыло надъ Васильевскимъ островомъ и висѣло надъ крышей Зимняго дворца, не

**) Поцѣлуй руки.

желая разставаться съ весеннимъ Петербургомъ. Внизу, подъ окномъ у низкаго зонта подъѣзда стояла карета барона. Было время возвращаться домой — обѣдать.

Баронъ отошелъ отъ окна, прошелся по кабинету, остановился въ раздумьи у стола, и надавилъ кнопку звонка. Онъ уже взялъ тяжелый, набитый бумагами портфель, чтобы передать его курьеру отнести въ карету, но какъ только тотъ вошелъ, баронъ измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ сказалъ:

— Отпустите карету домой.

Какъ только курьеръ вышелъ, баронъ позвонилъ по телефону къ себѣ на квартиру.

— Передайте баронессѣ, — сказалъ онъ подошедшей къ аппарату горничной, — что я обѣдать дома не буду. Очень много дѣла. Пусть обѣдаютъ одни.

Онъ прослушалъ предложеніе горничной попросить къ телефону «барыню»:

— Баронесса дома и никуда еще не выходили.

— М-ммъ... Да... Нѣтъ, не нужно.

Баронъ повѣсилъ трубку на крючокъ, положилъ портфель съ бумагами въ ящикъ письменнаго стола, заперъ на ключъ, спрятала ключъ въ карманъ и вышелъ изъ кабинета.

Внизу, въ полуподвальной швейцарской, гдѣ висѣло только его пальто съ алыми лацканами, онъ одѣлся и бодрой походкой, позванивая мельхиоровыми шпорами, вышелъ на площадь. Онъ перешелъ къ Александровскому саду, гдѣ стояли извозчики, выбралъ лошадь получше и приказалъ везти себя черезъ Петербургскую сторону и Петровскій островъ на Крестовскій къ Яхть-клубу.

Онъ хорошо и плотно пообѣдалъ въ клубѣ, основательно, но въ мѣру, выпилъ, — баронъ называлъ это — «зарядиться» и, выйдя изъ клуба, приказавъ извозчику слѣдовать за собой, пѣшкомъ пошелъ къ концу острова къ старому сосновому лѣсу. Дойдя до мѣста, гдѣ шоссе подходило къ Невкѣ, вливавшейся въ заливъ, баронъ свернулъ въ лѣсъ, вышелъ къ берегу и сѣлъ у воды.

Онъ здѣсь часто бывалъ. Въ этомъ глухомъ мѣстѣ Крестовскаго острова было тихо и безлюдно. Пониже барона, шагахъ въ трехстахъ, въ камышкахъ какой-то рыбоволь устроился въ черномъ челнокѣ и сидѣлъ съ удочками. Мимо барона пронеслась къ заливу наемная прогулочная шлюпка. Гимназистъ и кадетъ гребли на ней. Дѣвушка въ мантильѣ и соломенномъ канотье сидѣла у руля,

всѣ трое весело смѣялись. Черезъ рѣку виднѣлся мысъ Елагина острова и «Стрѣлка». По ней пестрыми пятнышками, точно то были стекла калейдоскопа, двигались пѣшеходы, ходили дамы съ пестрыми зонтиками, ѣхали экипажи, всадники и амазонки. Тамъ шумѣлъ весенній праздникъ. Весь богатый и свободный Петербургъ былъ въ эти часы солнечнаго заката на Стрѣлкѣ. Гуль толпы не доходилъ до фонъ Деренгофа, и онъ смотрѣлъ на гуляющихъ, какъ на оживленную картину.

Передъ барономъ разстилалась водная ширь слиянія двухъ Невокъ, за нею намѣчался въ прозрачномъ туманѣ на той сторонѣ низкій берегъ, обрамленный свѣтло-зеленой полосой молодыхъ камышей, дальше темнѣла, чуть порозовѣвшая молодою листвою старая, еще Петромъ Великимъ насаженная роща дубовъ.

Черною разлатою каракатицей стояла надъ водою эстакада рыболовныхъ тоней.

Сколько больныхъ и тяжелыхъ воспоминаній вставали передъ барономъ. Тони... Ширь Невокъ у залива, свѣжій воздухъ моря, смолистый запахъ сосновыхъ лѣсовъ Крестовскаго острова, мягкій шопоть волны, набѣгающей на песчаный берегъ — все это бредило старья, не могущія зажить раны ревности. И сколько разъ за эти годы ѣздилъ сюда баронъ съ желаніемъ мучить себя воспоминаніями, не давая зажить старымъ ранамъ.

Здѣсь, на Финскомъ заливѣ, на чистенькой, пахнущей лакомъ, смолою и пеньковыми канатами снастей яхтѣ «Suomi» завершился романъ Марьяны съ бѣловолосымъ скандинавскимъ викингомъ, капитаномъ Мальмсенемъ.

Дошелъ онъ до настоящаго конца? Кто и когда узнаетъ это? Мальмсень погибъ. На томъ свѣтѣ, если только тотъ свѣтъ существуетъ! Марьяна никогда не проговорится, не выдастъ себя.

Какъ жадно слушала его жена рассказы Мальмсена про его юность и дѣтство, про товарищей его — Ламбина и Верхотурова...

Верхотуровъ? Уже не этотъ ли старикъ, чудакъ, непременно желающій носить въ отставкѣ полковой мундиръ и есть тотъ Верхотуровъ, о комъ рассказывалъ Мальмсень — мужъ женщины врача, специалистки по ядамъ.

Вотъ у кого тайна ихъ такъ неудачно кончившейся дуэли. Спросить ее? Не все ли равно — судъ Божій совершился...

Мальмсень писалъ Марьянѣ на «ты». Подписывался: «твой Джоржи».

Была Марьяна его, или нѣтъ? Хотя пытай ее не скажетъ. Бѣсъбаба.

Гдѣ, когда и какъ сходились они и какъ отдавалась она ему?

Отъ внутренней томительной боли фонъ Деренгофъ заскрежеталъ зубами. Казалось, невозможно перенести тяжелыя подозрѣнія.

Солнце зашло за заливъ. Длинные тѣни отъ сосенъ исчезли. Но не стало темнѣе. Только свѣтъ сталъ другой, блѣдный, томный точно больной. Медленно и осторожно сходила на землю нервирующая Петербургская бѣлая ночь. Предметы потеряли тѣни, и очертанія ихъ стали неясными.

Фонъ Деренгофъ ощутилъ сырость подъ собою. Онъ всталъ, застегнулъ пальто и пошелъ къ ожидавшему его извощику.

«Бррръ», — думалъ онъ, — «еще ишиасъ наживешь. На сырой травѣ сидѣлъ»...

— Поѣзжай, братецъ ты мой, — сказалъ онъ извощику, — черезъ Елагинъ и Каменный островъ на Каменноостровскій.

Онъ нахохлился, точно старый воробей, и почувствовалъ себя больнымъ, усталымъ, старымъ и одинокимъ.

XV.

На Каменноостровскомъ извощикчя лошадь не поспѣвала за рысаками и извощикъ поѣхалъ правѣе, ближе къ троттуару, втянувшись въ линію другихъ извощиковъ.

Автомобили и собственные экипажи ихъ обгоняли. Вдругъ показалось дышло и пара прекрасныхъ, молодыхъ кровныхъ карачовыхъ коней, извѣстныхъ всему музыкальному Петербургу. Пѣвица Вѣра Бетрищева ѣхала со Стрѣлки въ открытой коляскѣ. Впереди былъ заторъ, коляска поровнялась съ извощикомъ фонъ Деренгофа и нѣсколько минутъ ѣхала рядомъ. Гусаръ въ алой фуражкѣ сидѣлъ съ Бетрищевой. Онъ невнимательно взглянулъ на барона, отдалъ ему честь, потомъ узналъ его и поклонился. Вѣра Бетрищева кивнула барону головой. Она была очень нарядна и красива въ шелковомъ цвѣта сливокъ манто, въ большой шляпѣ изъ желтой соломы, украшенной алыми розами. Тугія косы, въ

волнахъ блестящихъ завитковъ были уложены подъ шляпой. Лицо ея сіяло счастьемъ. Она первый разъ ѣхала такъ открыто съ женихомъ. «Да, счастье и любовь красятъ человѣка и стираютъ слѣды прожитыхъ годовъ. Она не молода, а кажется совсѣмъ дѣвучкой на выданьи. Ни одной сѣдой пряди! Можетъ быть красится: кто ее знаетъ? Старятъ неудачи, ненависть и зависть», — баронъ отвернулся со злобой.

Впереди освободилось мѣсто, коляска наддала ходу и еще нѣкоторое время видѣлъ баронъ красную гусарскую фуражку и алая розы на соломенной шляпкѣ.

Потомъ нагнала его слишкомъ знакомая ему карета. Его — собственная... Крупные, въ сѣрыхъ яблокахъ рысаки съ волнистыми широкими хвостами, мягко пофыркивая, бѣжали мимо. Въ открытое окно маленькаго купе смотрѣла смѣющаяся морда Полли. Собака узнала барона и залаяла. За нею, на темно-сѣромъ фонѣ суконной обивки, какъ точеная изъ слоновой кости камея, показался профиль прекрасной Марьяны. «Жена Цезаря», — «царица» ѣхала одна съ собакой. Она смотрѣла въ стѣну кареты, она не видѣла барона. Сухо и строго было задумчивое, печальное лицо и неказанно красиво. Казалась невѣроятной ея красота.

Она была его... Его жена. Она принадлежала ему. Онъ имѣлъ всѣ права на нее. По закону!

Мелькнула мысль поѣхать за ней, домой. Но... Представиль себѣ столъ, накрытый для чая въ столовой. Марьяна подъ лампой. Передъ нею газета — непременно иностранная — французская, англійская, нѣмецкая, японская, или книга и тоже иностранная. Баронъ знаетъ, — нарочно для него, чтобы показать свое надъ нимъ превосходство. Шуршитъ газета. Или маленькій ножикъ разрѣзаетъ страницы книги. Онъ войдетъ. Марьяна подниметъ на него свои необыкновенные глаза и скажетъ холодно:

— А!.. Это вы? Хотите чаю? Катя Налейте барону чая.

Углубится въ чтеніе. Глаза опущены, лицо сурово, точно нѣтъ никого въ комнатѣ.

Потомъ встанетъ.

— Покойной ночи.

Поли идетъ за нею, подлѣ ея шуршащей юбки.

— Полли! — крикнетъ баронъ.

Собака оглянется, посмотритъ умными, добрыми, все понимающими глазами на барона и точно скажетъ: «Нельзя... тебѣ нель-

зя туда. И мнѣ нельзя къ тебѣ», — круче подожметъ размытый и расчесанный хвостъ и, опустивъ морду, скроется за высокою дверью.

Баронъ знаетъ, если онъ встанетъ — Марьяна скажетъ горничной:

— Катя, пойдите ко мнѣ, помогите мнѣ раздѣться...

Устроить скандалъ?

Баронъ зябко поежился...

«Была она «его», или нѣтъ?.. Да, можетъ быть, лучше было бы, если бы Верхотурова не обманула ихъ и это ему, барону, пришлось бы умереть. Какъ я не додумалъ, что Верхотурова можетъ насъ надуть!»

— Дуракъ... Дуракъ... Дураки мы всѣ трое. Дурака сваяли, — вслухъ пробормоталъ фонъ Деренгофъ.

— Чего изволите, ваше сіятельство? — обернувшись къ сѣдоку спросилъ извозчикъ.

— Ничего.

Они съѣзжали съ Троицкаго моста.

— Куда дальше ѣхать прикажете-съ?

Баронъ отвѣтилъ не сразу. Въ его головѣ снова промелькнула только что представленная имъ себѣ сцена домашняго очага, семейнаго счастья съ «царицей» и вспомнилъ: «Любовь и счастье красятъ и молодятъ человѣка. Ненависть, злоба и зависть старятъ. Нѣтъ уже — чортъ съ нею совсѣмъ!»

Фонъ Деренгофъ рѣшительно и твердо приказалъ извознику:

- На Итальянскую, подлѣ Литейнаго...

XVI.

Подполковникъ Верхотуровъ вышелъ изъ Штаба барона Деренгофъ въ сильно подавленномъ, угнетенномъ состояніи. Въ поникшихъ плечахъ и въ усталыхъ сѣрыхъ глазахъ застыла затаенная многолѣтняя скорбь. Эти глаза много видѣли на своемъ вѣку горькаго и бѣднаго. Вся жизнь прошла, какъ говорится «ни въ чести, ни въ радости». Только и было свѣтлаго, когда пріѣхалъ

сынъ Иванъ и они зажили вмѣстѣ и была между ними рѣдкая дружба и большая, неохладѣвающая любовь. Эта любовь согрѣвала сердце и скрашивала однообразные сѣрые будни.

Были у него и еще два дорогихъ чувства: любовь къ природѣ и любовь къ родному полку. Не разъ, наблюдая восходъ или заходъ солнца, онъ восклицалъ въ сильномъ возбужденіи: «Слава Тебѣ показавшему намъ Свѣтъ!» «Слава Тебѣ — вся премудростью сотворившему!»... На службѣ — это былъ исправный, заботливый начальникъ, истинный «слуга Царю — отецъ солдатамъ». Въ армейскомъ быту — добрый, чудаковатый товарищъ.

Маленькое человѣческое счастье Верхотурова быстро пронеслось и трагически оборвалось. Когда былъ убитъ сынъ Иванъ, сердце отца пронизала такая безутѣшная скорбь, что онъ часто рыдалъ безсонными ночами. Радость отлетѣла навсегда и осталась у него въ груди не заживающая рана. Война, неудачно и безславно прошедшая, сдѣлала его инвалидомъ. Среди огромнаго міра, среди миллионѣвъ людей, онъ чувствовалъ себя одинокимъ, какъ въ пустынѣ. Это было тяжело для сознанія. Онъ хотѣлъ смягчить и уменьшить тоску, разсѣять мысли о своей физической неполноцѣнности.

Возбуждая просьбу о дарованіи права носить мундиръ, номеръ и вензеля полка, Верхотуровъ хотѣлъ сохранить видимую связь съ полкомъ. Онъ думалъ, что тогда и въ отставкѣ онъ будетъ членомъ большой полковой семьи, будетъ не одинъ, что онъ кровью своею заслужилъ честь носить мундиръ родного полка. Это горячее, страстное желаніе потерпѣло неудачу. Съ безнадежнымъ чувствомъ онъ вышелъ на улицу. На сердце легла тяжесть, какъ могильный камень.

Изъ Главнаго Штаба Верхотуровъ прошелъ въ Александровскій садъ; онъ былъ тутъ же рядомъ. Сѣлъ на уединенную скамейку и мучительныя мысли овладѣли имъ. Что дѣлать? Гдѣ искать милость и правду? Какъ согрѣть свое уставшее, страдающее сердце?.. Онъ не замѣтилъ какъ подошелъ и сѣлъ на скамейку рядомъ съ нимъ старый генераль, тотъ самый, котораго онъ видѣлъ на пріемѣ у барона фонъ Деренгофа.

— Подполковникъ Верхотуровъ, вы меня не узнаете? — спросилъ генераль, послѣ минутнаго молчанія. Онъ видѣлъ, въ какомъ состояніи находится Верхотуровъ.

Верхотуровъ встрепенулся; онъ точно очнулся послѣ забытья, или послѣ глубокаго сна. Хотѣлъ встать.

— Сидите, — сказала генераль Маркинъ. — Когда-то я преподавалъ вамъ математику въ корпусѣ. Давно это было и много воды утекло въ Невѣ. Я радъ, что случайно встрѣтилъ васъ. Я слышалъ вашъ разговоръ съ барономъ фонъ Деренгофомъ. Вашу просьбу я считаю законной и основательной. Тѣмъ болѣе, что никому отъ этого не будетъ худа. У генерала Деренгофа другое мнѣніе. Отъ него вы ничего не добьетесь. Онъ опирается на законъ, который, въ вашемъ случаѣ, очень легко могъ бы быть и на вашей сторонѣ. Но Деренгофъ человѣкъ твердокаменный, сухой формалистъ, съ узенькимъ взглядомъ и съ камешкомъ вмѣсто сердца. Я вамъ совѣтую подать просьбу на Высочайшее Имя. Государь, мягокъ, добръ и справедливъ.

— Ваше Превосходительство. Я объ этомъ думалъ, но я вотъ чего боюсь: тамъ могутъ оказаться другіе бароны и не дойдетъ моя просьба до Всемилостивѣйшаго Царя.

— А у васъ нѣтъ никого, кто могъ бы оказать вамъ содѣйствіе и посредничество?..

— Нѣту, Ваше Превосходительство. Я тутъ совсѣмъ одинокъ. Есть товарищъ по корпусу Вадимъ Ламбинъ, но это было такъ давно, почитай четверть вѣка, какъ мы не видались. Помнить ли онъ меня? Наконецъ, что онъ можетъ сдѣлать? Тутъ нужна большая сила.

Генераль немного подумалъ и радостно сказалъ:

— Ламбинъ женится на племянницѣ генерала Бетрищева, бывшаго командира его полка. У Бетрищева большія связи, да и самъ онъ хорошо извѣстенъ при Дворѣ. Невѣста Ламбина недавно пѣла для Государыни-матери и была ею обласкана. Они вамъ помогутъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь... А меня старика не забывайте. Вотъ мой адресъ и я буду всегда радъ васъ видѣть у себя. Мое имя — Павелъ Семеновичъ а ваше?

— Иванъ Михайловичъ.

— Ну досвиданья, Иванъ Михайловичъ. Надѣюсь, очень скоро вы зайдете ко мнѣ и все будетъ по иному. Помните, — «За Богомъ молитва, а за Царемъ служба — не пропадаютъ»...

Въ жизни человѣческой, какъ и въ природѣ бываетъ иногда такъ, что разорвется вдругъ свинцовая пелена тучъ, заголубѣютъ островки неба и сверкнетъ солнце.

Ротмистръ Ламбинъ переживалъ большую, полонившую его, любовь къ Вѣрѣ Бетрищевой. Теперь это было то самое настоящее, о чемъ онъ думалъ иногда, когда жизнь его сплеталась въ одну нить съ жизнью нѣжной, хрупкой и прелестной Наташи Травиной. Теперь впереди предстоялъ бракъ и открытая жизнь по закону. Не будетъ больше двойственного, двусмысленнаго и слегка зазорнаго положенія, которое было раньше, о чемъ намекнула ему умирающая мать. «Невидимые» духи владѣли имъ и несли его на крыльяхъ любви.

На письмо Верхотурова Вадимъ Петровичъ отвѣтилъ немедленно. Онъ радъ былъ увидѣть товарища своихъ школьныхъ лѣтъ. Было интересно узнать, каковъ сталъ теперь его милый «верблюдъ», несуразный, скромный и честный «Иванъ Верхотурій», какъ называлъ его Мальмсенъ и надъ которымъ иногда онъ добродушно подсмѣивался.

Встрѣтившись, они обнялись и долго смотрѣли другъ на друга, какъ бы провѣряя, что сдѣлало съ ними время рукой безпощадной, что осталось во внѣшности отъ тѣхъ незакатно-свѣтлыхъ дней, когда звенѣла, пѣла и сіяла весна жизни и что осталось для будущаго плаванія по волнамъ житейскаго моря.

«Какъ сердцу высказать себя,
Другому, какъ понять тебя?»...

Ламбинъ почувствовалъ острую жалость къ этому сѣдому, печальному старику, безногому и безрукому калѣкъ, съ усталымъ взглядомъ, съ тоской въ глазахъ, въ бѣдномъ поношенномъ мундирѣ.

— Дорогой, Иванъ Михайловичъ, скажу откровенно, по товарищески, мнѣ тебя очень жалко. Вижу, что жизнь основательно потрепала твои годы. Значить, не сладко она прошла для моего милаго друга въ эту четверть вѣка...

На глазахъ у Верхотурова показались слезы. Онъ медленно текли ручейкомъ по желтовато-сѣрымъ щекамъ, теряясь въ щетинѣ сѣдой бороды. Онъ былъ сильно взволнованъ. О, эти мужскія слезы!.. Онѣ скупы, рѣдко появляются, но какъ много и

жутко говорить о буряхъ житейскихъ, о неутѣшномъ горѣ, потрясавшемъ сердце человѣка, о надломѣ жизни.

— Рассказывай, Иванъ Михайловичъ, какъ ты жилъ на далекой азіатской окраинѣ, какъ служилъ, воевалъ, какъ былъ раненъ и какъ живетъ твоя семья теперь? Потому я расскажу тебѣ о моей жизни.

Нѣсколько часовъ, почти незамѣтныхъ, продолжалась ихъ интимная, хорошая бесѣда. Для Верхотурова, — это былъ теплый, спокойный дождь, падавшій на его изстрадавшееся, одинокое сердце. Онъ оживленно рассказывалъ, вспоминая свой полкъ, ставшій ему роднымъ и близкимъ; говорилъ о красотѣ Сибири, объ охотѣ, о походахъ и сраженіяхъ. Когда рассказалъ о геройской смерти сына, на его глазахъ снова блеснули слезы.

— Для меня эта смерть явилась такимъ ударомъ, отъ котораго мнѣ уже не оправиться. Только вѣра въ непостижимый Промыселъ Божій, только служба Царю и Родинѣ, — не позволили мнѣ наложить на себя руки. Но я искалъ честной смерти въ бою. Сколько разъ вокругъ меня падали убитыми мои подчиненные, а меня хранила какая-то таинственная сила. Значитъ такъ нужно было. И вотъ, въ это «нужно» я повѣрилъ самъ... Ты спрашивалъ о моей семьѣ? — Нѣту у меня Вадимъ, семьи... Отрекся я отъ нея. Я одинъ на свѣтѣ, какъ перстъ. Мы всегда были разные съ женой. Моя женитьба была наивной, смѣшной игрой въ благородство. Не хотѣлъ огорчать родителей. Да и самъ подумалъ, что все-таки я виноватъ передъ нею, забравшись въ ея комнату, хотя она сдѣлала все, чтобы я въ этой комнатѣ оказался... Но не въ этомъ даже дѣло. А въ томъ, что она съ презрѣніемъ относилась къ моей военной службѣ. Она высмѣивала мою вѣрнопопданность Государю; высмѣивала, третировала и оскорбляла похода мое святое святыхъ. Когда я вернулся послѣ войны въ Петербургъ, она съ ядовитымъ сарказмомъ, съ уничижительной насмѣшкой бросила мнѣ в качествѣ привѣтствія: «Ну, что же, навоевался герой? Побѣдилъ подъ ножи Его Величества, русскаго Царя, всѣхъ враговъ и супостатовъ, всѣхъ макаковъ и разныхъ другихъ каковъ?»... Это моя встрѣча была съ ней послѣдней...

Такъ тянулась ихъ бесѣда, похожая на исповѣдь. Ламбинъ въ свою очередь рассказалъ о своей жизни, о любви къ Наташѣ, о смерти матери, о горькомъ чувствѣ, которое у него лежитъ на совѣсти за невнимательность къ матери, о самопожертвованіи На-

таши и о ея смерти и о теперешней большой любви къ Вѣрѣ Бетрищевой...

— Ты крѣпче меня, Иванъ Михайловичъ; такъ отдать свою молодость для службы въ дикомъ краю, на другомъ концѣ свѣта, гдѣ дичь, глушь и первобытное существованіе, я бы никогда не смогъ. Что я могу сказать? Такіе люди, какъ ты, — это подвижники. Это подлинныя творцы русской исторіи, на чьихъ костяхъ создавалась Россія...

Верхотуровъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Генераль баронъ Деренгофъ, вѣроятно, держится иного мнѣнія. Меня, искалѣченнаго человѣка, онъ заставилъ ждать въ приемной нѣсколько часовъ. Такіе Деренгофы, чортъ ихъ дери, гибель для Россіи. У нихъ нѣтъ пульса живой жизни; это казенная, холодная машина, это бездушный человѣкъ...

Прощаясь, Ламбинъ завѣрилъ друга, что просьба его будетъ исполнена, что генераль Бетрищевъ непременно переговоритъ съ тѣми, отъ кого зависитъ сдѣлать непосредственный докладъ Государю и что несомнѣнно желаніе Ивана Михайловича будетъ удовлетворено.

— Когда это случится, давай вмѣстѣ посѣтимъ нашего старичка, Павла Семеновича Маркина, и окажемъ старику вниманіе и честь, какъ это поэтически сказалъ Жуковскій:

«Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ»...

А старикъ хорошій и много намъ сдѣлалъ добра.

XVIII.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ разговора съ Ламбининымъ, Верхотуровъ подалъ прошеніе на Высочайшее Имя. Старательно, калиграфическимъ почеркомъ, онъ изложилъ сущность дѣла, справедливо полагая, что просьба его можетъ быть представлена на благоусмотрѣніе Его Величества. Такъ это и было.

Въ одинъ изъ утреннихъ докладовъ, начальникъ канцеляріи

Министерства Императорскаго Двора А. Мосоловъ представилъ Министру графу Владимиру Борисовичу Фредериксу просьбу подполковника Верхотурова.

— Мнѣ это дѣло извѣстно, сказалъ графъ. Мнѣ о немъ говорилъ генераль Бетрищевъ. Просьба заслуживаетъ вниманія и странно, что баронъ фонъ Деренгофъ ее отклонилъ. Офицеръ отдалъ для Родины все, что имѣлъ. Чего же надо больше. Онъ проситъ о Монаршей милости и онъ имѣетъ на это право. Всю жизнь онъ прослужилъ въ своемъ полку. Онъ блестяще командовалъ имъ во время войны, хотя и былъ только временно командующимъ полкомъ. Тутъ, по существу говоря, не будетъ и нарушенія закона. Приготовьте соотвѣтствующій докладъ Его Императорскому Величеству. Я лично вручу подполковнику Верхотурову указъ о Высочайшей милости.

*

**

У старика Маркина были въ гостяхъ Верхотуровъ и Ламбинъ. Павелъ Семеновичъ былъ растроганъ; въ глазахъ его свѣтилась тихая радость, удовольствіе, какъ будто кто-то вспрыснулъ свѣжей ключевой водой его старые годы, и они зазеленѣли. У него было мудрое чувство жизни и неизмѣнное благорасположеніе къ своимъ бывшимъ питомцамъ. Сколько ихъ прошло передъ нимъ и какъ старательно онъ слѣдилъ за ихъ послѣдующей взрослой жизнью. Когда кто-либо отличался изъ его бывшихъ учениковъ, онъ говорилъ съ гордостью: «Это мой; я ему преподавалъ премудрость точной науки; оправдалъ мои надежды и я очень, очень радъ»... А ученики разлетѣлись по бѣлому свѣту и не часто вспоминали «наставниковъ, хранившихъ юность нашу». На какихъ только путяхъ не шли они въ потокахъ человѣческой жизни.

Иванъ Михайловичъ Верхотуровъ былъ въ новомъ полковомъ мундирѣ съ номеромъ и вензелемъ. Этотъ «чудакъ» плакалъ какъ ребенокъ, радостными слезами, когда Фредериксъ вручилъ ему Царскій указъ. Онъ буквально захлебывался отъ переполнившихъ его чувствъ.

— Скажите, доложите Его Величеству, что я готовъ жизнь мою отдать за моего Царя, за Родину, за нашу Великую Россію...

«Чудакъ» гордился своимъ полкомъ, недавно родившимся, еще не имѣвшимъ исторіи, еще не прославившимся среди другихъ славныхъ полковъ Россійской Императорской Арміи. Но для Верхотурова, онъ былъ «его полкъ», его жизнь.

Ламбинъ сиялъ. Кажется никогда онъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ этотъ день. Его сердце наполняла незакатная любовь.

Прощаясь со своими бывшими питомцами, старикъ Маркинъ сказалъ:

— Жизнь, какъ море. Мы въ ней — щепки, несомыя волнами. Чего намъ желать. Чтобы море было покойнымъ. Сейчасъ это необходимо въ особенности, когда слышатся у насъ подземные громы. Да будетъ благословенными наши пути. Желаю вамъ, мои друзья, счастья и благополучія. Меня не забывайте. Досвиданія.

Надъ Петербургомъ стояла ночь. Въ темномъ синемъ небѣ горѣла ярко большая бѣлая звѣзда.

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ПАРИЖЪ
15 МАЯ 1962 Г. ВЪ ТИПОГРАФИИ
СЕРГЪЯ БЕРЕЗНЯКА
— IMPRIMERIE BERESNIAK —
18, RUE DU Fg DU TEMPLE
————— PARIS —————